This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at http://books.google.com/

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.
- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице http://books.google.com/

P Slav 176.25 1872/8

The gift of
EUGENE SCHUYLER U. S. CONSULAT
BIRMINGHAM, ENG.
HARVARD COLLEGE LIBRARY

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ — ПОЛИТИКИ — ЛИТЕРАТУРЫ.

СЕДЬМОЙ ГОДЪ. — КНИГА 8-я.

АВГУСТЪ, 1872.

1872
8
96-4

ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Ф. Сущинскаго, Екатерининскій каналъ, 1[illegible].

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ·ПОЛИТИКИ·ЛИТЕРАТУРЫ.

СЕДЬМОЙ ГОДЪ. — КНИГА 8-я.

АВГУСТЪ, 1872.

ПЕТЕРБУРГЪ.

1872/8
96-4

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВА.

КНИГА 8-я. — АВГУСТЪ, 1872.

I. — РЕКРУТСКІЙ НАБОРЪ. — Очерки.—Окончаніе. — **А. Б.** . . . .

II. — ВОЗСОЕДИНЕНІЕ УНІИ. — V-VI.—**М. Я. Морошкина** . . . .

III. — ВТОРАЯ ИМПЕРІЯ ВЪ РОМАНѢ ЭМИЛЯ ЗОЛЯ. — La curée. Т. II. — Статья вторая.—**В. Ч.** . . . .

IV. — ПЕТЕРБУРГСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМІЯ до графа Протасова. — Воспоминанія.—III.—**Р. С.** . . . .

V. — РУССКІЙ ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ ВЪ ДВАДЦАТЫХЪ ГОДАХЪ.—Письма Александра Ивановича Тургенева къ Николаю Ивановичу Тургеневу. — **А. Н. Пыпина** . . . .

VI. — ПОЛЬСКІЯ ФАНТАЗІИ НА СЛАВЯНОФИЛЬСКУЮ ТЕМУ.—Польша и Россія въ 1872 году, соч. быв. чл. Госуд. Сов. цар. польскаго.—**В. Д. Спасовича** . .

VII. — МЕЖДУНАРОДНЫЙ СТАТИСТИЧЕСКІЙ КОНГРЕССЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.— Восьмая сессія.—I.—W. . . . .

VIII. — ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Новый законъ о печати и его мотивы.—Проектъ акціонернаго устава.—Гарантія правъ и регламентація.—Ограниченіе учрежденія и дѣйствій частныхъ банковъ. — Ревизія судебнаго дѣлопроизводства — Измѣненіе въ уставѣ уголовнаго судопроизводства.—Смѣты и раскладки государственныхъ земскихъ повинностей на предстоящее трехлѣтіе . . . . . .

IX. — ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Грантъ или Грили?. . . . .

X. — КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА. — Германія послѣ заключенія мира.—**К.** . . . .

XI. — РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА. — Ораторское искусство въ Россіи.— Рѣчи, произнесенныя М. П. Погодинымъ въ торжественныхъ и прочихъ собраніяхъ, 1830—1872 . . . .

XII. — НОВЫЯ КНИГИ.—Статистическія изслѣдованія санитарнаго состоянія С.-Петербурга. 1870 годъ. Ю. Гюбнера. — Италія, Виктора Гена.—Ленъ и Псковская губернія, И. И. Васнлева. — Ежегодникъ министерства финансовъ, вып. III.— Театральное искусство, П. Д. Боборыкина.—Сочиненія и переписка Рылѣева.

XIII. — ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.—Образованіе женщинъ, его направленіе и цѣли. — Mädchenerziehung und Frauenleben, von Kreyenberg. — Essais and Lectures on social and political subjects, by Henry Fawcett and Garret Fawcett. . . . .

XIV. — НОВЫЯ КНИГИ. — Hinterlassene Schriften von G. G. Gervinus. — Du suffrage universel et de la manière de voter, par H. Taine.—Die Industrie Russlands in ihrer bisherigen Entwickelung und in ihrem gegenwärtigen Zustande mit besonderer Berücksichtigung der algemeinen russischen Manufaktur-Ausstellung im Jahre 1870.

XV. — НЕКРОЛОГЪ. — Александръ Ѳедоровичъ Гильфердингъ.—**А. П.** .

XVI. — ПО ПОВОДУ ВОСПОМИНАНІЙ Н. В. БУССЕ объ островѣ Сахалинѣ и экспедиціи 1853 года. — При письмѣ къ редактору отъ Г. И. Невельского. — **Н. В. Рудановскаго** . . . .

XVII. — ИЗВѢСТІЯ. — Приглашеніе Пустынскаго Успенскаго церковнаго братства Могилевской Епархіи . . . .

XVIII. — БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ и ПРИЛОЖЕНІЯ см. ниже: I-II стр.

1879, Oct. 6.
Gift of
Eugene Schuyler,
U. S. Consul at
Birmingham, Eng.

P Slav 176.25

РЕКРУТСКІЙ НАБОРЪ

Очерки изъ современнаго крестьянскаго быта *).

(Окончаніе).

Воротившись домой, Силычъ засталъ священника. Больная только-что пріобщилась. Катерина хныкала.

— Какъ батюшка, по вашему, помретъ дѣвка? робко спросилъ Силычъ.

— Все это, другъ, въ волѣ Божіей; а мой совѣтъ: надо бы полечить.

— Баушка Лукерья была; сказываетъ, отъ порчи сдѣлалось, сквозь слезы выговорила старуха.

Священникъ нахмурилъ брови.

— Да развѣ кромѣ Лукерьи и лекарей нѣтъ, сказалъ онъ, взглядывая на Силыча.

— Бабье дѣло, уклончиво отвѣчалъ тотъ и, какъ бы въ поясненіе своей мысли, прибавилъ:—не нами свѣтъ начался, не нами видно и кончится.

Священникъ видимо огорчился.

— Стыдно, Силычъ; стыдно и грѣхъ, заговорилъ онъ, качая головою. Разумомъ, кажется, Господь тебя не обидѣлъ, а говоришь ты такія рѣчи.

Силычъ потянулъ за поясъ: онъ чувствовалъ себя присты-[illegible]нымъ и сердился на священника за то, что тотъ поставилъ е[illegible] въ неловкое положеніе передъ бабами.

— Ворожила небось? насмѣшливо спросилъ священникъ.

*) См. выше: іюль, 5 стр.

9-4

Никто слова не вымолвилъ; только Катерина громко вздохнула.

— Эхъ, православные, православные; не боитесь вы грѣха, не любите Бога, какъ слѣдуетъ христіанамъ.

— Ну, что-жъ намъ, по вашему, дѣлать? дерзко спросилъ Силычъ.

Священникъ строго взглянулъ на него.

— Что дѣлать? Запречь пару лошадей и послать въ городъ за докторомъ.

Силычъ пугливо вскинулъ глазами, и взоръ его остановился на широкой, неуклюжей печи. Сколько божьяго народушка, по всему русскому царству, перебывало на экой же матушкѣ, невольно подумалось мужику. Иного еле втащатъ; совсѣмъ, кажись, кончается, а прикутаютъ потеплѣе, да пропотѣетъ хорошенько—и всю хворость, какъ рукой, сниметъ...

— Намъ, видно, по-господски не приходится; не то наше сложенье, вымолвилъ онъ съ такой упорной рѣшимостью остаться при своемъ мнѣніи, что священникъ покачалъ только головою и молча вышелъ.

Нѣсколько дней Прасковья была точно трудна; однако при помощи натопленной печи да непочатого еще здоровья, отлежалась и попросила наконецъ ѣсть.

— Чего-жъ тебѣ, моя голубка, желается, спрашивала обрадованная Катерина и тащила все, чтó только попадалось на глаза или подъ руку.

— Пуще всего ѣшь, какъ не можно больше; скорѣй силами наберешься, совѣтовали добрые люди Паранькѣ; а о Лукерьѣ толковали теперь въ одинъ голосъ, что этакой бабки въ губерніи поискать, и немало смѣялись надъ выдумкой священника, послать въ городъ за лекаремъ.

О приключеніи на дорогѣ Прасковья разсказала матери по секрету, но старуха не выдержала и тотчасъ же разболтала все Силычу. Тотъ взбѣленился ужасно.—Когда такъ, я самъ упеку его въ солдаты, кричалъ онъ, дергая поясъ обѣими руками; до посредника дойду... самого губернатора просить буду... никакихъ денегъ не пожалѣю, а ужъ покажу себя... И энту бабищу старую въ Сибирь устрою: не смѣй сына покрывать, божетой ложной божиться!... Но Матренѣ съ Ваняткой и безъ того приходило тошнехонько, староста повѣстилъ выходить завтра на волостную сходку.

— Чѣмъ-то насъ порѣшатъ, думала съ замирающимъ сердцемъ Матрена, и всю ночь не смыкала глазъ.

— Вотъ и мясоѣда дождались, а хуже поста, шепталъ Ва-

нятка, перевертываясь въ одиночку на палатяхъ. Небось, тоже безъ меня скучаетъ, утѣшалъ онъ себя, думая о Паранькѣ... А ну, какъ сходъ не отмѣнитъ? мелькнуло вслѣдъ затѣмъ въ мысляхъ парня. Служить пойдемъ, отвѣтилъ онъ самъ себѣ и, закутавшись зипуномъ съ головою, заснулъ безмятежно.

И не одна Матрена провела эту ночь безъ сна. Десятки семей съ тоской и надеждой ждали разсвѣта, и дождались наконецъ...

Обломанная мѣдная стрѣлка на часахъ спасскаго волостного правленія медленно подвигалась къ десяти. Платонъ Петровичъ уже не разъ выходилъ на крыльцо послушать не звенитъ ли знакомый колокольчикъ и, постоявъ нѣсколько минутъ, съ неудовольствіемъ возвращался въ комнату, замѣчая, что мужиковъ и бабъ съ каждымъ разомъ все прибываетъ.

— Вы, господа, на счетъ некрутчины только жальтесь, а до прочихъ дѣловъ нонѣ касательства не будетъ, объяснялъ онъ толпившимся просителямъ.

— Гдѣ тутъ другія дѣла разбирать... Дай Богъ съ некрутскими къ ночи отдѣлаться: ишь народушка-то сила какая,.. а на дворѣ тоже, почесть, ужъ обѣды, слышалось съ разныхъ сторонъ.

Захаръ Андреичъ въ свою очередь суетился около шкафа съ дѣлами. Наскоро подшивалъ онъ растрепавшіяся ревизскія сказки, укладывалъ порядкомъ рекрутскія жалобы и составлялъ списокъ выборныхъ волостного схода. Вдругъ по сѣнямъ чаще задвигались ноги; десятки человѣкъ сморкнулись и кашлянули; Платонъ Петровичъ опрометью бросился къ двери и едва уже продрался сквозь сдвинувшуюся толпу: на полугорѣ, по выгону ѣхалъ Аверкій Семенычъ. Безъ шапокъ, съ молчаливымъ поклономъ встрѣтили мужички начальство.

— Ступай къ Кузьмѣ Иванычу и отпрягай лошадей, а я какъ-нибудь доѣду отсюда, приказалъ посредникъ своему кучеру.

Захаръ Андреичъ вынулъ изъ саней портфель, и вся ватага тронулась въ комнату волостного правленія.

— Ну, други мои милые, началъ Аверкій Семенычъ, усаживаясь за столъ, вотъ и еще Богъ привелъ рекрутчину справить.

Большинство присутствующихъ тяжело вздохнули.

— Нынче служба легкая, сроки короткіе; малость только

парня обломаютъ, да и опять къ бабамъ на печь, шутилъ Аверкій Семенычъ.

Нѣкоторые разсмѣялись.

— По вашимъ рѣчамъ будто и такъ выходитъ, да мы-то евтого въ толкъ никакъ не возьмемъ, замѣтилъ одинъ изъ выборныхъ.

Аверкій Семенычъ пристально поглядѣлъ на него.

— Что-жъ тутъ такого мудренаго? спросилъ онъ.

— А то, вашеское благородіе, что солдатъ не мужикъ. Онъ хоть и точно придетъ изъ службы, да проку-то отъ него мало. Допрежъ всего наровитъ въ отдѣлку; я, говоритъ, слухать тебя не стану, и пойдетъ, значитъ, все имѣнье въ раззоръ.

— Сами-то вы зачѣмъ же всѣ передѣлились? спросилъ Аверкій Семенычъ.

Выборный явно затруднился отвѣтомъ.

— У васъ всегда люди виноваты, заключилъ посредникъ, и началъ перекликать по списку выборныхъ.

Въ комнатѣ нашлось десятка полтора лишнихъ.

— Это что-жъ за народъ? спросилъ посредникъ, собирая всѣхъ незаписанныхъ въ одинъ уголъ.

— Такъ-съ, разные... не договорилъ чего-то Захаръ Андреичъ.

— Галдельщики, значитъ, опивалы, вдругъ крикнулъ Аверкій Семенычъ. На дворъ ихъ всѣхъ! приказалъ онъ.

Галдельщики и опивалы гурьбой тронулись въ сѣни, а посредникъ дождался послѣдняго и собственноручно захлопнулъ дверь.

— Ну, ребята, уговоръ лучше денегъ, обратился онъ къ выборнымъ, по-пусту не галдѣть; вы собраны сюда для того, чтобы порядкомъ разсудить рекрутскія жалобы. И вы, и я, и всѣ на свѣтѣ знаютъ, что повинность эта тяжелая; стало быть, тѣмъ строже и тѣмъ справедливѣе должны вы разбирать, какъ семейное положеніе назначенныхъ сельскими сходами, такъ и тѣхъ, на кого вамъ будутъ указывать. Законъ далъ вамъ право, пользуйтесь же и вы этимъ правомъ по закону. Я сижу здѣсь для того, чтобы у васъ былъ порядокъ, чтобы толковать вамъ законъ, потому что вы люди темные, а тамъ рѣшайте, какъ знаете—это ваша забота!

Мужики тоскливо переглянулись; въ заднихъ рядахъ кто-то сильно засопѣлъ.

Аверкій Семенычъ взялъ первое прошеніе и молча прочиталъ его.

— Алексѣй Тимаковъ, вызвалъ онъ.

Изъ числа просителей отдѣлился мужикъ и подошелъ къ столу.

— Ты жалуешься, что сельское общество неправильно назначило твое семейство на очередь потому, что твои братья отъ годовъ отошли, а сыновья ваши—единственные при отцахъ работники; стало быть, по-твоему, въ семействѣ нѣтъ такихъ лицъ, которыми можно бы было отправить повинность—такъ?

— Точно, батюшка! Сходъ, значитъ, напираетъ на меня, потому ты, говорятъ, въ силѣ фитанецъ купить, объяснилъ Тимаковъ.

Посредникъ развернулъ ревизскую сказку и отыскалъ семейство Тимакова.

— Вы не въ раздѣлѣ? спросилъ онъ.

— Всѣ вообче, подсказалъ староста.

— Семьища-то огромная, а взять дѣйствительно некого.

— Много-жъ ихъ? спросилъ кто-то изъ выборныхъ.

— Пять братовъ; у троихъ по два сына; да земли покупной десятинъ, можетъ, шестьдесятъ есть, объяснилъ опять староста.

— Ну, такимъ не грѣхъ и фитанецъ поставить, заговорили мужики.

— Не грѣхъ-то, не грѣхъ, да закона нѣтъ, вздыхая сказалъ Аверкій Семенычъ.

— Какъ же такъ? удивленно спросили мужики.

— А вотъ какъ: младшему изъ братьевъ теперь, по ревизіи, 38-й годъ—стало эти отъ годовъ ушли.

— Это, какъ есть, ушли!

— У Василья—меньшому сыну—17 лѣтъ; у Прохора парнишка 15-ти лѣтъ; а у Никиты и старшему сыну только двадцатый годъ; значитъ, у тѣхъ братьевъ старшіе сыновья — единственные работники; а эти и оба работники, да годами молоды.

— Поди-жъ ты задача какая: десять, не то одиннадцать работниковъ, а взять некого! въ недоумѣніи разсуждали мужики.

— Ну, деньгами его обложить, предложилъ кто-то изъ заднихъ рядовъ.

Аверкій Семенычъ спросилъ нарядъ циркуляровъ и, отыскавъ указъ сената, которымъ разъясняется 199-я статья Общаго Положенія о крестьянахъ, громко прочиталъ сходу.

— Понимаете теперь, отчего нельзя облагать Тимакова деньгами? спросилъ онъ.

Мужики заволновались, совершенно не постигая, по какому это порядку десяти-рабочее семейство остается свободнымъ, а двойника надобно ставить въ рекруты.

— Я, ваше высокоблагородіе, объяснялъ имъ еще на сходѣ, докладывалъ между тѣмъ Захаръ Андреичъ, что нельзя, молъ, назначать это семейство, а они, вотъ при старшинѣ, подняли такой гвалтъ, что упаси Господи. Я-было и приговоръ писать не хотѣлъ, да поопасался, чтобы, то-есть, кляузъ какихъ послѣ не вышло.

— Ну, что-жъ, ребята, порѣшили? почти закричалъ Аверкій Семенычъ.

— Какъ опчество назначило, такъ и мы, отвѣтили мужики почти въ одинъ голосъ.

Аверкій Семенычъ насупился.

— Да вѣдь вамъ, кажется, русскимъ языкомъ толковано, что общество распорядилось неправильно; какъ же вы утверждаете явно незаконное назначеніе, горячился уже посредникъ.

— По нашему законъ идти этому семейству, настаивали мужики.

— Кому-жъ тамъ идти? добивался Аверкій Семенычъ.

— Не замай, фитанецъ купитъ, когда ставить некого, подкрикивали сзади.

— Кто-жъ, по вашему, долженъ купить квитанцію, допытывался Аверкій Семенычъ.

— Семейство, отвѣтило нѣсколько голосовъ.

— А зачитать за кого?

— За кого хозяинъ хотитъ, за того и зачитаетъ, пояснилъ кто-то.

— Явите божескую милость, защитите, упрашивалъ Тимаковъ посредника, начиная уже нѣсколько трусить.

Аверкій Семенычъ опять развернулъ ревизскую сказку; просмотрѣлъ семейство того очередного, который слѣдуетъ за Тимаковымъ и медленно сталъ разглаживать себѣ бороду.

— Обида, чистая обида, словно нечаянно вырвалось у него.

— Еще какая обида, подхватилъ-было Тимаковъ, воображая, что посредникъ соболѣзнуетъ его горю; но Аверкій Семенычъ думалъ иначе.

По его мнѣнію мужики разсуждали односторонне, упорно отстаивали свое убѣжденіе; но по крайней мѣрѣ не крючкотворили и откровенно гнули дугой законъ, который самъ не хотѣлъ подладиться.

— Вамъ теперь жаль двойника ставить, снова обратился онъ къ сходу, вы и нажимаете богатаго мужика; а за чѣмъ же вы не защитили этого двойника законнымъ порядкомъ?

Въ комнатѣ вдругъ сдѣлалось тихо. Мужики любопытно глядѣли на посредника: словно онъ сбирался показать фокусъ.

— Когда отъ васъ требовались приговоры, продолжалъ Аверкій Семенычъ, о томъ, какимъ денежнымъ сборомъ желаете вы обложить тѣхъ крестьянъ, которые, по семейному положенію или физическимъ недостаткамъ, не могутъ исполнить рекрутской повинности—вы что написали?

Мужики удивленно переглянулись.

— Когда-жъ это было? спросили нѣкоторые.

— Точная правда, было, удостовѣрилъ старшина. Лѣтошнимъ годомъ въ покосы.... не то въ уборку... сходъ тоже собирали.

Захаръ Андреичъ вытащилъ изъ шкафа какую-то толстую книгу и, отыскавъ приговоръ, о которомъ шли толки — подалъ книгу посреднику.

— Ну вотъ, сказалъ Аверкій Семенычъ, пробѣжавъ глазами страницу, слушайте.... «18.... года, августа 1-го дня, мы, нижеподписавшіеся сельскіе старосты, судьи и выборные, бывъ... хотя требуется назначить какимъ денежнымъ сборомъ могутъ быть обложены тѣ лица, кои по семейному положенію или тѣлеснымъ недостаткамъ... подумавши между собою, съ общаго непринужденнаго согласія приговорили: ни какимъ денежнымъ сборомъ не обкладывать, потому какъ таковые люди и безъ того съ трудомъ уплачиваютъ казенныя подати; а если обложить ихъ еще какими сборами, то тогда они и вовсе станутъ неплатежниками».... Стало быть, кто-жъ теперь будетъ виноватъ, если отдадутъ этого двойника.... какъ его?... Гороховъ.... и семейство разорится въ корень. А разорится оно непремѣнно потому, что единственнымъ работникомъ и домохозяиномъ останется парнишка девятнадцати лѣтъ...

— Онъ еще съ придурью малость, пояснилъ староста.

— А мы чѣмъ же причинны, говорили микулинскіе выборные; сходъ, значитъ, жалѣючи Гороха, придѣляетъ Тимакову купить фитанецъ.

— Мы не что разорить, мы защитить желаемъ, заголосили мужики.

— Чужимъ карманомъ.—Дѣльно; по крайней мѣрѣ не убыточно, сказалъ Аверкій Семенычъ. Нѣтъ, ребята, такъ дѣло не подойдетъ! Вотъ, если бы вы обложили тѣхъ, кого законъ дозволяетъ, да собрали бы съ нихъ денежки, у васъ теперь была бы своя квитанція; а этой квитанціей вы могли бы защитить кого угодно...

— Ну, да и на двойниковъ подати черезъ силу наваливать тоже видно не подойдетъ, рѣзко замѣтилъ кто-то около двери.

Аверкій Семенычъ вспыхнулъ, однако сдержался и предложилъ сходу высказать свое окончательное рѣшенье.

— Какъ опчество, такъ и мы, было отвѣтомъ.

Для дураковъ законъ не писанъ, мелькнуло-было въ головѣ посредника, но онъ скоро одумался и, заглянувъ на слѣдующее прошенье, вызвалъ Ивлея Иванова Демкина. Сквозь толпу продрался оборванный, съ желтымъ, испитымъ лицомъ мужиченка и тотчасъ же упалъ на колѣни; сзади его хныкала, утираясь рукавомъ, баба.

— Встань прежде всего и говори, что тебѣ нужно, сказалъ Аверкій Семенычъ.

— Погорѣли родимый... всего имѣнья рѣшились,... а теперь еще мальчика въ очередь требуютъ, задыхаясь, еле выговорилъ мужикъ.

— Ты нездоровъ? спросилъ посредникъ, пристально оглядывая жалкую фигуру просителя.

— У насъ, почесть, полселенья въ слеглой боли лежитъ, подсказала баба; ёнъ-то малость будто таскаться сталъ, а котораго въ некруты записали, тотъ и вовсе головы не подымаетъ. Посредникъ взялся за ревизскую сказку.

— Ты, дядя, находи законную причину, по которой твой сынъ назначенъ неправильно; а пожаръ да болѣзнь — это въ уваженіе не примется, пояснилъ онъ.

— Отцы вы наши, снова кланялся тотъ; умилитесь хоть сколько да нибудь: ослобоните до меньшенькаго.

— У тебя второй сынъ девятнадцати лѣтъ, перебилъ его Аверкій Семенычъ. Женатъ онъ?

— Нѣтъ еще! То будто младъ былъ, а тутъ случилась экая бѣда и взяться стало нечѣмъ...

— Да въ обществѣ - то найдутся семьи старше васъ? спросилъ Аверкій Семенычъ.

— Вамъ виднеича, отозвалась-было баба, но посредникъ объявилъ ей, что каждый проситель обязанъ самъ указать кого, по его мнѣнію, слѣдовало бы назначить, а перевертывать ревизскую сказку наобумъ сходъ не можетъ.

Пока Захаръ Андреичъ отмѣчалъ называемыхъ Демкинымъ домохозяевъ, посредникъ прочиталъ сходу его прошеніе и разъяснилъ нѣкоторыя статьи рекрутскаго устава.

— Значитъ, по работникамъ надо считать, спросило нѣсколько голосовъ.

— Да; всякій мужчина, записанный въ сказку подъ нумеромъ семейства, есть членъ этой семьи и считается ея работникомъ отъ 18 и до 60-ти лѣтъ.

— Ну, вотъ то-то же; а мы все по нашему, по-мужицкому, разбираемся по братамъ.

— И теперь по братамъ; а то какъ же еще?

— Ты слышь, по работникамъ, а не по братамъ. Онъ тебѣ можетъ и не сродственникъ, да записанъ съ тобой въ семью, вотъ ты и воловодься съ нимъ.

— Ну, какъ же теперь хоть бы у насъ: сватъ Антипъ считается при нашемъ семействѣ, а ёнъ намъ со всѣмъ чужой?

— Ну и работникъ!...

— Мало бы что. Это было дѣло господское; они что хотѣли, то и писали, а я теперь чѣмъ же причиненъ, что сватъ Антипъ при мнѣ записанъ?

Аверкій Семенычъ внимательно слушалъ этотъ разговоръ, хотя и безъ того уже зналъ, что крестьяне, дѣйствительно, въ большинствѣ случаевъ разбираются между собою по братьямъ.

— Вотъ, православные, обратился онъ къ сходу; по ревизской сказкѣ въ семействѣ просителя три наличныхъ работника, а изъ тѣхъ, на кого онъ указываетъ, нашелся одинъ четверикъ — Павелъ Бороненковъ и два тройника...

— А годами-то какъ они? спросило нѣсколько голосовъ.

Посредникъ прочиталъ года тройниковыхъ семей. Оказалось, что по возрасту годныхъ къ службѣ — всѣ семейства были старше назначеннаго, и между выборными поднялся споръ. Одни находили, что слѣдуетъ непремѣнно поставить Бороненкова, какъ четверника, другіе разсуждали, что Антипа нельзя считать работникомъ, потому что онъ приписной и завтра же можетъ отдѣлиться, а безъ него сыновья Павла моложе годами другихъ; тѣмъ болѣе, что у Захара Кривого есть еще подростокъ семнадцати лѣтъ, и слѣдовательно справедливѣе поставить Захаровыхъ сыновей.

Аверкій Семенычъ далъ время высказаться обѣимъ сторонамъ и снова прочиталъ подходящія къ случаю статьи рекрутскаго устава.

— А гдѣ-жъ этакой законъ, что господа кого хотѣли, того и писали въ семью? спросилъ Бороненковъ, выдвигаясь въ передній рядъ.

— Тогда они могли это дѣлать, потому что вы были ихъ крѣпостные; а теперь у васъ есть міръ, которому законъ предоставилъ право дозволять раздѣлы, пояснилъ Аверкій Семенычъ.

— Ну, чѣмъ же я теперь причиненъ, что сватъ Антипъ при мнѣ записанъ... а я изъ-за него сыномъ рѣшиться долженъ... Это, кажись, будто непорядки, разсуждалъ Бороненковъ. Ужъ

когда такое дѣло, пускай же намъ съ Захаромъ жеребій дадутъ, прибавилъ онъ въ раздумьи.

— А коли твое желанье есть—можно и жеребій дать, чтобы никому, значитъ, обиды не было, замѣтилъ кто-то изъ выборныхъ, но Платонъ Петровичъ строго остановилъ его, напомнивъ, что по закону жребій дается только равнымъ.

— Жеребій, жеребій, крикнуло нѣсколько человѣкъ, у Захара тоже четыре работника.

— По ревизнымъ онъ не работникъ, перекрикивала большая половина.

— Мало бы чего, по ревизнымъ; а въ домѣ онъ всякую работу справляетъ.

— Косить на крючекъ умѣетъ? спросилъ Аверкій Семенычъ, зная уже, что эта работа составляетъ вѣнецъ крестьянскаго труда.

— Еще какъ замахиваетъ: стараго уморитъ; одно слово, парень на виду, подтвердили односельцы Захара.

Стали считать голоса; большинство оказалось за назначеніе Бороненкова. Старшина громко объявилъ рѣшеніе схода.

Изнемогая отъ жажды, Ивлій Ивановъ едва держался на ногахъ, и два раза переспросилъ посредника: точно ли его отмѣнили?

— Ступай домой, да полечись, совѣтывалъ Аверкій Семенычъ.

— Растереться бы чѣмъ, можетъ не знаете ли, ваше благородіе, просила баба. Добре въ ногахъ-то у него опухъ стоитъ.

— Ты лучше доктору покажи его, у него должно быть въ печенкѣ неладно.

Баба дико поглядѣла на посредника.

— Енъ нутромъ не жалится, у него только по ногамъ опухъ пошла....

Аверкій Семенычъ закурилъ сигару и приказалъ открыть трубу. Въ комнатѣ становилось невыносимо душно.

— Мои-то дѣла разберите, ваше благородіе, робко проговорила Матрена, воспользовавшись освободившимся у стола мѣстомъ.

— Ты откуда? спросилъ посредникъ.

— Хохловскія, батюшка; вашей милости бумагу подавала, а вы оборотили на сходку.

— А, помню, помню! Ну, въ чемъ же дѣло?

— Незаконно, батюшка, сынка въ очередь записали, потому старшія семьи есть.... опять же онъ одинъ при мнѣ.... кто же насъ при старости соблюдать будетъ.... Отцы вы наши, хныкала Матрена, кланяясь посреднику.

Разсмотрѣли приговоръ сельскаго схода, разобрали ревизскую

сказку и изъ всей путаницы Матрены оказалось справедливымъ только, что семейство старосты Прохора тоже тройниковое и потому рѣшили дать жребій.

— У насъ послуга есть, отстаивалъ себя Прохоръ.

— Пустое болтаешь, возражалъ ему Платонъ Петровичъ; ты, кажется, долженъ знать, что послуги считаются десять лѣтъ, а твой братъ, небось, болѣе десяти лѣтъ ужъ изъ службы воротился.

— А хоть бы и воротился—все же послуга при мнѣ, настаивалъ Прохоръ.

— Тутъ, братъ, видно всѣмъ одно положенье, утѣшалъ его Бороненковъ. Вотъ мнѣ приляпали господа Антипа, а я теперь сына подай....

— Законъ, значитъ, усматриваютъ, глубокомысленно замѣтилъ старшина.

Между тѣмъ приготовили два билетика и, сдѣлавъ на одномъ мѣтку, Аверкій Семенычъ самъ свернулъ ихъ и положилъ въ шапку.

— Берите, сказалъ онъ; кому достанется крестъ, того первая ставка.

Мужики плотно сдвинулись къ переднему ряду и любопытно глядѣли.

— Ну, баба, хрестись да бери; теперь, знать, податься некуда, ободрялъ старшина.

Холодный потъ сразу прошибъ красную отъ жары Матрену. Она тревожно взглянула на икону и безсознательно взялась за билетъ.

— Перехрестись, дурища, крикнули сзади.

Матрена, какъ обожженная, отдернула руку, перекрестилась и, вынувъ жребій, подала посреднику.

— Пустой, сказалъ онъ, показывая сходу билетикъ и тотчасъ же развернулъ другой, на которомъ былъ поставленъ крестъ.

— Мы евтимъ судомъ недовольны, грубо сказалъ Прохоръ.

— А недоволенъ, такъ жалуйся мировому съѣзду, объявилъ посредникъ.

— И мы, стало, могимъ прошенье подать? обрадовавшись спросилъ Бороненковъ.

— Если желаешь! Только вотъ что почтенные, прибавилъ посредникъ, пишите, пожалуйста, ваши прошенья въ волости; здѣсь писарь настрочитъ вамъ за пятиалтынный. Слышишь, строго онъ обратился къ Захару Андреичу, больше пятнадцати копѣекъ не смѣть брать....

— Слушаю-съ, отвѣтилъ тотъ, съ замѣтнымъ неудовольствіемъ

— А то эти, ваши писаки, продолжалъ Аверкій Семенычъ, дерутъ съ васъ послѣднюю рубашку, а дѣла все-таки не дѣлаютъ; только ерунду плетутъ.

Разбирательство продолжалось и уже поданы были свѣчи, когда Аверкій Семенычъ очутился наконецъ въ передней владѣльца села Спасскаго, Кузьмы Ивановича. Сбрасывая тяжелую шубу на руки встрѣтившей его горничной, Аверкій Семенычъ тотчасъ замѣтилъ, что дѣвушка одѣта наряднѣе обыкновеннаго.

— Или у васъ гости? спросилъ онъ.

— Князь какой-то, отвѣтила та почему-то сердито. Чортъ бы ихъ всѣхъ побралъ, подумалъ Аверкій Семенычъ, начинавшій опасаться, что попалъ на парадный обѣдъ; но переступивъ въ залу, онъ съ удовольствіемъ замѣтилъ приготовленный на маленькомъ столикѣ приборъ и закуску.

— Добро жаловать, радушно привѣтствовалъ его показавшійся въ дверяхъ другой комнаты полный, гладко остриженный старичокъ.

Они пріятельски пожали руки.

— Кто тамъ? полушепотомъ спросилъ Аверкій Семенычъ, мотнувъ головой на гостинную.

— Князь Булеевъ, тоже шепотомъ отвѣтилъ Кузьма Иванычъ. Кажется, имѣетъ надобность переговорить съ вами — по дѣлу, прибавилъ онъ. Лицо посредника непріятно передернулось. Онъ бросилъ шапку на фортепьяно и сѣлъ на первый попавшійся стулъ.

— Вы обѣдали? безцеремонно спросилъ онъ хозяина.

— А что?

— Да такъ! Говорятъ сытый голоднаго не разумѣетъ, а я еще въ седьмомъ часу утра пилъ чай....

— Нашелъ о чемъ толковать, шутливо перебилъ Кузьма Иванычъ, и тотчасъ же приказалъ давать кушать.

— А Ольга Степановна дома? вспомнилъ посредникъ, принимаясь уже за супъ.

— Прикурнула, въ сумерькахъ-то, отвѣтилъ Кузьма Иванычъ въ полголоса.

Утоливъ голодъ, Аверкій Семенычъ перемѣстился въ гостинную и уже гораздо благодушнѣе посмотрѣлъ на представленнаго ему новаго помѣщика. Онъ даже едва не улыбнулся, оглядывая фигуру князя, на такихъ жиденькихъ ножкахъ, точно сѣрныя спички. Князь приготовилъ-было какое-то замысловатое привѣтствіе; хотѣлъ выразить и заявить, чуть не отъ лица цѣлой Россіи, уваженіе и сочувствіе къ безкорыстной дѣятельности тѣхъ неутомимыхъ тружениковъ, на плечахъ которыхъ выносятся всѣ

великія реформы послѣдняго времени; но вдругъ отчего-то сконфузился и, молча поклонившись, пересѣлъ только на другое кресло.

— Вѣроятно, князь, вы завернули въ нашу сторону не надолго, началъ Аверкій Семенычъ, закуривая сигару.

— И самъ не знаю! Хотѣлось бы отдѣлаться какъ-нибудь поскорѣй....

— Князь задумываетъ все передѣлать на новый ладъ, съ лукавой улыбкой подсказалъ Кузьма Иванычъ.

— Да! я желалъ бы устроить хозяйство на современныхъ, раціональныхъ началахъ, подтвердилъ князь.

Аверкій Семенычъ молча переложилъ одну ногу на другую и откинулся на спинку кресла.

— Я полагаю прежде всего отдать крестьянъ на выкупъ и рѣшаюсь начать мое знакомство покорнѣйшей просьбой научить меня: какъ и что слѣдуетъ мнѣ дѣлать. Меня ужъ настращали; говорятъ, тутъ тьма формальностей и раньше года нельзя получить деньги.

— Случается даже и дольше, равнодушно отвѣтилъ Аверкій Семенычъ.

— Это ужасно, почти вскрикнулъ князь и пересѣлъ поближе къ посреднику.

— Скажите, какая же причина такой убійственной медленности, продолжалъ онъ. Что это: канцелярская переписка, разныя проволочки; неужели и у васъ завелась эта... эта... Князь никакъ не могъ придумать подходящаго слова.

— Совсѣмъ не отъ того, на что вы намекаете, лѣниво заговорилъ Аверкій Семенычъ, а просто потому, что это дѣло денежное и требуетъ аккуратности.

— Ужасно, ужасно, въ раздумьи повторялъ князь.

—А на счетъ пятой копѣйки вы говорили ужъ съ мужиками? спросилъ Кузьма Иванычъ.

Князь разсѣянно взглянулъ на него и только махнулъ рукою.

— Заладили: «помилосердуйте, ваше сіятельство; вы наши отцы, а мы ваши дѣти», и больше ничего не могъ добиться, сказалъ онъ послѣ минутнаго молчанія....

Аверкій Семенычъ улыбнулся.

— Вездѣ одна пѣсня!...

— Я только теперь постигаю, до какой степени дики наши крестьяне, началъ-было князь; но въ эту минуту горничная доложила, что старшина спрашиваетъ Аверкія Семеныча.

— Пусть сюда войдетъ, распорядился Кузьма Иванычъ.

Поднявшись на носки и придерживая лѣвой рукою свой должностной знакъ, явился Платонъ Петровичъ.

— Что тебѣ? сурово спросилъ Аверкій Семенычъ.

— Тамъ бунтъ, ваше высокоблагородіе, сдѣлали.

Кузьма Иванычъ испуганно взглянулъ на посредника; князь даже вскочилъ съ своего мѣста.

— Хватили должно быть послѣ меня? спросилъ Аверкій Семенычъ.

— Хохловскіе больше, докладывалъ старшина. Вычитали имъ приговоръ, стали отбирать руку, они и подняли штурму; не по закону вишь, будто, жеребій старостѣ дали. Бабѣ этой даже въ кровь рыло разбили; я сюда отправился, а она тамъ голоситъ.

— Самоуправленіе и самосудъ, выговорилъ князь, громко захохотавши.

Старшина удивленно поглядѣлъ на него.

— Какъ же ты распорядился? спросилъ Аверкій Семенычъ.

— Да главнаго зачинщика, Егора, посадилъ въ холодную; а то которыхъ оштраховалъ. Ужъ сдѣлайте милость такую, постращайте малость Егора, добре онъ калёнъ, умоляющимъ голосомъ просилъ старшина.

—До завтра, рѣшилъ посредникъ.

— У насъ свой такой-то былъ, говорилъ старшина. Вотъ Кузьма Иванычъ не бось знаютъ — Веденейка; тоже, куда тебѣ, бывало захрапитъ; а какъ мы его раза два на волостномъ судѣ прохолили, шабашъ, братъ, какъ рукой сняло; теперь и не слыхать Веденейку.

— Да, да, подтвердилъ Кузьма Иванычъ, мнѣ прикащикъ сказывалъ.

— Стало быть, безъ розогъ дѣло еще необходится? насмѣшливо спросилъ князь.

— Нѣтъ-съ, необходится, сухо отвѣтилъ Аверкій Семенычъ, и кивнулъ головой старшинѣ.

Тотъ вышелъ; за нимъ поднялся и Кузьма Иванычъ. Оставшіеся въ комнатѣ два гостя сидѣли молча, занятые каждый по-своему. Аверкій Семенычъ расположился въ углу, около жарко натопленной печи и, чувствуя пріятное утомленіе, едва пересиливалъ одолѣвавшую его дремоту. Князь видимо былъ погруженъ въ какую-то головоломную работу.

— Любопытно бы взглянуть на этого.... Егоръ, кажется, обратился онъ вдругъ къ Аверкію Семенычу.

Тотъ нехотя очнулся.

— Да развѣ вы пьяныхъ мужиковъ никогда не видали?

— Я желалъ бы видѣть именно этого. Вѣроятно, старшина

не даромъ такъ на него налегаетъ; должно быть этотъ Егоръ либералъ, прогрессистъ или что-нибудь въ родѣ того...

Аверкій Семенычъ безцеремонно расхохотался.

— Просто, батюшка, опивала, міроѣдъ, горлодёръ; словомъ, самая скверная тварь, безъ которой однако-жъ не обходится ни одна деревушка. Это у васъ тамъ, въ столицахъ, на готовомъ хлѣбѣ водятся разные *исты*, а справьтесь-ка у себя, въ Мироновѣ, въ сколькихъ избахъ чистый хлѣбъ ѣдятъ...

— Позвольте, вдругъ перебилъ его князь, тѣмъ болѣе, значитъ, причинъ къ броженію; матеріальные недостатки, можно сказать, одна изъ сильныхъ пружинъ къ пробужденію массы.

Аверкій Семенычъ всталъ.

— Мы еще къ гвоздямъ не привыкли, а вы о пружинахъ толкуете, почти шепотомъ сказалъ онъ, и направился къ двери.

Князь широко раскрылъ глаза, озадаченный неожиданнымъ перерывомъ такого интереснаго спора. Онъ безсознательно взялъ со стола обгорѣлую сѣрную спичку и принялся ломать ее на мелкіе куски....

— Откуда вы достали этого франтика? спрашивалъ Аверкій Семенычъ, отыскавши наконецъ Ольгу Степановну въ заднихъ комнатахъ.

— А что? Мы съ его матерью старинныя знакомки; она очень добрая женщина и хорошая хозяйка, пояснила Ольга Степановна.

— Ну, а сынокъ-то должно быть маленько тронутъ.

— И вы тоже замѣтили? не безъ удовольствія выговорила старушка. Я ужасно спорила съ нимъ за обѣдомъ: вообразите, князь началъ мнѣ доказывать, что бракъ — это такъ-себѣ, и что связывать себя на всю жизнь—величайшая нелѣпость. У нихъ тамъ, видите ли, какіе-то гражданскіе браки въ моду вошли...

Къ чаю пріѣхалъ еще какой-то помѣщикъ, Дмитрій Дмитріевичъ—тоже повидаться съ посредникомъ.

Всѣ собрались въ угольную комнату и разговоръ принялъ обычный деревенскій тонъ. Жаловались на распущенность прислуги и положительное потворство ея своеволію со стороны предержащихъ властей; разсуждали о невозможности вести хозяйство работниками и безтолковости тѣхъ помѣщиковъ, которые отдаютъ свои земли изполу.

— Почему же вы называете это безтолковостью? вступился вдругъ князь, внимательно слѣдившій за разговоромъ.

Дмитрій Дмитріевичъ, къ которому относился запросъ, даже немного обидѣлся. По его мнѣнію, высказанный имъ приговоръ не допускалъ никакихъ возраженій.

— А безтолочь непокрытая эти господа отъ того, ваше сіятельство, началъ онъ, отчеканивая каждое слово, что у нихъ ариѳметика изъ головы выдохлась. Извольте-ка послушать: обработка ржаной десятины, съ уборкой хлѣба на мѣсто, требуетъ двѣнадцать рабочихъ дней; стало быть дорогой цѣною можетъ стоить шесть цѣлковыхъ.

— Ну, семь, великодушно прибавилъ Кузьма Иванычъ.

Дмитрій Дмитріевичъ недовольно взглянулъ на него и снова продолжалъ.

— Хорошо-съ! Шесть цѣлковыхъ! Теперь извольте обратить вниманіе на это: съ десятины убирается бѣдно-бѣдно восемь копенъ, а иначе у васъ и землю не разберутъ; намолотите вы такимъ манеромъ четыре четверти хлѣба, и получитъ каждый на свою часть, за исключеніемъ сѣмянъ, по полторы четверти; стало быть, по нынѣшней цѣнѣ, вы отдали за работу вмѣсто шести—десять. Какъ это вамъ нравится?

— Н-да; разсчетъ, кажется, вѣренъ, процѣдилъ князь сквозь зубы.

— Но это еще не все; это только цвѣточки, а ягодки впереди, продолжалъ Дмитрій Дмитріевичъ, одушевляясь. При изпольномъ хозяйствѣ удобренія нѣтъ; стало быть земля ваша съ каждымъ годомъ все ветошѣетъ; доходы уменьшаются; а чтобъ поправить дѣлишки начинаютъ раскапывать лѣса, иные умники даже луга подымаютъ, и въ концѣ концовъ предстоитъ такое обѣдненіе, что страшно даже подумать.

— Бѣднѣютъ крупные землевладѣльцы—это правильно, согласился князь; за то въ массѣ народа должны скопляться излишки, и слѣдовательно тутъ оправдывается только непреложный законъ, что частное приносится въ жертву общему, съ пріятною улыбкою выговорилъ онъ.

«Это должно быть въ нынѣшнихъ законахъ написано», серьезно подумалъ Дмитрій Дмитріевичъ, служившій когда-то непремѣннымъ членомъ и отъ роду неслыхавшій ничего подобнаго.

— Я, господа, рѣшительно не понимаю, замѣтилъ князь, что же дѣлаетъ ваше земство, если положеніе сельскаго хозяйства такое безотрадное. Вѣдь это вопросъ государственной важности, и, мнѣ кажется, надъ нимъ слѣдовало бы поработать именно земскимъ людямъ. Конечно, не въ защиту интересовъ одного сословія—это было бы односторонне—а, такъ сказать, съ точки благосостоянія общества, затронуть вопросъ какъ можно глубже.

Собесѣдники терпѣливо выслушали эту рѣчь и, словно по уговору, всѣ разомъ вздохнули.

— Эхъ, ваше сіятельство, да земству-то помоги Богъ только съ налогами управиться, а затрогивать, какъ вы изволите говорить, другихъ—у насъ и смѣлости не хватитъ, уныло проговорилъ Дмитрій Дмитріевичъ и тотчасъ же обратился къ посреднику.

Дѣло его было самое обыкновенное. Весной раздавали мужикамъ хлѣбъ взаймы; рожь надо было отдать къ сѣмянамъ и за каждую четверть съѣздить по одной подводѣ; но изъ всѣхъ должниковъ только трое добросовѣстно исполнили обязательства, а шестнадцать человѣкъ и до сихъ поръ хлѣба не отдали, нѣкоторые и отъ подводъ отказываются, потому что, будто бы, у нихъ лошадей нѣтъ. Человѣка четыре опять сидятъ безъ хлѣба, стало быть съ нихъ и взять нечего. Предлагали имъ отработать весь долгъ по цѣнѣ—не соглашаются; ѣздилъ къ судьѣ съ прошеньемъ — возвратилъ; говоритъ, надобно подавать о каждомъ должникѣ особо и разбирательство тоже будетъ съ каждымъ поодиночкѣ.—Вступитесь, батюшка, заключилъ Дмитрій Дмитріевичъ, кончите это дѣло, какъ-нибудь по-человѣчески, а такимъ-то манеромъ цѣлой зимы мнѣ будетъ мало на разъѣзды—отъ своего добра отступишься.

— И по дѣломъ; зачѣмъ давали, подсмѣялся Аверкій Семенычъ.

— Вотъ это правда, пускай лучше съ голоду помираютъ. Конечно, знай я прежде, что судья загнетъ мнѣ такія закорючки, грѣшный человѣкъ, никому гнилой соломы не далъ бы — и въ подтвержденіе своихъ словъ, Дмитрій Дмитріевичъ даже перекрестился.

Аверкій Семенычъ записалъ жалобу, обѣщая распорядиться взысканіемъ. Подъ окномъ прогремѣли бубенчики. Князь отыскалъ свою шапку и сталъ натягивать перчатки.

— Не смѣю просить къ себѣ, сказалъ онъ, картинно изгибаясь, я здѣсь на бивуакахъ: помѣщаюсь въ одной комнатѣ и терплю всевозможныя лишенія.

— Колодезь бы, ваше сіятельство, изволили вырыть, а то въ Мироновѣ, на пятьсотъ душъ, ведра воды зачерпнуть негдѣ, неделикатно замѣтилъ Дмитрій Дмитріевичъ.

— Ужасно, ужасно, отозвался князь, уже закутавшись въ шубу.

— Ну, что, каковъ? спросила Ольга Степановна, когда всѣ снова собрались въ гостинной.

— Не нашего поля ягода, съ насмѣшливой улыбкой высказался Дмитрій Дмитріевичъ.

— Вотъ, подождите-ка, онъ въ мировые судьи хочетъ баллотироваться, подсмѣялась барыня.

Дмитрій Дмитріевичъ испуганно оглянулся по сторонамъ и, словно поперхнувшись, проговорилъ:—«а вѣдь и выберутъ».

На другой день Аверкій Семенычъ снова отправился въ волостное правленіе, и хотя было еще довольно рано, но въ комнатѣ толпилось уже много народа. Все это были недовольные рѣшеніемъ волостного схода и явились за копіями приговора.

— Ну, что-жъ, други мои, жаловаться хотите? участливо спросилъ Аверкій Семенычъ.

— Желаемъ прошенья подать. Все думается, можетъ тамъ разсудятъ какъ лучше, сказалъ Бороненковъ, выдвигаясь изъ-за какой-то бабы.

Между тѣмъ привели Егора. Воображаемый либералъ и прогрессистъ былъ въ тревожномъ состояніи, зная уже по слухамъ, что посредникъ шутить не любитъ.

— Ты какъ же смѣешь драться? строго спросилъ Аверкій Семенычъ.

Егоръ упалъ на колѣни.

— Выпимши были, вашеское благородіе, помилосердуйте, просилъ онъ.

— А какъ же ты смѣешь являться въ волостное правленіе выпимши?

Посредникъ особенно протянулъ послѣднее слово.

— Не самъ пилъ, люди угостили, оправдывался Егоръ.

— Да тебя никто сюда и не требовалъ, подсказалъ старшина.

— Мы, кажись, никогда въ евтакихъ дѣлахъ замѣчены не были, продолжалъ Егоръ, уже нѣсколько оправившись. Извольте спросить у старшины, стоятъ ли когда за нами подати, али оброки, али еще какія повинности.

— А кто-жъ намедниеь кричалъ на сходкѣ, что подати собирать не время, вступился старшина, затронутый дерзкой ложью Егора.

Посредникъ привсталъ.

— Такъ ты вотъ каковъ гусь, крикнулъ онъ.

— Вашеское благородіе, по дурости своей можетъ что и сказали. Люди тоже болтаютъ....

— Какіе люди? Какіе люди! что болтаютъ? задыхаясь отъ волненія приставалъ посредникъ.

— Незаконно, говорятъ, съ васъ требуютъ, потому отъ царя срокъ положенъ 15-го января.

Всѣ присутствующіе любопытно глядѣли на Егора и ожидали, какъ-то вывернется посредникъ. Аверкій Семенычъ закурилъ папиросу, присѣлъ на край стола и хладнокровно уже началъ разъяснять крестьянамъ смыслъ закона о срокахъ платежей и тѣ обязанности, которыя возлагаются этимъ закономъ съ одной стороны на самихъ плательщиковъ, а съ другой на начальство.

— Все же мужичка пожалѣть можно, потому у нашего царя-батюшки и опричь податей денегъ-то всякихъ много, вступился-было какой-то парень, но его тотчасъ же перебили два вновь прибывшіе мужика, обратившіеся къ посреднику съ просьбою посмотрѣть бумаги охотника.

— Да вѣдь охотниковъ принимать не будутъ, объявилъ Аверкій Семенычъ.

Мужики вытаращили глаза.

— Какъ же такъ? спросили они въ одинъ голосъ.

— Не приказано!

— Батюшка, Аверь Семенычъ, какъ передъ Господомъ, мы евтихъ дѣловъ не знали. У насъ малый-то припасенъ еще съ лѣтошняго года; тоже сотни на двѣ гляди ужъ помазались; а достатки-то наши вы, кажется, сами знаете: послѣднюю, можетъ, коровушку со двора свели. Нечто кто себѣ врагъ....

Аверкій Семенычъ отвернулся къ окну. Онъ зналъ, что подобныхъ примѣровъ даже въ его участкѣ найдется довольно и старался разрѣшить простой вопросъ: что́ для него, посредника, обязательнѣе—буквально примѣнить новый законъ къ явному и неизбѣжному разоренію семьи, ни въ чемъ неповинной, или сохранить интересъ этой семьи, но неизбѣжно нарушить законъ, хотя, разумѣется, не явно, а съ соблюденіемъ всевозможныхъ законныхъ порядковъ?

«Потеряетъ ли кто-нибудь отъ того, что Иванъ будетъ служить вмѣсто Петра не согласно съ правилами новаго закона?» спрашивалъ себя Аверкій Семенычъ, не выпутавшись изъ первой задачи—и теперь ему казалось, что нѣтъ, никто не потеряетъ. Справедливо ли подвергать Петра явному разоренію за то только, что онъ «припасъ» себѣ Ивана, не предполагая и не зная, что то же самое дѣло будетъ впослѣдствіи дѣлаться иначе? Отвѣтъ какъ-то не клеился. Потерпитъ ли кто-нибудь, если Петръ изъ исправнаго плательщика и зажиточнаго домохозяина обратится въ бѣдняка?

— Обѣщать вамъ я ничего не стану, обратился онъ къ про-

сителямъ; а придите ко мнѣ на съѣздъ, я переговорю съ предводителемъ—и тогда вы узнаете, что можно будетъ сдѣлать.

У мужичковъ отлегло отъ сердца.

— На счетъ Егора-то что же прикажете? въ полголоса спросилъ старшина.

— Оштрафовать его пятью рублями, приказалъ Аверкій Семенычъ. Да смотри ты у меня, въ другой разъ хуже будетъ, погрозилъ онъ Егору.

Тотъ едва ушамъ своимъ вѣрилъ: ему даже и во снѣ всю ночь мерещилось что-то очень скверное.

По отъѣздѣ посредника въ волостномъ правленіи началась сумятица. Мужики приставали къ писарю, чтобы онъ тотчасъ же выдалъ имъ копіи приговора; а Захаръ Андреичъ показывалъ цѣлую кипу бумагъ, по которымъ будто бы слѣдовало ему немедленно сдѣлать исполненіе, и наотрѣзъ отказывался заниматься посторонними предметами.

— А за что-жъ ты жалованье отъ насъ получаешь? кричали мужики.

— За дѣла, вотъ за что, отгрызался Захаръ Андреичъ.

— Намъ что за нужда до твоихъ дѣловъ; ты наши должёнъ справлять, настаивали мужики.

— Ты говоришь должёнъ, а тамъ побольше тебя есть— губернская управа; а тамъ — уѣздная, училищный совѣтъ, исправникъ, становой. Нынче, братъ, начальства-то надъ нами понадѣлано и не знаешь кого слушать. Вотъ хоть бы становой: ему полицейское управленіе прикажетъ что-нибудь сдѣлать, а онъ сейчасъ отъ себя приказъ волостному старшинѣ—исполнить, дескать, и мнѣ донести. Велика онъ птица; Захаръ Андреичъ плюнулъ отъ досады.

— Вотъ прошу, прошу, продолжалъ онъ, принимаясь за перо, чтобъ прибавили жалованья, такъ все, видишь, падежи у васъ, да неурожаи, а у меня спина скоро переломится, корпѣвши цѣлый день надъ бумагами.

Мужички разжалобились и стали уже просить писаря выдать имъ копіи, хоть денька черезъ два: они сами боятся, какъ бы не пропустить сроки. Спустя немного времени, правленье опустѣло. Захаръ Андреичъ глянулъ изъ подлобья на старшину и едва удержалъ улыбку: такъ некрасиво показалось ему лицо Платона Петровича, надувшаго губы.

Сердитъ, братъ, да не силенъ.... подумалъ лукавый писарь и тотчасъ же выразилъ свое удивленіе о рѣшеніи посредника по дѣлу Егора.

— Голову снялъ; одно слово голову снялъ, чуть не сквозь слезы говорилъ Платонъ Петровичъ.

— Теперь шабашъ; хоть не показывайся въ Хохловку, поддразнивалъ Захаръ Андреичъ.

— Какъ есть не показывайся! Кабы я зналъ экое дѣло, не въ примѣръ лучше бы мнѣ порѣшить его волостнымъ судомъ; по крайности отбузовали бы чего тебѣ изволишь.

— Прямое дѣло, волостнымъ судомъ лучше, да и по закону-то было бы чище....

Егоръ и староста Прохоръ, уѣхавшіе вмѣстѣ, тоже были недовольны посредникомъ и, добравшись до зеркинскаго перекрестка, порѣшили завернуть съ горя къ Зерихѣ. Подъ этимъ именемъ была извѣстна въ околодкѣ солдатка, мужа которой угнали куда-то за нѣсколько тысячъ верстъ, и потому она собиралась вторично выдти замужъ. Настоящаго кабака Зериха не держала, но вино у ней было безпереводное и продавалось даже дешевле другихъ. Кинувъ клочекъ овсяной соломы подъ ноги лошади, Прохоръ съ Егоромъ вошли въ избу. Тамъ уже гуляли трое какихъ-то заѣзжихъ гостей и, судя по количеству разлитаго на столѣ вина, гуляли должно быть на славу. Сама Зериха, въ синемъ китайчатомъ сарафанѣ и красномъ сборникѣ, сбившемся нѣсколько на затылокъ, стояла около печи съ рогачемъ въ рукахъ, а одинъ изъ гостей, дюжій приземистый парень, съ засученными по локоть рукавами рубашки, видимо бралъ Зериху приступомъ. Остальные двое сидѣли на передней лавкѣ и, заливаясь громкимъ хохотомъ, дружно подтравливали своего товарища, какъ травятъ обыкновенно дворняшекъ. Темныя, щетинистыя бороды этихъ гостей и коротко остриженные волосы служили признакомъ ихъ военнаго званія. Появленіе новыхъ посѣтителей замѣтно произвело непріятное впечатлѣніе на гулявшую компанію; даже Зериха какъ-то грубо спросила вошедшихъ: чего требуется?

— Выпить бы по стаканчику, робко сказалъ Егоръ.

— А деньги, безцеремонно потребовала хозяйка. Егоръ молча глянулъ на Прохора, тотъ молча тоже вытащилъ изъ шароваръ кошель и подалъ трехъ-рублевку.

— Вишь тряпье какое, сердито проворчала Зериха, развертывая дѣйствительно ветхую ассигнацію. Поглядика-сь, Семенъ Микалаичъ, прибавила она, подмигнувъ одному изъ военныхъ.

Тотъ, какъ кошка, прыгнулъ съ лавки.

— Негодящая, объявилъ онъ съ видомъ знатока, скомкавъ въ рукѣ бумажку.

Зериха едва замѣтно улыбнулась. Прохоръ испуганно рас-

крылъ ротъ и уронилъ кошель на полъ, Егоръ только попятился къ двери.

— Вишь черти сопливые, грозно кричала солдатка, тоже честныхъ людей надувать вздумали! Хорошо, вотъ Семенъ Микалаичъ евто дѣло смыслитъ; а то мнѣ бы за свое доброе, да погибать съ вашей бумажкой...

— Ничего, Марѳуша, ничего, какъ будто съ участіемъ вступился другой военный гость, лѣниво потягиваясь. Ихнее дѣло темное, тоже пожалѣть можно. Дай имъ за эту рублевку— осьмуху, да и дѣлу квитъ, неожиданно порѣшилъ онъ и, подойдя къ Зерихѣ, дружески ударилъ ее по плечу.

— Какъ же такъ, вымолвилъ-было оторопѣвшій Прохоръ, но Егоръ дернулъ его за рукавъ, подшепнувъ что-то на ухо, а Зериха тотчасъ же подала посудину съ какою-то мутной, вонючей жидкостью, и мужички молча выпили по первому стаканчику.... Зериха стала прибирать избу. Семенъ Микалаичъ закурилъ трубку и вышелъ; черезъ нѣсколько минутъ вышелъ другой гость; потомъ кто-то громко позвалъ въ сѣняхъ Потапку, и на этотъ зовъ вышелъ послѣдній—тотъ самый, который присовѣтывалъ пожалѣть мужиковъ. Воротились всѣ вмѣстѣ; спросили еще вина; выпили сами, угостили Прохора съ Егоромъ, о чемъ-то было-заспорили между собой и потомъ куда-то всѣ разомъ исчезли; но все это словно въ туманѣ представлялось опьянѣвшимъ мужикамъ. Они были заняты собственными дѣлами. Прохору надо было писать прошенье на мировой съѣздъ и требовалось отыскать ходателя; Егору надо было платить штрафъ и требовалось свалить этотъ штрафъ на мірскую шею, потому что одному платить добре много, а раскинуть по душамъ, такъ всего, можетъ, гривенникъ каждому придется. Староста обѣщалъ Егору помочь въ его дѣлѣ, а Егоръ въ свою очередь увѣрялъ старосту, что онъ представитъ ему такого человѣка, который на кого угодно прошенье напишетъ и начальства никакого не побоится. Зериха уже два раза напоминала имъ, что попусту галдѣть нечего, и если не будутъ еще брать вина, такъ пора, дескать, убираться. Мужики вышли. На снѣгу валялся еще клочокъ овсяной соломы; блестѣлъ свѣжій слѣдъ саней, круто свернувшихъ на дорогу—но лошади не было. Прохоръ даже взвизгнулъ; хмѣль вдругъ потерялъ свою силу.

— Угнали! неистово крикнулъ онъ и бросился по дорогѣ.

Передъ глазами Прохора мелькали сотни копытныхъ слѣдовъ, звонко отдавались его собственные шаги по хрустѣвшему снѣгу, а взволнованному мужику всюду мерещились косматыя ноги его чалаго мерена, чудился скрипъ его новыхъ саней.

— Наша! вдругъ обрадовался онъ, останавливаясь передъ короткимъ обрывкомъ какой-то веревки.

— Что тамъ? спрашивалъ догонявшій Егоръ.

— Оборочка, задыхаясь пояснилъ Прохоръ.

Оборочку подняли, осмотрѣли и убѣдившись, что это совсѣмъ не та, которою былъ запутлятъ вязокъ, бросили опять на дорогу.

— Отцы родные, голубчики вы мои, хрипѣлъ Прохоръ, сдавливая самъ себѣ платкомъ горло.

— Чего ты бѣснуешься-то, глупый, ласково уговаривалъ Егоръ своего товарища; можетъ она домой ушла, придумалъ онъ и, словно малаго ребенка, повелъ его дальше за руку.

Молча дошли до первой деревни. Толкнулись въ одинъ дворъ, — въ другой — нигдѣ ничего не знали о пропавшей лошади. Сказывали только, что на прошлой недѣлѣ свели тоже у ихняго мужичка рыжую кобылу, рублевъ можетъ сорокъ стоитъ; а то у барина, недавно, изъ запертой конюшни сгладили четверикъ сѣрыхъ и замка даже не тронули. Добре нонѣ шалить стали, все одно хоть совсѣмъ лошадей не заводи, рѣшили сторонніе мужички и посовѣтовали Прохору не трепаться напрасно, а идти прямо ко двору.

— Да вѣдь лошадь-то какая была: всему дому воротила, стоналъ горемычный Прохоръ; однако послушался добрыхъ людей и, предавъ дѣло волѣ Божіей, къ вечеру воротился въ Хохловку.

— Ты гдѣ-жъ мерена-то покинулъ, спрашивалъ Никита, встрѣтивъ отца у воротъ.

Прохоръ молча покосился на сына и словно виноватый прошелъ прямо на дворъ. Подъ навѣсомъ, какъ ни въ чемъ не бывало стоялъ давно уже прибѣжавшій чалый и лѣниво пережевывалъ мерзлую солому.

— Никитъ, Никитъ, крикнулъ вдругъ обрадованный мужикъ, останавливаясь посреди двора.

Парень откликнулся и подошелъ.

— Прибѣгъ? указалъ Прохоръ на лошадь.

— Рази это въ первóй! Ужъ ёнъ и тебя самого, кажись, училъ сколько разовъ.

— И сани приволокъ? спросилъ Прохоръ, оглядывая по сторонамъ.

— Все въ цѣлости приставилъ.

— Ну, малый, подшутилъ же нáдо мной анчутка, совсѣмъ было поклепалъ я добрыхъ людей, выговорилъ Прохоръ въ раздумьи и лѣниво, словно нехотя пошелъ въ избу.

Возвратясь со сходки, Матрена хотя и разсказала домаш-

нимъ, что посредникъ ослобонилъ Ванятку, а сердце у ней все-таки было не покойно.

— Ты, мотри, сынокъ, не зѣвай, наказывала она парню, чуть только что провѣдаешь на счетъ ихнихъ дѣловъ, тужъ минуточку мнѣ сказывай. Мы опять до посредника дойдемъ, а то и выше жалиться будемъ.

Но не объ этомъ печалился Ванятка. Опасенія матери казались ему пустыми, бабьими бреднями: его сердце надрывалось съ тоски по женѣ, онъ хлѣба даже лишился отъ сильной истомы. Куда ни шелъ несчастный парень, за какую бы работу онъ ни принимался—вездѣ и всегда, какъ бѣсъ, выросталъ передъ нимъ высокій, красивый молодецъ въ красной рубахѣ и синей, мѣховой поддевкѣ, съ конфеткой въ рукахъ, съ задорной, лукавой усмѣшкой во взорѣ. — И зачѣмъ я только послушался энтаго старика; отчего не выломалъ ему всѣхъ реберъ? съ сожалѣніемъ упрекалъ себя Ванятка, припоминая подробности гулинскаго происшествія, а распаленное воображеніе съ отчетливостію представляло ему и возможныя послѣдствія отъ этой промашки. Парню казалось, что Паранька съ умысломъ выскочила изъ саней, нарочно прикинулась больною и гуляетъ теперь на свободѣ съ Оськой. А Силычъ-то?—Нечто старикъ попуститъ такую скверность, приходило-было на умъ Ванятки, но въ то же мгновеніе, грозная, неподкупная личность Андрея Силыча будто расплывалась и на мѣстѣ ея оживала какая-то другая. Не то мать Катерина, не то Дарья Задира — парень и самъ не могъ опредѣлить хорошенько—кто именно; но кто-то скрываетъ Параньку, кто-то помогаетъ Оськѣ. Становилось невыносимо тошнехонько, и онъ рѣшился наконецъ во что бы то ни стало провѣдать истину, отправившись съ этою цѣлью въ Гулино. У мельницы встрѣтился ему Петрунька; онъ ѣхалъ въ лѣсъ за дровами. Изъ разговоровъ съ малымъ Ванятка убѣдился, что жена его точно была больна, не чаяли даже живой видѣть; но теперь малость оклемалась, стала по избѣ двигаться. Ходить къ тестю Петрунька не совѣтовалъ, потому добре онъ серчаетъ, а про молодку сказалъ, что оставитъ ее при себѣ и въ Хохловку не пуститъ.

— Братъ ты мой, Петрунюшка, скажи мнѣ все до подлинности, умолялъ Ванятка, терзаясь различными подозрѣніями; но Петрунька побожился даже, что ничего больше не знаетъ, и велѣлъ Ваняткѣ приходить дня черезъ два къ овину, обѣщаясь вызвать туда Параньку.

Какъ прошли эти два дня и что̀ испыталъ въ это время Ванятка, знаетъ только его грудь да подоплека. Онъ ни съ кѣмъ

не разговаривалъ, отъ зари до зари работалъ безъ устали и послѣ третьихъ кочетовъ назначеннаго утра былъ уже на дорогѣ въ Гулино.—Вотъ тутъ она и осталась, вспомнилъ Ванятка, проходя мѣстомъ, гдѣ онъ высадилъ жену подъ бокъ. Да и я-то глупъ былъ: чего не вернулся тотчасъ же? Думалось, не слѣдъ, молъ, баловать бабу, захочетъ сама придетъ, разсуждалъ парень и уже не шелъ, а почти бѣжалъ, завидя черныя, неподвижныя крылья вѣтрянки. Надо было пробираться задами. Ванятка обошелъ плетень крайняго конопляника и, не попавъ на тропинку, пустился цѣликомъ. Въ деревнѣ только-что начинали копошиться. Вотъ скрипнули чьи-то ворота, гдѣ-то наконецъ жалобно вскрикнула овца, за ней повторила другая, третья; кто-то громко чихнулъ... Ванятка лѣзъ по колѣно въ снѣгу, все ближе и ближе подвигаясь къ усадьбѣ Силыча. Духъ занимался у парня при одной мысли, что вотъ можетъ сейчасъ онъ увидитъ свою Параньку. Онъ чувствовалъ въ себѣ какую-то необычайную силу и этой силы казалось ему достаточно, чтобы взвалить бабенку себѣ на плечи и тащить ее до самой Хохловки, коли сама добромъ не пойдетъ.

— Петрунь, чуть слышно выговорилъ онъ, останавливаясь наконецъ передъ ометомъ ржаной соломы, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ овина.

Никто не откликнулся.

Ванятка оглядѣлся кругомъ и осторожно вошелъ въ предовинникъ.

Тамъ было пусто; даже и сноповъ не сажали.

Ужъ ли-жъ они еще дрыхнутъ, подумалъ онъ, начиная подозрѣвать Петруньку въ обманѣ и, постоявъ нѣсколько минутъ, рѣшился идти къ усадьбамъ. Постройки Андрея Силыча отличались отъ сосѣднихъ только бо̀льшимъ размѣромъ да двумя трубами, изъ которыхъ одна была накрыта дырявымъ горшкомъ. Съ лѣвой стороны двора торчала разлатая, сухая ракита, служившая раздѣленіемъ двухъ, почти смежныхъ крышъ, а съ правой—было пустошное мѣсто, заваленное кострикой и хворостомъ. Двигаясь по тропинкѣ, сплошь засоренной мелкой соломою и хоботьемъ, Ванятка услыхалъ глухой стукъ топора, а сдѣлавъ еще нѣсколько шаговъ, онъ примѣтилъ изъ-за снѣжнаго сугроба сѣрую шапку съ суконнымъ верхомъ.

— Петрунь, кликнулъ въ полголоса парень.

Сѣрая шапка вдругъ исчезла за сугробомъ, а черезъ секунду на томъ же самомъ мѣстѣ появилось до половины туловище Петруньки.

— Чаво тебѣ? равнодушно спросилъ онъ, всматриваясь по направленію Ванятки.

— Ты что-жъ обѣщалъ-то? громче и смѣлѣе выговорилъ тотъ, останавливаясь на тропинкѣ, которая вдругъ круто свернула къ двору.

Петрунька мотнулъ головою и снова скрылся. Слышно было, какъ онъ тяжело прыгнулъ, потомъ мягко зашуршали лапти по снѣгу, и не успѣлъ еще Ванятка хорошенько оглядѣться, какъ передъ нимъ стоялъ уже весь, налицо, Петрунька.

— Чаво тебѣ? повторилъ онъ такъ же равнодушно, какъ будто продолжалъ самый обыкновенный разговоръ.

— Что-жъ, хозяйку-то обѣщалъ въ овинъ привести.

Петрунька глупо ухмыльнулся.

— До ней, братъ, рукой не достанешь: старый-то у себя подъ замкомъ держитъ, сказалъ онъ, озираясь въ сторону двора.

Ванятка уныло понурился.

— Мы и то дивимся, продолжалъ малый, на что онъ ее бережетъ; добро бы сноха ужъ была, прибавилъ онъ съ такимъ выраженіемъ, что Ванятка тотчасъ же угадалъ особенный смыслъ этой рѣчи.

— Васюта-а! вдругъ крикнулъ гдѣ-то близко звонкій женскій голосъ.

Ванятка вздрогнулъ; ему почудилось будто это голосъ Параньkинъ.

— Аль мнѣ самому пойти? сказалъ онъ, намѣреваясь двинуться по тропинкѣ.

Петрунька торопливо загородилъ ему дорогу.

— Что ты, дурашный, вздумалъ, почти съ испугомъ вымолвилъ онъ, и мнѣ-то еще съ тобой шею наколотятъ.

— За что?

— За то!

Ванятка громко и протяжно вздохнулъ.

Его не страшило замѣчаніе Петруньки, при случаѣ онъ и самъ съумѣлъ бы постоять за себя; но врожденная робость, перешедшая къ нему, вѣроятно, отъ отца и какое-то нелѣпое благоговѣніе къ Андрею Силычу, втолкованное Ваняткѣ матерью—совершенно дѣлали парня тряпкою.

— Ты мотри, никому не сказывай, что былъ здѣсь, упрашивалъ Петрунька, пуще всего опасавшійся за свою собственную шею.

— Ладно, коротко отвѣтилъ Ванятка и вдругъ зашагалъ по снѣгу на право.

— Не туда! крикнулъ Петрунька, замѣтивъ, что парень при-

нялъ направленіе къ противуположному концу деревни, но тотъ даже не обернулся.

Ужъ ли онъ совсѣмъ ошалѣлъ, серьезно подумалъ малый и, постоявъ еще съ минуту, отправился, какъ ни въ чемъ не бывало, опять рубить дрова.

На второмъ коноплянникѣ Ванятка пересѣкъ гладко укатанную дорогу и выбрался по ней наконецъ за околицу. Было уже довольно свѣтло; но небо сплошь заволокло сѣрыми тучами и чернѣющійся не вдалекѣ лѣсокъ казался покрытымъ туманомъ. Подулъ рѣзкій, холодный вѣтеръ; начинало переносить дорогу; а Ванятка шелъ да шелъ впередъ, не замѣчая ни тучъ, ни поземка.—Какъ теперь быть? спрашивалъ себя въ недоумѣніи парень и не могъ рѣшительно ничего придумать. Петрунька говоритъ: шею наколотятъ, да за что-жъ тутъ кажись колотить, если я приду за своей собственной бабой? такихъ будто и порядковъ нѣтъ, разсуждалъ онъ, соображая опасенія малаго; но вмѣстѣ съ тѣмъ пришло Ваняткѣ на память, что въ Микулинѣ точно такъ же ушла баба къ своимъ сродственникамъ и сколько мужъ, послѣ того, ни судился, ничего не вышло, его же еще волостные оштрафовали.—Кабы на энтаго подлеца волостному нечто пожаловаться, прошепталъ вдругъ парень и, постоявъ минуту на перекресткѣ скрылся въ мелколѣсьѣ. Онъ только теперь почувствовалъ, что ноги его начинаютъ какъ будто подламываться и словно червякъ какой точитъ подъ сердцемъ; а до Спасскаго оставалось еще версты двѣ съ прибавкомъ. За мелколѣсьемъ сталъ подыматься частый, заказной березникъ и скоро Ванятка очутился въ такой глуши, что даже привычному человѣку невольно дѣлалось жутко.—Ишь звѣрищевъ-то здѣсь какая пропасть таскается, подумалъ онъ, замѣтивъ съ обѣихъ сторонъ узкой дороги безчисленные слѣды волчьихъ прогулокъ, и сталъ понемногу прибавлять шагу. Березникъ вдругъ порѣдѣлъ; открылась широкая поляна, а за ней начинались постройки села Спасскаго. Въ это самое время въ спасскомъ волостномъ правленіи совершалось одно изъ тѣхъ условій, при заключеніи которыхъ обильно текутъ вино и слезы. Богатый протасьевскій крестьянинъ Никифоръ Васильевъ нанималъ охотникомъ въ рекруты за свое семейство бывшаго двороваго человѣка Тихона Прокофьева. Дѣло было уже полажено: за двѣсти рублей серебромъ и гульбу на хозяйскій счетъ. Тихонъ Прокофьевъ бросалъ на произволъ судьбы жену, троихъ дѣтей и старуху мать. Были, правда, добрые люди, которые всячески старались отклонить его отъ этого безразсуднаго поступка, но вино, да другіе добрые люди все устроили по-своему и теперь оставалось

только соблюсти разныя формальности, чтобы послѣ начальство не придиралось. Платонъ Петровичъ прохлаждался на крыльцѣ, когда Ванятка только-что подошелъ къ волостному правленію.

— Тебѣ что, паренекъ? ласково спросилъ его старшина.

Ванятка оробѣлъ: онъ и самъ теперь не зналъ: жаловаться ли ему или такъ все оставить?

— Съ прошеньемъ, али еще по какимъ дѣламъ? снова спросилъ старшина.

— Объ своей обидѣ, тихо выговорилъ Ванятка.

— Кто-жъ тебя, то-есть, изобидѣлъ?

Ванятка опять не могъ рѣшить, на кого ему жаловаться: не то на Силыча, не то на Параньку, а хотѣлось бы помянуть одного только Оську.

Платонъ Петровичъ снисходительно посмотрѣлъ на смѣшавшагося просителя и, не придумавъ о чемъ бы еще спросить паренька, приказалъ ему идти за собою въ правленіе. Захаръ Андреичъ, красный какъ кумачъ, сидѣлъ за столомъ и писалъ что-то въ книгѣ; сбоку его помѣщались на лавкѣ Никифоръ Васильевъ и Тихонъ Прокофьевъ; подъ лавкой стояла, почти уже опорожненная, четвертная бутыль, прикрытая на всякій случай ручникомъ; а около шкафа съ дѣлами, на крашеномъ денежномъ сундукѣ, громко сопѣлъ дьячекъ Яковъ Васильевичъ, приглашенный для росписки за неграмотныхъ. При входѣ старшины изъ задняго угла комнаты поднялась маленькая, подслѣповатая старушка, въ синей нанковой шубѣ городского покроя.

— Прикажи, Платонъ Петровичъ, обратилась она къ старшинѣ, выдать мнѣ росписку, чтобы Никифоръ Васильичъ отдалъ мнѣ своими руками двадцать пять рубликовъ. Я съ этимъ условьемъ и дозволенье моему сыну даю, прибавила она какимъ-то сквернымъ, нематеринскимъ голосомъ.

— А мнѣ-то, батюшка Платонъ Петровичъ, прикажите ему выдать хоть сколько-нибудь на̀ прокормленіе ребятишекъ, слезливо просила съ другого бока молодая женщина, въ нагольной шубѣ и ситцевомъ платкѣ.

— Ребятишкамъ я даю мое родительское благословеніе, а тебѣ— шишъ подъ носъ, потому больше ты не выслужила, сказалъ Тихонъ Прокофьевъ, еле повертывая отяжелѣвшую голову въ ту сторону, гдѣ стояли его жена и мать.

— Грѣхъ тебѣ это, кажется, говорить, вступилась за себя молодая женщина; въ пять-то лѣтъ съ меня, небось, синяки не сходили; сколько, можетъ, разъ безъ чувствія отъ твоихъ побоевъ лежала...

— Ну, теперь, видно, адью.... поминай какъ звали, вымолвилъ Тихонъ Прокофьевъ, широко размахнувъ рукой.

— Ты, въ заправду, дай ей съ ребятишками-то хоть на корову, предложилъ старшина.

Тихонъ Прокофьевъ безсознательно вскинулъ глазами и только икнулъ.

— Я и такъ остаюсь безъ угла; разута, раздѣта; спасибо вотъ добрые люди шубенки одолжили сюда доѣхать, продолжала молодая женщина, разсчитывая на поддержку старшины.

Никифоръ Васильевъ и Захаръ Андреичъ тоже присовѣтовали наградить ребятишекъ; даже случайно очнувшійся Яковъ Васильевичъ призналъ, что хотя родительское благословеніе во вѣки нерушимо; ну, а все, какъ будто, одного его маловато и слѣдуетъ прибавить чего-нибудь вещественнаго.

Общимъ голосомъ порѣшили наконецъ выдать женѣ охотника пятнадцать цѣлковыхъ, а отъ нея взять подписку, что никакихъ претензій на мужа своего не имѣетъ и нигдѣ, ни о чемъ просить больше не будетъ.

— Ну, теперича, кажись эта статья въ отдѣлкѣ, сказалъ Платонъ Петровичъ, самодовольно потирая руки. Подойди сюда паренёкъ, обратился онъ къ Ваняткѣ, усаживаясь на почетное мѣсто.

Захаръ Андреичъ съ неудовольствіемъ поглядѣлъ на просителя: его сильно уже клонило ко сну и продолжать занятія казалось ему положительно невозможнымъ.

— Ты откуда? рѣзко спросилъ онъ выдвинувшагося на средину комнаты Ванятку.

— Хохловскіе!

— Онъ, значитъ, объ своей обидѣ жалится, пояснилъ старшина, съ важностью разглаживая свою длинную бороду.

— Баба отъ меня уходомъ ушла и живетъ вотъ ужъ сколько времени при своихъ сродственникахъ, высказалъ наконецъ Ванятка.

Старшина глянулъ на писаря, писарь задумчиво повертѣлъ пальцемъ въ носу и, послѣ минутнаго размышленія, объявилъ, что дѣло это подлежитъ разбирательству волостного суда.

— Ну такъ, значитъ, до другого раза, рѣшилъ Платонъ Петровичъ, поднимаясь съ своего мѣста.

Захаръ Андреичъ тоже всталъ; Никифоръ Васильевъ съ Тихономъ Прокофьевымъ стали собираться.

Ванятка невольно отступилъ къ двери.

— Васъ тогда вызовутъ, сказалъ Захаръ Андреичъ, замѣтивъ, что парень какъ будто чего-то еще дожидается.

Ванятка вышелъ въ сѣнцы.

«А ну, какъ и меня разсудятъ не плоше микулинскаго мужика, подумалъ онъ, начиная уже раскаяваться, что затѣялъ все это дѣло. Велятъ оштраховать хоть ее, хоть меня, все одно надо будетъ отдавать домашнюю овцу; да сраму-то примешь столько, что и на глаза людямъ не покажешься...» Вдругъ скрипнула дверь: жена и мать Тихона Прокофьева вышли изъ правленія; за ними показались остальные. Захаръ Андреичъ бережно несъ совершенно уже пустую бутыль.

— Ты чего-жъ тутъ притулился? сердито крикнулъ онъ на Ванятку.

— Мы, такъ... безъ суда желаемъ... можетъ сама образумится, робко выговорилъ онъ, отыскивая глазами старшину.

— Вотъ это, братъ, хорошее дѣло, похвалилъ Никифоръ Васильевъ.

— А насчетъ жены, коли нуждаешься — возьми... даромъ уступаю, предложилъ Тихонъ Прокофьевъ, указывая обѣими руками на свою сожительницу; но шутка эта показалась ужъ черезъ-чуръ неумѣстною и всѣ пропустили ее мимо ушей.

— Иди-ка себѣ, паренёкъ, ко двору, приказалъ Платонъ Петровичъ; сами вы лучше смиритесь; зачѣмъ до людей дѣло доводить, добродушно прибавилъ онъ, слегка приподымая шапку, въ отвѣтъ на низкіе поклоны отъѣзжающей компаніи.

Ванятка тоже отправился.

Былъ ли онъ доволенъ своимъ путешествіемъ и что̀ теперь ему желалось—онъ и самъ не могъ бы сказать опредѣлительно. «Соскучится, небось, придетъ, думалъ онъ, перебирая въ умѣ послѣднія слова Платона Петровича; да и старый-то, авось ли, смилуется, не все же, чай, серчать будетъ; а судомъ на нихъ пойти хуже, въ заправду, только раздразнишь...»; и Ванятка, обезсиленный усталостью и голодомъ, съ радостью наконецъ заприметилъ верхушки хохловскихъ ракитъ.

Тѣмъ же временемъ Прохоръ успѣлъ выхлопотать «изъ волости» нужныя для себя бумаги и отправился въ городъ, по совѣту Егора, къ рыжему Александру Потапычу, съ лохматымъ затылкомъ. Александръ Потапычъ, извѣстный такъ же подъ названіемъ «сибирнаго», началъ заниматься прошеньями только недавно, а прежде того промышлялъ мелкой торговлею. Сибирнымъ прозвали его свои же братья-ходатели въ насмѣшку за какое-то дѣло, которое онъ защищалъ у мирового судьи и такъ

искусно оправдывалъ своего довѣрителя, что тотъ изъ гражданскаго истца нежданно-негаданно превратился въ уголовнаго преступника... Выслушавъ Прохора съ подобающей сановитостью, Александръ Потапычъ объявилъ ему, что крестьянскихъ дѣлъ онъ не любитъ.

— Вотъ, если бы къ судьѣ или хоть въ сенатъ нужно было написать жалобу — это все можно; а по вашимъ учрежденіямъ совсѣмъ другіе порядки и очень трудно бываетъ добиться успѣха.

«Это онъ нарочно стращаетъ, чтобъ поболѣ выманить», думалъ Прохоръ, понимая всѣ объясненія по своему.

— Извѣстно, у кого правовъ нѣтъ, такъ и жалиться нечего; а у насъ, кажись, послуга въ семействѣ, говорилъ онъ, перевертывая въ рукахъ шапку.

— А почему же сходъ твоей послуги не уважилъ? замѣтилъ Александръ Потапычъ, не понимая и самъ хорошенько, къ чему тутъ говорится о послугѣ и отчего ее надо было уважить.

Прохоръ почесалъ затылокъ, но ничего не объяснилъ. Александръ Потапычъ былъ въ недоумѣніи. Онъ сознавалъ, что въ самомъ дѣлѣ, эта послуга, на которую такъ напираетъ мужикъ, должно быть дѣйствительно имѣетъ значеніе и, вѣроятно, есть же что-нибудь объ этомъ въ мужицкихъ законахъ; но гдѣ именно и чтó тамъ говорится—ходатель, какъ на зло, ни отъ кого до сихъ поръ не слыхивалъ.—Да къ чему же непремѣнно законы? разсудилъ ходатель. Можно представить дѣло въ общихъ чертахъ; обратить вниманіе на тотъ невидимый коловоротъ, въ средѣ котораго вращаются всѣ общественныя силы, вызванныя къ жизни державнымъ словомъ великаго освободителя, и такъ сказать... но что именно сказать — этого-то Александръ Потапычъ и не могъ никакъ придумать. А между тѣмъ, незамѣтно приходитъ ему на память, какъ однажды предводитель срѣзалъ его на мировомъ съѣздѣ, остановивъ въ самомъ интересномъ мѣстѣ защитительной рѣчи замѣчаніемъ, что пустословіе къ дѣлу не относится, и потомъ приказалъ даже выдти изъ залы, когда Александръ Потапычъ потребовалъ-было по этому поводу объясненій.—Ну, какъ опять попадешь на такую же непріятность? Онъ вопросительно глянулъ на Прохора.

— Ужъ ты не мучь меня, Христа ради, вдругъ заговорилъ тотъ. Объясни, то-есть, что тебѣ требуется за хлопоты.

Александръ Потапычъ встрепенулся и хлопнувъ мужика пріятельски по плечу, назначилъ десять цѣлковыхъ.

— Нѣтъ, мы этого не могимъ, рѣшительно отказался Прохоръ.

Александръ Потапычъ слегка передернулся.

— Ты что же, почтенный, видно за пару калачей желаешь охлопотать своего сына? сказалъ онъ съ насмѣшкой.

— Да и десять цѣлковыхъ намъ тоже взять неоткуда. Вотъ, сейчасъ платить подушныя, тамъ оброки; изба совсѣмъ развалилась—справлять надо; а богачество наше извѣстно: самъ-другъ съ бабой, и тянись куда знаешь. Въ голосѣ Прохора слышались горе и злоба. Когда угодно, любую половину, предложилъ онъ, подумавъ.

Александръ Потапычъ сдѣлалъ видъ, будто обидѣлся.

— Ты, голубчикъ, не лапти торгуешь, строго замѣтилъ онъ. Тутъ съ тебя не запрашиваютъ, а говорятъ прямо чего стоитъ твое дѣло!

— Кабы съ нами ни экая бѣда повстрѣчалась, развѣ мы постояли бы за деньгами, говорилъ Прохоръ. Пожалѣй хоть сколько-нибудь; стань за отца, за матерь, умолялъ онъ, низко кланяясь.

Александръ Потапычъ прошелся раза два по комнатѣ и велѣлъ мужику приходить за бумагой, послѣ вечерень.

Подкинувъ лошади корму, Прохоръ отправился на базаръ. Торгъ уже кончился; на площади стояли только два запоздалые воза съ дровами, да какая-то баба держала въ поводкѣ худую, взъерошенную корову. Хмѣльныхъ однако было довольно, а около торговки блинами столпилась порядочная кучка народа и слышались крупные разговоры.

Прохоръ направился-было туда, но вдругъ нечаянно столкнулся съ Бороненковымъ. Разговорились. Оказалось, что онъ тоже по некрутскому дѣлу; ѣздилъ къ предводителю, а тотъ приказалъ завтра явиться на мировой съѣздъ. Прошенье писалъ ему какой-то хромой и взялъ за это только два цѣлковыхъ—да на чаю пропоилъ восемь гривенъ.

— Съ виду, кажись, такой мозгляненькій, разсказывалъ Бороненковъ, а куда тебѣ на дѣла дока. Подалъ я бумагу самому производителю; прочелъ онъ ее, только знаешь усъ крутить началъ: должно видитъ, что добре, то-есть, въ такцію прямо. Ну и сказалъ мнѣ: приходи, говоритъ, въ четвергъ на съѣздъ. Коли хошь, пойдемъ къ хромому, онъ и тебѣ набузуетъ, предложилъ вдругъ Бороненковъ.

Прохоръ задумался. Выгадать два, а можетъ и три рубля—штука, конечно, немаловажная; да хорошо, какъ этотъ хромой

въ заправду мастеръ своего дѣла, а если онъ плоше сибирнаго — тогда и деньгамъ радъ не будешь.

— Тутъ, знаешь, по всѣмъ законамъ написано, какъ будто въ отвѣтъ на мысли Прохора, продолжалъ Бороненковъ. Ужъ на что, кажется, Алексѣй Ивановъ, человѣкъ кредитный, а надысь при мнѣ приходилъ къ хромому тоже насчетъ своихъ дѣловъ съ микулинской барыней.

— Что-жъ ёнъ?

— Живъ, говоритъ, не буду, коли всѣхъ денегъ не выдеру; даже на образъ перекрестился.

Прохоръ еще болѣе задумался.

— А энтотъ-то какъ же? вымолвилъ онъ, начиная увлекаться разсказами Бороненкова.

— Твой-то? да наплевать на него, разомъ порѣшилъ услужливый товарищъ, и мужички переваливаясь побрели въ переулокъ, подъ горку.

Ужъ было очень поздно, когда они вернулись на постоялый дворъ и, пожевавъ домашняго хлѣбушка, взобрались на просторную печь.

— Ну, да и башка, говорилъ Прохоръ, невольно припоминая фигуру хромого ходателя.

— Тутъ, малый, напхато всякихъ законовъ, пожалуй, на три головы хватитъ, замѣтилъ въ свою очередь Бороненковъ.

— И податливъ, прибавилъ черезъ нѣсколько минутъ Прохоръ, сравнивая хромого съ Александромъ Потапычемъ.

— Одно дѣло, ужъ сквозь сонъ выговорилъ Бороненковъ и захрапѣлъ на всю избу.

На другой день оба просителя съ утра отправились въ съѣздъ, и хотя солдатъ-сторожъ объяснилъ имъ, что господа пріѣдутъ покушамши, но мужики разсудили за лучшее на постоялый не возвращаться, а ждать тутъ, сколько бы ни пришлось. Мало-помалу просторныя сѣни земскаго дома стали наполняться народомъ и точно пчелы загудѣли разбившіеся по кучкамъ просители.

— Нѣтъ, мы евтаго такъ не упустимъ, задорливо говорилъ у окна изкрасна рыжій мужикъ, размахивая руками. Мы до министера ходоковъ наладимъ, а ужъ не дадимъ надъ собой насмѣяться.

— И тутъ начальство разсудитъ, замѣтилъ кто-то внушительно.

— Разсудитъ! Мы, почесть, кажинный годъ воловодимся, а все концевъ не найдемъ, продолжалъ первый. Тринадцать некрутовъ, опричь нынѣшнихъ поставили, да теперь опять троихъ

тянутъ; анъ вѣдь это въ другомъ мѣстѣ цѣлая деревушка выходитъ.

— А ваше селенье велико? разомъ спросили двое.

— Дворовъ подъ сотню можетъ будетъ!... Да что нынче дворы; только слава, что хозяинъ живетъ: окромя бабы распорядиться нечѣмъ.

Въ толпѣ усмѣхнулись.

— Добре нонѣ народъ отощалъ.... какъ только вѣкъ доживать будемъ, вздыхая прошамшилъ худой, сгорбленный старичекъ, притащившійся хлопотать о своемъ кормильцѣ-внукѣ....

— Наши и то надысь къ посреднику ходили, толковали въ другомъ кружкѣ.

— Что-жъ ёнъ?

— Говоритъ на откупъ идти надоть — лучше вишь чѣмъ оброки платить.

— Ну, а вы что-жъ?

— Да порѣшили старики: коли пятую копѣйку господа простятъ, такъ сходиться, а то остаться по старому.

— А мы вотъ и землей еще не развелись!

— Что такъ?

— Господа упорствуютъ! Наровятъ спихнуть насъ къ Большому верху, а мужички не соглашаются; вотъ и канителимся. Рублевъ по пять съ души на прошенья собрали, а кто ё знаетъ, выйдетъ ли еще по нашему.

— Призводитель ѣдитъ, призводитель! заслышалось вдругъ у наружной двери, и въ сѣняхъ на минуту все смолкло. Потомъ разомъ зашуршали коляные полушубки, зазвенѣли кресты съ мѣдными копоушками и изъ-за пазухъ, изъ кармановъ появились аккуратно сложенныя прошенья.

У подъѣзда остановился возокъ. Изъ него вышелъ мужчина въ дорогой медвѣжьей шубѣ и военной фуражкѣ.

— Здорово! привѣтливо крикнулъ онъ, окидывая взглядомъ толпившихся около него просителей.

— Ваше присходительство, вашеское благородіе, ваше графское сіятельство, голосили со всѣхъ сторонъ, и десятки рукъ съ бумагою разомъ протянулись на встрѣчу предводителя; а какая-то женщина упала на колѣни въ самыхъ дверяхъ, да расторопный сторожъ мигомъ подхватилъ ее за подпояску и очистилъ дорогу. Захвативъ, что было можно, предводитель скрылся за дверью, обитою зеленой клеенкой. Пріѣхали посредники; пріѣхалъ еще какой-то господинъ съ крестомъ на шеѣ и всѣ прошли въ ту же зеленую дверь. Бороненковъ, а за нимъ еще человѣкъ пять посмѣлѣе, такъ же сунулись-было къ

этой двери, но сторожъ погрозилъ имъ пальцемъ и обѣщалъ самъ позвать, когда будетъ надобность.—Куда-жъ теперь? спрашивали другъ друга взбудоражившіеся просители и молча разсаживались по сѣнямъ, въ тоскливомъ ожиданіи рѣшенія. Прохору досталось мѣстечко на дровахъ, подъ широкою каменной лѣстницей.—Вотъ и съѣзда дождались, а что-то еще будетъ, подумалъ онъ, начиная вдругъ сомнѣваться въ успѣхѣ своего дѣла. Хромой говоритъ: въ губернію надо будетъ жалиться, коли тутъ не выгоритъ; а можетъ и здѣсь порѣшатъ: господа-то должно все такіе-жъ, утѣшилъ онъ самъ себя и сталъ прислушиваться къ разговору сосѣдей.

— А что-жъ малый, чугунка? нечто оттуда всѣ съ добромъ ворочались? Лѣтошнимъ годомъ у насъ человѣкъ двадцать ходили, да и посейчасъ все еще судятся.

— Почто такъ?

— Да такъ! Рядились-то у Степана Константинова въ кабакѣ; извѣстно, выпимши были; путемъ, можетъ, и не разслухали какія тамъ условія имъ вычитывали, а какъ пришли на мѣсто, работа-то вышла не подсильная; ну, они задатки отжили да и ушли. Теперь подрядчикъ взыскиваетъ съ нихъ разные убытки...

— Они-бъ жалились!

— Вездѣ, малый, были; да не вышло отчего-то по ихнему.

— Разорились тоже не хуже пожара; почесть всю скотинишку на взыски распродали.

— Мишинскіе полномочные! крикнулъ вдругъ сторожъ изъ дверей съѣзда.

Мужички заволновались.

— Кого это? Куда? Миховскихъ требуютъ. Слышь вы, оголтѣлые, Иванъ, Панкратъ, сполномочные наши, иди сюда, суетился тотъ изкрасна рыжій мужикъ, который обѣщался до министра ходоковъ наладить.

— Ну, ребята, обратился онъ къ своимъ, на минуту остановясь передъ дверью, смотри въ оба!

— Ты, Лявонъ, не зѣвай, а мы за тобою, дружно отозвались мужички, какъ будто они шли на медвѣдя.

— Мишинскіе? коротко спросилъ предводитель, когда уполномоченные появились передъ длиннымъ столомъ, по сторонамъ котораго сидѣли: Аверкій Семенычъ, другой посредникъ и членъ правительства съ орденомъ на шеѣ; самъ же предводитель помѣщался въ рѣзныхъ дубовыхъ креслахъ, подъ императорскимъ портретомъ.

— Села Мишина, бойко отвѣтилъ за всѣхъ Леонтъ.

— Ну, вотъ, ваше прошеніе оставлено съѣздомъ безъ удовлетворенія, объявилъ предводитель.

— Пожалуйте намъ скопію, мы дальше будемъ права находить, отозвался снова Леонтъ.

Предводитель нахмурился.

— Ты прежде выслушай, сказалъ онъ сердито. Лишнихъ рекрутовъ вы не ставили и не ставите, а по числу долговыхъ частей приходится именно столько, сколько вамъ назначено.

Предводитель потребовалъ счеты.

— Вотъ смотрите, продолжалъ онъ, приготовляясь дѣлать выкладки: съ 340 душъ, за прежніе наборы приходится...

— У насъ только 290, перебилъ Леонтъ.

Предводитель вопросительно взглянулъ на посредника.

— Безъ Выглядаевки и Кукуевой — правда, удостовѣрилъ тотъ.

Предводитель отдвинулъ счеты, а задремавшій-было членъ правительства вдругъ встрепенулся и попросилъ объяснить дѣло.

— Село Мишино, съ деревнями Кукуевой и Выглядаевкой, началъ съ разстановкой посредникъ, составляютъ одно сельское общество, имѣютъ одного старосту и всѣ повинности отбываютъ за круговою порукой....

— Они и висятъ на нашей шеѣ, заговорили мужики. То дни барщинскіе за нихъ выхаживали, теперь оброки собираемъ, да, вотъ, и некрутчину опять мы же все справлять должны. Явите божескую милость, разберите эти дѣла по закону.

Мужики начали кланяться.

— Вся бѣда оттого, продолжалъ посредникъ, что въ обѣихъ деревняхъ, какъ выселкахъ главнаго имѣнія, нѣтъ большихъ семействъ и поэтому ставить рекрутовъ дѣйствительно приходится все имъ. Онъ указалъ на уполномоченныхъ.

— Докуда-жъ намъ страдать за нихъ, снова заголосили мужики, нѣсколько ободренные участіемъ посредника.

— А почему-жъ вы не распишитесь съ деревнями порознь? спросилъ предводитель.

— Мы со всей удовольствіей; сколько разовъ утруждали ихъ милость, да все говорятъ, будто....

Леонтъ взглянулъ на посредника и замялся.

— Короче сказать, договорилъ уже посредникъ, они желаютъ раздѣлиться на три общества, а управляющій не соглашается и не подписываетъ приговоръ.

— Ну, стало быть и толковать объ этомъ нечего, рѣшилъ предводитель и кивнулъ просителямъ головой.

Мужики переглянулись.

— На чемъ же наше дѣло будетъ? спросилъ Леонтъ, когда посредникъ началъ читать жалобу какого-то Шебанова.

— Вы слышали, чтò вамъ сказано? строго спросилъ предводитель.

— Да это-то мы слыхали, съ досадою выговорилъ Леонтъ, а болѣ стало ничего не будетъ?

— Ничего!

— Вотъ такъ порѣшили, насмѣшливо замѣтилъ одинъ изъ уполномоченныхъ, повертываясь къ двери.

— Мы евтаго такъ не бросимъ; мы выше жалиться будемъ, толковали другіе, выходя изъ комнаты.

— Можно, я думаю, продолжать, предложилъ посредникъ, снова принимаясь за прошеніе Шебанова.

— Да тутъ что-то много написано, не лучше ли доложить, замѣтилъ Аверкій Семенычъ.

Посредникъ сталъ докладывать.

— Сельца Малаго Курина, крестьянинъ Иванъ Борисовъ Шебановъ жалуется, что сельское общество неправильно назначило его сына въ рекруты, такъ какъ этому сыну болѣе тридцати лѣтъ отъ рода. Жаловался онъ волостному сходу—но тотъ просьбы его не уважилъ, и, вотъ, теперь проситъ мировой съѣздъ освободить его отъ рекрутства.

— Только всего? недовѣрчиво спросилъ предводитель и, притянувъ къ себѣ кругомъ исписанный листъ, сталъ пробѣгать глазами.

«Но сельское наше общество, не вникая всемилостивѣйшаго манифеста, съ нарушеніемъ высочайше дарованныхъ законовъ и къ явному отягощенію моего семейства, назначило моего сына, коему по церковнымъ, метрическимъ книгамъ исполнилось тридцать лѣтъ отъ рожденія»... прочиталъ онъ въ слухъ.

— Будетъ вамъ заниматься этой поэзіей, пишите прямо: постановили, сказалъ Аверкій Семенычъ.

Предводитель взялся за перо.

— Позвольте на минуту, тутъ есть маленькій фокусъ, остановилъ посредникъ, вытаскивая изъ портфеля новую бумагу.

— Дѣло вотъ какого рода, продолжалъ онъ:—три года назадъ мало-куринское общество такъ же ставило рекрута и такъ же назначено было семейство этого самаго Шебанова, но онъ упросилъ тогда сходъ отсрочить ставку до будущаго набора, обязавшись, при первой очереди селенія, отбыть повинность безпрекословно. Вотъ теперь мужики и требуютъ, чтобы онъ очистилъ свой чередъ.

— По-моему это совершенно справедливо, высказалъ предводитель.

— Согласенъ; но кого же вы будете принимать въ рекрутскомъ присутствіи? спросилъ Аверкій Семенычъ.

— Пусть ставитъ охотника; покупаетъ квитанцію!...

— Во-первыхъ, онъ не сдѣлаетъ этого потому, что его, какъ видно, ужъ вразумили на счетъ закона; а во-вторыхъ, у него одна только лошадь, и та назначена въ продажу по исполнительному листу судьи. Вы не можете себѣ представить до какого остервенѣнія дошли мужики, когда узнали, какъ ловко ихъ провели, пояснилъ посредникъ.

Крѣпко задумался мировой съѣздъ.

— Не возбудить ли, я полагалъ бы, вопроса, какъ-то боязливо предложилъ членъ.

— О чемъ? сколько было выпито вина, когда Шебановъ обманывалъ сходку, рѣзко замѣтилъ Аверкій Семенычъ.

Предводитель слегка поморщился; всѣмъ стало какъ-то неловко.

— Рѣшайте, однако, господа; впереди еще дѣлъ много, напомнилъ посредникъ, приподымая толстую кипу прошеній.

— Назначеніе Шебанова, какъ незаконное, отмѣнить, а сходу предоставить вѣдаться съ нимъ, какъ знаютъ, по закону. Согласны? обратился предводитель.

Всѣ кивнули утвердительно.

Жалоба Прохора вызвала долгія и оживленныя пренія. Затрогивался вопросъ о послугахъ, а это былъ камень преткновенія съѣзда. Александръ Потапычъ мучился по крайней мѣрѣ отъ того, что не зналъ, что̀ написано объ этомъ предметѣ въ мужицкихъ законахъ; эти же господа, заматерѣвшіе въ ежедневномъ перевертываніи всевозможныхъ положеній и циркуляровъ— изнывали теперь отъ недоумѣнія, какой именно законъ приложить къ дѣлу. По внутреннему убѣжденію посредниковъ слѣдовало бы оставить послугу безъ вниманія, такъ какъ ей давно уже кончился льготный срокъ, но внезапно одушевившійся членъ правительства приходилъ въ ужасъ отъ такого заключенія и усердно просилъ своихъ товарищей рѣшить дѣло не по тому закону, на который они ссылались, а по циркулярному разъясненію.

— Да вѣдь это разъясненіе прямо противорѣчитъ и духу, и буквѣ закона, упорно возражали ему противники.

— Какое намъ дѣло до противорѣчій, еще упорнѣе настаивалъ членъ. И положеніе, и циркуляры, и всякое вообще распоряженіе высшей инстанціи — все это законы, которые не-

обходимо исполнять буквально. Не понравится наше рѣшеніе губернскому присутствію — отмѣнятъ; мы перерѣшимъ по новому, но будемъ, по крайней мѣрѣ, правы; а стòитъ ли изъ-за какого-нибудь мужичьяго прошенія наживать себѣ непріятности? Вы, кажется, знаете нашего губернатора, сейчасъ представитъ сенату — напомнилъ подъ конецъ членъ, разсчитывая на эту фразу, какъ на послѣднее надежное средство воздержать черезъ-чуръ-было залиберальничавшихъ товарищей.

И въ самомъ дѣлѣ, споръ прекратился. Посредники тоскливо взглянули на предводителя: едва замѣтная улыбка скользила по его губамъ.

«Я-то, я-то, когда же попалъ въ чиновники?» съ удивленіемъ спрашивалъ онъ себя, благоразумно сознавая свое безсиліе передъ послѣднимъ доводомъ члена, и разсѣянно принялся крутить папиросу.

Засѣданіе было прервано. Аверкій Семенычъ съ другимъ посредникомъ вышли въ смежную комнату, а членъ тотчасъ же началъ подписывать прежніе журналы, и нѣсколько времени слышался только шелестъ перевертываемыхъ листовъ, да непріятный скрипъ засохнувшаго пера.

— Фу, пропасть какая, выговорилъ онъ наконецъ, отодвигая на средину стола толстую книгу.

— Одолѣли? спросилъ предводитель.

Членъ принужденно улыбнулся. Ему вдругъ представились тѣ безчисленные ухабы, по которымъ онъ только-что нырялъ цѣлые сутки, переѣзжая со вчерашняго мирового съѣзда изъ гор. О... въ нынѣшній; завтра ожидала та же работа по дорогѣ въ П....скій съѣздъ, и утомленное до изнеможенія тѣло настойчиво требовало отдыха. Онъ взглянулъ на часы: было половина одиннадцатаго.

— Долго еще будемъ сидѣть? спросилъ онъ зѣвая.

— А что, или спать пора? потягиваясь замѣтилъ предводитель, и велѣлъ пригласить посредниковъ.

Пришли; усѣлись; хотѣли-было опять ломать головы надъ прохоровой жалобой; да чтобъ не затягивать дѣла и не накликать на себя непріятностей, сразу постановили: Никифора Прохорова, по уваженію послуги отмѣнить, а къ рекрутству привлечь Ивана Козлова.

— Довольны ли вы теперь? обратился предводитель къ члену, принимаясь писать резолюцію.

— Чтó-жъ прикажете дѣлать? мы обязаны исполнять указаніе высшей инстанціи лебезилъ тотъ, радуясь, что придуманное

наконецъ рѣшеніе вполнѣ согласовалось съ мнѣніемъ губернатора.

На георгіевской колокольнѣ било полночь, когда стали разъѣзжаться. Въ просторныхъ сѣняхъ было теперь пусто и холодно: просители давно уже разбрелись по постоялымъ дворамъ, вынуждаемые къ тому заботой о лошадяхъ и собственнымъ голодомъ.

О судьбѣ Ванятки прежде другихъ узналъ Андрей Силычъ. Пріѣхавши въ городъ для окончательныхъ разсчетовъ съ сычевскимъ бариномъ, онъ поневолѣ долженъ былъ опять обратиться къ Дорминдонту Иванычу, и отыскивая его по разнымъ трактирамъ, Силычъ встрѣтилъ въ одномъ изъ нихъ Михаила Саврасова, гуляющаго съ охотникомъ. Андрей Силычъ и Михаилъ Саврасовъ оба слыли за богачей, оба пользовались почетомъ и вслѣдствіе того постоянно косились другъ на друга, завидуя одинъ другому поочередно.

Необходимость выручить сына отъ солдатчины сильно разстроивала денежныя дѣла Саврасова, и на сторонѣ Силыча вдругъ оказывался значительный перевѣсъ; назначеніе же Ванятки, по предположенію Саврасова, должно было растрясти и Силычевъ карманъ, такъ какъ, вѣроятно, старикъ застоитъ зятя охотникомъ, либо квитанціей. Съ этими мыслями онъ, пошатываясь, приблизился къ Силычу и радостно спросилъ его: по дѣламъ что-ль?

— Ужъ ли-жъ безъ дѣловъ, сухо отвѣтилъ тотъ, заглядывая по сторонамъ.

— А по какой, то-есть, части? приставалъ Саврасовъ.

— Наша забота, рѣзко и съ явнымъ уже неудовольствіемъ выговорилъ Андрей Силычъ.

— То-то; коли насчетъ охотника, такъ тутъ въ городѣ есть важнѣющій, изъ мѣщанъ.

Силычъ сердито сдвинулъ брови и тронулся-было съ мѣста.

— Да ты не куражься; ты знаешь ли, что зятя твоего, хохловскаго, придѣлили вчера съѣздомъ въ ставку? насмѣшливо спросилъ Саврасовъ, загораживая ему дорогу.

Андрей Силычъ слегка измѣнился въ лицѣ.

— Ты какъ провѣдалъ? почти вскрикнулъ онъ.

— При мнѣ ныньче секлетарь вычитывалъ рѣшенье ихнему старостѣ; я, значитъ, водилъ туда охотника своего мѣрить. Коли желаешь наемщика; али, можетъ, фитанецъ, тоже тутъ въ го-

родѣ у одной вдовы есть — семьсотъ серебра проситъ, добавилъ Саврасовъ.

Андрей Силычъ безсознательно тронулъ себя за лѣвый бокъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ у него былъ спрятанъ бумажникъ и молча повернулъ къ двери.

— Что-жъ ты? крикнулъ ему Саврасовъ; но Силычъ былъ уже на улицѣ. Онъ тотчасъ же отправился въ канцелярію съѣзда и собственными ушами убѣдился въ дѣйствительности назначенія Ванятки.

— Какъ же теперь быть? спросилъ онъ секретаря.

— Можешь жаловаться губернскому присутствію, пояснилъ тотъ.

Силычъ задумался.

— Ну, а тамъ что-жъ? выговорилъ онъ.

— Можетъ быть отмѣнятъ, утѣшалъ секретарь.

— А если не отмѣнятъ?

— Тогда въ сенатъ!

Силычъ сомнительно покачалъ головой.

«До Бога высоко, до царя далеко, а вѣдь и тутъ тоже люди рѣшали», разсудилъ онъ, и замѣтивъ, что секретарь развертываетъ еще какую-то бумагу, молча отошелъ отъ стола.

— Вотъ надысь бабы толковали, что у нихъ каша изъ горшка вылѣзла; вотъ-те и вылѣзла, шепталъ Силычъ, затворяя стеклянную дверь подъѣзда. Теперь, видно, толкуй не толкуй, а зять будетъ солдатомъ, думалъ онъ, и воображенію его мгновенно представилась будущность дочери. Молодая бабёнка, на второй годъ замужства, остается одна-одинешенька. Куда приклонить ей, сердечной, голову? къ какой семьѣ пріютиться?

Остаться батрачихой въ мужниномъ домѣ; съ утра до вечера кипѣть, какъ въ котлѣ, на безустанной работѣ и за все, про все отдуваться своими боками... Силычъ громко и протяжно охнулъ. А коли при себѣ-то оставить, какая же сласть будетъ? только развѣ скорѣй зажируетъ на вольномъ хлѣбѣ, мелькнуло-было дальше въ мысляхъ Силыча; но въ эту минуту гдѣ-то близко раздались звуки гармоніи и визгливые женскіе голоса хрипло выкрикивали какую-то пѣсню. Силычъ едва успѣлъ посторониться, какъ мимо его пронеслись двое парныхъ извозчичьихъ саней.

Въ переднихъ стоялъ, съ возжами въ рукахъ, высокій, раздувшійся отъ перепоя молодецъ, поддерживаемый съ двухъ сторонъ разукрашенными сильфидами. Онъ немилосердно хлесталъ лошадей кнутомъ и ругался на всю улицу. Сзади ѣхалъ Михаилъ Саврасовъ съ какимъ-то оборваннымъ мѣщаниномъ.

— Гуляемъ! крикнулъ Саврасовъ такимъ отчаяннымъ голосомъ, что Силычъ даже вздрогнулъ и невольно прибавилъ шагу. Изъ переулка, мимо полиціи, едва можно было продраться. Тутъ стоялъ возъ битой посуды и кругомъ его громадная толпа народа. Слышались разговоры объ удали охотника, который только-что прокатился по разставленнымъ на торгу горшкамъ и всѣ удивлялись хитрой, молодецкой выдумкѣ. Вотъ они каковы, эти охотники, съ ужасомъ заключилъ Силычъ, и чуть уже не бѣгомъ пустился на постоялый дворъ.

Собравъ наскоро лошадь, онъ заѣхалъ на пути въ красную лавку и къ свѣту былъ дома. Катерина только-что истопила печь и домашніе усаживались завтракать, какъ въ избу неожиданно вошелъ Андрей Силычъ.

— Прибери лошадь, приказалъ онъ Петрунькѣ.

Малый торопливо вышелъ. За нимъ выскочили невѣстки; Параньна тоже-было подвинулась къ двери, но Силычъ ее остановилъ.

— Ну, дѣвка, перво на-перво не нюпить; и ты, старуха, тоже, строго прибавилъ онъ взглянувъ на жену.

Катерина сразу похолодѣла; она уже предчувствовала что-то недоброе.

— Забрить порѣшили! коротко объявилъ онъ, не назвавъ даже того, къ кому относилось рѣшенье.

Догадаться однако было не трудно.

Обѣ женщины испуганно переглянулись. Катерина однимъ прыжкомъ очутилась около дочери, охватила руками ея голову и глухо зарыдала. Силычъ хотѣлъ-было крикнуть, да голосъ-то вдругъ словно пропалъ у него, а когда заслышалось причитанье, онъ только махнулъ рукою и тихонько перебрался въ свою горницу. «Бабье горе слезами выходитъ, незамай, наплачутся», разсудилъ онъ, сообразивъ наконецъ, что при такомъ важномъ дѣлѣ и нельзя даже иначе, а то еще добрые люди осудятъ....

Дошли слухи и до Матрены. Сначала она не повѣрила, но когда ей показали приказъ старшины, чтобы черезъ два дня представить Ванятку въ правленіе, баба грянулась на полъ и часа два лежала безъ памяти.

— Не отдамъ, хоть убей, не отдамъ, прошептала она наконецъ, дико озираясь по угламъ избы, а завидя сына, разомъ вскочила на ноги, повисла къ нему на шею и залилась горькими, сердечными слезами.

— Свѣтъ ты мой, сынушко, на то ли я тебя воспоила, на то ли я тебя воскормила, причитала Матрена, все крѣпче и крѣпче прижимаясь къ могучей груди любимаго дѣтища.

— Полно, мамушка, полно; и въ солдатахъ тоже люди живутъ, утѣшалъ ее Ванятка, едва самъ сдерживая рыданія.

— Кто-жъ меня, убогую, при старости наблюдать будетъ; кто глазыньки мои закроетъ, желанный ты мой, Ванюшка? прибирала Матрена, начиная мало-по-малу переходить отъ первой бури отчаянія въ тихую, задушевную грусть.

Пріѣхали Силычъ съ Параньвой.

Появленіе свата мгновенно оживило Матрену надеждой. «Должно умилился», думала несчастная мать, снова мечтая о возможности выручить сына и съ трепетомъ ожидала рѣшенія. Ванятка такъ обрадовался женѣ, что даже забылъ поклониться тестю.

— Ты что-жъ скоро загордѣлъ, строго замѣтилъ Силычъ, положивъ одну руку на плечо зятя, и такъ сильно повернулъ его къ себѣ лицомъ, что тотъ даже пошатнулся.

— Прости, батюшка, моей дурости; добре бабѣ обрадовался, покорно проговорилъ Ванятка, кланяясь тестю въ поясъ.

— Теперь вотъ обрадовался, какъ готовую привезли, а нечто я тебѣ на позоръ дѣвку давалъ? мягко, почти уже ласково продолжалъ Силычъ.

Ванятка молча потупился.

— Помилосердуй, сватушка; смилуйся надъ его несмышленностью, вступилась Матрена. Кланяйся Ванюшка, проси себѣ милости, дернула она сына за рубашку.

И старуха и парень низко наклонились.

— Ладно, ладно! Богъ васъ проститъ! Отдай мужу гостинчикъ, приказалъ Андрей Силычъ, обращаясь къ дочери.

Паранька положила на столъ узелокъ.

— Возьми себѣ, щеголяй на здоровье, сказалъ Силычъ, развертывая передъ глазами удивленнаго Ванятки рубашку изъ красной александрійки и синіе нанковые шаровары.

— Самые солдатскіе, запинаясь выговорилъ парень, видимо желая улыбнуться и одолѣвъ только оскалить зубы. Онъ двинулся-было къ столу, но Матрена заслоновила его собою.

Теперь ужъ стало ясно, съ какой милостью пожаловалъ сватушка, и злоба, неисходная, безпощадная злоба вдругъ охватила сердце обездоленной матери. Красная рубашка показалась ей зеленою, а Силычъ, тотъ самый Силычъ, передъ которымъ всегда трепетала Матрена — представился какою-то маленькой гадиной, которую ничего не стóитъ раздавить однимъ пальцемъ.

— На гостинчикѣ мы васъ благодарствуемъ, а принять его не желаемъ, твердо выговорила она, подвигая узелокъ обратно къ Силычу.

— Ты что за птица? вскрикнулъ онъ, задыхаясь онъ неожиданнаго оскорбленія.

— Я мать моего дѣтища, а не птица, продолжала одушевляясь Матрена. Я его возростила, я его пожалѣю, я же его и награжу, чѣмъ подсильно будетъ, по нашему убожеству, а твоего богачества намъ ненужно; спрячь его про своихъ.

Силычъ злобно взглянулъ на Ванятку.

— Оставь, мамушка, свои рѣчи, кротко замѣтилъ тотъ, протягивая руку къ подаркамъ.

— Нишни, сынокъ! Безъ материнскаго приказа не моги тронуть, пригрозила Матрена такимъ вѣщимъ голосомъ, что Ванятка даже попятился отъ стола, словно лежавшія на немъ вещи были зачумленныя.

— Аль она у васъ совсѣмъ съ ума спятила? обратился Андрей Силычъ къ Ваняткѣ и пошелъ изъ избы, будто не своими ногами.

— Кощей безсмертный, крикнула ему въ слѣдъ окончательно уже разсвирѣпѣвшая Матрена, и бросилась-было догонять свата, но къ счастію, Ванятка, вышедшій проводить тестя, во̀время успѣлъ припереть дверь.

— Какъ же, батюшка, насчетъ ея-то прикажешь, спрашивалъ парень о женѣ, проходя деревнею.

— Не замай теперь при тебѣ побудетъ, а тогда пришлешь.

— А нельзя ей хоть до осени тутъ отжить? спросилъ подумавъ Ванятка.

Параньва съ испугомъ покосилась на отца.

— Убрамшись-то, можетъ, брата женить станутъ; ну, баба прибавится, продолжалъ парень, а лѣтомъ одной матери не управиться: у насъ три десятины ржи посѣяно.

— Да какая-жъ такая я на чужую семью работница, слезливо заголосила Параньва, начинавшая опасаться, чтобы отецъ и въ самомъ дѣлѣ не приказалъ ей остаться въ Хохловкѣ.

Но Силычъ былъ твердъ на своемъ словѣ и объявилъ безъ разговоровъ, что не пуститъ своей дочери жить въ подданствѣ у этакой кіевской вѣдьмы.

За околицей остановились.

Силычъ досталъ кошель и вынувъ двѣ новенькія десятирублевики, отдалъ ихъ зятю.

— Отпиши тогда, какъ на мѣсто пригонятъ, наказывалъ онъ, я еще помогу; только не трать на вѣтеръ.

— Бабу-то пуще всего сохрани, просилъ въ свою очередь Ванятка, обнимая тестя. Да не покинь, Христа ради, моихъ

стариковъ, коли нужда какая ихъ пристигнетъ, добавилъ онъ уже сквозь слезы.

— Тогда видно будетъ, уклончиво обѣщалъ Силычъ, дернувъ возжами.

Парень съ молодкой вернулись домой.

Дверь избы была отворена; на полу валялся щербатый, дровяной топоръ, а около него въ лапшу изрубленныя рубашка и шаровары.

— Ишь съ сердцовъ-то чего понадѣлала, качая головой замѣтилъ Ванятка, и сдвинулъ лоскутки ногой въ одну кучу.

Паранька чуть не заплакала—она пуще всего жалѣла о рубашкѣ; ужъ оченно цвѣтъ былъярокъ, такого, пожалуй, не скоро напасешься.

— Меня-то самого жаль ли тебѣ хоть крошечку? нѣжно спросилъ Ванятка, усаживаясь съ женой, за печкой, на подмости.

Молодка близко придвинулась къ мужу и сама обвила его руку вокругъ своей бѣлой шеи.

— Жаль, что-ль? повторилъ парень, чувствуя вдругъ будто его обожгло съ того бока, къ которому прислонилась Паранька.

— А тебѣ? чуть слышно выговорила она, лукаво взглянувъ изъ подлобья.

Свѣтъ помутился въ очахъ парня. Онъ судорожно схватилъ жену за подбородокъ, приподнялъ ей голову лицомъ вверхъ и страстно прильнулъ губами къ ея горячимъ полуоткрытымъ губамъ. Ни упрековъ, ни объясненій, ничего не было между повздорившими супругами; все кончилось само собою, какъ будто никогда и не начиналось.... Въ сумеркахъ пришли Матрена съ Павлушей и едва добудились своихъ молодыхъ, крѣпко спавшихъ на полатяхъ.

На другой день съ утра начались сборы и проводы. Убравши въ послѣдній разъ скотину и приготовивъ для себя сани, Ванятка отправился по деревнѣ прощаться. Въ каждомъ дворѣ принимали его, какъ дорогого гостя; сажали въ передній уголъ и потчивали чѣмъ Богъ послалъ, а потомъ вся деревня перебывала въ избѣ Матрены. Все тѣ же еще люди, все тѣ же еще стѣны окружали Ванятку, но парню казалось будто даже вчера было все какъ-то иначе и сердце щемило при одной мысли, что это *вчера* никогда ужъ не вернется.—А что-жъ будетъ завтра? попробовалъ онъ спросить себя и придумалъ только, что завтра его остригутъ, какъ барана.

— Покушай себѣ, дитятко, останный разочекъ, подкрѣпи свою душеньку, упрашивала Матрена Ванятку, когда собрали обѣдать; однако подкрѣплялъ себя только Павлуша, а больше никто и ложки въ руки не бралъ.

Поджидали-было Ерофея изъ дороги — но такъ и не дождались. Запрягли лошадь; вся деревня опять собралась къ Ваняткѣ: стали прощаться.

Теперь уже не одна мать отпускала своего сына, не одна жена разставалась съ своимъ мужемъ — здѣсь Хохловка провожала своего хохловца.

— Живъ буду, опять къ вамъ изворочусь, говорилъ Ванятка, цѣлуясь со всѣми поочередно.

— Пошли Богъ здоровья,... помоги тебѣ Господи, слышалось съ разныхъ сторонъ, и напутствуемый добрыми пожеланіями, Ванятка съ женой и матерью выбрался наконецъ за околицу.

И вотъ со всѣхъ почти деревень спасской волости разомъ двинулись некруты. Сборъ былъ назначенъ въ правленіи. Тутъ по русскому обычаю приготовлена была хлѣбъ-соль, и Ванятка пріѣхалъ уже къ самому угощенію. На длинномъ столѣ, покрытомъ чистой ширинкою, лежала цѣлая груда ситныхъ пироговъ; въ комнатѣ сильно пахло водкой и жареной поросятиной. Платонъ Петровичъ съ отдатчикомъ исполняли обязанность хозяевъ и разсаживали гожихъ за столъ.

— Кушайте, господа, кушайте сколько кому желается, угощалъ Платонъ Петровичъ, радуясь, что всѣ назначенные къ ставкѣ явились вó-время и стало быть дѣло обойдется безъ особыхъ хлопотъ.

— Ѣшьте, ребятушки, ѣшьте до сыта; въ нашей волости про всѣхъ хватитъ, говорилъ въ свою очередь отдатчикъ, обходя столъ съ огромной бутылью.

— Намъ-то когда же? спрашивали толпившіеся у дверей провожатые.

— Всѣмъ хватитъ, всѣхъ ублатворимъ, успокоивалъ ихъ отдатчикъ и началъ одѣлять пирогами. По мѣрѣ того, какъ водка и красненькое переливалось въ стаканчики, а опорожненные стаканчики вновь наполнялись волостными хозяевами, гости становились говорливѣе и наконецъ поднялся такой гамъ, что Платонъ Петровичъ не шутя струсилъ.

— Будетъ, господа, будетъ; пора въ дорогу, кричалъ онъ уже не начальническимъ голосомъ, а словно козла передразнивалъ.

— Шипучки подавай; безъ шипучки не поѣдемъ, бурлили

нѣкоторые изъ гожихъ, подзадоренные гулинскимъ солдатомъ, явившимся сюда провожать своего родственника.

— Что тутъ дѣлать? спрашивалъ въ недоумѣніи растерявшійся старшина, и опасаясь, чтобы изъ этакой малости не вышло какого разстройства, хотѣлъ-было послать къ Кузьмѣ Иванычу просить бутылку шипучки; да, спасибо, отдатчикъ скоро одумался.

— Вяжи ихъ, ребята, когда бунтовать стали! крикнулъ онъ, кинувшись съ своимъ кушакомъ къ главному зачинщику.

Озадаченные этимъ неожиданнымъ распоряженіемъ, мужики притихли, и Платонъ Петровичъ началъ ужъ безъ церемоніи выпроваживать лишнихъ гостей за дверь. На мѣсто ихъ хлынули бабы, остававшіяся до сихъ поръ въ сѣнцахъ и вдругъ началась такая голосьба, что даже у отдатчика мурашки по спинѣ забѣгали... Ванятка обнялъ одной рукой мать, — другой жену и скорѣе кажется согласился бы умереть, только-бъ не разставаться; Паранька плакала навзрыдъ, а на Матрену словно вдругъ столбнякъ нашелъ: ей казалось, будто у ней кто-то тупымъ ножемъ пò сердцу пилитъ. Не слыхала она, какъ Ванятка сунулъ ей въ руки двѣ десятирублевки, подаренныя ему Силычемъ, какъ наказывалъ онъ истратить одну на братнину свадьбу, а другую — на домашнія нужды; Матрена даже и самого-то Ванятку путемъ не различала.

— Выходи, ребятушки, выходи, заслышался наконецъ голосъ отдатчика, уже не въ первый разъ исполнявшаго эту обязанность и потому заправлявшаго всѣми порядками.

Вышли, разбрелись по санямъ и гужемъ потянулись въ городъ.

Можетъ еще забракуютъ, утѣшали себя теперь тѣ, которымъ успѣли натолковать какими хитростями можно, будто бы, отдѣлаться отъ солдатчины; можетъ отмѣнятъ, мечтали другіе, полагая всю надежду на какого-нибудь Александра Потапыча съ лохматымъ затылкомъ; авось не примутъ, думалъ и Ванятка; но думалъ такъ, просто, потому что ему этого хотѣлось.... Двоихъ молодцевъ дѣйствительно забраковали; у нихъ отъ лаптей были пальцы на ногахъ кривы; а Ванятка во всемъ оказался годенъ и пошелъ «служить царю-батюшкѣ»...

А. Б.

ВОЗСОЕДИНЕНІЕ

УНІИ

Историческій очеркъ *).

V.

Въ то самое время, какъ правительство наше приводило въ осуществленіе систему постепеннаго приготовленія къ обращенію въ православіе всей массы унитскаго народа, и притомъ посредствомъ унитскаго же духовенства была пущена въ ходъ и другая система — обращенія отдѣльныхъ личностей изъ унитовъ и притомъ посредствомъ православнаго духовенства, даже посредствомъ дѣйствій и внушеній полицейской и вообще чиновничьей власти. Нѣтъ нужды доказывать, что та и другая изъ этихъ системъ были несогласны другъ съ другомъ. Первая имѣла въ виду постепенное, медленное перевоспитаніе всего унитскаго народонаселенія чрезъ самое унитское духовенство; другая считала безполезнымъ ожиданіе общей готовности всей унитской массы къ принятію православія и находила хорошимъ дѣломъ заниматься частнымъ обращеніемъ нѣкоторыхъ лицъ изъ уніатовъ въ православіе и чрезъ этихъ прозелитовъ православія пропагандировать возсоединеніе съ православною церковію между массами унитскими. Каждая сторона считала свою систему болѣе цѣлесообразною и готова была другую упрекать въ недальновидности и даже въ неблаговидности. По крайней мѣрѣ одинъ изъ самыхъ жаркихъ сторонниковъ второй системы, епископъ Сма-

---

*) См. выше: апр. 606; іюнь, 588; іюль, 60 стр.

рагдъ, въ своихъ донесеніяхъ синоду такъ выражался: «Напрасно полагаютъ, якобы уніаты могутъ чинить безпокойства при обращеніи ихъ въ православіе, по крайней мѣрѣ по Витебской губерніи нашелъ я уніатовъ совершенно приготовленныхъ къ тому, и слышалъ, что еслибы скорѣе послѣдовало воззваніе отъ Синода, то всѣ оставили бы унію, которая поддерживается вредными для отечества ксендзами. Одни они увѣряютъ въ с.-петербургской коллегіи, будто не пришло еще время къ обращенію, а когда посылаются туда для визитаціи, то тамъ на свободѣ еще болѣе укрѣпляютъ своихъ въ унитскихъ замыслахъ. Такъ, по дошедшимъ до меня свѣдѣніямъ, ревизовавшій въ прошедшую зиму уніатскіе монастыри, архимандритъ Жарскій, много повредилъ распространенію православія» [1]). Правительство наше одновременно слѣдовало той и другой системѣ. Съ цѣлію ускорить обращеніе всѣхъ уніатовъ посредствомъ частныхъ обращеній учрежденъ былъ подъ предсѣдательствомъ князя Голицына секретный комитетъ, состоявшій изъ московскаго митрополита Филарета, синодальнаго оберъ-прокурора кн. Мещерскаго и князя Кочубея.

Дѣйствіями этого комитета было перемѣщеніе епископовъ изъ четырехъ западныхъ губерній, именно: Могилевской, Волынской, Минской и Подольской. Прежде бывшіе въ этихъ епархіяхъ архіереи: Павелъ, Амвросій, Анатолій и Ксенофонтъ, замѣнены новыми: Гавріиломъ, Иннокентіемъ, Евгеніемъ и Кирилломъ. Кромѣ того, въ самомъ центрѣ унитства — Полоцкѣ, открыта была православная епископія. Всѣмъ этимъ пяти архіереямъ сообщены были наставленія, въ которыхъ между прочимъ поставлялось имъ въ обязанность, по сношенію съ начальниками губерній, содѣйствовать въ ослабленіи непримѣтнымъ образомъ вреднаго вліянія римскаго духовенства и наблюдать за точнымъ исполненіемъ законовъ, воспрещающихъ переходъ или совращеніе православныхъ и уніатовъ въ римско-католическую вѣру, не приступая ни къ какимъ по сему дѣйствіямъ безъ предварительнаго сношенія и совѣта съ губернаторами [2]). Какъ православное духовенство, такъ и православные чиновники въ вышеприведенномъ наставленіи поняли намёкъ или внушеніе правительства на необходимость приведенія въ исполненіе мѣры касательно частнаго обращенія нѣкоторыхъ лицъ унитскаго исповѣданія, и всячески старались показать въ этомъ случаѣ свое усердіе. Епископъ Смарагдъ преимущественно отличался ревностію въ обращеніи

---

[1]) Въ канц. об.-пр. Св. Син. дѣло 1833 года объ открытіи полоцкой епархіи.

[2]) Тамъ же дѣло 1831 года, по высочайшему повелѣнію, о назначеніи новыхъ архіереевъ въ западныхъ епархіяхъ.

уніатовъ въ православіе. Нужно замѣтить, что еще прежде, именно со времени закрыванія базиліанскихъ монастырей начались частныя обращенія уніатовъ въ православіе. Эти обращенія усилились съ изгнаніемъ базиліанъ изъ почаевской лавры и съ эпохи обращенія ея въ православный монастырь. Православные помѣщики и чиновники въ западныхъ нашихъ губерніяхъ соперничествовали съ православнымъ духовенствомъ въ дѣлѣ обращенія частныхъ лицъ унитскаго исповѣданія въ православіе. Такими мѣрами присоединено было отъ 1828-го до 1835-го до 50/т. уніатовъ, по большей части въ имѣніяхъ казенныхъ и принадлежащихъ православнымъ помѣщикамъ. Но система частнаго обращенія уніатовъ была несогласна съ планами и системою Блудова и Сѣмашки; въ этомъ случаѣ синодъ и Голицынъ дѣйствовали противоположно коллегіи греко-унитской и министерству внутреннихъ дѣлъ. Частныя обращенія уніатовъ вовсе не радовали Блудова и Сѣмашко. Блудовъ даже заявилъ это въ своей секретной запискѣ, предложенной имъ комитету, составленному по дѣлу обращенія уніатовъ. Въ этой запискѣ онъ между прочимъ писалъ слѣдующее: «Когда такимъ образомъ по министерству внутреннихъ дѣлъ приготовлялись мѣры для успѣшнаго приведенія уніатскаго дѣла къ предполагаемой цѣли, православное духовенство, одушевленное ревностію и угадывая намѣренія Государя Императора, и нѣкоторые гражданскіе чиновники, тѣмъ же духомъ руководимые, избрали для достиженія той же цѣли повидимому кратчайшій и для всѣхъ болѣе понятный способъ, т.-е. частное обращеніе уніатовъ къ православію посредствомъ миссіонерскихъ, можетъ быть и полицейскихъ мѣръ. Успѣхъ однакожъ присоединенія симъ образомъ около 50/т. уніатовъ, почти исключительно въ казенныхъ и русскими помѣщиками владѣемыхъ имѣніяхъ, несовершенно радовалъ министерство внутреннихъ дѣлъ. Не только оно считало обращеніе самаго народа безъ духовенства не вовсе надежнымъ и прочнымъ, не только ожидало, что успѣхи сіи не могутъ быть продолжительны и остановятся на селеніяхъ, состоящихъ въ вѣдѣніи помѣщиковъ поляковъ - католиковъ, для обузданія противодѣйствія коихъ нужны будутъ мѣры болѣе рѣзкія, но даже въ сихъ частныхъ присоединеніяхъ оно видѣло истинное препятствіе успѣху дѣла общаго присоединенія уніатовъ, по одобренному его императорскимъ величествомъ и въ теченіи болѣе уже шести лѣтъ исполняющемуся плану» [1].

Вредныя дѣйствія этой системы были весьма ясны: греко-унитское духовенство было возбуждено и приведено въ непріяз-

[1] Секретная записка Блудова.

ненное отношеніе этими мѣрами къ православному духовенству; начали обнаруживаться признаки открытаго сопротивленія со стороны унитскаго духовенства мѣрамъ правительства, росла рознь и непріязненность между представителями того и другого исповѣданія, столь вредная для дѣла общаго соединенія уніатовъ съ православною церковію. Сдѣлались обыкновенными явленія въ родѣ слѣдующаго: греко-унитскіе прихожане села Городка, Мстиславскаго уѣзда, а также деревень Грязи, Дроздовки и Клюкина, большею частію казенные крестьяне, числомъ всего 198 душъ мужескаго и 214 женскаго пола, приняли православіе, церковь съ ключами сдали православному священнику и затѣмъ испрашивали позволенія освятить церковь по православному; 19-го января 1836-го года назначено было освященіе, но когда приступлено было къ акту освященія, тогда унитскій дьячекъ мѣстечка Монастырщины и прихожане ближайшей унитской церкви, бывшіе дотолѣ прихожанами церкви городковской, крестьяне помѣщика Зуба и помѣщиковъ Кулаковъ, съ кольями въ рукахъ, съ крикомъ и ругательствами не допустили кончить священнодѣйствія, розлили воду, которая приготовлена была для освященія, не дозволяли идти въ церковь тѣмъ, которые хотѣли присутств овать при богослуженіи въ ней, церковнаго старосту таскали и били; священнодѣйствіе принуждены были прекратить, неокончивши его [1]).

Польско-римская партія увидѣла намѣренія правительства и ополчилась самою дружною и плотною оппозиціей: ксендзы и епископы ихъ усилили пропаганду и свои миссіонерскіе походы между унитами и даже православными, помѣщики-поляки еще болѣе стали угнетать уніатовъ и православныхъ, находившихся въ ихъ имѣніяхъ. Изъ многихъ случаевъ подобныхъ дѣйствій римскаго духовенства и поляковъ-помѣщиковъ мы разскажемъ здѣсь два - три. Въ Гродненской губерніи римское духовенство производило миссіи по разнымъ мѣстамъ, и преимущественно въ Слонимѣ, какъ болѣе центральномъ и народонаселенномъ пунктѣ. На этихъ миссіяхъ римскія церкви были полны и уніатами, которыхъ тутъ исповѣдывали, но не пріобщали, и которымъ безплатно раздавалась особая печатная молитвенная книжечка. Эта книжка была на польскомъ языкѣ и была напечатана безъ одобренія цензуры; въ ней между прочимъ находилась пѣснь, гдѣ выражалась такая мысль, что надобно оставаться въ римской вѣрѣ, дабы душа могла достигнуть рая; что должно непоколебимо держаться вѣрованій римской церкви и тогда можно быть увѣреннымъ въ спа-

[1]) Въ канц. об.-пр. Св. Син. дѣло 1836 года о безпорядкахъ, происшедшихъ въ селѣ Городкѣ, Мстиславскаго уѣзда, при освященіи бывшей унитской церкви.

сеніи; что, по словамъ ап. Павла, одинъ Богъ, одно крещеніе, одна вѣра, и эта самая вѣра находится въ той церкви, которой главою св. Петръ съ преемниками; что хотя считается много и другихъ вѣръ, но въ нихъ ни одинъ человѣкъ не можетъ быть спасенъ и погибнетъ; и что это все непреложная истина, потому что ее Богъ объявилъ своимъ вѣрнымъ [1]). Цѣль подобныхъ внушеній слишкомъ ясна, чтобы указывать ее. Прибавьте къ этому торжественность служенія и вообще эффектность репрезентаціи, въ которой такъ искусно римское духовенство,—и вы поймете и измѣрите всю великость вреда этихъ миссій для уніатовъ и для предположеннаго и задуманнаго соединенія ихъ съ православною церковью.

Другой случай: минскій римско-католическій епископъ Липскій, во время пріѣзда своего въ неподлежащую его юрисдикціи бѣлорусскую епархію по частнымъ своимъ надобностямъ, именно для бракосочетанія родственника своего, уѣзднаго дворянскаго предводителя Липскаго съ дочерью помѣщика Кавецкаго, 6, 7, и 8 сентября въ Витебскѣ совершалъ торжественное служеніе въ приходскомъ костелѣ Фарѣ. Особенная торжественность такого служенія совмѣстно съ множествомъ съѣхавшихся ксендзовъ, соединенная съ совершеніемъ мvропомазанія значительному множеству жителей всякаго возраста, пола и званія, произвела сильное вліяніе на мѣстныхъ жителей. По этому случаю не только уніатскія, но и православныя церкви въ 8-е число сентября — день рождества Богородицы—были пусты, а мvропомазаніе безъ всякаго разбора и разслѣдованія было преподаваемо не только католикамъ, но и унитамъ [2]).

Въ двухъ приведенныхъ случаяхъ мы видимъ самый тонкій образъ дѣйствованія римлянъ на умы уніатовъ, а въ слѣдующемъ фактѣ, который мы представимъ, открывается уже явное насиліе. Такъ, въ Курляндской губерніи, Зельбургскомъ уѣздѣ помѣщица Комаровская, съ намѣреніемъ совратить крестьянъ своихъ греко-унитовъ въ католицизмъ и утвердить въ немъ уже совращенныхъ, запечатала копуловскую греко-унитскую церковь, состоящую въ ея имѣніи, и прекратила плату мѣстному унитскому священнику [3]). Мы представили только сотую долю изъ имѣющихся у насъ

---

[1]) Въ канц. об.-пр. Св. Син. дѣло 1838 года, о совершаемыхъ римско-католическимъ духовенствомъ по Гродненской губерніи миссіяхъ.

[2]) Тамъ же дѣло 1838 года, о торжественномъ богослуженіи въ Витебскѣ римско-католическаго епископа Липскаго съ совершеніемъ мvропомазанія нѣкоторыхъ уніатовъ.

[3]) Тамъ же дѣло 1837 года, о самовольномъ запечатаніи помѣщицею Комаровскою состоящей въ имѣніи ея, Зельбургскомъ уѣздѣ, Копуловской греко-унитской церкви.

подъ руками фактовъ тайнаго и явнаго противодѣйствія римлянъ дѣлу возсоединенія уніатовъ, — противодѣйствія, возбужденнаго по преимуществу системою частныхъ обращеній уніатовъ въ православіе. Но и этихъ примѣровъ достаточно для доказательства несостоятельности этой системы. А потому Блудовъ былъ совершенно правъ, когда въ секретной своей запискѣ утверждалъ, что «къ сожалѣнію предвидѣнное (имъ) часъ отъ часу болѣе сбывается. Хотя министерство и считаетъ преувеличенными нѣкоторыя опасенія бѣлорусскаго мѣстнаго начальства, тѣмъ не менѣе однакожъ очевидны вредныя послѣдствія совершившихся уже частныхъ присоединеній. Они сдѣлали слишкомъ явными намѣренія правительства, возбудили общее опасеніе и противудѣйствіе въ господствующей въ западныхъ областяхъ польско-католической партіи, поставили греко-россійское духовенство въ отношеніи къ уніатамъ во враждебномъ видѣ, возродили въ сихъ послѣднихъ опасеніе и недовѣрчивость къ совершающимся у нихъ преобразованіямъ, произвели взаимное раздраженіе, слишкомъ невыгодное для дальнѣйшихъ дѣйствій правительства» [1]). Правительство наконецъ должно было понять всю опасность, происходящую отъ двухъ противоположныхъ системъ, и всю странность того положенія, въ которое поставленъ былъ имъ синодъ по отношенію къ унитскому дѣлу. Высшее духовное начальство русской православной церкви было изолировано и удалено отъ совѣщаній по одному изъ самыхъ важныхъ церковно-религіозныхъ вопросовъ. Министръ русской полиціи предрѣшаетъ вопросъ о соединеніи двухъ церквей — унитской и православной, и ведетъ по этому дѣлу переговоры съ представителями унитской церкви, безъ всякаго участія въ немъ русскаго православнаго синода. Причинъ такого страннаго образа дѣйствій можно искать въ разныхъ обстоятельствахъ, даже въ господствовавшихъ въ то время воззрѣніяхъ на этотъ вопросъ тогдашнихъ государственныхъ людей, — воззрѣніяхъ, которыя въ настоящее время кажутся слишкомъ негосударственными и близорукими. Въ то время самые высшіе наши государственные мужи слишкомъ односторонне смотрѣли на унитскій вопросъ и думали разрѣшить его почти одними чисто полицейскими или административными мѣрами. По крайней мѣрѣ намъ положительно извѣстно, что предсѣдатель государственнаго совѣта Новосильцевъ, почитавшійся въ свое время человѣкомъ съ государственнымъ умомъ, такъ легкомысленно, чтобы не сказать болѣе, смотрѣлъ на дѣло унитское, что думалъ, что одного высочайшаго повелѣнія

---

[1]) Секретная записка Блудова.

объ уничтоженіи уніи достаточно будетъ для того, чтобы всѣ уніаты оставили унію и приняли православіе, и что всѣ разныя приготовленія къ постепенному сближенію унитской церкви съ православною лишняя трата времени и трудовъ. Можетъ быть, подобный взглядъ принадлежалъ и не одному Новосильцеву.

Хорошо, что у Блудова взглядъ на унитское дѣло былъ иной, чѣмъ у Новосильцева; хорошо, что Блудовъ яснѣе понималъ унитское дѣло и съ самаго почти начала его наклонялъ его такъ, чтобы оно стало предметомъ церковно-религіознымъ, а не однимъ административно-полицейскимъ. Впрочемъ, самыя событія уже показали всю невыгоду подобной системы. Блудовъ былъ настолько уменъ и настолько великодушно-благороденъ, что отказался отъ честолюбія быть одному предрѣшителемъ унитскаго вопроса, и въ 1835-мъ году исходатайствовалъ у Государя повелѣніе объ учрежденіи секретнаго комитета по унитскому вопросу. Мая 25-го 1835-го года состоялся слѣдующій секретный указъ:

«Государь Императоръ, въ отеческой заботливости своей о благѣ всѣхъ вѣрныхъ его подданныхъ, обращая постоянное вниманіе и на особенное положеніе въ имперіи уніатовъ, издревле русскихъ по языку и происхожденію, всегда изъявлялъ твердую свою волю, чтобы сія народность ихъ, неизмѣнившаяся въ теченіи столь долгаго времени, несмотря на событія вѣковъ минувшихъ, была во всѣхъ отношеніяхъ сохраняема и поддерживаема въ полной чистотѣ и неприкосновенности отъ всякаго чуждаго вліянія. Съ сею цѣлію были соображаемы и распоряженія по устройству церкви греко-унитской. Оными предназначено не допускать въ сей церкви дальнѣйшихъ произвольныхъ отступленій отъ сродныхъ уніатамъ обрядовъ русскаго богослуженія и церковныхъ установленій, устраняя по возможности введенныя въ оную прежде силою обстоятельствъ или своевольствомъ частныхъ лицъ новости, противныя духу сихъ коренныхъ между уніатами установленій церкви восточной, предоставленныхъ уніи самыми буллами римскихъ первосвященниковъ.

«Дабы вѣрнѣе обезпечить дѣйствіе сихъ распоряженій, а съ тѣмъ вмѣстѣ и предупредить недоразумѣнія и пререканія, которыя могли бы возникнуть между духовенствами греко-россійскимъ и уніатскимъ, государь императоръ призналъ за благо учредить особый комитетъ изъ духовныхъ лицъ греко-россійскаго и греко-унитскаго исповѣданія и нѣсколько свѣтскихъ государственныхъ сановниковъ. Сей комитетъ, разсматривая предварительно всѣ принимаемыя по уніатскимъ дѣламъ мѣры, будетъ на-

блюдать за точнымъ приведеніемъ ихъ въ дѣйство, представляя о важнѣйшихъ на высочайшее усмотрѣніе».

Членами этого секретнаго комитета назначены были: митрополитъ петербургскій Серафимъ, митрополитъ московскій Филаретъ, архіепископъ тверской Григорій, греко-унитскій митрополитъ Іосафатъ Булгакъ, литовскій епископъ Іосифъ Сѣмашко, генералъ-отъ-инфантеріи графъ Толстой, дѣйствительный тайный совѣтникъ князь Голицынъ, статсъ-секретарь Танѣевъ, Блудовъ и синодальный оберъ-прокуроръ Нечаевъ, дѣлопроизводитель дѣйствительный статскій совѣтникъ Ханыковъ [1]).

Каждому изъ членовъ разосланы были копіи съ высочайшаго повелѣнія объ образованіи секретнаго комитета по унитскимъ дѣламъ. Засѣданія этого комитета происходили въ Александро-Невской лаврѣ, въ комнатахъ митрополита Серафима, и обыкновенно по вечерамъ, около 7-ми часовъ. Первое засѣданіе было 3-го іюля 1835 года; оно открылось чтеніемъ записки Блудова, заключавшей въ себѣ обозрѣніе всего сдѣланнаго по унитскому дѣлу съ 1827-го по 1835-й годъ. Вотъ содержаніе этой записки:

«Около полутора милліона подданныхъ его императорскаго величества, которые по особенностямъ своего вѣроисповѣданія заключаются подъ именемъ уніатовъ, по происхожденію и языку суть русскіе, а по своему церковному состоянію имѣютъ то достопримѣчательное отличіе отъ другихъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, пользующихся государственною вѣротерпимостію и покровительствомъ правительства, что по кореннымъ постановленіямъ своей церкви употребляютъ богослуженіе и обряды одинаковые съ церковью греко-россійскою. Сіи стихіи единства сей части государства и народа русскаго съ цѣлымъ не должны были остаться безъ вниманія, попеченія и охраненія со стороны правительства.

«Если каждому частному лицу принадлежитъ право самосохраненія; если даже на каждомъ лежитъ обязанность самосохраненія, то сіе право и сія обязанность еще съ бо́льшею силою простираются на государство и его жизнь. Есть случаи, въ которыхъ можно и должно пожертвовать жизнію и безопасностію частнаго для жизни и безопасности общественной, какъ меньшимъ благомъ для бо́льшаго; но государство должно исполнять законъ самосохраненія, сколько для своего общаго блага, столько же и для частнаго блага своихъ членовъ. Приложивъ сіи начала къ нынѣшнему состоянію уніатовъ, прави-

---

[1]) Указъ 1835 года 25 мая.

тельство не могло быть безпечнымъ зрителемъ съ теченіемъ времени усилившагося и уже преобладающаго посторонняго вліянія на уніатовъ, имѣющаго направленіе къ измѣненію ихъ языка и обычаевъ въ чуждые и слѣдственно къ поврежденію ихъ народности. Сіе постороннее вліяніе происходило отъ помѣщиковъ латинскаго исповѣданія и отъ духовенства того же исповѣданія. Что касается до помѣщиковъ, поелику они пользуются помѣстнымъ правомъ на основаніи государственныхъ законовъ, то вниманіе правительства должно было обратиться на то, чтобы отвращать злоупотребленія сего права, клонящіяся ко вреду русской народности и къ стѣсненію свободы вѣроисповѣданія, которое одинаково съ латинскимъ пользуется терпимостію и покровительствомъ отъ правительства.

«Что касается до латинскаго духовенства, оказалось, что вліяніе онаго на уніатовъ дѣйствовало въ явную противность кореннымъ постановленіямъ уніатской церкви и въ нарушеніе правъ ея; что высшее управленіе сей церкви привлечено было въ руки духовенства латинскаго, которое непрестанно усиливалось вводить въ нее постановленія и обряды ей чуждые; что уніатское духовное юношество воспитывалось въ польскихъ училищахъ; что духовенство уніатское ослабляемо было взятіемъ многихъ священниковъ къ римскимъ церквамъ; что все вело къ порабощенію и поглощенію уніатовъ латинянами. При такомъ положеніи уніатовъ, государственное правительство россійское нашло себя обязаннымъ, какъ по долгу самосохраненія, употребить предосторожность противъ дальнѣйшаго поврежденія народности, такъ по долгу правосудія не предать одного изъ равныхъ вѣроисповѣданій преобладанію другого, но оказать преобладаемому защиту, на основаніи принадлежащихъ ему правъ и коренныхъ его собственныхъ постановленій. Таковы суть начала и побужденія тѣхъ постановленій и распоряженій, которыя сдѣланы въ послѣднія семь лѣтъ для охраненія уніатовъ отъ посторонняго вліянія и которыя нынѣ предлагаются комитету.

«Между тѣмъ какъ министерство занималось дѣломъ охраненія уніатовъ отъ преобладанія латинскаго, въ послѣдніе три года открылось въ значительномъ числѣ оныхъ расположеніе присоединиться къ православному греко-россійскому исповѣданію. Законы государственные даютъ на сіе право сему вѣроисповѣданію, какъ господствующему. Слѣдственно надлежало предоставить сіе свободной рѣшимости желающихъ, съ соблюденіемъ порядка и безпристрастія. Опытъ показалъ въ сихъ новыхъ событіяхъ нѣкоторыя новыя затрудненія. Въ случаѣ присоединенія къ греко-россійской церкви уніатскаго прихода безъ мѣст-

наго духовенства естественно возбуждается ревность сего духовенства, и отношенія между симъ и греко-россійскимъ духовенствомъ становятся затруднительными. Затрудненіе должно быть еще больше, когда присоединяется къ господствующей церкви только бóльшая или меньшая часть уніатскаго прихода, и отсюда происходитъ недоумѣніе о принадлежности приходской церкви. Изъ сихъ и подобныхъ затрудненій, рождающихся изъ существа дѣла, происходитъ для правительства новая обязанность предосторожности, чтобы дѣло мира и единства не сдѣлалось случаемъ къ нарушенію мира между духовенствомъ ближайшихъ между собою церквей и къ разстройству единства народныхъ чувствованій, при возбужденіи духа распрей и раздраженія умовъ. Желаніемъ предупредить неблагопріятныя послѣдствія и въ сей части уніатскихъ дѣлъ высочайше воспріята мысль и самый составъ настоящаго комитета. Его величество призналъ за благо соединить въ немъ особъ высшаго изъ духовенства греко-россійскаго и уніатскаго, уповая воспользоваться ихъ познаніями для охраненія чистоты уніатской церкви и ихъ безпристрастіемъ для сохраненія взаимнаго мира между духовенствомъ столь близкихъ между собой церквей въ случаяхъ, которые бы могли повредить оному, и особъ изъ высшихъ государственныхъ сословій, чтобы съ попеченіемъ о чистотѣ вѣроисповѣданія соединить важное для государственной жизни попеченіе о сохраненіи природной народности въ той части русскаго племени, которая принадлежитъ къ исповѣданію уніатскому».

Вслѣдъ за прочтеніемъ этой записки слушаны были въ томъ же засѣданіи внесенныя министромъ внутреннихъ дѣлъ въ спискахъ постановленія и свѣдѣнія, относящіяся къ дѣламъ греко-унитскимъ, а именно: 1) высочайшій указъ сенату о греко-унитскомъ монашествѣ и объ учрежденіи училищъ для духовнаго греко-унитскаго юношества, 9-го октября 1827 года; 2) высочайшій указъ сенату касательно устройства правленія греко-унитской церкви, 22-го апрѣля 1828 года; 3) выписка изъ высочайше утвержденной 19-го августа 1828 года всеподданнѣйшей докладной записки главноуправляющаго духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій объ уставахъ и штатахъ для греко-унитскихъ духовныхъ учебныхъ заведеній; 4) высочайшій указъ главноуправляющему духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій о порядкѣ избранія членовъ въ греко-унитскія консисторіи отъ духовенства бѣлаго и монашествующаго, 17-го октября 1828 года; 5) высочайше утвержденныя положенія комитета министровъ о распространеніи на дѣтей греко-унитскихъ свя-

щенниковъ и діаконовъ постановленій, изданныхъ для дѣтей священниковъ и діаконовъ православнаго исповѣданія, относительно опредѣленія ихъ въ военную и гражданскую службу и проч., 26-го января 1829 года; 6) донесеніе греко-унитской духовной коллегіи главноуправляющему духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій отъ 29-го января 1829 года, о томъ, чтобы въ настоятели монастырей греко-унитскихъ были избираемы достойные и знающіе духовные; 7) высочайше утвержденная 15-го марта 1830 года всеподданнѣйшая докладная записка главноуправляющаго духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій объ отправленіи клириковъ греко-унитскихъ, кончившихъ курсъ ученія въ своихъ семинаріяхъ, для дальнѣйшаго окончательнаго усовершенствованія въ с.-петербургскую греко-россійскую духовную академію; 8) постановленіе греко-унитской духовной коллегіи о нѣкоторыхъ перемѣнахъ въ преподаваніи ученія въ греко-унитскихъ духовныхъ училищахъ и о введеніи въ оныя катихизиса, изданнаго св. синодомъ, 5-го іюля 1830 года; 9) донесеніе греко-унитской духовной коллегіи главноуправляющему духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій отъ 9-го іюля 1830 года, о мѣрахъ къ предупрежденію въ греко-унитской церкви отступленія отъ правилъ и обрядовъ церкви восточной; 10) высочайшій указъ министру внутреннихъ дѣлъ объ отмѣнѣ навсегда въ греко-унитскомъ монашествѣ званія провинціаловъ, 16-го февраля 1832 года; 11) высочайшее повелѣніе объ отмѣненіи права ктиторства по греко-унитскому обряду, 18-го апрѣля 1833 года; 12) донесеніе греко-унитской духовной коллегіи министру внутреннихъ дѣлъ отъ 16-го октября 1833 года, о введеніи въ употребленіе въ литовской греко-унитской епархіи ставленныхъ грамотъ и присягъ по образцу, употребляемому въ греко-россійской церкви; 13) высочайшее повелѣніе о распространеніи на греко-унитскій обрядъ высочайшаго указа 6-го декабря 1829 года о способахъ къ улучшенію состоянія духовенства, 14-го декабря 1833 года; 14) постановленіе греко-унитской коллегіи и всѣхъ епископовъ сего обряда о мѣрахъ къ возстановленію въ церквахъ уніатскихъ богослуженія и внутренняго ихъ устройства по чину церкви восточной, 8-го февраля 1834 года; 15) высочайшее повелѣніе о воспрещеніи греко-унитскому духовенству служить въ римско-католическихъ церквахъ, 3-го апрѣля 1834 года; 16) выписка изъ представленія греко-унитской коллегія министру внутреннихъ дѣлъ, отъ 27-го іюня 1834 года, о нынѣшнемъ состояніи греко-унитскихъ учебныхъ заведеній. Въ то же время представлены были комитету статистическія таблицы о греко-унитскомъ ду-

ховенствѣ: бѣломъ и монашествующемъ. Это было, такъ сказать, посвященіе членовъ комитета въ то дѣло, которымъ они должны заняться; первое ознакомленіе ихъ съ состояніемъ этого дѣла, а вмѣстѣ отчетъ Блудова о всей своей дѣятельности по унитскому дѣлу за все то время, когда это дѣло находилось въ его единственныхъ рукахъ,—отчетъ, изъ котораго члены должны были усмотрѣть, до какой полноты и зрѣлости доведено было Блудовымъ унитское дѣло въ промежутокъ времени отъ 1827 по 1835-й годъ, и что̀ имъ предстоитъ теперь дѣлать.

По справедливости можно сказать, что все главное по унитскому дѣлу уже было сдѣлано Блудовымъ, всѣ мѣры, необходимыя для успѣха этого дѣла, были уже придуманы и приведены въ движеніе; оставалось только не прекращать, не низвращать движенія этихъ мѣръ, пожалуй давать ускоренный и усиленный ходъ этому движенію, и больше ничего,—и тогда дѣло само собою придетъ къ желанному концу. Дѣйствительно, послѣдующіе годы, начиная съ 1835-го, посвящены были только развитію и осуществленію мѣръ Блудова. Засѣданія секретнаго комитета были не очень часты и преимущественно посвящены были слушанію записокъ Блудова о тѣхъ мѣрахъ, которыя имъ приняты были для успѣшнаго хода унитскаго дѣла. Этотъ промежутокъ времени, т.-е. съ 1835 по 1838-й годъ, посвященъ былъ также ближайшему ознакомленію духовенства унитскаго съ православнымъ, болѣе тѣсному сліянію одного съ другимъ и постепенному введенію перваго подъ одну систему управленія съ послѣднимъ, т.-е. подъ систему синодальнаго управленія. Однимъ изъ важнѣйшихъ дѣлъ, совершенныхъ въ концѣ 1835 года и началѣ 1836 года, и одною изъ первыхъ мѣръ къ введенію греко-унитовъ въ систему синодскаго управленія было подчиненіе греко-унитскихъ духовныхъ училищъ вѣдѣнію тогдашней коммиссіи духовныхъ училищъ. Мы уже подробно говорили выше о тѣхъ побужденіяхъ, которыми руководствовалось правительство при введеніи этой мѣры, а также и о томъ, что̀ послужило поводомъ къ такому важному шагу правительства въ унитскомъ дѣлѣ. Здѣсь опишемъ только то, въ какой формѣ явилась эта мѣра, именно: духовныя греко-унитскія училища подчинены вѣдѣнію коммиссіи духовныхъ училищъ; въ тѣ засѣданія коммиссіи духовныхъ училищъ, въ которыхъ имѣетъ быть разсуждаемо о дѣлахъ училищъ греко-унитскихъ, должны быть приглашаемы греко-унитскихъ церквей митрополитъ Іосафатъ и литовскій епископъ Іосифъ, для принятія участія въ сихъ дѣлахъ совокупно съ прочими членами коммиссіи духовныхъ училищъ. Блудовъ вмѣстѣ съ оберъ-прокуроромъ св. синода Не-

чаевымъ составилъ правила о порядкѣ сношеній коммиссіи духовныхъ училищъ съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и съ греко-унитскимъ начальствомъ. Правила эти были слѣдующія: a) всѣ предметы по управленію учебною частію греко-унитскаго духовнаго вѣдомства, поступавшіе доселѣ на разрѣшеніе министерства внутреннихъ дѣлъ, должны быть теперь представляемы на разрѣшеніе или утвержденіе коммиссіи духовныхъ училищъ; b) по связи духовно-учебной части съ епархіальнымъ управленіемъ, которое остается по прежнему въ вѣдѣніи министерства внутреннихъ дѣлъ, коммиссія въ потребныхъ случаяхъ должна сноситься чрезъ синодальнаго оберъ-прокурора съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, требуя его мнѣнія по онымъ, или сообщая ему о своихъ распоряженіяхъ для свѣдѣнія, о чемъ каждый разъ означаетъ въ журналахъ своихъ засѣданій; c) съ своей стороны министерство внутреннихъ дѣлъ распоряженія свои по греко-унитскому епархіальному управленію, имѣющія связь съ управленіемъ учебныхъ его заведеній, приводитъ въ дѣйство по предварительному сношенію съ коммиссіею чрезъ синодальнаго оберъ-прокурора; d) къ предметамъ этимъ особенно относится перемѣщеніе, назначеніе, награжденіе и удаленіе лицъ, соединяющихъ должности по той и другой частямъ, употребленіе капиталовъ, имѣющихъ неопредѣленныя по обѣимъ частямъ назначенія и тому подобныя. Это правила, касающіяся порядка сношеній коммиссіи духовныхъ училищъ съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ.

А вотъ положеніе, опредѣляющее порядокъ сношеній коммиссіи духовныхъ училищъ съ греко-унитскимъ духовнымъ начальствомъ:

a) Какъ унитскія учебныя заведенія образованы по уставамъ, изданнымъ для духовныхъ училищъ греко-россійскаго вѣдомства, то при поступленіи первыхъ подъ общее съ послѣдними завѣдываніе коммиссіи духовныхъ училищъ, порядокъ сношеній ея съ непосредственнымъ начальствомъ унитскихъ учебныхъ заведеній надлежитъ согласовать съ порядкомъ, вышеозначенными уставами опредѣленнымъ. На семъ основаніи коллегія греко-унитская, сохраняя въ своей зависимости и учебную часть сего вѣдомства, будетъ мѣстомъ посредствующимъ между правленіями греко-унитскихъ семинарій и коммиссіею, въ той самой степени, въ коей правленія греко-россійскихъ академій состоятъ въ отношеніи къ коммиссіи и семинаріямъ. Но по уваженію къ тому, что въ коммиссіи будутъ засѣдать высшіе сановники греко-унитскаго духовенства по дѣламъ, до училищъ сего вѣдомства относящимся, образъ сношеній ком-

миссіи съ коллегіею учреждается такимъ образомъ, что вмѣсто предписаній, которыя даются академическимъ правленіямъ отъ имени коммиссіи за подписаніемъ синодальнаго оберъ-прокурора (завѣдывающаго канцеляріею и перепискою коммиссіи), будутъ сообщаться имъ въ коллегію выписки изъ журналовъ коммиссіи, за подписаніемъ правителя ея дѣлъ, для надлежащихъ распоряженій, или для свѣдѣнія. Коллегія съ своей стороны будетъ относиться въ коммиссію представленіями.

b) По предметамъ менѣе важнымъ, или нетерпящимъ отлагательства, изъ коммиссіи непосредственно будутъ передаваться греко-унитскимъ епархіальнымъ начальникамъ, какъ присутствующимъ въ оной, копіи съ журналовъ, за подписью одного правителя дѣлъ, также какъ сіе соблюдается въ сношеніяхъ коммиссіи съ другими членами оной. Греко-унитскіе епархіальные начальники могутъ въ случаяхъ, незаключающихъ въ себѣ особенной важности, или нетерпящихъ отлагательства, входить въ коммиссію прямо отъ себя донесеніями.

c) Въ тѣхъ случаяхъ, когда для дѣлъ, производящихся въ коммиссіи, нужны будутъ какія-либо свѣдѣнія, или справки, членъ коммиссіи, завѣдывающій ея канцеляріею, сносится о томъ съ епархіальными начальниками, тѣмъ же порядкомъ, коимъ онъ производитъ переписку съ греко-россійскими архіереями, т.-е. отношеніями, или же канцелярія коммиссіи сносится съ канцеляріею коллегіи и семинарскими правленіями запросами и сообщеніями. Въ семъ послѣднемъ случаѣ бумаги изъ канцеляріи коммиссіи отправляются за подписью правителя дѣлъ оной, подобно тому, какъ сія канцелярія сносится съ канцеляріями прочихъ присутственныхъ мѣстъ и правленіями семинарій греко-россійскихъ. Одновременно съ подчиненіемъ греко-унитскихъ духовныхъ училищъ коммиссіи духовныхъ училищъ секретный комитетъ положилъ: существующія постановленія о принятіи въ бѣлое духовенство греко-россійскаго исповѣданія лицъ податного состоянія и вольноотпущенныхъ распространить и на обрядъ греко-унитскій. Этимъ открылся способъ греко-унитамъ податного состоянія, знающимъ читать по-славянски, поступать въ причетническія должности. Мѣра эта современемъ должна была прекратиться, именно когда будетъ возможность снабжать унитскія церкви причетниками изъ дѣтей церковнослужителей или и священниковъ греко-унитскихъ, неоказавшихъ способности къ высшему образованію въ духовныхъ училищахъ.

Замѣчательнымъ событіемъ въ унитской церкви начался 1837-й годъ: въ половинѣ января явился указъ о завѣдываніи

всѣми духовными дѣлами греко-унитскаго исповѣдыванія оберъ-прокурору св. синода. Это былъ и еще новый шагъ со стороны правительства къ подведенію унитовъ подъ правленіе единообразное съ православными [1]). Теперь Блудовъ сходилъ со сцены, а на его мѣсто выступалъ графъ Протасовъ. Мы достовѣрно знаемъ, что Блудовъ съ грустію и даже скорбію передавалъ дѣло унитское въ руки Протасова: онъ почиталъ себя организаторомъ этого дѣла, счастливымъ вождемъ его, ему хотѣлось бы быть и вершителемъ его судебъ; но вотъ теперь, когда оно уже такъ счастливо приближалось къ концу, другому счастливцу, не оравшему и не сѣявшему, предоставляется пожинать плоды, возрощенные и взлелѣянные постороннею рукою. Блудовъ въ откровенной бесѣдѣ съ однимъ изъ довѣренныхъ ему лицъ сравнивалъ себя по этому случаю съ Кутузовымъ послѣ смоленскаго сраженія. «Со мною поступили, любезнѣйшій А. С., говорилъ онъ, такъ, какъ если бы у Кутузова отобрали и отняли званіе главнокомандующаго русскими войсками послѣ смоленскаго сраженія и какъ бы въ наказаніе за ту побѣду, которую онъ одержалъ надъ французскими войсками въ этомъ сраженіи». Дѣйствительно, ему тяжело было быть зрителемъ конца того дѣла, которое совершалось, двигалось и пришло къ концу его усиліями. Онъ думалъ, что онъ останется дѣятелемъ и главою этого дѣла до самаго конца его; будетъ принимать главное участіе въ немъ и послѣ введенія его въ кругъ совѣщаній духовныхъ лицъ; но съ 1837-го года роль Блудова въ унитскомъ дѣлѣ дѣлается второстепенною, все значеніе переходитъ къ Протасову, хотя послѣдній входилъ въ чужой трудъ, былъ простымъ механическимъ работникомъ въ этомъ дѣлѣ. Но нужно согласиться, что самое свойство унитскаго дѣла, его характеръ болѣе церковный, чѣмъ полицейско-административный, требовали того, чтобы это дѣло перешло въ кругъ дѣятельности лицъ, стоящихъ у кормила церковнаго, а не оставалось въ сферѣ чисто полицейско-административной. Значеніе Протасова въ унитскомъ дѣлѣ создалось помимо его намѣреній, само собою, самымъ постомъ Протасова и церковнымъ характеромъ унитскаго дѣла.

Мы сказали, что Протасову оставалось дѣлать не много въ этомъ дѣлѣ; но чтобъ видѣть какъ смотрѣлъ на это дѣло самъ Протасовъ, для этого мы приводимъ въ подлинникѣ докладъ его государю: «Вступая по высочайшей волѣ вашего императорскаго величества въ управленіе духовными дѣлами греко-унитскаго исповѣданія, считаю долгомъ всеподданнѣйше пред-

[1]) Въ син. арх. въ отд. уніат. дѣло 1837 года подъ № 5.

ставить соображенія мои касательно возлагаемой на меня обязанности содѣйствовать къ исполненію предначертанной вами, всемилостивѣйшій государь, цѣли, — возвращенію уніатовъ въ нѣдра православной церкви, — подвигъ столь многотрудный, что и послѣ всѣхъ доселѣ бывшихъ распоряженій правительства къ сближенію обѣихъ исповѣданій представляется впереди еще весьма обширное поприще дѣятельности.

«Всѣ таковыя распоряженія, послѣ отдѣленія главнаго управленія греко-унитскихъ дѣлъ отъ римско-католическаго, могутъ быть отнесены къ четыремъ главнымъ родамъ: 1) возстановленію въ греко-унитской церкви древнихъ восточныхъ обрядовъ; 2) образованію греко-унитскаго юношества въ православномъ духѣ; 3) частному присоединенію уніатовъ къ православію и 4) воспрещенію переходить имъ въ римско-католическое исповѣданіе. Изъ сихъ мѣръ только первая, которая касается прямо самыхъ догматовъ, сопровождается лучшимъ успѣхомъ, хотя еще и она далеко не достигаетъ предположенной цѣли, такъ что до нынѣ еще только третья часть церквей снабжена иконостасами [1], не говоря о другихъ необходимыхъ церковныхъ принадлежностяхъ.

«Вторая мѣра—образованіе юношества, безъ сомнѣнія самая надежная, но производимая лишь съ недавняго времени подъ наблюденіемъ коммиссіи духовныхъ училищъ, можетъ быть полезна только для возрастающаго поколѣнія.

«Присоединеніе уніатовъ по частямъ, несмотря на ежедневные успѣхи, должно потребовать самаго долгаго времени: ибо въ западныхъ губерніяхъ остается еще болѣе полутора милліона уніатовъ. Сверхъ того, сія мѣра, за благоразумное исполненіе коей нельзя равно отвѣтствовать во всѣхъ губерніяхъ, сопровождается не рѣдко сильнымъ раздраженіемъ умовъ, которымъ успѣшно пользуются враги православія и Россіи.

«Воспрещеніе переходить уніатамъ въ римско-католическое исповѣданіе исполняется въ отношеніи къ взрослымъ безъ дальнѣйшихъ неудобствъ, но съ нѣкотораго времени оно оказывается безплоднымъ, когда уніаты, по внушенію католиковъ, тайно крестятъ новорожденныхъ дѣтей въ римско-католическое исповѣданіе.

«Все народонаселеніе уніатовъ состоитъ изъ простого народа

---

[1]) Изъ 2520 церквей только въ 891 есть иконостасы: изъ нихъ 286 были изстари, 605 сдѣланы вновь. Но и этого довольно, по нашему мнѣнію, если только возьмемъ во вниманіе, что это сдѣлано въ продолженіи двухъ и даже менѣе годовъ, при самой невыгодной обстановкѣ дѣла, разумѣю самое упорное противодѣйствіе поляковъ и ихъ духовенства, при козняхъ польской администраціи, при незнаніи дѣла со стороны греко-унитскаго духовенства.

и духовенства. При различіи въ степени образованности того и другого, нужны и различныя средства къ ихъ обращенію. Въ народѣ ничто такъ не дѣйствуетъ на умы, какъ наружность обрядовъ, слѣдовательно до тѣхъ поръ нельзя имѣть надежды на успѣшное присоединеніе всѣхъ уніатовъ, пока всѣ церкви ихъ не будутъ приведены въ совершенное сходство съ нашими, пока не устроятся повсемѣстно иконостасы и не замѣнятся органы церковнымъ пѣніемъ по восточному обряду; и то и другое требуетъ значительныхъ издержекъ и времени: послѣднее же средство потребуетъ еще и особеннаго приготовленія людей для званія причетниковъ, которые столь нужны, что если бы даже самыя церкви обратить въ православныя, то за недостаткомъ сихъ церковнослужителей они остались бы по необходимости безъ богослуженія по греко-восточному обряду. Нынѣ при каждой изъ греко-унитскихъ семинарій приготовляется по 20-ти и болѣе человѣкъ къ причетническимъ должностямъ; но что̀ значатъ они для 1500 церквей, доселѣ остающихся въ латинскомъ видѣ!

«Съ другой стороны, нельзя ожидать, чтобы греко-унитскіе священники по внутреннему убѣжденію присоединились къ православію, или по крайней мѣрѣ не противодѣйствовали тайно видамъ правительства, пока между ними не умножится число людей, образованныхъ въ духѣ греко-восточномъ. Сіе число умножается съ каждымъ годомъ и современемъ конечно превзойдетъ число священниковъ прежняго образованія; но въ настоящее время число воспитываемаго въ греко-унитскихъ учебныхъ заведеніяхъ юношества вовсе несоразмѣрно съ числомъ греко-унитскихъ приходовъ, которыхъ болѣе тысячи.

«Недостатокъ священниковъ, образованныхъ въ греко-восточномъ духѣ, могъ бы еще быть нѣсколько менѣе ощутителенъ при содѣйствіи надежныхъ благочинныхъ; но еще и сіи мѣста отчасти нуждаются въ такихъ людяхъ, которые содѣйствовали бы видамъ правительства съ тою же готовностью, какая замѣтна въ греко-унитскомъ епархіальномъ начальствѣ; между тѣмъ монастыри (гдѣ 300 человѣкъ монашествующихъ) состоятъ даже въ духѣ явнаго противорѣчія съ симъ послѣднимъ. Оттого многія распоряженія не исполняются; такъ, напр., разосланные по церквамъ для руководства служебники и другія книги московской печати остаются во многихъ мѣстахъ, какъ по дошедшимъ слухамъ подлинно извѣстно, безъ всякаго употребленія.

«Наконецъ, какія бы ни были усилія правительства къ распространенію православія между уніатами, все будетъ недостаточно, ежели при частныхъ присоединеніяхъ не употребятся

самыя надежныя средства къ воспрепятствованію тайнаго крещенія новорожденныхъ дѣтей въ римско-католическое исповѣданіе.

«Изъ вышеписаннаго слѣдуетъ, что для повсемѣстнаго присоединенія уніатовъ къ православію нужна со стороны греко-унитскаго управленія величайшая дѣятельность въ четырехъ главныхъ видахъ:

1) Привесть наружность церквей и богослуженіе въ совершенное единообразіе съ православными.

2) Употребить вѣрныя средства къ воспрепятствованію уніатамъ переходить въ латинскій обрядъ и особенно крестить дѣтей по оному.

3) Приготовить достаточное число священниковъ въ нашемъ духѣ.

4) Всѣ мѣста настоятелей монастырскихъ и благочинныхъ наполнить людьми надежными.

«Здѣсь не говорится ни слова о возможно-лучшемъ направленіи дѣйствій православнаго епархіальнаго начальства, которое требуетъ особенныхъ соображеній.

«Пока всѣ означенныя мѣры не увѣнчаются полнымъ успѣхомъ, до тѣхъ поръ нельзя и приступить къ общему подчиненію уніатовъ православному духовенству: иначе подобное распоряженіе можетъ повлечь за собою бѣдственныя слѣдствія для народа, который, неубѣжденный, неприготовленный, не разстанется съ своими понятіями о вѣрѣ, будетъ поставленъ въ самое затруднительное состояніе внутренней борьбы между требованіями вѣрноподданническаго долга и неуспокоенной совѣсти и легко можетъ сдѣлаться слѣпымъ орудіемъ неблагонамѣренныхъ людей, кои безъ сомнѣнія найдутся между ихъ помѣщиками-католиками; ибо нельзя ожидать, чтобы даже и самые надежные изъ числа сихъ послѣднихъ были совершенно равнодушны къ дѣлу, противному ихъ религіознымъ убѣжденіямъ.

«Повергая на благоусмотрѣніе вашего императорскаго величества сіе мнѣніе, выведенное какъ изъ существа дѣла, такъ и изъ собственныхъ моихъ наблюденій во время частыхъ поѣздокъ въ западныя губерніи, я вмѣняю себѣ въ долгъ всеподданнѣйше испрашивать высочайшаго утвержденія предположенныхъ мною мѣръ, до приведенія коихъ въ исполненіе необходимость требуетъ, чтобы завѣдываніе греко-унитскихъ дѣлъ оберъ-прокуроромъ св. синода происходило отдѣльно отъ православнаго вѣдомства.

«Когда всѣ сіи приготовительныя средства будутъ, при неусыпныхъ попеченіяхъ правительства, имѣть желаемый успѣхъ,

тогда сіе важное для церкви и государства дѣло общаго присоединенія уніатовъ произойдетъ какъ бы само собою, естественно, спокойно и прочно [1]).»

Докладъ Протасова былъ принятъ государемъ благосклонно, и вслѣдъ за этимъ послѣдовалъ высочайшій указъ о воспрещеніи римскимъ священникамъ крестить дѣтей греко-унитовъ; также явилось высочайшее повелѣніе не рукополагать во священники тѣхъ греко-унитскихъ духовныхъ, которыхъ жены исповѣдуютъ латинскую вѣру.

Самыми крупными распоряженіями Протасова въ первый годъ его управленія греко-унитскими дѣлами были: 1) порученіе епископу Іосифу Сѣмашкѣ обозрѣть свою и часть бѣлорусской епархіи; 2) командированіе прокурора греко-унитской коллегіи Серно-Соловьевича въ унитскія епархіи для дознанія, какъ успѣшно приводятся въ исполненіе мѣры правительства относительно введенія православныхъ обрядовъ въ унитскихъ церквахъ. Преосвященный Іосифъ нашелъ въ удовлетворительномъ состояніи учебныя греко-унитскія заведенія и свидѣтельствовалъ, что успѣхи воспитанниковъ въ другихъ наукахъ соединены съ весьма удовлетворительнымъ знаніемъ русскаго языка, такъ что остается только желать, чтобы ученики могли болѣе привыкнуть къ правильному произношенію его. Что касается до устройства иконостасовъ въ унитскихъ церквахъ, то Іосифъ доносилъ, что еще въ 150-ти церквахъ бѣлорусской епархіи не было иконостасовъ. Для устраненія всякаго повода къ замедленію, онъ находилъ нужнымъ предоставить духовенству, гдѣ нѣтъ соотвѣтственныхъ для иконостасовъ иконъ и пріобрѣсть ихъ вскорѣ невозможно, оставлять для такихъ иконъ мѣста, закрытыя приличною занавѣскою, впредь до пріобрѣтенія самыхъ иконъ; также снестись съ мѣстнымъ гражданскимъ начальствомъ о принятіи дѣятельныхъ мѣръ, какъ для доставленія пособія къ устройству церквей со стороны помѣщиковъ, такъ и для устраненія вреднаго вліянія тѣхъ изъ нихъ, которые препятствуютъ успѣху сего дѣла тайными или явными средствами. Далѣе преосвященный Іосифъ писалъ: «какъ въ священникахъ, неустроившихъ до сихъ поръ своихъ церквей, необходимо должно предполагать или преступное снисхожденіе къ стороннимъ внушеніямъ, или недостатокъ ревности къ исполненію своего долга, или неспособность внушить своимъ прихожанамъ довѣренность къ распоряженіямъ начальства и возбудить ихъ усердіе къ исполненію таковыхъ, то всѣхъ священниковъ,

---

[1]) Въ канц. об.-пр. св. син. докладъ Протасова 1837 года.

которые не устроятъ своихъ церквей въ назначенный шестимѣсячный срокъ, подвергать формальному суду и отрѣшать отъ приходовъ, а замѣщать таковыхъ священниковъ благонадежными изъ числа остающихся непристроенными, или управляющихъ малоприходными церквами [1]).»

Такая строгая мѣра, придуманная Іосифомъ и принятая унитскою коллегіею, принесла плоды и имѣла значительное вліяніе на ускореніе дѣла по устройству иконостасовъ въ унитскихъ церквахъ: въ бѣлорусской епархіи вновь устроены были иконостасы въ 107-ти церквахъ, а въ литовской оставалось неустроенныхъ въ 1837-мъ году иконостасовъ только въ 73-хъ церквахъ, да и то по той причинѣ, что церкви эти нуждались въ предварительной капитальной починкѣ или отстройкѣ [2]). При этомъ также воспрещено было употребленіе органовъ въ унитскихъ церквахъ; они были или уже проданы, или разобраны по литовской епархіи; далѣе уничтожены амвоны, упразднены боковые престолы; алтари устроены по православному, такъ что престолъ находился посреди алтаря, а не у самой стѣны, какъ это бываетъ у римлянъ.

Протасовъ требовалъ отъ греко-унитской коллегіи, чтобы она дѣятельно заботилась о приведеніи унитскихъ церквей въ православный видъ; чтобы доставляла ему точныя свѣдѣнія о церквахъ по каждому благочинію, а именно: въ которыхъ церквахъ уже устроены давно иконостасы, въ которыхъ недавно, и въ которыхъ еще не устроены [3]). Всѣ эти распоряженія по своей энергичности весьма много подвигали дѣло унитское впередъ, особенно по внѣшнему устроенію унитскихъ церквей.

Энергическія также мѣры приняты были ко введенію православныхъ богослужебниковъ въ унитскихъ церквахъ и изгнанію древне-унитскихъ. Такъ какъ нѣкоторые священники изъ подвѣдомаго Іосифу духовенства отправляли литургію по стариннымъ служебникамъ, а вновь разосланные служебники, апостолы и евангелія остаются безъ употребленія, то положено было, для введенія единообразнаго служенія по греко-унитскимъ церквамъ и для пріученія унитскаго духовенства къ правильному произношенію богослужебнаго славянскаго языка, изъять изъ употребленія древніе унитскіе богослужебники и отобрать ихъ отъ

---

[1]) Въ синод. арх. дѣло 1837 года, объ обозрѣніи греко-унитскихъ епархій литовскимъ епископомъ Іосифомъ.

[2]) Тамъ же, о приведеніи унитскихъ церквей въ первобытное положеніе по правиламъ греко-восточной церкви, объ устройствѣ иконостасовъ, о снабженіи ихъ утварью и богослужебными книгами.

[3]) Тамъ же.

всѣхъ церквей. Отобранные служебники хранить при каѳедральномъ соборѣ. Но встрѣтились препятствія къ безусловному исполненію этой мѣры: между унитскимъ духовенствомъ были нѣкоторые священники такіе, которые по слабымъ способностямъ и ограниченнымъ познаніямъ не въ состояніи были отвыкнуть вдругъ отъ прежнихъ служебниковъ и служить исправно по служебникамъ московской печати. Нужно было въ пользу такихъ сдѣлать исключеніе изъ правила: предоставлено было по усмотрѣнію благочинныхъ оставить для такихъ по одному изъ лучшихъ прежнихъ служебниковъ впредь, пока священники эти не будутъ достаточно обучены при каѳедральномъ соборѣ или у самого благочиннаго. Ревизія пр. Іосифа имѣла вліяніе на обѣ унитскія епархіи, но не въ одинаковой мѣрѣ: она болѣе касалась литовской епархіи, чѣмъ бѣлорусской — въ послѣдней оставалось болѣе унитскаго, чѣмъ въ первой. Воздѣйствіе Протасова на бѣлорусскую епархію оказалось главнымъ образомъ послѣ ревизіи Серно-Соловьевича и доноса бѣлорусскаго генералъ-губернатора.

Соловьевичъ представилъ весьма печальную картину состоянія унитскихъ церквей въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ: церкви эти представляли собою совершенный видъ церквей латинскихъ, на нихъ какъ бы ни мало не дѣйствовали всѣ законодательныя мѣры правительства. Такъ, по свидѣтельству Серно-Соловьевича, въ мѣстечкѣ Дудичахъ, Игуменскаго уѣзда, въ церкви, вмѣсто иконостаса, поставлена была только низенькая черная рѣшетка, имѣющая три довольно широкія двери, представляющія какъ бы царскія, сѣверныя и южныя; изъ алтаря она закрывалась краснымъ занавѣсомъ. На ней только два аршинные образа. При раскрытіи во время богослуженія всѣхъ дверей, совершенно становится незамѣтнымъ отдѣленіе алтаря отъ церкви этою рѣшеткою. Внутреннее устройство церкви также совершенно латинское, а именно: престолъ при стѣнѣ со всѣми украшеніями западной церкви, жертвенника нѣтъ вовсе, четыре боковые престола существуютъ и на нихъ отправляется богослуженіе шопотомъ, органы не упразднены, амвонъ, скамейки и пять конфессіоналовъ или мѣстъ, гдѣ священникъ слушаетъ исповѣди, существуютъ также на римско-католическій манеръ. «Въ сей церкви, продолжаетъ Соловьевичъ, есть чудотворный образъ Пресвятой-Дѣвы, къ которому стекается весьма значительное число богомольцевъ каждое первое воскресенье послѣ новолунія. Въ одно изъ нихъ, 25-го іюля, я посѣтилъ дудицкую церковь и поспѣлъ къ богослуженію, которое совершалъ самъ настоятель, благочинный Бѣлиновичъ. Стеченіе народа было не-

обыкновенное и особенно потому, что въ эти именно дни бываетъ въ мѣстечкѣ ярмарка. По окончаніи литургіи, Бѣлиновичъ съ четырьмя другими прибывшими нарочно греко-унитскими священниками дѣлалъ обходъ вокругъ церкви. Всѣ они были въ римско-католическихъ облаченіяхъ; Бѣлиновичъ во время крестнаго хода несъ св. Дары по латинскому обычаю; при семъ случаѣ играли на органѣ, били въ бубны въ самой церкви и внѣ оной, звонили въ колокола и колокольчики, пѣли какіе-то псалмы на польскомъ языкѣ и русскомъ, но шумъ заглушалъ голоса. Богослуженіе отправляемо было и по напѣву и по дѣйствіямъ священника согласно съ западною церковію. Книгъ московской печати нѣтъ вовсе, исключая служебника, который кажется только для виду лежалъ на латинскомъ престолѣ на подушкѣ съ правой стороны, служба же совершалась по мшалу. Изъ утварей двѣ чаши, и вмѣсто дискосовъ тарелочки, но чаши самыя маленькія, звѣздицъ нѣтъ, копья тоже, просфоры при богослуженіи не употребляются, агнецъ же вырѣзывается изъ одного большого хлѣба и заготовляется однажды на довольно продолжительное время».

Въ шацкой церкви было то же, а въ заболотской и того хуже: «тамъ была, пишетъ Серно-Соловьевичъ, вмѣсто иконостаса одна только перегородка самой грубой работы, и нѣтъ ни одной иконы во всей церкви; престолъ латинскій, книги уніатскія, московскій же служебникъ у священника на дому для изученія, какъ онъ увѣряетъ; изъ священныхъ сосудовъ одна только чаша [1])».

Обзоръ церквей греко-унитскихъ Соловьевичъ заключаетъ такъ: «Внутреннее устройство греко-унитскихъ церквей въ Минской губерніи не вездѣ отвѣчаетъ намѣренію и цѣли правительства. Многія церкви все еще не устроены, другія же хотя повидимому преобразованы по греко-восточному обряду, но неприлично, безобразно и какъ бы съ намѣреніемъ показать прихожанамъ нынѣшній видъ ихъ церкви съ невыгодной стороны. Престолы и жертвенники не имѣютъ приличной одежды, и во многихъ церквахъ только съ лицевой стороны одѣты, а прочія три стороны безъ всякаго облаченія. Богослуженіе не во всѣхъ церквахъ однообразно: въ иныхъ оно примѣнено болѣе къ церкви западной, въ другихъ же хотя и къ греко-восточному

---

[1]) Въ канц. об.-пр. св. син. дѣло 1837 года, объ обозрѣніи бѣлорусской греко-унитской епархіи прокуроромъ греко-унитской Д. Коллегіи, и о представленныхъ имъ замѣчаніяхъ относительно церквей, духовенства и дѣлопроизводства по бѣлорусской консисторіи.

обряду, но неправильно, съ измѣненіями и отступленіями. Изъ книгъ московской печати одни только служебники и молебныя пѣнія находятся въ церквахъ; Евангелія же и Апостолъ еще не разосланы, равно какъ и дарохранительницы. Впрочемъ, и самые служебники не всѣми священниками употребляются, и богослуженіе совершается по мшаламъ и другимъ книгамъ почаевской и виленской печати. Священники въ оправданіе свое представляютъ, что въ московскихъ служебникахъ не вполнѣ объясняются дѣйствія священника во время богослуженія, въ мшалахъ же они изъяснены подробнѣе, и притомъ, не имѣя книгъ Евангелія и Апостола, они принуждены пользоваться мшалами, въ которыхъ Евангеліе и Апостолъ положены на ряду [1])».

Соловьевичъ представилъ Протасову и свои соображенія о томъ, какъ удобнѣе и успѣшнѣе достигнуть приведенія греко-унитскихъ церквей бѣлорусской епархіи въ православный видъ.

Соображенія эти Протасовымъ были приняты во вниманіе и приведены въ исполненіе. По важности своей они стоятъ того, чтобы познакомиться съ ними. Медленность въ устройствѣ греко-унитскихъ церквей по православному обряду происходила, по мнѣнію Серно-Соловьевича, съ одной стороны отъ общаго нерасположенія къ тому дворянъ и духовенства, а съ другой еще болѣе отъ незнанія, въ чемъ именно должно состоять таковое устройство. Греко-унитское духовенство, привыкшее считать свою церковь за одно съ римско-католическою, никогда повидимому не заботилось знать разность въ устройствѣ церквей восточнаго и западнаго обряда, да и теперь, при распоряженіяхъ о преобразованіи ихъ церквей, оно не входитъ въ сношеніе съ духовенствомъ православнымъ, отъ котораго могло бы заимствоваться наставленіями къ надлежащему и правильному устройству своихъ церквей. Посему-то многіе греко-унитскіе священники считаютъ достаточнымъ, если въ ихъ церквахъ сдѣланы въ перегородкѣ или рѣшеткѣ царскія двери, сѣверныя и южныя двери, а престолъ поставленъ посрединѣ алтаря, и устроенъ жертвенникъ; и такимъ образомъ, полагая, что все уже сдѣлано, не стараются, чтобы алтарь отдѣленъ былъ отъ церкви приличнымъ иконостасомъ, означающимъ по самому смыслу слова составъ иконъ. Въ нѣкоторыхъ церквахъ были иконы на стѣнахъ церкви и въ алтарѣ, которыя могли бы составить приличный иконостасъ, въ замѣнъ коего сдѣлана только простая перегородка или рѣшетка.

---

[1]) Тамъ же.

Таковая небрежность или невѣдѣніе въ устройствѣ иконостасовъ могли бы быть отвращены слѣдующими мѣрами:

а) Еслибы бѣлорусское епархіальное начальство обозрѣвало почаще само ли собою, или посредствомъ знающихъ и заслуживающихъ довѣрія лицъ, ввѣренныя управленію его церкви, и личными замѣчаніями исправляло усмотрѣнные недостатки или отступленія. Сіе обозрѣніе, столь необходимое для епархіи бѣлорусской, не можетъ быть возложено на главнаго начальника сей епархіи, митрополита Іоасафата, и по преклонности лѣтъ его, и по званію предсѣдателя греко-унитской духовной коллегіи; но должно быть отнесено непосредственно къ обязанности викарнаго его оршанскаго епископа Василія. Сверхъ того, слѣдовало бы епископу Василію предоставить нѣкоторыя права въ епархіальномъ управленіи, ибо онъ не имѣетъ никакой инструкціи отъ митрополита. Посему не излишнимъ было бы предложить митрополиту, дабы онъ далъ ему столько власти, сколько признано будетъ нужнымъ въ настоящемъ положеніи греко-унитской церкви, чтобы онъ могъ дѣйствовать въ нѣкоторыхъ случаяхъ самостоятельно и независимо отъ власти епархіальнаго архіерея, митрополита Іоасафата.

б) Если бы то же начальство вошло въ сношеніе съ православными архіереями тѣхъ губерній, въ которыхъ находятся греко-унитскія церкви, и тѣ потомъ сообщали бы уніатскому архіерею о всѣхъ отступленіяхъ отъ греко-восточнаго обряда, найденныхъ ими въ сихъ послѣднихъ церквахъ. Мѣра эта могла бы принести пользу сколько въ правильномъ преобразованіи греко-унитскихъ церквей, столько и въ томъ отношеніи, что греко-униты скорѣе ознакомились бы съ мыслію, что греко-россійская и греко-унитская церковь не разнствуютъ между собою. Но дабы посѣщеніе греко-россійскими архіереями греко-унитскихъ церквей не было принято за присоединеніе ихъ къ православію, нужно, чтобы греко-унитское епархіальное начальство предварило свою паству, что это дѣлается только по просьбѣ, и собственно лишь для того, чтобы съ большею правильностію привести греко-унитскія церкви въ первобытное ихъ устройство по греко-восточному обряду.

в) Какъ не всѣ греко-унитскіе священники знаютъ принятыя въ восточныхъ церквахъ правила къ устройству иконостасовъ, то для единообразія въ семъ дѣлѣ не худо было бы издать общіе образцы для составленія самыхъ простыхъ и дешевыхъ, но приличныхъ иконостасовъ для греко-унитскихъ церквей, предоставивъ духовенству и помѣщикамъ, буде пожелаютъ, и болѣе богатые по своимъ средствамъ и усердію.

г) Греко-унитскіе священники, совершавшіе доселѣ литургію не на пяти хлѣбахъ, не знаютъ правилъ проскомидіи и затрудняются, какъ нѣкоторые объяснили, изучиться сему изъ служебниковъ. Въ православныхъ церквахъ есть особые проскомидійные листы, которые весьма было бы полезно ввести и въ греко-унитскія церкви съ тѣмъ, чтобы они прибиты были подлѣ самаго жертвенника и служили всегдашнимъ руководствомъ священниковъ къ безошибочному совершенію проскомидіи. Для знаменованія просфоръ нужно бы дать во всѣ церкви печати. Листы и печати не составятъ значительнаго расхода.

д) Для введенія правильнаго и единообразнаго восточнаго служенія въ греко-унитскихъ церквахъ бѣлорусской епархіи было бы не безполезно вызывать въ Полоцкъ, для пробы и наставленія при тамошнемъ каѳедральномъ соборѣ, сперва благочинныхъ и ихъ помощниковъ, а потомъ и нѣкоторыхъ богатѣйшихъ приходовъ священниковъ съ тѣмъ, чтобы они могли быть руководителями и для другихъ. Но лучшими наставниками въ семъ дѣлѣ были бы православные священники, еслибы грекоунитское епархіальное начальство просило содѣйствія архіереевъ. Испытывать и образовать дьячковъ нужно также въ Полоцкѣ, принявъ для сего тѣ же мѣры, какія введены въ епархіи литовской.

е) Вводя въ употребленіе книги московской печати, не должно оставлять въ церквахъ книгъ уніатскихъ; преосвященный Василій, обозрѣвъ нѣкоторыя церкви въ Бѣлоруссіи, забралъ изъ нихъ бывшіе тамъ мшалы; но число ихъ весьма незначительно. Посему для полнаго успѣха въ семъ дѣлѣ нужно бы сдѣлать общія распоряженія, чтобы консисторія, разсылая по церквамъ Евангелія и Апостолы, непремѣнно требовала возврата всѣхъ вообще мшаловъ, которыхъ почти въ каждой церкви имѣется болѣе одного. Со введеніемъ же дарохранительницъ отбирала бы имѣющіяся нынѣ пушки, изъ которыхъ можно сдѣлать такое же употребленіе, какъ и изъ монстрацій. Сверхъ служебниковъ, Евангелій, Апостоловъ и книгъ молебныхъ пѣній, нужны при богослуженіи еще и другія книги.

Немногія церкви имѣютъ средства замѣнить употребляемыя нынѣ уніатскія книги московскими; но еслибы св. синодъ благоволилъ оказать снисхожденіе по крайней мѣрѣ бѣднѣйшимъ греко-унитскимъ церквамъ, разрѣшивъ уступить имъ нужное число книгъ по тѣмъ цѣнамъ, по которымъ онѣ обходятся типографіи, то можно бы обязать каждую церковь пріобрѣсти книги московской печати въ замѣнъ нынѣшнихъ [1]).

---

[1]) Вышеприведенное дѣло объ обозрѣніи греко-унитскихъ церквей бѣлорусской епархіи прокуроромъ греко-унитской Д. Коллегіи.

Бѣлорусскій генералъ-губернаторъ почти одновременно съ донесеніемъ Серно-Соловьевича писалъ Протасову, что «почти въ глазахъ самого епархіальнаго бѣлорусскаго унитскаго начальства отправлялось богослуженіе въ унитскихъ церквахъ по латинскому, а не православному обряду. Такъ, напр.: священникъ борзновской церкви, лепельскаго уѣзда, Запалинскій, въ среду на страстной недѣлѣ служилъ литургію безъ пѣнія, по образцу латинской тихой мши, съ прислужникомъ, стоявшимъ на колѣняхъ, и съ колокольчикомъ. Священникъ, сопровождаемый тѣмъ прислужникомъ со свѣчею и звонящимъ безпрестанно въ колокольчикъ, подходилъ къ каждому изъ прихожанъ, стоявшихъ въ рядъ на колѣняхъ, а не прихожане подходили къ нему; при богослуженіи употребляемъ былъ не новый московской печати служебникъ, который предписано ввести во всѣхъ унитскихъ церквахъ, а старый унитскаго изданія, который, притомъ, по римскому обычаю переносимъ былъ на подушкѣ съ лѣвой стороны на правую; по окончаніи же литургіи, не было молитвы за Государя Императора и Августѣйшую фамилію. Сверхъ того оказывается, что въ сей церкви иконостасъ не устроенъ, престолъ придѣланъ плотно къ стѣнѣ и существуютъ скамейки для сидѣнія въ церкви [1])».

Протасовъ, возбужденный ревизіею Соловьевича и доносомъ бѣлорусскаго генералъ-губернатора, поставлялъ на видъ унитской коллегіи такіе безпорядки въ унитской церкви; коллегія съ своей стороны въ строгихъ выраженіяхъ обращала на это вниманіе консисторіи, или лучше, главнаго начальника епархіи, митрополита Іоасафата, который писалъ въ свою очередь строгіе выговоры за эти безпорядки своей консисторіи и всему своему духовенству, грозилъ ему строгимъ наказаніемъ, однимъ словомъ, дѣлу сообщенъ былъ сильный толчекъ и дано ускоренное движеніе.

Старикъ Іоасафатъ Булгакъ волею или неволею долженъ былъ содѣйствовать преобразованію унитскихъ церквей въ своей епархіи въ православномъ духѣ; волею или неволею долженъ былъ обращаться къ своей паствѣ съ выговорами, укорами и угрозами.

«Неоднократно, писалъ онъ къ своей паствѣ, получая извѣстія объ ослушаніи священниковъ въ подвѣдомственной мнѣ епархіи высочайше утвержденнымъ постановленіямъ коллегіи и моимъ толикимъ по сему распоряженіямъ, для соблюденія при

---

[1]) Вышеприведенное дѣло о приведеніи унитскихъ церквей въ первобытное ихъ положеніе.

богослуженіи восточныхъ обрядовъ, я нѣсколько разъ предписывалъ консисторіи принять надлежащія мѣры къ отвращенію таковаго ослушанія; но моя заботливость въ этомъ благомъ намѣреніи и понынѣ не имѣетъ ожидаемаго успѣха! Къ чему таковая безпечность подвѣдомственнаго мнѣ духовенства клонится, для меня непонятно. Я не что иное полагаю причиною, какъ только слабое въ семъ мнѣ содѣйствіе консисторіи, которая, имѣя начальничью власть, не думаетъ понуждать подвѣдомственныхъ ей благочинныхъ къ поспѣшнѣйшему возстановленію обрядовъ и преобразованію церквей. Мнѣ удивительно, что въ нѣкоторыхъ церквахъ понынѣ не сдѣлано ни малѣйшаго устройства, тогда какъ еще въ 1834 году послѣдовали на сіе греко-унитской дух. коллегіи и мои распоряженія, и въ этомъ ослушаніи ничто не можетъ оправдать духовенство бѣлорусской епархіи. Соглашаюсь, что въ нѣкоторыхъ церквахъ по бѣдности оныхъ нельзя было устроить иконостасовъ, но поставить престолъ на своемъ мѣстѣ, придѣлать жертвенникъ, выбросить излишнія скамейки, устранить колокольчики, — всегда въ самобѣднѣйшей церкви и въ скорѣйшемъ времени можно было исполнить. Какое же теперь оправданіе поставитъ оная консисторія, не понудивъ подчиненныхъ ей духовныхъ лицъ къ исполненію того, что есть возможно? Я, столь отдаленный, могу ли видѣть таковыя опущенія и могу ли предпринимать во всякомъ случаѣ къ возстановленію ихъ мѣры? Консисторіи предоставлено исполненіе сего, и она, находясь въ средоточіи неисполнителей, видя все это, каковое, повторяю, можетъ принести оправданіе? Я въ послѣдній разъ поставляя все сіе на видъ консисторіи, предлагаю ей принять всевозможныя мѣры какъ къ поспѣшнѣйшему устройству греко-унитскихъ церквей, такъ и введенію греко-восточнаго богослуженія. Для предотвращенія при богослуженіи какихъ-либо несообразностей, предписываю ей, по примѣру литовской епархіи, вытребовать посредствомъ благочинныхъ всѣ изъ подвѣдомственныхъ имъ церквей служебники почаевской, виленской и супрасльской печати, а оставить для единообразія одни лишь московскіе, каковыми, какъ полагаю, снабжена вся бѣлорусская епархія, и объявить подвѣдомственнымъ ей благочиннымъ, что за всякое отступленіе въ богослуженіи по онымъ будутъ подвергаемы строгому наказанію».

Предположенія и соображенія Соловьевича также и во всемъ своемъ объемѣ и во всей полнотѣ приложены были къ бѣлорусской епархіи. По распоряженію митрополита были вытребованы изъ Москвы 160 экземпляровъ Евангелій и 241 апостолъ, но это только на первый разъ, а потомъ присланы были изъ

московской синодальной типографіи въ Полоцкъ еще 252 Евангелія, 225 апостоловъ и 700 проскомидійныхъ листовъ. Заказаны были печати для знаменованія просфоръ въ тѣхъ церквахъ, которыя еще не имѣли этихъ печатей, разосланы были реестры церковныхъ вещей, необходимыхъ для всякой церкви; благочинные должны были по этимъ реестрамъ требовать отъ священниковъ церковныхъ утварей, и въ случаѣ неимѣнія ихъ на лицо, принять мѣры къ скорѣйшему пріобрѣтенію ихъ. Но главный результатъ ревизіи Соловьева былъ тотъ, что пр. Василій получилъ большій кругъ дѣятельности, началъ болѣе вліять на бѣлорусскую епархію. Начались высылки благочинныхъ въ консисторію для пріученія къ единообразному греко-восточному богослуженію; такимъ же образомъ высылали дьячковъ, для обученія которыхъ назначенъ былъ консисторіей особый учитель. Для точнаго и правильнаго руководства по устройству иконостасовъ разосланы были консисторіею по церквамъ формы или рисунки иконостасовъ. Потребованы были изъ Москвы еще 274 экземпляра Евангелій, 329 Апостоловъ. Чтобы устранить всякое препятствіе въ разсужденіи точнаго исполненія унитскими священниками греко восточныхъ обрядовъ, пр. Василій распорядился такъ, что приказалъ раздавать Евангелія и Апостолъ въ каждую не только приходскую церковь, но и въ филіальную. А потому, кромѣ вышеприведеннаго числа Евангелій и Апостоловъ, онъ послалъ еще 412 Евангелій и 466 Апостоловъ, и проскомидійныхъ листовъ 561 для приходскихъ церквей и 126 для филіальныхъ, и наконецъ 12 для монастырей, всего 699. Такъ какъ у уніатскаго духовенства, какъ бѣлаго, такъ и чернаго, было сильное предубѣжденіе противъ употребленія въ литургіи ковшичковъ и блюдечковъ, — предубѣжденіе, доходившее до того, что, несмотря на всѣ настоянія пр. Василія, духовенство никакъ не соглашалось употреблять этихъ священныхъ вещей; то пр. Василій, предварительно запасшись этими предметами, отправился для осмотра унитскихъ церквей бѣлорусской епархіи, раздавалъ ихъ собственноручно священникамъ, которыхъ заставлялъ въ присутствіи своемъ служить литургію и употреблять всѣ эти вещи въ извѣстное время, а также вливать теплоту въ потиръ. Неограничиваясь этимъ, онъ, по отъѣздѣ своемъ, поручилъ секретно надежному человѣку наблюдать, употребляютъ ли священники при литургіи эти священныя вещи и вливаютъ ли теплоту. Благочиннымъ строго внушено было смотрѣть за этимъ; для чего они и вызваны были въ Полоцкъ.

Интересно, при разсказываемыхъ нами событіяхъ въ унитской церкви, обратить также вниманіе на тѣ недоумѣнія, ко-

торыя возникали по унитскому дѣлу въ средѣ самой русской администраціи; нерѣдко власть духовная православнаго или унитскаго вѣдомства жаловалась на бездѣйствіе власти гражданской, послѣдняя въ свою очередь винила духовную власть; нерѣдко даже происходили размолвки или недоразумѣнія между представителями администраціи одного и того же вѣдомства, одного и того же круга. Изъ многихъ случаевъ мы здѣсь представимъ только нѣкоторые. Въ Минскѣ былъ въ эту эпоху гражданскимъ губернаторомъ князь Давыдовъ, пустая личность по умственнымъ способностямъ, а въ то же время надменнѣйшая. Этотъ князь жаловался Протасову на то, что духовенство унитское не исполнило одного его циркуляра, о которомъ онъ не потрудился увѣдомить епархіальное начальство, какъ оказалось впослѣдствіи; что оно до приступленія къ устройству иконостасовъ не испросило распоряженія высшаго начальства о составленіи предварительно чертежей устраиваемымъ иконостасамъ; но еслибы духовное начальство ожидало составленія чертежей, то даже въ концѣ 1837 го года не могло быть начато это устройство, между тѣмъ какъ теперь оно въ это время приближалось къ концу. Тѣмъ не менѣе жалоба Давыдова возбудила переписку между Протасовымъ и Іосифомъ Сѣмашко, который былъ возмущенъ этимъ и высказывался довольно желчно и обращалъ обвиненія Давыдова, направленныя противъ унитскаго епархіальнаго начальства, на самого Давыдова. «Еслибы я, писалъ онъ между прочимъ, столь же былъ легокъ на обвиненія, какъ князь Давыдовъ, то могъ бы таковыя обратить совершенно противу него самого. Другія губернскія начальства довольствовались пособіемъ по сему предмету епархіальному начальству соотвѣтственно поступающимъ отъ него отношеніямъ, князь же Давыдовъ, сдѣлавъ непосредственно отъ себя помянутый выше циркуляръ, полагалъ, видно, что уже не нужно никакое наблюденіе за чиновниками, къ которымъ этотъ циркуляръ относился, и даже сообщенія къ нему консисторіи касательно церквей еще неустроенныхъ ограничиваются отвѣтомъ, въ форму уже вошедшимъ, и то по истеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ: «что послано о томъ предписаніе какому-либо полицейскому чиновнику». Большая половина церквей литовской епархіи устроены заблаговременно безъ пособія со стороны гражданскаго начальства, на счетъ казенныхъ денегъ, а въ значительной части пожертвованіемъ самихъ священниковъ; устройство же небольшого числа оставшихся самыхъ бѣдныхъ церквей зависитъ отъ пособія, которое должно быть доставлено мѣстными владѣльцами, а доставленіе этого пособія зависитъ совершенно отъ понужденія гражданскаго начальства. Духовное

начальство здѣсь только можетъ требовать содѣйствія гражданскаго начальства, и эти требованія дѣлались неоднократно и дѣлаются. Впрочемъ, я уже выше изъяснилъ, что помянутыя неустроенныя еще церкви требуютъ предварительной капитальной починки или даже новой постройки, и замедленіе здѣсь весьма извинительно для духовнаго ли, или гражданскаго начальства, и для меня вовсе не пріятно, что князь Давыдовъ, не вникнувъ хорошо въ дѣло, вмѣсто принятія мѣръ къ устраненію мѣстныхъ затрудненій, поставляетъ меня въ необходимость входить въ настоящія полемическія объясненія, коихъ я старался избѣгать всѣми мѣрами во все управленіе литовскою епархіею, какъ безполезныхъ и даже вредныхъ общему ходу дѣла»[1]).

Бибиковъ вошелъ въ столкновеніе съ подвѣдомымъ ему военнымъ житомирскимъ губернаторомъ Масловымъ. Случаемъ къ этому столкновенію послужило распоряженіе Маслова, которымъ онъ принуждалъ всѣхъ владѣльцевъ имѣній въ унитскихъ приходахъ и всѣхъ прихожанъ унитовъ въ семимѣсячный срокъ устроить унитскія церкви по православному. Бибиковъ, узнавши о такомъ распоряженіи Маслова, потребовалъ отъ него объясненія или изложенія тѣхъ основаній, которыя послужили поводомъ къ такому его распоряженію. Масловъ отвѣчалъ, что его распоряженіе основано на свѣдѣніяхъ, переданныхъ ему лично въ Петербургѣ графомъ Протасовымъ, и что подобное же распоряженіе съ пользою введено уже и минскимъ гражданскимъ губернаторомъ. Бибиковъ, помимо коего сдѣлалъ распоряженіе Масловъ, остановилъ это распоряженіе, а въ то же время обратился къ Протасову съ письмомъ, въ которомъ просилъ увѣдомить его, дѣйствительно ли Протасовъ давалъ совѣтъ Маслову употреблять принудительныя мѣры къ устройству греко-унитскихъ церквей.

Отвѣтъ Протасова былъ довольно неясенъ. «Масловъ, писалъ Протасовъ, предъ отъѣздомъ своимъ къ мѣсту своего назначенія обращался ко мнѣ лично съ просьбою о снабженіи его нужными свѣдѣніями касательно состоянія греко-унитскихъ церквей въ губерніи ему ввѣренной, а также и касательно мѣръ, кои предпринимались къ устройству оныхъ. Я не могъ отказать ему въ означенныхъ свѣдѣніяхъ, съ одной стороны потому, что они, предварительно ознакомивъ его съ симъ предметомъ, долженствовали быть ему весьма полезны для содѣйствія достиженію предположенной правительствомъ цѣли, а съ другой и потому, что

---

[1]) Въ канц. об.-пр. Св. Син. дѣло 1837 года, по отношенію минскаго гражданскаго губернатора о причинахъ затрудненія во устройству церквей во ввѣренной ему губерніи.

тогда кромѣ его не было другого главнаго начальника губерніи. Сообщенныя мною свѣдѣнія ему состояли въ вѣдомости о находящихся въ Волынской губерніи благочиніяхъ обѣихъ греко-унитскихъ епархій, въ спискѣ вещамъ, нужнымъ для полнаго устройства каждой церкви по восточному обряду; въ указаніи важнѣйшихъ постановленій правительства по сему предмету, и наконецъ лично сообщено было ему, какія мѣры съ успѣхомъ предпринимаются по другимъ губерніямъ, особенно же по управленію виленскаго военнаго, гродненскаго, минскаго и бѣлостокскаго генералъ-губернатора, гдѣ въ три года болѣе 900 церквей, имѣвшихъ латинскій видъ, снабжены иконостасами и всѣми прочими главнѣйшими принадлежностями древняго восточнаго устройства.

«Сообщивъ ему все, что отъ меня зависѣло, я не имѣлъ ни малѣйшаго повода сомнѣваться, что подобныя мѣры будутъ не иначе приведены въ дѣйствіе, какъ по примѣненіи къ мѣстнымъ обстоятельствамъ, которыя въ каждой губерніи могутъ быть различны; еще менѣе могъ я усумниться въ томъ, что всѣ таковыя общія распоряженія будутъ зависѣть отъ утвержденія главнаго начальника губерніи, каковое званіе впослѣдствіи высочайше возложено на ваше превосходительство, и по той же причинѣ не имѣлъ повода извѣщать васъ, милостивый государь, о свѣдѣніяхъ, сообщенныхъ лично генералъ-маіору Маслову.

«Посему нынѣ отъ васъ. м. г., вполнѣ зависитъ предпринимать по благоусмотрѣнію вашему нужныя распоряженія къ достиженію помянутой цѣли, которая совершенно извѣстна и вашему превосходительству.

«Если мѣра, съ пользою употребленная минскимъ гражданскимъ губернаторомъ и одобренная по мѣстнымъ обстоятельствамъ генералъ-адъютантомъ княземъ Долгоруковымъ, признается вашимъ превосходительствомъ неумѣстною и даже вредною въ губерніи Волынской, то о семъ всего лучше можете судить вы сами, м. г., по ближайшему знанію мѣстныхъ обстоятельствъ, равно какъ и о томъ, не произведетъ ли отмѣна циркулярнаго, уже разосланнаго предписанія, какихъ-либо невыгодныхъ въ пользу правительственной цѣли заключеній, и не ослабитъ ли она уже начатое дѣло преобразованія греко-унитскихъ церквей въ Волынской губерніи, тогда какъ въ дѣлахъ религіи особенно нужно со стороны правительства единство въ дѣйствіяхъ и постоянство въ стремленіи къ цѣли, которыя бы не давали мѣста разнообразнымъ толкамъ, питаемымъ въ народѣ людьми неблагонамѣренными».

Въ послѣднихъ словахъ Протасова слышался не легкій только намекъ, но и прямой укоръ Бибикову за его уничтоженіе рас-

поряженій Маслова; въ заключеніи же письма Протасова къ Бибикову есть уже ясный и прямой выговоръ Бибикову, а вмѣстѣ съ тѣмъ и угроза. «Не входя въ рѣшеніе сего вопроса—благоразумно ли было отмѣнять распоряженіе Маслова, — какъ относящагося, говоритъ Протасовъ, собственно въ обязанности и отвѣтственности мѣстнаго главнаго начальства, я долженъ ограничиться однимъ лишь сообщеніемъ вашему превосходительству имѣющагося нынѣ вообще по вѣдомству дух. дѣлъ греко-унитскаго исповѣданія сравнительнаго соображенія, изъ коего оказывается, что Волынская губернія, при ограниченномъ числѣ церквей греко-унитскихъ, далеко отстала въ дѣлѣ преобразованія отъ прочихъ губерній и особенно отъ Литовской и Минской, гдѣ, какъ я уже имѣлъ честь выше объяснить, болѣе 900 церквей вновь устроено въ три послѣдніе года. По сей причинѣ, оставаясь въ надеждѣ, что ваше превосходительство почтите меня извѣщеніемъ о мѣрахъ, какія вы изволите предпринять въ замѣнъ отмѣненныхъ вами, я считаю между тѣмъ весьма нужнымъ покорнѣйше просить васъ, м. г., объ увѣдомленіи меня, сколько греко-унитскихъ церквей въ Волынской губерніи и какія именно не могутъ еще быть устроены по восточному обряду, дабы сообразивъ таковое свѣдѣніе съ поступившими отъ епархіальныхъ начальствъ, могъ я достовѣрнѣйшимъ образомъ означить сіе число въ вѣдомости объ устройствѣ греко-унитскихъ церквей, повременно представляемой на высочайшее усмотрѣніе[1]).

Между самыми духовными дѣятелями въ унитскомъ вопросѣ часто рождались недоумѣнія, недовѣрчивость, чтобы не сказать еще чего гораздо худшаго. Нашъ православный епископъ галицкій И., въ конфиденціальной своей перепискѣ съ Протасовымъ, между прочимъ сообщаетъ фактъ обнаружившейся холодности между Іосифомъ Сѣмашко и Лужинскимъ. «Много разъ, пишетъ И. Протасову, я совѣтовалъ Лужинскому писать вашему сіятельству откровенно обо всѣхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ; но онъ все боится пр. Іосифа, который не любитъ, чтобы дѣла шли мимо его. Съ тѣхъ поръ, какъ вы стали адресовать бумаги на имя Лужинскаго, онъ повеселѣлъ и сдѣлался ревностнѣе. Но вотъ странность: съ тѣхъ поръ пр. Іосифъ пересталъ писать къ нему, хотя на многіе важные предметы онъ просилъ разрѣшенія[2]).

---

[1]) Въ канц. об.-пр. Св. Син. дѣло 1838 года, о распоряженіяхъ военнаго губернатора города Житомира относительно устройства греко-унитскихъ церквей по ввѣренной ему губерніи, неодобренныхъ тамошнимъ генералъ-губернаторомъ.

[2]) Въ канц. об.-пр. Св. Син. дѣло 1838 года, объ уніатскомъ іеромонахѣ Іоасафатѣ Шавровскомъ.

Вотъ еще примѣры недоразумѣній, возникавшихъ между нашими административными дѣятелями по уніатскому вопросу. Епископъ полоцкій не одобрялъ той системы въ обращеніи уніатовъ къ православію, какой стало слѣдовать правительство съ 1835-го года, а особенно съ 1837-го года, т.-е. системы избѣжанія частныхъ обращеній и преимущественно при пособіи полицейскихъ мѣръ. Протасовъ по этому случаю писалъ ему: «Считаю не излишнимъ къ свѣдѣнію вашего преосвященства сообщить, что изъ получаемыхъ здѣсь съ разныхъ сторонъ и изъ разныхъ губерній свѣдѣній видно, что гдѣ менѣе было частныхъ, сопряженныхъ съ усиліемъ земской полиціи, обращеній, тамъ вообще болѣе созрѣло дѣло общаго присоединенія къ православію, чрезъ простое приведеніе уніатскихъ церквей къ первобытнымъ восточнымъ обрядамъ, которое естественнымъ образомъ ослабило самую связь между римскимъ и уніатскимъ духовенствомъ.

«Ваше преосвященство отъ перемѣны въ системѣ дѣйствованія опасаетесь охлажденія усердія православныхъ къ распространенію православія, а равно неблагопріятныхъ толковъ со стороны римлянъ и уніатовъ. Но все сіе было бы важно, когда бы они могли замѣтить подобную перемѣну въ распоряженіяхъ одного и того же начальника. Нынѣ другой случай. Слухъ, будто бы предмѣстникъ вашъ перемѣщенъ за самовольныя дѣйствія, легко опровергается старшинствомъ ввѣренной ему епархіи, тогда какъ и въ Могилевѣ правительство имѣетъ нужду въ архіереѣ, способномъ для важнаго уніатскаго дѣла, а между тѣмъ тамошнія обстоятельства, отличныя отъ обстоятельствъ епархіи полоцкой, объясняютъ перемѣну и его дѣйствій. Если же вы, м. г. и архипастырь, не станете обращать съ своей стороны никакого вниманія на мнѣнія людей, не понимающихъ, или худо понимающихъ избранную правительствомъ стезю, и напротивъ того сами будете внушать всѣмъ, что уніаты издревле принадлежатъ церкви восточной и природному русскому населенію, въ такомъ случаѣ особенный вашъ образъ дѣйствованія, когда бы и былъ изъясняемъ ближайшимъ знаніемъ видовъ правительства, что также должно придавать вѣса всѣмъ вашимъ распоряженіемъ, ничто однакожъ не препятствуетъ приписывать новыя мѣры и личнымъ вашимъ достоинствамъ и наконецъ истинному духу православной церкви, которая чуждается дѣйствій подобныхъ тѣмъ, какими вводима и подкрѣпляема была унія во время польскаго правленія, и требуетъ отъ новообращенныхъ сердечнаго убѣжденія въ ея догматахъ. Должны ли же охладѣвать вѣрные, когда будутъ видѣть, что имъ предлагаются средства, сообразнѣйшія съ духомъ церкви, т.-е. миролюбивое обращеніе съ уніатами и непрестанное указываніе имъ на сходство

обрядовъ, языка, происхожденія, и даже на принадлежность ихъ къ одному вѣдомству съ православными, чѣмъ они отличены предъ римлянами, имѣя и другія предъ ними преимущества? Ежели къ сему присоединятся собственныя вашего преосвященства распоряженія, по согласію съ епископомъ Василіемъ, сходныя съ мѣрами, принимаемыми въ минской епархіи, дозволеніе нашимъ священникамъ служить въ уніатскихъ церквахъ, приглашеніе уніатскихъ священниковъ для благодарственныхъ молебствій въ высокоторжественные дни, и прочее тому подобное, чтó только вы, милостивый государь и архипастырь, найдете возможнымъ и приличнымъ, то нѣтъ сомнѣнія, что наконецъ и православные и уніаты станутъ смотрѣть другъ на друга совсѣмъ иными глазами, къ неудовольствію, можетъ быть однихъ римлянъ, которые еще болѣе станутъ негодовать на уніатовъ, чѣмъ на православныхъ, и тѣмъ еще болѣе расположатъ первыхъ къ единодушію съ нами. Наконецъ, что касается могущихъ быть отъ иновѣрцевъ разглашеній, будто бы правительство не желаетъ распространенія православія и, чтó всего важнѣе, будто бы обращеннымъ въ оное дозволено будетъ по прежнему возвратиться въ унію, то, хотя нелѣпость подобныхъ толковъ, кажется и не требуетъ опроверженія, однакожъ въ случаѣ надобности можно противопоставить имъ сводъ законовъ, который долженъ быть достаточенъ для обузданія дерзкихъ и вразумленія легковѣрныхъ. Правительство чуждается только принудительныхъ мѣръ въ обращеніи, но всегда защищаетъ права господствующей церкви и свои.

«Всѣ сіи мысли, основанныя на существѣ дѣла и на соображеніи различныхъ обстоятельствъ его, сообщаю вашему преосвященству, съ искреннимъ желаніемъ успѣха въ вашихъ распоряженіяхъ, чтобы высочайше ввѣренная вашему попеченію епархія исполнила ожиданіе августѣйшаго нашего Государя, къ чести благоразумнаго и просвѣщеннаго въ вашемъ лицѣ начальника» [1]).

VI.

Между тѣмъ наступилъ послѣдній годъ въ исторіи уніи, рѣшительный и окончательный годъ въ ея судьбахъ — а именно, 1838-ой годъ.

По знаменательности фактовъ, совершившихся въ этотъ годъ, обилію событій этого года, мы должны остановить на немъ особенно

---

[1]) Въ канц. об.-пр. Св. Син. дѣло 1838 года, объ управленіи духовными дѣлами въ западныхъ губерніяхъ и о сближеніи уніатовъ съ православною церковью.

вниманіе наше и войти въ нѣкоторыя подробности. Начало этого года ознаменовалось фактомъ весьма благопріятнымъ для унитскаго дѣла: въ февралѣ этого года скончался унитскій митрополитъ Іоасафатъ Булгакъ.

Личность эта, если не была прямо враждебна дѣлу возсоединенія уніатовъ съ православными, то и слишкомъ пассивна и вяла, чтобы принимать живое и энергическое участіе въ рѣшеніи унитскаго вопроса. На ускореніе его смерти, кажется, имѣло вліяніе одно обстоятельство: въ 1836-мъ году, когда съ особенною энергіею принялись за устройство унитскихъ церквей по православному обряду, латиняне и сторонники уніи изъ среды самаго духовенства увидѣли совершенный переворотъ въ соединеніи унитской церкви съ православною, а потому дѣлали послѣднія усилія остановить дѣло соединенія, и болѣе фанатичные изъ нихъ прибѣгали къ самымъ эксцентричнымъ выходкамъ. Одинъ изъ такихъ фанатиковъ, нѣкто іеромонахъ и управляющій любовицкимъ греко-унитскимъ монастыремъ Іоасафатъ Шавровскій написалъ къ митрополиту унитскому Булгаку два письма самаго оскорбительнаго содержанія. Первое письмо начиналось такъ: «Не удивляйся, что я пишу къ тебѣ; я не рѣшался на это, но мнѣ три раза являлся св. Іоасафатъ и велѣлъ сказать тебѣ, «ты продалъ унію; ты не пастырь, а волкъ». Письмо заключалось такъ: «недаромъ ты называешься Булґакъ,—это на буллу гакъ». Письмо Шавровскаго написано было на трехъ листахъ на польскомъ языкѣ; оно до того смутило митрополита, что онъ трое сутокъ почти не ѣлъ и плакалъ. Содержаніе другого письма было слѣдующее: «Ты меня наказываешь; но на кого ты вооружаешься? Не на меня, а на св. Іоасафата! [1]).»

Шавровскій роздалъ копіи съ своихъ писемъ разнымъ лицамъ и этимъ произвелъ самое вредное вліяніе: этимъ подрывался авторитетъ высшаго греко-унитскаго начальства и возбуждалась сильнѣе и безстрашнѣе дерзость нападенія на дѣло, такъ заботливо приготовляемое русскимъ правительствомъ; латинская партія оживилась надеждами, рукоплескала дерзкому поступку Шавровскаго, приняла его подъ свое покровительство; унитскіе священники поколебались въ своихъ мысляхъ и явно смутились; между ними образовалась партія, у которой родилось желаніе просить себѣ у правительства другихъ архіереевъ вмѣсто настоящихъ [2]). Покровительство Шавровскому со стороны поляковъ и земской полиціи оказывалось съ самою возмутительною нагло-

---

[1]) Дѣло 1838 года о іеромонахѣ Іоасафатѣ Шавровскомъ.

[2]) Тамъ же.

стію; Булгакъ присудилъ послать Шавровскаго подъ строгій присмотръ березецкаго настоятеля; но Шавровскій подъ предлогомъ болѣзни спокойно жилъ около двухъ лѣтъ въ домѣ польскаго помѣщика Піоро, Могилевской губерніи, Бабиновичскаго уѣзда; сношенія бѣлорусской греко-унитской консисторіи по этому предмету съ гражданскимъ начальствомъ не имѣли никакого успѣха, до тѣхъ поръ, пока Протасовъ не вошелъ въ прямыя сношенія съ губернаторомъ Дьяковымъ [1]). Оскорбленіе, нанесенное митрополиту Шавровскимъ, возбужденное состояніе души при видѣ совершившихся важныхъ реформъ въ унитской церкви, потрясенное старостію и болѣзнями здоровье, — все это могло болѣе или менѣе ускорить смерть митрополита Іоасафата. Какъ бы то ни было, только смерть Іоасафата развязала руки нашему правительству, также и пр. Іосифу и Василію. Первый получилъ постъ предсѣдателя въ греко-унитской коллегіи, второй сдѣлался самостоятельнымъ правителемъ бѣлорусской епархіи. Дѣло унитское быстро пошло къ своему окончанію: въ Жировицы и Полоцкъ стали вызываться преосвященными Іосифомъ, Василіемъ и Антоніемъ унитскіе благочинные, а за ними и простые священники, которымъ открывались виды правительства касательно будущей судьбы унитской церкви, дѣлались внушенія, брались подписки въ желаніи ихъ принять православіе. Благодаря умѣнью преосв. Іосифа, Василія и Антонія, операція эта, какъ выражается Іосифъ въ письмѣ къ Протасову [2]), удалась прекрасно за весьма немногими исключеніями. Къ концу 1838 года литовская епархія уже почти вся готова была къ принятію православія: изъ 1057 человѣкъ бѣлаго и монашествующаго духовенства литовской епархіи 760 дали подписки, а оставалось не давшихъ 207 человѣкъ, изъ которыхъ 98 были монахи; въ бѣлорусской епархіи хотя изъ 680 человѣкъ дали подписки принять православіе только 186, а не давшихъ осталось 494 человѣка, изъ коихъ 84 были монахи, но за то давшіе подписки составляли все высшее и образованнѣйшее духовенство епархіи и, такъ сказать, всю нравственную силу его, а слѣдовательно могшее вліять на все прочее духовенство бѣлорусской епархіи.

Чтобы поставить и бѣлорусскую епархію въ положеніе болѣе благопріятное для возсоединенія съ православіемъ, придумана была мѣра такого рода: разрѣшено было начальству обѣ-

[1]) Дѣло 1838 года о іеромонахѣ Іоасафатѣ Шавровскомъ.

[2]) Въ канц. об.-прокур. св. синода дѣло 1838 года о греко-унитскихъ священникахъ Бѣлостокской области.

ихъ унитскихъ епархій, по взаимному между собою сношенію, перемѣщать изъ одной епархіи въ другую, чѣмъ дана была возможность въ скорѣйшемъ времени наполнить бѣлорусскую епархію лицами благонадежными. При этомъ дано было позволеніе унитскимъ архіереямъ посылать священниковъ и монаховъ въ православные монастыри великороссійскихъ губерній, для ближайшаго узнанія греко-восточныхъ обрядовъ, съ тѣмъ, чтобы для лучшаго порядка находились они подъ непосредственнымъ начальствомъ архимандритовъ тѣхъ монастырей, въ кои будутъ посланы. Но что главное, такъ это то, что эту мѣру епархіальныя унитскія начальства могли прилагать или съ пользою употреблять въ отношеніи къ тѣмъ лицамъ, которыя въ средѣ унитскаго духовенства окажутся неблагонадежными и неповинующимися видамъ и намѣреніямъ правительства, и слѣдовательно присутствіе которыхъ въ западныхъ губерніяхъ сдѣлается вреднымъ. А чтобы духовное начальство находило болѣе содѣйствія со стороны гражданской, то Протасовъ испросилъ у государя позволеніе, отнестись секретно къ генералъ-губернаторамъ западныхъ губерній объ усугубленіи вообще мѣръ осторожности и бдительнаго надзора для предупрежденія малѣйшихъ безпорядковъ при предстоящемъ преобразованіи греко-унитской церкви и сближеніи ея съ православною, а особенно по тѣмъ уѣздамъ, которые были болѣе подвержены сильному вліянію римскаго духовенства и польскихъ помѣщиковъ, также о распоряженіи, чтобы отъ подчиненныхъ генералъ-губернаторамъ мѣстъ и лицъ, вездѣ, по требованіямъ греко-унитскихъ епархіальныхъ начальствъ оказываемо было неукоснительно содѣйствіе, и преимущественно объ обращеніи строгаго вниманія на земскихъ исправниковъ, которые большею частью избираются изъ тамошнихъ уроженцевъ; наконецъ, объявить высочайшую волю, чтобы къ слѣдствіямъ по дѣламъ греко-унитскимъ были командируемы чиновники не только благонадежные, но и по возможности православнаго исповѣданія.

Мѣры эти были весьма необходимы при настоящихъ и даже будущихъ обстоятельствахъ унитскаго дѣла: если операція отобранія отъ унитскихъ священниковъ подписокъ въ желаніи ихъ присоединиться къ православной церкви вообще, по выраженію пр. Іосифа, шла весьма хорошо, то нельзя скрывать также и того, что были и нѣкоторыя исключенія; нельзя умолчать также и о томъ, что было возбуждено интригами латинянъ и поляковъ и движеніе среди унитскаго духовенства, враждебное дѣлу возсоединенія.

Одинъ случай такого движенія обнаружился въ литовской

епархіи, а другой въ бѣлорусской. Средоточіемъ враждебнаго движенія возсоединенію въ литовской епархіи была Бѣлостокская область. Въ этой области въ описываемую нами эпоху было 49 унитскихъ церквей. Когда викарій Іосифа Сѣмашко, брестскій епископъ Антоній Зубко сталъ отбирать отъ священниковъ Бѣлостокской области подписки о желаніи ихъ присоединиться къ православію, то изъ 49-ти священниковъ этой области 15 совершенно отказались дать подписки. Руководителями или главными зачинщиками этого движенія оказались три человѣка: 1) протоіерей клещевской церкви Сосновскій, еще въ 1812-мъ г. взятый подъ арестъ и выведенный въ другія губерніи по политическимъ дѣламъ, слѣдовательно человѣкъ неблагонамѣренный болѣе въ политическомъ, чѣмъ въ религіозномъ отношеніи; 2) священникъ чижевской церкви Фавстъ Говорскій; 3) священникъ новоберцовской церкви Антоній Пеньковскій. Нужно замѣтить, что въ Бѣлостокской области унитское духовенство менѣе другихъ расположено было къ православію; пр. Іосифъ приписывалъ это тому обстоятельству, что главныя мѣста по областному управленію занимаемы были унитами, совращенными въ латинство, и слѣдовательно вліявшими своими внушеніями и на духовенство. Сосѣдство съ латинскимъ духовенствомъ Польши, имѣющимъ свое управленіе, отдѣльное отъ управленія латинскимъ духовенствомъ имперіи и болѣе свободное и независимое, осталось не безъ вліянія на умы и поведеніе унитскаго духовенства Бѣлостокской области.

Въ описываемомъ нами поступкѣ нѣкоторыхъ унитскихъ духовныхъ это вліяніе латинянъ царства польскаго сказалось и подтверждено фактически. Пр. Іосифъ Сѣмашко въ донесеніи своемъ графу Протасову объ упомянутыхъ священникахъ, отказывавшихся дать подписки, прямо называетъ поступокъ этихъ священниковъ дѣйствіемъ латинской интриги, имѣвшей начало свое въ поступкѣ августовскаго римскаго епископа, который нѣсколькимъ изъ помянутыхъ священниковъ, бывшихъ на праздникѣ въ годитовской унитской церкви царства польскаго, дѣлалъ разныя внушенія, раздавалъ какую-то книгу и особенно внушалъ держаться полгода, обѣщая въ это время какія-то перемѣны [1]). Подъ вліяніемъ такого рода внушеній и образовалась въ средѣ духовенства унитскаго въ Бѣлостокской области партія, враждебная дѣлу возсоединенія съ православіемъ. Говорскій почти буквально повторялъ тестю своему, бѣльскому благо-

---

[1]) Въ канц. об.-прок. св. синода дѣло 1838 года о греко-унитскихъ священникахъ Бѣлостокской области, жалующихся на стѣсненіе ихъ вѣры.

чинному, слова августовскаго латинскаго архіерея, когда говорилъ: «настоящее правительство не долговременно, и за наступленіемъ новаго всѣ священники опять возвратятся въ соединеніе съ римскою церковью». Ни убѣжденія епархіальнаго начальства, ни просьбы родныхъ не дѣйствовали на этихъ людей, нафанатизированныхъ латинянами; они не только не соглашались давать подписокъ, но и подали чрезъ шефа жандармовъ графа Бенкендорфа на высочайшее имя прошеніе, въ которомъ просили защитить ихъ вѣру отъ гоненій и притѣсненій. Прошеніе это мы приводимъ здѣсь въ подлинникѣ, какъ интересный документъ въ исторіи уніи:

«Страхъ господній, овладѣвъ сердцами насъ окаянныхъ, поставилъ неустрашимыми на поприщѣ гоненія и скоропостижной смерти, въ полномъ увѣреніи, что за претерпѣваемыя нами въ столь просвѣщенномъ мірѣ преслѣдованія пріобрѣтемъ неувядаемый вѣнецъ славы, котораго еще не лишены мы въ священномъ царствованіи всемилостивѣйшаго нашего монарха Николая Павловича, покровителя и мощнаго защитника христіанской церкви, и надѣемся, во 1-хъ, что проницательный глазъ его императорскаго величества взглянетъ всею душею на приготовленную непоколебимымъ вѣрноподданнымъ своимъ греко-унитамъ одръ болѣзни, требуемыми обманнымъ способомъ подписками на счетъ измѣненія вѣры, исповѣдуемой нашими прародителями, подъ видомъ, что всѣ греко-униты доброхотно будтобы изъявили готовность принять соединеніе съ греко-россійскою церковью, какъ изъяснено въ представленныхъ намъ подпискахъ; и во 2-хъ, положивъ предѣлъ, котораго никто не поколеблетъ, обезпечить однажды навсегда спокойствіе и вселить въ вѣрноподданныхъ своихъ тишину, которою еще по сіе время наслаждаемся. Ради избѣжанія столь несчастнаго положенія, которое, терзая душевныя и тѣлесныя силы, сближаетъ къ смерти, жертвою коей пали непоколебимые свѣтильники вѣры,—священники: Іоаннъ Родкѣвичъ съ Любіоды, Матѳей Барановскій, Николай Вѣрожбицкій и Станиславъ Плышевскій. Поступили отъ нихъ убѣдительныя просьбы къ своимъ мѣстнымъ, какъ духовнымъ, такъ и гражданскимъ начальствамъ, но оставленіе безъ малѣйшаго вліянія какъ сихъ, такъ равно и нашихъ прошеній, основанныхъ на высочайшихъ его императорскаго величества манифестахъ и повелѣніяхъ, подало поводъ утруждать всемилостивѣйшаго нашего государя императора Николая Павловича и пролить къ нему слезное наше моленіе, дабы соизволилъ защитить насъ своею монаршею милостію, по уваженію, во-первыхъ, что двумя пунктами высочайшаго манифеста, изданнаго въ 15-й день октября

1807 года, увѣрены мы въ томъ, что исповѣданіе вѣры нашей сохранится ненарушимо; во-вторыхъ, свода законовъ тома I-го о правахъ верховной власти 45-ю статьею предоставлена свобода разнымъ иновѣрнымъ исповѣданіямъ, которой мы не лишаемся, и въ-третьихъ, статьею 73-ю тома XIV не дозволены господствующей церкви понудительныя средства при обращеніи иновѣрныхъ къ православію. Но поелику не удостоились мы получить еще монаршаго повелѣнія по сему предмету, изъ духовнаго же и гражданскаго начальства никто не внемлетъ сему,— можно ли разорять душевное и тѣлесное спокойствіе? Вмѣстно ли духовному начальству распространять власть, которою духовенство казнитъ непреклонныхъ унитовъ и вселяетъ въ сердцахъ человѣческихъ вопль и стонъ народа, въ спокойномъ царствованіи великаго государя нашего императора Николая Павловича? А потому поставлены мы прибѣгнуть къ вашему сіятельству и покорнѣйше просить о представленіи сего несчастнаго положенія нашего на благоуваженіе покровителя и защитника христіанской вѣры, всемилостивѣйшаго нашего монарха; а мы увѣрены, что не оставитъ насъ безъ отеческаго своего повелѣнія и, вселивъ въ сердцахъ поколебленныхъ спокойствіе, не дозволитъ безъ утишенія представляться къ всего міра Судьи, который вѣдаетъ злыя и добрыя помышленія человѣческія» [1].

Подъ прошеніемъ подписались слѣдующія лица: 1) Настоятель гриневицкой церкви въ Бѣлостокской области, священникъ Іоаннъ Имшенинъ; 2) настоятель кленицкой церкви, священникъ Іоаннъ Баньковскій; 3) викарный той же церкви священникъ Василій Сѣвериновичъ; 4) священникъ бѣльской церкви Николай Гижевскій; 5) старшій соборный протоіерей греко-унитскаго клещелевскаго прихода, настоятель Антоній Сосновскій; 6) викарный священникъ клещелевскаго прихода Петръ Солощнекевичъ; 7) другой викарный того же прихода Іоаннъ Демьяновичъ; 8) бывшій настоятель миленчицкой церкви, священникъ Стефанъ Шомито; 9) настоятель корнинской церкви Симеонъ Козьминскій; 10) викарный его Левъ Козьминскій; 11) викарный чижевской церкви Филиппъ Шешко; 12) настоятель воскресенской бѣльской церкви Іоаннъ Лавриновичъ; 13) настоятель бранской церкви Θедоръ Михневичъ; 14) настоятель щитовской церкви, священникъ Михаилъ Баньковскій и 15) настоятель бѣльской

---

[1]) Въ канц. об.-прок. св. синода дѣло 1838 года о греко-унитскихъ священникахъ Бѣлостокской области, жалующихся на стѣсненіе ихъ вѣры.—Списокъ съ отзыва къ виленскому военному генералъ-губернатору брестскаго епископа Антонія, отъ 26-го августа 1838 года.

святопречистой церкви Антоній Гижевскій. Прошеніе это произвело большую тревогу въ правительственныхъ сферахъ, возбудило недоразумѣнія между свѣтскими и духовными начальниками, увеличило опасенія за будущій успѣхъ унитскаго дѣла, вообще завязало оживленную переписку между княземъ Долгоруковымъ и епископомъ Антоніемъ Зубко и Сѣмашко, между Бенкендорфомъ, Протасовымъ, Долгорукимъ, Лонгиновымъ и другими. Нужно сказать, что Антоній Зубко своимъ обращеніемъ къ генералъ-губернатору Долгорукому за содѣйствіемъ по дѣлу бѣлостокскихъ священниковъ далъ случай этому расположенному къ латинству, какъ увѣряетъ Сѣмашко въ своихъ конфиденціальныхъ письмахъ къ Протасову, человѣку вмѣшаться въ это дѣло и затѣять переписку, въ которой дѣйствія Зубко и Сѣмашко представляются не совсѣмъ съ хорошей стороны. Впрочемъ, пр. Антонія можно извинить въ этомъ случаѣ тѣмъ, что нѣкоторыя обстоятельства или лучше нѣкоторыя фразы, высказанныя нѣкоторыми изъ бѣлостокскихъ священниковъ, могли возбудить въ немъ мысль или подозрѣніе о присутствіи въ этомъ дѣлѣ элемента болѣе политическаго, чѣмъ религіознаго. Какъ бы то ни было, только Долгоруковъ, къ которому обратился Антоній за содѣйствіемъ, не одобрилъ распоряженій Антонія касательно отосланія священниковъ Говорскаго, Паньковскаго и Висѣкирскаго въ тороканскій монастырь и взятія Говорскаго въ полицейское вѣдомство, какъ сильно подозрѣваемаго въ участіи въ государственномъ преступленіи. Долгоруковъ обратился къ Антонію какъ бы съ выговоромъ за жестокое обращеніе его съ унитскими священниками, подавшими прошеніе на высочайшее имя, совѣтовалъ ему избѣгать фанатизма, т.-е. почти дѣлалъ выговоръ Антонію[1]). Недовольствуясь этимъ, Долгоруковъ обратился къ Протасову съ жалобою на дѣйствія Антонія, а частію и Сѣмашки.

«Брестскій греко-унитскій епископъ Антоній увѣдомилъ меня, писалъ Долгоруковъ Протасову, о полученномъ имъ донесеніи отъ бѣльскаго благочиннаго, что при увѣщаніи имъ зятя своего, священника чижовской церкви Фавста Говорскаго уклониться отъ неблагонамѣренныхъ духовныхъ лицъ, неизъявившихъ желанія дать подписку о присоединеніи къ греко-россійской церкви, Говорскій отозвался: «настоящее правительство не долговременно и, за наступленіемъ новаго, всѣ священники опять возвратятся въ соединеніе съ римскою церковью».

---

[1]) См. вышеприведенное дѣло о греко-унитскихъ священникахъ Бѣлостокской области, жалующихся на стѣсненіе ихъ вѣры.

«Епископъ Антоній присовокупляетъ, что, по изъясненію помянутаго благочиннаго, подобные разговоры случаются и между другими неблагонамѣренными священниками, сознавшимися ему въ принесеніи государю императору всеподданнѣйшей жалобы на требованіе отъ нихъ упомянутыхъ подписокъ; что къ обнаруженію таковой неблагонамѣренности могъ бы быть принятъ въ руководство приложенный имъ, епископомъ, списокъ священникамъ, недавшимъ означенныхъ подписокъ; что шесть изъ сихъ священниковъ считаются болѣе неблагонадежными, и что священника Говорскаго, какъ сильно подозрѣваемаго по участію въ государственномъ преступленіи, нужно бы взять въ полицейское вѣдомство, а между тѣмъ сей Говорскій, другъ его священникъ Паньковскій и священникъ Высѣкирскій отправлены имъ, епископомъ, въ тороканскій монастырь, состоящій Гродненской губерніи въ Кобринскомъ уѣздѣ.

«Препроводивъ копію съ упомянутаго приложеннаго епископомъ Антоніемъ списка къ правителю Бѣлостокской области, я поручилъ ему немедленно распорядиться о произведеніи чрезъ благонадежнаго чиновника изысканія касательно показанной неблагонамѣренности священниковъ, съ тѣмъ, чтобы строжайшимъ и аккуратнѣйшимъ образомъ, но безъ малѣйшей огласки, обнаружено было свойство отзыва, сдѣланнаго священникомъ Говорскимъ бѣльскому благочинному, и чтобы это изысканіе представлено было мнѣ.

«Но съ распоряженіемъ епископа Антонія въ настоящемъ случаѣ я согласиться не могъ, не предполагая въ объясняемой бѣльскимъ благочиннымъ степени событій достаточнаго правдоподобія, ибо, при такой неблагонамѣренности духовныхъ лицъ, они конечно не обратились бы къ принесенію всеподданнѣйшей государю императору жалобы по предмету требованія отъ нихъ подписокъ; во 2-хъ, они безъ сомнѣнія отрекутся отъ произносимыхъ будто бы ими словъ, и тогда всѣ дѣйствія противу нихъ будутъ имѣть видъ совершеннаго гоненія за подачу просьбы.

«Сверхъ того, замѣченныхъ нынѣ неблагонамѣренныхъ священниковъ удобнѣе было бы удалить изъ мѣстъ пребыванія ихъ, вызвавъ всѣхъ таковыхъ подъ разными предлогами въ мѣстечко Жировицы, гдѣ находится епископъ и духовная консисторія, и замѣнивъ ихъ другими благонадежными лицами. Тѣ же мѣры, кои употреблены нынѣ со стороны епископа Антонія, могутъ возбуждать только ожесточеніе и самое сопротивленіе. Епископу Антонію извѣстны были намѣренія мои, имѣющія цѣлію избѣгать, сколько возможно, всего того, что бы могло подать поводъ фанатизма, но что онъ самъ согласенъ былъ, а нынѣшнимъ дѣй-

ствіемъ не только онъ дастъ поводъ подозрѣвать таковый въ дѣйствіяхъ епархіальнаго начальства, но и возродитъ оный въ противномъ смыслѣ,—и въ самыхъ духовныхъ.

«Таковыя мысли мои я теперь же сообщилъ епископу Антонію, извѣстивъ его, что если за всѣмъ тѣмъ найдетъ онъ полезнымъ передать священника Говорскаго въ вѣдомство полицейское, то отъ него зависитъ отнестись о томъ къ правителю Бѣлостокской области, или отозваться ко мнѣ съ первою почтою о истребованіи сего Говорскаго въ Вильну.

«О всѣхъ сихъ обстоятельствахъ я нужнымъ счелъ увѣдомить ваше сіятельство, препровождая при семъ на ваше, милостивый государь, усмотрѣніе копію съ присланнаго ко мнѣ епископомъ Антоніемъ списка священникамъ, давшимъ подписки о присоединеніи къ православію, и несогласившимся дать оныя.

«Еще разъ не могу не повторить моего опасенія, что желаніемъ ускорить окончаніе столь важнаго дѣла и принятіемъ для сего сильныхъ мѣръ мы только отдалимся отъ достиженія цѣли и таковыми дѣйствіями можемъ возродить неисчислимыя препятствія и даже безпорядки. Въ религіозныхъ дѣлахъ мученическій вѣнецъ есть самая большая слава, а въ здѣшнемъ краѣ религіознымъ фанатизмомъ немедленно воспользуется и политическій. До сихъ поръ принятая система оправдалась своими последствіями. Отчего не продолжать ее? На все сіе долгомъ считаю обратить вниманіе вашего сіятельства, и вмѣстѣ съ тѣмъ покорнѣйше просить сообщить мнѣ въ руководство мысли ваши по сему предмету, ибо, не зная нынѣ намѣреній правительства по оному, я не могу имѣть надлежащей увѣренности въ дѣйствіяхъ моихъ».

Сѣмашко, къ которому присланы были и прошеніе бѣлостокскихъ священниковъ и письмо Долгорукова къ Протасову, долженъ былъ давать объясненіе какъ по прошенію, такъ и по письму. Вотъ что писалъ онъ по этому случаю Протасову: «Возвращая къ вашему сіятельству препровожденное ко мнѣ конфиденціально отношеніе къ вамъ князя Долгорукова, честь имѣю изъяснить слѣдующее: Пр. Зубко увѣдомилъ князя о священникахъ бѣлостокской области, отказавшихся дать требуемыя подписки, единственно потому, что подозрѣвалъ изъ указанныхъ имъ обстоятельствъ, не въ связи ли таковой отказъ съ какими-нибудь злоумышленіями, сторонними для духовнаго вѣдомства, и симъ, думаю, преосвященный исполнилъ долгъ свой. Если князь Долгоруковъ находилъ эту догадку неосновательною, то и стоитъ давать дальнѣйшій ходъ дѣлу съ его стороны. Остальныя разсужденія князя для меня не совершенно ясны; это кажется

происходитъ отъ недоумѣній его какъ относительно сущности уніатскаго дѣла, такъ и о собирающихся нынѣ подпискахъ.

«Система, называемая княземъ Долгоруковымъ *наша*, развилась постепенно, и вашему сіятельству извѣстно, что взятіе подписокъ есть простое послѣдствіе той же системы и необходимое условіе для приведенія въ дѣйство дальнѣйшихъ предположеній. Нужно было увѣриться въ греко-унитскомъ духовенствѣ. Операція эта, слава Богу, удалась прекрасно по литовской епархіи, и только остаются два благочинія, гдѣ не получено еще подписокъ почти отъ половины приходскаго духовенства, но и это, дастъ Богъ, скоро поладимъ къ удовольствію князя Долгорукова.

«По Бѣлостокской области на 49 церквей не дали подписокъ только 15 изъ управляющихъ оными священниковъ. Сіи священники живутъ въ одномъ околоткѣ, и отказъ ихъ благочинному въ дачѣ подписокъ довольно похожъ на обдуманную интригу. Имѣетъ ли она начало между самимъ духовенствомъ, или происходитъ извнѣ, еще я не разобралъ хорошо, но могу только сказать, что въ дѣйствіяхъ по Бѣлостокской области я всегда встрѣчалъ болѣе затрудненій, нежели по другимъ мѣстамъ, и это я приписываю извѣстному вашему сіятельству обстоятельству, что главныя мѣста по областному управленію занимаютъ уніаты, совращенные въ римскій обрядъ. Впрочемъ приняты уже мною мѣры для устраненія дурныхъ послѣдствій: всѣ ненадежные священники вызываются по очереди въ Жировицы; двухъ изъ нихъ зачинщиковъ или лучше выставленныхъ впередъ скрытыми зачинщиками я отрѣшилъ отъ приходовъ и помѣстилъ для наставленія въ монастырь, — это подѣйствуетъ на остальныхъ. Отправляемый мною въ Бѣльское благочиніе визитаторомъ вице-предсѣдатель Голубовичъ, думаю, поладитъ это дѣло по большей части на мѣстѣ. Но еслибы оказалось нужнымъ смѣнить и всѣхъ помянутыхъ 15-ть священниковъ, то и въ этомъ нѣтъ никакого затрудненія,—это зависитъ отъ меня совершенно, а въ епархіи есть, слава Богу, надежныхъ болѣе уже, нежели приходскихъ церквей».

Послѣ этого объясненія, въ которомъ проглядываетъ иронія надъ Долгоруковымъ, Сѣмашко послалъ Протасову другое, гдѣ онъ излагаетъ сдѣланныя и имѣющія совершиться распоряженія его касательно священниковъ, недавшихъ подписки. «Во всей епархіи, пишетъ онъ, только два осталось благочинія, гдѣ еще есть около половины священниковъ ненадежныхъ или лучше сомнительныхъ, слѣдовательно нечего безпокоиться. Эти священники вызываются поочереди въ Жировицы и послѣдуютъ долгимъ внушеніямъ, или будутъ легко замѣнены другими священ-

никами. Изъ подписавшихся на прошеніи 21 священниковъ только 13 есть управляющихъ приходами, да и между ними не многіе зачинщики, а остальные вовлечены только интригою. Трехъ священниковъ, которые кажутся зачинщиками и были уже вызваны въ Жировицы, какъ ненадежные и неприверженные къ собственной греко-восточной церкви, отрѣшены мною отъ приходовъ, кои поручены другимъ священникамъ. Сверхъ того вызванъ въ Жировицы протоіерей Сосновскій, какъ подозрѣваемый въ главномъ руководствѣ сего дѣла, для объясненія по оному, а крегуслевскій его приходъ порученъ на время другому священнику. Сосновскій взятъ былъ подъ арестъ въ 1812 году и выведенъ въ другія губерніи, слѣдовательно можно предполагать въ немъ болѣе политическую, нежели религіозную неблагонамѣренность. Повторяю, что этимъ дѣломъ нечего безпокоиться, и оно легко сладится, если только священники не будутъ ободрены поступками гражданскаго начальства.

«За симъ, кажется, было бы полезно, еслибы предоставлено было мнѣ высочайше распорядиться относительно священниковъ, подписавшихъ прошеніе, такъ какъ они вовсе не обращались по сему дѣлу къ епархіальному начальству; да и самое дѣло подлежитъ внутреннему духовному епархіальному управленію. Впрочемъ, подпись многими лицами прошенія къ государю императору считается, кажется, по законамъ прѣступленіемъ наравнѣ съ мятежемъ, и очень было бы не худо, еслибы по сему вовсе нерелигіозному поводу наказаны были гражданскимъ начальствомъ по крайней мѣрѣ побудившіе къ подачѣ онаго прошенія».

Сѣмашко не безъ причины намекалъ во второмъ своемъ объясненіи къ Протасову, что дѣло бѣлостокскихъ священниковъ легко уладится, если только они не будутъ ободрены поступками гражданскаго начальства. Это начальство въ этомъ дѣлѣ дѣйствовало весьма подозрительно: оно не высылало въ Жировицы протоіерея Сосновскаго, а этимъ давало ему и его партіи дѣйствовать упорнѣе и смѣлѣе. Вѣроятно, подъ вліяніемъ этихъ ободреній со стороны гражданскихъ властей или по внушенію другихъ лицъ, священники Фавстъ Говорскій и Антоній Паньковскій подали новую жалобу Государю чрезъ Бенкендорфа.

«Насильно понуждаемые, писали они, духовнымъ начальствомъ къ выдачѣ будтобы доброхотной подписки на соединеніе съ господствующимъ вѣроисповѣданіемъ и на тотъ предметъ призываемы были въ литовскую греко-унитскую консисторію къ его преосвященству, г-ну брестскому епископу викарному и кавалеру Антонію Зубко подъ предлогомъ наставленія; но отъ юности внушена совѣсть закона Божія о ненарушимости вѣроисповѣда-

нія нашихъ праотцевъ, а болѣе свободные своды законовъ великодержавнѣйшаго и всемилостивѣйшаго императора нашего Николая Павловича, подъ коего могущественнымъ жезломъ всякъ вѣрноподданный счастливо наслаждается, не дозволило и подумать о измѣненіи нашего вѣроисповѣданія, за что осуждено насъ заносчивыми, а болѣе, о горе намъ несчастнымъ! будто бы мы были врагами отечества, а хотя въ доказательство искренней нашей приверженности къ престолу великодержавнѣйшаго императора и наслѣдниковъ его неоднократно клялись Господомъ Всевышнимъ и его св. Евангеліемъ, то и въ то время собственноручно клятвенную выдали подписку, что до пролитія послѣдней нашей капли крови сохранять будемъ всѣ законы великодержавнѣйшаго Государя нашего Императора и наслѣдниковъ его, не щадя ни родства, ни дружбы, ниже за дары, ниже страха ради, и что всѣмъ ввѣреннымъ намъ прихожанамъ всѣми силами и мѣрами ввѣрноподданство и приверженность къ престолу внушать будемъ; въ противномъ же случаѣ да накажетъ насъ по законамъ мечъ справедливости съ прекращеніемъ жизни, а Всевышній Творецъ въ будущей жизни да водворитъ души наши въ неугасаемый геенскій огнь вѣчной пагубы, и сія-то наша ревностная клятва не обратила малѣйшаго на насъ вниманія, но тотчасъ по предложенію его преосвященства указомъ греко-унитской консисторіи въ монастырское заключеніе предназначены, гдѣ вторично послѣдовалъ указъ, по предложенію уже епархіальнаго епископа его высокопреосвященства и кавалера разныхъ орденовъ Іосифа за № 7374-мъ, коимъ отрѣшено насъ отъ занимаемыхъ нами приходовъ и опять оставлены въ монастырскомъ заточеніи. Очевидно показуется, что духовное начальство запрещаетъ наслаждаться намъ святоненарушимыми законами великодержавнѣйшаго государя нашего императора Николая Павловича. За симъ съ воплемъ и слезами припадаемъ къ стопамъ вашего сіятельства, моля покровительства и защиты; воззри на насъ несчастныхъ и доложи слово великодержавному монарху, и погибающіе отцы съ ихъ нелѣтнимъ своимъ семействомъ свободны въ своемъ вѣроисповѣданіи останутся. Ваше сіятельство не оставьте сего слезнаго нашего моленія безъ всемилостивѣйшаго удовлетворенія, за что слезы благодарности изливаемы будутъ предъ престоломъ Всевышняго о продолженіи счастливыхъ лѣтъ для всеобщаго блага».

Просьба эта или жалоба передана была статсъ-секретаремъ Лонгиновымъ Протасову; отъ Сѣмашки потребовано новое объясненіе по этой жалобѣ. Объясненіе Сѣмашки произвело рѣшительный поворотъ въ дѣлѣ и положило конецъ всѣмъ манифестаціямъ. Вотъ что

писалъ Іосифъ въ своемъ объясненіи: «При возстановленіи по греко-унитской церкви свойственныхъ ей постановленій и богослуженія, греко-унитское духовенство литовской епархіи оказалось вообще надежнымъ, вѣрнымъ своему долгу, приверженнымъ къ собственной греко-восточной церкви, за исключеніемъ незначительнаго числа зараженныхъ еще чуждыми правилами и подверженныхъ чуждому вліянію. Къ таковому исключенію принадлежатъ 14-ть священниковъ Бѣлостокской области, обнаружившихъ письменно прежде предъ благочиннымъ, а послѣ предъ консисторіей враждебныя чувства къ собственной греко-восточной церкви и усердія къ латинству. Они, ссылаясь на поданное прошеніе Государю Императору, отвергаютъ всякія внушенія и остаются непреклонными въ упрямствѣ. Между тѣмъ во всемъ поведеніи сихъ духовныхъ обнаруживается совершенно духъ интриги, имѣвшей начало, какъ донесено мнѣ, въ дѣйствіяхъ римскаго августовскаго епископа, который нѣсколькимъ изъ помянутыхъ священниковъ, бывшимъ на праздникѣ въ годитовской унитской церкви царства польскаго, дѣлалъ разныя внушенія, раздавалъ какую-то книгу и особенно внушалъ держаться полгода, обѣщая въ это время какія-то перемѣны.

«Считая противнымъ лежащей на мнѣ обязанности оставить греко-унитскія паствы въ вѣдѣніи и подъ вліяніемъ означенныхъ ненадежныхъ и даже злонамѣренныхъ священниковъ, я отрѣшилъ уже отъ приходовъ тѣхъ изъ нихъ, кои, по собраннымъ мною вѣрнымъ свѣдѣніямъ, возбуждали и руководствовали другихъ въ сей интригѣ, именно: протоіея Сосновскаго, клещелевской церкви, обоихъ Козьминскихъ, священниковъ корнинской церкви, Имшенина, священника гриневицкой церкви, Высѣкирскаго, священника Боцьковской церкви, и подавшихъ прошеніе, препровожденное ко мнѣ вашимъ сіятельствомъ при отзывѣ отъ 24-го сего октября за № 481-мъ, Говорскаго и Паньковскаго.

«Между тѣмъ викарій литовской епархіи, преосвященный Антоній увѣдомилъ меня нынѣ, что помянутый протоіерей Сосновскій, подвергнутый уже запрещенію, до сихъ поръ не прибылъ въ Жировицы по предписанію консисторіи; что онъ предъ клещелевскими прихожанами отвергалъ въ церкви ученіе греко-россійской церкви; что онъ же Сосновскій внушилъ тѣмъ же прихожанамъ не ходить въ церковь къ священнику, назначенному на его мѣсто; и что отрѣшенный отъ березовскаго прихода священникъ Антоній Паньковскій, при сдачѣ онаго назначенному на его мѣсто священнику, внушалъ прихожанамъ не допускать благочиннаго служить въ ихъ церкви.

«Принимая въ уваженіе, что означенные поступки протоіерея Сосновскаго и священника Паньковскаго могутъ произвести смятеніе между греко-унитскимъ народомъ и поощрять къ упорству прочихъ ненадежныхъ духовныхъ, ожидающихъ, какъ они разглашаютъ, благопріятнаго разрѣшенія поданнаго ими прошенія государю императору, покорнѣйше прошу посредства вашего сіятельства, чтобы помянутые Сосновской и Паньковскій высланы были безъ отлагательства мѣстнымъ гражданскимъ начальствомъ изъ настоящаго ихъ мѣстожительства въ великороссійскія губерніи.

«Возвращая при семъ вашему сіятельству означенное выше прошеніе Говорскаго и Паньковскаго, долгомъ поставляю присовокупить, что Говорскому воспрещено уже всякое священнодѣйствіе, и онъ опредѣленъ дьячкомъ въ Гродненской губерніи, въ Новогрудскомъ уѣздѣ; что нынѣ дѣлается мною распоряженіе о воспрещеніи священнодѣйствія и Паньковскому съ помѣщеніемъ его впредь до дальнѣйшаго распоряженія въ Бытенскомъ монастырѣ; и что Сосновскій, который есть дѣйствительнымъ руководителемъ всѣхъ ненадежныхъ священниковъ Бѣлостокской области, извѣстенъ уже правительству по своей политической неблагонадежности, и въ 1812-мъ году былъ выведенъ подъ конвоемъ изъ театра тогдашнихъ военныхъ дѣйствій».

Объясненіе Сѣмашки при особомъ докладѣ Протасова было представлено послѣднимъ государю императору. Государь положилъ на немъ такую резолюцію: объ августовскомъ епископѣ увѣдомить князя Варшавскаго; за ослушаніе епархіальному начальству послать Сосновскаго и Паньковскаго въ разные города Костромской губерніи подъ надзоръ мѣстнаго начальства, съ отнесеніемъ потребныхъ издержекъ на ихъ содержаніе (въ случаѣ нужды) на счетъ общей суммы греко-унитскаго духовенства, по назначенію оберъ-прокурора. Отнестись о семъ къ князю Долгорукову [1]).

Въ то время какъ дѣлались распоряженія въ Петербургѣ и Жировицахъ о высылкѣ Сосновскаго и Паньковскаго въ Костромскую губернію, и дѣлались сообщенія Паскевичу въ Варшавѣ о принятіи мѣръ противъ римскаго августовскаго епископа и вообще противъ католическаго духовенства, Говорскій и Паньковскій, покровительствуемые настоятелемъ тороканскаго монастыря, куда они заключены были, получили свободу, возвратились въ свои приходы и какъ сами внушеніями и нелѣпыми

---

[1]) Вышеприведенное дѣло о греко-унитскихъ священникахъ Бѣлостокской области, жалующихся на стѣсненіе ихъ вѣры.

слухами, распространенными католиками, такъ и прихожане ихъ, произвели явное возмущеніе. Дѣло происходило такъ: Паньковскій и Говорскій подъ предлогомъ болѣзни уволены были настоятелемъ Тороканскаго монастыря въ свои приходы. Консисторія литовская, получивши объ этомъ извѣстіе, тотчасъ приказала благочинному Костыцѣвичу запретить имъ священнодѣйствіе и, при содѣйствіи полиціи, выслать ихъ обратно въ тороканскій монастырь. Еще прежде крестьяне тѣхъ приходовъ, въ которыхъ были священниками Говорскій и Паньковскій, не допустили отправлять богослуженіе въ своихъ церквахъ тѣмъ священникамъ, которые назначены были на мѣста Говорскаго и Паньковскаго, и земскому исправнику, назначенному быть при сдачѣ вышепоименованныхъ приходовъ, прямо говорили, что они никому не выдадутъ своихъ священниковъ и никого другого вмѣсто ихъ не примутъ, а особенно преемника Говорскаго Лопушинскаго, который настоящій схизматикъ. Увѣщанія исправника не произвели никакого дѣйствія на возмутившихся. Когда спустя нѣсколько времени послѣ этого событія отправился благочинный Костыцѣвичъ съ священникомъ цѣхановицкой церкви Владиславомъ Чанковскимъ въ чижевскій приходъ, гдѣ былъ прежде священникомъ Говорскій, то прихожане чижевскіе, предувѣдомленные о пріѣздѣ къ нимъ благочиннаго, лишь только замѣтили его приближеніе, начали звонить въ приходскій колоколъ, потомъ, собравшись толпою предъ тѣмъ домомъ, гдѣ остановился Костыцѣвичъ, выслали нѣсколько человѣкъ изъ среды себя въ комнату къ Костыцѣвичу, просить его выдти къ нимъ. Лишь только Костыцѣвичъ вышелъ къ нимъ, какъ они окружили его и стали кричать, что они не хотятъ ни Лопушинскаго, ни другого кого имѣть у себя священниками, потому что всѣ схизматики, и одинъ только Говорскій католическій священникъ, и что хотя бы имъ пришлось и жизни лишиться, но они Говорскаго не отпустятъ. Послѣ начали ругать благочиннаго схизматикомъ и дѣлающимъ или хотящимъ всѣхъ сдѣлать схизматиками, и погубившимъ собственнаго своего зятя.

Толпа усиливала свои крики и порывалась отобрать церковные ключи отъ викарнаго священника. Наконецъ начали звонить въ колокола и, ставши на колѣни посреди улицы, запѣли какія-то пѣсни. Положеніе благочиннаго въ Березовѣ или приходѣ Паньковскаго было еще хуже. Не успѣлъ Костыцѣвичъ взойти въ домъ березовскаго дьячка, какъ сейчасъ пришелъ туда Паньковскій, а съ нимъ и толпа мужиковъ, которые начали ругать Костыцѣвича. Видя себя здѣсь не безопаснымъ, Костыцѣвичъ перешелъ въ сосѣднюю съ дьячковской комнату,

занимаемую писцами. Къ мужикамъ присоединились и женщины; тѣ и другія обступили домъ, гдѣ находился Костыцѣвичъ, и стучали въ двери.

Письмоводитель, давшій убѣжище Костыцѣвичу, только бѣгствомъ спасся отъ опасности, угрожавшей ему; за нимъ гнались бабы съ каменьями. Когда Костыцѣвичъ принужденъ былъ выдти изъ своей комнаты, то толпа повела его на улицу, а потомъ завела на колокольню, гдѣ, наругавшись надъ нимъ, принудила его дать росписку или обязательство въ томъ, что онъ въ другой разъ не пріѣдетъ въ ихъ церковь и не будетъ отбирать отъ нихъ священника Паньковскаго.

Движеніе въ Березовѣ противъ благочиннаго пріутихло только вслѣдствіе убѣжденія совѣтника Высоцкаго, въ домѣ котораго могъ скрыться Костыцѣвичъ и благодаря содѣйствію котораго онъ могъ кое-какъ выбраться изъ Березова. Возмущеніе прихожанъ чижевской и березовской церквей скоро сдѣлалось извѣстнымъ Государю; по высочайшему повелѣнію командированъ былъ изъ Петербурга майоръ корпуса жандармовъ Ломачевскій, для открытія главныхъ виновниковъ возмущенія. Слѣдствіе Ломачевскаго и штабсъ-капитана корпуса жандармовъ Сталинскаго вполнѣ обнаружило виновность Говорскаго и Паньковскаго, внушавшихъ своимъ прихожанамъ, что ихъ преслѣдуетъ епархіальное начальство несправедливо, и чрезъ это возбудившихъ ихъ къ явному сопротивленію властямъ. При слѣдствіи оказалось, что въ чижевскомъ и березовскомъ приходахъ распущенъ былъ слухъ о полученіи въ Бѣлостокѣ высочайшаго манифеста объ освобожденіи унитовъ отъ вѣропреслѣдованія; для прочтенія этого манифеста явилось къ правителю Бѣлостокской области до 1000 человѣкъ. Слухъ этотъ, какъ дознано впослѣдствіи, былъ распущенъ Говорскимъ и его пріятелемъ лекаремъ Рукуйжей.

Правитель Бѣлостокской области вотъ что доносилъ литовскому генералъ-губернатору Долгорукову: «Лекарь Рукуйжа, о которомъ не упоминается ни въ слѣдственномъ дѣлѣ, ни въ дополнительномъ розысканіи и на котораго никто не показалъ, какъ на главнаго виновника безпорядковъ въ чижевскомъ приходѣ, пріѣзжалъ въ деревню Чижи, обѣщалъ крестьянамъ чижевскаго прихода ходатайство свое не только о возвращеніи имъ Говорскаго, но еще и то, что въ ихъ церкви оставлено будетъ прежнее устройство, лишь бы только они нѣкоторое время показывали столько твердости, сколько показалъ ихъ священникъ. Для того, чтобы удобнѣе обмануть чижевскихъ крестьянъ, Рукуйжа показывалъ имъ будто полученное изъ Вильны письмо,

и для улаженія дѣла чижевскихъ крестьянъ выпросилъ у нихъ 100 р. сер.» При этомъ, какъ и слѣдовало предполагать, открылось дѣятельное участіе римскаго духовенства. По крайней мѣрѣ донесенія Сталинскаго и Паскевича прямо указываютъ, на это. Такъ первый доносилъ шефу жандармовъ, что «высшая духовная власть римско-католической церкви находится въ близкихъ сношеніяхъ съ властію греко-унитскою, съ тою цѣлію, чтобы по возможности стараться обращать унитовъ въ римско-католическую вѣру; въ каковой силѣ и означенные священники (Говорскій и Паньковскій) дѣлали прихожанамъ своимъ внушенія... Если со стороны правительства не будутъ приняты мѣры къ ослабленію власти римско-католическаго духовенства, то отъ сего могутъ произойти весьма важныя послѣдствія; ибо съ нѣкотораго времени замѣтно, что это духовенство начало всячески опять стараться распространять свое прежнее вліяніе на унитовъ, которые, какъ извѣстно, приняли сдѣланное объ нихъ распоряженіе спокойно; но теперь по временамъ начинаютъ оказываться между ними нѣкоторыя происшествія, кои, кромѣ причинъ, изложенныхъ въ донесеніи моемъ отъ 25-го минувшаго ноября за № 942-мъ должно отнести и къ вреднымъ внушеніямъ со стороны римско-католическаго духовенства».

Паскевичъ, освобождая отъ подозрѣнія въ годитскомъ событіи августовскаго епископа, о которомъ было упомянуто въ донесеніи Сѣмашки къ Протасову, въ то же время всю вину въ этомъ переносилъ на епископа Подлясской губерніи Гушковскаго, извѣстнаго уже, какъ выражается онъ, съ подобной стороны, тѣмъ болѣе, что село Годзишъ находится въ этой губерніи, и что въ Августовской губерніи не состоитъ ни города, ни деревни сего названія. Потомъ Паскевичъ прибавляетъ, что съ самаго усмиренія въ здѣшнемъ краѣ мятежа, ксендзъ Гутковскій постоянно оказываетъ сопротивленіе распоряженіямъ правительства и фанатическую ненависть къ православному (духовенству) исповѣданію. Со времени же принятія римскимъ дворомъ стороны кёльнскаго епископа и поддержанія онымъ настояній познанскаго о воспитаніи въ римско-католической вѣрѣ дѣтей родителей разнаго исповѣданія, — дерзость его еще усилилась.

Кажется, Паньковскій и Говорскій не предполагали, что въ Петербургѣ одобрятъ всѣ тѣ противъ нихъ мѣры строгости, которыми грозили имъ въ Жировицахъ. А потому, когда пришло изъ Петербурга повелѣніе, утверждающее распоряженіе Іосифа о высылкѣ ихъ въ Костромскую губернію, то извѣстіе это произвело на нихъ потрясающее дѣйствіе. Движеніе, совершенное

прихожанами ихъ при ихъ участіи и даже руководительствѣ, еще болѣе должно было страшить ихъ своими послѣдствіями. Результатомъ всего этого было то, что Паньковскій и Говорскій явились съ повинною къ своему епархіальному начальству, раскаялись во всѣхъ своихъ проступкахъ и объяснили, что причиною ихъ упорства было недоумѣніе о высочайшей волѣ на счетъ преобразованія греко-унитской церкви, и что теперь, узнавъ о противномъ, они не только сами будутъ поступать сходно съ высочайшей волею, но и наводить на путь истины заблудшихъ своихъ собратій [1]). При этомъ даны были Говорскимъ и Паньковскимъ собственноручныя росписки, въ которыхъ они выражаютъ свое раскаяніе и покорность волѣ начальства. Епархіальное начальство, которое знало лично Говорскаго и Паньковскаго съ хорошей стороны и которое, можетъ быть, слишкомъ поспѣшно обнаружило свою строгость по отношенію къ нимъ, готово было раскаяться въ этомъ, и весьма радо было перемѣнѣ, происшедшей въ Говорскомъ и Паньковскомъ, а потому и стало ходатайствовать черезъ графа Протасова о томъ, чтобы они оставлены были на прежнихъ мѣстахъ.

На Сѣмашку и Зубко, можетъ быть, подѣйствовало при этомъ и то обстоятельство, что третій членъ изъ общества Говорскаго и Паньковскаго, именно протоіерей Сосновскій, былъ такъ потрясенъ совершившимися съ нимъ событіями, что сдѣлался опасно боленъ и былъ, какъ выражается одинъ уніатскій благочинный, ближе къ смерти, чѣмъ къ жизни. Строгость, оказанная по отношенію къ Сосновскому, Говорскому и Паньковскому, уже произвела свое дѣйствіе на всѣхъ священниковъ Бѣлостокской области: всѣ дали подписки, кромѣ только смертельно больного протоіерея Сосновскаго и еще двухъ престарѣлыхъ и заштатныхъ священниковъ. Слѣдовательно теперь не было особыхъ побужденій продолжать прежнюю систему строгости по отношенію къ Говорскому и Паньковскому. Наконецъ, нечего было бояться и прихожанъ церквей чижевской и березовской. Появленіе разныхъ сортовъ чиновниковъ, особенно жандармскихъ офицеровъ, такъ ихъ перепугало, что они заклялись отъ продолженія всякихъ манифестацій въ пользу Говорскаго и Паньковскаго. Ходатайство Іосифа было принято государемъ императоромъ: Говорскій и Паньковскій оставлены въ литовской епархіи и судьба ихъ отдана въ полное распоряженіе литовскаго епархіальнаго начальства. Что касается до Сосновскаго, то, такъ какъ

---

[1]) Вышеприведенное дѣло о греко-унитскихъ священникахъ Бѣлостокской области, жалующихся на стѣсненія ихъ вѣры.

и онъ наконецъ далъ росписку въ покорности своему начальству и въ желаніи присоединиться къ православію, и притомъ просилъ позволенія провести остатокъ дней своихъ на прежнемъ мѣстожительствѣ въ городѣ Клещеляхъ, гдѣ онъ имѣлъ собственный домъ съ землею, то онъ, по ходатайству Іосифа, оставленъ былъ въ Клещеляхъ, даже съ правомъ получать нѣкоторую часть содержанія отъ фундуша клещелевской церкви. Такимъ образомъ улажено было унитское дѣло въ Бѣлостокской области.

Гораздо серьезнѣе и опаснѣе оказалось движеніе противъ соединенія съ православною церковью въ Бѣлоруссіи. Участники или виновники этого движенія опасны были для унитскаго дѣла не только своею численностію, но и своею даровитостію, своими связями съ польскими дворянами и съ латинскимъ духовенствомъ. Притомъ же движеніе въ Бѣлоруссіи могло отозваться гибельнѣе для дѣла православія и пріобрѣсти бо̀льшихъ себѣ пособниковъ по той простой причинѣ, что въ Бѣлоруссіи унитская почва была, вслѣдствіе уже показанныхъ нами причинъ, менѣе приготовлена и менѣе воздѣлана для слитія съ православною церковію, слѣдовательно здѣсь это движеніе могло принять гораздо бо̀льшіе размѣры, чѣмъ въ литовской епархіи. Наконецъ, унитское епархіальное начальство въ Бѣлоруссіи отличалось меньшею сдержанностію, меньшимъ самообладаніемъ, благоразуміемъ и умѣренностію, чѣмъ литовское. Всѣ эти вмѣстѣ взятыя обстоятельства объясняютъ намъ причины того безпокойства, которое обнаружено было нашимъ правительствомъ при полученіи имъ извѣстія о движеніи унитскомъ въ Бѣлоруссіи.

Первое свѣдѣніе о бѣлорусскомъ движеніи въ средѣ унитскаго духовенства сообщилъ нашъ православный епископъ въ Полоцкѣ. «9-го ноября 1838-го года, писалъ онъ къ Протасову, инспекторъ греко-унитской семинаріи, протоіерей Малишевскій, вызванный мною для отобранія нѣкоторыхъ нужныхъ для меня свѣдѣній, между прочимъ объявилъ мнѣ, что здѣшней губерніи, Дризинскаго уѣзда, церковлянской греко-унитской церкви у священника Игнатовича 14-го сентября было значительное собраніе греко-унитскихъ священниковъ Витебской губерніи дризинскаго, Минской дисненскаго и Могилевской сѣннинскаго уѣздовъ, которые вмѣстѣ участвовали послѣ литургіи въ крестномъ ходу около церкви, пѣли въ это время духовныя пѣсни на польскомъ языкѣ и, обращаясь къ многочисленной толпѣ крестьянъ, увѣщевали ихъ совершать моленіе по католическому обряду, чтобы Богъ далъ имъ успѣхъ въ ихъ намѣреніи... Священники дѣлали

денежную складку, въ которой участвовали и помѣщики, на издержки для довѣренныхъ лицъ, отправляемыхъ въ Петербургъ, и по общему совѣщанію составили актъ или прошеніе. Изъ находившихся въ собраніи священниковъ извѣстны только двое: священникъ Иванъ Игнатовичъ, бывшій ассессоръ греко-унитской консисторіи, ближній родственникъ церковлянскаго священника, и сѣнниинскаго уѣзда священникъ Андрей Никоновичъ. Въ чемъ состояло намѣреніе собравшихся священниковъ, — это еще неизвѣстно [1])». Но скоро это намѣреніе открылось: священники Игнатовичъ и Томковидъ, снабженные полномочіями отъ лица 111-ти священниковъ бѣлорусской унитской епархіи, подали государю императору просьбу, въ которой просили освободить ихъ изъ-подъ власти настоящихъ духовныхъ начальниковъ, и назначить для нихъ особаго унитскаго архіерея, позволить открыть имъ особую типографію на ихъ издержкахъ, чтобы въ ней печатать богослужебныя книги, вмѣсто употребляемыхъ нынѣ книгъ московской печати; устроить духовныя училища по ихъ предположенію, т.-е. во враждебномъ духѣ къ православію, и наконецъ, ежели на то не послѣдуетъ высочайшаго соизволенія и унія въ Россіи должна прекратиться, то дозволить имъ принять римско-католическое исповѣданіе. Православный епископъ тотчасъ извѣстилъ о бывшемъ собраніи военнаго генералъ-губернатора, Протасова и унитскаго епископа Василія. Начались дознанія явныя и секретныя. Начальство свѣтское и духовное (мѣстное) показало здѣсь всю свою энергію: посланъ былъ военно-уѣздный начальникъ для подробнѣйшаго дознанія: какіе священники собирались у церковлянскаго священника, какая была цѣль этого собранія; кто изъ помѣщиковъ участвовалъ въ денежныхъ пожертвованіяхъ, и какія были послѣдствія такого собранія; пр. Василій тотчасъ удалилъ Игнатовича отъ прихода, воспретилъ ему священнодѣйствіе, отправилъ его, впредь до дальнѣйшихъ распоряженій, въ Тадулинскій монастырь подъ присмотръ тамошняго строгаго настоятеля Звяго, поставивъ сему послѣднему на видъ, не дозволять Игнатовичу выходить изъ монастыря и прекратить всѣ его сношенія съ священниками и помѣщиками. Всѣ письма Игнатовича къ женѣ, зятю его и другимъ лицамъ были перехватываемы. Изъ этихъ писемъ открылось, что Игнатовичъ давалъ совѣты своей женѣ и своему зятю,

---

[1]) Въ арх. канц. об.-пр. Св. Син. дѣло 1838. № 144-й о бывшемъ у церковлянскаго священника Игнатовича собраніи, о всеподданнѣйшей жалобѣ трехъ священниковъ бѣлорусской епархіи на свое начальство; о командированіи по сему случаю въ Бѣлоруссію преосв. литовскаго и камергера Скрипицына.

священнику Муравскому, какъ они должны отвѣчать въ случаѣ изслѣдованія дѣла о собраніи, бывшемъ у него, приказываетъ имъ не выдавать слѣдователямъ ни инвентарей, ни регистровъ церковныхъ, ни списковъ прихожанъ. Но пр. Василій, признавая вреднымъ пребываніе Игнатовича и Томковида въ Бѣлоруссіи, просилъ Протасова исходатайствовать высочайшее повелѣніе о высылкѣ ихъ въ великороссійскіе монастыри [1].

Если мѣстныя бѣлорусскія власти встревожены были движеніемъ унитскихъ бѣлорусскихъ священниковъ, то и въ Петербургѣ его приняли также не весьма спокойно. Протасовъ не могъ самъ собою одобрить мѣры, предложенной пр. Василіемъ касательно высылки Игнатовича и другихъ въ великороссійскіе монастыри, и обратился къ Сѣмашкѣ за совѣтомъ. «Пр. Василій, епископъ Оршанскій, писалъ Протасовъ, въ отношеніи ко мнѣ отъ 24-го минувшаго ноября, ходатайствуетъ о высылкѣ изъ ввѣренной ему епархіи нѣкоторыхъ уніатскихъ священниковъ, для помѣщенія ихъ въ отдаленные отъ Бѣлоруссіи православные монастыри. Имѣя честь конфиденціальнымъ образомъ въ подлинникѣ препроводить при семъ къ вамъ, м., г., для прочтенія сію бумагу, я покорнѣйше прошу ваше преосвященство по ближайшей извѣстности вамъ мѣстныхъ обстоятельствъ и самыхъ лицъ, о коихъ идетъ дѣло, сообщить мнѣ по сему предмету ваше заключеніе. Съ своей стороны полагаю я, что если строгія и рѣшительныя мѣры необходимы для обузданія закоснѣлыхъ въ дерзкой неблагонамѣренности и для поданія спасительнаго примѣра слабымъ и колеблющимся, то не менѣе того увѣренъ, что таковыя мѣры должны быть употреблены съ крайнею осторожностію, и отнюдь не слѣдуетъ распространять ихъ вдругъ на большое число лицъ, дабы не имѣть слѣдствій совершенно противныхъ предполагаемымъ [2]». Іосифъ совѣтовалъ Протасову сослать въ великорусскіе монастыри только главныхъ зачинщиковъ дѣла, именно: Игнатовича и Томковида, а прочихъ назначить дьячками въ отдаленные отъ ихъ мѣстожительства приходы. Протасовъ послушался совѣта Іосифа и исходатайствовалъ высочайшее повелѣніе о ссылкѣ въ курскій Знаменскій монастырь Игнатовича и въ курскій же Коренскій Томковида, а прочіе священники оставлены были въ Бѣлоруссіи, только съ низведеніемъ ихъ въ причетническія должности. Пр. Іосифъ да-

---

[1]) Вышеприведенное дѣло о бывшемъ у церковлянскаго священника Игнатовича собраніи, и пр.

[2]) Вышеприведенное дѣло о бывшемъ у церковлянскаго священника Игнатовича собраніи и пр.

валъ при этомъ и другіе совѣты, которые также заслуживаютъ вниманія, и мы приведемъ ихъ въ подлинникѣ.

«Я не надѣялся, писалъ онъ Протасову, чтобы злонамѣренные могли составить столь сильную партію между духовенствомъ, состоящимъ въ окрестностяхъ самаго мѣстопребыванія бѣлорусскаго епархіальнаго начальства. Однакожъ не слишкомъ слѣдуетъ обращать вниманіе на число сихъ священниковъ. Они по большей части едва-ли знали, чтб подписывали. Дѣйствительные виновники, или лучше орудіе польской партіи—Игнатовичъ и Томковидъ высланы въ Курскъ, и если епархіальное начальство съумѣетъ воспользоваться симъ обстоятельствомъ, то я не сомнѣваюсь, что подписавшіе довѣренности священники будутъ обращены на путь истины и долга самыми внутренними домашними мѣрами. Но сіи мѣры, коль ни многочисленны, могутъ быть указаны, соображены и употреблены однимъ лишь епархіальнымъ начальствомъ, соотвѣтственно извѣстнымъ его мѣстнымъ обстоятельствамъ. Симъ также начальствомъ можетъ быть только указано, есть ли еще, и кто между помянутыми священниками, кого бы по ихъ предпріимчивости слѣдовало выслать въ великороссійскіе монастыри. Что касается разрѣшенія прошенія, поданнаго на высочайшее имя, то оно, кажется, послѣдовало самымъ дѣломъ въ высылкѣ писавшихъ таковое Игнатовича и Томковида. Думаю однакожъ, что прошеніе и довѣренности нужно передать на разсмотрѣніе управляющаго епархіею пр. Василія, дабы онъ могъ имѣть указаніе къ распутанію интриги. Опасаюсь только, чтобы обнаруженіе столь важнаго противодѣйствія не лишило пр. Василія бодрости, или не побудило его къ мѣрамъ опрометчивымъ. О семъ нужно его предостеречь, ибо я полагаю необходимымъ въ его дѣйствіяхъ особенное благоразуміе, чтобы не довести дѣла до лишней крайности. При томъ содержаніе прошенія и довѣренностей обнаруживаетъ слишкомъ уже укоренившійся духъ неповиновенія просителей къ своему духовному начальству, и потому необходимо обезпечить содѣйствіе полиціи къ исполненію его распоряженій. Впрочемъ кажется, что помянутыя бумаги есть послѣднее усиліе польской партіи воспрепятствовать очень ей извѣстнымъ предположеніямъ на счетъ уніатовъ, и я полагаю, что противодѣйствіе по большей части прекратится, если только въ отношеніи уніатовъ воспослѣдуютъ преднамѣренныя рѣшительныя мѣры, и уніатское дѣло выведено будетъ наконецъ изъ положенія сомнительнаго и ненадежнаго».

Намекъ Іосифа на нерѣшительность дѣйствій правительства въ дѣлѣ унитскомъ, важность движенія, обнаружившаго-

ся среди бѣлорусскаго унитскаго духовенства, желаніе знать о состояніи унитскаго вопроса отъ лицъ, находящихся въ полной зависимости отъ синодальнаго оберъ-прокурора менѣе, т.-е. заинтересованныхъ въ унитскомъ дѣлѣ,—все это заставило Протасова послать чиновника за оберъ-прокурорскимъ столомъ въ синодѣ Скрипицына въ унитскія епархіи, давши ему особенную инструкцію. Но Скрипицынъ, хотя не давно весьма успѣшно окончилъ въ тѣхъ же епархіяхъ возложенную миссію узнать о степени подготовки унитской почвы къ принятію православія, не могъ впрочемъ во всей подробности знать всѣ мѣстныя условія религіознаго состоянія унитовъ, а слѣдовательно могъ надѣлать много ошибокъ. Притомъ же этотъ человѣкъ былъ слишкомъ горячъ, смѣлъ въ своихъ дѣйствіяхъ и даже могъ преступать (и преступилъ) предѣлы данной ему власти. Этотъ человѣкъ былъ болѣе полицейскій чиновникъ, чѣмъ административный организаторъ. Поэтому-то съ Скрипицынымъ вмѣстѣ назначенъ былъ въ Бѣлоруссію и Сѣмашко. Скрипицынъ былъ посланъ туда на неопредѣленное время, а Іосифъ на одинъ только мѣсяцъ. Іосифу поручено было только ѣхать въ Полоцкъ, и вникнувъ въ дѣйствительныя причины происшедшаго безпорядка, принять мѣры къ исправленію его; устранить отъ мѣстъ и обратить по своему усмотрѣнію тѣхъ изъ помянутыхъ священниковъ, кои окажутся виновными въ умышленномъ неповиновеніи своему начальству, и назначить на ихъ мѣста другихъ достойныхъ священниковъ изъ бѣлорусской или литовской епархіи. Іосифу передано было Протасовымъ и самое прошеніе бѣлорусскихъ унитскихъ священниковъ и довѣренности съ подписями. Іосифъ просилъ также у Протасова списка благонадежныхъ священниковъ бѣлорусской епархіи, для своихъ соображеній, и въ то же время обезпеченія себя и Скрипицына въ своихъ дѣйствіяхъ, т.-е. чтобы по его или Скрипицына отношенію къ мѣстнымъ генералъ - губернаторамъ немедленно высылаемы были нѣкоторые священники къ назначеннымъ имъ причетническимъ должностямъ въ литовской епархіи. «Я думаю, писалъ Іосифъ поэтому случаю Протасову, нѣсколько подобныхъ немедленно исполненныхъ распоряженій весьма будутъ полезны». О миссіи Скрипицына извѣщены были не только всѣ мѣстныя власти сѣверо-западныхъ губерній, но и шефъ жандармовъ. Скрипицына въ его поѣздкахъ сопровождалъ жандармскій офицеръ. Инструкція, данная ему, уже не имѣетъ того лаконизма, которымъ отличается инструкція Сѣмашкѣ. Скрипицынъ имѣлъ порученіе не только прекратить безпорядокъ, произведенный въ унитской бѣлорусской епархіи Игнатовичемъ и его сообщника-

ми, но и соглашать дѣйствія трехъ архіереевъ,—одного православнаго, и двухъ унитскихъ, ограничивать ихъ притязанія, наблюдать за ними. Несмотря на пространность инструкціи данной Скрипицыну, мы приведемъ ее здѣсь всю сполна.

«Отправляясь нынѣ въ бѣлорусскую и литовскую греко-унитскія епархіи съ особымъ порученіемъ, вы будете имѣть пребываніе въ томъ краѣ впредь до моего разрѣшенія (т.-е. Протасова), переѣзжая изъ одного мѣста въ другое, какъ по усмотрѣнію вашему надобность того востребуетъ, и примите при исполненіи возложеннаго на васъ порученія въ руководство нижеслѣдующія правила:

1) Внимательно наблюдать за направленіемъ греко-унитскаго духовенства и прихожанъ въ теперешнихъ важныхъ для онаго обстоятельствахъ.

2) Для полнаго успѣха въ предпріятіи стараться сколько можно о соглашеніи дѣйствій епархіальныхъ и гражданскихъ начальствъ, какъ личными совѣщаніями, такъ и письменными, въ случаѣ надобности, съ ними сношеніями.

3) Обращать постоянное вниманіе на могущія быть противодѣйствія отъ помѣщиковъ и духовенства, на бездѣйствіе иногда въ такихъ случаяхъ полицейскихъ чиновниковъ и на вредные поступки неблагонамѣренныхъ лицъ греко-унитскаго духовенства; о первыхъ немедленно доводить до свѣдѣнія генералъ-губернаторовъ, а о послѣднихъ увѣдомлять епископовъ, донося мнѣ каждый разъ о томъ.

4) Если замѣчено будетъ гдѣ-либо начало безпокойствъ, расположеніе къ волненію, немедленно съ эстафетомъ извѣщать о томъ мѣстнаго губернатора, съ присовокупленіемъ ему, если извѣстно, какія лица суть главные зачинщики и возбудители прочихъ, о чемъ также доносить и мнѣ.

5) Содѣйствовать взаимной любви и сліянію уніатскаго и православнаго духовенства, внушая, что единовластіе свяжетъ ихъ неразрывными узами и дастъ имъ равныя права и преимущества, при чемъ первому несомнѣнно оказано будетъ снисхожденіе къ мѣстнымъ его обыкновеніямъ и привычкамъ, какъ незаключающимъ въ себѣ ничего противнаго догматамъ. Затѣмъ покушающіеся на непріязненныя дѣйствія равно подвергнутся строгой отвѣтственности, какъ нарушители братскаго согласія и противники благодѣтельныхъ видовъ правительства.

6) Если генералъ-адъютантъ Дьяковъ признаетъ нужнымъ, по предварительномъ съ вами сношеніи, употребить васъ по какому-либо, до сего же предмета относящемуся, особенно важному дѣлу, и предложитъ вамъ отправиться въ какое-либо мѣ-

сто изъ ввѣренныхъ губерній, то, немедленно донеся мнѣ о томъ, примите таковое порученіе и, въ случаѣ надобности, испросите у него для дѣйствованія особую инструкцію.

7) Еженедѣльно доносите мнѣ о всемъ, замѣченномъ вами, по возложенному на васъ порученію: о вашихъ дѣйствіяхъ, о лицахъ, особенно отличающихся усердіемъ, или замѣченныхъ въ упорствѣ и неблагонамѣренности, дальнѣйшее пребываніе коихъ въ томъ краѣ можетъ быть нынѣ вредно, равно и о распоряженіяхъ, какія бы вы при настоящихъ обстоятельствахъ и по мѣстности признавали нужными и полезными для важнѣйшаго и успѣшнѣйшаго достиженія предположенной правительствомъ цѣли.

8) Для полученія нужныхъ вамъ свѣдѣній, или же для содѣйствія гражданскихъ начальствъ къ лучшему исполненію возложеннаго на васъ порученія, имѣете вы относиться къ главнымъ мѣстнымъ гражданскимъ и духовнымъ начальствамъ, для чего о командировкѣ вашей извѣстилъ я, именно: генералъ-губернаторовъ Дьякова, князя Долгорукова и Бибикова, епископа оршанскаго Василія, также преосвященныхъ: минскаго, волынскаго, могилевскаго и полоцкаго, прося ихъ оказать вамъ возможное содѣйствіе, епископовъ же вообще входить въ нужныхъ случаяхъ и въ совѣщаніе съ вами. Сверхъ того, вы можете относиться и къ жандармскимъ штабъ-офицерамъ и требовать отъ нихъ жандарма для сопутствованія вамъ.

9) Въ личныхъ совѣщаніяхъ съ главными мѣстными начальствами вмѣняется вамъ въ обязанность объяснять имъ настоящую принятую правительствомъ систему, дабы дѣйствія ихъ имѣли болѣе единства и согласія. Вслѣдствіе сего имѣете словесно сообщить православнымъ епископамъ, чтобы они приготовили подвѣдомое имъ духовенство къ мысли, что унитское духовенство скоро сдѣлается православнымъ, хотя и будетъ оставаться до времени при своемъ наружномъ видѣ и нѣкоторыхъ привычкахъ. Православное духовенство ласкою и вниманіемъ пусть снискиваетъ въ сихъ братіяхъ своихъ любовь къ себѣ и довѣренность. По соединеніи же обоихъ духовенствъ подъ одну высшую власть, недопустится между ними никакого различія, ни первенства одного надъ другимъ, но потребуется между ними братская любовь и согласіе, и строго взыщется за нарушеніе первой христіанской обязанности, не терпящей никакой укоризны или оскорбленія ближнему, тѣмъ болѣе между исповѣдующими единаго Христа въ единой церкви».

Главнымъ центромъ дѣйствій Скрипицына и Іосифа долженъ былъ быть Полоцкъ, гдѣ былъ одинъ православный епископъ —

Исидоръ, и уніатскій Василій. Скрипицынъ пріѣхалъ прежде, а за нимъ прибылъ и Іосифъ. Положено было держаться такой системы, чтобы быстротою суда и наказанія поразить умы не только явно непокорныхъ видамъ правительства, но и остановить и удержать колеблющихся. Скрипицынъ проявилъ здѣсь всю свою энергію; онъ безустанно производилъ розысканія, открывалъ главныхъ движителей въ дѣлѣ Игнатовича, привлекалъ къ суду свѣтскихъ лицъ. За слѣдствіемъ тотчасъ же присуждаемо было и наказаніе виновнымъ: свѣтскіе отсылались Скрипицынымъ къ гражданской власти, духовныя лица къ Іосифу. Послѣдніе по степени преступленія быстро получали наказанія: одни, болѣе виновные — отсылались въ великороссійскіе монастыри, другіе изъ священниковъ низводились въ причетническія должности. «Къ сожалѣнію, писалъ Іосифъ къ Протасову, значительное число духовенства, вовлеченнаго къ противодѣйствію распоряженіямъ епархіальнаго начальства, и въ особенности большое число священниковъ подвергнутыхъ уже симъ начальствомъ взысканію, недозволило мнѣ ограничиться нѣсколькими примѣрами строгости. Оказалось необходимымъ произвести гораздо важнѣйшее впечатлѣніе, чтобы разорвать шайку, существовавшую довольно уже продолжительное время, чтобы устранить въ отдаленныя мѣста людей, оною руководствовавшихъ, и чтобы заставить всѣхъ понимать, что бѣлорусское епархіальное начальство дѣйствуетъ не по собственнымъ соображеніямъ, но въ видахъ высшаго начальства и даже правительства» [1]). Впечатлѣніе, произведенное быстротою розыска и суда, было самое сильное: 50 изъ 111-ти священниковъ, подписавшихъ прошеніе на высочайшее имя, показали, что они не участвовали въ сочиненіи прошенія, а болѣе 40-ка изъ нихъ изъявили совершенную готовность повиноваться всѣмъ постановленнымъ и впредь поставляемымъ властямъ. При этомъ оказалось, что подъ прошеніемъ, будто бы по довѣренности священниковъ, подписывались чиновники, тогда какъ эти священники никогда не давали подобной довѣренности; что нѣкоторые монахи-базиліане подписались подъ прошеніемъ, назвавшись священниками. Многіе изъ подписавшихся священниковъ сами явились къ епископу Василію и просили у него прощенія въ своемъ преступленіи, другіе просили Скрипицына, чтобъ онъ ходатайствовалъ за нихъ предъ епископомъ и изъявляли полное раскаяніе. Конечно, не всѣ изъ 111-ти раскаялись въ своемъ проступкѣ, а были между ними и упор-

---

[1]) Письмо Іосифа къ Протасову 8-го февр. 1839-го года. Въ вышеприведенномъ дѣлѣ подъ № 144-мъ.

ные, но ихъ дѣйствія теперь были не опасны для дѣла, потому что главные движители оппозиціи были заключены въ отдаленныхъ отъ Бѣлоруссіи монастыряхъ, другіе отправлены въ литовскую епархію, третьи низведены въ причетническія должности, четвертые по своей ничтожности были не опасны или такъ разобщены съ своими единомышленниками, что не могли составить лиги или шайки. А потому дѣло бѣлорусское Іосифъ, послѣ упомянутыхъ мѣръ, считалъ оконченнымъ и отправлялся въ Петербургъ, но Скрипицынъ оставался тамъ, чтобы не розыски производить, а наблюдать тайно за положеніемъ дѣлъ въ унитскихъ епархіяхъ, направлять и приготовлять умы къ близко наступающей эпохѣ возсоединенія уніатовъ, предупреждать неблагопріятныя дѣлу возсоединенія движенія и быстро и энергически уничтожать уже обнаружившіяся вредныя движенія. Іосифъ, исполнивъ возложенное на него порученіе, почиталъ необходимымъ изложить предъ Протасовымъ причины явленія, изслѣдованнаго имъ, осмыслить его, поставить его въ связи съ общею системою правительственныхъ дѣйствій по отношенію къ уніатскому дѣлу, и здѣсь онъ рисуетъ умно и вѣрно промахи правительственные въ уніатскомъ вопросѣ. «Исполнивъ нынѣ, писалъ онъ Протасову, высочайшее его императорскаго величества повелѣніе, долгомъ поставляю донести о семъ слѣдующее: Первоначальной причины толь важнаго сопротивленія духовенства бѣлорусской епархіи должно искать въ раздраженіи и даже ожесточеніи, произведенномъ между онымъ тягостными послѣдствіями бывшей здѣсь прежде системы обращенія уніатовъ къ православію. Таковымъ расположеніемъ умовъ старалась воспользоваться враждебная благому дѣлу польско-католическая партія. Устраненіе преосвященнаго Смарагда, князя Хованскаго и губернатора Шредера, почитаемое здѣсь дѣломъ партіи, дало полную силу внушеніямъ оной, будто происходящія по греко - унитской церкви преобразованія производятся самимъ духовнымъ оной начальствомъ и противны намѣреніямъ государя императора. Симъ недоумѣніямъ причастно было, кажется, и самое гражданское начальство, по крайней мѣрѣ послѣдній витебскій гражданскій губернаторъ отказывалъ въ нужномъ содѣйствіи начальству духовному. Земскія полиціи, зависящія впрочемъ отъ выбора помѣщиковъ, не исполняли по большей части требованій сего послѣдняго начальства, или исполняли оныя не своевременно, такъ что неблагонамѣренные священники, вызываемые въ Полоцкъ для нужныхъ внушеній или исправленій, оставались по своему произволу на приходахъ, несмотря на предписанія своего на-

чальства. Безнаказанность должна была по необходимости распространить своевольство, а послѣ сего не удивительно, что нашлось 111 духовныхъ, подписавшихъ довѣренности священникамъ Іоанну Игнатовичу и Адаму Томковиду на подачу дерзкаго всеподданнѣйшаго прошенія противу своего начальства.

«Изъ числа однакожъ сихъ духовныхъ весьма немногіе могутъ считаться дѣйствительными начинщиками. За необходимостію высылки оныхъ нынѣ же въ отдаленныя мѣста, ихъ тайна и связи съ помѣщиками не могли быть еще приведены въ совершенную ясность, да и едва-ли это было бы къ чему-нибудь полезно. Немногіе также изъ упомянутыхъ духовныхъ могутъ быть обвиняемы въ умышленномъ неповиновеніи своему начальству. Остальные вовлечены къ подписанію сказанныхъ довѣренностей только сторонними внушеніями и происками, не понимая по большей части ни цѣли, ни послѣдствій своего поступка. Многіе изъ нихъ даже не могли подписаться, иные по престарѣлымъ лѣтамъ и слѣпотѣ, иные просто по неумѣнью, и подписи ихъ есть прямой подлогъ, какъ объ одной и дѣйствительно уже доказано. Здѣсь же подписалось священниками пять худого поведенія іеромонаховъ. Впрочемъ еще состоитъ подъ сомнѣніемъ, дѣйствовали ли самые зачинщики болѣе по религіознымъ побужденіямъ и духу интриги, или же по корыстнымъ соображеніямъ. Извѣстно всѣмъ, что они пользовались постоянно пожертвованіями помѣщиковъ. Доказано также, что развозившіе къ подписанію священникамъ помянутыя довѣренности получали отъ нихъ будто на потребности дѣла по два, три, пяти и даже по десяти рублей серебромъ.

«По уваженію таковыхъ обстоятельствъ и соображенію прочихъ свѣдѣній, лично на мѣстѣ полученныхъ, я положилъ дѣйствіямъ своимъ три слѣдующія цѣли: 1) расторгнуть связь между многочисленною партіею духовенства, воспротивившагося распоряженіямъ бѣлорусскаго епархіальнаго начальства, и устранить руководствовавшихъ оною священниковъ; 2) возстановить нѣкоторымъ образомъ власть того-жъ начальства, истребленіемъ духа своевольства и мысли о безнаказанности онаго; и 3) облегчить тому-жъ начальству способы дѣйствовать на умы остальныхъ духовенства, еще непріобрѣтеннаго православной церкви. Для достиженія первой цѣли, всѣ почти священники, бывшіе въ помянутой интригѣ зачинщиками, или оказавшіе духъ предпріимчивый и дерзкій, устранены въ отдаленныя мѣста, такъ что не могутъ имѣть сообщенія между собою, ни съ прочимъ духовенствомъ бѣлорусской епархіи. Двѣнадцать изъ нихъ отправлены въ литовскую епархію для назначенія въ причетническія

должности при благоразумныхъ настоятеляхъ; восемь помѣщены въ трехъ отдаленныхъ, между православнымъ населеніемъ состоящихъ, греко-унитскихъ монастыряхъ, а пять, въ томъ числѣ и два іеромонаха отправлены въ великороссійскіе монастыри.

«Для достиженія второй цѣли, во всѣхъ моихъ распоряженіяхъ о строптивыхъ священникахъ я основывался оффиціально на постановленіяхъ и рѣшеніяхъ о нихъ епархіальнаго начальства, объявляя оныя справедливыми и утверждая, какъ ваше сіятельство могли усмотрѣть изъ списковъ, приложенныхъ при моемъ отзывѣ отъ 8-го сего февраля. Кромѣ того, чтобы отнять означеннымъ духовнымъ надежду на прежнее бездѣйствіе полиціи, я распорядился о немедленномъ ихъ отправленіи къ назначеннымъ мѣстамъ посредствомъ той же полиціи, такъ что нѣкоторые изъ нихъ были взяты изъ самаго Полоцка непосредственно послѣ объявленія имъ въ консисторіи рѣшенія.

«Для достиженія послѣдней цѣли, предъ отъѣздомъ изъ Полоцка далъ я бѣлорусской консисторіи прилагаемое при семъ въ спискѣ предложеніе отъ 11-го февраля о поочередномъ вызовѣ въ оную и остальныхъ 68 священниковъ, подписавшихъ довѣренности. Съ тѣмъ вмѣстѣ я снабдилъ какъ преосвященнаго Василія, такъ и духовныхъ, дѣйствующихъ подъ его рукою, нужными наставленіями. Между прочимъ внушилъ, чтобы на остальную массу духовенства, еще сомнительной благонадежности, дѣйствовали посредствомъ благочинныхъ, почти всѣхъ уже нынѣ благонадежныхъ, въ Полоцкѣ же чтобы вызывали по два или по три священника на одинъ разъ. Такимъ образомъ епархіальное начальство не дастъ повода составиться вновь многочисленной шайкѣ строптивыхъ, станетъ дѣйствовать съ бо́льшимъ успѣхомъ на малое число вызываемыхъ священниковъ и будетъ въ состояніи замѣщать постепенно надежными священниками мѣста тѣхъ изъ духовныхъ, которые откажутся присоединиться къ православной церкви. Къ тому-жъ, при всякомъ случаѣ я старался поднять духомъ унывшее нѣсколько греко-унитское духовенство, увѣряя оное, что не столько съ опасеніемъ и недовѣрчивостію, какъ съ радостнымъ упованіемъ должно оно ожидать окончательной развязки унитскаго дѣла; что правительствомъ и духовнымъ начальствомъ уважены будутъ не только мѣстныя потребности, но даже и привычки, временемъ вкоренившіяся и единству церкви не противныя.

«Послѣ таковыхъ мѣръ я не ожидаю никакого важнаго сопротивленія со стороны сомнительной еще благонадежности священниковъ бѣлорусской епархіи; напротивъ, надѣюсь совершен-

но, что въ скоромъ времени войдутъ въ число благонадежнаго духовенства не только тѣ изъ упомянутыхъ священниковъ, которые были подъ вліяніемъ людей злонамѣренныхъ, но даже и самые зачинщики, за малымъ развѣ исключеніемъ. О монахахъ не стоитъ безпокоиться какъ потому, что они находятся подъ надежными настоятелями, такъ и потому, что вообще они почти уже лишены всякаго вліянія на греко-унитскій народъ. Одно, на что должно обратить вниманіе, есть могущія быть, какъ иногда до сего времени случались, попытки возбудить прихожанъ противу священниковъ, назначаемыхъ на мѣста духовныхъ, оказавшихся неблагонадежными.

«По моему, однакожъ, мнѣнію, четвертой доли средствъ, предоставленныхъ нынѣ генералъ-губернаторомъ, достаточно для удержанія всего въ порядкѣ. Я думаю даже, что таковыя попытки весьма легко предупредить, и для сего довольно внушить помѣщикамъ, чрезъ предводителей дворянства, что поступки въ семъ отношеніи крестьянъ будутъ отнесены на отвѣтственность ихъ помѣщиковъ; такъ какъ и дѣйствительно безъ внушенія или согласія сихъ послѣднихъ никакого покушенія отъ крестьянъ ожидать невозможно. Мысль сію я передалъ какъ генералъ-губернатору Дьякову и витебскому гражданскому губернатору, такъ и камергеру Скрипицыну.

«Засимъ я не нахожу никакого повода пріостанавливать предположенное присоединеніе уніатовъ къ православной греко-россійской церкви; напротивъ, считаю, что сія мѣра будетъ рѣшительно содѣйствовать къ окончательному истребленію элементовъ противудѣйствія какъ между польско-католическою партіею, такъ и между уніатами, поелику противодѣйствіе это основывалось на возможности воспрепятствовать благому дѣлу, и должно прекратиться съ потерею надежды на успѣхъ. Одна только предосторожность можетъ быть не излишняя, именно: чтобы не объявлять нынѣ оффиціально указа св. синода о присоединеніи священникамъ неблагонадежнымъ, дабы выиграть время для окончательнаго ихъ пріобрѣтенія православной церкви.

«Въ заключеніе, руководствуясь собственнымъ убѣжденіемъ и мнѣніемъ преосвященныхъ Василія и Антонія, долгомъ поставляю изъяснить слѣдующее обстоятельство: приходское греко-унитское духовенство въ послѣднія нѣсколько лѣтъ остается въ несчастной необходимости: или быть невѣрнымъ своему долгу, или быть жертвою недоброжелательства римлянъ и поляковъ. Благонадежные священники лишены въ значительной степени средствъ содержанія чрезъ воспрещеніе шептанныхъ обѣденъ и ограничены вліяніемъ помѣщиковъ на своихъ крестьянъ и въ

прочихъ доходахъ по исправленію духовныхъ требъ. Сверхъ того священники сіи подвергаются по большей части и другимъ важнымъ стѣсненіямъ со стороны недоброжелательныхъ помѣщиковъ. Имъ часто воспрещается вырубка нужнаго лѣса, выгонъ скота, наемъ служителей и даже работниковъ для обработыванія полей. Отеческія намѣренія всемилостивѣйшаго государя къ улучшенію участи духовенства западныхъ губерній, въ томъ числѣ и уніатскаго нынѣшняго, извѣстны. Однакожъ это отдаленно, а сіе послѣднее духовенство нынѣ именно болѣе всего нуждается въ пособіи. Посему осмѣливаюсь просить ваше сіятельство: не благоугодно ли будетъ испросить высочайшее его императорскаго величества соизволеніе на выдачу нынѣ единовременнаго пособія бѣднѣйшимъ греко-унитскимъ священникамъ на счетъ извѣстной вашему сіятельству суммы».

Іосифъ пріѣхалъ въ Петербургъ съ такимъ убѣжденіемъ, что болѣе нельзя медлить окончаніемъ унитскаго дѣла и откладывать его въ долгій ящикъ. Бѣлорусское дѣло, видѣнное имъ собственными глазами, еще болѣе убѣдило его въ необходимости скорѣйшаго окончанія унитскаго вопроса. Медленіе только производило раздраженіе между православною и унитскою партіею, ослабляло энергію въ однихъ, распаляло страсти и оппозицію въ другихъ, подавало той и другой сторонѣ поводъ къ невѣрнымъ воззрѣніямъ на дѣло, поощряло упорство и непокорство неблагонадежныхъ священниковъ, получавшихъ внушенія изъ Петербурга, что правительство иначе смотритъ на унитское дѣло, чѣмъ епископы унитскіе. Эту фальшь унитскаго дѣла сознавалъ не одинъ Сѣмашко, но и Антоній Зубко, который, подобно Іосифу, просилъ Протасова скорѣе окончить унитскій вопросъ.

Вотъ что онъ писалъ по этому случаю графу Протасову отъ 25-го октября 1838 года:

«На счетъ греко-унитской церкви, о литовской епархіи пріемлю смѣлость доложить вашему сіятельству, что она уподобляется вновь отстроенному зданію, остающемуся безъ крыши, и враждебныя стихіи полонизма и католицизма могутъ мало-помалу разрушить оное, такъ что послѣ и крыша не защититъ зданія отъ непрочности, т.-е. я хочу сказать, что, по моему мнѣнію, нужно, дабы поскорѣе послѣдовала высочайшая воля о присоединеніи нашей церкви къ греко-россійской, согласно желанію почти всего духовенства. Эту-то волю я называю крышею. Безъ нея враждебныя стихіи начинаютъ уже нашептывать, что присоединеніе къ православію есть измѣненіе вѣры прародительской; что правительство не намѣрено приводить оное въ испол-

неніе и что стремленія къ сему духовнаго начальства могутъ быть разрушенными. Уже появляются маленькія возмущенія прихожанъ, проистекающія отъ неблагонамѣренныхъ священниковъ. Епархіальное начальство предпринимаетъ противъ сего мѣры, (но пока дѣло въ секретѣ) оффиціально эти мѣры будутъ недостаточны. Теперь нѣкоторые не знаютъ еще, что почти все духовенство желаетъ присоединенія, а нѣкоторые, любящіе возмущенія, притворяются незнающими и внушаютъ, что затѣи о присоединеніи можно разрушить. Обнародованная воля царская все бы это прекратила. Колеблющіеся сказали бы, что міру, то и намъ, а возмутители увидѣли бы, что законы о свободѣ вѣроисповѣданія не препятствуютъ общему присоединенію, по желанію почти всѣхъ. Теперь злонамѣренные воюютъ законами о вѣротерпимости. Ежели въ бѣлорусской епархіи что-либо недостроено, то можетъ быть кончено подъ крышею [1])».

Воззрѣніе на унитское дѣло такихъ авторитетовъ, какъ Іосифъ и Антоній, окончательно опредѣлило наше правительство поскорѣе покончить съ унитскимъ вопросомъ. 22-го и 26-го декабря 1838 года были засѣданія секретнаго комитета, составленнаго изъ Бенкендорфа, Киселева, Блудова и Протасова, именно съ тою цѣлью, чтобы привести къ окончанію унитское дѣло. Въ комитетѣ этомъ прочитаны были: 1) выписка изъ секретнаго отношенія виленскаго военнаго генералъ-губернатора князя Долгорукова къ оберъ-прокурору св. синода, отъ 18-го ноября 1838 года за № 1353-мъ, о положеніи греко-унитскаго дѣла въ управляемыхъ имъ губерніяхъ; 2) записка литовскаго греко-унитскаго епископа отъ 1-го декабря 1838 года о мѣрахъ общаго возсоединенія; 3) мнѣніе о томъ же митрополита Филарета, отъ 16-го декабря 1838 года и 4) разныя свѣдѣнія относительно нынѣшняго состоянія греко-унитской церкви.

На основаніи всѣхъ этихъ бумагъ комитетъ разсудилъ, что греко-унитское духовенство литовской епархіи вообще уже столь готово къ возсоединенію, что всякая дальнѣйшая медленность въ окончательномъ по сему предмету распоряженіи могла бы лишь привести его въ недоумѣніе и поколебать его ревность; епархія же бѣлорусская, хотя еще не достигла той же степени готовности, но судя по успѣхамъ, оказаннымъ ею въ текущемъ году, безъ сомнѣнія должна, при дальнѣйшихъ усиліяхъ епархіальнаго и гражданскаго начальствъ, скоро сравняться съ ли-

---

1) Въ канц. об.-прок. св. синода дѣло 1838 года объ усугубленіи мѣръ осторожности и надзора для предупрежденія безпорядковъ при преобразованіи греко-унитской церкви.

товскою, то неблагоразумно было бы далѣе откладывать общее возсоединеніе уніатовъ, для котораго время приспѣло и которое одно въ состояніи ободрить все благонадежное духовенство и расположить къ подражанію ему если уже не все остальное, то по крайней мѣрѣ большую его часть. Но чтобы съ другой стороны сія мѣра, утверждая благонадежныхъ, не дала въ самомъ началѣ повода сомнительнымъ и упорнымъ чуждаться собственной своей церкви и уклоняться къ римской, комитетъ нашелъ нужнымъ ограничиться на первый разъ обнародованіемъ по сему предмету указа на имя сената въ такой силѣ, что послѣ передачи въ 1837-мъ году завѣдыванія всѣми духовными дѣлами греко-унитскаго исповѣданія оберъ-прокурору св. синода, когда между тѣмъ греко-унитская коллегія, принадлежа къ второстепеннымъ мѣстамъ въ общемъ государственномъ порядкѣ, остается еще подчиненною сенату, нынѣ признается полезнымъ даровать болѣе единства управленію, подчинивъ ее вмѣсто сената св. синоду.

Затѣмъ комитетъ обратился къ подробностямъ возсоединенія уніатской церкви съ православною, а равно къ самому порядку, въ которомъ должны быть расположены дѣйствія возсоединенія, и въ этомъ случаѣ начерталъ слѣдующія предположенія: 1) греко-унитскіе епископы со старшимъ духовенствомъ своимъ составятъ церковный соборный актъ, въ которомъ по изложеніи причинъ заключатъ, что они, по зрѣломъ разсужденіи, призвавъ въ помощь благость Божію, полагаютъ признать вновь свое первоначальное единство съ восточно-каѳолическою православною церковью, отъ котораго въ бѣдственныя времена отторжены были отторженіемъ политическимъ, отъ котораго удалены были постороннимъ вліяніемъ и къ которому возвратиться нынѣ имѣютъ полную свободу; пребывать отнынѣ, какъ издревле, въ единомысліи вѣры съ православно-восточными патріархами и въ послушаніи св. правительствующему всероссійскому синоду, и для приведенія сего возсоединенія въ дѣйствіе испрашиваютъ покровительства благочестивѣйшаго государя императора. 2) Этотъ актъ долженъ быть подписанъ присутствующими при составленіи его, а отъ прочаго духовенства должны быть приложены къ нему отзывы, изъявляющіе согласіе на возсоединеніе. 3) Актъ и отзывъ поднесены будутъ его императорскому величеству при всеподданнѣйшемъ прошеніи. 4) Въ то же время долженъ послѣдовать указъ о подчиненіи греко-унитской коллегіи св. синоду. 5) Всеподданнѣйшее прошеніе и актъ при особомъ указѣ будутъ переданы на разсмотрѣніе св. синода, который составитъ опредѣленіе о принятіи греко-унитской церкви

въ первоначальное, истинное единство св. православной, восточной, каѳолической церкви и въ особенности въ составъ церкви россійской. 6) Такое опредѣленіе должно быть представлено государю императору во всеподданнѣйшемъ докладѣ синода. 7) По высочайшемъ на сіе соизволеніи, св. синодъ дастъ исполнительный указъ епископамъ присоединеннымъ и древле православнымъ сопредѣльнымъ. Въ семъ указѣ нужно будетъ предписать присоединеннымъ: объявить его сперва подписавшимъ актъ, а потомъ прочимъ, давшимъ подписки о возсоединеніи, по мѣрѣ признаваемой къ тому возможности; не давшихъ же до нынѣ подписокъ располагать къ сему, и не прежде имъ объявлять указъ, какъ по принятіи отъ нихъ подписокъ. Сей указъ и актъ возсоединенія не публикуется до времени.

Читана была также записка министра государственныхъ имуществъ о мѣрахъ къ обезпеченію содержанія греко-унитскаго духовенства, по возсоединеніи его, а также и къ предупрежденію дѣйствій, могущихъ возникать противъ утвержденія его въ православіи. Вмѣстѣ съ этимъ предложены были оберъ-прокуроромъ св. синода нѣкоторые вопросы къ разрѣшенію. Сообразивъ сіи вопросы съ помянутою запиской и съ обстоятельствами дѣла, комитетъ положилъ: 1) для успѣшнѣйшаго приведенія въ дѣйствіе общаго возсоединенія уніатовъ, необходимо нужно совершенное единство въ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ по сему предмету какъ въ литовскихъ, такъ и въ бѣлорусскихъ губерніяхъ, къ обузданію всѣхъ могущихъ быть противодѣйствій какъ со стороны помѣщиковъ, такъ и со стороны римскаго духовенства. Для достиженія сего единства генералъ-губернаторы непремѣнно должны быть снабжены единообразною инструкціей и особымъ полномочіемъ, съ помощію коего малѣйшіе безпорядки, еслибы оніи случились вдругъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, были бы немедленно пресѣкаемы въ самомъ ихъ началѣ. 2) Генералъ-губернаторамъ должно быть предоставлено снестись съ военнымъ министромъ о помѣщеніи для надлежащей предосторожности подъ благовиднымъ предлогомъ войска въ тѣ уѣзды, которые находятся въ сомнительномъ положеніи, и съ тѣмъ вмѣстѣ наблюдать, чтобы оныя безъ необходимости не ставились въ деревни, населенныя уніатами. 3) При настоящихъ обстоятельствахъ Витебской губерніи, въ которой предъ всѣми прочими замѣтно противодѣйствіе помѣщиковъ и римскаго духовенства, препятствующее многимъ греко-унитскимъ священникамъ вполнѣ раздѣлять съ своею церковію чувства усердія къ дѣлу общаго возсоединенія, успѣхъ онаго въ особенности долженъ зависѣть отъ распорядительности начальника губерніи, отъ его

опытности и мѣстнаго знанія западнаго края. Комитетъ, убѣждаясь важностію сего предмета и обозрѣвая находящихся нынѣ въ семъ званіи лицъ, осмѣливается полагать, что всего полезнѣе было бы поручить сію должность въ Витебскѣ дѣйствительному статскому совѣтнику Лашкареву, который былъ вице-губернаторомъ въ Могилевѣ и Гроднѣ, губернаторомъ въ Кіевѣ, донынѣ состоитъ губернаторомъ въ Каменецъ-Подольскѣ, и вездѣ заслужилъ отличное одобреніе начальства. 4) Относительно мѣста, гдѣ приличнѣе состояться акту возсоединенія, а равно и времени изданія указа, подчиняющаго греко-унитскую духовную коллегію св. синоду, надлежитъ предоставить оберъ-прокурору св. синода войти къ его величеству со всеподданнѣйшимъ докладомъ. 5) Поелику съ одной стороны большая часть священниковъ уніатскихъ дали подписки о готовности своей присоединиться къ православію съ условіемъ, чтобы имъ дозволено было остаться при мѣстныхъ обычаяхъ своихъ, непротивныхъ православію, а съ другой стороны скорое измѣненіе оныхъ, какъ-то: бритья бороды и ношенія нынѣшняго платья, лишило бы ихъ вліянія на народъ, имѣющій предубѣжденія противъ наружнаго вида нашихъ священниковъ, то для успокоенія ихъ въ семъ отношеніи, надлежитъ удостовѣрить ихъ, что отъ нихъ не будетъ требоваться измѣненія одежды, постовъ и всѣхъ тѣхъ церковныхъ и молитвенныхъ обычаевъ, къ которымъ сдѣлана уже давняя привычка и въ которыхъ не заключается ничего противнаго сущности православія, но усматривается одно лишь особое обыкновеніе, усиливающее, по ихъ мнѣнію, степень набожнаго усердія. Таковое удостовѣреніе отъ высочайшей власти всего удобнѣе сообщить секретными отношеніями греко-унитскимъ епископамъ съ тѣмъ, чтобы они предъявили оное священникамъ вмѣстѣ съ объявленіемъ синодскаго указа. 6) Если при общемъ возсоединеніи нѣкоторые изъ духовныхъ окажутъ возмущеніе своему начальству, то они, по усмотрѣнію епархіальныхъ властей, должны быть переводимы или въ греко-унитскіе монастыри южныхъ губерній, окруженные отовсюду православными приходами, или же въ православные монастыри въ великороссійскихъ губерніяхъ. 7) Для ободренія возсоединенныхъ священниковъ, которые по большей части лишаются пособій отъ помѣщиковъ, необходимо нужно, въ уваженіе оказаннаго усердія къ церкви, дѣлать имъ единовременныя пособія, которыя по числу приходовъ могутъ примѣрно составить всего до 360,000 р.; сіи выдачи производить на мѣстѣ заимообразно изъ капиталовъ коммиссіи духовныхъ училищъ, съ тѣмъ, чтобы потомъ выданная сумма отнесена была на счетъ государственнаго казначейства по смѣтѣ расходовъ

на будущій 1840-й годъ. 8) Наконецъ, комитетъ, вполнѣ раздѣляя съ министромъ государственныхъ имуществъ мнѣніе его о предстоящей непремѣнной потребности упрочить на будущее время постоянное содержаніе возсоединеннаго духовенства, разсудилъ, что какъ по высочайшему повелѣнію способы къ обезпеченію вообще въ имперіи сельскихъ причтовъ предоставлены совокупному разсмотрѣнію министра государственныхъ имуществъ и главнаго духовнаго управленія, то и настоящій предметъ долженъ быть переданъ на соображеніе министра же государственныхъ имуществъ и оберъ-прокурора св. синода, съ тѣмъ, однакоже, чтобы оный, по важности своей, былъ разсмотрѣнъ прежде всего и отдѣльно отъ общаго вопроса.

Между тѣмъ самою дѣятельною въ семъ отношеніи мѣрою представляется по казеннымъ имѣніямъ та, которая изъяснена въ запискѣ министра государственныхъ имуществъ, а именно: «чтобы отвести для священниковъ потребное количество земли, не касаясь крестьянъ, изъ фольварковыхъ участковъ, хотя бы отъ сего послѣдовало нѣкоторое, незначительное впрочемъ, уменьшеніе въ доходахъ. Обезпеченіе же содержанія священниковъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ требуетъ новыхъ способовъ, до изысканія коихъ остается по возсоединеннымъ приходамъ ограничиться строгимъ наблюденіемъ, чтобы помѣщики римскаго исповѣданія удерживались по крайней мѣрѣ отъ малѣйшаго стѣсненія духовенства и для того предписать генералъ-губернаторамъ предварить помѣщиковъ, замѣченныхъ въ противодѣйствіи мѣрамъ правительства, что при дальнѣйшемъ ихъ покушеніи, правительство вынуждено будетъ взять имѣнія ихъ въ особенный присмотръ и ввести обязательный инвентарь по примѣру вводимыхъ нынѣ въ казенныхъ имѣніяхъ» [1]). Государь утвердилъ предложенія комитета, и затѣмъ оставалось сдѣлать послѣдній шагъ.

М. Морошкинъ.

[1]) Въ канц. об.-прок. св. синода всеподданнѣйшіе доклады 1838 года декабря 22 и 26 чиселъ.

ВТОРАЯ ИМПЕРІЯ

въ

РОМАНѢ ЭМИЛЯ ЗОЛЯ.

Les Rougon-Macquart, histoire naturelle et sociale d'une famille sous le second Empire, par *Emile Zola.* Tome deuxième: La curée. Paris, 1871.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ *).

Царство захвата и добычи.

I.

Аристидъ Ругонъ накинулся на Парижъ вскорѣ послѣ «второго декабря», благодаря тому чутью хищныхъ птицъ, которыя издали чувствуютъ поле сраженія. Онъ явился изъ Плессана, гдѣ его отецъ поймалъ, послѣ долгихъ усилій, въ мутной водѣ событій, мѣсто сборщика податей. Аристидъ, еще молодой человѣкъ, скомпрометтированный безъ всякой для себя пользы, долженъ былъ считать себя счастливымъ, что такъ дешево отдѣлался. Онъ явился въ Парижъ, взбѣшенный своей недальновидностью, проклиная провинцію, говоря о Парижѣ, какъ голодный волкъ могъ бы говорить о добычѣ, клянясь, что «теперь онъ не будетъ такимъ дуракомъ».

---

*) См. выше: іюль, 112 стр.

Онъ пріѣхалъ въ самомъ началѣ 1852 года. Съ собой онъ привезъ свою жену, Анжель, и дочь Клотильду; они помѣстились въ крошечной квартиркѣ улицѣ Сенъ-Жакъ. Въ Плессанской коллегіи онъ оставилъ своего сына Максима,—мальчугана одиннадцати лѣтъ,—на попеченіи своей матери Фелиситэ. Аристидъ, во чтобы то ни стало, хотѣлъ быть свободнымъ. Жена и ребенокъ казались уже очень тяжелымъ бременемъ для человѣка, рѣшившагося перескакивать черезъ всѣ затрудненія, рискуя даже сломать себѣ шею.

Вечеромъ, въ день своего пріѣзда, въ то время, какъ Анжель рылась въ [illegible]чахъ, Аристидъ почувствовалъ непреодолимую потребно[illegible]тись по Парижу, коснуться своими провинціальными баш[illegible] и той жгучей мостовой, на которой онъ рѣшился добывать м[illegible]оны. Онъ прохаживался по улицамъ какъ настоящій завоеватель и даже сравнилъ себя мысленно съ изворотливымъ воромъ, который ловкостію или грабежомъ забираетъ свою часть въ общемъ богатствѣ, часть, которую отнимали у него до сихъ поръ. Еслибы онъ почувствовалъ потребность извинять себя, то указалъ бы на стремленія, подавляемыя въ продолженіи десяти лѣтъ, на свою печальную и жалкую жизнь, въ особенности на свои промахи, въ которыхъ онъ дѣлалъ отвѣтственнымъ все общество. Но въ эту торжественную для него минуту, отдавшись вполнѣ волненію игрока, который кладетъ наконецъ свои жадныя руки на зеленое поле, онъ ощущалъ невыразимое блаженство. Парижскій воздухъ опьянялъ его, въ шумѣ каретъ онъ слышалъ, казалось, Макбетовскіе голоса, кричавшіе ему: «ты будешь богатъ». Болѣе двухъ часовъ онъ гулялъ такимъ образомъ. Наконецъ, настали сумерки; игра его воображенія росла вмѣстѣ съ яркимъ освѣщеніемъ кафé и магазиновъ. Онъ заблудился.

Когда онъ приподнялъ глаза, то увидѣлъ, что находится посрединѣ Фобуръ-Сентъ-Оноре́. Одинъ изъ его братьевъ, Эженъ Ругонъ, жилъ по близости. Аристидъ, рѣшившись переѣхать въ Парижъ, въ особенности разсчитывалъ на помощь и протекцію Эжена, который, какъ одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ агентовъ декабрьскаго переворота, сталъ теперь значительной политической силой. Но, находясь подъ вліяніемъ безсознательнаго суевѣрія, Аристидъ не хотѣлъ войти къ своему брату въ этотъ вечеръ. Онъ медленно направился къ своей квартирѣ въ улицѣ Сенъ-Жакъ, думая объ Эженѣ съ глухою завистью, глядя на свою потасканную одежду и стараясь утѣшить себя своимъ будущимъ богатствомъ. Но и эти мечтанія о бу-

дущемъ подъ конецъ приняли грустный оттѣнокъ, когда онъ насытился зрѣлищемъ коммерческой дѣятельности Парижа...

На другой день, рано утромъ онъ уже былъ у своего брата. Эженъ занималъ двѣ большія, мрачныя комнаты, весьма скудно меблированныя. Это непріятно подѣйствовало на Аристида, — онъ полагалъ, что братъ его купается въ роскоши. Эженъ работалъ у маленькаго чернаго столика; увидѣвъ брата, онъ сказалъ протяжно и съ улыбкой:

— А, это ты,—я тебя ожидалъ.

Аристидъ сталъ рѣзко упрекать Эжена за его равнодушіе къ роднымъ, говоря. что Эженъ не позаботился даже дать ему хорошій совѣтъ, въ то время, какъ онъ прозябалъ въ провинціи. Эженъ спокойно слушалъ.

— Все это поправимо, сказалъ онъ наконецъ. Будущее въ твоихъ рукахъ.

Онъ произнесъ это слово такъ ясно и отчетливо, глядя на Аристида такъ проницательно, что Аристидъ невольно смутился.

— Ты хочешь, чтобы я досталъ тебѣ мѣсто? Объ этомъ я уже думалъ, но до сихъ поръ ничего еще не нашелъ. Я вѣдь не могу сунуть тебя куда попало. Тебѣ нужна такая должность, при которой ты могъ бы обдѣлывать свои дѣлишки, не вредя ни себѣ, ни мнѣ... Пожалуйста, не возражай; мы одни и можемъ, поэтому, высказывать другъ другу нѣкоторыя вещи...

Аристидъ захихикалъ.

— Я знаю, что ты не дуракъ, продолжалъ Эженъ, и что теперь ты не сдѣлаешь безполезной глупости... Какъ только будетъ возможно, я устрою тебя. А пока, если ты будешь нуждаться въ одномъ или двухъ луидорахъ, — являйся ко мнѣ за ними.

Они поговорили еще немного о возстаніи на югѣ, возстаніи, которое выдвинуло ихъ отца. Разговаривая, Эженъ одѣвался. На улицѣ онъ сказалъ шопотомъ:

— Я тебѣ буду очень благодаренъ, если ты на нѣкоторое время попридержишь свои порывы и не станешь шляться... Мнѣ будетъ непріятно видѣть, какъ мой братъ попрошайничаетъ въ прихожихъ...

Аристидъ былъ высокаго мнѣнія о своемъ братѣ, котораго онъ считалъ человѣкомъ не дюжиннаго закала. Онъ не простилъ ему его цинической откровенности, но послушалъ его и засѣлъ въ улицѣ Сенъ-Жакъ. Онъ пріѣхалъ съ пятьюстами франковъ; за вычетомъ издержекъ на дорогу, у него осталось около трехъсотъ франковъ, на которые нужно было жить бо-

лѣе мѣсяца. Анжель имѣла необыкновенный аппетитъ; къ тому же она сочла необходимымъ нѣсколько освѣжить свой туалетъ. Этотъ мѣсяцъ казался Аристиду безконечнымъ. Нетерпѣніе жгло его. Когда, по вечерамъ, онъ выглядывалъ въ окно, и чувствовалъ подъ собой эту колоссальную дѣятельность Парижа,—его брала охота броситься въ этотъ омутъ и начать загребать золото пригоршнями. Онъ съ невыразимымъ наслажденіемъ вдыхалъ этотъ воздухъ рождающейся имперіи, въ которомъ чувствовался уже удушливый запахъ алькова и финансовыхъ притоновъ. Онъ чувствовалъ своимъ нюхомъ голоднаго звѣря, что находится на настоящей дорожкѣ, что добыча тутъ, передъ нимъ, что колоссальная охота, охота за приключеніями, женщинами, милліонами началась уже...

Два раза онъ ходилъ къ своему брату понавѣдаться. Эженъ принималъ его холодно, всякій разъ повторяя, что онъ его не забудетъ, и что нужно ждать. Наконецъ, Аристидъ получилъ письмо, въ которомъ братъ просилъ его зайти къ нему. Замѣтивъ его, Эженъ подалъ ему бумагу, говоря:

— Твое дѣло въ шляпѣ. Ты назначенъ помощникомъ смотрителя въ Ратушѣ (Hôtel de Ville); ты будешь получать двѣ тысячи четыреста франковъ жалованья.

Аристидъ позеленѣлъ отъ злости и въ первую минуту подумалъ, что братъ издѣвается надъ нимъ. Оно надѣялся получить мѣсто по крайней мѣрѣ въ шесть тысячъ франковъ. Эженъ, догадавшись въ чемъ дѣло, повернулся къ нему.

— Неужели ты рѣшительно дуракъ? Ты мечтаешь какъ пансіонерка; ты желалъ бы прекрасную квартиру, лакеевъ, экипажъ... Шалишь, братъ. Еслибы за тобой и тебѣ подобными не смотрѣть въ оба, вы бы мигомъ опустошили сундуки, даже прежде, чѣмъ они наполнятся... Подожди крошечку, братецъ. Посмотри какъ я живу, и потрудись по крайней мѣрѣ нагнуться, чтобы взять состояніе.

Онъ говорилъ съ глубокимъ презрѣніемъ. Въ каждомъ словѣ Эжена чувствовались громадное честолюбіе, стремленіе къ власти. Эта наивная жадность его брата должна была ему казаться дѣтской и мѣщанской.

— Конечно, продолжалъ онъ нѣсколько мягче, твои намѣренія прекрасны, и я вовсе не думаю противиться имъ. Люди въ родѣ тебя—драгоцѣнны; мы именно рѣшились выбирать друзей среди голодныхъ. Будь покоенъ; столъ у насъ будетъ открытъ для нихъ, и самые жадные удовлетворятся, — будь увѣренъ. Но, сдѣлай милость, подожди пока накроютъ на столъ,

и если ты мнѣ вѣришь,—потрудись только самъ поставить свой кувертъ.

Но Аристидъ продолжалъ быть мрачнымъ. Игривыя сравненія его брата не веселили его.

— Знаешь что? продолжалъ послѣ нѣкотораго молчанія Эженъ. Я возвращаюсь къ своему первому мнѣнію: ты рѣшительно дуракъ... На что ты разсчитывалъ? что ты хотѣлъ, чтобы я сдѣлалъ съ такимъ сокровищемъ какъ ты? У тебя даже недостало энергіи кончить школу права; въ продолженіи десяти лѣтъ ты ничего не дѣлалъ въ Плессанѣ и теперь являешься сюда съ отвратительною репутаціей республиканца, который повернулъ на настоящую дорогу только вслѣдствіе декабрьскаго переворота.... Не думаешь ли ты, что съ такими аттестатами ты попадешь въ министры?.. Конечно, у тебя есть дикое желаніе достичь положенія всѣми возможными средствами. Согласенъ, это великая добродѣтель, и на нее-то я именно надѣялся, впихивая тебя въ Ратушу.

Потомъ, вставъ, онъ вторично подалъ ему бумагу.

— Бери, прибавилъ онъ, не раскаешься. Я самъ выбралъ это мѣсто и знаю, какъ ты можешь имъ воспользоваться... Тебѣ нужно будетъ только смотрѣть, да слушать... если ты уменъ, то поймешь... А теперь, обрати особенное вниманіе на то, что я тебѣ скажу: мы вступаемъ въ эпоху, въ которой все возможно... Забирай сколько возможно денегъ, — это я позволяю тебѣ; но только чтобы не было ни глупости, ни скандала, въ противномъ случаѣ я тебя мигомъ уничтожу.

Угроза произвела свое дѣйствіе. Жадность снова забушевала въ Аристидѣ. Ему казалось, что его спускаютъ съ цѣпи, съ позволеніемъ грабить людей, но легально, безъ шума. Эженъ далъ ему двѣсти франковъ на первыя издержки.

— Я думаю перемѣнить фамилію, сказалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія; и тебѣ слѣдовало бы сдѣлать тоже... Такимъ образомъ мы менѣе будемъ другъ другу мѣшать.

— Какъ хочешь, отвѣчалъ спокойно Аристидъ.

— Тебѣ незачѣмъ будетъ хлопотать; я беру на себя всѣ формальности... Хочешь называться Сикардо, по фамиліи твоей жены?..

Аристидъ поднялъ глаза къ потолку, повторяя и прислушиваясь къ гармоніи звуковъ.

— Сикардо... Аристидъ Сикардо... Нѣтъ, это старо и пахнетъ банкротствомъ.

— Ну, поищи другую фамилію...

— Я предпочелъ бы просто Сикаръ, продолжалъ Аристидъ;

Аристидъ Сикаръ... Недурно... Не правда ли?... Какъ будто черезъ-чуръ игриво?...

Онъ подумалъ еще съ минуту и наконецъ воскликнулъ торжественно:

— Я нашелъ... Саккаръ, Аристидъ Саккаръ... Какъ ты думаешь? Точно слышится звукъ денегъ въ этой фамиліи; точно считаешь луидоры...

Эженъ жестоко шутилъ, онъ простился съ братомъ, сказавъ ему съ улыбкой:

— Да, фамилія, съ которой можно пріобрѣтать милліоны, или отправиться на каторгу...

И Аристидъ началъ вести жизнь маленькихъ парижскихъ чиновниковъ... жизнь скучную и однообразную. Ихъ мечты немедленнаго обогащенія оказались пуфомъ, и эта сѣрая жизнь вдвойнѣ была тягостна имъ, тѣмъ болѣе, что они не знали, какъ долго продлится это время испытанія... Анжель точно покорилась судьбѣ, но Аристидъ возмущался этимъ узкимъ существованіемъ, какъ въ клѣтку посаженный звѣрь.

Въ 1853 году, Аристидъ Саккаръ получилъ мѣсто смотрителя и сталъ получать четыре тысячи пятьсотъ франковъ. Это повышеніе было кстати; Анжель стала сильно прихварывать, маленькая Клотильда ходила какъ тѣнь. Но они продолжали вести прежнюю, строгую жизнь, избѣгая лишнихъ издержекъ и долговъ.

Аристидъ въ точности исполнялъ совѣтъ Эжена: онъ смотрѣлъ и слушалъ. Онъ сдѣлался вкрадчивымъ и любезнымъ; въ нѣсколько мѣсяцевъ онъ превратился въ великолѣпнаго актера; вся его южная веселость проснулась въ немъ, и онъ такъ далеко усовершенствовался въ этомъ искусствѣ, что его товарищи по службѣ считали его милѣйшимъ малымъ, котораго близкое родство съ вліятельнымъ депутатомъ быстро подвинетъ въ служебной карьерѣ. То же родство пріобрѣло ему благосклонность начальства. Благодаря этому обстоятельству, онъ пользовался нѣкоторымъ авторитетомъ, имѣлъ право отворять нѣкоторыя двери и совалъ носъ въ нѣкоторыя бумаги, не возбуждая никакого подозрѣнія. Въ продолженіи двухъ лѣтъ, онъ шлялся по корридорамъ, блуждалъ по заламъ ратуши, разъ двадцать въ день вставалъ поболтать съ товарищемъ, отнести бумагу, пройтись по бюро, — безконечныя прогулки, о которыхъ его товарищи говорили: «экой бѣдовый провансалецъ! не сидится ему на мѣстѣ: точно живое серебро у него въ ногахъ!» Никогда ему не случалось сдѣлать глупости—подслушивать; но за то онъ такъ бойко отворялъ двери, проходилъ черезъ залу съ бумагой въ

рукахъ, погруженный въ дѣло, такимъ правильнымъ и медленнымъ шагомъ, что не терялъ ни одного звука изъ разговоровъ. Это была геніальнѣйшая тактика; въ концѣ концовъ, никто не сталъ обращать вниманія на этого усерднаго чиновника, который точно скользилъ по заламъ и казался поглощенъ своимъ дѣломъ. Но у Аристида была еще и другая метода: онъ былъ чрезвычайно предупредителенъ, онъ съ величайшей готовностію помогалъ своимъ товарищамъ, когда у нихъ было много работы, и тогда онъ изучалъ книги и документы, попадавшіеся ему на глаза, съ какою-то сосредоточенною нѣжностію. Но самая милая его выдумка состояла въ дружбѣ съ писарями; онъ усердно жалъ имъ руки, цѣлыми часами болталъ съ ними въ корридорахъ, хихикая разсказывалъ имъ анекдоты, вызывая ихъ на сплетни. Писаря обожали его, говоря объ немъ: «вотъ ужъ не спѣсивъ!» Какъ только случался скандалъ, онъ первый зналъ объ немъ. Благодаря этой искусной системѣ, къ концу втораго года въ ратушѣ не было для него секретовъ. Персоналъ ратуши былъ ему извѣстенъ до послѣдняго ламповщика, а бумаги — до счетовъ прачекъ.

Для такого человѣка какъ Аристидъ Саккаръ, Парижъ представлялъ въ это время чрезвычайно любопытное зрѣлище. Имперія только-что была провозглашена послѣ того знаменитаго путешествія, во время котораго принцъ-президентъ успѣлъ вызвать энтузіазмъ нѣкоторыхъ бонапартистскихъ департаментовъ. Газета и трибуна замолчали. Общество, еще разъ спасенное, чувствовало себя хорошо, отдыхало, кейфовало, зная, что сильное правительство охраняетъ его и даже беретъ на себя заботу за него думать и дѣйствовать. Самая важная забота общества заключалась въ томъ, чтобы рѣшить задачу: какимъ образомъ убить время?

По счастливому выраженію Эжена Ругона, Парижъ садился за столъ и тѣшился за дессертомъ. Политика пугала. Люди накинулись на финансовыя операціи и на наслажденіе. Въ этой бѣшеной толпѣ слышались звуки пяти-франковыхъ монетъ, пронзительный хохотъ развратныхъ женщинъ, звуки посуды и поцѣлуи. Казалось, что находишься передъ однимъ изъ тѣхъ невзрачныхъ домиковъ, которыхъ окна тщательно завѣшены, гдѣ слышно только, какъ золото звенитъ, падая на мраморъ каминовъ. Вторая имперія собиралась превратить Парижъ въ домъ терпимости для всей Европы....

Аристидъ Саккаръ съ первыхъ же дней пронюхалъ эту возрастающую страсть Парижа къ финансовымъ спекуляціямъ. Онъ съ глубочайшимъ вниманіемъ слѣдилъ за развитіемъ этой страсти.

Онъ какъ разъ находился въ центрѣ того золотого дождя, который падалъ на городъ, разрушая цѣлые кварталы, точно рудокопы открыли подъ мостовой улицъ золотую руду. Благодаря своимъ постояннымъ прогулкамъ по ратушѣ, Аристидъ открылъ громадный проектъ превращенія Парижа, планъ ломки, новыхъ улицъ и кварталовъ, столкновеніе интересовъ и фейерверкъ бѣшеной роскоши. Съ тѣхъ поръ его дѣятельность отыскала себѣ цѣль. Въ эту-то именно эпоху онъ сдѣлался добрымъ малымъ, онъ даже пополнѣлъ нѣсколько и рѣшительно пересталъ бѣгать по улицамъ, какъ голодный котъ въ поискахъ за кускомъ мяса. Въ своей канцеляріи онъ еще болѣе сдѣлался болтливъ, еще болѣе сталъ предупредителенъ. Эженъ, которому онъ сдѣлалъ визитъ въ нѣкоторомъ родѣ оффиціальный, поздравилъ его съ тѣмъ, что онъ такъ ловко пользуется его совѣтами.

Въ началѣ 1854 года, Саккаръ сообщалъ ему конфиденціально, что имѣетъ въ виду выгодную операцію, но что ему недостаетъ денегъ....

— Ищи, отвѣчалъ Эженъ.

— Ты правъ, я поищу, отвѣчалъ Аристидъ безъ всякаго неудовольствія, точно не замѣчая, что братъ отказываетъ ему въ необходимомъ капиталѣ....

II.

У Аристида была еще сестра въ Парижѣ. Сидони Ругонъ вышла замужъ за какого-то несчастнаго плессанскаго подъячаго, который переѣхалъ съ нею въ Парижъ попробовать счастія въ торговлѣ южными фруктами. Когда Аристидъ отыскалъ ее,—мужъ исчезъ, а магазина давнымъ давно не существовало. Она занимала въ улицѣ Фобуръ-Пуассоньеръ маленькую квартирку въ три комнаты, въ антресолѣ; кромѣ того внизу она нанимала лавку, находящуюся подъ ея квартирой, лавку узкую и темную, въ которой, по ея разсказамъ, она торгуетъ кружевами. Въ витринахъ дѣйствительно было развѣшано нѣсколько кусковъ кружевъ, но внутри лавка похожа была на прихожую со шкафами, безъ малѣйшаго признака товара. На дверяхъ и окнахъ находились легкія занавѣски, которыя, скрывая внутренность лавки отъ взоровъ прохожихъ, еще болѣе придавали ей видъ скромной и таинственной прихожей, ведущей въ неизвѣстный храмъ. Въ лавкѣ почти никогда не появлялся покупщикъ, и чаще всего даже ручка дверей была вынута. Сосѣдямъ Сидони разсказывала, что носитъ кружева на продажу въ богатые дома; по ея сло-

вамъ, она наняла лавку только потому, что она сообщалась посредствомъ маленькой лѣстницы съ ея квартирой. И дѣйствительно, Сидони почти никогда не было дома; она разъ десять въ день торопливо выходила и входила. Къ тому же, она неограничивалась только продажей кружевъ; она употребляла въ дѣло и свою квартиру, наполняя ее различными предметами, неизвѣстно откуда взятыми. Тамъ она продавала издѣлія изъ каучука, мантильи, башмаки, подтяжки и проч. Потомъ, въ ея квартирѣ можно было видѣть постепенно то новое масло для рощенія волосъ, то ортопедическіе аппараты, то новаго устройства кофейники.

Когда Аристидъ явился къ ней, вся ея квартира была запружена фортепьянами. Сидони крайне систематично вела эти двѣ торговли; покупщики, которые являлись покупать предметы, находящіеся въ квартирѣ, входили и выходили черезъ ворота дома, въ улицѣ Папильонъ; необходимо нужно было знать секретъ маленькой лѣстницы, чтобы имѣть понятіе о двойной торговлѣ Сидони. Въ квартирѣ она была извѣстна подъ названіемъ мадамъ Тушъ, по фамиліи своего мужа; на дверяхъ же лавки написано было просто: «мадамъ Сидони».

Ей было не болѣе тридцати-пяти лѣтъ, но она одѣвалась такъ небрежно, въ ней было такъ мало женскаго, что казалась гораздо старше. Она носила вѣчное черное платье, истасканное и потертое. Въ черной шляпкѣ, которая скрывала почти совершенно ея лобъ и волосы, въ толстыхъ неуклюжихъ башмакахъ, она рысцой бѣгала по улицамъ, держа въ рукѣ крошечную корзинку, связанную бѣлыми тесемками. Эта корзинка, которую она никогда не покидала, — была цѣлый міръ. Когда она раскрывала ее, — изъ нея выходили всякаго сорта образчики, книжечка для замѣтокъ, портфели и въ особенности цѣлые вороха гербовой бумаги. Продавъ франковъ на десять помады или кружевъ, она вступала въ интимныя бесѣды съ своей покупщицей, дѣлалась ея довѣрительницей, бѣгала для нея по судамъ, адвокатамъ; носила въ своей корзинкѣ по цѣлымъ недѣлямъ кипы дѣловыхъ бумагъ, рыскала изъ одного конца Парижа въ другой, всегда мѣрной рысцой и всегда пѣшкомъ. Трудно было сказать, какой доходъ она имѣла отъ подобнаго ремесла; она имъ занималась, во-первыхъ, вслѣдствіе инстинктивной любви къ темнымъ дѣламъ и интригамъ, а во-вторыхъ, въ этомъ занятіи она выгадывала множество разныхъ разностей: даровые обѣды то тутъ, то сямъ, пяти-франковики, получаемые съ разныхъ сторонъ, и такъ далѣе. Но лучшимъ слѣдствіемъ все-таки были различныя тайны, собираемыя съ разныхъ сторонъ. Сидони, живущая

такъ сказать у другихъ, въ дѣлахъ другихъ была настоящимъ живымъ хранилищемъ предложеній и спросовъ. Она знала, гдѣ есть невѣста, или семейство нуждающееся въ трехъ тысячахъ франковъ подъ солидный залогъ и на проценты. Она знала также и болѣе интимныя вещи: печаль такой-то блондинки, которую мужъ не понималъ и которая хотѣла, чтобы ее поняли; тайное желаніе хорошей матери, мечтающей пристроить свою дочь; вкусы такого-то барона, помѣшавшагося на тонкихъ ужинахъ и очень молодыхъ дѣвицахъ. И Сидони съ вѣчной улыбочкой передавала эти спросы и предложенія; она посылала барона къ примѣрной матери, уговаривала стараго скрягу дать три тысячи франковъ въ долгъ несчастному семейству, находила утѣшеніе и блондинкѣ и мужу ея. У Сидони были также и крупныя дѣла, дѣла, о которыхъ она всѣмъ разсказывала: безконечный процессъ, за которымъ ей поручено было слѣдить, и долгъ Англіи, сдѣланный у французскаго правительства во время Стюартовъ, долгъ, который доходилъ вмѣстѣ съ сложными процентами до трехъ мильярдовъ. Этотъ долгъ въ три мильярда сдѣлался ея idée fixe; тщательно и необыкновенно подробно она разсказывала дѣло, точно читая курсъ исторіи. Случалось, что, между конференціей у адвоката и визитомъ у друга, она продавала кофейникъ, или каучуковый плащъ, кусокъ кружева или пьянино. Все это она дѣлала необыкновенно ловко. Потомъ, она бѣгомъ бѣжала въ свой магазинъ, гдѣ должна была дожидаться ее такая-то дама. Дама являлась и проскальзывала какъ тѣнь въ скромную лавку. Часто случалось, что въ то же самое время входилъ въ квартиру, черезъ ворота улицы Папильонъ, господинъ, желавшій купить инструментъ у мадамъ Тушъ.

О мужѣ она никогда не говорила, точно также какъ не говорила о своемъ дѣтствѣ, своихъ родныхъ, своихъ личныхъ дѣлахъ. Въ мірѣ существовалъ одинъ только предметъ, котораго она не продавала: именно—она сама; не вслѣдствіе какихъ-либо правилъ нравственности, о которыхъ она едва-ли имѣла какое-либо понятіе, а просто потому, что мысль подобной продажи ей никогда не приходила въ голову.

Саккаръ, еще совершеннѣйшій новичекъ въ столицѣ, не имѣвшій никакого понятія о нравахъ и типахъ Парижа, не могъ сначала проникнуть своимъ умомъ въ эту бездонную пропасть занятій Сидони и не понималъ ее; онъ просто считалъ ее дурой, которой слабый умъ свихнулся на долгѣ въ три мильярда. Всякій разъ, когда Сидони приступала къ разсказу этого долга, онъ презрительно пожималъ плечами. Онъ нѣсколько разъ былъ въ ея лавчонкѣ, желая ближе познакомиться съ жизнію своей сестры,

но вынесъ одно только впечатлѣніе: впечатлѣніе неизбѣжнаго и близкаго банкротства Сидони. Ему хотѣлось знать мнѣніе Эжена объ ней, но Эженъ, едва лишь Аристидъ заговорилъ объ этомъ предметѣ, состроилъ важную мину и отвѣчалъ, что никогда не видится съ сестрой, что онъ считаетъ ее женщиной умной, но компрометтирующей родныхъ. И однакожъ, Саккаръ, приближаясь какъ-то къ квартирѣ своего брата, вдругъ замѣтилъ черное поношенное платье мадамъ Сидони, которая быстро шмыгнула въ сторону изъ-подъ воротъ. Онъ ускорилъ шагъ, чтобы убѣдиться: дѣйствительно ли Сидони вышла отъ Эжена, но было уже поздно: черное платье исчезло. Мадамъ Сидони имѣла тотъ стирающійся для глаза видъ, который теряется въ толпѣ. Это обстоятельство поразило его, и съ того времени онъ сталъ внимательнѣе изучать свою сестру. Вскорѣ онъ замѣтилъ страшную, потаенную работу этого слабаго, неуловимаго существа. Аристидъ сталъ уважать ее: она дѣйствительно принадлежала породѣ Ругоновъ; въ ней онъ узналъ ту алчность къ деньгамъ, ту потребность интриги, которыя характеризовали семью, съ тою только разницей, что въ ней, благодаря особенной средѣ, въ которой ей пришлось жить, благодаря этому Парижу, гдѣ ей приходилось искать каждое утро свою вечернюю пищу, общій семейный темпераментъ измѣнился и образовалъ странный гермафродитизмъ женщины, сдѣлавшейся существомъ средняго рода.

Когда Саккаръ выработалъ тщательно свой планъ дѣйствій, и сталъ искать капитала необходимаго для начала, онъ естественно подумалъ о своей сестрѣ. Сидони, вздыхая, покачала головой и стала передавать какія-то новыя подробности о трехъ мильярдахъ. Но Саккаръ не потакалъ ея пункту помѣшательства: онъ былъ убѣжденъ, что сказка о трехъ мильярдахъ порочитъ такой практическій умъ. Мадамъ Сидони, спокойно выслушивавшая самыя грубыя насмѣшки своего брата, объяснила ему тогда чрезвычайно ясно и точно, что онъ не найдетъ ни одной копѣйки, если не представитъ достаточно солиднаго залога. Эта бесѣда происходила у зданія парижской биржи, гдѣ Сидони обыкновенно играла на скопленныя ею деньги. Тамъ ее можно было встрѣтить навѣрное каждый день, около четырехъ часовъ; тамъ же она давала аудіенціи личностямъ, столь же подозрительнымъ и страннымъ, какъ и она. Аристидъ хотѣлъ уже проститься съ нею, какъ она, вдругъ, прошептала грустнымъ голосомъ: «вотъ еслибы ты не былъ женатъ!...»

Но дни шли за днями, крымская война была объявлена, а Парижъ, котораго нисколько не занимала далекая кампанія, все больше и больше отдавался финансовымъ спекуляціямъ и раз-

врату. Саккаръ, внимательно слѣдя за движеніемъ общественной жизни, досадовалъ и бѣсился, что не имѣетъ возможности участвовать въ ней. Онъ до такой степени сосредоточилъ на одномъ пунктѣ всю свою волю и умъ, что жилъ въ какомъ-то воображаемомъ мірѣ, какъ лунатикъ, прохаживающійся по краямъ крыши, подъ господствомъ одной идеи. Не мудрено поэтому, что онъ былъ удивленъ и взбѣшенъ, когда однажды вечеромъ увидѣлъ, что Анжель серьезно больна и принуждена была лечь въ постель. Бѣдная Анжель тихонько жаловалась на простуду. Докторъ сообщилъ на ухо мужу, что у ней воспаленіе легкихъ и что онъ не отвѣчаетъ за нее. Съ этой минуты Аристидъ терпѣливо сталъ ухаживать за больной; онъ пересталъ ходить на службу и по временамъ странно на нее посматривалъ. Мадамъ Сидони, несмотря на всѣ свои многочисленныя занятія, всякій вечеръ являлась въ квартиру Аристида, ухаживала за больной, и дѣлала декокты, которые она считала цѣлительнымъ средствомъ отъ всѣхъ болѣзней. Кромѣ всѣхъ своихъ спеціальностей, у нея была еще спеціальность сидѣлки по призванію: она любила смотрѣть на страданія, любила распоряжаться лекарствами, любила грустный шопотъ у постели больного.

Болѣзнь развивалась быстро; однажды вечеромъ, докторъ объявилъ, что больная не проживетъ и ночи. Когда докторъ ушелъ, Сидони уменьшила огонь въ лампѣ и въ комнатѣ водворилась мертвая тишина. Смерть медленно вступала въ свои права въ этой сырой и жаркой атмосферѣ комнаты, въ которой неправильное дыханіе умирающей казалось постукиваніемъ часовъ съ разстраивающимся механизмомъ. Мадамъ Сидони оставила лекарства и не безпокоила больной. Она сѣла у камина возлѣ брата, который приготовлялъ какое-то питье, по временамъ бросая безпокойный взоръ на постель. Потомъ, раздраженный этимъ тяжелымъ воздухомъ, этимъ мрачнымъ зрѣлищемъ, онъ вышелъ въ другую комнату. Туда отправили маленькую Клотильду, которая тихонько играла съ куклой на коврѣ. Она улыбалась отцу, когда мадамъ Сидони, войдя тихонько въ комнату, отвела его въ противоположный уголъ и стала съ нимъ говорить шопотомъ. Двери остались полуоткрытыми. Въ сосѣдней комнатѣ слышенъ былъ хрипъ дыханія больной....

— Бѣдняжка.... плаксивымъ голосомъ говорила Сидони; кажется, все кончено. Ты слышалъ, что сказалъ докторъ?

Саккаръ кивнулъ головой.

— Она была хорошій человѣкъ, продолжала Сидони, точно Анжель уже умерла. Ты можетъ быть найдешь жену богаче,

жену болѣе свѣтскую, но ты никогда не найдешь такого золотого сердца.

Она замолчала потирая себѣ глаза, точно не знала какъ приступить къ дѣлу.

— Ты имѣешь мнѣ что-нибудь сказать? спросилъ вдругъ рѣзко Саккаръ.

— Да.... я думала о тебѣ.... ты знаешь, по поводу того, о чемъ ты мнѣ говорилъ. Кажется, я отыскала средство. Но въ такую минуту.... Я слишкомъ разстроена.

Она снова стала потирать глаза. Саккаръ молчалъ.

— Видишь ли, заговорила снова Сидони: я знаю одну молодую дѣвушку, которую нужно сейчасъ же выдать замужъ. Съ бѣднымъ ребенкомъ случилось несчастіе. У ней есть тетка, которая пожертвуетъ....

— Ну такъ что-жъ? нетерпѣливо спросилъ Саккаръ. За чѣмъ нужно выдать ее замужъ?

— Она только-что вышла изъ пансіона; какой-то мерзавецъ погубилъ ее, на дачѣ, гдѣ она гостила. Отецъ узналъ и хотѣлъ убить ее. Тетка, чтобы спасти виновную, заступилась за нее и вдвоемъ онѣ сочинили исторію: она разсказала отцу, что виновный—честный человѣкъ, который готовъ жениться.

— Значитъ, сказалъ удивленнымъ и раздраженнымъ голосомъ Саккаръ,—онъ женится на ней?

— Нѣтъ, онъ не можетъ, онъ женатъ.

Наступило молчаніе. Хрипѣніе Анжели стихало. Маленькая Клотильда перестала играть, она смотрѣла на Сидони и своего отца, точно понимала ихъ слова.

— Сколько лѣтъ молодой дѣвушкѣ?

— Девятнадцать лѣтъ.

— А какъ продолжительна беременность?

— Три мѣсяца. Но по всей вѣроятности будетъ выкидышъ.

— Семейство съ состояніемъ?

— Старая буржуазія. Отецъ былъ судьей. Прекрасное состояніе.

— Какою суммою жертвуетъ тетка?

— Сто тысячъ франковъ.

Новое молчаніе. Сидони перестала всхлипывать; она занята была дѣломъ. Братъ, посмотрѣвъ на нее изъ-подлобья, прибавилъ съ нѣкоторымъ колебаніемъ:

— А ты сколько возьмешь за коммиссію?

— Посмотримъ послѣ, отвѣчала Сидони....

Она подождала нѣсколько секундъ, и такъ какъ онъ молчалъ, она сказала ему въ упоръ:

— Ну, какъ же ты рѣшаешь? Эти бѣдныя женщины не могутъ долго ждать. Онѣ хотятъ избѣжать скандала.... Если ты принимаешь, я съ коммиссіонеромъ отправлю имъ твою карточку.

Саккаръ точно проснулся отъ сна; онъ задрожалъ, и повернувшись какъ-то боязливо къ двери сосѣдней комнаты, сказалъ:

— Но я не могу, не могу.... ты знаешь, что я не могу.

Сидони посмотрѣла на него прямо, холоднымъ и презрительнымъ взглядомъ. Вся кровь Ругоновъ, вся дикая алчность приступала ему къ горлу. Онъ вынулъ свою карточку и отдалъ сестрѣ. Сидони вышла.

Саккаръ, оставшись одинъ, облокотился и сталъ смотрѣть въ окно. Но темнота ночи точно испугала его, и онъ почти неожиданно вошелъ въ комнату, гдѣ умирала Анжель. Онъ забылъ ее и страшно былъ пораженъ, когда увидалъ ее полувставшей на постели. Глаза ея были страшно открыты, цѣлый потокъ жизни, казалось, хлынулъ ей въ лицо. Маленькая Клотильда, продолжая держать свою куклу, сидѣла на краю кровати; она во время разговора Аристида съ Сидони проскользнула въ комнату матери. Саккаръ, еще подъ впечатлѣніемъ разговора съ сестрой, увидѣлъ, что всѣ его планы разстраиваются, и въ умѣ его скользнула страшная мысль. Анжель, въ испугѣ, хотѣла откинуться назадъ, какъ бы защищаясь, но смерть уже приближалась; это пробужденіе въ агоніи длилось не долго. Умирающая не могла двинуться, она опустилась, продолжая упорно смотрѣть на своего мужа, какъ бы съ желаніемъ слѣдить за всѣми его движеніями. Саккаръ, который вообразилъ себѣ, что Анжель воскресаетъ къ жизни, какъ бы съ цѣлію заставить его жить въ нищетѣ, разувѣрился, когда увидѣлъ, что Анжели не осталось и часу жизни. Но ему было страшно неловко. Ея глаза ясно говорили, что она слышала разговоръ его съ Сидони и что она боялась, что онъ ее задушитъ. Въ ея глазахъ виднѣлось также невыразимое удивленіе добраго и честнаго существа, которое въ послѣднюю минуту замѣчаетъ низость людей, которое дрожитъ при мысли многихъ лѣтъ проведенныхъ бокъ-о-бокъ съ мерзавцемъ.... Мало-по-малу взглядъ ея смягчился; она перестала бояться, должно быть простила этого несчастнаго, припоминая себѣ упорную борьбу, которую онъ велъ съ судьбой. Саккаръ, преслѣдуемый этимъ взглядомъ, въ которомъ онъ читалъ такой страшный упрекъ, облокачивался на мебель, старался сѣсть вдали отъ свѣта; потомъ, онъ сдѣлалъ шагъ, чтобы подойти, хотѣлъ говорить; но Анжель сдѣлала знакъ,

чтобы онъ молчалъ; она продолжала смотрѣть на него.... и умерла не спуская съ него глазъ.... Маленькая Клотильда тихо укачивала свою куклу, боясь разбудить свою мать.

III.

Вечеромъ, послѣ похоронъ Анжели, мадамъ Сидони увела Саккара къ себѣ. Тамъ были приняты важныя рѣшенія. Саккаръ положилъ отправить Клотильду къ одному изъ своихъ братьевъ, Паскалю, который нѣсколько разъ предлагалъ взять свою племянницу на воспитаніе. Потомъ Сидони дала ему понять, что онъ не можетъ дольше оставаться въ улицѣ Сен-Жакъ; она найметъ ему на мѣсяцъ квартиру меблированную, по близости ратуши; что же касается до старой мебели, то ее нужно продать, чтобы совершенно уничтожить всякій слѣдъ прошедшаго; деньги вырученныя за мебель пойдутъ на покупку бѣлья и приличнаго платья. Черезъ три дня Клотильда была отправлена на югъ, а Аристидъ Саккаръ, торжествуя, переселился въ кокетливо меблированную квартиру, въ которой прохаживался въ вышитыхъ туфляхъ. Онъ тщательно приготовился къ своей роли и спокойно выжидалъ всѣ трудности положенія, которое принялъ.

Мадамъ Сидони въ ночь смерти Анжели вѣрно передала положеніе дѣлъ семейства Беро. Глава семьи, г. Беро-дю-Шатель, старикъ лѣтъ шестидесяти, былъ послѣднимъ представителемъ старой буржуазной фамиліи. Одинъ изъ его предковъ былъ товарищемъ Этьена Марселя; въ 1793-мъ году его отецъ умеръ на эшафотѣ, привѣтствуя республику съ восторгомъ парижскаго буржуа, въ жилахъ котораго кипѣла революціонная кровь города. Самъ онъ былъ однимъ изъ тѣхъ республиканцевъ, которые носили въ себѣ идеалъ абсолютной справедливости и полной свободы. Состарѣвшись въ магистратурѣ, онъ вышелъ въ отставку въ 1851-мъ году, сейчасъ же послѣ переворота, отказываясь войти въ составъ одной изъ тѣхъ знаменитыхъ смѣшанныхъ коммиссій, которыя обезчестили французскую магистратуру. Съ тѣхъ поръ онъ жилъ уединенно въ своемъ домѣ на островѣ Сенъ-Луи. У него была дочь Ренэ, дѣло которой, какъ уже читателямъ извѣстно, взяла въ свои руки мадамъ Сидони. Тетка Ренэ, г-жа Обертó, желая спасти свою племянницу отъ гнѣва отца, придумала этотъ странный проектъ брака, который, казалось ей, все примиряетъ и котораго постыдной стороны и роковыхъ послѣдствій она не хотѣла видѣть.

Первое свиданіе г-жи Обертó съ Саккаромъ происходило въ квартирѣ Сидони. Саккаръ говорилъ какъ дѣловой, но въ то же время и какъ свѣтскій человѣкъ. Мадамъ Обертó была въ гораздо болѣе неловкомъ положеніи. Она путалась въ словахъ и не рѣшалась заговорить о ста тысячахъ франкахъ, обѣщанныхъ ею. Аристидъ самъ коснулся денежнаго вопроса весьма развязно. По его мнѣнію, сто тысячъ франковъ, — слишкомъ ничтожный капиталъ для мужа Ренэ. Г. Беро будетъ въ правѣ презирать бѣднаго зятя, будетъ обвинять его въ томъ, что онъ женится на деньгахъ. Г-жа Обертó окончательно смутилась, и не зная что дѣлать, согласилась удвоить сумму, когда Саккаръ объявилъ ей рѣшительнымъ тономъ, что не согласится жениться менѣе, чѣмъ за двѣсти тысячъ. Добрая старушка вышла, не зная что подумать объ этомъ господинѣ, который обнаруживаетъ такую щепетильность и въ то же время соглашается на подобный торгъ.

Второе свиданіе было гораздо рѣшительнѣе. Когда мадамъ Обертó упомянула о контрактѣ, Саккаръ сдѣлалъ великодушный жестъ, какъ бы говоря, что ему все равно какъ будетъ составленъ контрактъ. Въ послѣднее время онъ тщательно изучалъ кодексъ и соображалъ какъ рѣшить этотъ вопросъ, отъ котораго зависѣла въ будущемъ свобода его мошенническихъ дѣйствій.

— Ради Бога, сказалъ онъ, кончимъ этотъ непріятный денежный вопросъ.... Я думаю, что m-lle Ренэ должна остаться госпожей своего состоянія, какъ я—своего. Нотаріусъ позаботится объ этомъ.

Г-жа Обертó одобрила этотъ взглядъ. Она страшно боялась, чтобы этотъ ловкій господинъ не вздумалъ запустить руки въ приданое ея племянницы. Потомъ она коснулась этого приданаго.

— Состояніе моего брата, сказала она, заключается по преимуществу въ землѣ и недвижимомъ имуществѣ. Онъ не такой человѣкъ, чтобы наказывать свою дочь, отнимая у нея принадлежащую ей часть. Онъ ей даетъ землю въ Солонь, оцѣненную въ триста тысячъ франковъ и кромѣ того домъ въ Парижѣ, который стóитъ до двухъ сотъ тысячъ.

Саккаръ былъ ослѣпленъ; онъ никакъ не ожидалъ такой громадной цифры.

— Вмѣстѣ, это составитъ пятьсотъ тысячъ, продолжала тетка Ренэ; но я обязана сказать вамъ, что земля приноситъ не болѣе двухъ процентовъ дохода.

Онъ улыбнулся и повторилъ свой великодушный жестъ, же-

лая сказать имъ, что до этого онъ не имѣетъ никакого дѣла. Развалившись въ креслахъ, покачивая ногой, онъ казался совершенно равнодушенъ ко всѣмъ денежнымъ подробностямъ, и слушаетъ г-жу Обертó только изъ вѣжливости. Она продолжала.

— Наконецъ, я желаю сдѣлать Ренэ подарокъ. У меня нѣтъ дѣтей; современемъ мое состояніе перейдетъ къ моимъ племянницамъ. Ренэ я хочу подарить землю, лежащую близъ Шаронъ; она, если не ошибаюсь, стóитъ до двухъ сотъ тысячъ. Но....

При словѣ «но» Саккара слегка подернуло; несмотря на свое внѣшнее равнодушіе, онъ внимательно слушалъ.

— Но, продолжала тетка, я желаю, чтобы эта земля была записана на имя перваго ребенка Ренэ. Вы поймете мое намѣреніе: я не хочу, чтобы этотъ ребенокъ обременялъ васъ. Въ случаѣ его смерти, земля будетъ принадлежать Ренэ....

Саккаръ молчалъ, хотя внутренно сильно волновался. Земля около Шаронъ возбудила въ немъ цѣлый міръ соображеній.

— Вы забыли мнѣ сказать, замѣтилъ онъ, гдѣ находится домъ въ двѣсти тысячъ.

— Въ улицѣ Пепиньеръ.

Эта простая фраза произвела на него поразительное впечатлѣніе. Онъ не могъ скрыть своей радости. Онъ подвинулъ кресло и скороговоркой возразилъ:

— Дорогая мадамъ Обертó, долго ли мы будемъ говорить объ этихъ проклятыхъ деньгахъ? Не пора ли покончить съ этимъ непріятнымъ предметомъ? Я надѣюсь современемъ заслужить ваше уваженіе, и поэтому я вамъ прямо скажу, что недавно я потерялъ жену, у меня двое дѣтей; я практиченъ и остороженъ. Женясь на вашей племянницѣ, я сдѣлаю хорошее дѣло для всѣхъ. Если у васъ еще есть какія-либо предубѣжденія противъ меня, вы простите мнѣ впослѣдствіи, когда я осушу слезы всякаго и обогащу моихъ родственниковъ. Успѣхъ—все очищаетъ. Я хочу, чтобы самъ г. Беро протянулъ мнѣ руку и поблагодарилъ меня....

Онъ увлекся и долго говорилъ въ томъ же тонѣ, съ насмѣшливымъ цинизмомъ, сквозившимъ по временамъ изъ-за его напускного добродушія.... Какъ только г-жа Оберто ушла, онъ отправился въ ратушу и долго рылся въ документахъ, извѣстныхъ ему.

День свадьбы былъ назначенъ. Ренэ и Саккаръ познакомились только наканунѣ свадьбы. Сцена происходила въ сумерки въ одной изъ залъ дома Берó. Они съ любопытствомъ изучали другъ друга. Ренэ была высокаго роста и очень красива. Она нашла Саккара крошечнымъ и безобразнымъ, но въ то же время

замѣтила умное и хитрое выраженіе его лица. Они съ замѣшательствомъ обмѣнялись нѣсколькими словами. Мадамъ Обертò, присутствовавшая при свиданіи, краснѣла за нихъ.

На другой день послѣ свадьбы, молодые были представлены г. Берò. Ренэ заплакала, увидѣвъ своего отца постарѣвшимъ и еще болѣе мрачнымъ. Саккаръ, который до сихъ поръ бралъ наглостію, былъ смущенъ холодомъ и полусвѣтомъ комнаты, печальною строгостію старика, котораго пронзительный взглядъ, казалось, проникалъ въ глубину его совѣсти. Онъ поцѣловалъ свою дочь въ лобъ, какъ бы прощая ей, и сказалъ своему зятю:

— Мы всѣ много страдали, милостивый государь. Я надѣюсь, что вы заставите насъ забыть наши страданія.

IV.

Несмотря на значительное состояніе своей жены, Саккаръ не сейчасъ послѣ свадьбы вышелъ въ отставку. Онъ говорилъ, что ему нужно окончить начатыя работы, пріискать себѣ занятіе. Въ сущности же, онъ рѣшился до конца остаться на полѣ сраженія, гдѣ онъ предполагалъ сдѣлать первые шаги. Планъ его былъ простъ и практиченъ. Теперь, когда у него въ рукахъ очутилась такая громадная сумма денегъ, о которой онъ никогда и не мечталъ, онъ предполагалъ начать дѣло въ обширныхъ размѣрахъ. Парижъ онъ зналъ, какъ свои пять пальцевъ; онъ зналъ, что золотой дождь съ каждымъ днемъ будетъ увеличиваться, и ловкимъ людямъ стòитъ тогда открыть только свои карманы. Онъ вступилъ въ ряды этихъ ловкихъ, читая будущее въ канцеляріяхъ ратуши. Его служебныя занятія научили его, какъ можно воровать при покупкѣ и продажѣ недвижимаго имущества и земель. Онъ былъ посвященъ въ секреты всѣхъ классическихъ мошенничествъ: онъ зналъ, какъ продаютъ за милліонъ то, чтò стоило пятьсотъ тысячъ, какимъ образомъ пріобрѣтается право грабить казну; какъ, проводя новый бульваръ сквозь старый кварталъ, ловкіе спекулянты набиваютъ себѣ карманы шестиэтажными домами, при всеобщей радости болвановъ. Онъ такъ долго шарилъ въ корридорахъ ратуши, собралъ столько замѣтокъ и свѣдѣній, что могъ напередъ представить себѣ зрѣлище новыхъ кварталовъ Парижа въ 1870-мъ году. По временамъ, на улицѣ, онъ пристально осматривалъ нѣкоторые дома, точно своихъ знакомыхъ, которыхъ судьба извѣстна лишь ему одному и сильно его интересуетъ. Его первоначальный планъ состоялъ въ томъ, чтобы пріобрѣсти дешево домъ,

который вслѣдствіе проведенія новой улицы долженъ быть въ скоромъ времени разрушенъ и осуществить порядочный барышъ значительнымъ вознагражденіемъ за экспропріацію. Аристидъ вѣроятно рѣшился бы попробовать осуществить этотъ планъ безъ денегъ, покупая домъ въ кредитъ, но женитьба измѣнила и расширила его планъ. Теперь онъ зналъ что дѣлать: онъ купитъ у своей жены, на имя третьяго лица, домъ въ улицѣ Пепиньеръ, и утроитъ затраченный капиталъ, благодаря свѣдѣніямъ, добытымъ въ корридорахъ ратуши, и хорошимъ сношеніямъ съ нѣкоторыми изъ вліятельныхъ лицъ. Если онъ не могъ скрыть своей радости, когда г-жа Обертò ему сказала гдѣ находится домъ, то потому, что домъ находился какъ разъ посрединѣ громадной улицы бульвара Мальзербъ, которой постройка была рѣшена въ кабинетѣ префекта Сены. Это былъ старый проектъ Наполеона I-го, который предполагалось осуществить «чтобы очистить, говорили солидные люди, населенные и грязные кварталы». Эта оффиціальная фраза умалчивала о дѣйствительныхъ цѣляхъ второй имперіи, при произведеніи этихъ колоссальныхъ перестроекъ....

Въ то время, какъ Ренэ, въ новомъ, роскошномъ своемъ помѣщеніи улицы Риволи, посреди того Парижа, котораго она должна была сдѣлаться царицей, глубокомысленно думала о своихъ платьяхъ и производила знакомства, ея мужъ весь отдался своимъ спекуляціямъ. Онъ для начала купилъ у ней домъ, черезъ посредство нѣкоего Ларсонò, котораго онъ поймалъ шарящимъ, какъ и онъ же, въ канцеляріяхъ ратуши, но который имѣлъ глупость попасть въ кабинетъ префекта, гдѣ рылся въ бумагахъ. Онъ сдѣлался повѣреннымъ по дѣламъ; эта узкая сфера дѣятельности страшно давила его. Онъ находился въ томъ же самомъ положеніи, какъ и Саккаръ до своего брака; онъ тоже выдумалъ «машину для выдѣлыванія пятифранковиковъ», съ тою только разницей, что необходимаго капитала ему недоставало для того, чтобы воспользоваться своимъ открытіемъ. Онъ мигомъ понялъ Саккара и такъ ловко повелъ дѣло, что получилъ домъ за сто пятьдесятъ тысячъ франковъ. Ренэ, въ концѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ, сильно нуждалась уже въ деньгахъ. Мужъ принялъ участіе въ дѣлѣ только для того, чтобы позволить женѣ совершить продажу. Когда продажа была совершена, Ренэ, вручая ему сто тысячъ, просила его помѣстить эти деньги на свое имя, давая ему понять, что онъ можетъ ими воспользоваться, лишь бы только онъ позволилъ ей распорядиться остальными пятьюдесятью тысячами. Онъ хитро улыбнулся; въ его разсчеты входило, чтобы она сорила деньгами. Эти пять-

десять тысячъ франковъ, которые пойдутъ на кружева, да на золотыя бездѣлушки, — должны были принести ему сто на сто. Онъ подвинулъ честность даже до такой степени, что дѣйствительно помѣстилъ деньги и передалъ ей документы, говоря:

— Это на ваши тряпки.

Получивъ домъ, онъ съумѣлъ два раза перепродать его фиктивнымъ пріобрѣтателямъ, всякій разъ увеличивая цѣну, такъ что въ концѣ концовъ домъ оказался стоющимъ триста тысячъ франковъ. Въ это время Ларсонò, который былъ легальнымъ собственникомъ, накинулся на жильцовъ. Онъ безжалостно отказывался возобновлять контракты, если жильцы не соглашались на значительное увеличеніе платы за квартиры. Жильцы, слышавшіе что-то объ экспропріаціяхъ, были въ отчаяніи; они соглашались на надбавку, когда Ларсонò прибавлялъ, что эта надбавка будетъ фиктивна въ продолженіи первыхъ пяти лѣтъ. Что же касается жильцовъ, не желавшихъ дорого платить за квартиру, они были замѣщены креатурами, которымъ были даны квартиры даромъ, и которыя подписывали все, что требовалъ Ларсонò. Въ этомъ заключалась двойная выгода: плата за квартиры увеличивалась, а вознагражденіе за экспропріацію жильцовъ до окончанія контракта шло въ карманъ Саккара. Мадамъ Сидони рѣшилась помогать своему брату, образуя въ одномъ изъ магазиновъ дома депо музыкальныхъ инструментовъ. Но въ этомъ случаѣ Ларсонò и Саккаръ хватили нѣсколько черезъ край: они устроили фальшивыя приходо-расходныя книги, поддѣлывали подписи, для того, чтобы торговля инструментами казалась значительныхъ размѣровъ.... Благодаря всѣмъ этимъ обстоятельствамъ, домъ сильно вздорожалъ и могъ быть оцѣненъ коммиссіей въ пятьсотъ тысячъ франковъ. Вся система экспропріаціи была крайне проста. Какъ только декретирована постройка новой улицы, чиновники ратуши образуютъ частичный планъ и оцѣниваютъ дома; для этого, они капитализируютъ общую сумму платы за квартиры, и такимъ образомъ могутъ дать приблизительную цифру. Коммиссія вознагражденія предлагаетъ всегда сумму меньшую оцѣнки, зная, что заинтересованныя лица будутъ требовать больше и что съ обѣихъ сторонъ будутъ уступки. Если нельзя поладить, дѣло переходитъ на рѣшеніе спеціальныхъ присяжныхъ.

Саккаръ, съ необыкновеннымъ цинизмомъ, хотѣлъ-было, чтобы его назначили оцѣнщикомъ, когда должно было разбираться дѣло бульвара Мальзербъ. Но потомъ онъ одумался, боясь этимъ потерять вліяніе на коммиссію вознагражденій. Онъ устроилъ такъ, что оцѣнщикомъ былъ назначенъ одинъ изъ его

товарищей, вкрадчивый и всегда улыбающійся молодой человѣкъ по фамиліи Мишеленъ, котораго жена,—женщина замѣчательной красоты,—являлась къ начальству извинять своего мужа, когда тотъ не являлся на службу. А бывалъ онъ боленъ очень часто. Саккаръ замѣтилъ, что мадамъ Мишеленъ, которая такъ скромно скользила по корридорамъ ратуши, была силой: Мишеленъ получалъ награду за каждую изъ болѣзней; онъ, такъ сказать, работалъ для своей карьеры, оставаясь въ постелѣ. Во время одной изъ такихъ болѣзней, Саккаръ встрѣтилъ его раза два на внѣшнихъ бульварахъ, курящаго сигару, съ тѣмъ же нѣжнымъ и восхищеннымъ видомъ, который никогда его не оставлялъ. Онъ почувствовалъ приливъ необыкновенной симпатіи къ этому милому молодому человѣку, столь ловкому и практичному. Онъ восторгался всѣми «машинами для выдѣлки пятифранковиковъ». Когда Мишеленъ былъ назначенъ оцѣнщикомъ, Саккаръ отправился къ его женѣ, хотѣлъ ей представить Ренэ, говорилъ ей о своемъ братѣ—знаменитомъ депутатѣ и будущемъ министрѣ. Мадамъ Мишеленъ поняла, и дѣло пошло какъ по маслу. Контракты, росписки въ уплатѣ денегъ за квартиры, приходорасходныя книги Сидони не разсмотрѣны были даже внѣшнимъ образомъ и домъ былъ оцѣненъ въ пятьсотъ тысячъ франковъ. Но Саккаръ все-таки не былъ совершенно покоенъ; онъ боялся обнаруженія подлога, онъ помнилъ слова Эжена: «не дѣлай крупнаго скандала, или я тебя уничтожу». Дѣло слѣдовательно сводилось на то, чтобы заручиться членами коммиссіи. Онъ остановился на двухъ вліятельныхъ членахъ, съ которыми былъ въ хорошихъ отношеніяхъ. Тридцать шесть членовъ муниципальнаго совѣта выбирались самимъ императоромъ, по представленію префекта, изъ сенаторовъ, депутатовъ, адвокатовъ, медиковъ, крупныхъ промышленниковъ, внушающихъ особенное довѣріе правительству. Но изъ всѣхъ ихъ, баронъ Гурò и г. Тутенъ-Ларошъ пользовались исключительною благосклонностью Тюильри.

Вся біографія барона Гурò заключалась въ слѣдующемъ: Наполеонъ I-й сдѣлалъ его барономъ, за подряды хлѣба для великой арміи; при Людовикѣ XVIII, Карлѣ X и Луи-Филиппѣ онъ былъ перомъ, наконецъ Наполеонъ III сдѣлалъ его сенаторомъ. Страшно толстый, съ бычачьей физіономіей, неуклюжій,—онъ продавался и производилъ самыя постыдныя вещи во имя долга и совѣсти. Онъ удивлялъ своими пороками даже Парижъ второй имперіи; объ немъ ходили такія исторіи, которыя можно было разсказывать только на ухо.

Тутенъ-Ларошъ,—высокій и худощавый, изобрѣтатель смѣси

сала и стеарина для фабрикаціи свѣчъ, мечталъ попасть въ сенатъ. Онъ сдѣлался другомъ барона Гурò, предчувствуя, что баронъ будетъ ему полезенъ. Онъ былъ очень практиченъ, и еслибы ему пришлось покупать сенаторское кресло, то онъ бы настойчиво торговался. Вторая имперія выдвигала на первый планъ это жадное ничтожество, этотъ жалкій мозгъ, владѣвшій геніемъ темныхъ спекуляцій. Онъ первый продалъ свое имя мошеннической компаніи, одному изъ тѣхъ обществъ, которыя выростали какъ ядовитые грибы на навозѣ второй имперіи. Тогда на стѣнахъ домовъ можно было видѣть афишу, прославляющую *Главное Общество марокскихъ портовъ*, и на которой имя Тутенъ-Лароша красовалось во главѣ списка членовъ наблюдательной коммиссіи. Эта система, которою впослѣдствіи стали злоупотреблять, производила тогда чудеса: акціонеры стекались во множествѣ, хотя вопросъ о марокскихъ портахъ былъ довольно теменъ и хотя люди, дававшіе деньги, сами хорошенько не могли объяснить, на что онѣ будутъ употреблены. Тутенъ-Ларошъ пріобрѣлъ себѣ репутацію замѣчательнаго администратора....

Саккаръ добылъ себѣ протекцію этихъ двухъ сановниковъ, сдѣлавъ имъ нѣсколько услугъ, которыхъ важности, казалось, не понималъ. Онъ не безъ основанія окружалъ себя предосторожностями. Когда дѣло касающееся его дома перешло въ коммиссію вознагражденій, случилось, что одинъ членъ коммиссіи жилъ по близости и отлично зналъ домъ. Этотъ членъ возсталъ противъ цифры въ пятьсотъ тысячъ; домъ по его мнѣнію, стоилъ менѣе половины. Въ этотъ день Тутенъ-Ларошъ, всегда крайне рѣзкій относительно своихъ товарищей, былъ еще болѣе не въ духѣ, чѣмъ обыкновенно. Онъ разозлился и заступился за собственниковъ.

— Мы всѣ собственники, господа, сказалъ онъ. Императоръ хочетъ великихъ дѣлъ; зачѣмъ же намъ придираться къ мелочамъ?... Этотъ домъ долженъ стоить пятьсотъ тысячъ, — вѣдь нашъ же чиновникъ оцѣнилъ его.

Баронъ Гурò, усѣвшись грузно на своемъ стулѣ, одобрительно кивалъ головой; но несмотря на это, согласіе не возстановлялось. Тогда Тутенъ-Ларошъ, схвативъ бумаги, сказалъ:

— Прекрасно. Мы изслѣдуемъ дѣло... Если позволите, я берусь за дѣло; баронъ Гурò произведетъ слѣдствіе вмѣстѣ со мной.

— Да, да, подтвердилъ серьезно баронъ, все нечистое должно быть изгнано изъ нашихъ рѣшеній!! Бумаги уже исчезли въ карманахъ Тутенъ-Лароша. Коммиссія согласилась. Баронъ Гу-

ро̀ и Тутенъ-Ларошъ вышли вмѣстѣ. Прощаясь, баронъ сказалъ:

— Ахъ да, я забылъ, что сейчасъ же отправляюсь въ деревню. Не будете ли вы такъ добры, сами произвести это маленькое слѣдствіе? Но ради Бога, не продавайте меня, эти господа и безъ того жалуются, что я слишкомъ часто отсутствую.

— Будьте покойны, я немедленно отправлюсь въ улицу Пепиньеръ.

Онъ спокойно отправился домой, восторгаясь тактомъ барона, который такъ мило разрѣшаетъ деликатныя положенія. Въ бумаги онъ даже не заглянулъ и на слѣдующемъ засѣданіи нагло объявилъ, что между предложеніемъ коммиссіи въ пятьсотъ тысячъ франковъ и требованіемъ собственника, которое доходитъ до семисотъ,—нужно остановиться на среднемъ числѣ, и дать шестьсотъ. Оппозиціи не послѣдовало никакой. Даже членъ, лично знавшій домъ, не пикнулъ, онъ добродушно объявилъ, что ошибся: онъ полагалъ, что дѣло касается сосѣдняго дома.

Такимъ образомъ Саккаръ одержалъ первую побѣду. Онъ учетверилъ свой первоначальный вкладъ и пріобрѣлъ двухъ соучастниковъ. Его безпокоило одно только обстоятельство. Когда онъ хотѣлъ уничтожить приходо-расходныя книги Сидони,—онѣ исчезли. Онъ побѣжалъ къ Ларсонѐ, который ему нагло сознался, что книги у него, и что онъ сохранитъ ихъ. Саккаръ не разсердился, онъ сказалъ только, что безпокоился за своего любезнаго друга, скомпрометтированнаго въ этомъ дѣлѣ гораздо болѣе, чѣмъ онъ: такъ какъ книги почти вполнѣ были написаны рукой Ларсонѐ; но, что онъ совершенно покоенъ, если книги находятся у него. Въ сущности, онъ бы съ наслажденіемъ задушилъ любезнаго друга: онъ помнилъ объ одномъ подложномъ листѣ, крайней важности, написанномъ вполнѣ рукой Саккара...

Ларсонѐ, которому Саккаръ хорошо заплатилъ, открылъ роскошный кабинетъ ходатая по дѣламъ въ улицѣ Риволи.

Саккаръ, оставивъ службу въ ратушѣ и имѣя возможность располагать значительнымъ капиталомъ, совершенно погрузился въ финансовыя спекуляціи, между тѣмъ какъ Ренэ, опьяненная свѣтскою жизнію, потерявъ сознаніе, наполняла Парижъ шумомъ своихъ экипажей, блескомъ алмазовъ, неслыханною роскошью...

V.

Сынокъ Артура Максимъ оставался въ плессанской коллегіи до каникулъ 1854-го года; тогда ему было тринадцать лѣтъ съ чѣмъ-то. Саккаръ рѣшился взять его въ Парижъ; онъ разсчитывалъ, что сынъ этого возраста окончательно установитъ его въ роли вторично женившагося вдовца, богатаго и солиднаго. Когда онъ сообщилъ свой проектъ Ренэ, относительно которой считалъ за честь быть крайне предупредительнымъ, она отвѣчала равнодушно:

— Пожалуй, выпишите мальчугана... Онъ разсѣетъ насъ немного. По утрамъ страшная скука.

Черезъ нѣсколько дней мальчуганъ явился. Онъ былъ большого роста, съ вызывающей и изнѣженной физіономіей дѣвчонки, съ бѣлокурыми волосами. Онъ имѣлъ ужасный видъ; волоса, скверно обстриженные, были у него до такой степени рѣдки, что уже просвѣчивала плѣшь. Въ слишкомъ короткихъ панталонахъ, въ толстыхъ башмакахъ, въ истертой жакеткѣ, онъ съ изумленіемъ осматривалъ залу, нисколько впрочемъ не стѣсняясь, съ дикимъ видомъ слишкомъ развитого физически ребенка.

Ренэ вошла. Она бросила шляпку и бѣлый бурнусъ, и явилась передъ Максимомъ, пораженнымъ восторгомъ, во всемъ блескѣ своего великолѣпнаго костюма. Максиму въ первую минуту показалось, что она переодѣта. На ней была восхитительная юбка голубаго фая съ широкими воланами, на которую было наброшено нѣчто напоминающее слегка мундиръ французской гвардіи изъ нѣжно-сѣрой шелковой матеріи. Фалды этой накидки, которой подкладка была изъ голубого фая, болѣе темнаго, чѣмъ фай юбки, были кокетливо собраны и поддерживаемы бантами изъ лентъ; украшенія плоскихъ рукавовъ, широкіе отвороты корсажа были отдѣланы такимъ же точно фаемъ. И для полноты костюма, какъ оригинальная выходка — большія пуговицы,—подражаніе сафару,—спускались въ два ряда до самаго низу. Все это было безъ всякаго вкуса, но въ то же время прелестно.

— Это мальчуганъ, что ли? спросила Ренэ лакея, бросивъ на Максима удивленный взглядъ. Максимъ сталъ глупо улыбаться.

— Какой онъ смѣшной! вскричала Ренэ... Но какой ужасъ! Какъ безобразно его остригли!... Послушай, дружокъ, твой отецъ пріѣдетъ только къ обѣду и я принуждена буду заняться то-

бой... Я ваша мачиха, милостивый государь. Хочешь меня поцѣловать?

— Хочу, отвѣчалъ развязно Максимъ, и онъ поцѣловалъ Ренэ въ щеку, взявъ ее за плечи. Ренэ смѣялась:

— Господи, какой онъ смѣшной, le petit tondu!... Мы будемъ друзьями, неправда ли? Я буду для тебя матерью. Объ этомъ я именно и думала, ожидая моего портного, который давалъ аудіенцію какой-то дамѣ, и говорила себѣ, что надо хорошенько подумать о твоемъ воспитаніи, не такъ ли? Максимъ продолжалъ смотрѣть на нее.

— Сколько вамъ лѣтъ? спросилъ онъ вдругъ.

— Ахъ, Боже мой! да развѣ дѣлаютъ подобные вопросы? отвѣчала Ренэ всплеснувъ руками. Несчастный, онъ этого еще не знаетъ... его всему надо учить. Къ счастію, что я могу еще сказать свои лѣта: мнѣ двадцать первый годъ.

— А мнѣ скоро будетъ четырнадцать... Вы могли бы быть моей сестрой...

Онъ остановился, но глаза говорили, что онъ ожидалъ встрѣтить вторую жену своего отца гораздо старше. Онъ стоялъ возлѣ нея и присматривался къ ея шеѣ съ такимъ вниманіемъ, что она почти покраснѣла. Но она не могла долго останавливаться на одной мысли, она стала ходить по комнатѣ, думая о своемъ портномъ и забывая, что говоритъ съ ребенкомъ.

— Жаль, что ты меня не засталъ дома... Но представь себѣ, что сегодня утромъ Вормсъ принесъ мнѣ костюмъ... Я примѣряю и нахожу, что со вкусомъ... У него много шику, неправда ли?

Она стала передъ зеркаломъ. Максимъ ходилъ вокругъ нея и тщательно осматривалъ костюмъ.

— Я только нашла, продолжала она, что тутъ, вотъ на лѣвомъ плечѣ, есть складка... Это выходило безобразно... Ну, я и не выдержала: я приказала подать карету, и отправилась сдѣлать выговоръ Вормсу за его невѣроятное легкомысліе... Онъ обѣщалъ исправить.

Ренэ продолжала осматривать себя въ зеркало.

— Какъ будто чего-то недостаетъ... не правда ли?

Потомъ, быстро повернувшись къ Максиму, она спросила его:

— Какъ ты находишь?... Не думаешь ли ты, что чего-то недостаетъ, бездѣлицы, бантика, что ли? Мальчишка совсѣмъ оправился. Онъ отступилъ на нѣсколько шаговъ, потомъ опять подошелъ, прищуривая глаза и говоря:

— Нѣтъ, нѣтъ.... это очень хорошо; я думаю даже, что какъ будто есть что-то лишнее.

Онъ покраснѣлъ, несмотря на свою смѣлость и приблизившись, пальцемъ назначилъ острый уголъ на корсажѣ Ренэ.

— На вашемъ мѣстѣ, видите ли, продолжалъ онъ, я бы сдѣлалъ такую вырѣзку въ этомъ кружевѣ и иовѣсилъ бы на шею большой крестъ.

Она захлопала руками.

— Ну да, ну да... кричала она. Большой крестъ у меня вертѣлся на языкѣ.

Она устранила шемизетку; на секунду исчезла и возвратилась съ крестомъ.

— Вотъ это такъ, сказала Ренэ. Совсѣмъ, какъ слѣдуетъ. Какой ты милый! Рѣшительно мы будемъ друзьями. Но меня нужно слушать. И, во-первыхъ, тебѣ необходимо отростить волоса и оставить эту безобразную жакетку. Потомъ, ты будешь вѣрно исполнять мои уроки, какъ нужно себя вести; я хочу, чтобы ты былъ приличнымъ молодымъ человѣкомъ.

— Это правда, отвѣчалъ наивно Максимъ; папа вѣдь теперь богатъ, а вы его жена...

Таково было первое свиданіе. Максимъ сталъ ходить въ коллегію только черезъ мѣсяцъ. Въ первые дни, Ренэ играла съ нимъ какъ съ куклой. Когда онъ явился въ новомъ платьѣ, она вскрикнула отъ пріятнаго удивленія: это былъ настоящая душка, какъ она выразилась. Только волоса его росли какъ-то особенно медленно. Ренэ говорила, что все выраженіе лица сосредоточивается на волосахъ, поэтому она особенно тщательно ухаживала за своей шевелюрой. Долгое время она бѣсилась на цвѣтъ своихъ волосъ, тотъ особенный цвѣтъ нѣжно-желтый, который напоминаетъ цвѣтъ свѣжаго парижскаго масла. Но когда наступила мода желтыхъ волосъ—она была въ восторгѣ и всѣмъ клялась, что разъ въ мѣсяцъ прилежно краситъ свои волоса.

Максимъ принадлежалъ къ тѣмъ слабымъ натурамъ, которыя чрезвычайно рано развиваются физически. Порокъ явился въ немъ даже раньше возбужденія; два раза его чуть не выгнали изъ коллегіи за неприличныя продѣлки. Онъ много занимался собой, несмотря на своихъ товарищей, которые его преслѣдовали и презрительно обзывали «дѣвчонкой». Ренэ потѣшалась его шалостями; онъ дѣйствительно былъ очень курьозенъ, смѣлъ, говорилъ о женщинахъ съ цинической улыбкой, ссорился съ подругами Ренэ: съ милой Аделиной, вышедшей замужъ за г. д'Эспанэ, и съ толстой Сюзанной, повѣнчавшейся недавно съ г. Афнеромъ, крупнымъ фабрикантомъ. Лѣтъ въ четырнадцать,

Максимъ даже влюбился въ Сюзанну и повѣрилъ свою тайну Ренэ, которая ужасно этимъ потѣшалась.

— На твоемъ мѣстѣ, говорила она, я бы выбрала Аделину,— она гораздо красивѣе.

— Можетъ быть, отвѣчалъ мальчуганъ, но за то Сюзанна полна... Я люблю полныхъ женщинъ. Какая бы ты была милая, мамаша, еслибы замолвила ей словечко обо мнѣ!

Ренэ хохотала... Къ тому же, эти дамы поощряли Максима своимъ хихиканьемъ, двусмысленными намеками, кокетливыми позами. Онъ сдѣлался для нихъ забавой; не мудрено поэтому, что полюбивъ женское общество, юбки, какъ онъ выражался, онъ сдѣлался очень силенъ по части ухаживанія. Въ семнадцать лѣтъ не было модистки, которой бы онъ тщательно не изучилъ, не было сапожника, котораго искусство онъ бы не изслѣдовалъ. Этотъ странный уродецъ, который во время урока англійскаго языка внимательно читалъ рекламы, присылаемыя ему еженедѣльно его парикмахеромъ, могъ бы защитить блестящую диссертацію о парижскомъ бомондѣ...

Но любимѣйшимъ его дѣломъ было сопровождать Ренэ къ знаменитому Вормсу,— геніальному дамскому портному, передъ которымъ всѣ женскія свѣтила второй имперіи покорно преклонялись. Максимъ вступалъ въ залу этого великаго человѣка съ религіознымъ душевнымъ волненіемъ. Въ этой четвероугольной громадной залѣ, украшенной широкими, мягкими диванами, господствовалъ удушающій запахъ пудры и духовъ. Частенько, Ренэ и Максимъ принуждены были ждать выхода великаго художника по два, по три часа. Тутъ же находились штукъ двадцать другихъ дамъ, дожидающихся своей очереди; онѣ обмакивали бисквиты въ мадерѣ и закусывали сладкими пирожками. Эти дамы были точно у себя дома, и свободно болтали. Максимъ, котораго онѣ терпѣли и даже любили за его женственную натуру, былъ единственный мужчина, который могъ тутъ находиться. Онъ катался какъ сыръ въ маслѣ...

Потомъ, когда великій Вормсъ приглашалъ наконецъ Ренэ, Максимъ слѣдовалъ за ней въ кабинетъ. Обыкновенно, великій художникъ приглашалъ Ренэ стать передъ зеркаломъ, которое занимало всю стѣну кабинета, сосредоточивался, и насупивъ брови, изучалъ ее, между тѣмъ, какъ Ренэ, взволнованная, удерживала дыханіе и не трогалась съ мѣста. Потомъ, минутъ черезъ нѣсколько, подъ вліяніемъ вдохновенія художникъ описывалъ отрывочными фразами великое произведеніе искусства, котораго концепція возникла въ его умѣ:

— Платье Монтеспанъ изъ пепельнаго фая... скульптурный

шлейфъ... Впереди: округленная баска... большіе банты сѣраго шолка, поддерживающіе ее по бокамъ... наконецъ, передникъ, обдѣланный тюлемъ жемчужно-матоваго цвѣта...

Потомъ онъ снова погружался въ свои думы, точно спускался въ самую глубь своего генія, и заканчивалъ, торжественно улыбаясь:

— Мы помѣстимъ въ волосахъ, на эту прелестную головку, мотыльки Психеи...

Но случалось также, что вдохновеніе не являлось. Знаменитый Вормсъ напрасно вызывалъ его, напрасно сосредоточивалъ весь свой геній; онъ мучилъ свои брови, мѣнялся въ лицѣ, схватывалъ руками свою голову, потомъ, бросаясь на кресло, говорилъ глухимъ голосомъ:

— Нѣтъ, нѣтъ... не сегодня... невозможно... Эти дамы злоупотребляютъ мною... вдохновеніе улетѣло.

И выпроваживая Ренэ за двери, повторялъ:

— Невозможно, невозможно, chère dame, вы пожалуете въ другое время... Сегодня я не чувствую, не ощущаю васъ...

VI.

Аристидъ Саккаръ предоставилъ полную свободу своимъ дѣтямъ, какъ онъ называлъ Ренэ и Максима; онъ отыскалъ наконецъ свою среду. Оказалось, что по призванію онъ спекулянтъ, распорядитель милліоновъ. Послѣ мастерского дѣла улицы Пепиньеръ, онъ смѣло бросился въ борьбу, въ погоню за деньгами. Сперва онъ дѣйствовалъ навѣрняка, повторяя свое первое дѣло, покупая домá, которые были назначены къ разрушенію, и употребляя своихъ друзей для полученія громадныхъ вознагражденій за экспропріаціи. Было время, когда онъ имѣлъ пять или шесть домовъ. Но все это было только младенчествомъ искусства; онъ убѣдился, что игра не стóитъ свѣчъ, и что во всякомъ случаѣ не нужно имѣть большого генія, чтобы пускать въ ходъ контракты, интриговать съ жильцами, воровать казну и частныхъ лицъ. Онъ занялся болѣе сложными дѣлами. Саккаръ сперва придумалъ покупку домовъ для города, на имя частныхъ лицъ. Дѣло въ томъ, что государственный совѣтъ поставилъ администрацію города въ затруднительное положеніе. Городъ купилъ значительное количество домовъ, надѣясь выждать окончанія контрактовъ съ жильцами и потомъ очистить квартиры безъ вознагражденія жильцамъ. Но эти пріобрѣтенія были зачтены государственнымъ совѣтомъ, какъ настоящія экспропріаціи, и городъ принужденъ

рѣка съ неизвѣстными источниками, которая вытекала изъ его кабинета, удивляла зѣвакъ и сдѣлала изъ него, на извѣстное время, выдающуюся личность, которой газеты приписывали всѣ биржевыя остроты.

Съ такимъ мужемъ Ренэ пользовалась полнѣйшей свободой; она цѣлыми недѣлями не видѣла его. Къ тому же, онъ былъ безупреченъ: его касса была всегда къ ея услугамъ; она его полюбила, какъ предупредительнаго банкира. Когда она бывала у своего отца, она восторгалась имъ. Ея презрѣніе исчезло какъ дымъ; этотъ человѣкъ казался до такой степени убѣжденнымъ, что жизнь не болѣе какъ коммерческое предпріятіе, онъ такъ очевидно былъ рожденъ для дѣланія денегъ изъ всего, что̀ ему попадалось подъ руки: изъ женщинъ, дѣтей, мостовой, чести, мусора, совѣсти, что она не могла упрекать его за торгъ бракомъ. На свою жену онъ смотрѣлъ, какъ на одинъ изъ тѣхъ красивыхъ домовъ, которыми онъ гордился и которые ему доставляли большой доходъ. Онъ хотѣлъ, чтобы она хорошо одѣвалась, чтобы кружила голову всему Парижу. Она, такъ сказать, не сознавая была его компаньономъ. Новый экипажъ, платье въ двѣ тысячи экю, любезность относительно какого-либо сановника рѣшали очень часто самыя запутанныя дѣла. Случалось иногда, что онъ посылалъ ее къ министру или другому вліятельному лицу съ какой-нибудь просьбой. Онъ говорилъ: «будь только умница», но тономъ, исключительно ему принадлежащимъ, въ одно и то же время ласкающимъ и насмѣшливымъ. Когда она возвращалась, съ успѣхомъ, онъ потиралъ себѣ руки, повторяя: «вотъ ты и была умницей». Онъ былъ слишкомъ дѣятеленъ, чтобы желать сдѣлать изъ своей жены какую-нибудь мадамъ Мишеленъ; онъ просто любилъ сальныя шутки, скабрёзныя предположенія. Къ тому же, еслибы Ренэ не была «умницей», его бы бѣсила только мысль, что онъ въ дѣйствительности принужденъ былъ заплатить услугу министра или вліятельнаго чиновника. Надувать другихъ, давать имъ меньше, чѣмъ они давали,—было для него наслажденіемъ. Онъ часто говаривалъ: «если бы я былъ женщиной, я бы можетъ быть продавался, но никогда не исполнялъ бы торга, — это слишкомъ глупо».

Ренэ все болѣе и болѣе входила во вкусъ нравовъ второй имперіи. Брошенная на произволъ судьбы въ этотъ міръ разврата, оставленная броженію собственнаго воображенія, пользуясь безгранично деньгами, ободряемая въ своихъ выходкахъ, она отдалась потоку, уносящему ее въ этотъ омутъ, сначала съ возмущеніями совѣсти, потомъ ея природная честность выдох-

лась, толкаемая впередъ ненасытной потребностію знать и ощущать. Она охотно въ полголоса болтала о нѣжной дружбѣ Сюзанны Афнеръ съ Аделиной д'Эспанэ, о щекотливомъ ремеслѣ г-жи Ловерансъ, о поцѣлуяхъ по prix-fixe графини Ванской; но на все это она смотрѣла вначалѣ издали, съ неопредѣлившимся желаніемъ, можетъ быть, вкусить этихъ запрещенныхъ плодовъ, и это несознаваемое желаніе еще больше разстраивало ея нервы и ея впечатлительность... Ея первые любовники не особенно баловали ее; раза три она себя увѣрила, что находится подъ господствомъ великой страсти; любовь вспыхивала въ ея головѣ какъ петарда, которой искры не долетали до ея сердца. Но эти страсти не длились больше мѣсяца; она дѣлала безумства, афишировалась; потомъ въ одно прекрасное утро чувствовала невыразимую скуку, безграничную пустоту. Первый любовникъ, молодой герцогъ де-Розанъ былъ не болѣе какъ пріятнымъ завтракомъ. Ренэ замѣтила его мягкость и изысканное приличіе, но въ tête à tête онъ оказался пустымъ, безцвѣтнымъ, скучнымъ. Мистеръ Симпсонъ, служившій при американскомъ посольствѣ, чуть-чуть не дрался съ нею и, благодаря этому обстоятельству, остался ея любовникомъ почти годъ. Потомъ, она сошлась съ графомъ де-Шибрэ, адъютантомъ императора, красивымъ и тщеславнымъ молодымъ человѣкомъ, который ей невыносимо сталъ надоѣдать; къ счастію герцогиня Стерннхо влюбилась въ него... Такимъ образомъ, она дошла до г. де-Мюсси, существа ничтожнѣйшаго въ мірѣ... На двадцать восьмомъ году жизни она чувствовала уже страшную нравственную усталость...

Въ это время сталъ взрослымъ и Максимъ. Теперь это былъ красивый молодой человѣкъ, съ розовыми щеками и голубыми дѣтскими глазами. Его завитые волосы придавали ему видъ «кокотки», восхищавшій этихъ дамъ. Раса Ругоновъ выдыхалась въ немъ, дѣлалась черезъ-чуръ порочной и слишкомъ изнѣженной. Эта раса жила слишкомъ быстро; она уже погибала въ этомъ слабомъ существѣ, съ неопредѣлившимся поломъ; въ немъ ни тѣни не было той твердой воли, того алчнаго стремленія къ деньгамъ, которыя составляли характеристическую черту Саккара; Максимъ былъ какимъ-то гермафродитомъ, кстати явившимся въ гніющемъ обществѣ. Въ двадцать лѣтъ онъ былъ человѣкомъ испорченнымъ до мозга костей. Порокъ у него не былъ пропастію, какъ у нѣкоторыхъ стариковъ, но естественнымъ и внѣшнимъ цвѣткомъ. Этотъ порокъ игралъ его бѣлокурыми волосами, улыбался на его лицѣ, проскальзывалъ во всемъ его существѣ. Но въ особенности характерны были его глаза:

безконечно доить. Онъ имѣлъ особенную манеру высчитывать свои богатства, манеру, которая производила какой-то хаосъ въ умѣ слушателей и мѣшала имъ ясно сознавать, что они слышатъ. Въ сущности, неизвѣстно было, имѣетъ ли онъ какой-либо капиталъ, или нѣтъ. Его различные компаньоны объясняли себѣ его колоссальное состояніе удивительнымъ счастіемъ въ другихъ предпріятіяхъ, которыя были имъ извѣстны только по наслышкѣ. Онъ истрачивалъ огромныя суммы, и никто не замѣчалъ, чтобы его касса исчерпывалась...

При этихъ обстоятельствахъ состояніе Ренэ окончательно погибло. Сперва она хотѣла сама вести свои дѣла, но вскорѣ это ей надоѣло. Потомъ, надѣлавъ долговъ, она стала прибѣгать къ Саккару, занимала у него деньги, отдавалась въ его распоряженіе. Когда они переѣхали въ паркъ Монсо,—изъ всего состоянія у нея почти ничего не оставалось. Саккаръ платилъ ей ренту въ сто тысячъ франковъ; продалъ ея земли, чтобы помѣстить деньги, какъ онъ говорилъ, въ прекраснѣйшее предпріятіе. У Ренэ осталась только земля въ Шаропъ, которую она не хотѣла продать, боясь опечалить свою тетку...

VII.

Однажды вечеромъ Ренэ созналась Максиму, что сгараетъ желаніемъ отправиться на балъ-маскарадъ, который устраиваетъ Бланшъ Мюллеръ, знаменитая актриса, своимъ театральнымъ подругамъ и царицамъ полу-свѣта. Это желаніе удивило и затруднило даже Максима, который не отличался особенной щепетильностью. По этому поводу онъ вздумалъ даже читать мораль своей мачихѣ: развѣ на этомъ балу она будетъ на своемъ мѣстѣ? къ тому же, она не увидитъ тамъ ничего интереснаго; и наконецъ, что́, если ее узнаютъ? Но Ренэ ничего не хотѣла знать, и Максимъ принужденъ былъ согласиться.

На другой день вечеромъ, поручивъ своей горничной ждать ее, она съ нѣкоторымъ внутреннимъ трепетомъ спустилась въ паркъ Монсо. Саккаръ воспользовался своими пріятельскими сношеніями съ ратушей и получилъ, благодаря этому обстоятельству, ключъ маленькой калитки парка... Ренэ, въ темнотѣ, чуть не заблудилась и сперва не могла отыскать фіакръ, въ которомъ долженъ былъ ждать ее Максимъ. Вся взволнованная, она вскочила въ карету. Максимъ курилъ и молчалъ.

— Что съ тобой? спросила она его.

— Мнѣ холодно.

— Какъ! тебѣ холодно? А я вся горю; мнѣ кажется, что здѣсь ужасно душно... Покрой свои колѣни моими юбками.

— Ну, отвѣчалъ онъ, твои юбки надоѣли мнѣ хуже горькой рѣдьки!

Онъ самъ расхохотался своей выходкѣ и мало-по-малу развеселился. Они стали оживленно болтать. Фіакръ быстро мчался по бульварамъ. По временамъ, огонь сигары, оживляясь, освѣщалъ краснымъ свѣтомъ лицо Ренэ. Она была удивительно хороша.

— У-у...говорилъ Максимъ, ты кажется сегодня собираешься побѣждать, милая мамаша. Нужно будетъ смотрѣть за тобой въ оба...

У дома, гдѣ жила Бланшъ Мюллеръ, было еще очень мало каретъ. Максимъ предложилъ проѣхаться по бульварамъ, подождать еще съ часъ; но Ренэ, которой любопытство было сильно возбуждено, объявила ему рѣшительно, что войдетъ одна, если онъ заупрямится. Дѣлать было нечего, — они вошли. Ренэ надѣла маску. Народу было уже довольно много; подъ руку съ Максимомъ, Ренэ шмыгала по всѣмъ комнатамъ, заглядывала подъ портьеры, осматривала мебель. Потомъ, утвердивъ въ памяти всѣ подробности, она обратила свое вниманіе на гостей. Что касается мужчинъ, то всѣ они были ей знакомы; это, по большей части, были тѣже финансисты, политики, молодые франты, которые являлись на ея четверги. По временамъ ей казалось, что она находится въ своей гостинной, глядя на группу улыбающихся фраковъ, которые наканунѣ у нее точно также улыбались, болтая о маркизѣ д'Эспанэ, или бѣлокурой г-жѣ Афнеръ. Когда она обратила свое вниманіе на женщинъ,—иллюзія также не совсѣмъ исчезла. Лаура д'Ориньи была вся въ желтомъ, какъ и Сюзанна Афнеръ, а Бланшъ Мюллеръ, какъ и Аделина д'Эспанэ, имѣла бѣлое платье, которое ее декольтировало до половины спины... Наконецъ, они усѣлись. Максимъ зѣвалъ отъ скуки, а Ренэ спрашивала его имена этихъ дамъ, пристально разсматривая ихъ уборы и мысленно высчитывая количество кружевъ, которыми онѣ щеголяли. Замѣтивъ, что она погрузилась въ свои глубокомысленныя изслѣдованія, Максимъ всталъ и пошелъ на встрѣчу Лаурѣ д'Ориньи, которая звала его рукой. Лаура пошутила надъ нимъ и заставила его дать слово, что къ часу ночи онъ пріѣдетъ въ Café anglais.

— Тамъ будетъ твой отецъ, закричала она въ то время, какъ Максимъ подходилъ къ Ренэ. Г. де-Сафрэ, молодой франтъ, пользуясь свободнымъ мѣстомъ, которое оставилъ Максимъ, проскользнулъ черезъ толпу, сѣлъ рядомъ съ Ренэ и сталъ отпу-

скать ей кучерскія нѣжности. Потомъ поднялся ужасный гвалтъ, крики, шумъ, хохотъ. Ренэ не выдержала и увлекла Максима, говоря:

— Уйдемъ отсюда; все это слишкомъ глупо...

Но не возвращаться же такъ рано домой! Они отправились поужинать въ Café Riche.

— Шарль, сказалъ Максимъ входя, вы намъ будете служить, неправда ли? Дайте намъ бѣлый кабинетъ.

Войдя, Ренэ съ любопытствомъ стала осматривать комнату, которая напоминала будуаръ модной барыни. Кромѣ креселъ и стола, въ кабинетѣ находился широкій диванъ, между окномъ и каминомъ. Осмотрѣвъ комнату, она подошла къ окну и, облокотившись, стала смотрѣть на бульваръ. Максимъ сдѣлалъ то же. Шарль входилъ и выходилъ, стуча посудой и приготовляя ужинъ. Еще не было поздно, и казалось, что весь Парижъ высыпалъ на бульвары. Максимъ показалъ Ренэ напротивъ Café anglais, котораго окна были ярко освѣщены. Вѣтви деревьевъ мѣшали имъ нѣсколько видѣть, они наклонились и стали смотрѣть внизъ. Внизу—толпа шумѣла; гуляющіе проходили цѣлыми группами. Подъ самымъ окномъ, передъ Café Riche, разставлены были желѣзные столики и стулья; около столиковъ тѣснились женщины, мужчины,—болтали, хохотали, шумѣли...

Ренэ была сильно возбуждена, новость положенія и странность роли, которую она играла, не давали ей успокоиться. Она съ удовольствіемъ принялась проглатывать устрицы. У Максима не было аппетита; онъ смотрѣлъ на нее улыбаясь.

— Не въ духѣ, что ли ты? спросилъ онъ ее вдругъ. Ужъ не сказалъ ли тебѣ г. Сафрэ чего-нибудь непріятнаго.

— Онъ просто дуракъ, отвѣчала Ренэ. Я никогда не думала, чтобы господинъ, такой приличный и вѣжливый въ моемъ домѣ, выражался такимъ образомъ... Но я ему прощаю. Меня злятъ женщины; право, слушая ихъ, мнѣ казалось, что это торговки, пуасардки. Просто изъ рукъ вонъ что такое... Нѣтъ, продолжала она, я васъ, господа мужчины, рѣшительно не понимаю; онѣ такъ грязны и глупы... Выносить невозможно. Когда ты отправлялся къ своей Сильвіи, я воображала себѣ совсѣмъ не то: я представляла себѣ античные пиры, вакханокъ, украшенныхъ розовыми вѣнками, золотыя чаши, сцены чрезвычайнаго сладострастія... Какъ бы не такъ! Вмѣсто всего этого ты показалъ мнѣ грязную уборную комнату и женщинъ, которыя ругаются, какъ извощики. Изъ-за этого, право, не стóитъ развратничать...

Максимъ хотѣлъ возражать, но она продолжала:

— Развратъ, мой милый, долженъ быть вещью, выходящею

изъ ряда... Я, честная женщина, когда отъ скуки даю волю своему воображенію,—будь увѣренъ,—придумываю вещи гораздо болѣе красивыя, чѣмъ всѣ ваши Бланшъ Мюллеръ...

И она заключила слѣдующей наивно-цинической фразой:

— Тутъ вся разница въ воспитаніи, понимаешь?

Максимъ сталъ возражать; бесѣда оживилась; они начали болтать, смѣяться. Максимъ закурилъ сигару; Ренэ исподоволь попивала кофе и даже позволила себѣ рюмку шартрёза. Въ комнатѣ стало жарко; она наполнилась дымомъ... Потомъ, Ренэ встала и подошла къ зеркалу, которое было испещрено надписями «дамъ». Она съ трудомъ разбирала эти каракульки, хохотала, снова принималась читать, какъ школьникъ, который перелистываетъ сальную книжку...

— «Эрнестъ и Клара», читала она.... внизу нарисовано сердце... А, вотъ это получше: «Я люблю мужчинъ, потому что обожаю трюфели»; подписано: Лаура. Ужъ не д'Ориньи ли это написала, а?.. А вотъ кажется и гербъ одной изъ этихъ дамъ: курица, курящая толстую трубку... И все имена: Викторъ, Амели, Александръ, Эдуардъ, Маргарита, Пакита, Луиза, Ренэ... Вотъ тебѣ на: есть такая, которая называется какъ и я.

Максимъ видѣлъ въ зеркалѣ ея пылающее лицо. Она встала наципочки, ея домино откинулось назадъ. Максимъ всталъ и бросилъ сигару. Ему было не по себѣ...

— А, вотъ и твое имя, Максимъ, продолжала Ренэ... Слушай: «я люблю»...

Онъ сѣлъ на конецъ дивана, почти у ногъ Ренэ. Быстрымъ движеніемъ онъ схватилъ ея руки и отвелъ отъ зеркала, говоря страннымъ голосомъ:

— Пожалуйста, не читай этого...

Она боролась, нервно смѣясь...

— Почему? развѣ я не знаю твоихъ тайнъ?

Но онъ настаивалъ глухимъ голосомъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, не сегодня...

На другой день Ренэ проснулась поздно. Она приказала сдѣлать въ каминѣ большой огонь и объявила, что весь день просидитъ у себя въ комнатѣ: въ критическія минуты, она всегда прибѣгала къ этому средству. Въ полдень Саккаръ прислалъ спросить: можетъ ли онъ войти къ ней? Она хотѣла - было отвѣчать отрицательно, но потомъ согласилась принять Саккара: она вспомнила, что наканунѣ вручила Саккару счетъ Вормса въ сто тридцать шесть тысячъ франковъ, — цифра нѣсколько крупная; по всей вѣроятности, Саккаръ изъ предупре-

дительности хотѣлъ лично сообщить ей, что Вормсъ получилъ уже свои деньги.

Саккаръ рѣдко входилъ въ комнату Ренэ. На этотъ разъ глаза его были красны, лицо блѣдное, измятое,—точно онъ не спалъ цѣлую ночь.

— Вы больны? спросилъ онъ, садясь по другую сторону камина. Мигрень?... Извините, что я являюсь съ дѣловой чепухой, но дѣло довольно серьезно...

Онъ вынулъ изъ кармана счетъ Вормса.

— Вчера я увидѣлъ этотъ счетъ на своемъ бюрó; мнѣ очень жаль, но въ настоящую минуту я рѣшительно не могу уплатить по этому счету.

Онъ посмотрѣлъ изъ-подлобья. Она, казалось, была удивлена. Онъ продолжалъ, улыбаясь:

— Вы знаете, что я не имѣю привычки вмѣшиваться въ ваши дѣла; хотя, признаться, нѣкоторыя подробности счета удивили меня. Такъ, напр., на второй страницѣ, я вижу: «бальное платье: 70 фр., фасонъ — 600 фр., взятыя въ долгъ деньги: 5000 фр., вода доктора Пьера — 6 фр... Но вы знаете, что я понимаю всѣ слабости. По счету приходится уплатить сто тридцать шесть тысячъ, и вы были экономны... конечно, относительно говоря... Но дѣло въ томъ, что теперь я не могу заплатить по этому счету...

— Хорошо, отвѣчала она сухо. Отдайте счетъ, я подумаю...

— Я вижу, что вы мнѣ не вѣрите... Я не говорю, что мое положеніе опасно, но въ настоящую минуту дѣла идутъ скверно. Позвольте мнѣ объяснить вамъ все дѣло: вы мнѣ довѣрили ваше состояніе, и я обязанъ быть вполнѣ откровененъ.

И онъ началъ объяснять ей свои финансовыя дѣла необыкновенно подробно и точно, приводя цифры, подводя итоги, разсказывая плутни...

— Да вѣдь я не прошу у васъ ничего, отвѣчала наконецъ Ренэ... Я знаю, что по уши у васъ въ долгу...

— Ахъ, что это вы говорите, вскричалъ Саккаръ, взявъ жену за руку. Дѣло просто въ томъ, что въ послѣднее время я былъ несчастливъ на биржѣ, Тутенъ-Ларошъ надѣлалъ глупостей; Миньонъ и Шарье—болваны, которые запутываютъ меня. И вотъ почему я не могу заплатить по вашему счету.

Онъ казался дѣйствительно взволнованнымъ; онъ нервно игралъ каминными щипцами, повертывая бревна и оживляя огонь. Ренэ припомнила безпокойство, обнаруживаемое Саккаромъ съ нѣкотораго времени; но она не въ состояніи была проникнуть во всю глубину истины. Саккаръ былъ въ жалкомъ положеніи.

Онъ жилъ въ домѣ, который стоилъ два милліона, роскошь его обстановки превышала всякое вѣроятіе, а между тѣмъ случались дни, когда въ карманѣ у него не было и тысячи франковъ. Своихъ издержекъ онъ не сокращалъ. Онъ жилъ долгомъ, среди толпы кредиторовъ, которые поглощали каждый день страшныя деньги, получаемыя имъ съ разныхъ спекуляцій. Въ это же время подъ его ногами падали цѣлыя общества, образовывались новыя пропасти, черезъ которыя онъ скакалъ, не будучи въ состояніи наполнить ихъ. Такимъ образомъ, онъ находился въ постоянномъ кризисѣ, уплачивая счеты въ пятьдесятъ тысячъ франковъ, и задерживая жалованье кучера...

— Но, перебила его вдругъ Ренэ, вѣдь переговоры о моей землѣ Шаронъ идутъ хорошо? Вы мнѣ еще на-дняхъ говорили, операція превосходна.... Можетъ быть Ларсонó и дастъ мнѣ эти деньги подъ залогъ земли...

Саккаръ съ нѣкотораго времени оставилъ щипцы. Онъ снова быстро ихъ схватилъ, нагнулся и почти исчезъ въ каминѣ. Ренэ слышала только, какъ онъ проговорилъ торопливо:

— Да, да, Ларсонó, можетъ быть...

Онъ ее привелъ наконецъ къ тому, чего хотѣлъ съ начала разговора. Въ продолженіи двухъ лѣтъ онъ приготовлялъ геніальную операцію. Ренэ ни за что не хотѣла рисковать землей тетки; она поклялась мадамъ Обертò сохранить ее въ цѣлости для ребенка, если она сдѣлается матерью. Передъ этимъ упорствомъ воображеніе Саккара воспламенилось и онъ настряпалъ цѣлую поэму. Это было произведеніе самаго тонкаго надувательства, жертвой котораго должны были быть: администрація города, правительство, жена и даже Ларсонó. Онъ не говорилъ никогда о продажѣ земли, но постоянно возмущался глупостью оставлять землю непроизводительною. Ренэ, по уши въ долгахъ, примирилась наконецъ съ идеей какой-нибудь спекуляціи. Саккаръ основалъ все дѣло на увѣренности близкой экспропріаціи, для проведенія бульвара принца Евгенія, котораго планъ не былъ еще точно опредѣленъ. Тогда онъ привелъ Ларсонó и заключилъ съ женой слѣдующее условіе: она приносила въ компанію землю, оцѣненную въ пятьсотъ тысячъ; съ своей стороны Ларсонó обязывался на такую же сумму выстроить на этой землѣ café-concert съ большимъ садомъ, гдѣ будутъ всякаго рода увеселенія...

Ренэ, видя, что ея мужъ не вылѣзаетъ изъ камина, продолжала:

— Я отправлюсь сегодня къ Ларсонó. Это единственное средство.

— Это уже сдѣлано, отвѣчалъ Саккаръ. Развѣ я не ста-

раюсь предупредить всѣ ваши желанія? Вчера вечеромъ я говорилъ съ Ларсонó.

— Ну, что-жъ? обѣщалъ онъ сто тридцать шесть тысячъ?

— Не совсѣмъ. Онъ обѣщалъ найти пятьдесятъ тысячъ. Задатокъ хорошій... Но онъ не хочетъ связывать этотъ заемъ съ нашей спекуляціей по части шаронской земли. Онъ только посредникъ, понимаете? Лицо, которое даетъ деньги, требуетъ громадныхъ процентовъ. Оно хочетъ вексель въ восемьдесятъ тысячъ, на шесть мѣсяцевъ.

— Восемьдесятъ тысячъ! Но это просто воровство! Неужели же вы мнѣ совѣтуете подобную глупость?

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ рѣшительно. Но если вамъ необходимы деньги, — я не запрещаю вамъ.

Онъ всталъ чтобы уйти. Ренэ, въ нерѣшительности, смотрѣла на своего мужа.

— Ужъ эти мнѣ дѣла! сказала она; у меня отъ нихъ голова болитъ. Что же дѣлать? Я подпишу вексель... Ужъ если дѣлать глупость, такъ дѣлать не размышляя.

Она хотѣла послать за вексельной бумагой; но Саккаръ и тутъ ей услужилъ. По всей вѣроятности, бумага была у него въ карманѣ, потому что его отсутствіе длилось не болѣе двухъ минутъ. Въ то время какъ она писала, онъ смотрѣлъ на нее жадными глазами. Когда Ренэ вручила ему вексель, прося скорѣе окончить это дѣло, онъ продолжалъ на нее смотрѣть.

— Вы удивительно хороши сегодня, прошепталъ онъ.

И въ то время, какъ она нагнулась оттолкнуть столикъ, онъ вдругъ поцѣловалъ ее въ плечо. Ренэ невольно вскрикнула.

VIII.

Поцѣлуй не выходилъ изъ головы Саккара. Онъ давнымъ-давно прервалъ съ женой всякую связь. Этотъ разрывъ явился естественно, такъ какъ ни жена, ни мужъ не хотѣли себя стѣснять. Если Саккаръ вздумалъ возобновить прежнія отношенія, то было очевидно, что супружескія нѣжности должны были принести ему порядочный доходъ.

Спекуляція подвигалась успѣшно, хотя онъ не совсѣмъ былъ ласенъ насчетъ развязки.

Улыбки Ларсонó не нравились ему. Ларсонó былъ только посредникомъ и получалъ за это десять процентовъ съ будущихъ доходовъ. Но хотя онъ не внесъ ни одной копѣйки и хотя Саккаръ, положивъ капиталъ на постройку café-concert, окру-

жилъ себя всякаго рода предосторожностями, — онъ все-таки сильно побаивался Ларсонó. Онъ чувствовалъ у своего компаньона намѣреніе поприжать его въ данную минуту, благодаря подложной приходо-расходной книгѣ, которую Ларсонѐ сохранялъ какъ зеницу ока.

Не мудрено поэтому, что оба плута самымъ нѣжнымъ образомъ жали себѣ руки. Ларсонó называлъ Саккара: своимъ «геніальнымъ другомъ»; онъ дѣйствительно поклонялся ловкости этого финансоваго эквилибриста. Желаніе надуть его тревожило Ларсонѐ, какъ особенно тонкое наслажденіе... Саккаръ не хотѣлъ даже, чтобы Ларсонó отдалъ пятьдесятъ тысячъ его женѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, другъ любезный, говорилъ онъ; нельзя запутывать нашихъ счетовъ... Вы — единственный человѣкъ во всемъ Парижѣ, которому я не хочу быть долженъ.

Ларсонó довольствовался тѣмъ, что намекалъ ему, что Ренэ — бездонная пропасть. Онъ даже совѣтовалъ ему не давать ей ни одной копѣйки, — чтобы она сейчасъ же отказалась отъ своей части въ дѣлѣ. Онъ предпочиталъ имѣть дѣло съ однимъ Саккаромъ. По временамъ, онъ щупалъ его и говорилъ:

— Нужно будетъ, однакожъ, привести въ порядокъ мои бумаги... Ваша жена пугаетъ меня, милѣйшій. Я не хочу, чтобы опечатали нѣкоторыя изъ моихъ бумагъ.

Саккаръ не принадлежалъ къ тѣмъ, которые пропускаютъ терпѣливо подобные намеки. Однажды онъ вспылилъ и сказалъ грубо Ларсонѐ:

— Послушай, мой милый, — ты добрый малый; но я совѣтую тебѣ отдать мнѣ извѣстную бумагу. Ты увидишь, что этотъ клочекъ бумаги поссоритъ насъ.

Ларсонó, сдѣлавъ удивленный видъ, сталъ жать руки «своему геніальному другу», увѣряя его въ своей преданности. Саккаръ негодовалъ на свою вспыльчивость. Въ это время онъ сталъ подумывать возобновить прежнія отношенія къ женѣ; она могла ему быть полезна противъ Ларсонѐ. И поцѣлуй въ плечо, такимъ образомъ, былъ первымъ признакомъ его новой тактики.

Къ тому же торопиться ему было не къ чему. Въ продолженіи цѣлой зимы онъ соображалъ всѣ подробности плана, занимаясь въ то же время массой другихъ дѣлъ. Дѣла его все больше и больше запутывались; но онъ не сокращалъ своихъ издержекъ, давая балы, обѣды, вечера. Эти хлопоты заставили его отодвинуть на второй планъ свои намѣренія насчетъ Ренэ; онъ удовольствовался, приготовляя развязку тѣмъ, что давалъ ей деньги только черезъ посредство Ларсоно. Когда онъ могъ располагать нѣсколькими тысячами франковъ, и когда Ренэ нуж-

далась, онъ приносилъ ей деньги, говоря, что Ларсоно требуетъ вексель на двойную сумму. Эта плутовская комедія ужасно его забавляла. Такимъ образомъ, черезъ нѣкоторое время у него было векселей на двѣсти тысячъ, подписанныхъ Ренэ.

Въ эту зиму Ренэ много веселилась; она только по временамъ нуждалась въ деньгахъ. Максимъ стоилъ ей очень дорого; онъ продолжалъ ее называть «мамашей» и позволялъ ей вездѣ платить за себя. Она старалась, чтобы ея «милое дитя» ни въ чемъ не нуждалось... Вмѣсто одного дня въ недѣлю, она назначила два пріемныхъ дня. Въ четвергъ являлись всѣ, но понедѣльники были посвящены только близкимъ знакомымъ; мужчины исключались, одинъ Максимъ имѣлъ только право присутствовать на понедѣльникахъ. Въ одинъ изъ такихъ понедѣльниковъ ей пришла въ голову странная мысль одѣть его въ женское платье и представить своимъ пріятельницамъ, въ качествѣ кузины. Аделина, Сюзанна, баронесса Мейнгольдъ и другія пріятельницы, бывшія тутъ, встали, раскланивались соображая: гдѣ онѣ могли видѣть это лицо? Потомъ когда они поняли,—поднялся хохотъ, и онѣ потребовали, чтобы Максимъ остался въ дамскомъ костюмѣ, — это обстоятельство дало имъ поводъ къ двусмысленнымъ шуткамъ, которымъ онѣ и дали полную волю.

Къ слѣдующей зимѣ денежныя затрудненія Ренэ и Максима достигли своего высшаго предѣла. Многимъ векселямъ, находящимся у Ларсоно, вышелъ срокъ. Съ другой стороны, Ренэ пугалась долга Вормсу, который теперь достигалъ двухъ-сотъ тысячъ. Портной требовалъ по крайней мѣрѣ задатка, угрожая въ противномъ случаѣ прекратить кредитъ. Дрожь овладѣвала ею, когда она думала о возможности скандальнаго процесса и въ особенности о ссорѣ съ великимъ художникомъ. Къ тому же, ей нужны были карманныя деньги: что они станутъ дѣлать, Ренэ и Максимъ,—если не въ состояніи будутъ выбрасывать хоть нѣсколько сотенъ франковъ въ день? «Милое дитя» — былъ также безъ копѣйки въ карманѣ и положеніе его было нисколько не лучше. Ювелиръ Сильвіи, которому Максимъ долженъ былъ десять тысячъ франковъ, потерялъ терпѣніе и поговаривалъ о томъ, какъ бы посадить молодого франта въ долговую тюрьму. Саккаръ рѣшительно объявилъ, что платить не намѣренъ. Ренэ была въ отчаяніи и искала денегъ всѣми возможными средствами. Ей нужно было тысячъ пятьдесятъ: пятнадцать Максиму, тридцать—заткнуть глотку Вормсу, и пять — карманныхъ денегъ.

Первою ея мыслію было выпросить эту сумму у мужа. Но она долго колебалась,—какое-то безсознательное отвращеніе говорило ей, что къ этому средству не слѣдуетъ прибѣгать. Но

что было дѣлать? Она ожидала, что Саккаръ предложитъ ей постыдный торгъ. Когда Ренэ сказала Саккару о пятидесяти тысячахъ, — онъ разгорячился, объявляя, что Ларсоно ни за что не дастъ такой суммы, что самъ онъ въ стѣснительныхъ обстоятельствахъ. Потомъ, смягчаясь, прибавилъ:

— А впрочемъ, развѣ вамъ можно въ чемъ-нибудь отказать? Дѣлать нечего, надо будетъ для васъ побѣгать по Парижу... Я принесу тебѣ деньги завтра вечеромъ, прошепталъ онъ, цѣлуя ее... въ твою комнату и безъ векселя...

Положеніе было ужасно; Ренэ чувствовала, что теряетъ равновѣсіе.... Едва лишь вышелъ Саккаръ, она быстро одѣлась и рѣшилась ѣхать къ своему отцу, не сообразивши хорошенько, какъ она приступитъ къ просьбѣ о пятидесяти тысячахъ франковъ. Она очертя голову ухватилась за мысль занять деньги у отца, не обсудивъ ее, возмущаясь своимъ малодушіемъ, съ невольнымъ страхомъ. Она посидѣла у отца нѣкоторое время, поговорила съ теткой, но о деньгахъ заикнуться не рѣшилась..... Атмосфера дома Беро произвела на нее тяжелое, подавляющее впечатлѣніе, и она свободно вздохнула, когда снова сѣла въ карету. Но деньги, деньги.... откуда достать денегъ, чтобы не брать отъ мужа?... Она приказала ѣхать въ улицу Фобуръ-Пуассоньеръ.

Мадамъ Сидони вскрикнула отъ радости, увидѣвъ Ренэ. Объ ея затруднительномъ положеніи она знала и рѣшилась имъ воспользоваться.... Мадамъ Сидони только на минутку забѣжала къ себѣ; у ней столько дѣлъ! Да вотъ и теперь она собиралась къ мировому судьѣ, по дѣлу одной изъ своихъ пріятельницъ. Но она такъ рада видѣть у себя Ренэ: пріятельница подождетъ.... Ренэ улыбалась, ей было неловко. Мадамъ Сидони ни за что не хотѣла, чтобы она осталась въ магазинѣ и увела Ренэ въ свою комнату.

— Теперь, наша красавица, сказала Сидони, садитесь-ка вотъ сюда; здѣсь мы можемъ поболтать... Представьте себѣ, что я собиралась къ вамъ сегодня вечеромъ.

Ренэ, которой была знакома комната, продолжала ее осматривать.

— У васъ перемѣны, сказала она, вы переставили кровать?

— Да, одна изъ моихъ знакомыхъ нашла, что такъ лучше. Она посовѣтовала мнѣ также красныя занавѣски.

— То-то, я замѣтила, что и занавѣски другія.... Красный цвѣтъ очень обыкновененъ.

Взявъ свою лорнетку, она внимательно стала разсматривать комнату, которая походила на нумеръ второстепенной гостин-

ницы. На каминѣ она замѣтила длинныя булавки, которыя безспорно принадлежали тощему шиньону мадамъ Сидони. На прежнемъ мѣстѣ кровати обои были засалены, порваны. Сидони пробовала-было скрыть этотъ недостатокъ, и съ этой цѣлью поставила даже два кресла на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде была кровать, но все-таки всего не скрыла.

— Вы, кажется, имѣете мнѣ что-то сказать? спросила наконецъ Ренэ.

— Да. Это цѣлая исторія. Представьте себѣ, что г. де-Сафрэ безумно влюбленъ въ прелестную мадамъ Саккаръ... Да, въ васъ, моя красавица.

— Что же вы говорили, отвѣчала Ренэ, что онъ безъ ума отъ мадамъ Мишеленъ?

— Ну, съ мадамъ Мишеленъ онъ давно покончилъ; я могу вамъ представить доказательства, если хотите... Развѣ вы не знаете, что мадамъ Мишеленъ понравилась барону Гурò?... Непонятно... Всѣ знающіе барона удивляются... Но она молодецъ... Однако возвратимся къ Сафрэ, прибавила Сидони. Онъ, кажется, встрѣтилъ васъ на балу актрисъ, въ домино, и даже упрекаетъ себя въ томъ, что нѣсколько безцеремонно предложилъ вамъ отправиться съ нимъ поужинать. Правда это?

— Совершенная правда, отвѣчала удивленная Ренэ; но кто могъ ему сказать...

— Подождите; онъ говоритъ, что узналъ васъ послѣ, когда вы вышли подъ руку съ Максимомъ... Съ тѣхъ-то именно поръ онъ и влюбился въ васъ... Онъ просилъ меня извинить его передъ вами...

— Ну, и прекрасно, я прощаю ему, прервала Ренэ; потомъ подумавъ, она продолжала:—Ахъ, мадамъ Сидони, если бы вы знали, какія у меня заботы! Мнѣ необходимо нужны пятьдесятъ тысячъ франковъ завтра утромъ. Я пріѣхала поговорить съ вами объ этомъ дѣлѣ. Вы говорили мнѣ, что знаете лицъ, которыя даютъ въ долгъ?

— Да, конечно; но только я бы совѣтовала вамъ прежде обратиться къ друзьямъ. На вашемъ мѣстѣ, знаете, что я бы сдѣлала?... Я бы просто обратилась къ г. де-Сафрэ?

Ренэ принужденно улыбнулась.

— Но вѣдь это будетъ неприлично; вы же сами говорите, что онъ влюбленъ въ меня.

Старуха упорно смотрѣла на нее; потомъ ея старческое лицо скривилось.

— Бѣдняжка, сказала она, вы плакали? я вижу по вашимъ

глазамъ. Будьте посильнѣе, примиритесь съ жизнію... Да вотъ, я вамъ устрою ваше дѣльце.

Внутри Ренэ происходила страшная борьба; она уже хотѣла сказать, что соглашается, какъ вдругъ раздался звонокъ. Мадамъ Сидони выбѣжала. Ренэ слышала мужскіе шаги и разговоръ шопотомъ. Невольно, она снова стала разсматривать засаленные обои. Это пятно точно безпокоило ее. Забывая Максима, пятьдесятъ тысячъ, г. де-Сафрэ, она говорила себѣ, что прежнее мѣсто было гораздо удобнѣе для кровати.

Мадамъ Сидони вошла, дѣлая ей руками знаки, чтобы она говорила тише. Потомъ, наклонившись, сказала на ухо:

— Вы не знаете? вотъ исторія: г. де-Сафрэ здѣсь.

— Вы ему, конечно, не сказали, что я у васъ? спросила съ безпокойствомъ Ренэ.

— Конечно, сказала... Онъ ожидаетъ, когда его позовутъ; но, разумѣется, я не говорила ему о пятидесяти тысячахъ...

Ренэ встала, вся блѣдная. Негодованіе бушевало въ ней.

— Я ухожу, сказала она рѣзко. Отворите мнѣ дверь.

Мадамъ Сидони попробовала-было улыбаться.

— Не будьте ребенкомъ, сказала она. Что я стану дѣлать теперь съ этимъ господиномъ. Право, вы меня компрометтируете.

Но Ренэ уже сходила по лѣстницѣ, и повторяла скороговоркою:

— Отворите же, отворите!

Но Сидони все не унималась; наконецъ, разозлившись, съ глазами, гдѣ выражалась вся безчеловѣчная сухость ея натуры, она вскричала:

— Но что же вы хотите, чтобы я сказала этому господину?

— Скажите ему, что я не продаюсь, отвѣчала Ренэ, выбѣгая на улицу.

Она прямо поѣхала домой. Вечеромъ она сказала, чтобы Максимъ не приходилъ; ей нездоровилось, ей нуженъ былъ покой. На другой день, вручивъ ему деньги для ювелира Сильвіи, она не знала, что отвѣчать на его вопросы. Ея мужу, сказала она, удалось сдѣлать удачную аферу. Но съ тѣхъ поръ, она стала капризна, она часто мѣняла часы свиданій, а иногда даже просто не пускала къ себѣ Максима, который очень мало обращалъ вниманія на эти капризы, объясняя ихъ тѣмъ, что Ренэ старѣетъ. Въ сущности же, она много страдала. Несмотря на свой нравственный упадокъ, ея инстинктивная, расовая гордость возмущалась ролью, которую ей приходилось играть. Иногда, когда совѣсть роптала слишкомъ сильно въ сердцѣ Ренэ, она извиняла себя, думая, какъ низко падали ея пріятельницы.

Развѣ она не встрѣчала всякій день еще болѣе печальное униженіе? Развѣ она не видѣла у министровъ, въ Тюльери, вездѣ, зрѣлище еще болѣе отвратительное? И она невольно думала о постыдной дружбѣ Аделины д'Эспанэ и Сюзанны Афнеръ, которыя вызывали двусмысленныя улыбки на понедѣльникахъ императрицы. Она вспоминала ремесло мадамъ Ловерансъ, которую мужья прославляли за ея скромность, порядокъ, точность въ платежѣ долговъ. Она останавливалась на г-жѣ Дастъ, г-жѣ Тейсейръ, баронессѣ Мейнгольдъ, которыхъ роскошь платили любовники, и которыхъ цѣнность въ великосвѣтскихъ гостинныхъ понижалась и повышалась, какъ курсъ бумагъ на биржѣ. Она думала о г-жѣ Гендъ, которая была такъ глупа и такъ хороша собой, что сразу имѣла трехъ любовниковъ—гвардейскихъ офицеровъ, и не могла ихъ различать, благодаря тождественности ихъ мундира. Но надъ всѣми этими существами царствовала герцогиня Стернихъ,—безобразная, старая, истрепанная, которая славилась своей прежнею связью съ самимъ императоромъ...

IX.

Но у Ренэ были и другого рода заботы. Саккаръ съ нѣкотораго времени думалъ ускорить бракъ Максима съ Луизой, и она знала это. Онъ не хотѣлъ выпустить изъ рукъ ни за что въ мірѣ приданое въ милліонъ. Луиза въ началѣ зимы была нездорова и въ продолженіи трехъ недѣль не выходила; онъ до такой степени испугался мысли, что она можетъ умереть, что рѣшился немедленно устроить свадьбу. Конечно, Саккаръ находилъ, что женихъ и невѣста еще слишкомъ молоды, но доктора объявили, что мартъ мѣсяцъ можетъ быть опасенъ для Луизы. Максимъ почувствовалъ неловкость, когда отецъ объявилъ ему свое намѣреніе. Луиза забавляла его, приданое привлекало его, и Максимъ согласился, онъ не возражалъ Саккару, лишь бы избѣжать спора. Но въ глубинѣ души онъ долженъ былъ сознаться, что къ несчастію дѣло не можетъ уладиться безъ исторіи. Онъ имѣлъ причины думать, что Ренэ ни за что не согласится: ихъ взаимныя отношенія сдѣлались давно уже слишкомъ интимны; она будетъ плакать, сдѣлаетъ ему скверную сцену, пожалуй даже устроитъ какой-нибудь необыкновенный скандалъ, который удивитъ весь Парижъ. Все это очень непріятно. Теперь Ренэ страшила его...

Максимъ, поэтому, рѣшился выжидать удобнаго случая, который бы освободилъ его отъ Ренэ. Онъ говорилъ себѣ, что

сдѣлалъ величайшую глупость. Если ихъ прежняя фамильярность привела къ теперешнимъ ихъ отношеніямъ, то она же мѣшала ему теперь порвать съ нею, какъ это онъ сдѣлалъ бы со всякой другою. Онъ бы просто оставилъ ее: такова была его система развязывать любовный узелъ, избѣгая сценъ и ссоръ. Но на драму онъ былъ неспособенъ... Къ тому же, мысль о Луизѣ, и въ особенности о ея милліонномъ приданомъ не давала ему покоя и онъ говорилъ себѣ: «все это прекрасно, но не серьезно, и какъ-нибудь надо же кончить съ этой чепухой!»

Однажды ночью, Максимъ у одной изъ своихъ дамъ проигралъ всѣ деньги, какія у него были въ карманѣ. Ему страшно хотѣлось продолжать еще игру. Онъ взялъ свою шляпу и подъ впечатлѣніемъ этой одной мысли отправился къ Ренэ, вошелъ въ паркъ Монсо, отворилъ маленькія дверцы и очутился въ теплицѣ. Было уже поздно. Ренэ запретила ему приходить въ этотъ вечеръ. Объ этомъ обстоятельствѣ онъ вспомнилъ только тогда, когда подошелъ къ стеклянной двери, которая оказалась запертою.

— Что-жъ, думалъ онъ, видя, что окно будуара освѣщено: я свисну и она выйдетъ. Я не стану ее безпокоить; если у ней есть нѣсколько луидоровъ, я возьму и отправлюсь сейчасъ же назадъ.

Онъ свиснулъ; онъ часто употреблялъ это средство. Но на этотъ разъ онъ напрасно свистѣлъ. Наконецъ онъ замѣтилъ, какъ отворилась осторожно стеклянная дверь и вышла Ренэ, съ распущенными волосами, едва одѣтая.

— Какъ это глупо съ твоей стороны, прошептала она, съ сдержаннымъ гнѣвомъ. Я вѣдь тебѣ сказала, чтобы ты не приходилъ. Что тебѣ нужно?

— Войдемъ, отвѣчалъ Максимъ, удивленный пріемомъ; въ комнатѣ я тебѣ скажу. Здѣсь ты простудишься.

Но она удержала его; онъ замѣтилъ, что она страшно блѣдна; онъ посмотрѣлъ на нее съ возрастающимъ удивленіемъ.

— Что съ тобой? больна ты?

И невольно, онъ поднялъ глаза и посмотрѣлъ на освѣщенное окно будуара.

— Но у тебя какой-то мужчина въ комнатѣ, сказалъ онъ вдругъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, вздоръ, шептала Ренэ.

— Что ты мнѣ разсказываешь,—я вижу тѣнь.

И она замолчала, не зная что говорить. Ренэ дрожала.

— Ты не станешь вѣдь увѣрять меня, что твоя горничная

носитъ сюртукъ, продолжалъ онъ. Если бы стекла теплицы не были такъ толсты, я бы пожалуй узналъ этого господина.

— Прошу тебя, Максимъ...

Но злобное чувство проснулось въ Максимѣ.

— Если бы ты мнѣ сказала, продолжалъ онъ съ улыбкой, я бы и не подумалъ приходить... Развѣ мы не видимъ каждый день, какъ люди перестаютъ любить другъ друга?... Мнѣ самому начинало надоѣдать... Чего ты бѣсишься?... Не безпокойся, я тебя сейчасъ же оставлю, только впередъ ты должна мнѣ сказать имя этого господина.

— Никогда, никогда, отвѣчала Ренэ, покрывая лицо руками.

— Да вѣдь не стану же я его вызывать на дуэль; мнѣ просто интересно знать. Скажи фамилію, и я ухожу.

Онъ взялъ ее за руки и улыбался злою улыбкой.

— Пріятнѣе, что ли, будетъ тебѣ, если мы затѣемъ шумъ? Чего ты боишься? Развѣ мы не пріятели?... Постой, я тебѣ помогу. Г. де-Мюсси, надъ страданіями котораго ты сжалилась?

Она не отвѣчала.

— Не Мюсси?... Въ такомъ случаѣ, герцогъ де-Розанъ, да?... Можетъ быть, графъ Шибрэ? Не онъ?... Кто же еще? больше я право не знаю.... Не отецъ же въ самомъ дѣлѣ.

Она задрожала, какъ отъ обжога.

— Нѣтъ, отвѣчала она глухо, вѣдь ты знаешь, что онъ не приходитъ.

— Такъ кто же?

— Ахъ, Максимъ, еслибъ ты зналъ.... Я не могу сказать.... Это г. де-Сафрэ, прибавила она шопотомъ.

— Знаешь, кто такое ты? отвѣчалъ ей Максимъ, ты просто....

И онъ докончилъ по своему, потомъ вышелъ.... Ренэ опустилась въ изнеможеніи; медленно, волоча ноги, она поднялась послѣ наверхъ.

На другой день, Саккаръ рѣшился ускорить развязку дѣла касательно шаронской земли. Жена принадлежала ему. Съ другой стороны, на-дняхъ долженъ былъ быть опредѣленъ планъ бульвара принца Евгенія и необходимо было, чтобы земля Ренэ сдѣлалась собственностью другого прежде, чѣмъ сдѣлается извѣстнымъ предполагаемая постройка бульвара. Саккаръ въ этомъ случаѣ поступалъ какъ настоящій художникъ; онъ задался мыслью пріобрѣсти землю за кусокъ хлѣба, но за то, въ минуту торжества, онъ готовъ былъ сдѣлать Ренэ подарокъ тысячъ во сто.

Но прежде, чѣмъ покончить дѣло съ Ренэ, онъ имѣлъ благоразуміе вывѣдать настоящія намѣренія Ларсонò, который

продолжалъ его безпокоить. Его догадливость спасла его въ этомъ случаѣ. Ларсонò съ своей стороны полагалъ, что плодъ созрѣлъ и его можно проглотить. Когда Саккаръ вошелъ въ кабинетъ Ларсонò, онъ нашелъ своего компаньона въ отчаяніи.

— Ахъ, мой другъ, сказалъ онъ.... Какое несчастіе! Мы погибли.... Я сейчасъ хотѣлъ бѣжать къ вамъ.

— Въ чемъ дѣло?

— У меня украли приходо-расходную книгу, вы знаете?...

И онъ разсказалъ, что одинъ изъ его помощниковъ,—мерзавецъ, какъ онъ выражался, достойный галеръ,—укралъ у него нѣсколько дѣлъ, между которыми и знаменитую книгу. Кромѣ того, воръ понялъ, какъ можно воспользоваться этой книгой, и требовалъ за возвратъ ея сто тысячъ франковъ.... Саккаръ соображалъ. Сказка показалась ему слишкомъ грубою. Очевидно, что и Ларсонò не заботился о томъ, повѣрятъ ли ему, или нѣтъ. Ему нуженъ былъ только предлогъ: дать понять, что за шаронское дѣло онъ хочетъ сто тысячъ франковъ, и что при этомъ условіи онъ готовъ даже возвратить опасную книгу, находящуюся у него. Предложеніе показалось Саккару слишкомъ безцеремоннымъ; онъ охотно бы вознаградилъ своего компаньона; но его возмутила ловушка, поставленная Ларсонò. Къ тому же, онъ зналъ хорошо своего компаньона и былъ увѣренъ, что онъ способенъ снести приходо-расходную книгу его брату министру, который, конечно, заплатитъ, лишь бы предупредить скандалъ.

— Чортъ побери! проговорилъ Саккаръ, садясь.... вотъ скверная исторія!... А нельзя ли видѣть этого мерзавца?

— Я пошлю за нимъ, отвѣчалъ Ларсонò. Онъ живетъ по сосѣдству.

Минутъ черезъ десять явился молодой человѣкъ, косой, съ лицомъ покрытымъ красными пятнами. Онъ почтительно остановился въ дверяхъ и спокойно смотрѣлъ на Саккара. Ларсонò, который называлъ молодого человѣка—Батистенъ, сдѣлалъ ему допросъ, на который тотъ отвѣчалъ нисколько не стѣсняясь. Ларсонò обзывалъ его воромъ, мошенникомъ, грабителемъ, осыпалъ его всѣми возможными ругательствами, на которыя Батистенъ ничего не отвѣчалъ. Саккаръ восхищался хладнокровіемъ Батистена.

— Хорошо, сказалъ наконецъ Саккаръ.... оставьте насъ.... Итакъ, вы требуете, милостивый государь, сто тысячъ франковъ?

— Да-съ, сто тысячъ, отвѣчалъ спокойно молодой человѣкъ, и вышелъ....

Ларсонò, казалось, не могъ успокоиться.

— Вотъ гадина! кричалъ онъ. Видѣли вы эти фальшив глаза?...

Но Саккаръ прервалъ его, сказавъ:

— Ну, въ немъ нѣтъ ничего ужаснаго. Я думаю, что нимъ можно будетъ поладить. Но я пришелъ по дѣлу, е болѣе непріятному. Вы были правы, недовѣряя моей женѣ, м другъ. Представьте себѣ, что она продаетъ свою часть г. А неру. Она говоритъ, что нуждается въ деньгахъ.

Ларсонѣ слушалъ съ напряженнымъ вниманіемъ.

— Эта продажа, продолжалъ Саккаръ, — уничтожаетъ в наши надежды. Если Афнеръ сдѣлается нашимъ компаньоно наши доходы не только будутъ сильно уменьшены, но я кро того боюсь, что наше положеніе будетъ очень непріятно, ког этотъ мелочной господинъ станетъ совать свой носъ въ на счеты.

Ларсонѣ сталъ быстро ходить по комнатѣ.

— Вотъ и дѣлай послѣ этого услуги людямъ, говорилъ онъ. На вашемъ мѣстѣ, я бы рѣшительно запретилъ женѣ ваше дѣлать подобныя вещи.

— Ахъ! мой другъ, я столько же имѣю власти надъ мо женой, какъ и вы надъ этимъ мерзавцемъ Батистеномъ.

Ларсонѣ вдругъ остановился передъ Саккаромъ, которы продолжалъ спокойно улыбаться. Потомъ, онъ снова сталъ ходить, но гораздо медленнѣе. Онъ подошелъ къ зеркалу, поправилъ свой галстукъ, подумалъ,... потомъ вдругъ закричалъ:

— Батистенъ!

Скромный молодой человѣкъ вошелъ другою дверью. В рукѣ, вмѣсто шляпы, у него было перо.

— Ступай, принеси книгу, сказалъ ему Ларсонѣ.

Когда молодой человѣкъ вышелъ, былъ поднятъ вопросъ: сколько надо дать Ларсонѣ за книгу? Саккаръ согласился дать тридцать тысячъ съ будущихъ доходовъ шаронскаго дѣла.... Съ немалымъ удовольствіемъ Саккаръ послѣ сжегъ приходо-расходную книгу въ каминѣ Ларсонѣ. Потомъ, они дружески пожали себѣ руки.

— Вы будете сегодня вечеромъ у Лауры, не правда ли? спросилъ Саккаръ.... Подождите меня тамъ. Я улажу дѣло съ женой и тогда мы примемъ окончательное рѣшеніе.

У Лауры Саккаръ встрѣтилъ Максима, который, поболтавъ съ отцомъ, отправился къ Ренэ. Они встрѣтились какъ ни въ чемъ не бывало и долго болтали о разныхъ пустякахъ. Вдругъ онъ спросилъ ее совершенно неожиданно:

— Отчего ты мнѣ не сказала, что тогда у тебя былъ па-
ша?

Она подняла голову.... потомъ кровь бросилась къ ея лицу;
закрыла лицо руками, говоря шопотомъ:

— Какъ! ты знаешь?

— Еще бы! самъ папаша разсказывалъ мнѣ это у Лауры
Ориньи.... Право, я тебя не понимаю. Ты—странная женщина.
сли вчера я былъ грубъ, то этому ты была виной. Еслибы
мнѣ сказала, что у тебя папаша, — я бы преспокойно от-
вился, понимаешь? Но вмѣсто этого, ты указываешь на
фрэ!...

Ренэ рыдала. Онъ подошелъ, сталъ возлѣ нее на колѣни.

— Скажи же мнѣ, пожалуйста, почему ты выдумала Сафрэ?

— Я думала, отвѣчала она отворачиваясь, что ты бросишь
ня, когда узнаешь....

Онъ всталъ, взялъ снова сигару и отвѣчалъ:

— Какая ты смѣшная!

Она перестала плакать; она понять не могла спокойный
ъ бесѣды Максима. Онъ повторялъ ей, покуривая сигару,
о она неблагоразумна, что онъ не можетъ понять, какимъ
разомъ она выдумала себѣ любовника, котораго не было.

— Твои нервы слишкомъ разстроены; тебѣ слѣдуетъ ле-
ться.

Потомъ, подумавъ, онъ сталъ собираться, рѣшившись пре-
атить прежнія отношенія. Ренэ, не удерживая его, стала хва-
ть мужа.

— Еслибы ты зналъ, говорила она, какъ онъ хлопоталъ по
имъ дѣламъ!

Максимъ снова подошелъ къ камину.

— Да, отвѣтилъ онъ, папаша мастеръ блюсти чужіе инте-
сы!

Звукъ его голоса удивилъ Ренэ. Она посмотрѣла на него
опросительно.

— Что ты на меня такъ посматриваешь?... Я говорю толь-
о, что папаша—человѣкъ ловкій.

— Ты напрасно такъ худо отзываешься о своемъ отцѣ.
сли бы я тебѣ разсказала всѣ его заботы, если бы я повто-
ла тебѣ то, что онъ сообщилъ мнѣ еще сегодня, ты бы уви-
лъ, что онъ вовсе не гоняется за деньгами.

Максимъ пожалъ плечами.

— Я его знаю, сказалъ онъ, я его отлично знаю.... Онъ
жно быть насказалъ тебѣ цѣлую кучу чувствительныхъ исто-
й. Разскажи, пожалуйста....

Этотъ насмѣшливый тонъ оскорблялъ ее. Она стала еще болѣе хвалить мужа, коснулась шаронской спекуляціи, въ которой ничего не понимала, и представила эту спекуляцію, какъ катастрофу, въ которой выразился весь умъ и вся доброта Саккара. Она прибавила, что завтра подписываетъ актъ продажи своей земли....

— Все это я зналъ, отвѣчалъ Максимъ; и могу тебѣ одно только сказать: податлива же ты!

— Что ты хочешь этимъ сказать?

— Да то, что папаша надуваетъ тебя самымъ безбожнымъ образомъ.

И онъ разсказалъ ей все, что слышалъ у Лауры. Онъ ничего не скрылъ: ни денегъ, которыя Саккаръ давалъ въ долгъ Ренэ, ни того, какъ онъ еще собирался надуть ее. Потомъ онъ заключилъ:

— Все это я тебѣ разсказываю для того, чтобы ты знала въ чемъ дѣло. Но тебѣ незачѣмъ сердиться на папашу. Онъ вовсе не золъ; конечно, у него есть недостатки, какъ у всякаго.... Ну, до завтра....

Онъ подошелъ къ двери. Ренэ остановила его:

— Останься, сказала она быстро....

Когда на другой день, Саккаръ явился къ своей женѣ, чтобы покончить дѣло, она сказала ему спокойно, что не желаетъ подписывать актъ продажи. Этимъ отказомъ она вовсе не думала спасать своего состоянія; она хотѣла только отомстить Саккару. Отказъ Ренэ и удивилъ и взбѣсилъ его; но когда первая вспышка прошла, онъ спросилъ: что было поводомъ этого рѣшенія Ренэ? Безъ сомнѣнія ей кто-нибудь присовѣтовалъ.... Онъ почуялъ любовника. Саккаръ немедленно отправился къ Сидони поразспросить: не знаетъ ли она чего-нибудь? Сидони не забыла послѣдней исторіи съ Ренэ, и когда поняла изъ словъ своего брата, что тотъ подозрѣваетъ невѣрность жены, она сама вызвалась шпіонить «молодчиковъ», какъ она выразилась. Обыкновенно Саккаръ неохотно доискивался до непріятныхъ истинъ; но тутъ его личный интересъ заставилъ его открыть глаза. Онъ принялъ предложеніе сестры.

— Будь покоенъ, говорила Сидони, я все узнаю.... Бѣдняжка братъ! Вотъ Анжель тебя бы никогда не стала обманывать! И кого обманывать? Такого хорошаго, благороднаго мужа! У этихъ парижскихъ куколъ рѣшительно нѣтъ сердца.... А я-то стараюсь давать ей хорошіе совѣты!...

X.

Въ карнавалъ Саккары устроили у себя костюмированный балъ, но самое интересное въ этомъ балу была поэма: «Любовь прекраснаго Нарцисса и нимфы Эхо», въ трехъ картинахъ, поэма, которую должны были играть дамы. Авторъ этой поэмы г. Жюнель-де-ла-Ну, префектъ одного изъ департаментовъ, каждый день являлся въ домъ парка Монсо для наблюденія за репетиціями. Сперва онъ думалъ написать свою поэму въ стихахъ, но потомъ рѣшился на живыя картины; это гораздо благороднѣе, говорилъ онъ, гораздо ближе къ прекрасному античному міру..

Дамы, которыя должны были фигурировать въ живыхъ картинахъ, потеряли сонъ отъ волненія. Нѣкоторыя изъ нихъ должны были мѣнять костюмъ три раза. Сперва много было толковъ о Нарциссѣ, кто долженъ его играть: женщина или мужчина? Наконецъ, по настоянію Ренэ, рѣшено было передать эту роль Максиму, но съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, что изъ мужчинъ только онъ и будетъ въ живыхъ картинахъ, а г-жа Ловерансъ кромѣ того утверждала, что ни за что не согласилась бы на это, еслибы «le petit Maxime» не походилъ на дѣвицу. Ренэ должна была быть нимфою Эхо. Вопросъ о костюмахъ былъ гораздо затруднительнѣе. Максимъ поддерживалъ префекта, окруженнаго девятью женщинами, которыхъ бѣшеное воображеніе разстраивало своими требованіями античныя линіи его произведенія. Если бы ихъ слушали, то его Олимпъ украсился бы одной пудрой! Мадамъ д'Эспанэ непремѣнно хотѣла платье съ безконечнымъ шлейфомъ для того, чтобы скрыть свои нѣсколько большія ноги, между тѣмъ, какъ мадамъ Афнеръ напротивъ того мечтала только о томъ: нельзя ли, вмѣсто костюма, надѣть звѣриную шкуру? Но г-нъ Ну былъ энергиченъ, разъ даже онъ разсердился; онъ былъ убѣжденъ, онъ утверждалъ, что если отказался отъ стиховъ, то только съ тѣмъ, чтобы написать свою поэму «матеріями искусно комбинированными и красивѣйшими положеніями».

— Но цѣлость, господа, повторялъ онъ при всякомъ новомъ требованіи, вы забываете цѣлость.... Не могу же я погубить все произведеніе изъ-за вашихъ волановъ.

Наконецъ все было готово, костюмы опредѣлены, позы заучены, и г-нъ Ну объявилъ, что доволенъ. Поэма должна была начаться въ одиннадцать часовъ. Съ десяти часовъ зала была полна. Дамы въ различныхъ костюмахъ сидѣли полукругомъ, пе-

редъ импровизированнымъ театромъ, который былъ скрытъ громаднымъ занавѣсомъ краснаго бархата съ золотой бахрамой. Мужчины помѣстились позади дамъ, стоя.

Было уже болѣе половины двѣнадцатаго, а представленіе не начиналось еще. Публика начинала терять терпѣніе. Кресла представляли самое страшное смѣшеніе маркизъ, принцессъ, испанокъ, пастушекъ, крестьянокъ, султаншъ. Мужчины были во фракахъ. Наконецъ г. Ну показался слѣва эстрады. Его фракъ былъ замаранъ бѣлой пудрой; но префекту нѣкогда было думать о туалетѣ. Онъ былъ ужасно разстроенъ. Онъ подошелъ къ Саккару и сказалъ ему въ полголоса:

— Знаете ли вы, чортъ побери, что ваша жена потеряла свой поясъ изъ листьевъ..... Хороши мы будемъ!

Группа, въ которой находился Саккаръ, образовалась за послѣдними креслами. Для барона Гурб, который страдалъ подагрой, было поставлено особое кресло. Тутъ находились: Тутенъ-Ларошъ, сдѣланный недавно сенаторомъ; г. Марейль, который наконецъ-таки попалъ въ депутаты; г. Мишеленъ, наканунѣ получившій орденъ; нѣсколько дальше: Миньонъ и Шарье; у одного былъ большой алмазъ на галстухѣ, а у другого алмазъ еще бо́льшихъ размѣровъ на рукѣ. Саккаръ оставилъ ихъ и отправился поговорить съ сестрой, которая сѣла между Луизой Марейль и г-жей Мишеленъ. Мадамъ Сидони была въ костюмѣ колдуньи.

— Узнала ты что-нибудь? спросилъ ее шопотомъ Саккаръ.

— Нѣтъ еще; но будь покоенъ, сегодня я ихъ поймаю.

Возвратившись, онъ сталъ говорить съ Марейлемъ, который спрашивалъ его: будетъ ли подписанъ контрактъ брака въ воскресенье?

— Конечно, отвѣчалъ Саккаръ, я даже хочу объявить сегодня нашимъ друзьямъ.

Въ это время пьянино, скрытое отъ взоровъ публики, заиграло вальсъ. Молчаніе немедленно возстановилось; одинъ и тотъ же музыкальный мотивъ вальса переплетался капризными и безконечными украшеніями звуковъ и терялся въ трели соловья; потомъ появлялись, снова и медленно, глухіе аккорды. Этотъ вальсъ былъ очень сладострастенъ.... Дамы улыбались. За то на г-на Ну музыка подѣйствовала совершенно иначе. Глядя на красный занавѣсъ онъ обнаруживалъ признаки живѣйшаго безпокойства; онъ говорилъ себѣ, что ему слѣдовало самому позаботиться о позѣ мадамъ д'Эспанэ, потому что въ противномъ случаѣ можетъ произойти чепуха.... Наконецъ, занавѣсъ медленно открылся. Чувствительный вальсъ продолжалъ слышаться

подъ сурдинку. Шопотъ пробѣжалъ по залѣ: дамы наклонялись, мужчины вытягивали шеи. Г-нъ Ну, убѣдившись, что все обстоитъ благополучно, глупо улыбался. Онъ не могъ не повторить окружающимъ его лицамъ то, что повторялъ уже цѣлый мѣсяцъ.

— Я думалъ сперва написать стихами... Но неправда ли,— живыя картины гораздо благороднѣе.

Въ то время, какъ музыка продолжала играть, онъ давалъ объясненія. Миньонъ и Шаррье подошли и внимательно слушали:

— Вамъ знакомъ сюжетъ?... Прекрасный Нарциссъ, сынъ рѣки Цефизы и нимфы Меріоны, отталкиваетъ отъ себя любовь нимфы Эхо... Нимфа Эхо принадлежала къ свитѣ Юноны, которую она забавляла своими разсказами, въ то время какъ Юпитеръ рыскалъ по міру... Эхо—дочь воздуха и земли, какъ вы знаете... Я счелъ себя въ правѣ дать волю своему воображенію. Нимфа Эхо ведетъ прекраснаго Нарцисса къ Венерѣ, въ морской гротъ, чтобы богиня окружила его своимъ пламенемъ; но Венера не можетъ ничего сдѣлать; молодой человѣкъ показываетъ своей позой, что не тронутъ.

Объясненіе было не лишне, такъ какъ немногіе только поняли живую картину. Когда префектъ назвалъ шопотомъ персонажи, — восторгъ удвоился. Миньонъ и Шаррье продолжали смотрѣть безсмысленными глазами: они все-таки не поняли. На эстрадѣ, мадамъ Ловерансъ придавала лицу Венеры строгое и жгучее выраженіе богини любви. За нею виднѣлась плутовская головка г-жи Дастъ, въ костюмѣ купидона. Съ боку, три граціи: г-жи Гендъ, Тейсьеръ, Мейнгольдъ, въ муслинѣ, улыбались, обнимаясь, какъ въ извѣстной группѣ Прадье. По другой сторонѣ маркиза д'Эспанэ и г-жа Афнеръ, скрытыя подъ одной волной кружевъ, окружая другъ друга руками, придавали въ картинѣ нѣсколько рискованный характеръ всѣмъ этимъ лесбійскимъ воспоминаніямъ, которыя объяснялись префектомъ только мужчинамъ. Но все это составляло только апоѳеозъ; драма происходила на первомъ планѣ: налѣво, нимфа Эхо, Ренэ, простирала руки къ великой богинѣ, повертываясь нѣсколько къ Нарциссу, какъ бы уговаривая его посмотрѣть на Венеру, которой видъ одинъ зажигаетъ пламя любви, но Нарциссъ дѣлалъ жестъ отказа, закрывая себѣ рукой лицо... Публика нашла, что Максимъ прекрасно сложенъ, а Ренэ, по выраженію г-на Ну, была воплощеніемъ «страданія неудовлетвореннаго чувства».

— Итакъ, я вамъ разсказывала, говорила мадамъ Сидони, что я получила письмо изъ Лондона, знаете: о дѣлѣ трехъ мильярдовъ... Лицо, которому я поручила дѣлать розыски, пишетъ

мнѣ, что росписка банкира отыскана... Значитъ, Англія уплатила долгъ...

Въ это время Афнеръ сообщалъ, что назначенъ предсѣдателемъ присяжныхъ, обязанныхъ рѣшать вопросы о вознагражденіи за экспропріаціи. Тогда завязался разговоръ о парижскихъ перестройкахъ, о бульварѣ принца Евгенія. Саккаръ воспользовался обстоятельствомъ и сказалъ, что знаетъ лицо, которое по всей вѣроятности будетъ экспропріировано. Баронъ нѣжно качалъ головой; Тутенъ-Ларошъ объявилъ, гдѣ нѣтъ ничего непріятнѣе для собственника, какъ вынести экспропріацію. Мишеленъ одобрялъ киваніемъ головы.

— Вознагражденія никогда не могутъ быть слишкомъ велики, заключилъ докторально Марейль, желая понравиться Саккару.

Антрактъ длился уже болѣе получаса, какъ г. Ну снова появился въ залѣ. Успѣхъ озарялъ его, костюмъ его обнаруживалъ еще бо́льшій безпорядокъ. Онъ подошелъ къ группѣ, окружавшей барона, когда музыка заиграла торжественный маршъ.

— Теперь вы увидите, господа, второй актъ, говорилъ г. Ну. Я можетъ быть слишкомъ воспользовался правомъ поэтической вольности; но мнѣ кажется, что смѣлость не повредила мнѣ... Нимфа Эхо, видя, что Венера не можетъ ничего сдѣлать съ прекраснымъ Нарцисомъ, ведетъ его къ Плутусу, богу богатствъ и драгоцѣнныхъ металловъ... Послѣ искушенія любовью, — искушеніе золотомъ...

— Это классически, отвѣчалъ Тутенъ-Ларошъ съ любезной улыбкой. Вы изучили тщательно ваше время, г. префектъ.

Занавѣсъ поднялся, и живая картина повергла всѣхъ въ неописанный восторгъ. Сцена, освѣщенная электрическимъ огнемъ, представляла новый гротъ. На землѣ, благодаря смѣлому анахронизму г-на Ну, была навалена цѣлая гора двадцати-франковыхъ монетъ. На верхушкѣ этой золотой горы возсѣдала г-жа Гендъ въ костюмѣ Плутуса. Вокругъ бога группировались, стоя, сидя, лежа, феерическія созданія этого грота: г-жа Афнеръ изображала золото, г-жа д'Эспанэ — серебро, г-жа Ловерансъ — сафиръ и т. д. На первомъ планѣ драма не мѣнялась: нимфа Эхо продолжала соблазнять прекраснаго Нарцисса, который не поддавался соблазну.

Успѣхъ второго акта былъ громаденъ; мысль показалась оригинальной, смѣлость двадцати-франковыхъ монетъ, очутившихся въ картинѣ изъ миѳологіи, прельщала воображеніе дамъ и финансистовъ...

— Англія уплатила долгъ, шептала Луиза г-жѣ Сидони; это все ваши мильярды.

— Чортъ побери; на эти деньги можно бы перестроить весь Парижъ, бормотали про себя Миньонъ и Шарье.

Но въ это время появился братъ Саккара, министръ, въ сопровожденіи своего секретаря, г. де-Сафрэ. Саккаръ, сторожившій появленіе брата, хотѣлъ кинуться ему на встрѣчу, но тотъ удержалъ его жестомъ. Онъ тихо подошелъ къ группѣ солидныхъ мужчинъ. Когда занавѣсъ опустился и когда министръ былъ замѣченъ, въ залѣ образовался шумъ; головы оборачивались; министръ перевѣшивалъ успѣхъ «Любви прекраснаго Нарцисса и нимфы Эхо».

— Вы настоящій поэтъ, г. префектъ, сказалъ, улыбаясь, министръ. Если не ошибаюсь, прежде вы выпустили въ свѣтъ томъ стихотвореній?... Я вижу, что заботы администраціи не истощили ваше воображеніе.

Префектъ почувствовалъ въ этой фразѣ сарказмъ. Неожиданное появленіе его начальника смущало его, тѣмъ болѣе, что посмотрѣвъ на свой фракъ онъ увидѣлъ на немъ легкій слой пудры, которую онъ не рѣшился стряхнуть. Онъ поклонился, бормоча себѣ что-то подъ носъ.

Въ то время, какъ министръ говорилъ съ Саккаромъ о предстоящемъ бракѣ Максима, г. Ну, продолжая смущаться, стоялъ, облокотившись на кресло барона Гурд, который обмѣнивался пожатіемъ руки съ министромъ. Поэтъ не смѣлъ двинуться съ мѣста. Неопредѣленное чувство, боязнь показаться смѣшнымъ удерживала его тутъ, несмотря на горячее стремленіе отправиться за кулисы для образованія послѣдней картины. Такъ прошло нѣсколько минутъ. Музыка заиграла какой-то грустный мотивъ и занавѣсъ открылся? Г-нъ Ну негодовалъ; онъ былъ блѣденъ, взбѣшенъ: эти дамы сами распорядились своими позами! Онъ смотрѣлъ, пожималъ плечами и бормоталъ:

— Совсѣмъ, совсѣмъ не то; нимфа Эхо слишкомъ на краю... А эта нога прекраснаго Нарцисса! Ни благородства, ни пластики! Чортъ знаетъ, что такое!

Миньонъ и Шарье, которые подошли, чтобы выслушать «объясненіе», рѣшились спросить его «что дѣлаютъ, лежа на землѣ, молодой человѣкъ и молодая дѣвушка». Но онъ не отвѣчалъ, онъ отказался давать объясненія, говоря:

— Все это меня не касается; эти дамы приняли позы безъ меня!

На эстрадѣ явился идеальный пейзажъ, освѣщенный электрическимъ свѣтомъ. На травѣ, Венера и Плутусъ сидѣли рядомъ, окруженные нимфами; тутъ были дѣвы лѣсовъ, дѣвы источниковъ, дѣвы горъ... Драма приходила къ развязкѣ: прекрасный Нарциссъ

лежалъ мертвый, на берегу ручья; Венера превращала его въ цвѣтокъ... Не вдалекѣ, умирала также и нимфа Эхо, умирала отъ «неудовлетвореннаго чувства»...

Этотъ актъ не имѣлъ успѣха въ публикѣ, хотя бѣдный поэтъ исчерпалъ весь свой талантъ именно на развязку; въ нее онъ вставилъ безчисленное множество поэтическихъ и философскихъ намековъ. Когда занавѣсъ опустился, поэтъ раскаялся, что подъ впечатлѣніемъ досады отказался дать объясненіе лицамъ, окружавшимъ его. Онъ теперь хотѣлъ это сдѣлать, но никто уже не слушалъ. Одни только Миньонъ и Шаррье, которые рѣшительно хотѣли знать, въ чемъ дѣло, имѣли добродушіе дѣлать ему вопросы. Онъ овладѣлъ ими и въ продолженіи двухъ часовъ разсказывалъ имъ «Метаморфозы Овидія».

Министръ, однакожъ, собирался уѣхать. Онъ просилъ извинить его передъ мадамъ Саккаръ. Онъ раза три или четыре прошелся по залѣ подъ руку съ Саккаромъ. Никогда еще онъ такъ не афишировался для Саккара. Онъ оставилъ его на вершинѣ блаженства, когда на порогѣ сказалъ ему вслухъ:

— Я тебя жду завтра. Мы завтракаемъ вмѣстѣ...

Балъ долженъ былъ сейчасъ начаться. Лакеи уносили кресла, прибирали. Гости ожидали только появленія нимфы Эхо, Венеры, Плутуса и другихъ, которые торопились переодѣться...

XI.

Балъ начался. На эстрадѣ, служившей для живыхъ картинъ, помѣщенъ былъ маленькій оркестръ, въ которомъ господствовали мѣдныя трубы. Сначала играли извѣстный кадриль: «Ah! il a des bottes, il a des bottes, Bastien!» который въ то время приводилъ въ восторгъ всѣхъ парижанъ. Начались танцы, польки, вальсы, мазурка слѣдовала за кадрилемъ. Костюмы всѣхъ эпохъ и всѣхъ странъ смѣшались вмѣстѣ, уносимые потокомъ звуковъ. Музыкальный ритмъ, смѣшавъ и увлекши цвѣта въ извѣстной правильности толкотни, возвращалъ внезапно, при извѣстномъ ударѣ смычка, ту же тюнику розоваго шелка, тотъ же корсажъ голубого бархата, въ сопровожденіи того же чернаго фрака... По временамъ, между танцами, какая-нибудь дама подходила къ окну, задыхаясь и вдыхая въ себя холодный воздухъ сада, въ то время, какъ оркестръ начиналъ не менѣе модныя кадрили: «Ohé! les p'tits agneaux!» или «J'ai un pied qui r'mue»...

Когда открылась дверь столовой, превращенной въ буфетъ,

съ огромнымъ столомъ посрединѣ, уставленномъ холоднымъ кушаніемъ,—публика бросилась туда, толкая и тѣсня другъ друга. Какой-то господинъ, который имѣлъ скромность держать въ рукѣ свою шляпу, былъ такъ сильно притиснутъ къ стѣнѣ, что несчастная шляпа сплюснулась совершенно, издавая жалкій звукъ; это обстоятельство вызвало смѣхъ. Гости жадно накинулись на паштеты и дичь, толкая другъ друга, хватая руками; это былъ настоящій грабежъ. Лакеи не знали кого слушать, среди этихъ приличныхъ людей, на лицѣ которыхъ выражался одинъ только страхъ: явиться слишкомъ поздно, и найти блюда пустыми...

— Тише, господа, тише, кричалъ лакей. Всѣмъ будетъ, не безпокойтесь.

Префектъ сторожилъ ростбифъ; выбравъ минуту, онъ просунулъ руку и прибралъ его преспокойно, наполнивъ предварительно карманы бѣлымъ хлѣбомъ. Съ другой стороны дѣйствовали подрядчики, Миньонъ съ бутылкой краснаго вина, Шаррье съ двумя бутылками шампанскаго. Но увы! они не могли найти стакановъ. Шаррье, выпивъ вино прежде, чѣмъ успѣлъ покончить съ хлѣбомъ, спросилъ лакея: нельзя ли получить еще стаканчикъ шампанскаго.

— Подождите, отвѣчалъ сурово лакей; развѣ вы не видите, что выпито уже болѣе трехсотъ бутылокъ!

Саккаръ, въ сопровожденіи Тутенъ-Лароша, Марейля, Афнера усѣлся за маленькимъ столикомъ. Г. де-Сафрэ любезничалъ съ мадамъ Мишеленъ. Г-нъ же Мишеленъ, въ другомъ концѣ залы, доѣдалъ въ одиночествѣ страсбургскій пирогъ, которымъ успѣлъ запастись. Мадамъ Сидони, прогуливавшаяся по заламъ все время, вошла въ столовую и отозвала Саккара.

— Она не танцуетъ, сказала она тихо. Она кажется въ большомъ волненіи, и я думаю, что она собирается выкинуть какую-нибудь штуку... Любовника я еще не открыла... Я закушу чего-нибудь и возобновлю поиски.

Балъ разстраивался, оркестръ какъ-то лѣниво игралъ, какъ вдругъ крикнули: «Котильонъ, котильонъ!» Этотъ крикъ воодушевилъ танцоровъ и музыкантовъ. Г. де-Сафрэ былъ выбранъ управлять котильономъ. Ренэ отказалась принять въ немъ участіе. Она была какъ-то особенно нервно весела съ начала бала, почти не танцовала и постоянно переходила съ мѣста на мѣсто. Когда начался котильонъ, она остановилась у двери прихожей, досадуя, что танцы мѣшаютъ свободно ходить по комнатамъ. Тутенъ-Ларошъ, прощаясь, жалъ руку Саккару.

— Максимъ разсчитываетъ, что вы будете его шаферомъ, сказалъ Саккаръ.

— Непремѣнно, отвѣчалъ новый сенаторъ.

Потомъ, обращаясь къ Ренэ:

— Я васъ забылъ поздравить... Наконецъ-то Максимъ пристроенъ...

Ренэ удивленно улыбалась.

— Моя жена не знаетъ еще, вступился Саккаръ... Мы сговорились только сегодня насчетъ брака m-lle Марейль съ Максимомъ....

Она продолжала улыбаться, кланяясь Тутенъ-Ларошу.

Ренэ осталась одна, не понимая сначала; по мѣрѣ того, какъ она соображала значеніе слышанныхъ ею словъ, она все больше и больше блѣднѣла. Потомъ сказала вслухъ:

— Мнѣ нужно съ нимъ поговорить.

Она быстро прошла залу, не обращая вниманія на гостей. Въ теплицѣ она не встрѣтила ни Луизы, ни Максима; она замѣтила только, подъ сѣнью тропическаго дерева какого-то молодого человѣка, который страстно цѣловалъ руки мадамъ Дастъ, повторяя:

— Мадамъ Ловерансъ говорила мнѣ, что вы ангелъ!

Это объясненіе, у ней въ домѣ, возмутило Ренэ. Г-жа Ловерансъ, подумала Ренэ, могла бы перенести свое ремесло въ другое мѣсто.

Въ это время, Максимъ и Луиза преспокойно ужинали въ углу столовой. Максимъ успѣлъ составить весьма приличный ужинъ. Луиза обожала миндальное пирожное, которое осталось въ большомъ количествѣ на столѣ. Передъ ними стояли три бутылки шампанскаго.

— Можетъ быть, папа уже уѣхалъ, говорила Луиза.

— Тѣмъ лучше, отвѣчалъ Максимъ, я васъ провожу... Знаете вы, продолжалъ онъ, что наши папаши окончательно рѣшили женить насъ?... Теперь это уже не шутка... Что мы будемъ дѣлать, когда станемъ мужемъ и женой?

— Мы будемъ дѣлать то, что другіе дѣлаютъ!

Эта рискованная шутка вырвалась какъ-то невольно у Луизы; она поторопилась поправиться.

— Мы отправимся въ Италію. Итальянскій воздухъ вылечитъ меня.

Она улыбалась съ какой-то едва замѣтной грустью, въ своемъ костюмѣ пажа. Потомъ она закашлялась.

Въ это время вошла Ренэ. Она прямо подошла къ Макси-

му, дѣлая надъ собой страшное усиліе, чтобы не кинуться съ кулаками на эту горбатую дѣвчонку.

— Мнѣ нужно съ тобой поговорить, сказала она глухимъ голосомъ.

Онъ колебался, боясь остаться съ нею наединѣ.

— Съ тобой однимъ, понимаешь?

— Ступайте, Максимъ, сказала Луиза. Постарайтесь также отыскать папашу; я его теряю всякій вечеръ.

Онъ всталъ и попробовалъ-было удержать Ренэ въ столовой, спрашивая: что ей нужно отъ него; но она отвѣтила:

— Ступай за мною; или же я при всѣхъ скажу.

Максимъ страшно поблѣднѣлъ и послѣдовалъ за нею какъ собака. Оркестръ игралъ вальсъ. Эта нѣжная музыка, которой однообразный ритмъ въ концѣ концовъ дѣлался приторнымъ, еще болѣе раздражала Ренэ. Толкая Максима на лѣстницу, которая вела въ ея уборную, она говорила:

— Ну же, двигайся.

Въ это время мадамъ Сидони, которая шмыгала цѣлый вечеръ вокругъ Ренэ, не понимая ея постоянныхъ прогулокъ по комнатамъ, какъ разъ появилась въ теплицѣ. Она увидѣла мужскія ноги, исчезавшія въ темнотѣ маленькой лѣстницы. Лицо Сидони освѣтилось улыбкой, и схвативъ въ охабку свои юбки колдуньи она побѣжала отыскивать брата. Она его отыскала въ сосѣдней комнатѣ со столовой, разговаривающимъ съ г. Марейлемъ. Оба отца бесѣдовали о приданомъ и контрактѣ. Когда Сидони сказала Саккару два слова на ухо, онъ всталъ, извинился и исчезъ.

Уборная была въ величайшемъ безпорядкѣ. Максимъ въ замѣшательствѣ наступилъ на корсетъ, чуть не упалъ, попробовалъ было разсмѣяться. Но онъ вздрагивалъ, когда смотрѣлъ на лицо Ренэ.

— Итакъ, ты вздумалъ жениться на подлой Луизѣ?

— Совсѣмъ нѣтъ, пробормоталъ Максимъ. Съ какой стати?

— Не ври, это безполезно.

Максимъ взбѣсился и желая покончить сразу, отвѣчалъ:

— Ну такъ что-жъ? женюсь, вотъ и все. Развѣ я не господинъ себѣ?

— Господинъ! ты? Господинъ!!... Ты знаешь, что нѣтъ. Я господинъ, а не ты. Когда захочу, я переломаю тебѣ руки; ты также безсиленъ, какъ дѣвчонка.

Максимъ не зналъ, что сказать; онъ все дрожалъ отъ страха. Ренэ толкала мебель, соображая, обдумывая планъ, кото-

рый у нея возникнулъ съ тѣхъ поръ, какъ она узнала о бракѣ Максима.

— Я тебя запру здѣсь, сказала она наконецъ; когда разсвѣтетъ, мы отправимся въ Гавръ.

Онъ пришелъ въ ужасъ.

— Но это безуміе, вскричалъ онъ. Мы не можемъ бѣжать вмѣстѣ. Ты рѣшительно теряешь голову.

— Можетъ быть; во всякомъ случаѣ, это не моя вина. Я нуждаюсь въ тебѣ, и беру тебя... Тѣмъ хуже дуракамъ...

— Послушай, милая Ренэ, умолялъ Максимъ со слезами на глазахъ. Опомнись... подумай о скандалѣ...

— Я плюю на скандалъ! Если ты не хочешь, я сейчасъ же отправляюсь внизъ и объявляю, что я твоя любовница и что ты подлецъ, потому что хочешь жениться на Луизѣ.

Максимъ совсѣмъ присмирѣлъ, слушалъ ее, поддаваясь этой волѣ.

— Мы отправимся въ Гавръ, говорила она тихо, а оттуда уѣдемъ въ Англію...

— Но вѣдь у меня нѣтъ денегъ, возражалъ плачевно Максимъ. Если ты меня запрешь, какъ я достану?...

— У меня есть, отвѣчала она. У меня есть сто тысячъ.

Она взяла въ шкапу актъ продажи земли, принесенный Саккаромъ, схватила перо и подписала.

— Глупость сдѣлана. Если меня обокрадутъ, значитъ сама хочу. Мы зайдемъ къ Ларсонò, отправляясь на желѣзную дорогу. А теперь, мой милый, я тебя запру; мы убѣжимъ черезъ садъ, когда я выпровожу всѣхъ отсюда. Она схватила его за голову и стала бѣшено цѣловать. Въ это время послышался шумъ. Она обернулась. Саккаръ стоялъ въ дверяхъ.

Воцарилась страшное молчаніе. Медленно, не спуская глазъ съ Саккара, она оставила Максима. Максимъ дрожалъ. Вдали долетали звуки вальса... Саккаръ сдѣлалъ шагъ впередъ; онъ сжималъ кулаки.

— Ты объявлялъ ей свой бракъ, неправда ли? спросилъ онъ глухо.

Максимъ отступилъ къ стѣнѣ.

— Послушай, бормоталъ онъ, я не виноватъ, это...

Онъ собирался сбросить всю вину на Ренэ; но силы у него не хватило и онъ не могъ произнести ни слова. Тогда Саккаръ, съ цѣлью вѣроятно, схватить что-нибудь въ руку, посмотрѣлъ быстро вокругъ себя. На краю мраморнаго столика, посреди щетокъ, гребней, флаконовъ онъ увидѣлъ актъ продажи, нагнулся и увидѣлъ подпись. Онъ остановился, размышляя.

Молчаніе точно увеличивалось; пламя свѣчекъ удлинналось; вальсъ продолжалъ долетать. Саккаръ едва замѣтно пожалъ плечами. Потомъ, взялъ актъ, сложилъ его и положилъ въ карманъ. Онъ былъ блѣденъ.

— Вы хорошо сдѣлали, что подписали, сказалъ онъ спокойно. Вы выгадываете сто тысячъ франковъ. Завтра вечеромъ я вамъ вручу деньги.

— Онъ почти улыбался; только въ рукахъ замѣтно было дрожаніе. Онъ сдѣлалъ еще шагъ впередъ.

— Здѣсь душно, сказалъ онъ. Какая вамъ охота париться здѣсь!

И обращаясь къ Максиму, который приподнялъ голову, ничего не понимая, Саккаръ прибавилъ:

— Ну, отправимся. Я видѣлъ, какъ ты шелъ сюда и пришелъ позвать тебя проститься съ г. Марейлемъ...

Они вышли, развязно болтая...

XII.

Черезъ три мѣсяца послѣ описанныхъ нами событій, въ одинъ изъ тѣхъ пасмурныхъ весеннихъ дней, которые напоминаютъ парижскую зиму, Аристидъ Саккаръ выходилъ изъ кареты на площади Шатò-д'О, и съ тремя другими личностями направился пѣшкомъ среди развалинъ, изъ которыхъ вскорѣ долженъ былъ возникнуть бульваръ принца Евгенія. Это была слѣдственная коммиссія, отправленная комитетомъ вознагражденій для осмотра нѣкоторыхъ домовъ, которыхъ собственники не могли сойтись въ цѣнѣ съ администраціей города. Саккаръ возобновлялъ дѣло улицы Пепиньеръ. Для того, чтобы имя его жены окончательно исчезло изъ дѣла, онъ придумалъ сперва продажу земли и café-concert. Ларсонó передалъ все воображаемому кредитору. Актъ продажи заключалъ въ себѣ колоссальную цифру трехъ милліоновъ. Эта цифра была такъ непомѣрна, что коммиссія ратуши, несмотря на всевозможныя интриги, не хотѣла дать болѣе двухъ съ половиною милліоновъ. Саккаръ ожидалъ этого; онъ отказался отъ предложенія и дѣло пошло на обсужденіе присяжныхъ, къ числу которыхъ онъ самъ принадлежалъ вмѣстѣ съ Марейлемъ. Благодаря этимъ обстоятельствамъ, ему поручено было, вмѣстѣ съ четырьмя другими членами, опредѣлить дѣйствительную стоимость его же собственной земли. Съ нимъ былъ Марейль. Изъ трехъ другихъ присяжныхъ тутъ находился докторъ, покуривавшій сигару, ни о

чемъ не заботившійся, и два промышленника, изъ которыхъ одинъ, фабрикантъ хирургическихъ инструментовъ, былъ прежде простымъ работникомъ.

Эти господа подвигались съ трудомъ; грязь и груды мусора дѣлали прогулку не особенно удобной. По временамъ они останавливались, разсматривая полуразрушенные дома.

— Право, это любопытно, говорилъ Саккаръ. Посмотрите, господа, на эту кухню, — тамъ наверху. Видите? въ ней еще сохранилась печка...

Такимъ образомъ, они дошли до конца города. Дорога шла посреди садовъ, съ развалившимися стѣнами. Въ садахъ виднѣлась разцвѣтающая сирень. Каждый изъ этихъ садиковъ имѣлъ свою особенную прелесть. Домики, раскинутые неправильно, утопающіе въ зелени, походили на итальянскіе павильоны.

— А, вотъ и маленькіе домики, сказалъ докторъ, моргая глазами.

Но такъ какъ онъ замѣтилъ, что эти господа не понимали, то и объяснилъ имъ, какъ маркизы временъ Людовика XV-го строили себѣ эти крошечныя убѣжища для кутежей. Это была мода. Онъ прибавилъ:

— Эти убѣжища назывались «маленькими домиками». Въ этомъ кварталѣ ихъ было множество. Происходили же тутъ исторіи, нечего говорить!

Члены коммиссіи слушали съ величайшимъ интересомъ. Они съ любопытствомъ смотрѣли теперь на сады, на которые прежде не обращали ни малѣйшаго вниманія. Болѣе другихъ интересовалъ ихъ гротъ. Но когда докторъ замѣтилъ, что онъ узнаетъ домикъ графа де-Саваньи, извѣстнаго своими оргіями, вся коммиссія своротила съ бульвара и отправилась разсматривать развалины.

— Вотъ видите, говорилъ докторъ: эта комната должно быть была залой пиршествъ. Тамъ, въ этомъ углубленіи стѣны, по всей вѣроятности, находился большой диванъ. Я даже увѣренъ, что подъ диваномъ помѣщалось зеркало... Эти господа настоящимъ образомъ понимали жизнь!

Члены коммиссіи не рѣшались оставить развалинъ и по всей вѣроятности долго бы еще стояли тутъ, если бы Саккаръ не сказалъ смѣясь:

— Не ищите, господа,—вѣдь не найдете здѣсь тѣхъ дамъ... Займемтесь лучше дѣломъ.

Наконецъ, они достигли цѣли своего путешествія. Прежняя земля г-жи Обертó имѣла значительные размѣры; café-concert и садъ занимали только ничтожную часть ея. Ларсонó встрѣтилъ

членовъ коммиссіи. Онъ поводилъ ихъ по саду, показалъ café-concert и принесъ кипу бумагъ. Но два промышленника съ докторомъ возвратились къ домику графа Саваньи, который ихъ сильно занималъ. Докторъ разсказывалъ имъ о Помпадуръ, о Людовикѣ XV, въ то время, какъ Марейль и Саккаръ занимались осмотромъ земли.

— Прекрасно, сказалъ наконецъ Саккаръ, если позволите, господа, я возьму на себя написать отчетъ.

Фабрикантъ хирургическихъ инструментовъ даже и не слышалъ. Онъ весь погрузился въ разсказы о регентствѣ.

— Вотъ было времечко! повторялъ онъ.

Саккаръ черезъ нѣсколько дней представилъ отчетъ—и присяжные согласились на три милліона. Эти деньги выручили Саккара изъ сквернаго положенія. Онъ заплатилъ необходимые долги и возстановилъ свой кредитъ, но вскорѣ пропасть, на краю которой онъ стоялъ, снова открылась...

Ларсонó такъ хорошо велъ себя во всемъ дѣлѣ, что Саккаръ рѣшился дать ему десять процентовъ и взятку въ тридцать тысячъ. Сидони также воспользовалась дѣломъ; она заняла у брата десять тысячъ франковъ и отправились на два мѣсяца въ Лондонъ. Она возвратилась безъ копѣйки; нельзя было узнать, куда она дѣвала деньги...

— Все это стоитъ, говорила она, когда ее спрашивали. Я рылась во всѣхъ библіотекахъ; у меня было трое секретарей.

А когда ее спрашивали, узнала ли она что-либо положительное о трехъ мильярдахъ, она отвѣчала улыбаясь:

— Вы все вотъ не вѣрите. Я ничего не отыскала, но это ничего не значитъ. Впослѣдствіи увидите. Она однакожъ не совсѣмъ потеряла время въ Англіи. Ея братъ, министръ, воспользовался ея путешествіемъ и далъ ей деликатное порученіе. Возвратившись, она съ министерствомъ сдѣлала условіе на какіе-то подряды. Она стала получать большія деньги, но ни въ чемъ не измѣнила своихъ привычекъ. Тогда Саккаръ убѣдился, что именно ее-то онъ и видѣлъ когда-то выходящей тайкомъ отъ Эжена. Она должно быть всегда была въ сношеніяхъ съ Эженомъ...

А Ренэ между тѣмъ спускалась все ниже и ниже. Мадамъ Обертó умерла; въ одинъ сезонъ она спустила наслѣдство тетки. Теперь она предалась игрѣ; она отыскала гостинную, гдѣ дамы проигрывали по сту тысячъ франковъ въ одну ночь.

Послѣ свадьбы, Максимъ уѣхалъ съ Луизой въ Италію. Когда черезъ шесть мѣсяцевъ онъ возвратился одинъ, похоронивъ Луизу въ одномъ изъ маленькихъ городковъ Ломбардіи, Ренэ

встрѣтила его съ презрѣніемъ. Максимъ,—теперь богатый молодой человѣкъ,—поселился отдѣльно въ Avenue Impératrice. Любимѣйшимъ его занятіемъ сдѣлались скачки.

Ренэ, оставленная всѣми, мучимая воспоминаніями, почти совершенно уединилась и ей осталось любить только свою горничную, которая въ свою очередь оставила ее, уѣхавъ къ себѣ въ провинцію. Ренэ дала ей денегъ, помогала ей укладываться и проводила ее на желѣзную дорогу. Отправивъ свою горничную, Ренэ хотѣла возвратиться домой; но она побоялась одиночества, которое встрѣтитъ въ своей комнатѣ. Она сѣла въ коляску и приказала ѣхать въ Булонскій лѣсъ.

Было почти четыре часа. Погода была прекрасная. Вдоль Avenue Impératrice пыль стояла столбомъ отъ каретъ и колясокъ. Весь Булонскій лѣсъ былъ усыпанъ гуляющими. Около озера, вдоль дорожекъ стояли стулья; цѣлыя семейства, сидя, смотрѣли на безконечный рядъ каретъ. Ренэ глубже усѣлась въ колясвѣ, глядя на игру солнечныхъ лучей, отражавшихся въ водѣ, и на зелень. При поворотахъ, она видѣла рядъ каретъ, медленно двигавшихся, блестящіе цвѣта дамскихъ костюмовъ, роскошь. Налѣво отъ озера тянулись кавалькады верхомъ; тутъ она узнала герцога де-Розанъ, г. де-Мюсси, г. де-Сафрэ; этотъ послѣдній прокучивалъ свое состояніе съ Бланшъ Мюллеръ, разорившись сперва на Лаурѣ д'Ориньи. Всѣ знакомыя ей дамы были также тутъ: герцогиня Стернихъ въ вѣчной четырехмѣстной желтой каретѣ; г-жа Ловерансъ съ баронессой Мейнгольдъ и мадамъ Дастъ въ ландо; г-жи Тейсьеръ и Гендъ въ коляскѣ. Между ними Сильвія и Лаура д'Ориньи, развалившись, сидѣли въ великолѣпномъ экипажѣ. Даже мадамъ Мишеленъ проѣхала въ купэ... Тутъ она увидѣла Шипрэ, Симпсона, Миньона и Шаррье, Марейля, въ траурѣ, Тутенъ-Лароша и наконецъ барона Гурб...

Коляска уносила Ренэ вмѣстѣ со всѣми остальными по аллеямъ Булонскаго лѣса. Она не чувствовала никакого негодованія, глядя на этихъ хищныхъ звѣрей, накинувшихся вмѣстѣ со второй имперіей на Парижъ и на Францію; но она ихъ ненавидѣла за ихъ сытыя, довольныя физіономіи, за ихъ наглое торжество. Они были неподражаемы. Полныя, бѣлыя дамы торжественно себя показывали; мужчины бойко посматривали, цинично улыбаясь. Но будто она сама была лучше ихъ?.. Вдругъ она замѣтила, недалеко отъ своей коляски, на тротуарѣ, Саккара и Максима. Они медленно шли, взявшись подъ руки. Отецъ должно быть зашелъ къ сыну и оба отправились погулять въ Булонскій лѣсъ, болтая.

— Пойми ты, говорилъ Саккаръ; ты просто болванъ... Кто имѣетъ такія деньги какъ ты, тотъ не оставляетъ ихъ лежать непроизводительно. Въ дѣлѣ, о которомъ я тебѣ говорю, можно получить сто на сто. Это вѣрное дѣло. Ты вѣдь знаешь, что я не надую тебя!

Но Максиму, казалось, надоѣло это приставаніе. Онъ глупо улыбался и смотрѣлъ на кареты.

— Посмотри-ка на эту дамочку въ фіолетовомъ платьѣ, говорилъ онъ. Это бывшая прачка, которую Мюсси вывелъ въ люди.

Они осмотрѣли дамочку въ фіолетовомъ платьѣ. Потомъ Саккаръ, вынувъ сигару, продолжалъ:

— Я тебѣ прямо скажу: будешь дуракъ, если не воспользуешься моимъ предложеніемъ. Ну, что? Согласенъ? Принесешь мнѣ завтра сто тысячъ франковъ?

— Ты вѣдь знаешь, что я не бываю у тебя, отвѣчалъ съ гримасой Максимъ своему отцу.

— Глупости! Пора оставить все это.

Ренэ отвернулась съ отвращеніемъ. Въ это время въ гуляющей публикѣ послышался какой-то шумъ; пѣшіе останавливались, оборачивались, съ открытыми ртами, слѣдя глазами за чѣмъ-то приближавшимся. Кареты ускорили свой ходъ, экипажи почтительно отъѣзжали въ сторону, и въ аллеѣ появились два пикёра, въ зеленыхъ мундирахъ, въ красныхъ шапочкахъ. За ними оставалось пустое пространство. Въ этомъ пустомъ пространствѣ показался императоръ.

Онъ сидѣлъ въ ландо, одѣтый въ черномъ сюртукѣ, застегнутый доверху, большой цилиндръ на головѣ. На передней скамейкѣ сидѣли два господина, во фракахъ, съ почтительнымъ видомъ, молча. Ренэ нашла, что императоръ постарѣлъ.

Въ то время, какъ дамы скромно улыбались, пѣшеходы показывали другъ другу императора. Какой-то толстый господинъ утверждалъ, что императоръ—одинъ изъ тѣхъ, которые сидятъ на передней скамейкѣ. Нѣкоторые приподнимали шляпы и кланялись. Но Саккаръ, снявшій шляпу еще раньше, чѣмъ показались пикёры, ждалъ пока императорская коляска поровняется съ нимъ, и тогда закричалъ своимъ грубымъ, провансальскимъ голосомъ:

— Да здравствуетъ императоръ!

Императоръ, удивленный, обернулся, по всей вѣроятности узнавъ Саккара, и улыбаясь слегка поклонился. Потомъ, коляска проѣхала. Двойной рядъ каретъ снова сомкнулся и видѣніе исчезло...

Ренэ не выходило изъ головы это видѣніе, напомнившее ей другую минуту въ ея жизни. Ей казалось, что императоръ своимъ присутствіемъ придалъ смыслъ и значеніе этому торжественному шествію роскошнаго и развратнаго Парижа...

Слѣдующей зимой, когда Ренэ умерла отъ воспаленія мозга,— долги ея были уплачены ея отцомъ. Счетъ Вормса дошелъ до двухъ сотъ пятидесяти семи тысячъ франковъ.

Этимъ кончается вторая часть новаго романа Золя, названная въ оригиналѣ: «La Curée»; она составляетъ вмѣстѣ съ первою только начало художественныхъ этюдовъ, посвященныхъ соціальной и политической исторіи второй имперіи въ формѣ *«естественной и соціальной исторіи одного семейства»*, какъ авторъ называетъ свой романъ. Художественная правда приводила автора въ послѣдней части не разъ къ циническому описанію парижской жизни, которая освѣтила собой цѣлый историческій періодъ Франціи. «Мнѣ хотѣлось, говоритъ Золя, прослѣдить, въ художественномъ очеркѣ, преждевременное истощеніе цѣлой расы, жившей слишкомъ быстро и заканчивающейся гермафродитизмомъ личности въ испорченномъ обществѣ; бѣшеную лихорадку въ поискахъ за богатствомъ эпохи, готовой на всякое приключеніе; нервное разстройство женщины, которой природные инстинкты нашли себѣ благопріятную почву въ безумной роскоши. Пользуясь этими тремя соціальными уродствами, мнѣ хотѣлось написать художественное произведеніе, которое бы въ то же время составляло добросовѣстный этюдъ нравовъ этой эпохи».—Такое объясненіе со стороны автора оказалось нелишнимъ, такъ какъ вторая часть романа: «La Curée» вызвала незаслуженные нападки за цинизмъ ея. Историческая и художественная сторона романа до такой степени была мало понята вначалѣ, что газета, въ которой Золя началъ помѣщать свой романъ, отказалась печатать вторую часть, ссылаясь именно на цинизмъ, и авторъ принужденъ былъ выпустить ее отдѣльно. Но такое несправедливое отношеніе къ замѣчательному произведенію Золя теперь уже не существуетъ. Критическая оцѣнка сдѣлала свое дѣло; она выяснила настоящіе мотивы, строгую честность намѣреній, блестящее выполненіе крайне трудной задачи; она выгородила автора отъ незаслуженныхъ упрековъ въ безцѣльномъ цинизмѣ и убѣдила-таки слишкомъ цѣломудренныхъ читателей въ томъ, что автору можно и должно простить ино-

гда слишкомъ откровенный разсказъ, слишкомъ безцеремонныя подробности, слишкомъ живыя краски, ради серьезной, основной идеи романа, художественной правды и крупнаго таланта исполненія.

Къ роману Золя вообще невозможно прилагать рутинную критическую мѣрку, которою привыкли оцѣнять художественныя произведенія. По самому существу своему, талантъ Золя—преобразовательный талантъ: его послѣдній романъ указываетъ на крутой поворотъ, совершившійся въ настоящую минуту въ міросозерцаніи и современномъ искусствѣ Франціи. И прежде уже, въ послѣдніе дни второй имперіи замѣчались признаки этого поворота: въ возрожденіи исторической науки, въ цѣломъ рядѣ замѣчательныхъ произведеній по соціологіи, въ разработкѣ французскаго позитивизма, и особенно въ критическихъ трудахъ, между которыми книги Тэна играютъ первенствующую роль. Это обновленіе французской мысли и тогда еще указывало на внутреннюю глухую работу самого общества, которое начало ощущать, можетъ быть еще не довольно сознательно, умственную, нравственную, политическую и общественную дезорганизацію, внесенную второй имперіей, необходимость болѣе прочной почвы, необходимость устранить хаотическое состояніе разлагающагося общества.

Въ этомъ крутомъ переворотѣ искусство, естественно, играетъ не послѣднюю роль. Являясь вѣрнымъ отраженіемъ жизни, оно въ то же время беретъ свое начало въ ней. Вмѣстѣ съ медленнымъ измѣненіемъ народнаго міровоззрѣнія и политическими сотрясеніями, открывающими новый путь для націи, является и соотвѣтствующая реформа въ искусствѣ. Рядомъ съ представителями новаго направленія въ наукѣ и философіи появляются художники, старающіеся олицетворять это направленіе и воспроизводить его въ новой формѣ. Къ такимъ личностямъ принадлежитъ и Золя; характеристическими чертами своего крупнаго таланта, по развитію, по своему политическому и соціальному міросозерцанію, онъ составляетъ весьма крупное явленіе въ современной Франціи.

Послѣдняя часть *семейной хроники* Ругоновъ, какъ слышно, вскорѣ выйдетъ въ свѣтъ.

В. Ч.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ
ДУХОВНАЯ АКАДЕМІЯ
ДО ГРАФА ПРОТАСОВА.

Воспоминанія *).

III.

Бытъ студентовъ.

Въ описываемое мною время, въ концѣ 20-хъ и въ началѣ 30-хъ годовъ, провинціальные семинаристы и духовныя лица имѣли необыкновенно высокое мнѣніе о духовныхъ академіяхъ. По сословному своему самолюбію, они были увѣрены, что уже выслушавшіе полный курсъ однѣхъ семинарскихъ наукъ, переполнивъ себя всякаго рода латынью и тетрадками по словесности, философіи и богословію, бываютъ непремѣнно учеными людьми, и ораторами, и философами, и богословами. Какъ же было не дойти до той мысли, что лучшіе изъ этихъ ученѣйшихъ мужей не иначе могутъ поступать для обученія еще на четыре года, какъ только въ какой-нибудь храмъ премудрости, гдѣ и столъ великолѣпный, утромъ и вечеромъ подаютъ чай съ бѣлымъ хлѣбомъ, одѣваютъ въ сюртуки и фраки изъ лучшаго сукна, ежемѣсячно снабжаютъ студентовъ карманными деньгами для ме-

---

*) См. выше: іюль, 219 стр.

лочныхъ расходовъ, а профессора принадлежатъ къ настоящимъ мудрецамъ? О петербургской же академіи прибавляли, что ее очень часто посѣщаютъ и члены синода, и свѣтская аристократія, и самъ государь. Съ такими-то убѣжденіями и мы трое ѣхали изъ своей семинаріи въ концѣ двадцатыхъ годовъ въ петербургскую духовную академію, увлекаясь золотыми мечтами о собственномъ своемъ величіи и о предстоящемъ намъ великолѣпномъ житьѣ-бытьѣ. Правда, нашъ инспекторъ, очень умный человѣкъ, сдѣлалъ самый невыгодный отзывъ о ней, а восхвалялъ московскую академію, въ которой самъ воспитывался. Но мы не любили его самого за строгость и не повѣрили ему, объясняя его слова тѣмъ соперничествомъ, которое существовало между обѣими академіями. Даже по пріѣздѣ въ академію, ознакомившись уже съ дѣйствительностью, мы по обычному семинарскому самолюбію не вдругъ разстались съ своими золотыми мечтами, какъ будто ожидая, что вотъ онѣ какъ-нибудь осуществятся. А дѣйствительность была очень и очень непривлекательна, какъ читатель убѣдится самъ изъ того, что мы живо помнимъ о бытѣ студентовъ той эпохи и о внѣшней обстановкѣ этого быта.

Каждому студенту выдавалось два сюртука,—одинъ, въ которомъ онъ сидѣлъ въ комнатѣ и въ классѣ; а другой—парадный, главнымъ образомъ назначался для выхода къ начальству, въ церковь, на экзамены, въ городъ. Первый, называвшійся почему-то *шлафрокомъ*, шился изъ мухояра,—не существующей нынѣ матеріи; это была какая-то ткань сѣроватаго или пестраго цвѣта, полульняная, полушерстяная, готовая расползаться при небольшомъ напряженіи. Ее потомъ, съ развитіемъ прогресса, замѣнили нанкою сначала желтоватаго, а потомъ сѣренькаго цвѣта. Шлафрокъ обыкновенно выдавался на цѣлый годъ, въ теченіи котораго при постоянномъ употребленіи онъ на самомъ скромномъ человѣкѣ не могъ не засалиться, не замаслиться, не зачернѣть, не разорваться. Но студенты были народъ молодой, живой, которому приходила охота и побѣгать, и повозиться, и поиграть, которымъ даже нравились порывистыя, сильныя движенія. И потому на большой части ихъ чрезъ полгода и даже ранѣе шлафрокъ, особенно мухояровый, принималъ такой видъ, что въ немъ и бурсака неприлично было бы представлять на глаза даже не очень порядочныхъ людей. Къ этому надобно присовокупить, что портного для починки студентческаго платья въ академіи не было; каждому студенту предоставлялось или самому заняться заштопываньемъ разорванныхъ мѣстъ, или поручать это кому-либо изъ служителей. На первое не у всѣхъ

доставало и охоты, и искусства, а для второго нужны были деньги, избыткомъ которыхъ не всѣ студенты могли похвалиться. Отъ этого шлафроки, во второе полугодіе своего существованія, были не только засалены, зачернѣны, но и разорваны по швамъ и цѣльнымъ мѣстамъ; на иномъ недоставало рукава, или части его; у другого оторвана была часть полы и пр. и пр. И студенты, облеченные въ эту почти полунищенскую одежду, казались настоящими бурсаками. Этому помогало то неряшество, въ которое почти неизбѣжно впадаютъ люди, принужденные дурно одѣваться. Многіе студенты, особенно въ лѣтнее время, сидя въ комнатахъ, не надѣвали панталонъ и даже жилетовъ и галстуковъ. Поэтому изъ-подъ шлафроковъ выглядывало ихъ бѣлье, которое, какъ мы увидимъ, не отличалось бѣлизною. Безъ панталонъ нѣкоторые ходили даже въ классъ на лекціи и въ садъ для прогулокъ; только въ такомъ случаѣ одною рукою старались придерживать полу шлафрока и чрезъ то не позволять «невыразимымъ» быть видимыми. Самые лѣтніе панталоны не очень были щеголеваты, они шились тоже опять изъ не существующей нынѣ матеріи,—китайки бланжеваго или желтоватаго цвѣта. Если они отдавались въ мытье, то замѣняли ихъ панталонами изъ толстаго, некрасиваго сѣраго сукна; лѣтомъ въ нихъ жарко; приходилось уже поневолѣ быть *санкюлотомъ*.

Парадные, праздничные сюртуки не отличались тоже щеголеватостью. На нихъ употреблялось сѣрое сукно низшаго сорта и грубой отдѣлки, котораго дѣйствительная цѣна въ то время не могла быть дороже шести рублей ассигнаціями, а нынѣ оно стоило бы едва ли болѣе одного рубля серебромъ. Непригляденъ былъ сюртукъ изъ такого полусолдатскаго сукна, но онъ дѣлался еще непригляднѣе отъ того *фасона*, по которому его шили. Фасонъ этотъ состоялъ въ томъ, чтобы лифъ опускался чуть ли не ниже поясницы, чтобы подолъ сюртука *билъ*, какъ говорится, *по пятамъ* и отстоялъ отъ пола менѣе, нежели на одну четверть аршина, и чтобы кромѣ того весь сюртукъ сидѣлъ на туловищѣ *мѣшкомъ*. Это почти-что не сюртукъ, а какая-то *хламида*, какой-то полуподрясникъ съ разрѣзомъ назади и съ шестью пуговицами спереди на каждой сторонѣ. Дополненіемъ къ такой парадной одеждѣ служили бланжевые китайчатые, или сѣрые суконные панталоны, о которыхъ сейчасъ я говорилъ, и кромѣ того для прикрытія головы шляпа, не стоившая и тогда болѣе пяти рублей ассигнаціями, но выдававшаяся на цѣлыхъ два года и для зимы, и для лѣта; никакой фуражки, ни теплой, ни холодной не полагалось.

О впечатлѣніи, которое производили люди, облеченные въ

описанную домашнюю и парадную одежду, можно судить по слѣдующимъ двумъ дѣйствительнымъ событіямъ. Въ началѣ двадцатыхъ годовъ поступилъ въ академію учитель одного изъ училищъ казанской епархіи, человѣкъ бойкій, незастѣнчивый и привыкшій жить самостоятельно. Въ комнатѣ, гдѣ его помѣстили, онъ нашелъ нѣсколько будущихъ своихъ товарищей, которые прежде него пріѣхали въ Петербургъ и одѣты были не въ казенное, а въ свое платье; не будучи щеголеватымъ, оно все-таки казалось и не слишкомъ бѣднымъ. Между тѣмъ ему съ дороги захотѣлось выпить водки (это было уже въ нравахъ), а тутъ кстати проходилъ чрезъ комнату человѣкъ въ засаленномъ, изношенномъ мухояровомъ сюртукѣ. Онъ счелъ его за служителя, тогда какъ это былъ старшій въ двухъ комнатахъ. «Эй ты, послушай-ка! сказалъ ему новопріѣзжій, сходи, купи мнѣ водки». Несчастный вынужденъ былъ объяснить новичку, что онъ-де не служитель, а студентъ, обучающійся уже два года въ академіи, и при томъ особа чиновнаго сорта, господинъ старшій.

Другой случай происходилъ во время многолюднаго гулянья въ какой-то лѣтній день на Елагиномъ островѣ. Туда отправилось нѣсколько студентовъ въ своихъ сѣрыхъ парадныхъ сюртукахъ, спускавшихся до самыхъ пятокъ, въ бланжевыхъ брюкахъ и въ шляпахъ; къ несчастію все это было поизношено. Между тѣмъ студенты, сознавая личное свое ученое достоинство, смѣло кучею похаживали по аллеямъ. Полиція замѣтила эту группу людей, которые въ пріемахъ обнаруживали самоувѣренность, а по костюму своему походили на извѣстныхъ имъ обывателей, закупавшихъ свой костюмъ на небольшія деньги въ толкучемъ рынкѣ; ихъ сочли просто за жуликовъ. Поэтому одинъ изъ высшихъ полицейскихъ чиновниковъ, остановивъ студентовъ, сказалъ имъ внушительно: «Эй, смотрите у меня, не шалить; иначе запорю».

Надобно сказать, что сѣрые суконные сюртуки и мухояровые шлафроки употреблялись только въ петербургской духовной академіи. Въ другихъ же академіяхъ шили студентамъ конечно не великолѣпную, но болѣе сносную одежду, въ которой по крайней мѣрѣ не считали ихъ за принарядившихся служителей или за жуликовъ низшаго разбора, *занимающихся по карманной части*. Во многихъ даже семинаріяхъ суконные сюртуки были лучше, нежели въ петербургской духовной академіи, а мухояръ вовсе даже не былъ извѣстенъ; онъ встрѣчался на однихъ только ученикахъ низшихъ духовныхъ училищъ, на настоящихъ бурсакахъ.

Скажу и о прочихъ шерстяныхъ, льняныхъ и шелковыхъ туалетныхъ принадлежностяхъ, которыя выдавались въ петербургской духовной академіи. Вполнѣ удовлетворительно снабжались студенты обувью и шейными шелковыми платками, именно выдавалось по три пары сапоговъ и по двѣ косынки; съ начала же тридцатыхъ годовъ заведено было, чтобы сапожникъ доставлялъ столько сапожныхъ паръ студенту, сколько этотъ износитъ. Тутъ студенты нуждались только въ калошахъ и подгалстучникѣ. Но относительно другихъ совершенно необходимыхъ вещей казна была не очень щедра. Рубашечнаго бѣлья ежегодно выдавалось каждому по три пары, конечно не изъ грубаго, однако и далеко не изъ тонкаго холста. Носовыхъ платковъ и утиральниковъ почему-то вовсе не полагалось, а всѣмъ, кому не на что было купить ихъ, предоставлялось высмаркиваться по своему разумѣнію, на что болѣе деликатные употребляли листъ бумаги, а утирать свое лицо и руки послѣ умыванья приходилось рукавомъ или полою своего засаленнаго и загрязненнаго шлафрока. Носковъ, притомъ только холодныхъ, выдавалось по три пары на годъ; носи ихъ и лѣтомъ и зимою, умѣй сберечь ихъ, а при помощи ихъ и свои ноги отъ мороза. Шинелей или какого-либо другого теплаго, или полутеплаго платья, которымъ можно бы защитить себя и отъ холода, и отъ дождя, опять почему-то не полагалось. Бывали кое у кого тулупы изъ овечьихъ шкуръ; но студентческое самолюбіе не позволяло въ такой одеждѣ ходить въ городъ; ихъ надѣвали только для прогулокъ въ академическомъ саду или по двору. И потому, если у кого не было ни шинели, ни тулупа, то ему и въ городъ, и для прогулки дома оставалось ходить только въ суконной хламидѣ,—парадномъ сюртукѣ. Впрочемъ я и забылъ сказать, что еще выдавалась суконная или фланелевая куртка, которую и предоставлялось надѣвать подъ сюртукъ, чтобы защитить себя отъ петербургскихъ морозовъ, а ее самую отъ петербургскихъ слякоти и дождей. Конечно, добрые товарищи, владѣльцы шинелей, дозволяли употреблять ихъ и неимущимъ; но были смѣльчаки, которые въ сильные морозы отправлялись въ гости въ сапогахъ и нитяныхъноcкахъ безъ калошъ, въ сюртукахъ, подъ которыми скрывалась суконная или фланелевая куртка, и въ холодной шляпѣ. Сидя въ теплой комнатѣ, особенно за чаемъ, они потѣли и все-таки возвращались домой въ томъ же костюмѣ. За то чтó и за ходоки были! верстъ шесть пройти въ часъ для нихъ ничего не значило; иной ванька на своей кляченкѣ не могъ такъ скоро ѣхать.

Недостатокъ и дурныя качества казенной одежды заставляли

студентовъ, у которыхъ были лишнія деньги, покупать свое собственное платье. Главную роль въ этомъ случаѣ играла шинель, которая бы защищала своего владѣльца отъ холода и дождя внѣ академіи, — затѣмъ суконный сюртукъ, въ который одѣвшагося не считали бы служителемъ или жуликомъ. Фраки были кое у кого, но только очень у немногихъ, и употреблялись тайкомъ отъ начальства, которое эту одежду, введенную въ моду первою французскою революціей, считало неприличною для духовныхъ воспитанниковъ. Люди, заботившіеся о домашнемъ комфортѣ, пріобрѣтали такъ-называвшіеся тогда бухарскіе халаты изъ полосатыхъ цвѣтныхъ матерій. Въ послѣдней одеждѣ спокойно сиживали въ комнатахъ и не снимали ее, если даже напередъ узнавали о предстоящемъ визитѣ начальства. Люди посмѣлѣе ходили въ ней даже въ столовую, а нѣкоторые въ зимнее время накидывали ее на плеча вмѣсто шинели и отправлялись по холоднымъ корридорамъ въ классъ. Такимъ образомъ и здѣсь, и въ комнатахъ, и въ столовой уже нельзя было видѣть того однообразія въ одеждѣ, которое обыкновенно считается необходимымъ въ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ. Студенты говорили, что въ этомъ отношеніи въ академіи господствовалъ *лирическій безпорядокъ*.

Несмотря на слишкомъ ясную недостаточность казенной одежды, въ академіи развилась особая промышленность для обмѣна ея на наличныя деньги. Эта промышленность основывалась на томъ, что начальство, подрядивъ какого-либо поставщика на тотъ или другой предметъ, предоставляло ему входить въ добровольныя съ студентами соглашенія, получать ли имъ заподряженныя вещи, или вмѣсто нихъ какую-либо сумму, которую, разумѣется, назначалъ поставщикъ по собственному усмотрѣнію. Очень многіе студенты пользовались этимъ для улучшенія финансовъ. Разсчитывая, что тѣ или другія вещи, которыя они имѣютъ, не износятся до новой выдачи, они брали съ поставщика деньги. Такая замѣна касалась преимущественно сапоговъ, шейныхъ платковъ и рубашечнаго бѣлья. Но воспитанники духовно-учебныхъ заведеній были издавна плохими математиками; поэтому въ данномъ случаѣ дѣлали неудачные разсчеты, отчего, напр., у нѣкоторыхъ бѣлье состояло почти изъ однихъ лохмотьевъ. Про такихъ господъ товарищи говаривали, что они имѣютъ не рубахи, а только *идеи рубахъ*. Точно также у иного молодца сапоги оказывались до такой степени изношенными, что ихъ не согласился бы починить ни одинъ сапожникъ; о небольшихъ, такъ сказать, отдушинахъ, въ которыя выглядывали пальцы, или о множествѣ заплатъ, которыми прикрывались эти отдушины,

нечего и говорить. Владѣльцы такой обуви уже никакъ не могли идти въ ней въ городъ, а между тѣмъ въ праздничные дни очень желалось побывать у своихъ знакомыхъ. Для этого, разумѣется, надобно было завладѣть сапогами какого-либо своего любезнаго товарища, и потомъ, по минованіи въ нихъ надобности, тихонько, какъ говорится, *подкинуть* ихъ. Если бы хозяинъ какъ-нибудь уличилъ въ такомъ похищеніи, то все объяснялось ошибкою. Въ этомъ отношеніи своими похожденіями пріобрѣлъ извѣстность студентъ девятаго выпуска, блаженной памяти Иванъ Ивановичъ Орловъ, у котораго не слишкомъ часто бывали хорошіе крѣпкіе сапоги, но онъ пріобрѣталъ и возвращалъ чужіе слѣдующимъ образомъ. Многіе студенты въ воскресные и праздничные дни поручали кому-либо изъ служителей вычистить пару сапоговъ за 10 коп. асс. Служитель обыкновенно разносилъ вычищенные сапоги прежде, нежели студенты просыпались и ставилъ каждую пару близъ кровати владѣльца ея. Иванъ Ивановичъ, облюбовавши ту пару, которая приходилась ему по ногѣ, надѣвалъ ее и поскорѣе уходилъ въ городъ. Владѣлецъ сапоговъ, проснувшись и не видя сапоговъ близъ своей кровати, отправлялся къ служителю и узнавалъ, что они давнымъ-давно уже отнесены къ нему. Дѣлать нечего, приходилось надѣвать другіе сапоги. Возвратившійся вечеромъ Иванъ Ивановичъ не входилъ, а какъ-бы врывался въ комнату съ словами: «братцы, новости! новости! слушайте!» и начиналъ свой разсказъ. Если въ это время хозяинъ надѣтой имъ сапожной пары спрашивалъ его: «послушай, Иванъ Ивановичъ, зачѣмъ ты унесъ мои сапоги?»—«Что? отвѣчалъ съ разстановкою Иванъ Ивановичъ.—«Зачѣмъ ты унесъ мои сапоги?» Опять его спрашивали.—«Фу! говоритъ съ негодованіемъ Иванъ Ивановичъ; вотъ смотрите: каковы товарищи! Эка присталъ изъ-за какихъ-либо сапоженокъ. Вотъ они! возьми ихъ! нужда мнѣ въ нихъ большая»! и скинувши ихъ съ ногъ, бросалъ на полъ.

Неужели академическое начальство вовсе не догадывалось о всѣхъ такихъ недостаткахъ, спроситъ быть можетъ насъ читатель, и если опять догадывалось,—то почему же оно не заботилось объ исправленіи ихъ, а допускало студентовъ ходить въ такихъ *вретищахъ*, что принимали ихъ за служителей, или толкучечныхъ жуликовъ? Съ формальной стороны оно могло считать себя невиноватымъ, потому что выдавало студентамъ всѣ вещи, положенныя по уставу, притомъ или изъ тѣхъ же самыхъ матеріаловъ, которые уставъ назначалъ, или даже изъ лучшихъ, напр. вмѣсто мухояра стало употреблять нанку. Притомъ, нѣкоторые изъ ректоровъ не только словесно, но и письменно старались убѣдить высшее начальство въ томъ, что надобно улуч-

шить студентческую одежду. Но что же имъ было дѣлать, когда получались отвѣты въ родѣ слѣдующаго: «Къ чему это? вѣдь учились же прежде студенты въ мухояровыхъ и сѣрыхъ суконныхъ сюртукахъ; вѣдь отъ улучшенія одежды студенты не сдѣлаются ни умнѣе, ни прилежнѣе, ни нравственнѣе». Несмотря на такіе отвѣты, нѣкоторые сами рѣшались дѣлать отступленія отъ устава, чтобы хоть сколько-нибудь платье студентовъ было сноснымъ на видъ; напр., въ 1832-мъ году инспекторъ и экономъ кое-какъ убѣдили Григоровича сшить парадные сюртуки не изъ сѣраго, а изъ чернаго сукна, притомъ сшить настоящіе сюртуки, а не хламиды въ родѣ полуподрясниковъ. Такимъ образомъ, если нельзя вполнѣ оправдать академическое начальство, то можно по крайней мѣрѣ извинить хоть нѣкоторыхъ лицъ, изъ которыхъ оно состояло. Кто же былъ однако главнымъ виновникомъ въ недостаткахъ студентческой одежды? Пожалуй, людей тутъ нельзя и обвинять, такъ какъ въ этомъ случаѣ главными виновницами были *идеи*. Для объясненія такого отвѣта нужно знать, что члены нашего тогдашняго ученаго и начальственнаго чернаго духовенства издавна держались убѣжденія, что духовныхъ воспитанниковъ надобно пріучать къ смиренію, беречь отъ разсѣянности и держать какъ можно далѣе отъ свѣтскаго общества, которое, какъ думали *древле* и какъ пожалуй и нынѣ думаютъ *нѣцыи*, ужасно какъ можетъ развращать духовныхъ юношей, съ нимъ сближающихся. Надежнымъ якобы средствомъ для достиженія всѣхъ перечисленныхъ цѣлей служитъ дурная одежда. Облеченный въ какую-либо хламиду, или во вретище уже не въ состояніи будетъ превозноситься предъ другими и, главное, не будетъ принятъ въ порядочное свѣтское мѣсто. Въ первомъ выпускѣ петербургской духовной академіи упустили изъ вида это *премудрое* или, лучше, *премудреное* правило; тогда составляли академическій уставъ Сперанскій и архіепископъ Ѳеофилактъ Русановъ, думавшіе, что изъ академистовъ не нужно было дѣлать монастырскихъ послушниковъ, а слѣдуетъ сблизить ихъ и наукою и жизнію съ треклятымъ свѣтомъ. Студентамъ перваго выпуска шили казенные даже фраки. Но въ нихъ при помощи монастырскихъ очковъ замѣтили большой недостатокъ смиренія и запасъ свѣтскости; они даже были обвиняемы въ такъ-называемомъ бунтѣ изъ-за дурной пищи. Конечно, причинъ на это было немало, но къ числу ихъ отнесли и хорошую одежду. Поэтому для слѣдующихъ курсовъ, уже подъ руководствомъ Филарета Дроздова, составлено новое росписаніе студентческой одежды, которую я и описалъ.

Въ другихъ академіяхъ нашли возможнымъ кое въ чемъ отступить отъ этого росписанія, потому что въ нихъ, особенно

въ московской, студенты очень мало могли подвергаться соблазнамъ отъ свѣтскихъ людей. Но въ петербургской академіи, помѣщающейся въ городѣ, гдѣ такъ много *свѣтскаго свѣта*, надобно было препятствовать студентамъ сближаться съ нимъ; и росписаніе смиренной студентческой одежды осталось почти безъ всякихъ перемѣнъ до тридцатыхъ годовъ. Григоровичъ, согласившійся, по убѣжденію инспектора и эконома, какъ сейчасъ было сказано, сшить сюртуки изъ чернаго сукна, которые бы не доставали до пятокъ, совсѣмъ-было рѣшился на «безобразную» выходку. Но увидавши, что сюртуки вышли, по его мнѣнію, очень короткими, онъ не только далъ жестокой нагоняй эконому, портному и кстати разругалъ студентовъ, но и непремѣнно требовалъ, чтобы портной пришилъ наставки къ подолу сюртуковъ и такимъ образомъ привелъ ихъ въ узаконенную для духовныхъ воспитанниковъ мѣру. Едва-едва убѣдили его, что отъ такихъ наставокъ сюртуки сдѣлаются непозволительно безобразными.

Достигалась ли по крайней мѣрѣ цѣль, къ которой стремились, облекая студентовъ въ хламиды и во вретища? Насколько этотъ моральный мотивъ пріучалъ ихъ къ смиренію и удерживалъ отъ сближенія съ свѣтскимъ обществомъ? Опытъ показалъ, что мухояръ, китайка бланжеваго цвѣта и *идеи рубахъ* и пр. пробуждали и усиливали въ студентахъ не смиреніе, а негодованіе на начальство, которое дѣлало ихъ похожими по внѣшнему виду на полунищихъ или толкучечныхъ жуликовъ. Привыкши же къ лохмотьямъ и вретищамъ, они пріучались и къ цинизму, образчики котораго мы уже видѣли и еще увидимъ. Не отдѣлила также всѣхъ студентовъ одежда китайскою стѣною отъ свѣтскаго міра. Одни находили средства сшить себѣ свой хорошій сюртукъ, или даже фракъ; другихъ добрые порядочные люди принимали къ себѣ, несмотря на сермяги, въ которыхъ они были одѣты, и вмѣстѣ съ ними бранили низшее и высшее начальство за то, что оно такъ нищенски содержало воспитанниковъ высшаго учебнаго заведенія. Тутъ студенту по ходу разговора приходилось услышать о такихъ вещахъ, которыхъ у него и въ головѣ не было. Но оставалось немалое число студентовъ, которые, по причинѣ дурной одежды, или по неимѣнію знакомыхъ, дѣйствительно уже не сближались съ хорошимъ свѣтскимъ обществомъ. Они, не имѣя возможности попасть въ хорошій домъ, гдѣ бы въ праздничные дни могли проводить время среди образованнаго общества и поучиться, какъ себя держать въ немъ, искали и находили знакомыхъ между дьячками, мѣщанами, отставными солдатами, чиновниками низшаго сорта и т. д. У иного не отыскивалось знакомыхъ даже и между этимъ людомъ, а между тѣмъ академическая жизнь

прискучила ему; надобно было гдѣ-нибудь поразвеселиться. И вотъ мы заходимъ въ тѣ заведенія, только не учебныя, гдѣ половые готовы къ услугамъ, принесутъ все, что ни прикажете, только имѣйте деньги. Наконецъ нѣкоторые оставались и домосѣдами. Ниже я объясню послѣдствія и домосѣдничества студентовъ и ихъ знакомства съ дьячками, мѣщанами, неучебными заведеніями и пр., а теперь пойдемъ дальше.

Непріятно быть плохо одѣтымъ и сидѣть даже въ комнатѣ въ какомъ-нибудь изношенномъ и засаленномъ мухояровомъ шлафрокѣ, но тутъ по крайней мѣрѣ грѣшное наше тѣло не дѣлаетъ никакихъ возраженій, не обнаруживаетъ никакихъ настойчивыхъ требованій, если только температура достаточно тепла. Другое дѣло быть плохо накормленнымъ и не удовлетворять потребностямъ желудка. Этотъ нашъ органъ принадлежитъ къ самымъ ужаснымъ революціонерамъ, не слушаетъ никакихъ теорій, да и голову увлекаетъ за собою. При голодѣ самый смирный человѣкъ приходитъ въ раздраженіе и дѣлается несноснымъ ворчуномъ, а иногда рѣшается на отчаянные поступки. Но въ духовныхъ академіяхъ всѣ науки, относящіяся къ естествознанію, не были въ почетѣ, физіологія же тогда не всѣмъ въ нихъ была извѣстна и по названію своему; и потому начальство не слишкомъ заботилось объ удовлетвореніи требованіямъ желудка, памятуя одно, что «сытое брюхо — къ ученью глухо»!

Академія въ этомъ отношеніи немного отличалась отъ семинарій. Конечно, тамъ пища не была положительно-дурною во всякое время, но не могла назваться удовлетворительною. Относительно ея въ петербургской духовной академіи описываемое мною время надобно раздѣлить на двѣ части. Въ первую, при ректорѣ Доброзраковѣ, въ будничные дни и за обѣдомъ и за ужиномъ готовили студентамъ только по два блюда; одно состояло изъ щей или супа, а другое изъ каши, за обѣдомъ пшенной, а за ужиномъ гречневой. Въ воскресные и неважные праздничные дни прибавлялось въ обѣдъ третье блюдо, подъ именемъ жаркого; это была говядина въ соусѣ. Наконецъ въ важнѣйшіе праздники обѣдъ состоялъ изъ четырехъ блюдъ: холоднаго, щей, жаркого и пироговъ. Въ послѣднемъ случаѣ, при хорошихъ съѣстныхъ припасахъ, студентамъ уже можно было не жаловаться на голодъ; если пища приготовлялась не изысканно-гастрономическимъ образомъ, за то желудокъ наполнялся ею съ избыткомъ; догадливые люди уносили съ собою въ комнаты пироги, чтобы ихъ скушать въ длинный промежутокъ между обѣдомъ и ужиномъ. И потому студенты съ особеннымъ удовольствіемъ ожидали такихъ праздниковъ или, лучше, обѣдовъ. О нихъ можно было догады-

ваться еще наканунѣ во всенощную, во время которой предъ праздниками зажигали свѣчи въ люстрѣ. У студентовъ составилась примѣта, что если зажигаются всѣ свѣчи въ ней, то имъ за обѣдомъ въ слѣдующій день предстоитъ кушать пироги и еще три блюда, а если зажигалась только половина свѣчъ, то предстоялъ обѣдъ изъ трехъ блюдъ безъ пироговъ. И потому, когда церковный служитель зажигалъ свѣчи въ люстрѣ, то глаза всѣхъ студентовъ обращались на нее;—если зажигались всѣ свѣчи къ ряду, то студенты съ улыбкою посматривали другъ на друга; иной нетерпѣливый не удерживался и говорилъ: «ну, братцы, завтра пироги». А если зажиганіе происходитъ черезъ свѣчку, ну тогда нечего смотрѣть, не о чемъ шептать; развѣ только кто-либо ругнетъ начальство за то, что оно не уважаетъ такого праздника, какъ завтрашній, и отнимаетъ пироги, на который иной желудокъ уже разсчитывалъ. Въ воскресенье же и праздничные дни студенты если не наѣдались *до отвалу*, то все-таки имѣли очень удовлетворительную пищу. Наконецъ въ будничные дни имъ не было уже поводовъ восхищаться своимъ обѣдомъ; щи и каша не считались роскошью и въ семинаріяхъ; академисты имѣли право желать, чтобы ихъ въ этомъ отношеніи ставили нѣсколько повыше семинаристовъ. Впрочемъ за всѣмъ тѣмъ обѣдъ и ужинъ изъ двухъ блюдъ, не дурно приготовленныхъ, не заставлялъ еще студентовъ голодать, но только въ скоромные дни.

Совсѣмъ другое дѣло было въ постные дни, а они, какъ извѣстно, иногда составляютъ болѣе половины цѣлаго года. Въ эти дни, въ ректорство Іоанна Доброзракова, свѣжая рыба почти вовсе не покупалась для студентческаго стола, даже и въ праздники готовилась преимущественно соленая невысокаго сорта, извѣстная тогда подъ названіемъ *тѣшки*. Обѣдъ и ужинъ состояли изъ щей или супа со снятками или грибами, изъ каши пшенной или гречневой съ постнымъ масломъ; для разнообразія щи иногда замѣнялись горохомъ; прибавлялась иногда въ видѣ третьей перемѣны капуста, приготовленная на манеръ холоднаго или жаркого, такъ что у студентовъ составилась поговорка: «нынѣ во время обѣда были три капусты: капуста сырая, капуста вареная и капуста жареная». Въ такіе дни, особенно за ужиномъ, было даже голодно; нѣкоторые студенты, если только знали, что никто изъ начальства не будетъ въ столовой, не ходили въ нее, когда супъ со снятками и гречневая *каша-размазня* съ льнянымъ масломъ могли привлекать къ себѣ только самый неприхотливый, бурсацкій желудокъ; если же и ходили, то ничего не ѣли, а сидѣли для одной формальности. Въ такіе-то ужины особенно много расходилось соли; досадуя

на дурную пищу, студенты хотѣли по крайней мѣрѣ отмстить, *насолить* начальству тѣмъ, что изъ солонокъ высыпали всю соль въ супъ; все-таки, конечно, не желудку, *а сердцу бывало полегче*.

Пища, неудовлетворительная по количеству и качеству блюдъ, дѣлалась еще неудовлетворительнѣе отъ разныхъ обстоятельствъ. Особеннаго завтрака или полдника студентамъ не полагалось, кромѣ чернаго хлѣба, который можно было кушать въ буфетѣ. Затѣмъ, начальство не хотѣло пріискать хорошаго и, какъ говорятъ, ученаго повара, который и изъ простыхъ припасовъ умѣетъ приготовить вкусное блюдо. Поваромъ былъ одинъ изъ солдатъ-служителей, *понабившій*, конечно, *руку* въ приготовленіи скоромныхъ супа и щей, но далеко не специалистъ своего дѣла. *Были грѣшки* также относительно припасовъ. Мука ржаная, крупа пшенная и гречневая покупались хорошаго, даже лучшаго качества; печеный хлѣбъ былъ, можно сказать, превосходный. Но говядина не всегда, даже очень не всегда принадлежала къ лучшей черкасской, какъ требовалось по контракту; тёшка иногда не только не поддавалась зубамъ, но и отзывалась не совсѣмъ пріятнымъ запахомъ; попадалось, хоть и рѣдко, прогорьклое масло и т. п. А былъ еще и такой случай 6-го августа 1830 года. Доброзраковъ заготовилъ для себя малосольныхъ сиговъ, но узнавши отъ своего повара, что они поиспортились, велѣлъ эконому употребить ихъ для студентческой столовой, а ему уплатить сумму, которой стоили сиги. Онъ указывалъ и на то, что его назначили епископомъ въ Пензу; не везти же съ собою и сиговъ. Надобно думать, что экономъ едва ли зналъ о томъ, каковъ это мнимый подарокъ, потому что онъ напередъ сказалъ студентамъ: «вотъ у насъ въ день Преображенія будетъ отличный столъ; отецъ ректоръ отдалъ вамъ своихъ малосольныхъ сиговъ». Студенты, которымъ кромѣ *тешки* почти ничего рыбнаго не удавалось покушать, очень были рады такому сюрпризу и съ удовольствіемъ ожидали вожделѣннаго обѣда. Но когда пришли 6-го августа въ столовую, то были поражены невыносимымъ запахомъ; нельзя было не только ѣсть рыбу, но даже сидѣть близъ нее.

Голодъ, по пословицѣ, *не свой братъ*, *не тетка*, отъ него всякому поскорѣе хочется отдѣлаться. Поэтому голодавшіе студенты употребляли всѣ средства, чтобы восполнить то, чего не давала казна. Объ одномъ изъ нихъ, именно о чаепитіи пока не говорю, потому что оно употреблялось и сытыми, и голодными студентами, а теперь укажу на другія средства. Нѣкоторые студенты побогаче другихъ подговаривали больничнаго по-

вара, чтобы онъ во время постовъ на своей кухнѣ приготовлялъ имъ къ обѣду и ужину скоромный супъ или молочную кашу; за это, разумѣется, платили ему деньги. Другіе чрезъ служителей покупали кувшины молока, которое въ пополненіе обѣдовъ и употребляли съ черным хлѣбомъ. Очень многіе брали у булочника булки, рѣдко на деньги, а большею частью въ долгъ *на книжку,* какъ выражались. Расходъ булокъ былъ такъ великъ, что приходили два булочника—одинъ утромъ часу въ восьмомъ, а другой предъ самымъ обѣдомъ. Смѣшно, а вмѣстѣ и грустно бывало смотрѣть, какъ студенты, идя въ столовую, или возвращаясь изъ нея, запасаются булками, зная напередъ, или убѣдившись за обѣдомъ, что благочестивое начальство, заботясь о соблюденіи церковныхъ правилъ, не заботилось о томъ, чтобы студенты не голодали; вѣдь нѣтъ положительно ни одного правила, которымъ бы предписывалось дурно кормить воспитанниковъ въ постные дни. Но студенты были народомъ очень небогатымъ; долги ихъ булочникамъ росли и умножались; немногіе расплачивались, а прочіе забирали болѣе и болѣе, обѣщаясь какъ-нибудь расплатиться, особенно по окончаніи курса; но тутъ являлись новыя настоятельныя нужды. Булочники начали жаловаться; ихъ слезныя прошенія появлялись даже въ коммиссіи духовныхъ училищъ. Вмѣсто того, чтобы позаботиться объ улучшеніи пищи, высшее начальство предписывало обязать подписками студентовъ, продолжавшихъ еще обучаться, не брать булокъ въ долгъ, а съ окончившихъ курсъ, если они находились въ духовно-училищной службѣ, вытребывали долги. Являлись предписанія въ правленія семинарій о взысканіи съ такого-то и съ такого-то денегъ за забранныя имъ булки у какого-либо изъ крестьянъ Вонифатія. Семинаріи, т.-е. ученики семинарій, узнавши о томъ, никакъ не могли понять, какимъ образомъ случилось, что ихъ сановитый и величавый профессоръ философіи, или еще болѣе сановитый и величавый и вмѣстѣ благочестивый отецъ-инспекторъ такъ много задолжали за булки какому-либо Вонифатію и до сихъ поръ не расплачивались съ нимъ. Въ простотѣ сердечной тогдашніе семинаристы, какъ я уже сказалъ, думали, что въ академіяхъ для студентовъ приготовляется пища вполнѣ достаточная, барская, а вовсе не такая, какою приходилось имъ, бурсакамъ, набивать свои желудки.

Когда студенты рѣшались жаловаться на дурную пищу, то имъ тогда проповѣдывалось, что подобныя жалобы отзываются чревоугодіемъ, что нужно *пещисъ* не о плоти, нашемъ злѣйшемъ врагѣ, а о единой безсмертной душѣ. Въ московской духовной академіи въ двадцатыхъ годахъ былъ инспекторъ, который, на-

скучивъ вѣчными жалобами студентовъ на пищу, рѣшился показать этимъ чревоугодникамъ, кому они уподобляются. Когда старшіе пришли въ одинъ день рапортовать о благосостояніи студентовъ, то отецъ инспекторъ встрѣтилъ ихъ слѣдующими словами: «знаете ли, какая мнѣ мысль пришла, когда я услышалъ, что вы идете ко мнѣ?» и получивъ въ отвѣтъ: «не знаемъ», продолжалъ: «вотъ, думалъ я, идутъ израильтяне, воздыхающіе не объ обѣтованной землѣ, а о яствахъ египетскихъ». Въ семинаріяхъ начальство не любило прибѣгать къ такимъ тонкимъ сравненіямъ. На жалобы учениковъ касательно пищи частенько отвѣчали слѣдующимъ образомъ: «Вотъ еще что придумали, голыши, неблагодарные! Казна васъ кормитъ, даетъ вамъ пріютъ, а вы еще жалуетесь на нее. Ахъ вы, неблагодарные!» и пр.

Есть пословица: *не красна изба углами, красна пирогами*. Я уже сказалъ, что академическая столовая не была красна пирогами; но еще менѣе она красовалась углами, — всею своею внѣшнею обстановкою, которою развѣ могла похвастаться только предъ семинаріями. Здѣсь въ то время о красотѣ вовсе уже не думали; столы въ столовой обыкновенно ничѣмъ не покрывались; о салфеткахъ не имѣли и понятія; во многихъ мѣстахъ мисками служили деревянныя чашки; ложку каждый ученикъ долженъ былъ имѣть свою и самъ приносить ее въ столовую; у дворниковъ на постоялыхъ дворахъ можно было встрѣтить столовыя принадлежности поприглянѣе, нежели въ столовыхъ для семинаристовъ, воспитывавшихся подъ непосредственнымъ надзоромъ мудрыхъ и благочестивыхъ иночествующихъ лицъ. Въ академической же столовой столы все-таки закрывались скатертями, для каждаго студента ставился особый приборъ изъ тарелки, салфетки и деревянной ложки въ видѣ лодочки. Миска и разливныя ложки были мѣдныя—полуженныя. Посуда вытиралась и вымывалась не съ особою заботливостью; отчего хоть благочестивое начальство всячески старалось соблюдать церковныя постановленія относительно студентческой пищи, между тѣмъ въ среду и пятницу во время мясоѣдовъ на поверхности постныхъ супа и щей плавали блестки вовсе не постныхъ качествъ. Столовое бѣлье перемѣнялось чрезъ недѣлю; отчего во вторую половину ея оно въ строгомъ смыслѣ не могло уже называться бѣльемъ. Такъ сказать, учерненію его помогали сами студенты. Многіе изъ нихъ пріѣзжали въ академію, не имѣя понятія о томъ, какъ обѣдаютъ за столами порядочныхъ людей. Нѣтъ еще 20-ти лѣтъ, какъ въ Петербургѣ умеръ протоіерей Покровской церкви въ Коломнѣ Гр. Ал. Д—ій. Отъ него самого

можно было слышать разсказъ о первомъ его дебютѣ въ академической столовой. Онъ, взявши свою порцію говядины и слыша совѣты разрѣзать ее на куски, никакъ не рѣшился произвести эту мудреную операцію въ своей тарелкѣ, а заворотилъ скатерть и на голомъ столѣ, придерживая порцію не вилкою, а пальцами лѣвой руки, изрѣзалъ ее; и потомъ подставивъ тарелку поближе къ столу, правою рукою сдвинулъ въ нее со стола куски говядины, опустилъ завороченную скатерть и принялся за обѣдъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Такого рода джентльмены не очень деликатились съ скатертями и салфетками. Нужно было обтереть ложку? для этого служила скатерть, которая кромѣ того безъ милосердія заливалась щами. Показалось, что каши подано много? излишекъ валили на скатерть же. Захотѣлось облегчить свой носъ? употребляли салфетку вмѣсто носового платка. Можно понять, чѣмъ при такомъ умѣньи сохранять чистоту и опрятность дѣлалось столовое бѣлье послѣ 2 — 3 дней употребленія и чѣмъ оно становилось послѣ, въ концѣ недѣли!

Начальство очень рѣдко ходило въ столовую. Ректоръ являлся въ ней развѣ въ экстренномъ какомъ-либо случаѣ, а иногда въ цѣлый годъ въ нее и не заглядывалъ. Инспекторъ приходилъ большею частью въ четвергъ, въ праздничные и воскресные дни за ужинъ, чтобы лично убѣдиться, всѣ ли студенты возвратились изъ города въ благоприличномъ видѣ. Такого рода свободою отъ начальственнаго надзора студенты пользовались *по-своему*. Обыкновенно звонка къ обѣду не дожидались, а вышедши изъ класса и поскорѣе отнесши книги въ комнату, подступали къ столовой. И такъ какъ дверь въ нее изъ корридора была еще заперта, то входили или лучше врывались въ нее чрезъ буфетъ, останавливаемые иногда служителями и встрѣчаемые словами: «да погодите, господа! нѣтъ ничего еще готоваго». Цѣль этого насильственнаго вторженія состояла въ томъ, чтобы позавладѣть лучшей порціей говядины изъ тѣхъ, которыя стояли близъ каждой миски; люди посмѣлѣе *на просторѣ простирали руку* и не на принадлежащія къ ихъ мискѣ порціи. Потомъ торопились разрѣзать порціи и когда появлялись служители съ мисками щей, то поднимался крикъ: «сюда, Петруха, сюда, Григорій» и пр. Въ постные дни иногда бы не зачѣмъ ходить ранѣе звонка, потому что при Доброзраковѣ рыбы почти никогда не подавали, но ужъ привычка была сдѣлана и всѣ до звонка спѣшили въ столовую, точно какъ будто иначе прозѣваешь свое мѣсто. И потому когда пробьетъ бывало звонокъ, то развѣ нѣсколько чудаковъ войдутъ въ столовую; за такую просрочку имъ и доставались самыя дурныя порціи. Предъ ужи-

номъ большая часть студентовъ или занимались чѣмъ-нибудь, или безъ часовъ не могли угадать, когда онъ начнется, поэтому *преждевременныя вторженія* въ столовую были не многолюдны. Но нѣкоторые любители лучшихъ порцій заранѣе отправлялись въ корридоръ предъ столовою и здѣсь съ терпѣніемъ ожидали того момента, когда можно будетъ вторгнуться въ нее.

Молитву при началѣ и окончаніи обѣда и ужина поручалось читать чередному старшему; даже существовало приказаніе, чтобы никто ранѣе ея не начиналъ не только кушать, но даже разрѣзать говядину. При господствѣ описанной мною безурядицы о буквальномъ исполненіи этихъ распоряженій мало думали. Иные старшіе,—либералы, вовсе не читали молитвъ; но люди же исполнительные, боящіеся и отсутствующей власти, считали нужнымъ исполнять возложенную на нихъ обязанность. Но читать молитву прежде звонка не полагалось. И потому случалось, что когда зубы почти всѣхъ 120-ти человѣкъ заняты были разжевываніемъ говядины, хлѣба и пр., вдругъ раздавалось болѣе или менѣе громкое: «*Отче нашъ*». Люди потрусливѣе вставали съ своихъ мѣстъ и дѣлали поклоны, тогда какъ ротъ переполненъ былъ разнаго рода недожеванными кусками; люди же посмѣлѣе продолжали начатую ими работу. Студенты низшаго отдѣленія еще, такъ сказать, *необстрѣленные*, не осмѣливались выходить изъ столовой ранѣе молитвы, но обстрѣленные господа не дожидались ея. И когда старшій наконецъ провозглашалъ ее, то половины долженствовавшихъ молиться иногда уже не было; другіе еще не кончили своего обѣда или ужина, поэтому оставались въ столовой и послѣ молитвы.

Во время обѣда и ужина, когда было что покушать и пока аппетитъ еще не былъ сколько-нибудь удовлетворенъ, всѣ занимались своимъ дѣломъ въ молчаніи, или произнося отрывчатыя слова. Но тишина не всегда господствовала въ столовой; и тутъ студенты низшаго отдѣленія, побаиваясь своихъ старшихъ, развѣ шопотомъ разговаривали между собою; но студенты высшаго отдѣленія, особенно тѣ, которымъ хотѣлось показать, что они ничего не боятся, вели рѣчь открытую, громкую, такъ что ихъ слышала вся столовая; иногда изъ-за какого либо остраго словца поднимался общій хохотъ. Еслибы сторонній человѣкъ, знакомый съ тогдашнимъ устройствомъ свѣтскихъ училищъ, присутствовалъ въ академической столовой въ теченіи всего обѣда, не зная впрочемъ, что за люди тутъ кушаютъ, то онъ никакъ не догадался бы, что онъ находится въ столовой одного изъ высшихъ учебныхъ заведеній, а скорѣе подумалъ бы, что это большая кухмистерская самаго низшаго разбора. Къ этой мысли

расположило бы разнообразіе и бѣдность одежды, потому что сюда приходили, кто въ чемъ находилъ удобнымъ; тутъ были и халаты, и шинели, и сѣрые суконные сюртуки, а главное мухояровые или нанковые шлафроки, на одномъ еще имѣющіе видъ и подобіе сюртуковъ, еще цѣлые,—на другомъ замасленные, засаленные и потерявшіе уже право называться сюртуками.

Гдѣ же жили эти студенты, плохо одѣтые, а иногда и плохо накормленные? Домъ академіи въ то время могъ назваться хорошимъ даже въ Петербургѣ по своей наружности, по парадныимъ лѣстницамъ, по галереямъ и корридорамъ. Но въ этихъ корридорахъ, галереяхъ болѣе, нежели въ половину года распространялся отъ ретирадъ отвратительнѣйшій запахъ, который не только безпокоилъ обоняніе, но и *ѣлъ*, какъ говорится, *глаза*. Изъ галерей запахъ проникалъ въ комнаты, особенно тѣ, которыхъ двери были близки къ ретирадамъ. Сторонній человѣкъ, пришедши въ такія комнаты утромъ, имѣлъ право подумать, что въ нихъ ночевали не студенты, а какіе-либо виновные въ наказаніе за проступки ихъ; такъ былъ отвратителенъ запахъ, который въ теченіе ночи заходилъ сюда изъ корридоровъ! Днемъ хоть сколько-нибудь его улучшали, или открывая форточки, или окуривая смолкою.

Житье-бытье студентовъ было устроено не по образцу свѣтскихъ училищъ. Въ классныхъ комнатахъ они сидѣли только во время чтенія лекцій наставниками, а во всякое другое время помѣщались въ *жилыхъ*, какъ говорили, *комнатахъ*, которыя служили и спальнями, и мѣстомъ для учебныхъ занятій, и гардеробомъ, и даже чѣмъ-то похожимъ на харчевню. Большею частію двѣ комнаты составляли одну административную единицу подъ именемъ нумера. Въ каждой комнатѣ помѣщались 3—7 человѣкъ, а въ каждомъ нумерѣ былъ командиръ подъ названіемъ *старшаго*. Въ этихъ комнатахъ, разумѣется, нельзя было ожидать хорошаго, благораствореннаго воздуха; жильцы въ нихъ оставались или цѣлые сутки, или $^3/_4$ части ихъ; сюда болѣе или менѣе проникалъ тотъ запахъ, о которомъ я сейчасъ говорилъ. Вентиляція состояла только изъ простыхъ форточекъ, которыя впрочемъ были не во всѣхъ комнатахъ, но форточки не всегда открывались или по небрежности, или потому, что нѣкоторые жильцы боялись холоднаго, втекающаго въ нихъ воздуха. Окуриваніе смолкою конечно заглушало дурной запахъ, за то прибавляло порядочное количество дыма.

Но независимо отъ запаха, жилыя студентческія комнаты не могли казаться благоприличными по своему внѣшнему виду и по господствовавшей въ нихъ обстановкѣ. Въ своемъ домѣ по-

мѣстилась академія еще въ 1819, а въ студентческихъ комнатахъ до 1829 и 1830-го годовъ краска на стѣнахъ и полахъ, кажется, ни разу не была поправляема; отъ этого, разумѣется, не много въ нихъ замѣчалось благообразія. Особенно же полы были очень безобразны; въ однихъ мѣстахъ еще держалась краска, въ другихъ едва была замѣтна, а тамъ выглядывали доски въ натуральномъ своемъ видѣ. Но и послѣ того, какъ почаще стали подновлять краску на стѣнахъ и полахъ, видъ комнатъ оставался очень некрасивымъ; да иначе почти и быть нельзя, какъ увидимъ изъ описанія ихъ. Кровати стояли вдоль стѣнъ, плотно къ нимъ придвинутыя одною изъ продолговатыхъ сторонъ, а съ трехъ другихъ сторонъ закрывались чахлами изъ тику посредственной доброты. Такимъ образомъ все, что стояло, или лежало подъ ними, оставалось невидимымъ; а тамъ чего не было? и едва ли не болѣе всего пыли и сору, потому что чисто выметать оттуда служители или не хотѣли, или не умѣли. Постель состояла изъ матраца, простыни, двухъ подушекъ и бумазейнаго одѣяла. Потому ли, что послѣднее не отличалось своею прочностію, или по своей бѣлизнѣ скоро чернилось, имъ не покрывали матраца, а складывали его въ осьмую долю всей поверхности и клали подъ подушки, или въ концѣ кровати. Такимъ образомъ матрацъ прикрывался одною простынею. Но такъ какъ постельное бѣлье смѣнялось не чаще, какъ чрезъ 10, а иногда чрезъ 20 дней, то и простыня, и наволочки были очень черны. Послѣ, когда съ 1831 года инспекторъ настоялъ на томъ, чтобы одѣяломъ на день покрывалась кровать, то и одѣяла скоро чернились и дѣлались безобразными. Въ случаѣ же отдачи ихъ въ мытье кровати оставались ничѣмъ, кромѣ простыни, непокрытыми; притомъ одѣяла на третьемъ, особенно на четвертомъ году употребленія ветшали и расползались.

И мебель, находившаяся въ комнатахъ, не могла служить къ ихъ украшенію. Она состояла изъ гардеробнаго шкафа, конторки, табуретовъ, столовъ и сундуковъ, сдѣлана была вся изъ сосноваго дерева и *топорной*, какъ говорятъ, *работы*. Большая часть сундуковъ стояла подъ кроватями, но отъ выдвиганья и задвиганья каждаго изъ нихъ чертились на крашеномъ полу дорожки, которыя въ концѣ концовъ стирали, по крайней мѣрѣ на половину, его краску. Но безобразнѣе и неудобнѣе были столы не только по своей грубой отдѣлкѣ, но и по внѣшней формѣ. Часть ихъ, на которую студентамъ во время ихъ занятій надобно было класть свои тетради и книги, имѣла видъ четырехугольной усѣченной пирамиды; на верхнюю площадь ея ставились подсвѣчники, чернильницы и песочницы,

а на покатыхъ бокахъ нужно было держать тетради и книги; столы эти назывались *горбатыми*. Для старшихъ впрочемъ ставили столы съ опускными половинками; а послѣ уже мало-помалу для всѣхъ устроены были нѣчто въ родѣ ломберныхъ столовъ, разумѣется, безъ зеленаго сукна. Кромѣ того многіе студенты покупали свои столики, кресла и стулья,—все это, разумѣется, не особенно красивой формы и отдѣлки. Такимъ образомъ почти всѣ четыре стѣны комнаты уставлены были кроватями, гардеробомъ, комодомъ, конторкою, отчасти сундуками, а средина наполнялась горбатыми и негорбатыми столами, табуретами, креслами и стульями. Если бы поуменьшить число кроватей и поувеличить число другихъ вещей, то сторонній человѣкъ, вошедши въ такія комнаты, легко могъ бы подумать, что это не зала для ученыхъ занятій, а почти лавка для продажи подержанныхъ невзрачныхъ разнообразныхъ вещей.

Неприглядность студентческихъ комнатъ увеличивалась еще отъ двухъ побочныхъ обстоятельствъ. Многіе студенты любили разводить комнатныя растенія съ цвѣтами и безъ цвѣтовъ; особенно въ ходу были гераніумъ, кактусъ, лимонное дерево и пр.; горшки съ ними обыкновенно ставились на окна. Дѣло, разумѣется, не дурное. Но тутъ нуженъ внимательный взглядъ и вкусъ хозяйки, чтобъ вмѣсто украшенія такими растеніями не обезобразить комнатъ; а этотъ-то взглядъ и вкусъ не у всѣхъ студентовъ замѣчался. Стояли на окнахъ конечно и хорошіе горшки, но рядомъ съ ними, притомъ въ гораздо большемъ количествѣ, помѣщались полуразбитые горшки, чайники безъ носочковъ и ручекъ, негодныя полоскательныя чашки и пр. Подобная коллекція всякой дряни не могла служить украшеніемъ комнатѣ. Но тутъ привходило еще новое обстоятельство. Растенія надобно было поливать водою; усердія на это у студентовъ доставало и даже съ избыткомъ; вода изъ поддонковъ разливалась по подоконнику; но большая часть горшковъ не имѣла и поддонковъ. Поэтому вода съ подоконниковъ стекала по стѣнамъ и распространялась по полу. Здѣсь въ слѣдующій день служитель какъ-нибудь вытиралъ ее, но дорожки, которыя она производила на стѣнахъ, оставались до того времени, когда маляру поручалось позакрасить ихъ; тоже самое нужно сказать и о подоконникахъ. И вотъ вещи, которыя дѣйствительно могли бы служить украшеніемъ для комнатъ, только безобразили ихъ.

Другимъ обстоятельствомъ, безобразившимъ комнаты, было чаепитіе. Чуть не всѣ студенты, будучи побуждаемы голодомъ, или пріобрѣтенною привычкою, имѣли желаніе пить чай ежедневно, или по крайней мѣрѣ по временамъ. Начальство этому

не препятствовало, но предоставляло самимъ студентамъ добывать деньги на покупку не только чая съ сахаромъ, но и самоваровъ, чашекъ и чайниковъ. Потомъ не обязывало служителей хотя бы самовары разогрѣвать. Комнатнымъ старшимъ еще оказывалась эта услуга, но и то не всегда; прочіе же, такъ сказать, *рядовые студенты* должны были нанимать служителей для такой прислуги, но наибольшею частію лично занимались разогрѣваніемъ самоваровъ. Утромъ въ холодное время это занятіе не соединялось съ большими хлопотами. Нужно было только сходить съ самоваромъ въ умывальню, наполнить его тамъ водою, принести въ комнату и изъ топившейся печки накласть углей—увы! иногда при помощи однихъ пальцевъ. И тутъ часто служитель не соглашался на такую растрату, чтобы не быть вынужденнымъ приносить нѣсколько лишнихъ полѣньевъ дровъ. Поэтому чаефиламъ не только лѣтомъ, но наибольшею частію и въ зимнее время нужно было съ самоваромъ спускаться въ подвальный этажъ,—въ студентческую кухню, наливать его водою изъ чана и наполнять углями изъ очага, потомъ съ порядочною уже ношею подняться по лѣстницамъ, напр. до верхняго этажа болѣе, нежели на 80 ступеней;—это уже дѣло вовсе нелегкое. Но предварительно часто на кухнѣ приходилось испытать немалое количество непріятностей. Поварамъ точно также, какъ и комнатнымъ служителямъ было нелюбо носить лишнія дрова для того только, чтобы студенты могли ставить себѣ самовары. Да и резонно, — вѣдь на 40, а иногда на 60 самоваровъ требовалось немалое количество дровъ. Правда, у самаго очага стояла корзина съ холодными углями; нужно было только внизъ самоварной трубы положить нѣсколько раскаленныхъ углей, а потомъ дополнить ее холодными, но все-таки на долю поваровъ выпадали лишнія хлопоты; поэтому имъ не было поводовъ находить удовольствіе въ визитахъ чаефиловъ, и тутъ иногда слышались ворчанье и слова, произносимыя сквозь зубы: «Эка, сколько ихъ принесло!» Но часто студенты, добывая угли изъ очага, разбрасывали дрова въ немъ, такъ что огонь потухалъ. Ну, тогда поваръ, принужденный вновь разводить его, уже *давалъ полную волю языку своему* и высказывалъ такія любезности, отъ которыхъ, какъ говорится, *не поздоровится*; начинались уже настоящія перебранки, въ которыхъ легкія поваровъ, не ослабленныя сидѣньемъ надъ книгами и письмомъ, большею частію одерживали верхъ надъ студентческими легкими. Случалось и то, что въ очагѣ нельзя было найти ни одного горячаго уголька, нужно было добыть лучинку, зажечь и положить ее въ трубу самовара, и потомъ накласть холодныхъ углей изъ корзи-

ны, затѣмъ обратить себя въ раздувальный мѣхъ; вѣдь трубы самоварной вовсе не было. Бывало и то, что холодныхъ углей въ корзинѣ нѣтъ; повара отказываются принести ихъ; надобно самому отправляться по темнымъ корридорамъ подвальнаго этажа, отыскивать ихъ въ какомъ-то темнѣйшемъ чуланѣ и нести въ подолѣ своего платья къ самовару. Послѣ всѣхъ разнообразнѣйшихъ процедуръ наконецъ самоваръ въ комнатѣ; но тутъ часто оказывалось, что холодные угли испускаютъ зловонный запахъ и распространяютъ угаръ; нужно поскорѣе унести самоваръ въ корридоръ и тамъ часто на холодѣ (корридоровъ тогда не отапливали), даже въ сильные морозы стоять и ожидать, пока самоваръ вскипятится. Въ заключеніе всего оставалось вымыть свои руки, а часто и лицо; тѣ почти всегда были черны, если у нихъ не было своихъ щипцовъ, но и послѣднее иногда носило ясные слѣды того, что владѣлецъ его обращался около углей. Да, признаться сказать, надобно было быть или слишкомъ голоднымъ, или отчаяннымъ чаефиломъ, чтобы перенести всѣ описанныя хлопоты, труды, даже униженія и въ награду за то напиться чаю.

И правду сказать, пили уже съ полнѣйшимъ *всеусердіемъ*; десять чашекъ, — это еще не былъ *тахітит*, доходило и до пятнадцати; сахару тратилось немного; пивали не только въ прикуску, но и чуть-чуть не *въ приглядку*, не *въ придумку;* настой былъ жиденекъ, но за то воды не жалѣли. Но наслажденіе, испытываемое чаефилами, не совсѣмъ приглядно отражалось на комнатѣ. Мужчины, можетъ быть, справедливо вообще обвиняются въ неряшествѣ; отъ студентовъ академій, еще недавно бывшихъ бурсаками, ожидать и требовать щепетильной опрятности почти что было невозможно, а иногда у нихъ недоставало ни времени, ни средствъ, ни умѣнья позаняться ею. На горбатыхъ столахъ пить чай было неудобно; поэтому горячіе самовары ставили на подоконники, на складные столы, на комоды. Поддонниковъ никакихъ почти ни у кого не было; о скатертяхъ и не думали; подносы считались рѣдкостію; даже на покупку полоскательной чашки не у всякаго доставало или денегъ, или охоты. И потому мѣста, гдѣ пили чай, заливались водою, выжигались отъ горячихъ ножекъ самоваровъ углубленія, оставались круги отъ дна чашекъ и чайниковъ. Потомъ чайный отстой въ чашкѣ выливали на полъ, или куда-либо въ уголъ у печки, или даже за кровать, а особенно въ плевальницы, въ которыхъ часто уже трудно было увидать настоящій песокъ. Вытирать намоченныя мѣста было нечѣмъ; казна, какъ выше сказано, не давала даже утиральниковъ для вытиранія лица и рукъ послѣ умыванья; вмѣ-

сто тряпокъ вытирали подоконники, столы и пр. бумагою. Самые чайники и чашки у многихъ чаефиловъ похожи были на тѣ, которые встрѣчаются на постоялыхъ дворахъ. Спрятанные въ комодъ, они еще не безобразили комнатъ, но ихъ нерѣдко оставляли на комодахъ и окнахъ. Если къ тому безобразію, которое происходило отъ кроватей и разнообразной мебели, присоединить безобразіе отъ цвѣтолюбія и чаефильства, то, я думаю, повѣрите, что сторонній человѣкъ, вошедши въ студентческія комнаты, особенно во время чаепитія, легко могъ подумать, что тутъ живутъ писаря-кантонисты какого-нибудь присутственнаго мѣста, которымъ впрочемъ дозволялось носить не форменную одежду.

Но одинъ разъ чрезъ двухлѣтній періодъ повторялись случаи, когда безобразіе въ студентческихъ комнатахъ достигало такой степени, что ихъ нельзя было сравнивать съ комнатами писарей. Академическое начальство заготовляло мебель, сообразуясь съ штатнымъ положеніемъ студентовъ. Между тѣмъ уже въ двадцатыхъ годахъ вновь вытребованные студенты пріѣзжали въ академію прежде, нежели кончившіе курсъ получали свое назначеніе, и тогда въ одно и то же время помѣщалось въ студентческихъ комнатахъ три курса. Лишнихъ кроватей было немного, и потому для бо́льшей части новоприбывшихъ студентовъ стлали постели прямо на полъ. Случалось также, что недоставало ни сундуковъ, ни табуретовъ, ни столовъ, и потому молодые студенты принуждены были свои вещи или держать въ чемоданахъ, съ которыми они пріѣхали, или укладывать ихъ подъ подушки тѣхъ же постельныхъ приборовъ, которые разбросаны были по полу. И жалко, и смѣшно было смотрѣть на этихъ бѣдняковъ, которые ѣхали въ академію съ высокимъ мнѣніемъ о своемъ значеніи, съ надеждою, что ихъ помѣстятъ гораздо лучше, нежели въ семинарской бурсѣ. И вотъ къ нимъ приходятъ земляки и знакомые студенты университета, педагогическаго института, медико-хирургической академіи и пр., застаютъ ихъ *въ лежачемъ* положеніи на полу на матрацахъ. Надобно поздороваться; начинаются объясненія о томъ, почему это ихъ такъ расположили по полу; гости хвалятся, что у нихъ подобное безобразіе немыслимо; сконфуженные хозяева кое-какъ защищаются, или, если нѣтъ въ комнатѣ старшаго, принимаются ругать начальство. Потомъ не вѣкъ же стоять, а присѣсть только и можно было на окнахъ; и вотъ хозяева и гости, поджавши подъ себя ноги по восточному, или на колѣняхъ присаживаются на тюфяки. Если былъ самоваръ, то и чай пивали въ томъ же положеніи. И благопопечительное начальство долго не догадывалось, что подобнаго отвратительнаго безобразія можно было из-

бѣгнуть, запасшись лишнимъ числомъ кроватей и табуретовъ. Но къ чему это? пусть новобранцы полежатъ, *поваляются* на полу.

Впрочемъ, это было экстреннымъ случаемъ; обратимся опять къ регулярному образу жизни студентовъ. Соблюдать чистоту и опрятность въ ихъ комнатахъ при тѣхъ условіяхъ, о которыхъ я говорилъ, почти не было возможности. Полъ въ нихъ ежедневно подметали, притомъ не вѣникомъ, не метлою, а щеткою, даже вспрыскивали водою, чтобы немного подтереть его; очень нерѣдко вымывали швабрами; — все это дѣлалось не безъ усердія. Но возможна ли была чистота и опрятность, когда кромѣ пыли и сора, заносимыхъ ногами, уливали полъ сливками чая? Какимъ образомъ вымести соръ изъ-подъ кровати, гдѣ стояли сундуки, лежали сапоги, грязное бѣлье, хранились даже и бутылки, и куда запустить щетку не иначе можно было, какъ приподнявши чахлы? Большая нужда такъ хлопотать! И отъ того тамъ набиралось очень порядочное количество пыли и сора, которые оттуда, особенно при открытыхъ окнахъ, вылетали на средину комнатъ. Нечего грѣха таить, грязновато иногда бывало.

Жильцамъ комнатъ, *къ добродѣтелямъ* которыхъ не принадлежитъ чистота и опрятность, трудно быть опрятными и чистоплотными. Правда, что для омовенія грѣшнаго тѣла студентовъ въ академіи существовала очень хорошая баня, гдѣ было вдоволь горячей и холодной воды и вѣниковъ, гдѣ каждый могъ попарить и вымыть себя; для послѣдней операціи получался небольшой, но и не недостаточный кусочекъ мыла. Были также нанимаемы на казенный счетъ прачки, которыя обязывались мыть все, что ни отдавали студенты, и мыли хоть и не очень чисто, но и не очень нечисто. Только, къ сожалѣнію, хорошую баню отапливали чрезъ 10—11 дней. Кто имѣлъ про запасъ лишнее бѣлье, тотъ, разумѣется, могъ перемѣнить его и въ промежутокъ между банями. Но бѣда состояла въ томъ, что начальство вовсе не заботилось о подобномъ запасѣ. Я уже сказалъ, что рубашечнаго бѣлья ежегодно выдавалось по три пары; оно въ этотъ срокъ, никѣмъ не починиваемое, почти что изнашивалось; а черное бѣлье вымывалось прачками не ранѣе, какъ чрезъ 20 дней; слѣд. двѣ пары всегда были у прачки, а одна на студентѣ, который такимъ образомъ по неволѣ носилъ одно и то же бѣлье отъ бани до бани въ теченіи 10—11 дней, нѣкоторымъ же изъ вновь поступавшихъ студентовъ приходилось носить его и по 20-ти дней. Дѣло состояло въ томъ, что новое бѣлье выдавалось имъ не тотчасъ по пріѣздѣ ихъ въ академію, а уже

около Пасхи, и даже послѣ нея, а иные студенты по провинціальной простотѣ вѣря, что въ академіи снабдятъ ихъ всѣмъ въ изобиліи, пріѣзжали съ двумя только парами бѣлья, и пока не успѣвали пріобрѣсти третью (а этому бывали примѣры), должны были носить одно и то же бѣлье цѣлыхъ три недѣли.

Но и безъ экстраординарнаго случая, при регулярномъ порядкѣ вещей, при трехъ парахъ бѣлья и при описанныхъ условіяхъ жизни въ своихъ комнатахъ, студенты не могли содержать себя въ чистотѣ и опрятности; вѣдь въ 10—11 дней бѣлье, бывшее бѣлѣе снѣга, почернѣетъ, особенно когда надѣвшему его приходится спать на простынѣ, которая тоже не моется 10—11 дней, а иногда и три недѣли. Поэтому, пересматривая тогдашнія аптекарскія книги, въ которыя вписывались лекарства для студентовъ, можно встрѣтить и *сѣрный цвѣтъ*, и *сѣрную мазь* и даже матеріалъ для сѣрныхъ ваннъ, — снадобья для излеченія отъ той проказы, которую семинаристы называли *жемчугомъ*.

Другое дѣло тѣ насѣкомыя, которыя мучатъ неопрятное человѣчество. Не оскорбляя слуха моихъ читателей ихъ неблагозвучными названіями, я употреблю тѣ слова, которыми ихъ называли тогда въ семинаріяхъ; *пѣхота*, это тѣ насѣкомыя, которыя устроиваютъ свои квартиры въ волосахъ головы и въ складкахъ бѣлья; *кавалерія* — тѣ насѣкомыя чернаго цвѣта, которыя такъ быстро прыгаютъ и по полу, и по кровати, и вездѣ; — *артиллерія* — тѣ насѣкомыя, которыя любятъ помѣщаться въ щеляхъ стѣнъ и кроватей, въ складкахъ матрацовъ и пр. Отъ пѣхоты почти всѣ студенты защищали себя частыми гребешками, которыхъ впрочемъ казна не выдавала. Но отъ кавалеристовъ и артиллеристовъ ничто не спасало. Первые особенно были многочисленны лѣтомъ и въ началѣ осени. Нѣкоторые студенты, кромѣ бѣлья, на ночь надѣвали носки и перчатки и все такъ другъ съ другомъ соединяли разными перевязками, чтобы кавалерія не имѣла возможности добраться до тѣла; только одно лицо и голова оставались для нея открытыми. Но всего грознѣе и, такъ сказать, неистребимѣе была артиллерія, плодившаяся и размножавшаяся въ огромнѣйшемъ числѣ не только въ углахъ желѣзныхъ кроватей и щеляхъ ихъ досокъ, но и въ трещинахъ у печекъ, въ промежуткахъ между стѣнами и плинтусами, въ сундукахъ и на стѣнахъ близъ карнизовъ. Даже въ первую ночь, какъ постелется, бывало, бѣлая простыня, на ней уже оказывалось много въ буквальномъ смыслѣ кровавыхъ слѣдовъ ночной борьбы студента съ артиллеристами. Но чрезъ 5—6, особенно 10 дней простыня дѣлалась безобразно испятнанною. Артиллеристы и днемъ не всѣ скрывались; нѣкоторые изъ нихъ,

особенно по стѣнамъ, любили перебираться отъ одного, такъ сказать, лагеря къ другому, или просто прогуливались. Война между ими и ихъ противниками до такой степени велась ожесточенно, что послѣдніе не упускали подвергать смертной казни каждаго, показавшагося на ихъ глаза артиллериста; не говоря ни слова, ихъ тотчасъ казнили на стѣнѣ. Такимъ образомъ и тутъ мало по малу составлялись кровавыя не пятна, а полоски.

Такія единичныя нападенія истребляли немного непріятелей-кровопійцъ. Студенты, несмотря на молодость, испытывали безсонницу отъ множества кусавшихся артиллеристовъ и потому предпринимали походы для повальнаго ихъ истребленія. Для этого бо̀льшею частію избирался свободный день, когда служитель рѣшался получше вымыть полъ швабрами. Прежде, нежели начиналась эта работа, студенты ставили самовары, снимали доски съ кроватей, потомъ кипяткомъ истребляли своихъ враговъ во всѣхъ углахъ и щеляхъ, убивая въ то время своими ногами тѣхъ изъ нихъ, которые искали спасенія въ бѣгствѣ по полу. Пересматривались чахлы и всѣ принадлежности постели; не забывались сундукъ и ближайшая часть плинтуса и пр. Иногда же, особенно въ каникулярное время, выносили кровать въ корридо̀ръ, чтобы тамъ дѣйствовать на просторѣ. Какъ бы то ни было, битва окончена, враги, повидимому, истреблены, можно уже надѣяться, что теперь уснешь спокойно; такъ и бывало, но не на долгое время. Вѣдь артиллеристовъ оставалось еще многое множество въ другихъ кроватяхъ, сундукахъ, табуретахъ, за плинтусами, въ трещинахъ щекотурки и пр.; и мало-по-малу они опять поселялись въ ту же кровать, въ которой ихъ предшественники такъ немилосердо были истреблены. И длилась эта война для каждаго почти студента цѣлые четыре года!

Небрежность свою относительно студентческихъ комнатъ начальники академіи могли извинять тѣмъ, что нечистота и неопрятность не могли имѣть слишкомъ вредное вліяніе на здоровыхъ студентовъ, людей молодыхъ. Но чѣмъ оно могло извинять, можетъ быть, еще бо̀льшую небрежность относительно академической больницы. Она состояла изъ трехъ комнатъ: изъ маленькой передней, въ которой стоялъ шкафъ, и за нимъ то, что̀ такъ нужно и для здоровыхъ и для больныхъ людей; притомъ для очищенія воздуха тутъ не было даже форточки. Потомъ слѣдовали двѣ небольшія комнаты, въ которыхъ болѣе 10-ти кроватей нельзя было поставить. Комнаты были въ нижнемъ этажѣ невысокія, со сводами; для вентиляціи существовали только двѣ форточки, устроенныя въ нижнемъ звенѣ оконныхъ рамъ, безъ всякихъ предосторожностей противъ того, чтобы наружный

холодный воздухъ не повліялъ вредно на слабыхъ жильцовъ; поэтому форточки открывались еще рѣже, нежели въ студентческихъ комнатахъ, особенно когда бывали очень слабые и робкіе больные, страшившіеся простудиться отъ дуновенія каждой струи свѣжаго воздуха. Присоедините запахъ отъ лекарствъ, вредныя испаренія отъ больныхъ, зловоніе, заходившее изъ передней, и тогда поймете, чтó былъ за воздухъ, которымъ дышали больные.

Но этимъ не ограничивались неудобства. При больницѣ не было ни фельдшера, ни подлекаря; вся прислуга состояла изъ двухъ человѣкъ; на одномъ изъ нихъ лежала обязанность держать комнаты въ чистотѣ, убирать постели, помогать слабымъ больнымъ и ходить въ аптеку, находившуюся отъ академіи версты за $2^1/_2$, если не болѣе. Другой былъ поваръ, готовившій пищу для больныхъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ же исправлялъ должность подлекаря, ставилъ мушки, прикладывалъ горчицы и пр., а кромѣ того, какъ я выше сказалъ, нѣкоторые студенты подряжали его готовить имъ пищу въ постные дни. Понятно, что у этого господина и на кухнѣ слишкомъ много было дѣла, чтобы ходить часто въ больницу; наконецъ онъ принадлежалъ къ поклонникамъ Бахуса и иногда по нѣскольку дней вмѣсто него долженъ былъ готовить пищу общій студентческій поваръ.

И служитель, и поваръ жили въ особой кухнѣ, которая отъ больницы отдѣлялась корридоромъ и галереей саженъ 12—15; бережливое начальство поскупилось даже провести на кухню проволоку, которая, трогая колокольчикъ, давала бы знать прислугѣ, что въ ней нуждается кто-нибудь. А теперь нужно самому больному отправляться за нею по корридорамъ, которые не отапливались и зимою были также почти холодны, какъ и наружный воздухъ. Что же теперь дѣлать больному, который не могъ даже и съ постели вставать самъ собою? хорошо, если другой больной въ состояніи былъ сходить на кухню, иначе жди до тѣхъ поръ, пока служитель соблаговолитъ пожаловать *motu proprio*. Но единственный служитель ежедневно, при порядочномъ количествѣ больныхъ, долженъ былъ ходить въ аптеку, и совершать это путешествіе около трехъ часовъ; тогда и въ колокольчикъ его бы не дозвониться; поваръ же и вмѣстѣ подлекарь занимался приготовленіемъ пищи, а то иногда лежалъ въ объятіяхъ Морфея и Бахуса. Если безпомощно было положеніе сильно больного днемъ, то ночью оно дѣлалось еще хуже, потому что служитель все-таки ночевалъ въ кухнѣ. Къ счастію студенты были сострадательнѣе къ больному своему товарищу, нежели благочестивое иночествующее начальство. Друзья,

Перейдемъ теперь отъ матеріальныхъ условій студентскаго быта къ условіямъ нравственнымъ. У насъ издавна любили доказывать, что при воспитаніи юношества, ввѣреннаго попеченію монастырскому, обращается вниманіе не столько на внѣшнія, сколько на внутреннія качества человѣка, заботятся не столько о бренномъ тѣлѣ, сколько о безсмертной душѣ питомцевъ, не столько о матеріальномъ довольствѣ и благосостояніи, сколько о вѣчномъ спасеніи ихъ,—однимъ словомъ, ставятъ выше всего нравственное и религіозное настроеніе. Многіе, прочитавъ мое описаніе не очень комфортабельнаго житья-бытья студентовъ академіи, могутъ сказать, что, по всей вѣроятности, нравственный надзоръ надъ ними былъ самый лучшій, и они, хоть и плохо одѣтые и дурно накормленные, оказывались достойными кандидатами къ занятію современемъ пастырскихъ и даже архипастырскихъ должностей. Посмотримъ на это нравственное воспитаніе.

Ближайшимъ руководителемъ и блюстителемъ его былъ инспекторъ, рѣдко іеромонахъ, а почти всегда архимандритъ. Чтобы облегчить его труды по надзору за 120-ю молодыми людьми, въ помощь ему давались старшіе; — это были избраннѣйшіе изъ студентовъ высшаго отдѣленія и по успѣхамъ и, особенно, по поведенію, которые по одному и назначались въ каждый нумеръ жилыхъ студентческихъ комнатъ съ населеніемъ изъ 8—15-ти человѣкъ. Они имѣли оффиціальный характеръ; инспекторъ представлялъ достойныхъ кандидатовъ правленію, которое постановляло журналомъ опредѣлить ихъ на должности, но предварительно испрашивало согласіе митрополита на это особымъ представленіемъ. Въ то же самое время составлялась инспекторомъ и утверждалась правленіемъ особая инструкція, въ которой подробно излагались права и обязанности старшихъ. Если нужно было кого-либо изъ нихъ уволить почему-нибудь отъ должности и замѣнить другимъ студентомъ, то опять происходила описанная сейчасъ процедура.

Такимъ образомъ, конечно на основаніи и академическаго устава, но еще болѣе старинныхъ бурсацкихъ и семинарскихъ преданій, студенты раздѣлялись на двѣ части: аристократическую и плебейскую; первая состояла человѣкъ изъ 10-ти старшихъ, а къ послѣдней принадлежали всѣ прочіе студенты; тѣхъ можно назвать *офицерами* или лучше *унтеръ-офицерами*, а этихъ — *рядовыми*. Но и у рядовыхъ была тоже аристократическая и плебейская партія. Всѣ вообще студенты академіи тогда, какъ извѣстно, раздѣлялись на высшее и низшее отдѣленіе. Единственныя привилегіи высшеотдѣленцовъ состояли въ томъ, что они

нимали комнаты въ бель-этажѣ, да въ столовой сидѣли на авой сторонѣ; во всемъ прочемъ было полное равенство съ жнеотдѣленцами. Несмотря впрочемъ на это, первые любили ржать послѣднихъ на нѣкоторой дистанціи отъ себя; самихъ бя называли *стáршими* (тутъ удареніе надъ буквою *а*, для ичія отъ комнатныхъ старшихъ; тутъ удареніе ставилось надъ квою *и*), а низшую расу именовали *младшими*. Хорошо еще, о между земляками разныхъ отдѣленій почти всегда господ-ствовали самыя близкія, почти родственныя отношенія. Особен-о радушно были встрѣчаемы вновь пріѣзжавшіе земляки; ихъ е только во всемъ руководили, но даже нѣсколько дней уго-щали чаемъ. Случалось, что пріѣзжавшіе изъ какой-либо семи-наріи не имѣли земляковъ; въ такомъ случаѣ кто-либо изъ бли-жайшей къ нимъ губерніи принималъ на себя роль земляка.

Если аристократическая спѣсь раздѣляла между собою сту-дентовъ обоихъ отдѣленій, то комнатные старшіе еще больше имѣли право смотрѣть на себя, какъ на привилегированныхъ особъ. По правдѣ сказать, были къ тому и поводы; на основа-ніи своей инструкціи они обязывались смотрѣть, чтобы студен-ты вообще вели себя благоприлично, а въ часы, назначенные для занятій, сидѣли тихо за столами, чтобы во время лекцій никто не оставался въ комнатахъ; для чего старшій, выпрово-дивъ всѣхъ своихъ подчиненныхъ изъ нумера своего, запиралъ его и уносилъ ключъ съ собою. Затѣмъ онъ же наблюдалъ, что-бы подчиненные его не иначе отлучались изъ академіи, какъ съ дозволенія инспектора. Если же инспектора не было дома, а между тѣмъ студенту настояла экстренная надобность куда-ли-бо сходить, то старшій своею властью давалъ разрѣшеніе на выходъ. Потомъ онъ же долженъ былъ смотрѣть, *въ свое ли время и въ своемъ ли видѣ* возвратился студентъ изъ города. Въ случаѣ важныхъ какихъ-либо событій старшій тотчасъ же дол-женъ былъ доносить о нихъ инспектору. Но независимо отъ этого, всѣ старшіе послѣ ужина являлись къ инспектору рапор-товать о благосостояніи своихъ подчиненныхъ. Наконецъ еже-мѣсячно каждый старшій подавалъ инспектору нѣчто въ родѣ кондуитныхъ списковъ о томъ, какъ вели себя ввѣренные его надзору студенты, кто изъ нихъ и какими хорошими качества-ми отличился отъ прочихъ, какого кто изъ нихъ характера, ка-кія бурныя наклонности въ нихъ замѣчаются и пр. Имѣя столь-ко правъ и обязанностей, а главное дѣло, возможность запят-нать и очернить предъ инспекторомъ каждаго изъ своихъ под-чиненныхъ, могъ ли старшій не считать себя важною особою и

вообще могли ли не пострадать отъ того нравственныя отношенія товарищей?

Иногда подчиненный являлся по классу довольно опаснымъ соперникомъ, а другой балагуръ хоть и не могъ соперничать по успѣхамъ, за то своимъ остроуміемъ и насмѣшками приводилъ товарища-начальника въ немалое замѣшательство; бывали также, если не ребяческія, то студентческія антипатіи и симпатіи. Какъ же во всѣхъ этихъ случаяхъ удержаться отъ того, чтобы одному *не подставить ногу*, другому не отмстить за его непріятное балагурство, а своему другу не помочь? И вотъ въ мѣсячныхъ кондуитныхъ спискахъ въ одномъ отыскивается очень много дурныхъ наклонностей, и онъ ими только и отличается, напротивъ, другой является чудомъ совершенства. Не у всякаго инспектора доставало времени и собственной наблюдательности, чтобы въ такого рода мелкихъ интригахъ отличить истину отъ лжи.

Старшій надъ младшими совсѣмъ не стѣснялся товарищескими отношеніями, и потому особенно сначала онъ держалъ себя предъ своими подчиненными важно, величественно, даже начальнически-грубо; въ комнатѣ былъ молчаливъ, рѣдко позволялъ шутить и вступать въ интимный разговоръ съ ними. Желая даже *поразмять свои кости*, пошалить, онъ отправлялся въ бель-этажъ къ своимъ товарищамъ, и тамъ наигравшись, сколько душѣ угодно, возвращался въ свое царство опять серьезнымъ начальникомъ. Но не всѣ могли выдерживать такую роль. Подчиненные конечно сначала любили выказывать предъ начальниками свою покорность и даже преданность. Но въ благодарность за ихъ начальственное вниманіе умѣли къ нимъ прислужиться, сказать льстивое словцо, при какомъ-либо случаѣ попотчивать чайкомъ даже съ сухариками и пр. И металлы отъ теплоты теряютъ свою твердость. Могло ли же устоять сердце даже старшаго, чтобы не смягчиться отъ теплоты душевной? И суровый «начальникъ» мало-по-малу нисходилъ съ прежней высоты своего величія и частенько дѣлался *добрымъ малымъ*, съ которымъ его подчиненные уже за *панибрата*, или котораго не очень побаивались, позволяя себѣ при немъ и пошумѣть, и пошалить. Но нѣкоторые старшіе такъ-таки и оставались цѣлые два года старшими,—унтеръ-офицерами. Вообще надобно сказать, что старшіе въ академіи больше были вредны, нежели полезны; студенты не любили ихъ, тяготясь ихъ привилегіями и считая ихъ шпіонами.

Кромѣ частныхъ обязанностей по своимъ нумерамъ, старшіе являлись въ теченіи недѣли еще поочереди командирами всѣхъ

студентовъ, такъ сказать, фельдфебелями, подъ названіемъ *чередного старшаго*. Обязанности его состояли въ томъ, чтобы, какъ выше сказано, читать молитвы въ столовой и вмѣстѣ съ тѣмъ смотрѣть за благочиніемъ въ ней, рапортовать ректору о благосостояніи академіи и о нуждахъ студентческихъ, получать приказанія отъ начальства для объявленія ихъ студентамъ, но болѣе важную роль онъ разыгрывалъ въ тѣ дни, въ которые студентамъ разрѣшалось массами отлучаться изъ академіи.

Въ духовноучебныхъ заведеніяхъ существовало мнѣніе, что только внутри стѣнъ училищнаго дома нравственность воспитанниковъ не подвергается опасности, а постоянно укрѣпляется; напротивъ за этими стѣнами, — въ міру — она встрѣчается со множествомъ соблазновъ. Отсюда самымъ логическимъ образомъ заключали, что хорошо было бы воспитанниковъ духовныхъ вовсе не выпускать изъ училища также, какъ это дѣлалось въ женскихъ институтахъ, а если училищный домъ нельзя обратить въ тюремный за́мокъ, то дозволять имъ выходить какъ можно рѣже, на короткій срокъ и къ лицамъ, которыхъ нравственность выше всякаго сомнѣнія, къ которымъ, разумѣется, преимущественно, если не единственно причисляются духовныя особы, особенно монашествующія. Эта мысль выражена даже въ духовномъ регламентѣ: «до трехъ лѣтъ, по приходѣ всякаго въ семинаріумъ не пускать никуды, а и по третьемъ году не больше дважды въ годъ позволить выдтить къ родителямъ или сродникамъ (стр. 62)». Поэтому на основаніи отлучекъ составляли понятіе и о нравственности воспитанниковъ. Нравственнѣйшими, очевидно, должны были считаться тѣ, которые слишкомъ рѣдко выступали за предѣлы училищнаго двора и сада, особенно если вовсе не отлучались изъ нихъ. Затѣмъ уже нравственность тѣмъ болѣе заподозривалась, чѣмъ чаще дѣлались отлучки.

Нынѣ, студенты, отправляясь въ городъ чрезъ лавру, смѣлою поступью идутъ къ калиткѣ и находятъ чрезъ нея свободный пропускъ. Не такъ было въ концѣ двадцатыхъ и началѣ тридцатыхъ годовъ. И тогда въ стѣнѣ, отдѣляющей академическій дворъ отъ смежнаго съ нимъ лаврскаго или училищнаго двора, была тоже калитка, но очень далеко отъ сторожки. Калитка эта держалась всегда запертою; у нея даже не стоялъ и привратникъ, а всѣ привилегированныя лица академіи, т.-е. начальники и наставники имѣли отъ нея ключъ, при помощи котораго проходили чрезъ нее. Студенты же должны были обыкновенно отправляться въ городъ по старой шлиссельбургской дорогѣ, лежавшей близъ восточной стороны лаврской ограды; тутъ и

разстояніе было больше, нежели чрезъ калитку, особенно для тѣхъ, кому нужно было идти въ лавру; но главное неудобство состояло въ томъ, что по нелаврскому тракту была слишкомъ часто ужасная грязь, изъ которой нелегко вытаскивались сапоги, и кромѣ того ночью нельзя было разсчитывать на полную безопасность, по крайней мѣрѣ вдоль всей лаврской ограды было вполнѣ необитаемое мѣсто. И все-таки начальство, надѣясь, что всѣ эти препятствія отобьютъ у студентовъ охоту отлучаться въ городъ, не позволяло имъ ходить прямо въ лавру чрезъ калитку, — кромѣ какихъ-либо экстренныхъ случаевъ, напр. 30 августа въ день Александра Невскаго; тогда уже, въ видѣ своего *благоснисхожденія*, оно приказывало держать калитку отпертою, да и то, можетъ быть, не столько для студентовъ, сколько для своихъ гостей.

Но студенты, какъ говорится, народъ не промахъ; у нихъ мало-по-малу явилось множество ключей, при помощи которыхъ они чрезъ калитку проходили также свободно, какъ и ихъ начальники. Послѣдніе, видя неполный успѣхъ принятой ими мѣры, перенесли калитку въ самой сторожкѣ на теперешнее мѣсто, придѣлали уже дорогой замокъ и ключъ отъ него поручили привратнику съ тѣмъ, чтобы онъ не пропускалъ студентовъ. Случайно, или намѣренно былъ поставленъ привратникъ суровый-пресуровый, нелюдимый старикъ съ сѣдою бородою, съ непривѣтливымъ взглядомъ; студенты прозвали его церберомъ, а все-таки должны были ходить въ городъ по шлиссельбургской дорогѣ. Но и самъ церберъ смягчался при видѣ грошей и пятаковъ; преемники его сдавались и на ласковое слово; наконецъ и само начальство поняло всю нелѣпость своихъ пошлыхъ распоряженій и позволило пропускать чрезъ калитку всѣхъ студентовъ, впрочемъ уже, кажется, тогда, какъ шлиссельбургскій трактъ былъ переведенъ на теперешнее его мѣсто, на берегъ Невы.

Каждый отлучавшійся обязывался написать, куда онъ отлучается. Конечно, если бы это дѣлалось съ тою цѣлію, чтобы въ случаѣ невозвращенія студента въ тотъ же день можно было знать мѣсто, куда онъ ушелъ, — но *умыселъ другой тутъ былъ;* нѣкоторые инспекторы о студентахъ любили судить на основаніи изреченія: *скажи мнѣ, кто твои друзья, и я скажу, кто ты.* Студенты знали это и то, что по мнѣнію отцовъ-инспекторовъ близкія связи съ духовными лицами священнаго сана вполнѣ одобрительны, что связи съ свѣтскимъ людомъ менѣе одобрительны, а связи съ низшимъ людомъ, напр. дьячками, солдатами, мѣщанами и пр. очень подозрительны. Потомъ

большая часть студентовъ отлучалась, чтобы размыкать свое горе по Невскому проспекту или въ Лѣтнемъ саду, или чтобы походить по тѣмъ улицамъ, которыхъ еще не видали. Но было извѣстно, что инспекторы простую прогулку считали признакомъ разсѣяннаго человѣка. Къ чему-де ходить по Невскому, да зѣвать на магазины и на проходящихъ? прогуляться можно и въ академическомъ саду. Зная всѣ такія понятія начальства своего, студенты наибольшею частію писали, что они идутъ къ какому-либо іерею, протоіерею, іеромонаху, архимандриту и пр.; изрѣдка развѣ къ чиновнику-земляку, и въ этомъ случаѣ пріучались лгать самымъ безсовѣстнымъ образомъ. Когда уже въ концѣ 30-хъ годовъ нужно было производить слѣдствіе о пропавшемъ студентѣ Суворовѣ, котораго трупъ найденъ въ Обводномъ каналѣ, и когда слѣдственный приставъ вытребовалъ изъ академическаго правленія свѣдѣнія о томъ, куда ходилъ Суворовъ, то оказалось, что по *журналу* онъ бывалъ человѣкъ у 5—6-ти духовныхъ особъ, которыя впрочемъ всѣ отвѣтили, что они его у себя и не видывали. Только новенькіе простачки попадались на эту удочку. Такъ одинъ студентъ, отправляясь въ Петербургъ, получилъ къ двумъ солдатамъ, съ которыми онъ кромѣ того вмѣстѣ и росъ, посылки отъ родныхъ. Пріѣхавши въ академію и не зная, что инспекторъ косо посматриваетъ на тѣхъ господъ, которые ходятъ къ солдатамъ, онъ все-таки просился въ журналѣ отлучиться къ нимъ, и притомъ по два раза къ каждому, потому что въ первые разы ихъ не засталъ дома. Только къ величайшему изумленію отъ земляковъ высшеотдѣленцевъ онъ узнаетъ, что по словамъ комнатнаго старшаго инспекторъ Борисовъ составилъ о немъ дурное мнѣніе за связи съ какими-то солдатами Леонтьевымъ и Дементьевымъ. Потомъ и самъ инспекторъ, пришедши въ комнату, съ сарказмомъ спросилъ новичка: «ну что, давноли вы видѣлись съ своими пріятелями Леонтьевымъ и Дементьевымъ?»

Была еще другая мѣра, посредствомъ которой старались опредѣлить нравственность студента. Дежурный старшій ежедневно съ особою книгою ходилъ по всѣмъ комнатамъ и предлагалъ всякому написать, кто къ нему приходилъ? И тутъ не обходилось безъ замѣчаній. Тотъ же самый студентъ, о которомъ сейчасъ я говорилъ, попадался вновь съ своими Леонтьевымъ и Дементьевымъ. А между тѣмъ они приходили съ самыми невинными намѣреніями, напр., чтобы узнать отъ него, не получалъ ли онъ какихъ-либо извѣстій съ родины, или попросить его написать письмо къ ихъ роднымъ.

За исполненіемъ всѣхъ этихъ распоряженій комнатнымъ

старшимъ приказывалось имѣть неослабное наблюденіе, равно какъ и за тѣмъ, чтобы отлучавшіеся возвращались въ трезвомъ состояніи; въ противномъ случаѣ слѣдовало доложить инспектору. Но главнымъ образомъ слѣдилъ за всѣмъ онъ самъ. Случайно или намѣренно, квартира его находилась на такомъ углу дома въ нижнемъ этажѣ, что всякій студентъ, отлучавшійся изъ академіи въ ворота и калитку, проходилъ мимо ея, притомъ по двумъ дорогамъ; на одной изъ нихъ, обращенной къ востоку, легко можно было разсмотрѣть мимоидущаго, а на другой, обращенной къ лаврѣ, — къ сѣверу, онъ близъ стѣны дома могъ пробраться незамѣченнымъ. Кажется, что инспекторы если не всегда сами, то чрезъ своихъ вѣрныхъ служителей имѣли надзоръ за этимъ; по крайней мѣрѣ я помню нѣсколько тревогъ, когда разыскивали по приказу инспектора, кто вотъ сейчасъ ушелъ изъ академіи. Сверхъ того, у нѣкоторыхъ инспекторовъ была и тайная полиція между самими студентами. Но они и сами наблюдали если не за выходящими студентами, то по крайней мѣрѣ за возвратившимися. Для этого, какъ я уже говорилъ, они приходили въ столовую за ужинъ или посѣщали комнаты послѣ него. Въ столовой, повидимому легко было наблюдать. Каждый студентъ занималъ въ ней опредѣленное мѣсто, и если не приходилъ въ нее по болѣзни или по другимъ причинамъ, то его приборъ оставался незанятымъ. О комнатахъ нечего и говорить, число живущихъ въ каждой изъ нихъ простиралось отъ 3 до 7-ми человѣкъ и могло было повѣрено по числу кроватей. *Все, кажется, что такъ, анъ нѣтъ*, инспекторы очень часто были обманываемы и ихъ *благонравственныя* распоряженія не приносили той пользы, которая отъ нихъ ожидалась: молодые люди, въ виду инспекторской «системы» создали свою не менѣе сильную «антисистему», и все вмѣстѣ взятое укореняло въ академіи не добрую нравственность, а духъ ухищренія и лицемѣрія. Самая слабая сторона студентской антисистемы обнаруживалась въ томъ случаѣ, когда инспекторъ лично являлся въ студентческія комнаты. Убѣдиться въ томъ, всѣ ли 3—7 жильцевъ въ трезвомъ видѣ, вещь нетрудная, потому что каждому можно было посмотрѣть въ глаза и съ нимъ *любезнѣ побесѣдовать*. Эту любезность почти всѣ инспекторы выказывали. Подошедши къ столу, за которымъ сидѣли студенты, они каждаго спрашивали, чѣмъ вы занимаетесь? Хотя ставши на любомъ мѣстѣ около стола, инспекторъ ни отъ одного студента не могъ находиться далѣе $1^1/_2$ аршина, но онъ для вопроса и особенно для полученія отвѣта подходилъ къ каждому и вступалъ съ нимъ въ разговоръ, предметомъ котораго было то, чѣмъ

студентъ занимался. При такой интимности и близости и при самомъ легкомъ вниманіи инспектору легко можно было догадаться, *не прилипаетъ ли* у кого-нибудь *языкъ къ гортани его*, а *уста глаголющаго* не испускаютъ ли кромѣ словъ какого-либо подозрительнаго запаха?... Ну, кажется, все можно узнать, а между тѣмъ и тутъ нерѣдко антисистема торжествовала побѣду надъ системою.—Всѣ ли дома? спрашиваетъ инспекторъ. —Всѣ, отвѣчаетъ старшій.—А такой-то гдѣ?—Онъ пошелъ или прогуляться въ саду, по тротуару, или его потребовалъ къ себѣ такой-то баккалавръ, или больной товарищъ позвалъ его къ себѣ и пр. и пр. Конечно иногда инспекторы требовали, чтобы отсутствующій къ нимъ явился, но на это рѣшались только въ случаѣ какого-либо явнаго подозрѣнія, потому что и для инспектора *конфузно*, если его подозрѣніе не оправдается.—Все ли хорошо у васъ? спрашиваетъ еще инспекторъ.—Все хорошо отвѣчаетъ старшій, а между тѣмъ..... Но лучше разскажу, при какихъ обстоятельствахъ 8 ноября 1831 года данъ былъ такой отвѣтъ однимъ изъ старшихъ. Бывши въ гостяхъ у регента одного изъ архіерейскихъ хоровъ онъ замѣтилъ, что сидѣвшій тамъ же новобранецъ-землякъ его *набрался*, какъ говорилось, *до зѣла;* ноги отказались служить ему; надобно было везти его на извощикѣ, и когда на дорогѣ онъ потерялъ даже сознаніе, то по пріѣздѣ въ академію старшій, при помощи своихъ подчиненныхъ, перенесъ его въ свою комнату и положилъ на свою кровать. Старшій, у котораго жилъ землякъ, согласился не сказывать инспектору во время рапорта о настоящемъ его положеніи. Между тѣмъ въ концѣ девятаго часа разнеслась молва, что инспекторъ ходитъ по комнатамъ. Какъ ни толкали успокоившагося на кровати, но не могли его разбудить. Дѣлать нечего, приподняли господина и перенесли въ шкафъ, который къ несчастію былъ раздѣленъ на двѣ половины перегородкою, такъ что перенесеннаго пришлось не положить вдоль шкафа, а посадить на корточкахъ. Инспекторъ входитъ, застаетъ все какъ слѣдуетъ, въ порядкѣ, получаетъ въ отвѣтъ на одинъ изъ своихъ обычныхъ вопросовъ: *все хорошо.* И видитъ, что дѣйствительно ничего дурного нѣтъ, благодаритъ старшаго за найденный порядокъ, а между тѣмъ въ 3—4-хъ шагахъ отъ него сидѣлъ на корточкахъ мертвецки пьяный человѣкъ и отъ неудобнаго своего положенія, отъ духоты могъ даже подвергнуться апоплексическому удару. Сколько хохоту было по уходѣ инспектора у студентовъ? «Ну-ка ты *все хорошо*, приговаривали проказники, перенося заключеннаго въ шкафу на кровать; за тебя насъ даже поблагодарили».

Въ другой комнатѣ при другомъ инспекторѣ произошла не менѣе хлопотливая, но болѣе смѣшная сцена. Большая бутыль водки принесена была служителемъ къ старшему, который на слѣдующій день готовился праздновать свои именины. Бутыль прибрали въ уютное мѣстечко, но скоро оказалось, что она была худая и потоки водки потекли по полу, а запахъ отъ нея наполнилъ комнату; въ то же самое время сдѣлалось извѣстнымъ, что инспекторъ ходитъ по комнатамъ. И самъ старшій, и всѣ его подчиненные принялись хлопотать: одни разливаютъ жидкость по чайникамъ, полоскательнымъ чашкамъ, бутылкамъ, и во всякую вообще посудину, другой щеткою вытираетъ полъ, тотъ открываетъ трубу и форточки, а этотъ наполняетъ всю комнату куревомъ отъ смолки и пр. Къ счастію инспекторъ любилъ поговорить и надолго задержался въ другихъ комнатахъ; такъ что когда пришелъ туда, гдѣ съ бутылью случилось несчастье, то замѣтенъ былъ запахъ не столько отъ вина, сколько отъ смолки. И тутъ все кончилось преблагополучно, какъ будто ничего не бывало.

И въ столовой антисистема тоже часто торжествовала надъ системою. Я уже говорилъ, что каждый студентъ занималъ опредѣленное ему мѣсто, которое въ случаѣ его отсутствія оставалось незанятымъ. Ну, какъ бы инспектору не увидать этого? А между тѣмъ слишкомъ часто онъ не видалъ, хотя въ столовой недоставало порядочнаго числа студентовъ. Простѣйшій способъ скрыть это отъ инспектора состоялъ въ томъ, что уговаривали столоваго служителя снять лишніе приборы, тогда, разумѣется, пустыхъ мѣстъ не оказывалось. Если этого по чему-либо нельзя было сдѣлать, то сосѣди отсутствующаго припрятывали вилку, ножъ и салфетку, а тарелку кто-нибудь ставилъ подъ свою; сами же сдвигались между собою поплотнѣе, и затѣмъ просили то же самое сдѣлать и прочихъ сосѣдей, такъ что инспекторъ не могъ уже замѣтить ни одного пустого мѣста. Одинъ инспекторъ, зная, что его иногда такъ обманываютъ, напередъ сосчитывалъ, сколько тамъ должно находиться студентовъ за ужиномъ. Придетъ, сосчитаетъ, видитъ, что одного или двухъ недостаетъ; и ходитъ бывало, бѣдный, вдоль скамеекъ, старается догадаться, кого бы это изъ 120-ти человѣкъ не было, и, кажется, не удавалось ему ни разу разрѣшить этотъ вопросъ.

Изъ немногого сказаннаго мною о студентческой «антисистемѣ» противъ «системы» начальнической, повидимому можно заключить, что послѣдняя не напрасно существовала, что ее слѣдовало бы поусилить новыми ограниченіями и репрессивными мѣрами, какъ послѣ дѣйствительно и поступлено. Вѣдь если

молодежь и при строгостахъ находила возможность проказничать, то что было бы, когда бы ей дать бо́льшую свободу? Чтобы оцѣнить такое умозаключеніе, нужно рѣшить вопросы: насколько неотлучавшіеся, или рѣдко, не надолго отлучавшіеся были лучше тѣхъ, которые любили почаще отлучаться въ городъ и подолѣе тамъ побыть? Насколько домосѣдничество развивало и поддерживало нравственность студентческую? Конечно, между отлучавшимися студентами были молодцы, которые у причетниковъ, мелкихъ чиновниковъ, мѣщанъ и т. п. угощались по-русски и возвращались въ академію, какъ говорили, *на послѣднемъ взводѣ*. Это большею частію были тѣ, которые, какъ выше объяснено, по недостатку ли хорошей одежды, или по другимъ какимъ-либо причинамъ не могли найти себѣ знакомыхъ между порядочными людьми, а между тѣмъ потребность освѣжить свою голову, утомленную разными лекціями, отдохнуть отъ заботъ и хлопотъ академическихъ заставляли ихъ искать гдѣ-нибудь знакомыхъ, чтобы только тамъ *отвести свою душу* въ веселой бесѣдѣ хоть у кого бы то ни было. Очевидно, тутъ виновато было большею частію само начальство, которое облекало студентовъ въ сѣрыя хламиды. Въ хорошемъ домѣ молодого человѣка приняли бы ласково, но никогда бы не напоили, какъ говорится, *до положенія ризъ*. Но мѣщанинъ, дьячокъ чѣмъ же могъ выразить свое удовольствіе ученому своему гостю? Общихъ интересовъ между ними не могло быть; чѣмъ же поддержать взаимное ихъ сближеніе, какъ не тою жидкостью, которая развязываетъ самый неповоротливый языкъ? Другіе, которымъ не было возможности побывать и у дьячковъ, мѣщанъ и пр., заходили въ *неучебныя заведенія*. Любимымъ изъ нихъ былъ винный погребъ почтеннѣйшаго Ефрема Козмича близъ самой почти лавры. Этотъ милый и услужливый человѣкъ имѣлъ при погребѣ особую комнату, гдѣ можно было присѣсть, — диванъ, на которомъ можно было даже прилечь. О бутылкахъ, штофахъ и полуштофахъ съ разными жидкостями нечего и говорить: бери и пей, сколько душѣ угодно, заливай ею тоску.

Обратимся теперь къ «домосѣдамъ». Между ними находились тихіе скромники, или усидчивые труженики науки, которыхъ точно трудно *сдвинуть съ мѣста* и заставить пойти прогуляться по Невскому проспекту; дайте имъ уголокъ да хорошую книжку въ руки, они, по крайней мѣрѣ, до поры до времени будутъ сидѣть дома и не станутъ жаловаться на то, что имъ не позволяютъ отлучаться, когда и куда угодно. Такихъ оригиналовъ немного было даже въ академіи. Прочіе дѣлались домосѣдами по *разсчету* или по *нуждѣ*. Однимъ хотѣлось зареко-

мендовать себя начальству тѣмъ, что вотъ-де они люди степенные, не вѣтреники, не разсѣянный народъ, который любитъ глазѣть на Невскомъ проспектѣ или сидѣть въ гостяхъ; обратите-де на насъ ваше вниманіе, отцы-начальники, мы люди примѣрные. Другимъ гордость препятствовала появляться у порядочныхъ людей въ длиннополыхъ сермягахъ, изъ-за которыхъ принимали товарищей ихъ за жуликовъ, или мѣщанъ, а сшить хорошее платье на свой счетъ не могли. Третьимъ за неимѣніемъ шинели нельзя было выдти въ дождь и холодъ. Почти всѣмъ господамъ этихъ трехъ разрядовъ прискучивало сидѣть въ академическихъ стѣнахъ, а неволя, или разсчетливая воля заставляли не оставлять ихъ. Надобно же было заглушить свою скуку и горе чѣмъ-нибудь, *веселящимъ сердце*. Правда, инспекція принимала мѣры противъ доставки въ академію всѣхъ снадобьевъ, располагающихъ къ такого рода веселостямъ. Служителямъ строжайше приказывалось ни подъ какимъ видомъ не приносить для студентовъ ни водки, ни рому, ни коньяку, ни даже мадеры; всякій штофъ, полуштофъ, бутыль и бутылка возбуждали подозрѣніе; привратнику приказывалось осматривать служителей, не несетъ ли кто изъ нихъ въ академію какой-либо посудины съ запрещенною жидкостью. Но извѣстно, что никакія таможенныя строгости не уничтожаютъ контрабанды, а только изощряютъ способности контрабандистовъ. Особеннымъ искусствомъ по этой части изъ служителей славились тогда Петрушка Рогачевъ и Филька; инспекторы знали объ ихъ искусствѣ, старались поймать ихъ и не имѣли успѣха. Но если иногда таможенныя строгости до такой степени усиливались, что даже Рогачевъ опасался попасть въ руки правосудія, то сами студенты начинали дѣйствовать. Служитель подносилъ контрабанду къ забору, рѣшеткѣ или стѣнѣ со внѣшней стороны, а со внутренней, разумѣется, ночью принималъ ее студентъ. Иные посмѣлѣе студенты и сами приносили бутылки, штофы и полуштофы, а подъ шинелью даже и четвертную бутыль; начальство, несмотря на всѣ свои распоряженія, оставалось ни при чемъ.

Контрабанда получена. Люди скромные, или нежелавшіе похвастаться своими бахусовскими подвигами передъ товарищами, удалялись куда-либо въ скромный уголокъ, особенно въ какую-либо служительскую комнату, и тамъ торопливо распивали принесенную влагу, иногда даже предъ самымъ сномъ, чтобы ихъ прегрѣшеніе оставалось секретомъ. Другіе удалялись ночью въ садовыя бесѣдки, особенно въ ненастную погоду; тамъ можно было въ это время безопасно веселиться. Однажды какой-то проказникъ, окончивъ съ пріятелями свою пирушку

въ бесѣдкѣ, находившейся въ концѣ большой аллеи сада, взобрался на крышу бесѣдки и на самой возвышенной ея части поставилъ пустой штофъ, который въ слѣдующій день видѣнъ былъ съ дороги, идущей между Обводнымъ каналомъ и академическимъ садомъ. Но широкая, размашистая русская натура, особенно вырвавшись хоть на время изъ-подъ гнета, любитъ развернуться, а потомъ вслѣдствіе пріобрѣтенной привычки предается разгулу при всякомъ благопріятномъ случаѣ. Разгульныя и удалыя головы изъ студентовъ составляли общества, компаніи, пожалуй, даже шайки для попоекъ. Заручившись контрабандой, они дожидались большею частію десяти часовъ ночи и предавались полному разгулу, зная, что ночью начальство уже не потревожитъ ихъ. Тутъ происходили настоящія оргіи, отзывавшіяся уже не буршествомъ, а русскимъ бурсачествомъ. Контрабанда выходила вся, добывали новой, а то компаніи отправлялись чрезъ заборъ на просторъ. Такія попойки возобновлялись иногда и утромъ; вѣдь надобно же было опохмѣлиться; нерѣдко происходили и по вечерамъ, когда по разсчетамъ нельзя было ожидать инспекторскаго визита. Едва ли не самая дурная сторона ихъ была та, что ими увлекались и тѣ студенты, которымъ безъ нагляднаго примѣра онѣ и въ голову не пришли бы. Зараза распространялась, и бывали примѣры, что цѣлый курсъ раздѣлялся на двѣ партіи: партію пьяницъ и партію трезвыхъ; къ несчастію послѣдняя едва ли не бывала иногда въ меньшинствѣ.

Благопріятнѣйшимъ для оргій временемъ были два случая. Когда студенты получали 1) вмѣсто казенныхъ вещей, какъ я уже говорилъ, деньги отъ поставщиковъ, и 2) преміи за переводы съ нѣмецкаго языка; послѣднее требуетъ разъясненія. Тогда какое-то лицо, желавшее остаться неизвѣстнымъ (полагали, что это преосвященный Григорій Постниковъ, умершій петербургскимъ митрополитомъ), присылало въ академію множество книгъ нѣмецкихъ для перевода ихъ на русскій языкъ. Плата была ничтожная, именно по шести рублей ассигнаціями за печатный листъ. Но и это казалось лакомымъ кускомъ для бѣдняковъ; листы разбирались на расхватъ. Правда, переводы были частенько очень плоховаты; за нихъ принимались люди, слишкомъ мало знакомые съ нѣмецкимъ языкомъ,—не переводили, а скорѣе сочиняли переводы. Впрочемъ, повидимому, неизвѣстный благодѣтель не очень заботился объ исправности изготовлявшихся переводовъ; ему, какъ кажется, только хотѣлось оказать студентамъ пособіе подъ видомъ преміи за переводы, изъ которыхъ трудно было что-нибудь сдѣлать. Присылаемыя книги касались

и богословія, и философіи, и словесности, и педагогіи и пр.; только математика и естественныя науки не трогались; да и самыя книги по своему содержанію рѣдко заслуживали перевода. Но дѣло не въ этомъ, а въ томъ, что въ одинъ прекрасный день появлялось у студентовъ по 6, по 12, даже по 18 рублей и болѣе; о, Боже мой, да какъ же тутъ *не развернуться, не подгульнуть*? Но иногда уже и разгуливались и доходили до нелѣпости, или безобразія.

Экстраординарныя попойки устроивались записными гуляками. Но были попойки обязательныя для всѣхъ студентовъ, особенно высшаго отдѣленія; въ нихъ развѣ немногіе не принимали участія. Пять обстоятельствъ служили поводомъ къ нимъ:

1. *Проповѣди*, которыя студенты высшаго отдѣленія должны были поочереди говорить или въ академической церкви, или въ лаврскомъ соборѣ. Но сущность состояла не въ проповѣди, а въ томъ, чтобы проповѣдникъ запасался достаточнымъ количествомъ водки для угощенія ею своихъ товарищей передъ обѣдомъ. Промежутокъ между обѣднею и обѣдомъ бывалъ иногда очень небольшой; слѣдовало дѣйствовать поспѣшно. И потому едва окончится первая, какъ студенты, многіе прямо изъ церкви, спѣшатъ въ комнату къ проповѣднику, тамъ уже стоятъ посудины, наполненныя водкою, пустыя рюмки, или чайныя чашки, нѣсколько ломтей хлѣба и кучки соли. Работа начинается быстрая, рюмки наполняются и немедленно осушаются, посудины одна за другою дѣлаются пустыми, ломти исчезаютъ; гости одни входятъ, облизываясь, другіе уходятъ, дожевывая простую закуску; все поканчивается въ какихъ-нибудь пять минутъ; бьетъ звонокъ и всѣ отправляются въ столовую. Случалось, что въ то время, какъ осушались рюмки и бутылки, начальство находилось въ столовой и ждало обѣда, чтобы присутствовать при немъ и посмотрѣть за порядкомъ.

2. *Именины*. Именинники почти такимъ же образомъ, какъ и проповѣдники, угощали своихъ товарищей. Различіе состояло только въ томъ, что угощеніе происходило между послѣднимъ утреннимъ классомъ и обѣдомъ, и было общимъ для всѣхъ товарищей, но вечеромъ нѣкоторыми устроивалось особое угощеніе для ближайшихъ друзей. Тутъ, разумѣется, сначала пили чай, потомъ пунши; нѣкоторые хлѣбосолы приготовляли громадный именинный пирогъ, который большею частію подавался въ заключеніе всего бала. Нечего и говорить, что этого рода балы принимали иногда характеръ настоящихъ оргій.

3. *Похороны*. Не даромъ идетъ поговорка, что русскій человѣкъ пьетъ и съ радости, и съ горя. Академисты, какъ русскіе

люди, держались этой поговорки. Поздравляя своихъ товарищей, — проповѣдниковъ съ проповѣданіемъ слова Божія, именинниковъ со днемъ ангела, они поздравляли и покойниковъ съ переселеніемъ ихъ *изъ сей юдоли плача и скорби* въ жизнь вѣчную. Сами покойники, разумѣется, не могли уже заниматься угощеніемъ своихъ бывшихъ любезныхъ товарищей; трудъ этотъ принимали на себя друзья, и особенно земляки ихъ. Иногда послѣ покойниковъ оставалось нѣсколько рублей; если этого не случалось, то продавались какія-либо ихъ вещи; не безъ примѣровъ было, что иной задушевный другъ принималъ даже на свой счетъ всѣ расходы. Откуда бы впрочемъ деньги ни добывались, а въ водкѣ недостатка не замѣчалось; пирушка совершалась по заведенному порядку. Одни успѣвали подкрѣпить себя еще предъ отправленіемъ процессіи на кладбище; эта привилегія предоставлялась преимущественно пѣвчимъ, которые и по возвращеніи оттуда имѣли право на новое подкрѣпленіе; прочая же братія большею частію *поминала покойника* предъ обѣдомъ. Во всѣхъ описанныхъ трехъ случаяхъ приглашеніе происходило самымъ безцеремоннымъ образомъ. Угощавшій, или его пріятель обходилъ комнаты и во всеуслышаніе произносилъ: «господа, пожалуйте предъ обѣдомъ туда-то на водку.»

4. *День Александра Невскаго, 30-го августа.* Всѣ обитатели Невскаго монастыря и его окрестностей считаютъ этотъ день своимъ праздникомъ. Академики тоже не хотѣли отставать отъ общаго обычая. Многіе приглашали своихъ знакомыхъ, даже дамъ на чай, къ которому иногда присоединялись кое-какія и закуски; къ другимъ приходили знакомые попроще, чтобы только выпить; нѣкоторые, не имѣя знакомыхъ, угощали другъ друга. Войдя въ этотъ день въ иную комнату, можно было застать нѣсколько отдѣльныхъ компаній, предъ которыми стояли не только самовары, чайники и чашки, но и посуда съ оживляющими жидкостями. Впрочемъ къ чести студентовъ надобно сказать, что пока еще были въ академіи сторонніе люди, особенно дамы, никакихъ безобразій не происходило. *Студентческое* угощеніе начиналось уже на просторѣ, послѣ ужина; ну, тутъ *бывало со всячинкою.*

5. *Первый день Пасхи.* Всенощная и обѣдня въ этотъ день оканчивались часу въ четвертомъ утра. Непосредственно за тѣмъ наступало разгавливанье. *Съѣдомыя принадлежности* казна иногда приготовляла недурныя, но только *съѣдомыя; піемыми* же надобно было завестись самимъ студентамъ. И дѣйствительно, развѣ немногіе изъ нихъ къ этому времени чего-нибудь не подготовляли. У иного запасалась даже четвертная бутылка съ водкою, у другого бутылка рома или коньяка; даже люди не пью-

щіе спиртовыхъ напитковъ покупали бутылочку мадеры или чего-нибудь подобнаго.

Не знаю уже отъ чего, отъ слишкомъ ли усерднаго взаимнаго угощенія, или отъ утомленія, которое пришлось вынести въ предыдущую недѣлю, по причинѣ продолжительной церковной службы, только никогда въ академіи не бывало столько подгульнувшихъ, сколько оказывалось въ это время. Даже многіе изъ скромниковъ успѣвали развеселиться; ну, а о записныхъ гулякахъ нечего уже и говорить. Дѣло не обходилось безъ безобразій, но.... не даромъ, говорили бывало студенты, поется въ этотъ день въ церквахъ: *простимъ вся воскресеніемъ*.

Все, описанное мною здѣсь относительно нравственнаго, или, лучше, пьянственнаго настроенія студентовъ было болѣе или менѣе извѣстно начальникамъ; всѣ они во время студентчества были, если не участниками, то свидѣтелями попоекъ и разныхъ другихъ отступленій отъ порядка. Кажется, можно бы дойти до заключенія, что принятая инспекторская система не достигаетъ своей цѣли и что надобно было бы принять въ основаніе нравственнаго управленія студентами другія начала; тогда антисистема могла бы пасть сама собою. Но къ несчастію насъ губятъ «преданья старины глубокой»; мы иногда ясно сознаемъ, что они уже отжили свой вѣкъ, въ частной жизни не держимся ихъ; но сдѣлай насъ оффиціальными защитниками или представителями ихъ, мы положимъ ихъ въ основаніе своей дѣятельности. Такой образъ дѣйствовать поневолѣ какъ-то сравниваешь съ нашими такъ-называемыми большими непіоссейными дорогами. Онѣ слишкомъ часто не отличаются удобствами, бываютъ длиннѣе, грязнѣе проселочныхъ проѣздовъ; окрестные жители, а также и проѣзжіе, которымъ извѣстны болѣе удобныя и короткія дороги, не всегда и держатся ихъ. Но почтовая, такъ сказать, оффиціальная ѣзда происходитъ по нимъ; падай лошади отъ изнуренія, вязни въ грязи и ломайся экипажи, но ямщикъ не имѣетъ права сворачивать на проселокъ. То же самое происходитъ не съ одними ямщиками; казенная проложенная дорога управленія академіею была очень дурна, даже не вела туда, куда по ней хотѣли ѣздить, а все-таки съ нея не сворачивали: *такъ уже заведено!*

Р. С.

РУССКІЙ ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ

ВЪ

ДВАДЦАТЫХЪ ГОДАХЪ.

Письма Александра Ивановича Тургенева къ Николаю Ивановичу Тургеневу. Leipzig, F. A. Brockhaus. 1872. XII и 646 стр.

Довольно извѣстна бѣдность нашей литературы относительно тѣхъ матеріаловъ, которые разъясняли бы не одну только оффиціальную исторію, но исторію общественной жизни, умственныхъ интересовъ, развитіе замѣчательнѣйшихъ личностей и ходъ образованія. Литература европейская, особенно въ послѣднія десятилѣтія, чрезвычайно богата въ этомъ отношеніи: не только первостепенные дѣятели литературы, политики и общественной жизни, но даже личности второстепенныя, но игравшія нѣсколько замѣтную роль на томъ или другомъ поприщѣ, разъясняются и отдѣльными біографіями, и изданіемъ ихъ «посмертныхъ» произведеній, и особенно переписки. Масса такого рода публикацій въ нѣмецкой, англійской и французской литературѣ чрезвычайно обширна, и историкъ, изучая извѣстную эпоху литературы, извѣстную сторону политической и общественной жизни, имѣетъ передъ собой множество свѣдѣній, которыя раскрываютъ ему весь ходъ событій, всѣ подробности возникновенія идей и ихъ развитія. Эти-то подробности, идущія нерѣдко изо дня въ день, и даютъ возможность той живой исторіи, образчиковъ кото-

рой находится такъ много въ главныхъ европейскихъ литературахъ.

Нечего говорить о томъ, какъ несходно съ этимъ положеніе русскаго историка и русской новѣйшей исторіи. Въ послѣднее время, правда, и у насъ собирается и издается подобный матеріалъ, но какъ вообще бѣдны были у насъ самостоятельные общественные интересы, такъ большею частью бѣдны этими интересами и тѣ матеріалы, какіе теперь собираются. Внѣ чисто личныхъ отношеній или внѣ круга спеціальной дѣятельности, мы рѣдко встрѣчаемъ въ нихъ черты болѣе широкаго общественнаго значенія. Отчасти сама жизнь была такова, что даже лучшіе умы мало вникали въ общественные предметы, вполнѣ принимали условія status quo и не занимались имъ; отчасти существовавшіе нравы не допускали свободнаго выраженія мыслей о подобныхъ предметахъ, если эти мысли сколько-нибудь были непохожи на господствующіе образцы. Даже въ то время, когда общественный интересъ былъ возбужденъ въ умахъ, и между тѣмъ людьми, которые были его лучшими представителями, мы не находимъ въ ихъ перепискѣ (насколько она дѣлалась извѣстною) полнаго, настоящаго выраженія ихъ мнѣній; опасеніе, весьма существенное и не безосновательное, связывало даже дружескую переписку, какъ цензура связывала печатное слово. Исключеній немного. Къ числу ихъ можно причислить и изданныя теперь письма А. И. Тургенева, которыя имѣютъ то преимущество въ ряду другихъ матеріаловъ подобнаго рода, что они писаны по большей части не въ Россіи, и писавшій былъ совершенно свободенъ отъ упомянутыхъ опасеній, и высказывался съ полной искренностью о вещахъ и людяхъ.

Имя Тургеневыхъ постоянно встрѣчается въ исторіи лучшихъ людей и движеній русскаго общества съ конца прошлаго столѣтія. Отецъ этой семьи, И. П. Тургеневъ былъ однимъ изъ главнѣйшихъ членовъ масонскаго кружка Новикова и однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ участниковъ его предпріятій. Самъ Тургеневъ перевелъ извѣстную тогда книгу Іоанна Масона: «О познаніи самого себя», и Іоанна Арндта: «О истинномъ христіанствѣ», и въ качествѣ масона, въ одно время съ Новиковымъ подвергся преслѣдованію въ 1792 году и былъ висланъ изъ Москвы. При Александрѣ I, онъ былъ попечителемъ московскаго университета, и умеръ въ 1808. Тургеневъ далъ своимъ сыновьямъ самое внимательное воспитаніе, которое потомъ поставило ихъ въ ряду образованнѣйшихъ людей нашего общества. Наиболѣе извѣстными изъ братьевъ Тургеневыхъ были Александръ и Николай, пережившіе другихъ, также даровитыхъ

братьевъ, Андрея и Сергѣя. Семья Тургеневыхъ была тѣсно связана со многими замѣчательнѣйшими личностями русской литературы и образованности конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія. Александръ Тургеневъ писалъ однажды объ Ив. П. Тургеневѣ: «Я горжусь тѣмъ, что отецъ мой едва ли не первый открылъ Карамзина въ Симбирскѣ и увлекъ его съ собою въ Москву, въ тогдашній кругъ друзей»... Самъ Александръ Тургеневъ всегда оставался въ числѣ ближайшихъ друзей Карамзина, какъ обильно свидѣтельствуетъ о томъ, между прочимъ, ихъ сохранившаяся переписка, и оказалъ Карамзину большія услуги доставленіемъ множества матеріаловъ для «Исторіи»; это былъ вѣрный и неутомимый корреспондентъ, съ которымъ Карамзинъ дѣлился мыслями и планами своего труда и который ревностно разыскивалъ нужныя ему книги и рукописи; нѣтъ сомнѣнія, что онъ сберегъ Карамзину много времени и усилій въ его предварительныхъ работахъ, въ собираніи историческихъ источниковъ. Ихъ дружескія связи сохранились до конца. Еще тѣснѣе были отношенія Александра Тургенева съ Жуковскимъ, какъ это видно изъ біографіи послѣдняго, а между прочимъ и изъ напечатанной теперь переписки. Извѣстный «Арзамасъ», гдѣ Александръ Т. назывался «Эоловой Арфой», состоялъ почти поголовно изъ его друзей; литературныя связи продолжались потомъ у Тургенева и съ новымъ литературнымъ поколѣніемъ; онъ до конца жизни сохранилъ свѣжіе интересы къ литературѣ и дѣлу русской образованности.

Александръ Тургеневъ былъ старше Николая лѣтъ на шесть; также какъ послѣдній, онъ учился въ Геттингенѣ и безъ сомнѣнія выдавался въ ряду тогдашняго молодого поколѣнія столько же своими аристократическими и литературными связями, какъ своимъ образованіемъ и личнымъ характеромъ. Въ послѣднее время своей службы, въ началѣ двадцатыхъ годовъ, онъ занималъ важное положеніе въ министерствѣ князя А. Н. Голицына, какъ директоръ департамента духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій,—гдѣ между прочимъ онъ принялъ дѣятельную роль въ удаленіи іезуитовъ изъ Россіи. Въ это же время мы видимъ его дѣятельнымъ членомъ библейскаго общества и другихъ филантропическихъ обществъ, и какъ ни странно находить здѣсь Тургенева рядомъ съ фанатиками, мистиками, и иногда людьми совершенно ничтожными въ нравственномъ смыслѣ, эти увлеченія были въ Александрѣ Тургеневѣ совершенно искренни, если и не глубоки. Можно сказать, что онъ въ этомъ случаѣ представлялъ именно лучшую сторону тогдашняго піэтизма и тогдашней вѣротерпимости. Въ немъ можно было какъ

въ живомъ примѣрѣ видѣть историческое соединеніе и послѣдовательность различныхъ тенденцій, проникавшихъ тогда въ русское общество. Отъ отца и отъ первыхъ лѣтъ молодости онъ перенялъ преданія стараго масонскаго піэтизма, который сохранился у него, потерявъ только свои крайности и свою прежнюю внѣшность; новое европейское образованіе, полученное рядомъ съ этими впечатлѣніями, избавляло его отъ преувеличеній піэтизма и давало его религіи характеръ мечтательнаго благочестія и вѣротерпимости и, наконецъ, дѣлало для него сочувственными либеральныя стремленія къ улучшенію общественныхъ отношеній. Вслѣдствіе того, его симпатіи и могли быть очень разносторонни; такъ онъ могъ быть близокъ съ библейскими дѣятелями, дружески сходился съ Патерсономъ, съ квакеромъ Вильямомъ Алленомъ,—далѣе, съ Карамзинымъ, Жуковскимъ и Арзамасомъ,—могъ вѣрить въ князя А. Н. Голицына,—черезъ брата Николая могъ имѣть дружескія отношенія съ либеральнымъ кружкомъ. Оставаясь самъ въ сторонѣ отъ интригъ, которыя велись въ кругу піэтистовъ, Тургеневъ довѣрчиво оставался въ этомъ кругу, съ которымъ думалъ что имѣетъ общіе отвлеченные интересы.

Паденіе князя Голицына въ 1824 г. отразилось тотчасъ же и на положеніи Александра Тургенева: взявши отпускъ, онъ пересталъ заниматься дѣлами, и думалъ совершенно покинуть службу, отъ чего однако отговаривалъ его Карамзинъ. Онъ уѣхалъ за границу и въ началѣ 1826 г. находился съ братомъ Николаемъ въ Англіи, гдѣ они и услышали о смерти имп. Александра, о петербургскихъ событіяхъ и о томъ, что имя Николая Тургенева было замѣшано въ дѣлѣ о возмущеніи. Александръ отправился въ Петербургъ, чтобы узнать подробности о дѣлѣ, которое такъ близко касалось его брата. Съ этого времени начинается его переписка, продолжавшаяся до самой его смерти и прерывавшаяся только на то время, когда они жили вмѣстѣ, сначала въ Англіи, потомъ во Франціи,—гдѣ впослѣдствіи Ник. Тургеневъ поселился окончательно.

Съ тѣхъ поръ Александръ Тургеневъ уже не возвращался на службу; онъ жилъ въ Россіи и за границей, много путешествовалъ, и свой невольный досугъ употребилъ между прочимъ на собраніе иностранныхъ документовъ, относящихся къ русской исторіи, которые онъ отыскивалъ въ европейскихъ библіотекахъ. Такъ произошли между прочимъ извѣстные «Monumenta», въ двухъ томахъ, изданные въ сороковыхъ годахъ Археографической Коммиссіей. По его же матеріаламъ, какъ говорятъ, издана была, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, извѣстная

книжка: «La cour de Russie il y a cent ans», заключающая въ себѣ любопытныя выдержки изъ донесеній европейскихъ посланниковъ, состоявшихъ при русскомъ дворѣ въ прошломъ столѣтіи. Александръ Ив. Тургеневъ умеръ въ 1846 г.

Изданныя теперь письма составляютъ одну часть всей переписки А. Тургенева и относятся только къ 1826—1828 годамъ. Цѣлая переписка весьма обширна. «Эта корреспонденція,—говоритъ издатель въ предисловіи, — составляетъ 10 портфелей. Печатаемыя нынѣ письма избраны мною, и притомъ отрывками, или выписками, только изъ перваго портфеля. Я желалъ бы продолжать изданіе писемъ брата: желаю, но не надѣюсь».

Кромѣ переписки, остался отъ А. И. Тургенева столько же обширный журналъ. Веденный имъ, какъ видно, только для себя, онъ заключаетъ въ себѣ важное и неважное, небреженъ въ редакціи и въ самомъ почеркѣ. «Не легко было бы выбрать изъ этого огромнаго журнала пятую или даже десятую часть и напечатать, — говоритъ издатель писемъ. Но этотъ трудъ изданія былъ бы достаточно вознагражденъ интересомъ для читателей. Между прочимъ я нашелъ въ журналѣ брата весьма дѣльныя, безпристрастныя и часто трогательныя замѣчанія и наблюденія относительно положенія нашего простого народа, наблюденія, дѣланныя въ его различныхъ странствіяхъ по Россіи».

Изданіе этой переписки было послѣднимъ трудомъ Н. Ив. Тургенева. Предисловіе помѣчено 30 іюня 1871 года.

Братьевъ соединяла самая нѣжная дружба. Когда, въ 1826-мъ году, постигло Николая Тургенева несчастье — быть замѣшаннымъ въ дѣло о тайныхъ обществахъ, подвергнуться осужденію и потерять вслѣдствіе того родину, это несчастье подѣйствовало чрезвычайно тяжело на его братьевъ, Александра и Сергѣя. Послѣдній такъ глубоко пораженъ былъ этимъ нежданнымъ ударомъ, что, кажется, это разстроило его умъ и ускорило кончину [1]). Напечатанныя теперь письма Александра Ив. трогательнымъ образомъ раскрываютъ его привязанность къ брату: съ первой минуты, когда до нихъ достигло роковое извѣстіе, дѣло брата становится господствующимъ помышленіемъ Александра Тургенева. Отправившись въ Петербургъ, онъ повидимому долженъ былъ потерять надежду убѣдить судей въ невинности своего брата; но онъ тѣмъ не менѣе не покидаетъ своей

---

[1]) См. переписку Жуковскаго съ г-жей Пушкиной, напечатанную въ «Девятнадцатомъ вѣкѣ» г. Бартенева, кн. I.

мысли, и послѣ, когда приговоръ уже состоялся, онъ все надѣется, что правда возьметъ когда-нибудь верхъ и что несчастье брата будетъ вознаграждено.

Въ письмахъ первыхъ мѣсяцевъ 1826 года, изданныхъ теперь повидимому съ нѣкоторыми намѣренными выпусками, мы встрѣчаемъ извѣстія о дѣлѣ, совѣты, утѣшенія, негодованіе... Извѣстія, посылавшіяся имъ изъ Россіи, очень кратки; но становятся обильнѣе и откровеннѣе, когда онъ пишетъ къ брату уже выѣхавши за границу. Многія подробности любопытны для характеристики времени и людей.

Въ апрѣлѣ 1826 г. Александръ Тургеневъ въ письмѣ изъ Петербурга извѣщаетъ брата, что скоро объявлено будетъ изложеніе дѣла и что вслѣдъ затѣмъ назначенъ будетъ судъ, составляемый изъ особыхъ знатныхъ чиновниковъ. Затѣмъ, онъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ отсовѣтуетъ брату ѣхать въ Петербургъ (Николай Т. хотѣлъ въ это время пріѣхать въ Петербургъ, съ цѣлью оправдаться отъ взводимыхъ на него обвиненій): «Если бы ты поѣхалъ сюда, то самъ бы себя *лишилъ средства оправданія*; ибо не *вынесъ бы дороги*, и обвиненія на твой счетъ остались бы необъясненными. Это должно рѣшить тебя сюда не ѣздить. Я *страшусь* твоего сюда пріѣзда, какъ величайшаго несчастія. Не смѣю и не могу дать никакого совѣта болѣе». Подчеркнутыя нами выраженія довольно ясно указываютъ настоящую мысль писавшаго.

Самого Александра Т. ни о чемъ не спрашивали; бумагъ его брата, у него находившихся, не брали, и онъ сожалѣетъ объ этомъ, потому что онѣ по его мнѣнію могли бы примирить съ образомъ мыслей его брата. «Здѣсь много къ тебѣ уваженія отъ нѣкоторыхъ; но незнающіе ни характера, ни души твоей, винятъ тебя. То, что̀ должно служить тебѣ нѣкоторою отрадою, есть мнѣніе покойнаго государя. Передъ отъѣздомъ въ Таганрогъ, слѣдовательно когда уже зналъ то, что̀ говорили о тебѣ, сказалъ онъ Карамзину, говоря съ нимъ объ успѣхахъ законодательства въ Польшѣ, откуда возвратился: «Тамъ все идетъ прекрасно; а здѣсь Сперанскій лѣнится, Николая Тургенева нѣтъ; онъ боленъ, лечится. Что же мнѣ дѣлать?» Вотъ его мнѣніе о тебѣ».

Въ половинѣ 1826 г. Александръ Тургеневъ отправился за границу. Изъ Мемеля онъ вкратцѣ извѣщаетъ брата о сущности приговора уже состоявшагося, о томъ, что везетъ съ собой его бумаги (различныя работы по законодательству и вопросамъ внутренней политики, между прочимъ и по крестьянскому вопросу), и замѣчаетъ при этомъ: «будешь отвѣчать на осужденіе

трудами для отечества». Въ письмѣ изъ Дрездена, въ августѣ 1826, онъ пишетъ брату, находившемуся въ Англіи: «будь остороженъ съ посольствомъ. Въ домъ ходить не должно». Въ примѣчаніи издатель объясняетъ, какъ справедливо было это предостереженіе, потому что существовалъ тогда планъ захватить его за границею.

Въ письмахъ изъ Дрездена, Лейпцига, А. И. безпрестанно говоритъ брату о планахъ его оправданія, сообщаетъ свои мнѣнія, замѣчанія и поправки къ запискѣ, которую Н. И. составлялъ въ свою защиту. Полное сочувствіе къ своему дѣлу встрѣчали оба брата въ Жуковскомъ, съ которымъ Александръ Т. въ это пребываніе за границей провелъ много времени вмѣстѣ. Кромѣ Жуковскаго находились и другіе соотечественники, у которыхъ дѣло Николая Т. встрѣчало большое сочувствіе. Въ числѣ ихъ былъ гр. Стр..., имя котораго очень часто называется въ этихъ письмахъ: Александръ Т. разбиралъ съ нимъ записку брата, вмѣстѣ они обдумывали ея мотивы, обороты и выраженія и т. д. Въ это первое время дѣло брата поглощаетъ его вполнѣ. Онъ знакомится въ Дрезденѣ съ главнымъ редакторомъ саксонскаго уголовнаго кодекса Стейбелемъ. «Знакомство его для насъ очень наставительно, — пишетъ онъ въ февралѣ 1827 — и я постараюсь имъ воспользоваться... Онъ осуждаетъ рапортъ слѣдственной коммиссіи и все производство дѣла. Изъ проекта его (т.-е. проекта уголовнаго кодекса) желалъ бы я выписать для тебя нѣсколько параграфовъ, кои могутъ тебѣ подать мысль или къ пополненію нѣкоторыхъ оправданій и объясненій твоихъ, или къ исправленію и пополненію того résumé, котораго проектъ я тебѣ послалъ въ послѣднемъ письмѣ и который можетъ съ моей или съ чьей-нибудь другой стороны пойти въ дѣло... По совѣту Стейбеля прочелъ я и другія двѣ или три книжки, въ коихъ нашелъ юридическія аксіомы, не уваженныя судомъ верховнымъ», и проч. Онъ выписываетъ нѣсколько этихъ аксіомъ.

Вскорѣ затѣмъ, въ другомъ письмѣ, онъ сообщаетъ новыя замѣчанія. «На сихъ дняхъ прочелъ я нѣсколько статей изъ журнала уголовныхъ законовъ Миттермайера и пр. Желалъ бы я многое сообщить тебѣ. Безпрестанно нахожу я въ законахъ и въ общемъ источникѣ оныхъ такія правила, по коимъ никакой европейскій судъ ни къ чему не осудилъ бы тебя; даже и на основаніи показаній въ рапортѣ. И въ наказѣ Екатерины II нашелъ многое въ твою пользу... Я составилъ уже нѣкоторыя замѣчанія отъ себя, но начерно и долженъ прежде показать

ихъ здѣшнимъ судьямъ моимъ: Жуковскому и Стр.....ву,» и проч.

Въ Эмсѣ онъ встрѣчается съ извѣстнымъ кн. Козловскимъ: «Онъ только и твердитъ о тебѣ и о несправедливости суда и судей и о томъ, что онъ говорилъ за столомъ у гр. Гур..ва въ Брюсселѣ. Я просилъ его и взялъ съ него слово ни съ кѣмъ о тебѣ и о твоемъ дѣлѣ, особливо пока я здѣсь, не говорить... Но много говорилъ съ нами (т.-е. съ Александромъ Тургеневымъ и Жуковскимъ), и всѣ сужденія его, въ смыслѣ юридическомъ, здравы и справедливы. Безпрестанно возвращается къ тебѣ, и слушать любо, но больно то, что̀ говоритъ о Россіи».

Невдалекѣ отъ Эмса, въ Нассау [1]), доживалъ свои послѣдніе годы знаменитый баронъ Штейнъ, при которомъ Николай Тургеневъ состоялъ въ 1814-мъ году и который былъ для него предметомъ величайшаго уваженія, какъ по системѣ его политическихъ мнѣній, такъ и по непреклонному убѣжденію и характеру. Штейнъ долженъ былъ близко знать Николая Тургенева, и потому Александръ Т. съ особеннымъ интересомъ желалъ говорить съ нимъ о дѣлѣ брата. Онъ посѣтилъ Штейна въ іюлѣ 1827 года. Первое слово Штейна было объ его братѣ; Александръ Т. разсказалъ ему все дѣло, безпрестанно прерываемый его разспросами. Въ письмѣ къ брату, Александръ Т. сообщаетъ всѣ подробности своего свиданія съ бар. Штейномъ, мнѣніями котораго братъ его долженъ былъ очень дорожить. Штейнъ дѣйствительно высказалъ чрезвычайное участіе къ этому печальному дѣлу и нѣсколько разъ просилъ Александра передать брату, что онъ «никогда, ни на минуту не вѣрилъ клеветѣ доносителей, что зналъ и образъ мыслей и правила твои и не могъ ни на минуту вѣрить, чтобы ты хотя въ чемъ-либо, что̀ на тебя взводили, участвовалъ...» Они видѣлись потомъ еще нѣсколько разъ, между прочимъ и Жуковскій, и Штейнъ постоянно возвращался къ этому предмету. Между прочимъ, однажды Штейнъ разсказывалъ объ императорѣ Александрѣ и о планѣ отдѣленія Польши отъ Россіи, занимавшемъ императора въ эпоху вѣнскаго конгресса: извѣстно, что Штейнъ сильно высказывался противъ этого плана, чѣмъ даже и навлекъ на себя неудовольствіе императора. По этому поводу Александръ Т. пишетъ: «Это привело меня невольно къ событіямъ, послѣ 14 декабря открытымъ. Не слѣдовало ли набросить покрывало и на истинныхъ преступниковъ русскихъ и поляковъ — и не исчезаетъ ли пре-

---

[1]) Въ этой мѣстности поставленъ памятникъ Штейну, котораго открытіе происходило въ прошедшемъ іюлѣ.

ступность послѣднихъ и даже первыхъ, когда вспомнишь, чего желалъ, за что гнѣвался государь, коему не должно было сопротивляться, безъ преступленія? По любви къ государю и къ его памяти, къ душѣ его, понесшей на себѣ грѣхи всей его политики и администраціи, должно было бы бросить покровъ забвенія или милосердія и на другихъ заблуждшихъ»... Это разсужденіе въ самомъ дѣлѣ было очень справедливо, потому что либеральныя идеи, которыя распространялись тогда въ обществѣ и которыя теперь преслѣдовались, были несомнѣнно въ связи съ либеральными тенденціями правительства, т.-е. въ особенности самого императора Александра.

Друзья и братъ Николая Тургенева въ 1827 г. еще горячо заняты были планами его защиты и оправданія. Мы упоминали, что въ числѣ его партизановъ былъ кн. Козловскій. Въ «Письмахъ» не одинъ разъ упоминается о томъ, съ какимъ жаромъ Козловскій защищалъ Николая Т. въ русскомъ кругѣ, собравшемся тогда въ Эмсѣ. Между прочимъ Козловскій съ своей стороны также составилъ оправдательную записку, которая и приведена въ письмахъ (стр. 54—58).

Но однимъ изъ самыхъ нѣжныхъ было участіе, которое показывалъ въ то время къ несчастію Тургенева Жуковскій. Онъ дѣлалъ вмѣстѣ съ Александромъ Т. часть его тогдашняго путешествія; изъ упомянутыхъ писемъ его къ г-жѣ Пушкиной видна его горячая привязанность къ этой, давно ему близкой семьѣ; съ тѣми же чертами онъ является и въ настоящихъ письмахъ. Въ концѣ 1826 жили въ Дрезденѣ тѣснымъ кружкомъ Жуковскій съ Александромъ Тургеневымъ и братомъ его Сергѣемъ (который умеръ въ 1827 г.). Жуковскій былъ тогда занятъ своими педагогическими планами, готовясь вести воспитаніе великаго князя (нынѣ царствующаго государя императора). Александръ Т. разсказываетъ въ письмѣ къ брату (въ октябрѣ 1826) объ ихъ препровожденіи времени: «Послѣ обѣда обыкновенно читаемъ мы всѣ трое вмѣстѣ: я чтецъ, а Жуковскій и братъ слушатели... Не придумаешь ли назначить намъ какія-нибудь лучшія книги англійскія въ разныхъ родахъ и лучшія изданія; но не великолѣпныя. Мы дѣлаемъ для Жуковскаго реэстръ всего классическаго въ разныхъ родахъ, для составленія библіотеки великаго князя, которая должна имѣть лучшее и новѣйшее, а именно: 1) для чтенія, со временемъ, ему самому, и 2) для учителей, т.-е. для приготовленія ихъ къ урокамъ съ помощію лучшаго по каждой части, напримѣръ: исторія во всѣхъ ея видахъ и подраздѣленіяхъ; философія, литература, воспитаніе вообще, военное искусство, законодательство и правовѣдѣніе. Что

замѣтишь хорошаго по каждой изъ сихъ и другихъ частей, запиши и пришли названіе книги замѣченной»... Не знаемъ, участвовалъ ли, и насколько, Николай Т. въ составленіи реестра библіотеки, но бросается въ глаза его странное положеніе въ этихъ тѣсныхъ связяхъ съ Жуковскимъ въ то самое время, когда надъ нимъ уже произнесенъ былъ безпощадный приговоръ. Жуковскій хотѣлъ принести ему и поэтическое утѣшеніе, и написалъ, въ прозѣ, небольшую басню, приноровленную къ его положенію, которую и посвятилъ ему: Александръ Т. началъ переписывать эту басню въ письмѣ къ брату, но списалъ только первыя строки,—остальное въ его письмѣ было дописано самимъ Жуковскимъ (стр. 20). Эта басня, кажется, не вошла ни въ одно собраніе сочиненій Жуковскаго.

Въ письмѣ изъ Эмса, въ іюлѣ 1827, Александръ Т. пишетъ брату между прочимъ о Жуковскомъ:... «Онъ со слезами на глазахъ вчера пришелъ ко мнѣ съ письмомъ твоимъ и говоря о словахъ твоихъ, въ отношеніи къ его любви къ брату Андрею [1]), ко мнѣ и къ Сергѣю, — онъ сказалъ съ чувствомъ, что ты забылъ *главное* теперь, то-есть себя, что въ тебѣ видитъ онъ для себя болѣе; что онъ нашелъ подтвержденіе въ твоемъ характерѣ, въ твоихъ чувствахъ, всего, о чемъ только могъ мечтать, когда мечталъ о предметахъ высокой нравственности, о душѣ человѣческой, о высокой простотѣ ея и о ея назначеніи, что ты для него все подтвердилъ, объяснилъ, возвысилъ и человѣка, и его самого для него». Жуковскій — пишетъ Александръ Т. — просилъ для себя копіи всѣхъ писемъ, какія будутъ получаться отъ Николая Т., перечитывая прежнія—«для составленія résumé для себя самого и приведенія еще въ бо́льшую ясность идей своихъ о твоей невинности, дабы представить ихъ съ такою же ясностію и другимъ»... Далѣе онъ пишетъ, что и Жуковскій также сталъ составлять записку въ защиту Николая Т.: «желалъ бы доставить тебѣ копію съ записки, которую Жук. началъ составлять и частію составилъ уже для себя по твоему дѣлу, но ты не любишь этимъ заниматься; а мнѣ любо видѣть, какъ понимаютъ здѣсь тебя и твое дѣло, и предвидѣть, какъ современемъ и всѣ понимать будутъ, какъ бы предразсудки, предубѣжденія и упрямство ни искажали теперь и еще нѣкоторое время все, что́ до тебя касаться можетъ» (стр. 53—54). Письма еще не разъ возвращаются къ Жуковскому, и между прочимъ очень любопытны здѣсь его мнѣнія о рапортѣ слѣдствен-

---

[1]) Старшій изъ братьевъ Тургеневыхъ, съ которымъ Жуковскій былъ, кажется, ближе всѣхъ, и который умеръ еще ранѣе.

ной коммиссіи и объ его составителѣ: эти мнѣнія имѣютъ положительный историческій интересъ, такъ какъ Жуковскій былъ близкій свидѣтель, и мнѣнія его имѣютъ цѣну (стр. 84—85).

Александръ Т. еще нѣсколько разъ возвращается къ дѣлу по поводу разныхъ своихъ встрѣчъ. Между прочимъ онъ встрѣчался и съ судьями брата, напр., съ гр. Головкинымъ, сенаторомъ Кушниковымъ (племянникомъ Карамзина). Оказывалось, что судьи не находились чтó говорить въ защиту своихъ мнѣній, особенно первый: Кушниковъ не былъ въ числѣ рѣшительныхъ враговъ Николая Т. Вотъ одинъ образчикъ ихъ разговоровъ объ этомъ дѣлѣ: «Былъ у Кушникова, — пишетъ Александръ Т. въ августѣ 1827. Два-три раза повторилъ онъ мнѣ, что прочиталъ бумаги твои (вѣроятно бумаги Николая Т., находившіяся у его брата, и оправдательныя записки) съ большимъ вниманіемъ, онъ самъ для себя пришелъ къ одному результату, т.-е. что никогда бы не обвинилъ тебя и что почитаетъ тебя невиннымъ; но вмѣстѣ съ симъ говорилъ много о неявкѣ, о принадлежности къ тайному обществу, вопреки тому, что они запрещены еще со временъ Екатерины. Я объяснилъ ему неявку, и также сказалъ, что запрещеніе было только съ 1822 г.; что самъ Балашевъ, beau-frère его, министръ полиціи, ободрялъ, приглашалъ въ масонскія тайныя общества, при Екатеринѣ II запрещенныя; что Сперанскій, будучи государственнымъ секретаремъ, заводилъ ложу въ коммиссіи законовъ, слѣдовательно никакъ нельзя почитать тайныя общества запрещенными. Онъ понялъ все и опять повторилъ мнѣ, что болѣе ничего сказать мнѣ не можетъ, какъ то, что никогда бы, никакъ и ни къ чему бы не приговорилъ тебя, что и въ судѣ остался онъ при своемъ мнѣніи, въ коммиссіи данномъ (онъ былъ членомъ не слѣдственной, но предварительной коммиссіи, категоріи составлявшей); что представлялъ суду разсмотрѣть недостаточность показаній на тебя; что другіе, особливо военные, вопили жестоко противъ всѣхъ, особливо противъ тебя»... Въ другой разъ Кушниковъ прямо сказалъ, что по прочтеніи записки Николая Т. ни секунды не задумался бы и объявилъ бы его невиннымъ (стр. 78, 80).

Въ Лозаннѣ Александръ Т. видѣлся съ Лагарпомъ, который зналъ ихъ семью, и разговоръ необходимо зашелъ опять о «дѣлѣ». Письмо передаетъ слѣдующимъ образомъ мнѣніе Лагарпа: «По прочтеніи рапорта, сказалъ онъ, я не вѣрилъ, чтобы Николай Тургеневъ могъ быть участникомъ въ томъ, въ чемъ его и другихъ обвиняли. Я его знавалъ, какъ честнѣйшаго и благоразумнаго человѣка; я и прежде о немъ всегда говаривалъ, что

онъ дѣлаетъ честь своей націи и правилами своими, и рѣдкимъ просвѣщеніемъ; что у императора немного подобныхъ слугъ, что вѣрно въ обвиненіи его есть какое-нибудь недоразумѣніе. Я это всѣмъ говорилъ, повторилъ онъ мнѣ, и вы ничего не прибавили къ моему убѣжденію въ его невинности».... «Точно,—прибавляетъ Александръ Т.,—для меня быть въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ тебя знавали или видѣли, есть услажденіе душевное: вездѣ одно слышу» (письмо отъ 5 окт. 1827).

Не будемъ приводить другихъ подробностей о положеніи дѣла Николая Ив. Тургенева, и о взглядахъ, какіе вызывало оно въ различныхъ кругахъ русскаго общества. Нѣтъ сомнѣнія, что было много людей, которые имѣли и высказывали къ нему самое теплое сочувствіе. Прежде всего, это были конечно люди, лично знавшіе Николая Тургенева, и въ ряду ихъ въ особенности Жуковскій, который повидимому не ограничился одними словами въ выраженіи своего участія; Штейнъ не долго зналъ Тургенева, и это было уже довольно давно [1]), но онъ такъ былъ убѣжденъ въ достоинствѣ его идей и характера, что не вѣрилъ обвиненіямъ, и горячее участіе, обнаруженное къ Тургеневу этимъ суровымъ и строгимъ человѣкомъ, имѣло конечно высокую нравственную цѣну, которую долженъ былъ вполнѣ чувствовать Тургеневъ. Но въ пользу Тургенева были наконецъ и люди, расположенные совсѣмъ иначе смотрѣть на вещи, какъ, напр., Кушниковъ, и мнѣнія его показываютъ, что аргументы защитительной записки имѣли свою силу и въ то время, на первыхъ порахъ и при свѣжемъ воспоминаніи людей и событій. Упомянутые отзывы Жуковскаго о рапортѣ слѣдственной коммиссіи [2]) не должны быть забыты въ исторіи этого дѣла.

Но оставляя эту личную сторону изданной теперь переписки, мы, и мимо нея, найдемъ въ ней много историческаго интереса. И именно, мы найдемъ здѣсь любопытныя черты для характеристики того общественнаго и литературнаго круга, которому принадлежало большое значеніе въ нашемъ образованіи въ десятыхъ и двадцатыхъ годахъ. Это—кругъ, стоявшій между Карамзинымъ и романтиками, соединившійся одно время въ Арзамасѣ, одною стороной связанный со старыми преданіями, но

---

[1]) Они встрѣтились еще разъ, кажется, нѣсколько позднѣе того времени, когда велась эта переписка.

[2]) Къ нимъ присоединяются и мнѣнія Александра Тургенева, также знавшаго людей (см., напр., стр. 319).

сочувствовавшій умѣренному либерализму тогдашняго правительства. Александръ Ив. Тургеневъ является весьма типическимъ представителемъ этого круга, который въ литературѣ имѣлъ своего главнаго представителя въ Жуковскомъ. И въ литературѣ, и въ общественной жизни, направленіе этого круга имѣло въ себѣ что-то неясное и недоконченное — сантиментально-романтическіе порывы къ истинѣ, къ добру, филантропическая любовь къ людямъ, мечтательная и космополитическая религія; все это было очень не похоже на прежнее, здѣсь были задатки новаго движенія умовъ, но эти задатки не успѣли еще выработаться въ какую-нибудь опредѣленную формулу, и потому люди этого круга съ одной стороны легко теряли дорогу своего платоническаго либерализма и мирились съ элементами, къ нему мало подходившими, съ другой, слѣдующее поколѣніе легко могло не удовлетвориться ихъ неясными стремленіями и дѣйствительно разошлось съ ними, отыскивая себѣ новое, болѣе ясное содержаніе.

Таковъ по преимуществу былъ кружокъ Арзамаса, къ которому Николай Тургеневъ почти не могъ быть причисленъ, но гдѣ его братъ Александръ и Жуковскій играли дѣйствительную роль.

Переписка Александра Тургенева съ его братомъ принадлежитъ, какъ мы сказали, къ числу немногихъ въ нашей литературѣ образчиковъ бесѣды, не связанной никакими опасеніями, и потому откровенной и задушевной. Онъ подробно писалъ брату о своемъ путешествіи, о своихъ знакомствахъ и пр. У него нашлось много связей въ европейскомъ обществѣ, онъ видѣлъ много извѣстныхъ людей, игравшихъ роль въ литературѣ и въ политической жизни, и разсказъ объ его путешествіи, который безъ сомнѣнія былъ интереснымъ развлеченіемъ для его брата, будетъ нелишенъ интереса и для нынѣшнихъ читателей.

Тургеневъ былъ хорошо приготовленъ и обставленъ для этого путешествія. Онъ имѣлъ большое образованіе, можетъ быть не глубокое, но весьма разностороннее; онъ прошелъ административную школу, которая познакомила его со многими сторонами русской жизни и давала матеріалъ для сличеній; онъ очень любилъ общество, въ которомъ занималъ видное мѣсто какъ по своему служебному положенію, такъ и по аристократическимъ связямъ своего семейства. Изъ Петербурга онъ принесъ съ собой много готовыхъ связей и за границей, при которыхъ легко завязывались новыя многочисленныя знакомства. Еще было очень памятно царствованіе Александра, и тѣсное сближеніе Россіи съ европейскими дѣлами давало русскому человѣку, какъ Тургеневъ, много

точекъ соприкосновенія съ политическими и литературными кругами европейскаго общества, которые для самого путешественника были цѣлью изученія и любознательности.

По характеру своихъ общественныхъ понятій Александръ Тургеневъ былъ похожъ на большинство своихъ сотоварищей по Арзамасу. Въ этихъ понятіяхъ оставалось много неопредѣленнаго и недоконченнаго. Образованіе сообщило ему много прекрасныхъ качествъ просвѣщеннаго человѣка, дало запасъ отвлеченныхъ идей въ либерально-филантропическомъ направленіи, но не дало ему яснаго пониманія дѣйствительныхъ отношеній, какое отличало, напр., его брата. Николаю Тургеневу показалось скучно въ «Арзамасѣ»,—онъ не могъ понять, какъ взрослые люди могутъ тратить время на шутовское остроуміе и пустословіе; но другимъ членамъ, и Александру Тургеневу въ ихъ числѣ, не приходили въ голову эти сомнѣнія. Точно также и въ ихъ службѣ: Николай Ивановичъ совершенно понималъ свойства своей служебной дѣятельности, видѣлъ, какъ эта дѣятельность въ тѣхъ условіяхъ далека была отъ истиннаго служенія интересамъ государства и общества; ему надо было мириться съ этими прискорбными условіями, чтобы сдѣлать хоть что-нибудь дѣйствительно полезное. Александръ Тургеневъ, какъ большая часть его сотоварищей, не находили повидимому этихъ условій столь тѣсными; положеніе вещей казалось имъ почти правильнымъ и нормальнымъ и они принимали его безъ дальнѣйшихъ сомнѣній. Поэтому, Александръ Тургеневъ и могъ такъ съ такимъ хлопотливымъ интересомъ участвовать въ тогдашнихъ дѣлахъ: по своей службѣ онъ былъ въ тѣсныхъ связяхъ съ кн. А. Н. Голицынымъ, онъ былъ почти постояннымъ секретаремъ библейскаго общества, онъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ различными кружками тогдашнихъ піэтистовъ, въ связяхъ съ міромъ бюрократическимъ, въ то же время онъ сходился съ людьми либеральныхъ мнѣній, съ литературнымъ міромъ, и т. д. Понятно, что здѣсь было не мало недоразумѣній, которыя должны были наконецъ обнаружиться. И дѣйствительно, они обнаружились для него, прежде всего, кажется, съ паденіемъ кн. Голицына, которое повлекло за собой и его отставку: это должно было показать ему непрочное положеніе самыхъ идей, которымъ онъ думалъ служить; въ измѣнившихся личныхъ отношеніяхъ онъ долженъ былъ увидѣть, какъ далеки отъ жизни были тѣ хлопоты, которыми онъ до тѣхъ поръ былъ занятъ, и какъ мало принесли онѣ прочнаго результата. Другое обстоятельство, повидимому еще больше пробудившее его недовѣріе, было несчастье его брата: повязка еще болѣе спадала съ его глазъ, и онъ видитъ вещи, столь еще недавнія, въ иномъ свѣтѣ и—ближе къ истинѣ.

Онъ сталъ лучше понимать русскую дѣйствительность, и успѣлъ разочароваться въ людяхъ, и въ порядкахъ, на которые смотрѣлъ прежде иначе. Наконецъ, многое въ его прежнихъ теоретическихъ представленіяхъ разъяснилось для него путешествіемъ.

Письма Александра Тургенева, въ той (наибольшей) ихъ долѣ, которая посвящена замѣткамъ объ европейской жизни, могутъ служить любопытной мѣркой образованности въ старшемъ поколѣніи двадцатыхъ годовъ, какъ «Письма русскаго путешественника» отражаютъ собой образованность предшествовавшаго поколѣнія. Надо сдѣлать конечно оговорку, что таланты были очень различны, и что Тургеневъ во время своего путешествія не былъ такъ молодъ какъ Карамзинъ. У Тургенева мы находимъ болѣе серьезное знакомство съ политическимъ положеніемъ вещей, съ литературой, и вообще болѣе ясное понятіе объ отношеніяхъ европейской жизни и образованности къ нашей. Тургеневъ не только приходитъ «поклониться» разнымъ европейскимъ знаменитостямъ, и въ кругу литературной и политической аристократіи европейскихъ столицъ представляетъ для нея интересъ не только по свѣтскимъ качествамъ или связямъ, но и по объему своего образованія. Разница русскаго и европейскаго общества была иначе ясна для Тургенева, чѣмъ для Карамзина, и выводы, которые дѣлалъ первый, были уже гораздо поучительнѣе и серьезнѣе. Эта новая ступень, которую представляютъ взгляды Тургенева, безъ сомнѣнія отражала новую ступень въ развитіи самаго общества.

На первыхъ же страницахъ писемъ Александра Тургенева мы встрѣчаемся съ масонскими воспоминаніями семейства. Правильное образованіе, которое получили братья Тургеневы, конечно направило иначе ихъ понятія; но у нихъ, особенно кажется у Александра, осталось и теплое воспоминаніе о друзьяхъ отца, и нѣкоторый отголосокъ ихъ направленія и сочувствій: въ его религіи былъ еще замѣтный оттѣнокъ мечтательнаго піэтизма. Въ Лейпцигѣ Тургеневъ встрѣтился и познакомился съ Линдперомъ, котораго въ первый разъ онъ называетъ просто «авторомъ Макъ-Бенака», повидимому считая это опредѣленіе достаточно понятнымъ для его брата. Этотъ Линдперъ, нѣкогда ревностный масонъ, произвелъ большой шумъ въ нѣмецкомъ масонскомъ мірѣ своей книгой «Макъ-Бенакъ» (1818), изданной имъ вмѣстѣ съ выходомъ изъ ордена: Линдперъ обличалъ и отвергалъ масонскую внѣшнюю формальность и вызывалъ «братьевъ» на открытую дѣятельность для народа въ духѣ «истинной евангельской свободы». Объ этомъ-то Линднерѣ Тургеневъ отзывается въ письмѣ: «Истинный, практическій, христіанскій мудрецъ съ счастливою

физіономіею и говорящій просто и краснорѣчиво, славный педагогъ и обучающій (въ лейпцигскомъ университетѣ) нѣкоторымъ частямъ богословія... Онъ принимаетъ участіе во всѣхъ обществахъ, христіанскую цѣль имѣющихъ: библейскомъ, миссіонерскомъ и пр.» (май, 1827, стр. 26—28). Изъ Цюриха онъ пишетъ: «Я читалъ описаніе и исторію города... но мысль моя летала въ минувшемъ, которое ближе моему сердцу—я думалъ о Лафатерѣ, коего любилъ батюшка и Иванъ Владиміровичъ, какъ въ Камбре думалъ о Фенелонѣ, думалъ о родственникѣ Лафатера Тоблерѣ, который былъ не столько учителемъ, сколько другомъ нашимъ, т.-е. брата Андрея, ибо я еще не зналъ цѣну ему» и пр. (стр. 152). Въ другой разъ — услышавши на лекціи у Вильмена анекдотъ о Руссо, который сказалъ однажды, что желалъ бы быть камердинеромъ Фенелона, такъ какъ не смѣлъ бы надѣяться быть его секретаремъ,—Тургеневъ вспоминаетъ, что Иванъ Владиміровичъ (Лопухинъ) любилъ разсказывать этотъ анекдотъ (стр. 280). Въ Парижѣ онъ встрѣчается съ Дежерандо, извѣстнымъ французскимъ философомъ двадцатыхъ годовъ, и пишетъ о немъ: «Онъ былъ другъ Сенъ-Мартена и написалъ о немъ біографическую статью, которую я прочту; ибо люблю не только талантъ или геній, но и нравственный характеръ Сенъ-Мартена; и Дежерандо подтверждаетъ о немъ все слышанное мною: онъ былъ другъ людей и творилъ добро» (стр. 314). Въ рукахъ Тургенева была между прочимъ копія неизданной переписки Сенъ-Мартена, которою пользовались французскіе біографы знаменитаго мистика [1]. Въ письмѣ изъ Парижа, въ декабрѣ 1827, Александръ Т. дѣлаетъ для брата выписку изъ письма Жуковскаго о смерти извѣстнаго масона старой новиковской школы, Невзорова... «Нашъ добрый Максимъ Ивановичъ кончилъ жизнь свою. Умеръ съ именемъ твоего отца и Ивана Владиміровича (Лопухина) на языкѣ... Оставилъ 30 копѣекъ мѣдью и нѣсколько книгъ. Пенсіонъ свой весь отдавалъ бѣднымъ: это узнали послѣ смерти его». Тургеневъ прибавляетъ, что онъ дѣлалъ распоряженіе—выдавать Невзорову денегъ сколько нужно: «онъ, казалось, точно не на себя употреблялъ ихъ. Какой умъ, какая душа и какая судьба! И какой характеръ, какая смѣлость за правду противъ сильныхъ земли, грозившихъ ему гибелью, особливо въ послѣднее время, отъ монаховъ» (стр. 322). Это послѣднее обстоятельство еще не разъяснено достаточно біографіей Невзорова.

Тургеневу были также близки его недавніе библейскіе и филантропическіе интересы, которымъ онъ хотѣлъ служить въ

---

[1]) См. Matter, Saint-Martin, le philosophe inconnu, Paris 1864, стр. 455.

свое время въ Россіи. Онъ посѣщалъ въ Германіи библейскія собранія, причемъ видѣлъ, кажется, что наше «библейское дѣло» было не совсѣмъ похоже на то, чѣмъ оно было, напр., въ Германіи и чѣмъ бы оно должно было быть. Онъ любилъ посѣщать проповѣдниковъ и лекціи профессоровъ богословія, и своему благочестивому настроенію могъ удовлетворять за протестантской проповѣдью. Въ Англіи онъ разыскалъ и дружески видался съ старымъ знакомымъ, пасторомъ Патерсономъ (стр. 421, 593), игравшимъ большую роль въ первомъ учрежденіи русскаго библейскаго общества; вспоминаетъ о другомъ пріятелѣ, квакерѣ Вильямѣ Алленѣ.

Но еще больше вниманія возбуждали въ путешественникѣ нѣмецкіе университеты. Живя въ Лейпцигѣ, онъ усердно посѣщалъ лекціи тамошняго университета по теологіи и нравственнымъ наукамъ. На него производило впечатлѣніе это богатство ученой дѣятельности,—хотя отъ него не ускользнули нѣкоторыя странности преподаванія, напр., чрезмѣрная мелочность классическихъ изслѣдованій (стр. 111). Жуковскій, съ которымъ онъ вмѣстѣ жилъ въ Лейпцигѣ, также чувствовалъ желаніе пробыть нѣсколько времени въ какомъ-нибудь нѣмецкомъ университетѣ, чтобы готовиться къ предстоявшей ему воспитательной задачѣ (стр. 119). Посѣщеніе лекцій, знакомство и бесѣды съ профессорами занимали почти все время Тургенева въ Лейпцигѣ.

Русская жизнь нерѣдко вспоминалась ему по разнымъ поводамъ, и къ этимъ воспоминаніямъ почти всегда примѣшивалось чувство печали и неудовлетворенности: бюрократическая фантасмагорія исчезла изъ глазъ, и дѣйствительность возстановлялась въ памяти съ своими настоящими чертами; надежды возлагались на будущее. Между прочимъ наши путешественники встрѣтили одного русскаго молодого человѣка, очень образованнаго спеціалиста по горному дѣлу. Оказалось, что этотъ молодой человѣкъ, много путешествовавшій для изученія своего предмета, получившій за-границей прекрасный аттестатъ, былъ крѣпостной человѣкъ, котораго Демидовъ взялъ изъ Сибири и воспитывалъ для своихъ заводовъ. Можно себѣ представить, что положеніе этого крѣпостного горнаго инженера было очень печально; онъ просилъ Демидова объ освобожденіи, но получилъ отказъ, и хотя имѣлъ возможность получить мѣсто за-границей, рѣшился однако возвратиться домой. Тургеневъ принялъ въ немъ участіе и сталъ хлопотать о немъ, надѣясь устроить дѣло въ Петербургѣ черезъ Жуковскаго и, кажется, Перовскаго. Это былъ слишкомъ наглядный и убѣдительный фактъ относительно крѣпостного права. Въ іюнѣ 1827 г. Александръ Т. пишетъ къ брату изъ Парижа:

«Жуковскій нѣсколько разъ прежде думалъ, и сегодня, вспомнивъ объ участи бѣднаго демидовскаго Швецова, о которомъ вчера со слезами говорилъ мнѣ, хотѣлъ просить тебя записать мысли твои о рабствѣ въ Россіи, если не для близкаго, то для отдаленнаго будущаго. У меня здѣсь твои «мысли о рабствѣ», кажется черновой проектъ. Но теперь ты могъ многое обдумать, или придумать. На что намъ лишать себя средствъ быть полезными, когда силы ума и души еще насъ не оставили? Перенесись мысленно въ 1850-й годъ и далѣе. И что останется отъ нашего бѣдствія? Память добрыхъ и безпристрастныхъ, и чистое почтеніе къ твоей жизни и къ твоему бѣдствію и къ твоимъ правиламъ.... Nichts hoffen und doch wollen, das ist der Mann. Ты самъ избралъ этотъ девизъ» (стр. 38—39). Тургеневъ все-таки ошибся на десять лѣтъ. Ему пришлось вспомнить и о собственныхъ ошибкахъ, во времена его службы. «Я прочелъ во французской газетѣ,—пишетъ онъ изъ Парижа въ ноябрѣ 1827—нѣсколько строкъ объ отмѣнѣ мерзкаго закона въ Россіи, мною, по несчастію, въ департаментѣ законовъ составленнаго, но тобою осужденнаго, о правѣ помѣщиковъ посылать въ Сибирь дворовыхъ людей безъ суда, а только объявлять, что они недовольны ими (!). Сказываютъ, что составлены въ совѣтѣ (т.-е. государственномъ) какія-то правила и поименованы случаи, по коимъ могутъ помѣщики поступать такъ токмо съ своими *вассалами*, какъ сказано въ журналѣ. Жаль, что нѣтъ ничего о семъ подробнѣе; но и этому радъ, ибо эта редакція — хотя впрочемъ я и возставалъ противъ смысла или безсмыслицы закона,—лежала у меня на совѣсти». Такъ старый арзамасецъ въ болѣе свѣжей атмосферѣ видѣлъ свои заблужденія, и простое чувство человѣческаго достоинства брало верхъ надъ прежнимъ чиновничьимъ безсердечіемъ. Другіе такъ и остались навсегда съ этимъ безсердечіемъ, которое могло такъ легко уживаться съ сантиментальностью на словахъ.

Въ Лейпцигѣ Тургеневъ встрѣтился съ однимъ нѣмецкимъ чиновникомъ, который былъ въ прежнее время секретаремъ принца Ольденбургскаго въ Эстляндіи и многое зналъ о тамошнемъ освобожденіи крестьянъ, по которому ему приходилось работать. «И тамъ были двѣ партіи,—передаетъ Т. его слова,—одна искренно желала освобожденія ихъ, другая скрытно противодѣйствовала и нашъ Коз....въ или окружающіе его и Роз....фъ были подкуплены эстляндскимъ предводителемъ дворянства Бер...мъ, который пострадалъ, не будучи въ состояніи дать отчета въ 60-ти тыс., употребленныхъ имъ на подкупъ нашихъ чиновниковъ. Государь хотѣлъ coûte que coûte кончить дѣло посред-

ствомъ Ольденбургскаго принца, утверждая, что русскій государственный чиновникъ не могъ бы употребленъ быть на сіе дѣло, ибо навлекъ бы на себя ненависть другихъ». Тургеневъ дѣлаетъ по этому поводу любопытное замѣчаніе о характерѣ императора Александра. «Храбрѣйшій и добрѣйшій изъ царей— всего и всѣхъ боялся и все хитрилъ тамъ гдѣ могъ дѣйствовать bona fide съ простотою величія и съ убѣжденіемъ, что намѣреніе его согласно съ пользою Россіи, съ любовію къ человѣчеству, съ религіею Христа-Искупителя. На что было умничать? Наказанъ невѣріемъ въ чистоту его намѣреній со стороны и добрыхъ и злыхъ, и неуспѣхомъ во многомъ, что лежало на душѣ его и прежде и во время его царствованія».... (стр. 110).

До какой значительной степени развивалось теперь въ Тургеневѣ это сомнѣніе и недовѣріе къ русской дѣйствительности, можетъ показать отрывокъ изъ его письма отъ октября 1827, изъ Парижа. Въ началѣ онъ сообщаетъ нѣсколько слуховъ о сосланныхъ декабристахъ, и затѣмъ продолжаетъ: «Насъ вело и ведетъ Провидѣніе стезей непостижимой; но я вижу благость и въ самомъ бѣдствіи. Мы должны были многое постигнуть, чего *безъ* сего *опыта* и безъ сего *удаленія* изъ Россіи, конечно бы съ такою силою, съ такимъ убѣжденіемъ, не постигнули. Вотъ примѣръ хотя въ бездѣлицѣ: вчера сообщили мнѣ «Сына Отечества» нѣсколько книжекъ [1]) и за весь годъ «Инвалида». Я давно не читалъ русскихъ журналовъ: не умѣю выразить что я чувствовалъ, пробѣгая листы сихъ репрезентантовъ нашей словесности, нашей администраціи, нашей политической, моральной и литературной жизни! Я и жалѣлъ и краснѣлъ, но всего менѣе досадовалъ. Мнѣ было все это такъ чуждо: и Булгарина распри съ Вяземскимъ и Воейковымъ... и всѣ сіи ничтожныя хлопоты о ничтожномъ, и указы.о Хитрова-генералъ-контролерствѣ.... и ленты и чины....—все это произвело на меня неизъяснимо чуждое по сію пору впечатлѣніе и я уже не страдалъ, какъ прежде, не сокрушался и не досадовалъ, а чувствовалъ почти только одно: что я сему хаосу безстыдства, безпорядка и беззаконія—непричастенъ. Чувствовалъ это такъ сильно, что благодарилъ Бога за то, что я былъ далекъ и душевно и помышленіемъ и умомъ—и пространствомъ. Къ этой же категоріи долженъ причислить и литературу, самую, такъ сказать, внѣшнюю сторону оной. Что это за варварство?... Булгаринъ герой! Въ нѣсколько дней раскупаютъ изданія его сочиненій! Шишкову еще подличаютъ; стало быть ничто не перемѣнилось и ничего еще не перемѣнили. И тѣ,

[1]) Онъ издавался тогда Гречемъ и Булгаринымъ.

въ коихъ желалъ бы принимать участіе, возбуждаютъ жалость по категоріи, въ которую ихъ возводятъ. На одного отставленнаго плута, десять новыхъ съ новыми средствами къ взяткамъ, и юстиція высшая... Это не досада, не тяжелое чувство, а болѣе родъ какого-то удивленія, непривычка къ сему, хотя самъ чувствую, что не имѣю никакого права отвыкнуть отъ того, въ чемъ самъ погруженъ былъ и чтò было 30 лѣтъ передъ глазами безпрерывно и во всѣхъ ужасахъ существенности! Но полно! Будетъ и тамъ лучше, какъ и въ судьбѣ нашей!»... (стр. 229—230). Тѣмъ же чувствомъ отзывается другое мѣсто въ его письмахъ, гдѣ онъ говоритъ о «моральномъ уродствѣ» нашего общества (стр. 319). О русской литературѣ говоритъ онъ еще въ письмѣ отъ января 1828-го г., изъ Парижа:... «Послалъ Жуковскому замѣчанія на статью Греча о Карамзинѣ въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ на 1828-й годъ: что-то такое рабское и писателя недостойное. На счетъ истины дѣлаются фразы, напр., что милость (назначеніе огромной пенсіи) на минуту возбудила его къ жизни, — тогда какъ онъ принялъ ее съ негодованіемъ на чрезмѣрность пенсіи,—и безпрестанно твердятъ о 3-мъ Влад. и о томъ, что одинъ онъ имѣлъ въ чинѣ ст. сов. анненскую ленту! Въ другомъ журналѣ нашелъ я единственное замѣчаніе журналиста на новый отрывокъ Гёте, что авторъ имѣетъ теперь уже пять орденовъ! Пусть говорятъ объ этомъ, если хотятъ, въ біографіи тѣхъ государей, кои давали ордена сіи, ибо это имъ нѣкоторую честь дѣлаетъ; но что та грудь, гдѣ билось сердце Вертера, украшена датскимъ слономъ»! [1]).

Свойства нашихъ нравовъ разъяснялись для Тургенева при тѣхъ сравненіяхъ, какія представлялись ему безпрестанно: изъ тѣхъ выраженій, какія онъ употребляетъ, можно видѣть, къ чему приходили его мнѣнія. Вотъ, напримѣръ, замѣчаніе, которое онъ дѣлаетъ по поводу французскаго société d'encouragement pour l'industrie nationale, собраніе котораго онъ посѣтилъ: «Ободрительное общество, по предметамъ занятій своихъ, имѣло для меня мало привлекательнаго, ибо я не могу судить объ успѣхахъ въ искусствѣ продѣлывать ушко въ иголкѣ или въ дѣланіи колесъ на мельницу; но не могу безъ нѣкоторой зависти, смѣшанной однакоже съ космополитическою радостію объ успѣхахъ политическаго просвѣщенія, видѣть дѣятельность сихъ *частныхъ обществъ*, замѣняющихъ медленную и всегда расточи-

---

[1]) Замѣчаніе, конечно, очень справедливо и естественно; но любопытно, что біографы Карамзина и до послѣдняго времени не могли совсѣмъ покинуть манеру Греча, «что-то рабское и писателя недостойное».

тельную, убыточную дѣятельность правительства. Существованіе сихъ обществъ свидѣтельствуетъ бытіе нѣкоторой свободы гражданской, и тамъ гдѣ ихъ больше, тамъ больше и свободы. Отсутствіе оныхъ означаетъ противное и верхъ деспотизма есть гоненіе на участіе частныхъ людей, частныхъ обществъ въ улучшеніяхъ, въ усовершенствованіяхъ, до всего государства касающихся. Я никогда не забуду важности, съ какою говорилъ гр. Сергѣй П. Румянцевъ, возлелѣянный французами 18-го вѣка въ царствованіе Екатерины, объ Арзамасѣ невинномъ. Но и арзамасская шутка была при Александрѣ и принадлежитъ уже къ другой эпохѣ. Впрочемъ страхъ частной дѣятельности, частныхъ усилій къ общему благу принадлежитъ характеру правленія, а не личному (характеру) государей; ибо и Траянъ запрещалъ учрежденіе небольшой компаніи въ маленькомъ азіатскомъ городкѣ, для возстановленія бань, поставляя въ причину, «что всякое общество, всякій союзъ, имѣющій въ виду частные интересы, противны имперіи», хотя при Траянѣ имперія уже отдыхала отъ ужасовъ тиранства и писалъ Тацитъ! Но зло было не въ немъ, а въ натурѣ его власти. А мы должны хранить, беречь сію власть, какъ надежду! Она одна можетъ исцѣлить у насъ язву рабства» (стр. 285).

«Космополитическая радость» была очень справедлива, потому что наконецъ этотъ обычай или принципъ частной дѣятельности, развившійся въ Европѣ, сталъ дѣйствовать и у насъ, и наше общество могло воспользоваться его благими результатами. Какъ видимъ, Тургеневъ хорошо понималъ, для своего времени, значеніе общественной инціативы, и въ этомъ, какъ въ другихъ случаяхъ, онъ удачно обращалъ вниманіе на предметы, въ которыхъ сказывалось настоящее свойство нашего положенія вещей въ то время. Жизнь въ европейскомъ обществѣ объясняла ему, чего недоставало русскому.

Въ то время путешествіе было не такимъ обыкновеннымъ дѣломъ какъ теперь; познанія, теперь довольно распространенныя, въ то время были несравненно рѣже, и въ европейской жизни для русскаго было вѣроятно еще болѣе новаго и непривычнаго; путешествія не были такъ спѣшны, и можетъ быть, болѣе внимательны. Тургеневъ, по крайней мѣрѣ, имѣетъ весьма разнообразные интересы; повсюду онъ отыскиваетъ людей, чѣмъ-либо для него любопытныхъ, и нерѣдко сближается съ ними до дружескихъ отношеній. Рядъ этихъ знакомствъ довольно характеристиченъ.

Его путешествіе (къ которому относятся письма 1826—1828 года) началось съ Германіи; онъ жилъ особенно въ Дрезденѣ

и Лейпцигѣ, потомъ въ Эмсѣ; затѣмъ онъ проѣхалъ черезъ Швейцарію, остановившись особенно въ Женевѣ, и наконецъ два раза посѣтилъ Парижъ, гдѣ жилъ довольно долго; наконецъ переѣхалъ въ Англію, гдѣ увидѣлся послѣ долгой разлуки съ братомъ.

Въ Германіи онъ съ перваго раза встрѣчаетъ литературныя знакомства, начиная со стараго поэта Тидге и Матиссона, съ которымъ вспоминаетъ о Карамзинѣ, и до представителя новѣйшаго романтизма, Тика. Въ Дрезденѣ онъ знакомится съ наслѣднымъ саксонскимъ принцемъ Іоанномъ, который потомъ сталъ извѣстенъ учеными трудами европейской репутаціи (изслѣдованія о Данте, подъ псевдонимомъ Филалетеса). Въ Швейцаріи онъ посѣщаетъ пастора Гессе, памятнаго ему по прежнему піэтистическому чтенію. Въ Гофвилѣ осматриваетъ знаменитое учебное заведеніе Фелленберга, слава котораго дошла тогда и до Россіи и которое привлекало между прочимъ и русскихъ воспитанниковъ изъ высшей аристократіи (стр. 169 и д.). Въ Лозаннѣ онъ встрѣчаетъ Лагарпа, съ которымъ вспоминаетъ императора Александра (стр. 176—189). Въ Женевѣ онъ вошелъ въ дружескія отношенія съ Бонштеттеномъ, швейцарскимъ политическимъ дѣятелемъ и полу-нѣмецкимъ, полу-французскимъ писателемъ. Бонштеттенъ, въ то время восьмидесятилѣтній старикъ, но еще бодрый и интересный своими далекими историческими и литературными воспоминаніями, кажется, полюбилъ своего русскаго собесѣдника: Тургеневъ перечитывалъ въ рукописи его переписку съ Іоанномъ Мюллеромъ, знаменитымъ историкомъ, съ которымъ Бонштеттенъ былъ въ тѣсной дружбѣ; наконецъ Бонштеттенъ отдалъ Тургеневу въ распоряженіе другую свою переписку. «Вообрази себѣ,—пишетъ Александръ Тургеневъ къ брату,—что Бонштеттенъ отдалъ мнѣ всю свою оригинальную переписку съ отцемъ и матерью; всѣ письма къ отцу его Боннета [1]... и много другихъ писемъ къ нему, весьма любопытныхъ, съ тѣмъ, чтобы я въ Парижѣ списалъ ихъ для себя или сдѣлалъ выписки. Я беру весь толстый томъ съ собою и перепишу все примѣчательное для себя и буду и тебѣ сообщать кое-что. Позволилъ и напечатать все, что я хочу. Письма Боннета всѣ достойны печати» (стр. 206).

Въ Женевѣ Тургеневъ познакомился также съ Сисмонди и вообще съ тамошнимъ литературнымъ кругомъ; онъ жалѣлъ, что не могъ познакомиться съ Дюмономъ, извѣстнымъ другомъ и

[1]) Извѣстный философъ прошлаго столѣтія, который былъ почти воспитателемъ Бонштеттена и которымъ такъ увлекался Карамзинъ.

издателемъ Бентама, пріѣзжавшимъ въ Петербургъ въ первые годы царствованія импер. Александра. По словамъ Тургенева, Дюмонъ «написалъ путешествіе свое въ Россію и читалъ здѣсь (въ Женевѣ) многимъ свою рукопись: описываетъ видѣнное. Онъ не можетъ быть очень доволенъ нами; ибо Новосильцевъ не поддержалъ съ нимъ сношеній по законодательству, а послѣ и совсѣмъ забылъ его» [1]).

Еще обширнѣе были связи и знакомства Тургенева въ Парижѣ. Здѣсь отчасти черезъ русскую аристократическую колонію, отчасти и мимо ея, Тургеневъ очень близко сошелся со множествомъ лицъ, знаменитыхъ въ литературномъ и политическомъ мірѣ. Онъ нашелъ здѣсь старую знакомую, г-жу Свѣчину, которая уже начала тогда свою католическую роль и соединяла въ своей гостиной аристократическихъ католиковъ и легитимистовъ, и писателей. Тургеневъ бывалъ и у г-жи Рекамье и въ другихъ салонахъ, гдѣ имѣлъ возможность видѣть много замѣчательныхъ людей того времени. Съ нѣкоторыми онъ связалъ довольно близкое знакомство: онъ безпрестанно бываетъ у Талейрана и его извѣстной племянницы, герцогини Дино, посѣщаетъ Гизо, Вилльмена, знакомится съ Ройе-Колларомъ, Форіэлемъ, Августиномъ Тьерри, философомъ Дежерандо, барономъ Экштейномъ; встрѣчаетъ старыя знакомства—графа Каподистрію и аббата Николя, занимавшагося въ Россіи педагогической дѣятельностью, какъ говорятъ, подъ крыломъ іезуитовъ, о которыхъ онъ теперь разсказывалъ Тургеневу историческіе анекдоты (стр. 264); наконецъ онъ разсказываетъ о русскихъ знаменитостяхъ, сошедшихъ со сцены, проживавшихъ въ то время въ Парижѣ—какъ адмиралъ Чичаговъ, графъ Аракчеевъ, М. Ант. Нарышкина (стр. 234, 286, 245). Само собою разумѣется, что Тургеневъ не забылъ въ Парижѣ и публичной жизни,—онъ слѣдитъ за курсомъ Вилльмена, который его интересуетъ и удивляетъ, но котораго онъ умѣетъ однако судить хладнокровно, бываетъ въ публичныхъ засѣданіяхъ академіи, посѣщаетъ публичныя лекціи для рабочихъ, наконецъ слѣдитъ и за политическими событіями, за борьбой партій при министерствѣ Вилленя, наблюдаетъ революціонныя вспышки и уличныя демонстраціи. «Пребываніе въ такую эпоху во Франціи,—замѣчаетъ онъ,—болѣе познакомитъ съ нею и съ первоначальными элементами представительнаго правленія, нежели чтеніе книгъ и журналовъ. Мнѣніе народа и пріемы правительства, можно ска-

[1]) Мы имѣли случай говорить объ этомъ путешествіи Дюмона (см. «Русскія отношенія Бентама», В. Евр. 1869).

зать, всплываютъ на поверхность всего видимаго теперь міра въ Парижѣ» (стр. 287).

Разсказы Тургенева обо всемъ этомъ, хотя отрывочные и короткіе, представляютъ и до сихъ поръ не мало любопытныхъ подробностей о парижской жизни двадцатыхъ годовъ. Между прочимъ онъ бывалъ нерѣдко у Талейрана и записываетъ нѣсколько разсказовъ его о временахъ большой революціи, о вѣнскомъ конгрессѣ и т. н.

Въ январѣ 1828 Александръ Тургеневъ извѣщаетъ брата, жившаго тогда въ Англіи, что можетъ наконецъ съ нимъ увидѣться. Надобно замѣтить, что до тѣхъ поръ онъ не рѣшался ѣхать къ нему: братъ его былъ человѣкъ слишкомъ компрометтированный, а онъ хотѣлъ строго соблюсти всѣ оффиціальныя приличія и не дозволялъ себѣ свиданія безъ разрѣшенія правительства, а вмѣстѣ вѣроятно и опасался этого. Однимъ словомъ, разрѣшеніе наконецъ, черезъ два года, явилось. «Милый братъ,—пишетъ Александръ Т.,—наконецъ горизонтъ и для насъ свѣтлѣетъ! Дружба Жуковскаго подѣйствовала. Для меня главное сдѣлано: я могу быть съ тобою. Я почти счастливъ и спокоенъ на всю жизнь. Вотъ копія съ письма Жуковскаго. Досадуя на неполученіе (мнимое) мною писемъ его, онъ увѣдомляетъ о полученныхъ имъ отъ меня письмахъ и книгахъ, и говоритъ: «Но не объ этомъ. Теперь спѣшу. Содержаніе моего теперешняго письма важное, хотя письмо короткое. Я могу тебѣ теперь по совѣсти дать совѣтъ, которымъ не боюсь *повредить* тебѣ: ты можешь ѣхать въ Лондонъ. На это напрасно ты требовалъ позволенія съ изъясненіемъ для чего ѣдешь: такого позволенія дать нельзя было; но тебѣ ѣхать не запрещено и я теперь могу сказать тебѣ *рѣшительно, ибо имѣю причину такъ говорить*, что поѣздка твоя въ Лондонъ и твое свиданіе съ Николаемъ не сдѣлаютъ тебѣ никакого вреда, не произведутъ даже никакого дурнаго впечатлѣнія. Итакъ, поѣзжай...» Что мнѣ болѣе этого сказать тебѣ, милый другъ и братъ! Въ душѣ моей одно чувство: благодарность къ Провидѣнію за тебя и за дружбу Жуковскаго» и пр. (стр. 364).

Съ февраля по іюль 1828 письма прекращаются. Все это время братья провели вѣроятно вмѣстѣ. Въ іюлѣ они разъѣхались опять: Николай отправился на острова Джерсей и Гернсей, Александръ поѣхалъ по Англіи и Шотландіи. Описаніе этого послѣдняго путешествія наполняетъ вторую серію писемъ и вторую половину книги. Изъ Лондона Александръ Т. отправился черезъ Манчестеръ и Ливерпуль въ Шотландію, прожилъ довольно долго въ Эдинбургѣ, потомъ отправился въ сѣверную

Шотландію до Инвернеса и Стаффы, и осмотрѣвъ подробно страну, возвратился на югъ Англіи, останавливаясь во всѣхъ замѣчательныхъ городахъ. Послѣднее письмо, въ октябрѣ 1828, изъ Портсмута, опять наканунѣ свиданія съ братомъ.

Въ своемъ путешествіи по Англіи Тургеневъ отличался той же любознательностью. Онъ успѣлъ уже освоиться съ англійскимъ языкомъ, и съ помощью рекомендательныхъ писемъ пріобрѣлъ и здѣсь много знакомствъ, опять преимущественно въ аристократическомъ и литературномъ кругу. Такъ онъ посѣщаетъ, въ ихъ провинціальныхъ за́мкахъ въ Англіи и Шотландіи, лордовъ Лансдоуна, Минто, Росбери, герцога Гамильтона, герцога Девонширскаго, разсказываетъ любопытныя подробности объ англійскомъ бытѣ и англійскомъ гостепріимствѣ, которымъ много разъ имѣлъ случай пользоваться. Изъ литературнаго міра онъ знакомится съ профессорами Эдинбургскаго университета, съ знаменитымъ критикомъ и издателемъ «Эдинбургскаго обозрѣнія» Джеффри (стр. 460), съ политико-экономомъ Макъ-Куллохомъ (стр. 420), посѣщаетъ Вальтеръ-Скотта и гоститъ у него (стр. 396 и д.), и проч. Его интересуютъ конечно и другія стороны англійской жизни; онъ осматриваетъ фабрики, школы, благотворительныя заведенія, посѣщаетъ знаменитый Нью-Ланаркъ, гдѣ «фабрики содержатся компаніею, въ числѣ коей Owen и мои пріятели кваке́ры Will. Allen и Forster» (стр. 463 и слѣд.), знакомится съ извѣстнымъ изобрѣтателемъ «ватерпру́фа», фабрикантомъ Макинтошемъ и проч.

Такимъ образомъ, нашему путешественнику были совершенно доступны и занимательны умственные и политическіе интересы европейской жизни; въ его космополитическомъ отношеніи къ нимъ отражается вообще положеніе русской образованности, для которой Европа была богатымъ источникомъ поучительныхъ знаній и общественнаго опыта: онъ почти одинаково легко оріентируется и въ Германіи, и во Франціи, и въ Англіи. Его собственныя идеи еще не были довольно ясны и полны,—какъ и въ большинствѣ нашего образованнаго общества, начинавшаго сочувствовать лучшимъ стремленіямъ европейской жизни; — но задатки самостоятельности уже и здѣсь можно замѣчать въ томъ, что изученіе европейскаго образованія дѣлалось собственнымъ трудомъ, почерпалось изъ различныхъ источниковъ, не впадало въ исключительную односторонность самыхъ источниковъ. Въ самомъ дѣлѣ, для нашего путешественника были одинаково поучительны и Германія, и Франція, и Англія, но онъ не одинъ разъ замѣчаетъ ихъ литературное разъединеніе: какъ представитель болѣе бѣдной образованности, онъ больше считалъ для себя нуж-

нымъ знакомство съ главными европейскими литературами, чѣмъ считали образованные нѣмцы, англичане или французы, которые удобнѣе могли довольствоваться только собственной литературой; но ему видны были и недостатки ихъ исключительности. Дѣйствительно, въ то время международная связь европейскихъ литературъ была гораздо слабѣе, чѣмъ теперь, когда она уже стала весьма значительна, и Тургеневъ могъ дѣлать весьма образованнымъ, даже ученымъ французамъ и англичанамъ такія указанія о нѣмецкой литературѣ, которыя были для нихъ и полезны, и совершенно новы. Вотъ нѣсколько примѣровъ. Въ Женевѣ,—пишетъ онъ,—«Бонштеттенъ просилъ меня составить для ихъ литературнаго общества, весьма скуднаго нѣмецкими книгами, каталогъ лучшихъ нѣмецкихъ книгъ по исторіи и философіи, и особенно въ отношеніи къ русской исторіи. Они мало знаютъ богатства нѣмецкой словесности въ исторической части и новыя книги мало доходятъ сюда. Я обрадовался сему предложенію, ибо оно забавляетъ меня мыслію, что русскій познакомитъ ученыхъ женевцевъ съ нѣмецкой словесностію.... Женевцы, самый Бонштеттенъ,—замѣчаетъ онъ въ другомъ письмѣ,—очень запоздали въ нѣмецкой словесности. По всему видно, что они французы и что сношенія ихъ болѣе съ Франціею, даже съ Италіею, нежели съ Германіею» (стр. 214, 218). Разсказывая о Гизо, Тургеневъ сообщаетъ его мнѣніе о баронѣ Штейнѣ, и потомъ замѣчаетъ: «онъ думаетъ, что образъ мыслей б. Штейна произошелъ и отъ несовершеннаго знанія Франціи. Я объяснилъ ему какъ онъ и теперь все знаетъ о ней и судитъ ее; но я думаю, что замѣчанія Гизо о Штейнѣ можно обратить и на него самого: и онъ не знаетъ всего б. Штейна и не знаетъ Германіи, хотя я не встрѣчалъ еще француза, которому бы литература нѣмецкая и отличные нѣмцы во всѣхъ родахъ такъ извѣстны были какъ Гизо. Нѣтъ книги, которую бы я назвалъ, ему незнакомой. Онъ или читалъ ее, или купилъ, или читалъ о ней и знаетъ автора по другимъ сочиненіямъ....» (стр. 223). Бесѣдуя съ Дежерандо о новомъ изданіи его исторіи философіи, Тургеневъ опять встрѣтилъ случай, болѣе обыкновенный во Франціи, т.-е. незнакомство съ нѣмецкой наукой: «я наименовалъ ему нѣкоторыя нѣмецкія книги, сказавъ, что теперешнее движеніе умовъ въ Германіи примѣчательно по части философіи тѣмъ, что она входитъ во всѣ отрасли наукъ, напримѣръ, въ юриспруденцію, въ законодательство, въ исторію давно уже, а въ изслѣдованіе натуры и подавно; что нельзя не указать на сіе въ исторіи новѣйшей философіи» и проч. (стр. 226). Съ другой стороны о знаменитомъ Клапротѣ Тургеневъ замѣчаетъ:

«онъ, точно, отличенъ отъ другихъ французовъ и знаніями и сужденіями безпристрастными. Симъ обязанъ онъ, кажется, нѣмецкимъ книгамъ» (стр. 232). Далѣе, опять незнакомство съ нѣмцами у Авг. Тьерри. Тургеневъ нашелъ, что онъ мало знаетъ нѣмцевъ, хотя ему и читаютъ нѣмецкія книги (Тьерри уже тогда былъ почти слѣпъ). «Я наименовалъ ему нѣкоторыхъ авторовъ ему неизвѣстныхъ о предметѣ, коимъ теперь онъ занимается. Онъ пишетъ исторію народовъ, громившихъ римскую имперію и наконецъ разрушившихъ ее.... Книгу Сарторіуса объ Остготахъ въ Италіи — онъ уже зналъ, ибо она написана на задачу французской академіи. Мансо и другихъ еще не знаетъ. О скандинавахъ я ему говорилъ много и долго и назвалъ источники и критическія сочиненія о ихъ исторіи; обѣщалъ ему и 1-ю часть Нибура и историческую литературу Эрша, по которой узнаетъ все, что о каждомъ предметѣ писано по части исторіи. Буду иногда заходить къ нему; ибо онъ сидитъ обыкновенно одинъ и въ полутемнотѣ и не всегда можетъ заниматься....» (стр. 233 — 234). Мы упоминали отзывы Тургенева о Виллыменѣ: это была тогда едвали не первая знаменитость французской публичной каѳедры; онъ привлекалъ огромныя толпы слушателей. Тургеневъ пересказываетъ брату нѣсколько его лекцій, отмѣчаетъ блестящія мѣста и счастливыя выраженія, удивляется его таланту, но тѣмъ не менѣе, опять вѣроятно по привычкѣ къ нѣмецкой научной точности, не можетъ помириться съ той французской ораторской манерой, которая, въ разсчетѣ на эффектныя картины и рѣзкія характеристики, не стѣснялась строгой вѣрностью фактовъ, и не можетъ помириться съ хвастливымъ превознесеніемъ Франціи превыше всего остального міра. Тургеневу бросалась въ глаза насмѣшливая улыбка, съ которой Вилльменъ говорилъ о нѣмцахъ; и когда Вилльменъ принимался, по его выраженію, feuilleter toute l'Europe, Тургеневъ удивлялся легкости перелистыванья, при которомъ Вилльменъ забывалъ напримѣръ такихъ людей, какъ Баконъ; и онъ находилъ, что это не дѣлало чести учености профессора. Вообще, онъ приходилъ къ тому заключенію, что «когда слушаешь Вилльмена, то онъ кажется не только остеръ, краснорѣчивъ, но даже глубокомысленъ; а повѣряя дома впечатлѣнія результатомъ, оставшимся въ умѣ и душѣ, то пожива оказывается незначительною. И я не всегда умѣю удержать связь его лекціи: это бѣглый огонь, и есть ли связь въ словахъ его, то развѣ лирическая, не совсѣмъ примѣтная». «Вилльменова лекція, — замѣчаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, — подобна фейерверку, блеснетъ,

но ничего не оставитъ кромѣ темнаго воспоминанія о минутномъ блескѣ» (стр. 280, 291).

Въ Англіи Тургеневъ знакомится также съ людьми ученаго и литературнаго міра, и вообще прекрасно принятъ въ ихъ кругу, сначала по письмамъ, а потомъ по личнымъ его достоинствамъ. Здѣсь ему опять приходится рекомендовать нѣмецкія книги. Въ Эдинбургѣ онъ знакомится съ извѣстнымъ натуралистомъ Джемсономъ, къ которому имѣлъ письма: «онъ обводилъ меня по всему университету, показалъ кабинеты, строющуюся великолѣпную библіотеку.... Я долженъ былъ шарлатанить съ ними (Джемсономъ и другими профессорами) о Блуменбахѣ и записалъ имъ нѣкоторыя книги, имъ неизвѣстныя» (стр. 406). Съ профессоромъ Пиленсомъ Тургеневъ «заговорился о книгахъ по его части (воспитанію) въ нѣмецкой литературѣ и долженъ былъ все записать ему, начиная отъ Базедова до Линднера и Нимейера. Онъ и о первомъ ничего не слыхалъ, хотя читаетъ нѣмецкія и особливо учебныя книги. Онъ взамѣнъ познакомилъ меня съ здѣшнею методою Вуда и повелъ въ его училище»... (стр. 408).

Оканчивая съ книгой, приводимъ изъ нея отрывокъ, гдѣ Тургеневъ разсказываетъ о посѣщеніи имъ Вальтера-Скотта. Знаменитый романистъ былъ тогда на верху своей славы, и нашъ путешественникъ конечно не могъ миновать его. Вальтеръ-Скоттъ жилъ въ извѣстномъ Абботсфордѣ, который лежалъ на пути Тургенева; у послѣдняго не было на этотъ разъ никакой рекомендаціи, но это не помѣшало любезности пріема. Вальтеръ-Скоттъ любилъ посѣщенія иностранцевъ, и англійское гостепріимство въ этомъ кругу была вещь обычная и правильная. «Ничто меня такъ не поражаетъ въ путешествіи по дачамъ Англіи и Шотландіи,—замѣчаетъ Тургеневъ въ одномъ мѣстѣ,—какъ это отсутствіе всякой жизни, или лучше суматохи, которую слышишь, видишь, чувствуешь въ деревняхъ на континентѣ, особливо въ нашихъ барскихъ или помѣщичьихъ. Всему здѣсь часъ, минута; пріѣдешь: не видишь ни хозяина, ни хозяйки. Кажется, все пусто. Зазвонятъ къ завтраку, къ одѣванью передъ обѣдомъ, къ обѣду—и столъ уставленъ всѣмъ, чтó роскошь придумать можетъ; и вы уже нагулявшись одни, безъ свидѣтелей, приготовившись къ обществу на день, сходите и любезничаете, какъ умѣете, или молчите: васъ напоятъ, накормятъ и спать уложатъ—и проводятъ и все безъ шума, въ опредѣленный часъ. Откуда берется все что находишь въ комнатахъ, за столомъ, въ гостиной? Всѣ связи съ обществомъ столицы и съ ея представителями журналистами соблюдены и газета, 3-го дня въ Лон-

донѣ вышедшая, напоминаетъ вамъ, что вы не въ волшебномъ замкѣ» (стр. 446).

Тѣ же нравы видѣлъ нашъ путешественникъ и въ Абботсфордѣ. Вотъ письмо его, писанное отсюда въ августѣ 1828.

«Хочу начать тебѣ письмо перомъ В. Скотта и въ его замкѣ. Я пріѣхалъ въ городокъ Мельрозъ, за три мили отсюда, 3-го дня часу во второмъ; осмотрѣлъ прелестныя развалины аббатства, описанныя В. Скоттомъ, и пустился къ нему пѣшкомъ, хотя и не получалъ отвѣта его на мое письмо, котораго онъ не получалъ и по сіе время. Я пришелъ къ нему въ 4 аса. Онъ только что возвратился съ похоронъ. Долго бродилъ въ его первой залѣ, унизанной рыцарскими доспѣхами, убранной различными гербами фамилій здѣшняго края, населеннаго нѣкогда бордерами, т.-е. пограничными жителями, въ вѣчной борьбѣ съ шотландцами и съ англичанами. Сіи разбои воспѣлъ и описалъ В. Скоттъ и ты вѣрно знаешь давно то, что́ я отчасти успѣлъ прочесть у лорда Минто. Наконецъ встрѣтилъ я офиціанта въ пудрѣ, и онъ доложилъ обо мнѣ немедленно В. Скотту, который въ ту же минуту принялъ меня въ кабинетѣ своемъ, гдѣ была и дочь его, не замужняя; — другая замужемъ и ея и двухъ сыновей здѣсь нѣтъ. Послѣ нѣкоторыхъ объясненій онъ пригласилъ меня остаться у него; я сказалъ, что спѣшу въ Эдинбургъ и не надѣялся болѣе ничего какъ видѣть его; но дочь въ ту же минуту отвѣчала, что уже комната готова и человѣкъ явился провести меня туда; а В. Скоттъ пригласилъ къ обѣду и послѣ обѣда на музыку дамскую. Въ 6 часовъ меня позвали къ обѣду и я нашелъ болѣе 10 человѣкъ гостей.... Всѣ говорили по французски и обѣдъ былъ вкусный и веселый; а послѣ обѣда В. Скоттъ перешелъ ко мнѣ и мы короче познакомились; онъ говорилъ много и съ важною любезностію и мы долго проболтали. Въ гостиной пашли уже мы кофе, чай и музыку. Дѣвушки и одна старушка пѣли, играли на арфѣ и на гитарѣ, и В. Скоттъ безпрестанно подходилъ ко мнѣ и объяснялъ національныя пѣсни; ол 'влялся, повторяя ихъ наизусть сначала до конца и щелкалъ пальцами, какъ удальцы шотландскіе. Въ 11 часу подали опять ужинъ и скоро разошлись»... На другое утро Тургеневъ одинъ осмотрѣлъ садъ въ Абботсфордѣ и окрестности, и затѣмъ отправился гулять съ самимъ хозяиномъ. «Дорогой, В. Скоттъ разсказывалъ, какъ за 15 лѣтъ нашелъ онъ это мѣсто совершеннымъ пустыремъ, какъ устроивалъ его, и показывалъ всѣ виды съ горы на Мельрозъ, па дачу лорда Сомервиля и на рѣку Твидъ и другую рѣчку,

недалеко отъ его зѝмка въ Твиду впадающую; толковалъ о шотландскихъ древностяхъ, вспоминалъ часто старинные стихи и пѣсни и съ жаромъ повторялъ ихъ. Онъ читаетъ и нѣм. книги и выспрашивалъ о фемгерихтѣ [1]) въ Германіи и хотѣлъ записать книги, кои я ему назвалъ о семъ предметѣ. Древность, или лучше старина среднихъ вѣковъ его очень интересуетъ и другихъ народовъ, и я нашелъ въ его библіотекѣ много любопытнаго по исторической и археологической части. Мы гуляли до 5 часовъ... Въ 6 часовъ позвали къ обѣду, къ которому я одѣлся какъ на балъ. Разговоръ былъ общій, но оживленный. Въ столовой, также какъ и во всѣхъ комнатахъ множество картинъ, портретовъ и разныхъ рисунковъ, относящихся къ старинѣ шотландской. Послѣ обѣда дамы, а за ними и англичанинъ (пріятель В. Скотта) ушли и В. Скоттъ снова подсѣлъ ко мнѣ и мы проговорили до 10 час. вечера. Онъ объяснялъ мнѣ кланы, отношенія ихъ между собою и къ начальникамъ ихъ, и описывалъ прежнее состояніе ихъ, говоря, что въ нихъ не было ничего феодальнаго, но болѣе патріархальное; что начальникъ клана, конечно, пользовался большимъ вліяніемъ, но что это вліяніе и дорого стоило ему; что теперь стараніями правительства и измѣненіемъ нравовъ—кланы почти не существуютъ. Называлъ того убившагося шотландца (Гленгари), у коего ты обѣдалъ, какъ своего пріятеля и ревностнаго учителя обыкновеній шотландскихъ. Мы перешли къ литературѣ и онъ повелъ показывать мнѣ свои книги и акты двухъ обществъ шотландскихъ древностей и достопримѣчательностей. Показывалъ и другія рѣдкія книги на шведскомъ языкѣ; ибо занимался поэзіею исландскою и выспрашивалъ меня о новыхъ книгахъ по сей части. Я хотѣлъ уѣхать; но онъ не пустилъ меня и оставилъ опять ночевать, сказавъ, что приготовилъ для меня другую комнату, просторнѣе, хотя и прежняя была прекрасная и удобная. Я провелъ опять вечеръ съ ними и онъ былъ необыкновенно любезенъ... Мнѣ кажется, что посѣщеніе мое ему не въ тягость и вчера ввечеру, прощаясь со мною, онъ сказалъ мнѣ даже не только что-то лестное, но даже почти нѣжное, въ отвѣтъ на мое извиненіе, что я, не рекомендованный никѣмъ, рѣшился пріѣхать къ нему. Пріятель его много разсказывалъ мнѣ о немъ особенностей и хвалилъ его благородный характеръ, о коемъ другіе иначе отзывались. Онъ любитъ посѣщенія чужестранцевъ, хотя лондонскіе дэнди и надоѣдаютъ ему своими незнакомыми визитами, всегда и весь день почти въ обществѣ, и никто не знаетъ, когда

---

[1]) Средневѣковыхъ тайныхъ судилищахъ.

онъ имѣетъ время писать и что̀ пишетъ... Любитъ балагурить съ гостями, хотя и балагурство его все съ какою-то любезною важностію и лицо чрезвычайно умное и выразительное... Весь домъ его въ книгахъ и въ древностяхъ и достопримѣчательностяхъ всякаго рода: я нашелъ и русскіе православные складни и шитые торжковскіе сапоги, цѣлыя одежды рыцарей съ панцырями и шлемами и копьями на стѣнахъ. Много хорошихъ картинъ и комнаты убраны со вкусомъ» (стр. 396—400).

Нельзя, въ заключеніе, не выразить желанія, чтобы изданіе этой переписки было продолжаемо: судя по началу, она, среди своихъ личныхъ отношеній, должна представлять не мало общаго историческаго интереса. Еще болѣе, быть можетъ, требуютъ изданія бумаги самого Н. Ив. Тургенева: для него еще при жизни наступила исторія, примиряющая партіи и безпристрастная; тѣ, кто были ему враждебны по принципамъ, отдавали ему справедливость, даже не-хотя, потому что общій голосъ вынуждалъ эту справедливость. Его жизнь была изъ самыхъ поучительныхъ, какія можетъ представить біографія дѣятелей нашего общественнаго быта; собрать документы, личныя выраженія этой жизни, значило бы дать ей еще разъ новую цѣну, примѣромъ твердаго и возвышеннаго убѣжденія, и утвердить ея историческую память.

А. Пыпинъ.

ПОЛЬСКІЯ ФАНТАЗІИ

НА

СЛАВЯНОФИЛЬСКУЮ ТЕМУ.

Польша и Россія въ 1872 году, сочиненіе бывшаго члена Государственнаго Совѣта Царства Польскаго. Дрезденъ. (Polska i Rossya w 1872 r., przez b. Członka Rady Stanu Królestwa polskiego. Dresden, 1872).

I.

Особый государственный Совѣтъ для царства польскаго былъ однимъ изъ мертворожденныхъ дѣтенышей такъ-называемой комбинаціи 1862 г. или, иными словами, системы управленія маркиза Велепольскаго. Этотъ совѣтъ, долженствовавшій состоять изъ высшихъ сановниковъ свѣтскихъ и духовныхъ царства, ни разу, кажется, не функціонировалъ, остался на бумагѣ и унесенъ былъ волнами мятежа 1863 г.—Авторъ разбираемой нами брошюры былъ или именовался по крайней мѣрѣ членомъ Совѣта, значитъ, онъ былъ изъ высшихъ сановниковъ царства при Велепольскомъ; онъ и теперь еще послѣ всѣхъ неудачъ благоговѣетъ передъ маркизомъ, предъ тѣми качествами ума и характера Велепольскаго, которыя обворожили и увлекли русскихъ государственныхъ людей (страница 62), которыя заставили этихъ людей приложить свою руку къ комбинаціи 1862 г., состоявшейся «благодаря особенной милости Провидѣнія, великодушію Монарха и тогдашнему настроенію русскаго народа» (стр. 64). — Авторъ—полякъ и пишетъ тѣмъ прекраснымъ языкомъ, который

нынѣ начинаетъ становиться рѣдкимъ и который напоминаетъ языкъ Колонтая и Снядецкаго. Авторъ солидаренъ съ Велепольскимъ и его программою, онъ жилъ долго въ Петербургѣ и Москвѣ (54), онъ питаетъ признательность къ тѣмъ русскимъ людямъ въ Петербургѣ, которые не отвернулись отъ него и остались его пріятелями въ частной жизни, не смотря на племенныя распри.—Слогъ автора не лишенъ нѣкотораго паѳоса и риторическаго бомбаста. Брошюру свою онъ посвящаетъ «отцамъ семействъ, озадаченнымъ судьбою подрастающихъ поколѣній, гражданамъ скорбящимъ о своемъ бездѣйствіи въ юбилейномъ (послѣ перваго раздѣла) 1872 году».—На каждой почти страницѣ встрѣчаются выраженія о призваніяхъ, о Провидѣніи и о Высочайшей Премудрости, которыя если съ одной стороны свидѣтельствуютъ о религіозномъ образѣ мыслей члена Совѣта, то съ другой подвергаютъ его упреку въ томъ, что онъ сильно злоупотребляетъ этими понятіями, потому что странно, напримѣръ, слышать, какъ непосредственному дѣйствію Провидѣнія приписывается комбинація 1862 года, которая, какъ намъ доказали событія, была комбинація, не имѣвшая въ себѣ самой никакихъ жизненныхъ условій существованія, съ самаго своего начала несостоятельная, несбыточная и въ будущемъ, съ чѣмъ и самъ авторъ соглашается (64). Авторъ не назвалъ себя по имени, хотя число сподвижниковъ Велепольскаго не такъ велико, чтобы нельзя было ихъ перебрать по одиночкѣ и разрѣшить вопросъ о происхожденіи брошюры, что̀ и сдѣлали львовскія газеты. Одна изъ нихъ «Gazeta norodowa» въ статьѣ за подписью S. B. объявила, что подъ анонимомъ скрывается Казиміръ Крживицкій, бывшій Директоръ Правительственной Коммиссіи Просвѣщенія и Исповѣданій въ царствѣ польскомъ. — Оставляя повѣданный львовскою газетою фактъ на ея отвѣтственности и обходя вопросъ о личности автора брошюры, какъ въ сущности не очень важный, или лучше сказать важный лишь настолько, насколько брошюра представляется произведеніемъ несомнѣнно польскаго, а не русскаго пера, остановимся на ея содержаніи, которое во многихъ отношеніяхъ знаменательно. Ново въ брошюрѣ не то, что авторъ является глашатаемъ мира, апостоломъ соглашенія племенъ,—въ сущности всѣ органы русской печати, не исключая «Московскихъ Вѣдомостей», гласятъ о необходимости примиренія, причемъ иные находятъ это примиреніе возможнымъ безъ обрусенія, иные посредствомъ и послѣ обрусенія, всѣ же ждутъ болѣе или менѣе авансовъ со стороны поляковъ; съ другой стороны, авансы эти никогда не были такъ часты, какъ въ настоящее время. Поминутно то возвращаются въ Россію добровольно, под-

вергая себя всѣмъ послѣдствіямъ явки, тѣ или другіе повстанцы 1863 г., то высказываются въ пользу Россіи, извѣрившись въ помощь Запада тѣ или другіе корифеи польской эмиграціи.—Инстинктивно чувствуется, что теперь-то и настала настоящая пора сѣять, кончать семейный споръ семейно, безъ всякихъ постороннихъ вмѣшательствъ и вліяній, устроить племенной бракъ на справедливыхъ и безобидныхъ для обѣихъ сторонъ основаніяхъ, которыя со стороны побѣдителя будутъ имѣть всѣ признаки и выгоды благоразумнаго великодушія, а у побѣжденнаго отнимутъ право сѣтовать на свою судьбу. Примиреніе—общая пѣснь, вещь одинаково всѣми одобряемая въ принципѣ; весь вопросъ только въ основаніяхъ его и кондиціяхъ. — Особенность разбираемой нами брошюры составляетъ то, что авторъ, заявляя себя горячимъ польскимъ патріотомъ, сдается безъ кондицій, предлагаетъ своимъ соотечественникамъ сейчасъ и поголовно слиться съ русскими, принести въ жертву даже свой языкъ и, исчезнувъ въ смыслѣ особаго народа, возродиться въ единицѣ высшаго порядка, въ славянщинѣ, говорящей однимъ культурнымъ языкомъ и выросшей изъ русскаго государства.—Авторъ забѣгаетъ впередъ русскимъ славянофиламъ, предвосхищая у нихъ задушевнѣйшія ихъ мечты о томъ, какъ славянскіе ручьи сольются въ русскомъ морѣ. — Онъ гораздо прямѣе ставитъ вопросъ, чѣмъ, напримѣръ, г. Лавровскій въ рѣчи по случаю празднованія памяти св. Кирилла и Меѳодія въ Варшавѣ 11 мая нынѣшняго года («Голосъ» № 37). Г. Лавровскій открещивается отъ всякой мысли и всякаго намѣренія русить царство польское; онъ только требуетъ въ интересѣ государства во-первыхъ, чтобы персоналъ администраціи въ царствѣ польскомъ состоялъ изъ однихъ русскихъ, а туземцы были въ нее допускаемы только въ силу особаго къ каждому изъ нихъ довѣрія, то-есть, въ видѣ рѣдкихъ исключеній, такъ какъ количество подобныхъ туземцевъ «крайне ограничено и ничтожно»; во-вторыхъ, чтобы русскій языкъ сталъ исключительнымъ органомъ администраціи и просвѣщенія. За этими двумя изъятіями г. Лавровскій, подкрѣпляющій между прочимъ свои умозаключенія ссылкою на слова брошюры члена Совѣта, не прочь даже благопріятствовать польской національности.—Авторъ брошюры на мой взглядъ послѣдовательнѣе г. Лавровскаго. Онъ постигаетъ, что послѣ исключенія языка изъ школы, присутственнаго мѣста и суда, а въ послѣдствіи можетъ быть и изъ церкви, на первыхъ только порахъ въ одномъ или двухъ поколѣніяхъ его соотечественники будутъ бесѣдовать по-польски «съ собою дома, съ пріятелями и дѣтьми, съ музами, да съ Господомъ Богомъ въ молитвѣ» (59);

но въ концѣ концовъ послѣ нѣсколькихъ десятилѣтій на каждомъ шагу будутъ встрѣчаться поляки, не говорящіе ни слова по-польски (60), значитъ, собственно не поляки, а настоящіе русскіе люди.—Сказавъ, что авторъ послѣдовательнѣе г. Лавровскаго, спѣшу оговориться: онъ послѣдовательнѣе, но все-таки не до самаго конца. «Впрочемъ и тогда еще, говоритъ онъ (стр. 60), можно будетъ отличить поляка, хотя и не употребляющаго польскаго языка, потому что онъ будетъ думать, чувствовать и дѣйствовать какъ думали, чувствовали и дѣйствовали его великіе предки,—не тѣ, которые загубили Польшу, но тѣ великіе, о которыхъ преданія слушать будетъ растроганный до глубины души потомокъ, хотя бы онъ уже и забылъ свой родной языкъ».—Я полагаю, что это утѣшеніе не совсѣмъ искренно со стороны автора брошюры. Народность въ каждомъ отдѣльномъ лицѣ вмѣщаетъ въ себѣ два элемента: пассивный и активный. Пассивный состоитъ въ извѣстныхъ привычкахъ мысли, чувства и воли, которыя присущи человѣку вслѣдствіе воспитанія, хотя бы онъ былъ отступникъ, и проявляются невольно въ томъ, что мысль все-таки отливается въ родныя слова и въ памяти держатся кой-какія воспоминанія. Активный элементъ въ народности заключается въ возлюбленіи народныхъ идеаловъ, въ проникновеніи себя этими идеалами до того, что человѣкъ готовъ имъ жертвовать своимъ личнымъ счастіемъ и жизнью. Привычки сохраняетъ даже измѣнникъ или совершеннѣйшій индифферентъ и космополитъ, но патріотомъ не можетъ быть человѣкъ безъ народныхъ привычекъ, въ особенности безъ привычки народнаго языка. Такъ какъ у насъ все воспитаніе книжное, то безъ языка нѣтъ ключа къ литературѣ, значитъ, и къ преданіямъ родины; значитъ, потомокъ, незнающій языка предковъ, слушая не будетъ слышать и понимать преданій о предкахъ, значитъ, онъ ими не тронется вовсе, значитъ, родина его воспитанія будетъ его настоящею родиною, и сдѣлается онъ, если онъ самъ хорошій человѣкъ, настоящимъ хорошимъ русскимъ человѣкомъ.

Утѣшеніе преданіями очевидно разсчитано авторомъ на польскихъ его читателей; для русскихъ оно безполезно и даже излишне; для русскихъ совершенно съ перваго же разу понятно, что здѣсь проповѣдуется отреченіе не отъ языка съ сохраненіемъ преданій, а совмѣстно и отъ языка и отъ преданій, отреченіе отъ всего, «что вообще, но нѣсколько вульгарно, называется любовью къ отечеству» (7). Оно и проще; въ отреченіи отъ языка съ сохраненіемъ преданій русскій человѣкъ всегда бы подозрѣвалъ какое-либо валенродство, сирѣчь затаенную измѣну, а тутъ—просто полнѣйшее самоуничтоженіе въ смыслѣ

національности. Съ этой точки зрѣнія, заявленія автора брошюры, какъ истаго поляка, пріобрѣтаютъ необыкновенный вѣсъ и значеніе. Они самымъ неожиданнымъ образомъ являются подмогою и подспорьемъ славянофильскимъ воззрѣніямъ на польскій вопросъ. Понятно, почему на нихъ ссылается г. Лавровскій, ратуя противъ несомнѣнно русскаго автора «Восточной политики Германіи и Обрусенія» въ «Вѣстникѣ Европы» за текущій годъ. Трудно себѣ представить болѣе рѣзкій контрастъ, нежели тотъ, который существуетъ между М. Т-ымъ, авторомъ «Восточной политики Германіи и Обрусенія», и членомъ Совѣта.—М. Т-въ полагаетъ, что не все ладно въ мѣропріятіяхъ по польскому вопросу за послѣднее время, что въ западныхъ губерніяхъ русскіе дѣятели задались мыслью русить многое не только русское, но издревле русское, что въ такъ-называемомъ привислинскомъ краѣ была могущественная и вліятельная русская партія между туземцами, которая правила сеймами, возводила королей и помогла разложиться Рѣчи-Посполитой, а теперь ея нѣтъ, что ее надобно создать, и образовать, чтобы опереться на нее, а не на одну бюрократію и войско (В. Евр. январь, 692), что введеніе русскаго языка во всѣ проявленія публичной и учебной жизни въ царствѣ польскомъ не можетъ имѣть иной цѣли, кромѣ слитія поляковъ съ русскими въ одно этнографическое цѣлое или обрусеніе, но само это обрусеніе имѣетъ малые шансы въ царствѣ, потому что польскій простолюдинъ, хотя бы и учившійся въ полурусскихъ школахъ, не перестанетъ чувствовать себя въ національномъ смыслѣ полякомъ, значитъ, будетъ въ умственномъ отношеніи питаться книжками, которыя будутъ приготовляемы туземнымъ культурнымъ слоемъ, а этотъ туземный слой не можетъ сочувствовать уничтоженію своей національности и своего языка (691).—М. Т-въ разсуждаетъ какъ русскій о мѣрахъ, которыя по его мнѣнію должны бы быть предприняты въ царствѣ польскомъ для блага и въ интересахъ его родины—Россіи.—Членъ Совѣта, какъ полякъ, считаетъ себя не вправѣ предлагать какіе либо совѣты на этотъ счетъ русскому народу. Онъ разсуждаетъ съ большимъ тактомъ и весьма резонно, слѣдующимъ образомъ: «я не думаю, говоритъ онъ, чтобы для Россіи было невозможно или безполезно вернуться опять къ комбинаціи 1862 г.; зажили бы скорѣе въ этомъ случаѣ нѣкоторыя раны; оказаны бы были нѣкоторыя услуги общечеловѣческой цивилизаціи; развязаны были бы можетъ быть руки для какого-нибудь великаго всемірно-историческаго дѣянія. Я утверждаю только, что сужденіе о пользѣ и цѣлесообразности подобнаго средства принадлежитъ всецѣло русскому

правительству, мы же, столь жестоко провинившіеся въ 1863 г. и на голову разбитые, никоимъ образомъ не годимся въ совѣтники (64)». — Авторъ брошюры, если даетъ совѣты, то только своимъ соотечественникамъ, но такъ какъ его наставленія клонятся прямо къ сліянію съ русскими въ одно этнографическое цѣлое, съ отреченіемъ отъ языка, то очевидно, что, если его соотечественники его послушаютъ и если его внушеніямъ послѣдуютъ если не всѣ, то по крайней мѣрѣ многіе, Россія получитъ разомъ, безъ всякихъ стараній съ своей стороны и безъ всякой перемѣны своей политики на окраинахъ, ту русскую партію, о которой хлопочетъ г. М. Т-въ.

Тогда окажется, что польскій вопросъ вещь вовсе не столь мудреная, какъ казалось; что «ларчикъ просто открывался»; что для приведенія этого многотруднаго вопроса къ благополучному окончанію не только не потребуется сдѣлать какія либо измѣненія въ системѣ, но напротивъ того, придется идти неуклонно съ удвоенною энергіею по направленію, избранному въ минуту борьбы и кризиса въ 1863 и 1864 годахъ.—Спрашивается, есть ли надежда, чтобы всѣ или многіе изъ соотечественниковъ автора послѣдовали его примѣру, убѣдились его доводами? Убѣдительнымъ совѣтъ можетъ быть только тогда, когда онъ логиченъ, когда его и посылки несомнѣнно вѣрны, и окончательные выводы и заключенія вытекаютъ изъ предпосланныхъ имъ посылокъ. Всѣ племенныя и международныя распри на свѣтѣ происходятъ главнымъ образомъ отъ нелогичности, отъ сумбура въ головахъ, оттого, что люди или берутъ посылки, которыя брать не слѣдуетъ, или выводятъ изъ надлежащихъ посылокъ кривотолкомъ ненадлежащія заключенія. Взглянемъ съ этой стороны на брошюру: «Польша и Россія въ 1872 году».

II.

Съ первыхъ страницъ сочиненія насъ поражаетъ то обстоятельство, что авторъ усвоилъ себѣ такія двѣ посылки, которыя служили донынѣ пищею для племенной розни, масломъ, подливаемымъ въ огонь, и послѣ которыхъ обыкновенно прекращался всякій разговоръ о замиреніи: *во-первыхъ*, протестъ противъ раздѣла Польши, мѣшающій польскому народному самолюбію признать, что государство до тла сгнило прежде, нежели къ нему прикоснулись сосѣди, и заставляющій поляковъ донынѣ бредить границами 1772 года; *во-вторыхъ*, увлеченіе бонапартизмомъ, самый тяжелый грѣхъ и повальная болѣзнь Польши послѣраз-

дѣльной. — «Раздѣлъ Польши, говоритъ авторъ (3), былъ тяжелою обидою со стороны сосѣдей; предки наши исполняли свой долгъ, дѣлая повстанія; мы, ихъ потомки, обязаны были бы пролить послѣднюю каплю крови для того же, если бы мы были въ такомъ же какъ и они положеніи... Впослѣдствіи послѣ раздѣловъ, не легкомысліе заставляло предковъ нашихъ для воскрешенія Польши тянуть къ наполеоновскимъ орламъ (14, 15). Какъ ни кровожадны были эти птицы, какъ ни холоденъ былъ эгоизмъ полководца, который гналъ ихъ на поля, усѣянныя, костьми, но онѣ летѣли съ гнѣзда, въ которомъ завѣдомо всему міру бились горячія сердца для общечеловѣческихъ идей, гдѣ хотя на дѣлѣ и попираема была справедливость, но никто не произнесъ богохульственнаго слова, что справедливость — вздоръ (!!!), гдѣ блистательнѣйшая въ мірѣ магистратура (!!) золотыми устами научала народъ и человѣчество, отдавать честь справедливости (!!).» —Послѣ этихъ прелестныхъ по своей наивности словъ можно было бы повидимому закрыть книгу, предвидя слѣдующее неизбѣжное заключеніе: если дѣды поступали хорошо и дѣльно, пробуя воскрешать умершую, то и внукамъ слѣдовало бы совершать тоже, потому что въ противномъ случаѣ надлежало бы опредѣлить день и часъ, когда то, что было народнымъ долгомъ, превратилось въ народное преступленіе или ошибку. Если отцы хорошо дѣлали, когда тянули къ странѣ, гдѣ, хотя втоптана была въ грязь справедливость, но звучали золотыя фразы, то и сыновьямъ подобаетъ быть стойкими въ томъ же влеченіи, можетъ быть даже помышлять о реставраціи господина, проживающаго въ Числьгёрстѣ, или по крайней мѣрѣ пропѣть эпическую пѣснь про Седанскій бой и Седанскаго героя.—Ничуть не бывало; авторъ такой же врагъ, какъ и благоразумнѣйшіе изъ его соотечественниковъ, малѣйшаго помышленія о политическомъ возстановленіи Польши, онъ внушаетъ имъ отказаться отъ всякой надежды не только на извѣстную династію, но и на Францію вообще. Слѣдующимъ образомъ происходитъ у него этотъ нежданный и негаданный поворотъ. — «Отъ цѣлей нашихъ предковъ, разсуждаетъ авторъ, мы должны отказаться, потому что, имѣя въ рукахъ недурныя карты, мы оплошали дважды, кинувшись въ азартную игру въ 1830 и 1862 годахъ (80). Мы должны разъ навсегда подчиниться силѣ совершившагося факта. Совершившійся фактъ тоже въ политикѣ, что въ небесной механикѣ центры тяготѣнія, управляющіе движеніями космической матеріи» (2). —Независимо отъ того, что подобный выводъ сильно смахиваетъ на поклоненіе золотому тельцу, иными словами на обожаніе успѣха, мы остаемся въ

полнѣйшемъ невѣденіи, отчего внуки должны отказаться о
цѣлей дѣдовъ, оттого ли, что они промахнулись и оплошал
или оттого, что самыя цѣли оказались физически невозможн
ми и неосуществимыми. — Въ первомъ предположеніи происх
дитъ игра идеею долга точно въ прятки: былъ долгъ — прома
нулись — долга не стало. Во второмъ предположеніи долгъ
существовалъ съ самаго начала, хотя дѣды въ простотѣ сво
воображали, что онъ существуетъ, вслѣдствіе чего, отказывая
отъ отцовскихъ затѣй, внуки дѣйствуютъ вовсе не по уваж
нію къ совершившемуся факту, а потому, что они поумнѣли
сравненіи съ отцами и прозрѣли простоту отцовъ.

Что ни говори авторъ о полномъ согласіи идеи соверши
шагося факта съ существованіемъ нравственнаго порядка, о
эти идеи несовмѣстимы, и пріемъ его съ совершившимся фа
томъ, вслѣдствіе котораго дѣлаются столь чудныя перемѣ
съ долгомъ, что долгъ былъ и вдругъ пропалъ, исчезъ, улет
чился, есть неболѣе какъ эскамотажъ вполнѣ очевидный д
всякаго внимательнаго наблюдателя.

Выводъ сдѣланъ какими бы то ни были путями и изъ к
кихъ бы то ни было посылокъ, притомъ выводъ самъ по се
правильный и вѣрный, заключающійся въ томъ, что внука
надо отказаться отъ унаслѣдованныхъ предкамъ затѣй относ
тельно несбыточной самобытности политической.—На этомъ о
рицательномъ результатѣ, не отличающемся особенною новизно
авторъ не желаетъ покончить. Онъ понимаетъ, что отрицател
ными результатами довольствуются только мертвецы и отпѣты
что сердце, пока живо, просится желать, что рука спрашивает
что дѣлать? наконецъ, что человѣку не живется безъ идеалов
значитъ, по упраздненіи стараго, надобно его замѣстить другим
болѣе удачнымъ.—Новый богъ нашелся, онъ изваянъ и поста
ленъ на пьедесталъ. Одноплеменные, одновровные народы стр
мятся нынѣ повсемѣстно скучиваться въ большія массы. Нап
леонъ III предугадалъ и предрекъ, что однокровные аггломер
ты составляютъ правдоподобнѣйшую форму будущаго устро
ства Европы (18); создана Италія, сплотилась Германія, тепе
чередъ за славянщиной, которая образуется посредствомъ то
что по возможности всѣ славяне сольются въ русское госуда
ство и усвоятъ себѣ русскій государственный и литературны
языкъ, подъ оболочкой котораго если и будутъ прозябать пр
чіе бывшіе славянскіе языки, то только въ видѣ некультурны
нарѣчій.—Панславизмъ, какъ извѣстно, далеко не новость, л
бопытно только знать, какъ онъ зародился у автора? изъ к
кихъ произошелъ источниковъ? какъ сдѣлался его крестны

отцомъ Наполеонъ III? Какъ попалъ Наполеонъ III въ предтечи этого новаго культа, котораго вчерашнимъ жрецомъ былъ Кавуръ, а нынѣшнимъ жрецомъ состоитъ безъ сомнѣнія князь Бисмаркъ? Панславизмъ въ брошюрѣ является осуществленіемъ отвлеченной теоріи, примѣненіемъ общаго закона, знаменующаго будто бы ближайшее будущее и состоящаго въ томъ, что единокровныя племенныя особи будутъ непремѣнно скучиваться въ большія расовыя единицы.—Богъ вѣсть откуда взялся этотъ законъ, который и a priori не повѣренъ, и a posteriori не можетъ быть доказанъ.—Никогда еще племенныя особи не сплачивались воедино во имя отвлеченной идеи о своемъ братствѣ по крови; напротивъ того, онѣ живали въ продолженіи многихъ вѣковъ о-бокъ другъ друга, не помышляя о сліяніи. Сплоченіе многихъ и большею частью разныхъ племенъ не въ расовыя, а въ національныя единицы, было по большей части слѣдствіемъ грубой силы, иногда оно было вызываемо сознаніемъ общей опасности отъ внѣшняго врага или видами дѣла могущаго быть совершеннымъ сообща, во всякомъ же случаѣ если оно установлялось и окрѣпало, то подкладкою ему служили не чувства кровнаго родства, но весьма положительные бытовые интересы сплачивающихся, которые надо отыскать и указать, когда заходитъ рѣчь объ образованіи новаго агломерата.—Въ общемъ ходѣ историческихъ событій, раса является всегда фактомъ первоначальнымъ; потомъ изъ сліянія разныхъ расъ, иногда самыхъ противоположныхъ, возникаютъ историческія національности. Разъ выработавшаяся и отчеканившаяся національность хранитъ крѣпко этотъ чеканъ и ни за что въ свѣтѣ не согласна расплавиться опять въ расу, погрузиться обратно въ расовую неопредѣленность и безразличіе. Чеканъ національности весьма крѣпокъ, онъ переживаетъ вѣка и тысячелѣтія. Въ основаніи всѣхъ новѣйшихъ національныхъ сплоченій, каковы Италія или германская имперія, лежитъ какой-нибудь подобный чеканъ, какая-нибудь историческая традиція. Италіи помогла сплотиться память о древнемъ Римѣ, государственномъ средоточіи Италіи и властелинѣ міра; передъ Германіею носились легенды о Карлѣ Великомъ и о Фридрихѣ Барбаруссѣ. — Законъ срощенія національностей въ расы оказывается несуществующимъ, противнымъ исторіи, онъ просто измышленіе автора брошюры, а за устраненіемъ его и панславизмъ автора является чѣмъ то недоказаннымъ и висящимъ на воздухѣ. — Вслѣдствіе безпочвенности этого идеала онъ ни для кого не привлекателенъ. Я не думаю, чтобы его нельзя было сдѣлать привлекательнымъ не только для русскихъ, которыхъ народному самолюбію онъ не можетъ

не льстить, но и для другихъ славянъ,—опираются же на него и весьма сильно чехи, чая отъ Россіи избавленія отъ своихъ бѣдъ и непріятелей. Но я полагаю, что, являясь панславистомъ, авторъ взялся за дѣло не съ надлежащаго конца. Ему бы слѣдовало вникнуть въ бытъ какъ русскихъ, такъ и поляковъ, и отыскать тѣ весьма существенные интересы, которые заставляютъ какъ поляковъ, такъ и русскихъ, искать взаимнаго сближенія, поляковъ потому, что послѣ отреченія отъ мечтаній о политической самобытности имъ роднѣе и естественнѣе и по натурѣ и по преданіямъ быть въ государствѣ у Россіи нежели у нѣмцевъ; русскихъ же потому, что обезнароженіе поляковъ съ той минуты какъ дознано будетъ, что они основательно и окончательно отказались отъ своихъ мечтаній о самобытности, становится безполезнымъ и ни для кого не нужнымъ, а установленіе въ ближайшемъ будущемъ прочныхъ связей съ ними на безопасныхъ для Россіи основаніяхъ, не только ограждало бы Россію отъ возможнаго напора волнъ нѣмецкихъ, но и «развязывало бы Россіи руки для какого нибудь всемірно историческаго дѣянія» (64).—Россія, не превращаясь въ славянщину, сдѣлалась бы тогда можетъ быть ядромъ, къ которому бы съ радостью и упованіемъ пристали многіе народы и славянскаго и даже не славянскаго происхожденія. — Вмѣсто этого пріема авторъ, желая увлечь поляковъ въ свою славянщину, дѣлаетъ скачекъ, становится вдругъ космополитомъ и начинаетъ поучать своихъ земляковъ съ точки зрѣнія отвлеченнѣйшаго національнаго индифферентизма, что въ сущности народность вздоръ, а главное-то человѣчество, и что народность важна только какъ формочка, въ которую надобно влѣзть, что бы сдѣлаться *настоящимъ человѣкомъ* (8).—Въ мірѣ, говоритъ онъ, все возрождается чрезъ смерть къ новой жизни (5) ежеминутно приходится жертвовать своею формою быта, чтобы облечься въ другую, имѣющую высшее назначеніе (4); какъ та, такъ и другая форма суть въ сущности созданія одной и той же Божественной Премудрости.—По этой теоріи отечество, родина являются чѣмъ то въ родѣ платья, которое можно мѣнять, когда одно износится, надѣть другое болѣе просторное или даже помириться съ болѣе узкимъ въ надеждѣ, что оно подастся и расширится, когда станешь его носить. Перемѣна сначала непріятна, но потомъ къ ней пріобыкнешь. Собственно есть двѣ отчизны у человѣка, по мнѣнію автора: одна обаятельная и милая — отчизна сердца; другая, которая тѣмъ хороша, что ее никто не отниметъ—отчизна труда. Съ теченіемъ времени то, что для предковъ было отчизной труда, сдѣлается отчизною сердца

для потомковъ. — Космополитическій элементъ столь силенъ въ брошюрѣ, что она заставляетъ поляковъ и впрашиваться-то у русскихъ въ славянщину космополитично: пустите насъ, мы люди, и какъ люди желаемъ мы общенія съ вами въ одномъ политическомъ тѣлѣ (72). Странная, неправда-ли, рекомендація для входа въ славянщину. На этомъ основаніи въ эти же двери на равныхъ правахъ могутъ и будутъ стучаться, татары, евреи деже нѣмцы и всѣ вообще племена! Я не прочь отъ мысли о полнѣйшемъ удовлетвореніи этихъ племенъ, но спрашивается, при чемъ же тутъ славянщина, изъ за которой хлопочетъ брошюра?

Если послѣ всѣхъ приведенныхъ выдержекъ изъ брошюры станемъ подводить итоги, то увидимъ, что авторъ, какъ Протей, ежеминутно мѣняетъ видъ и оборачивается во что-нибудь новое; то онъ полякъ стараго покроя и слегка бонапартистъ, то онъ панславистъ, то онъ космополитъ. Видно, что готовясь разрѣшать польскій вопросъ, онъ запасся всевозможными отмычками разной формы и величины. Наблюдемъ за нимъ въ дѣлѣ, какъ станетъ онъ открывать ларчикъ, который, что ни говорятъ о немъ, а не легко вскрывается. Чтобы оцѣнить практическую сторону совѣтовъ, предлагаемыхъ авторомъ соотечественникамъ, сдѣлаемъ рядъ выписокъ изъ брошюры, которыя коснутся самыхъ животрепещущихъ вопросовъ современности и потому заслуживаютъ серьезнѣйшаго вниманія, хотя высказаны не твердымъ въ основныхъ принципахъ, неустойчивымъ и до смѣшного непослѣдовательнымъ человѣкомъ.

III.

«Мы страшно упали; какъ собирательное цѣлое мы не могли бы нынѣ совершить никакого матеріальнаго дѣйствія, ни пригрозить кому бы то ни было, ни привлечь (12). Мужикъ въ политической игрѣ не нашъ, онъ всегда стоитъ за власть, онъ обезпеченъ, получивъ отъ русскаго правительства болѣе, чѣмъ ему бы могло дать всякое другое правительство; не станемъ же мы на него дѣйствовать посредствомъ соціалистической пропаганды (15). Мы совершенно одни передъ лицомъ подѣлившихся нами державъ, безъ подмоги въ крестьянствѣ, безъ крѣпкаго средняго класса, безъ денегъ, даже безъ пользующихся общепризнаннымъ авторитетомъ представителей народной мысли, то-есть безъ кормчихъ въ горной области идеи. Наши несомнѣнно даровитые ученые и литераторы не могутъ вліять органически на собира-

тельное цѣлое, лишенное всякой организаціи, они носятся надъ нами, блестятъ и украшаютъ, но не въ силахъ вести къ исполненію великихъ общественныхъ призваній (16). Мы стоимъ у перепутья и должны теперь же не медля уяснить себѣ и рѣшить, куда пойти и къ кому тянуть: къ Германіи, Австріи или Россіи (17)? Есть совѣтчики, которые внушаютъ: зачѣмъ рѣшаться, когда можно временить, оттягивать и балансировать. Мизерная политика мизерныхъ интересовъ! обличеніе не только матеріальнаго, но и нравственнаго безсилія и ничтожества! Съ нами не станутъ торговаться, насъ станутъ эксплуатировать и въ концѣ концовъ дадутъ лишь то, что сами дать хотятъ, не обращая вниманія на наши изподтишка угрозы (19)». Поставивъ столь широко задачу, предлежащую собирательному цѣлому, авторъ сейчасъ же съуживаетъ ее и предлагаетъ этому собирательному цѣлому нынѣ же раздѣлиться на три части, спасаться каждой части поодиночкѣ. Онъ отказываетъ себѣ въ правѣ давать совѣты жителямъ Познани и галичанамъ, изъ которыхъ первыхъ необходимость заставляетъ устраиваться наивыгоднѣйшимъ образомъ въ германской имперіи, а вторымъ опереться на Австрію (17). Онъ поучаетъ только однихъ обывателей царства польскаго и имперіи россійской, однако не безъ задней мысли и не безъ надежды, что изъ его совѣтовъ выростутъ въ будущемъ плоды и для познанцевъ и для галичанъ. «Придетъ можетъ быть время послѣ слитія нашего съ русскимъ народомъ, что мы не смотря на наше миролюбіе, переведемъ на славянскій языкъ нѣкоторые афоризмы теперешнихъ государственныхъ людей Германіи, по каковымъ афоризмамъ рѣшены недавно судьбы Лотарингіи и Эльзаса». Оговорившись такимъ образомъ, авторъ сводитъ итоги, дѣлаетъ разсчетъ для вывода баланса между собирательнымъ цѣлымъ въ произвольно ими выдѣленной третьей части и всѣми тремя державами, въ предѣлахъ коихъ обрѣтается это цѣлое. Балансъ выходитъ слѣдующій, прежде всего въ отношеніи къ Австріи.

«Видали вы больного, который на кровати мечется и которому непокойно лежать и на боку, и на спинѣ: это образъ державы Габсбурговъ. Среди этого хаоса голова кружится, политика превращается въ сновидѣніе и бредъ, ступаешь по облакамъ, не чувствуя почвы подъ ногами, и какъ ни прикинешь выходитъ нескладно, будетъ ли это централизмъ, дуализмъ или федерализмъ». Остріемъ тончайшей ироніи пронизана придунайская Вавилонія, ея разношерстность, ея безчисленныя сеймовыя говорильни, нескончаемый торгъ «аусглейхами,» въ которомъ

всѣ племена прицѣниваются и расходятся ничѣмъ не порѣшивши, не ударивши по рукамъ, между тѣмъ какъ дѣло неспорится, и оказывается, что всѣ толкутся на одномъ и томъ же мѣстѣ, не дѣлая ни шагу впередъ. Такой мѣткій и вѣрный очеркъ австрійскихъ дѣлъ и отношеній способенъ отбить у самыхъ завзятыхъ политикановъ малѣйшую надежду на возстановленіе Польши посредствомъ Австріи. Чешско-польско-мадьярскій федерализмъ отнесенъ авторомъ къ числу несбыточнѣйшихъ утопій, какъ и всякій вообще федерализмъ, который имъ сочтенъ неприходящимся современнымъ народамъ ни по нраву, ни по росту. Вдали представляется автору, какъ нѣчто весьма возможное, то предположеніе, что исчерпавъ всѣ попытки федерализаціи, нѣмцы сойдутся съ мадьярами на счетъ славянъ, и станетъ Австрія славянскимъ изъ разныхъ кусковъ сшитымъ тѣломъ, управляемымъ изъ Вѣны нѣмецкою душою. Въ своей нелюбви къ нѣмцамъ авторъ хватаетъ черезъ край, и его воображенію рисуется даже Drang nach Osten изъ Вѣны, германизація Галиціи, въ чемъ нельзя не признать сильной утрировки. Германизація Галиціи не успѣвала при Меттернихѣ,—теперь при автономіи областей она немыслима. Австрія живетъ со дня на день, но потому то она и даетъ людямъ жить, только житье это ненадежное и не прочное, части расклеиваются, ежеминутно можетъ послѣдовать паденіе стропилъ и столбовъ. Пріятно-ли копаться въ плѣсени или работать въ ожиданіи обвала крыши въ зданіи, которое не можетъ служить даже и пристанищемъ (35—49).

IV.

Предположеніе сближенія поляковъ съ германскою имперіею представляется во сто кратъ хуже надеждъ, возлагаемыхъ на Австрію (26—35). Австрія ненадежный пріютъ для поляка, но Германія вообще, для славянства—готовая могила. Авторъ брошюры не можетъ слышать безъ сильнѣйшаго негодованія сужденій довольно распространенныхъ нынѣ о томъ, что если нельзя намъ оставаться поляками, такъ сдѣлаемтесь нѣмцами. Онъ называетъ это изреченіе отчаяніемъ въ формѣ силлогизма (26). Полякъ и нѣмецъ—это два вещества химически несродныя, которыя какъ ихъ ни мѣшай, никоимъ образомъ не соединятся. Чрезъ всѣ поры мы были бы залиты снаружу внутрь и сверху внизъ элементомъ болѣе образованнымъ, непристающимъ къ

намъ и нenуждающимся въ насъ. Въ администраціи, судѣ, школѣ явилась бы тьма людей достойныхъ, технически и гуманно развитыхъ, но чуждыхъ намъ вполнѣ и непреодолимо предубѣжденныхъ въ превосходствѣ своей породы и въ естественной неспособности нашей къ воспріятію высшей культуры. Мы бы превратились въ стадо, они въ пастуховъ. Нашъ ремесленникъ вытѣсненъ бы былъ въ скоромъ времени и разоренъ вслѣдствіе конкурренціи несравненно болѣе ловкихъ ремесленниковъ-пришельцевъ. Невзначай и весьма быстро среди насъ сформировались бы эти пришельцы въ свои кружки и корпораціи. Наши ряды стали бы рѣдѣть, пришлецъ сталъ бы втискиваться въ среду нашего крестьянства. Нѣмцамъ сподручнѣе колонизировать царство польское нежели Соединенные Штаты, а царство польское, вмѣщающее нынѣ 5.300,000 жителей могло бы вмѣстить 11 мил., будь оно населено столь плотно, какъ Силезія и 20—будь оно населено столь плотно, какъ королевство саксонское. Начнется борьба упорная за существованіе, но безъ видимаго насилія, въ предѣлахъ законности и при условіяхъ формальной равноправности, борьба холодная, безстрастная, систематическая, нещадная, вслѣдствіе которой насъ славянъ западныхъ ожидаетъ отъ нѣмцевъ судьба краснокожихъ въ Америкѣ.—Я ненамѣренъ оспаривать страшной серьезности этихъ опасеній, я только думаю, что авторъ брошюры своею теоріею національности отнялъ у себя право заявлять ихъ и самъ выковалъ на себя оружіе, которымъ можно побить его на голову. Самъ онъ признаетъ, что Германія несравненно образованнѣе Россіи, что и суды были бы образцовые, и административные порядки превосходнѣе, и школы совершеннѣе, и началось бы живѣйшее движеніе въ области промышленности; значитъ, жилось бы лучше и умственно и экономически. Если національность — платье, которое можно мѣнять по произволу, то какъ не взять то, которое сшито по послѣдней модѣ, и выкроено изъ самой лучшей матеріи? какъ не взять ту форму, въ которой до высшаго совершенства дошелъ человѣкъ, и которая, по признанію автора, вмѣщаетъ въ себѣ безцѣнныя пособія для развитія какъ человѣка отдѣльно взятаго, такъ и человѣческаго общества? Чувствуя шаткость основаній, авторъ прибѣгаетъ къ натяжкамъ. То онъ изобрѣтаетъ тончайшія различія между денаціонализаціею въ нѣмецкомъ и въ русскомъ направленіяхъ, стараясь втолковать, что отъ первой вредъ дѣйствительный, а отъ второй только воображаемый (un être de raison, 32), какъ будто національности, какъ душѣ собирательнаго цѣлаго, обреченной на смерть, станетъ легче оттого кому

послѣ ея смерти достанется ея тѣло? То онъ внушаетъ образованному классу польскому, что сколько бы онъ лично ни выигралъ въ отношеніи удобствъ у нѣмцевъ, онъ все-таки невправѣ выдавать нѣмцамъ головою польскаго мужика, которому господство нѣмцевъ готовитъ судьбу латышей и эстовъ въ остзейскихъ губерніяхъ, и къ которому бы нѣмецкая культура не могла никоимъ образомъ просачиваться по недостатку, такъ сказать, кровеносныхъ сосудовъ. Промахи въ каждомъ изъ этихъ доводовъ очевидны. Когда заведено будетъ общеобязательное обученіе нѣмецкой грамотѣ заводится же оно нынѣ въ Познани), явятся и кровеносные сосуды, проводящіе образованіе и до мужика. Мужикъ, правда, обнѣмечится, но не умретъ, какъ вымираютъ краснокожіе; въ чемъ же бѣда, если онъ облечется въ культурно высшую національность? Превращеніе его въ нѣмца будетъ осязательнымъ опроверженіемъ предположенія, будтобы нѣмецъ и полякъ два вещества химически несродныя и несоединимыя; ополячились же нѣмецкія нѣкогда города въ Польшѣ, русѣютъ многіе нѣмцы въ Россіи, съ другой стороны, вся почти восточная полоса Германіи только и состоитъ изъ обнѣмечившихся славянъ. Наконецъ, что касается до судьбы латышей и эстовъ, то она не страшна для славянъ, потому что послѣдніе слились бы съ нѣмцами на почвѣ современнаго государства и на основаніяхъ равноправности, а первые борются съ нѣмецкимъ элементомъ изъ-за средневѣковыхъ привилегій послѣдняго: борьба здѣсь въ сущности аристократическаго элемента съ демократическимъ, а не расы съ расою.

Вѣрнымъ чутьемъ почуялъ авторъ опасность съ нѣмецкой стороны, но всѣ его пріемы, чтобы доказать эту опасность, похожи на хлестаніе бичемъ по водѣ. Отчего такая странность? Да оттого, что въ своей ненависти къ нѣмцамъ и въ своемъ горячечномъ нетерпѣніи разрубить и упразднить поскорѣе польскій вопросъ для дружнаго противодѣйствія нѣмцамъ, онъ сталъ совѣтовать полякамъ, бросивъ такъ сказать свою шкуру, сдѣлаться мысленно на одинъ моментъ космополитами, то-есть только людьми и затѣмъ уже руссо-славянами. Только на бумагѣ подобныя превращенія дѣлаются въ мигъ, въ дѣйствительности надо, чтобы прошло нѣсколько поколѣній, пока «отчизна труда» сдѣлается «отчизною сердца». Въ промежуткѣ между двумя этими пунктами, отставъ отъ берега одной національности и не приставъ къ другой, человѣкъ дѣлается космополитически индифферентенъ къ обѣимъ, значитъ, весьма не гораздъ на отпоръ и весьма склоненъ къ воспріятію всякой высшей культуры, въ осо-

бенности когда она приноситъ и матеріальное благосостояніе и матеріальные порядки. Авторъ—нѣмцеѣдъ, а между тѣмъ въ сущности, какъ проповѣдникъ космополитизма, онъ работаетъ только для нѣмцевъ. Еслибы онъ въ самомъ дѣлѣ ополчался на нѣмцевъ, то ему бы слѣдовало повести иную рѣчь и внушать своимъ соотечественникамъ, чтобы они углубились въ свои національныя традиціи, въ числѣ которыхъ нѣтъ задушевнѣе той, которая гласитъ, что «Jak świat światem, Nie będzie Polak Niemcowi bratem». Эта пословица не вытекла изъ славянскихъ мечтаній, она выростаетъ изъ самаго корня польской исторіи. Русскій народъ никогда не былъ въ столь близкомъ соприкосновеніи съ нѣмцами, онъ имѣлъ въ нихъ когда то небезполезныхъ, хотя и тяжелыхъ учителей, но не господъ; нерасположеніе его къ нѣмцамъ вытекаетъ скорѣе изъ передуманнаго, а не изъ пережитаго. Два самые яркіе факта польской исторіи, это—Болеславъ Храбрый, сплачивающій изъ славянъ польскую державу для отраженія нѣмцевъ, да Ягайло и Витовтъ въ *великой* войнѣ въ грюнвальдскомъ бою 1410 г. Въ моментъ глубочайшаго паденія Польши, когда ея корона продавалась почти съ молотка, удалось нѣмцу сѣсть на польскій престолъ; донынѣ свѣжо преданіе, какъ онъ ее опоилъ и развратилъ (Августы II и III). Польшу упрекаютъ за ея западническія влеченія, но эти влеченія неслись всегда подальше, въ Римъ, во Францію. Никогда Польша не вела нѣмцевъ на славянъ, не по неимѣнію къ тому случаевъ, но по несходству національныхъ традицій и характеровъ. Наконецъ, какъ ни мало великое княжество Познанское, а и въ немъ при страшномъ неравенствѣ силъ длится донынѣ сопротивленіе польскаго элемента нѣмецкому, доказывая во всякомъ случаѣ, что побѣда германизму достанется не легко. Еслибы отъ всей польской исторіи остался одинъ этотъ скарбъ— антипатія къ нѣмцамъ—и его бы зарыли, то славянскій міръ, сдѣлался бы настолькоже бѣднѣе, блюсти же его можно только сохраняя національность, а слѣдовательно языкъ.

V.

Примкнуть къ Австріи совсѣмъ ненадежно, къ Германіи гибельно, значитъ, только и остается сплотиться воедино съ Россіею. Эта часть брошюры есть одна изъ лучшихъ (49 — 68). Весьма кстати и вó время, съ послѣдовательностью бóльшею, нежели въ другихъ частяхъ сочиненія, авторъ доказываетъ, что

какъ ни тяжело народности польской переживать моментъ, исполненный исключительныхъ мѣръ и стѣсненій, которыя вызваны ея же собственнымъ образомъ дѣйствія въ 1863 г., все-таки ей выгоднѣе снести эти стѣсненія, которыя и по существу вызвавшей ихъ причины, и по мысли законодателя имѣютъ временной, преходящій характеръ, значитъ, могутъ существенно измѣниться, какъ только русскій народъ и правительство убѣдятся, что поляки не только по средствамъ, но и по умственному настроенію своему нынѣ болѣе не опасны, въ особенности же когда они убѣдятся на дѣлѣ, что поляки готовы крѣпко стоять за дѣло русское, насколько оно вмѣстѣ съ тѣмъ является дѣломъ и общеславянскимъ и общечеловѣческимъ. «Никто не жалуетъ, говоритъ авторъ (40), сецессіонистовъ, отщепенцевъ, никто не прижимаетъ ихъ къ сердцу и не устилаетъ имъ путь цвѣтами. Еслибы мы были буддисты или гвебры, то мы бы дождались примѣненія къ польскому буддизму или огнепоклонничеству тѣхъ мѣръ, которыя примѣняются къ римскимъ католикамъ полякамъ, католицизмъ же остался бы ни при чемъ. Какъ только наступитъ искреннее примиреніе, прекратятся сами собою и всѣ лингвистическія стѣсненія, которыя въ сущности мало полезны съ точки зрѣнія чисто русской» (59). Онъ сознаетъ, что перемѣна нынѣшней системы отношеній наступитъ не скоро; онъ приводитъ слова Второзаконія (XXXIV,4): «и показахъ ю очесемъ твоимъ и тамо не внидеши». Его разгоряченному воображенію представляется даже предположеніе объ ускореніи страстно желаемаго имъ будущаго посредствомъ дѣйствительнаго столкновенія Россіи съ Западомъ, котораго главнымъ представителемъ является конечно Германія,—предположеніе слишкомъ поспѣшное и неимѣющее достаточнаго основанія, такъ какъ современныя событія едва указываютъ на отдаленную возможность антагонизма интересовъ, но никакъ не на предстоящее столкновеніе силъ. «Не перья наши, заключаетъ онъ, выкуютъ изъ желѣза союзный актъ двухъ народовъ, подготовленный въ глубинахъ каждой совѣсти отдѣльно, но кровь пролитая за общее дѣло утвердитъ этотъ актъ. «Blut und Eisen»—таковъ былъ лозунгъ Германіи, провозглашенный дѣльнѣйшимъ изъ ея сыновъ. Нѣтъ и для насъ иного лозунга въ этой страшной борьбѣ за существованіе, которую ведетъ всякое созданіе, начиная съ гриба, выростающаго въ одну ночь, до человѣка, народовъ и цѣлыхъ расъ. «Blut und Eisen»,—но только не противъ Россіи, а съ Россіею въ одномъ ряду!!».... (68). Читатель замѣтилъ вѣроятно, что въ этомъ пунктѣ порывистый сангвиническій польскій темпераментъ одо-

лѣваетъ автора и беретъ окончательно верхъ надъ холодными разсчетами разсудка, которому одному и подобаетъ дѣйствовать въ дѣлѣ столь тонкомъ и трудномъ налаживанія брака между, хотя и родственными, но многіе вѣка враждовавшими племенами. Эта лирическая выходка сильно подрываетъ кредитъ къ совѣтамъ автора, и у поляковъ, и у русскихъ: у первыхъ, потому что нѣтъ еще собственно въ виду никакого общаго похода, у вторыхъ потому, что хотя русскій человѣкъ, имѣющій въ критическія минуты великолѣпные инстинкты (1612, 1812 гг.), въ обыкновенное время лѣнивъ, безпеченъ (онъ далъ исподволь созрѣть повстанію 1863 г., не предчувствуя его); хотя онъ заднимъ умомъ крѣпокъ, но онъ имѣетъ одно золотое и неоцѣнимое качество: трезвость пониманія, разсудочность, вниканіе въ корень вопросовъ, безъ малѣйшей сантиментальности, безъ увлеченій, такъ что онъ беретъ всегда въ толкъ суть дѣла и сторонится, когда къ нему кидаются на шею съ сердечными лобызаніями и объятіями. Сердечное увлеченіе автора столь велико, что въ пылу его онъ забылъ о задачѣ, которую онъ себѣ начерталъ: ограничиться только соотечественниками и давать совѣты только этимъ соотечественникамъ. Какъ у бога Януса, у него является другое на той же головѣ лицо, обращенное уже не къ полякамъ, а къ русскимъ и, хотя не преподающее никакихъ совѣтовъ, но прельщающее русскихъ живымъ изображеніемъ тѣхъ благъ, которыя принесутъ съ собою поляки въ союзъ и посредствомъ которыхъ они исходатайствуютъ себѣ у Россіи входъ въ славянщину. Вотъ что вѣщаетъ это второе янусовое лицо, обращаясь къ Россіи именемъ будто бы поляковъ (69—78):

— Сто лѣтъ мы бились съ судьбою и съ вами; лучшіе люди наши, какъ Эней изъ Трои, уходили съ родины, неся съ собою пенатовъ. Нынѣ все кончено, оружіе изломилось въ рукахъ нашихъ по рукоятку, мы его слагаемъ передъ вами, чтобы и самимъ себѣ снискать миръ и вамъ развязать руки для тѣмъ скорѣйшаго устроенія судебъ всего племени славянскаго. Примите насъ и не сѣтуйте, что на первыхъ порахъ въ насъ сказываться будутъ старыя привычки, невольная наклонность къ родному языку, пока онъ совсѣмъ не стушуется и не будетъ заслоненъ русскимъ, пока нашъ образованный классъ его не позабудетъ. Вы не пожалѣете услуги оказанной пріемышамъ, въ насъ вы пріобрѣтете опытныхъ педагоговъ, дѣльныхъ чиновниковъ, предпріимчивыхъ агрономовъ и промышленниковъ; наконецъ, мы вамъ беремся помочь въ другомъ отношеніи. Ваше юношество

подтачиваетъ тлетворный нигилизмъ, которому «мы объявимъ на каждомъ мѣстѣ смертельную войну, съ которымъ мы отлично справимся потому, что мы, такъ сказать, пронюхаемъ всякихъ сознательныхъ и безсознательныхъ послѣдователей этого ученія, всякихъ тайносоціалистовъ и тайнонигилистовъ, этихъ лицемѣровъ, которые, проникнувъ даже въ оффиціальныя сферы подъ видомъ ревности къ общественному порядку и престолу, подрываютъ начала перваго и основанія второго безумною или преступною рукою».... (76).

VI.

Кончаемъ разборъ. Книгу можно бросить, отъ нея становится и приторно, и тошно. Увлеченіе превзошло всякую мѣру, брызжетъ чрезъ края, заговаривается и произноситъ слова, не только не располагающія въ пользу племенного брака, но прямо оскорбительныя для русскаго человѣка.—Тѣ, скажетъ русскій, которые добиваясь вольностей, погубили свое государство, прочатъ себя теперь въ строители славянщины, учатъ меня моему славянскому призванію. Тѣ, которые сами себя не съумѣли лечить, навязываются въ лекаря чужихъ болѣзней и недуговъ; просятъ, чтобы ихъ пустить, но намекаютъ, что они призваны хозяйничать, вмѣшиваться во внутреннія дѣла русскаго народа. Отъ своихъ болѣзней и недуговъ всякій народъ излечивается исключительно самъ: онъ не любитъ постороннихъ медиковъ и хирурговъ. Притомъ произошла значительная перемѣна въ лицѣ апостола племенного брака, вслѣдствіе которой существенно измѣнился также вѣсъ его словъ и предложеній. До сихъ поръ говорилъ съ русскими полякъ вообще, отъ имени всей польской націи въ предѣлахъ Россіи, безъ дѣленія ея на классы и сословія, теперь заговорилъ консерваторъ, помышляющій о созданіи общей «консервативной славянской партіи», — а такъ какъ народъ русскій состоитъ не изъ однихъ только консерваторовъ, то понятно что всѣ не-консерваторы не могутъ не отнестись крайне подозрительно къ польскому консерватору. Они могутъ его заподозрить если не въ валенродствѣ, то по крайней мѣрѣ въ томъ, что онъ не просто полякъ, а польскій панъ, жалѣющій о матеріальныхъ своихъ утратахъ, отождествляющій свой личный интересъ съ священными началами собственности и не брезгающій даже инсинуаціями на счетъ нигилизма, заражающаго будтобы даже и нѣкоторыя оффиціальныя сферы государства. Ему

могутъ замѣтить, что далеко не всѣ поляки консерваторы, что есть между ними красные, которые никакъ не лучше нигилистовъ. Какъ бы Россіи не пришлось испытать, что именно ряды сихъ послѣднихъ численно усилились бы при точномъ выполненіи программы предлагаемой въ брошюрѣ.

Нѣсколько дѣльныхъ мыслей, скорѣе инстинктивно прочувствованныхъ нежели доказанныхъ, въ цѣломъ коробу ложныхъ идей, призраковъ, непослѣдовательностей, увлеченій—таково содержаніе книжки. Едва ли кого нибудь убѣдитъ она, хотя нельзя сказать чтобы она не заставляла о многомъ поразмыслить. Болѣе положительный человѣкъ на мѣстѣ автора преподалъ бы вѣроятно своимъ соотечественникамъ въ ихъ многотрудномъ положеніи нѣсколько отличные совѣты, клонящіеся къ той же цѣли—примиренію съ русскими, но нѣсколько иными путями. Онъ бы внушилъ имъ, что всѣ ихъ несчастія произошли отъ того, что они политиканствовали, и что имъ слѣдуетъ отказаться отъ всякаго политиканства, не только самимъ не понтировать, но и не примазываться къ чужой игрѣ. Имъ, уже проигравшимся, неподобаетъ брать на себя какой либо починъ въ славянскомъ вопросѣ и возбуждать русскихъ противъ нѣмцевъ, во-первыхъ, потому что не имъ учить Россію ея славянскому призванію; во-вторыхъ, потому что славянская политика въ международныхъ отношеніяхъ отрывала бы Россію отъ ея мирныхъ занятій, отъ работы надъ развитіемъ внутреннихъ силъ страны, и увлекала бы ее подъ видомъ всемірно-историческихъ дѣяній въ страну приключеній и неизвѣстнаго; наконецъ, въ-третьихъ, потому что возбужденіе русскихъ противъ нѣмцевъ заставило бы тѣхъ изъ земляковъ автора, которымъ онъ совѣтуетъ, чтобы они устраивали свои дѣла наивыгоднѣйшимъ образомъ въ Германіи или въ Австріи, возбуждать нѣмцевъ противъ русскихъ, что приготовило бы для націи, и безъ того несчастной, положеніе во сто кратъ хуже теперешняго. Болѣе положительный совѣтникъ, запретивъ своимъ землякамъ всякое политиканство, внушилъ бы имъ быть скромными тружениками въ государствѣ, среди котораго поставила ихъ судьба, не чуждаться русскихъ, чѣмъ между прочимъ провинились ихъ предшественники, состоять съ русскими въ живѣйшемъ общеніи умственномъ и экономическомъ, но сохранить, не сливаясь съ окружающею средою, и свое національное чувство, и свой языкъ. Слишкомъ большіе вклады сдѣланы были особенно въ первой половинѣ текущаго столѣтія въ польскую литературу и искусство, надъ ними поработали слишкомъ большіе таланты что бы можно было бросить этотъ капиталъ.

Притомъ, независимо отъ науки и искусства, національное чувство весьма цѣнно какъ сила неполитическая, а чисто нравственная. Силъ этихъ не такъ то много въ жизни, и если встрѣтится какая нибудь изъ нихъ, которая содѣйствуетъ тому, чтобы и въ семейномъ быту быть чище, и съ чужими людьми быть честнѣе и достойнѣе, и признавать какое нибудь правило для дѣйствій независимо отъ внушеній личнаго интереса, какую-нибудь идею долга, то конечно нельзя легкомысленно поступаться этою силою, въ особенности въ нашъ вѣкъ, который отличается вообще распущенностью нравовъ, растлѣніемъ и упадкомъ характеровъ, отсутствіемъ идеаловъ. Главный недостатокъ книжки бывшаго члена государственнаго совѣта и заключается, по моему мнѣнію, въ томъ, что онъ слишкомъ легкомысленно отнесся къ этой силѣ —нравственной.

В. Спасовичъ.

27-го іюня 1872 г.
С.-Петербургъ.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СТАТИСТИЧЕСКІЙ КОНГРЕССЪ

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Восьмая сессія.

I.

Седьмого августа нынѣшняго года откроются въ С.-Петербургѣ засѣданія восьмой сессіи международнаго статистическаго конгресса, какъ то было рѣшено единодушно на послѣднемъ конгрессѣ, происходившемъ въ 1869 году въ Гагѣ, и согласно приглашенію самого русскаго правительства. Въ виду такого явленія, не совсѣмъ еще обычнаго въ русской жизни, и въ виду интереса возбужденнаго повидимому въ русскомъ обществѣ къ статистическому конгрессу, не излишне будетъ хотя въ сжатомъ очеркѣ ознакомить нашихъ читателей съ цѣлями и задачами конгресса и съ его предшествовавшими работами.

Первоначальная мысль о пользѣ и даже необходимости статистическихъ конгрессовъ принадлежитъ знаменитому бельгійскому ученому, патріарху современныхъ статистиковъ Кетле. Она была плодомъ сознанія, выведеннаго изъ долговременнаго опыта, о совершенной невозможности дѣлать сравненія между статистическими данными, публикуемыми въ разныхъ странахъ, по отсутствію въ нихъ единства. Потребность для статистики одного общаго, всѣми принятаго и одинаково понимаемаго языка и однообразныхъ записей, которыя съ большею легкостью допускали бы обозрѣніе наибольшаго числа данныхъ и позволяли дѣлать между ними сближенія, для опредѣленія ихъ взаимодѣйствія и вывода изъ тѣхъ общихъ законовъ, особенно

сильно выразилась на первой международной выставкѣ въ Лондонѣ, въ 1851-мъ году. Мысль Кетле раздѣляли и многіе другіе ученые, изъ которыхъ мы назовемъ Портера, Флетчера, Кеннеди, Вишерса и др., находившіеся тогда въ Лондонѣ, и между ними было условлено съѣхаться на нейтральной почвѣ—въ Брюсселѣ, и заняться обсужденіемъ возбужденнаго вопроса. Политическія обстоятельства помѣшали осуществленію этого съѣзда въ 1852 г., и онъ послѣдовалъ лишь въ сентябрѣ 1853 года. Организацію съѣзда приняла на себя центральная статистическая коммиссія въ Бельгіи, а главными распорядителями всего дѣла были Кетле и Вишерсъ. Бельгійское правительство приняло конгрессъ подъ свое покровительство и чрезъ дипломатическихъ своихъ агентовъ пригласило прочія правительства прислать своихъ депутатовъ. Англія, Франція, Австрія, Пруссія, Саксонія, Баварія, Виртембергъ, Сардинія, Испанія, Португалія, Данія и Швейцарія отозвались на этотъ призывъ и уполномочили лицъ, поставленныхъ во главѣ оффиціальной статистики или извѣстныхъ своими трудами, присутствовать на конгрессѣ отъ имени своего правительства.

Такимъ образомъ, въ Брюсселѣ положены были первыя основы соглашенія между представителями администраціи и учеными разныхъ странъ, для приведенія и направленія статистическихъ работъ къ однообразнымъ началамъ, для того чтобы результаты ихъ могли быть удобосравнимы.

Брюссельскій конгрессъ, засѣдавшій только четыре дня, съ 19—23 сентября, успѣлъ лишь затронуть главные вопросы почти по всѣмъ главнымъ отраслямъ статистики, ибо онъ касался и общей организаціи статистики, и статистическихъ операцій, относящихся до переписей населенія, земледѣлія, промышленности и торговли, до положенія рабочихъ классовъ, до статистики народнаго образованія, до статистики уголовной. Конгрессъ разошелся, постановивъ возобновить свои засѣданія въ срокъ и въ мѣстности, которыя будутъ избраны его организаціонной коммиссіей. И этотъ обычай остался въ силѣ и для послѣдующихъ конгрессовъ. Второй конгрессъ собрался въ половинѣ октября 1855 года въ Парижѣ; третій происходилъ въ Вѣнѣ, съ 31 августа по 5-е октября 1857; четвертый въ Лондонѣ—16—21 іюля 1860; пятый въ Берлинѣ—4—12 сентября 1863 года; шестой во Флоренціи—съ 29 сентября по 5-е октября 1867; седьмой въ Гагѣ — съ 3—14 сентября 1869 года. Наконецъ восьмой конгрессъ долженъ собраться $^{7}/_{19}$ августа 1872, въ С.-Петербургѣ и будетъ продолжаться до $^{18}/_{30}$ августа.

Каждому конгрессу предшествуетъ рядъ серьезныхъ подготовительныхъ работъ. Съ этою цѣлью обыкновенно учреждается организаціонная коммисія изъ лицъ, завѣдывающихъ административными статистическими работами или занимающихся научною ихъ разработкою. Коммиссія ввѣряется главному руководству того министра, въ вѣдѣніи

котораго состоятъ общія статистическія учрежденія. Директоръ центральнаго статистическаго бюро обыкновенно представляетъ этой организаціонной коммисіи мотивированный планъ или программу работъ будущаго конгресса, указывая при этомъ на вопросы, оставшіеся неразрѣшенными на прежнихъ конгрессахъ или и вовсе ими незатронутые, и принимая въ соображеніе тѣ заявленія и желанія, которыя были высказаны предшествующими конгрессами въ отношеніи работъ будущихъ конгрессовъ. Такой планъ носитъ обыкновенно названіе Avant-projet, а иногда и Idées-mères, какъ его называли Маэстри и Баумгауэръ, представители итальянской и голландской оффиціальной статистики. Затѣмъ уже приступаютъ къ разработкѣ подробной программы и къ формулировкѣ вопросовъ, подлежащихъ обсужденію конгреса. Для этого коммисія распадается на отдѣленія и работа раздѣляется между специалистами.

По изготовленіи предварительнаго плана, дѣлаются оффиціальныя приглашенія дипломатическимъ путемъ къ оффиціальнымъ представителемъ административной статистики и непосредственныя личныя приглашенія къ ученымъ, извѣстнымъ своими трудами по статистикѣ. Кромѣ того доступъ на конгресъ открывается и для другихъ желающихъ и интересующихся его работами, какъ иностранцевъ, такъ и туземныхъ жителей.

Со времени лондонскаго конгреса, почетное предсѣдательсто на конгресахъ ввѣряется одному изъ лицъ, принадлежащихъ къ семейству царствующаго Дома. Въ Англіи это былъ принцъ Албертъ, супругъ королевы; въ Берлинѣ, Флоренціи и Гагѣ—наслѣдные королевскіе принцы; у насъ въ Петербургѣ почетное предсѣдательство на конгресѣ по высочайшей волѣ поручено великому князю Константину Николаевичу, президенту императорскаго Русскаго географическаго Общества.

Въ работахъ какъ организаціонныхъ коммиссій, такъ и конгрессовъ, во всѣхъ странахъ принимаютъ нерѣдко участіе лица, принадлежащія къ высшей администраціи и къ законодательнымъ собраніямъ.

Объ участіи, которое принимали какъ мѣстные жители, такъ и иностранцы въ семи бывшихъ конгрессахъ, можно судить по слѣдующимъ цифрамъ:

	Иностранцевъ.	Мѣстныхъ жителей.	Всего.
Въ Брюсселѣ присутствовали	65	88	153
» Парижѣ »	108	203	311
» Вѣнѣ »	78	464	542
» Лондонѣ »	101	485	586
» Берлинѣ »	127	350	477
» Флоренціи »	85	666	751
» Гагѣ »	116	372	488
Итого	680	2,628	3,308

Русскіе начали принимать участіе къ конгрессахъ лишь съ третьяго конгресса. Въ Вѣнѣ ихъ было—3; въ Лондонѣ—13; въ Берлинѣ — 13; во Флоренціи — 14; въ Гагѣ — 10. Со времени вѣнскаго же конгреса Россія имѣла и оффиціальныхъ представителей, до тѣхъ же поръ она повидимому отклоняла отъ себя приглашенія на конгрессъ, сколько можно судить по одному мѣсту отчета о брюссельскомъ конгрессѣ. На вопросъ одного изъ членовъ въ первомъ же засѣданіи, „нѣтъ ли какихъ-нибудь сообщеній изъ Россіи?" президентъ отвѣчалъ: „Россія не имѣетъ здѣсь представителя; причины этого изложены въ ея отвѣтѣ, съ которымъ члены конгресса могутъ лично ознакомиться".

Работы на самомъ конгрессѣ распредѣляются между отдѣленіями и общимъ собраніемъ. Отдѣленія занимаются спеціальнымъ разсмотрѣніемъ подготовленныхъ докладовъ, и резолюціи свои чрезъ выбранныхъ ими самими докладчиковъ вносятъ въ общія собранія. Общія собранія, кромѣ разсмотрѣнія этихъ докладовъ, обыкновенно утверждаемыхъ безпрепятственно, посвящаются еще разнымъ сообщеніямъ оффиціальныхъ делегатовъ объ успѣхѣ статистическихъ работъ въ ихъ странахъ, что̀ впрочемъ чаще замѣняется раздачею подобныхъ отчетовъ въ напередъ напечатанныхъ экземплярахъ; въ общія собранія также вносятся различныя новыя предложенія, не входившія въ программу; заключительное засѣданіе посвящается обсужденію вопроса о избраніи мѣста для будущаго конгресса. Оффиціальные делегаты, имѣющіе полномочія отъ своихъ правительствъ на приглашеніе конгресса въ ихъ столицу, наперерывъ другъ передъ другомъ стараются склонить конгрессъ каждый въ пользу своего отечества. Вопросъ обыкновенно остается открытымъ и рѣшеніе его предоставляется организаціонной коммиссіи закрываемаго конгресса, которая такимъ образомъ дѣлается какъ бы довѣрительницей конгресса. Она входитъ сперва въ конфиденціальныя сношенія чрезъ оффиціальныхъ делегатовъ страны, въ пользу которой склонялся конгрессъ и въ случаѣ утвердительнаго заявленія, вступаетъ уже на открытый путь дипломатическихъ переговоровъ. На организаціонную же коммиссію падаетъ печатаніе всѣхъ стенографическихъ протоколовъ конгресса, съ представленными ему письменными мемуарами.

На происходившихъ донынѣ семи конгрессахъ почти всѣ области статистики затронуты болѣе или менѣе и сводъ рѣшеній, принятыхъ конгрессами составляетъ большой томъ in-4°, въ 208 страницъ. Онъ изданъ въ нынѣшнемъ году къ предстоящему конгрессу здѣшнимъ центральнымъ статистическимъ комитетомъ, по примѣру сводовъ изданныхъ Энгелемъ, директоромъ прусскаго статистическаго бюро въ 1863 г., и Маэстра, въ 1867 году.

Пользуясь этимъ сводомъ, мы сдѣлаемъ бѣглый очеркъ работъ

прежнихъ конгрессовъ, слѣдуя не порядку конгрессовъ, а систематическому порядку, принятому въ статистикѣ.

Одною изъ главныхъ заботъ почти всѣхъ статистическихъ конгресовъ было достиженіе сосредоточенія всѣхъ статистическихъ матеріаловъ въ одномъ административномъ центрѣ, и разработка по однимъ общимъ научнымъ пріемамъ. Съ этою цѣлью брюссельскій, парижскій, берлинскій, флорентинскій и гагскій конгрессъ, съ большею или меньшею настоятельностью, и нерѣдко повторяя другъ друга, настаивали на устройствѣ въ каждомъ государствѣ центральнаго статистическаго бюро и центральной статистической коммиссіи изъ представителей разныхъ отраслей администраціи, для соглашенія статистическихъ операцій, производимыхъ разными вѣдомствами и направленія ихъ къ одной цѣли.

Желанія конгресса въ значительной мѣрѣ уже осуществились почти во всѣхъ странахъ, потому что статистика всюду признана нынѣ необходимою помощницею и руководительницею администраціи, и нѣтъ страны, въ которой бы статистическія учрежденія не были устроены примѣнительно къ тому типу, который признанъ для нихъ наилучшимъ.

Также точно почти всѣ конгрессы высказались въ пользу возможно бо́льшаго распространенія оффиціальныхъ статистическихъ изданій, путемъ обмѣна ихъ между оффиціальными учрежденіями разныхъ странъ, и путемъ удешевленія и упрощенія ихъ изданій для публики. Даже теорія статистики нашла себѣ мѣсто въ сужденіяхъ конгресса, впрочемъ одного изъ послѣднихъ, именно гагскаго.

Профессоръ политической экономіи въ Лейденскомъ университетѣ Виссерингъ въ докладѣ о предѣлахъ статистики, указавъ на разногласія существующія между статистиками, съ самаго возникновенія ихъ науки, относительно опредѣленія какъ ея задачи, такъ и предѣловъ и отношенія къ другимъ наукамъ, и очертивъ весьма рельефно главныя направленія или школы, установившіяся въ статистикѣ, предложилъ слѣдующее опредѣленіе: статистика имѣетъ полное право считаться наукой самостоятельной, имѣющей свою собственную нераздѣльную задачу — изслѣдованіе фактовъ соціальной жизни народовъ. Мѣсто ея въ ряду наукъ наблюдательныхъ, но она имѣетъ болѣе или менѣе тѣсную связь со всѣми другими науками какъ естественными, такъ умозрительными и точными.

Г. Виссерингъ не предлагалъ этого опредѣленія, какъ безусловно вѣрнаго, потому что и по его мнѣнію, конгрессъ не можетъ быть признаваемъ ареопагомъ для рѣшенія вопросовъ науки, но по собственному его отзыву, онъ желалъ только сдѣлать попытку къ установленію соглашенія между собравшимися на конгрессѣ учеными въ главномъ принципѣ статистическихъ трудовъ, такъ какъ высшее единство ме-

тода въ этихъ работахъ желательнѣе даже, нежели однообразіе въ практическихъ способахъ ихъ исполненія.

Цѣль, предположенная г. Виссерингомъ, не была однако достигнута. Конгрессъ согласился вполнѣ съ избраннымъ по этому вопросу въ докладчики, директоромъ прусскаго статистическаго бюро Энгелемъ, что въ виду 180-ти извѣстныхъ уже различныхъ опредѣленій статистики, никакое соглашеніе между ними немыслимо, и потому изъявивъ полную признательность г. Виссерингу за его работу, замѣчательную по своей ясности и учености, выразилъ мнѣніе, что ни задачи, ни предѣлы статистики не могутъ быть предметомъ преній или рѣшенія какого бы то ни было собранія и должны быть вмѣстѣ съ отношеніемъ ея къ другимъ наукамъ предоставлены свободному изслѣдованію всѣхъ занимающихся этою наукою.

Не мало засѣданій конгресовъ было посвящено вопросамъ, относящимся болѣе къ наукамъ физическимъ и естественнымъ, нежели соціальнымъ, именно вопросамъ гидрографіи, метеорологіи, географіи животныхъ, растеній, и т. п.

Гораздо болѣе благотворны были работы, относящіяся до переписи населенія и до способовъ регистраціи движенія населенія. Въ этомъ отношеніи работы конгресса имѣли несомнѣнные практическіе результаты, и мы надѣемся еще къ нимъ возвратиться по поводу предстоящихъ работъ петербургской сессіи конгресса, въ программу которой они также входятъ.

Стремленіе къ усовершенствованію и упрощенію переписей населенія со стороны конгрессовъ понятно и похвально, потому что съ введеніемъ нынѣ почти всюду періодическихъ однодневныхъ переписей населенія, затраты правительства на этотъ предметъ громадны: въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ перепись 1860 г. стоила 1,627,000 долларовъ; перепись населенія Англіи и Ирландіи въ 1861 обошлась въ 243,400 ф. стер., въ Австріи—2 мил. гульд. При такихъ громадныхъ затратахъ необходимо, чтобы результаты своею полнотою и точностью ихъ оправдывали, по крайней мѣрѣ.

Весьма обстоятельныя работы сдѣланы также на парижскомъ и вѣнскомъ конгрессахъ по опредѣленію причинъ смертности, по статистикѣ эпидемій, умопомѣшательства, госпиталей, воспитательныхъ домовъ; программа для военноврачебной статистики выработана была въ Лондонѣ; статистика рекрутства въ Берлинѣ; программа статистики несчастныхъ случаевъ на дорогахъ, на фабрикахъ и заводахъ, выработана парижскимъ конгрессомъ.

Вопросы, относящіеся до поземельной собственности, были затронуты, но далеко не исчерпаны вполнѣ уже на первыхъ конгрессахъ. Такъ, брюссельскій конгрессъ выразилъ нѣсколько желаній о единообразныхъ способахъ производства кадастра. Вѣнскій постановилъ про-

сить правительства о порученіи въ каждомъ государствѣ одному лицу собранія свѣдѣній о раздѣленіи поземельной собственности, ея переходахъ и гипотечныхъ долгахъ, и о представленіи этихъ свѣдѣній будущему конгрессу. Лондонскій конгрессъ ограничился выраженіемъ нѣсколькихъ желаній объ установленіи общихъ основаній для международной статистики движенія поземельной собственности.

Берлинскій конгрессъ предположилъ сдѣлать подробную enquête о поземельной собственности, соединивъ подъ этой рубрикой всѣ относящіеся къ ней вопросы.

Но далеко не всѣ эти вопросы могли быть разсмотрѣны и исчерпаны берлинскимъ конгрессомъ. Во всякомъ случаѣ его заслугой останется, что онъ, сознавъ важность и своевременность разработки этихъ вопросовъ, приступилъ къ ихъ изслѣдованію.

Вопросъ о статистикѣ рыболовства является впервые въ программѣ статистическихъ конгрессовъ въ Гагѣ, и избранъ былъ г. Баумгауеромъ именно по значенію и важности его для Голландіи. Но и самъ по себѣ вопросъ этотъ имѣетъ большой интересъ и для многихъ другихъ странъ, въ особенности же для Россіи, въ чемъ легко убѣдиться изъ слѣдующихъ данныхъ. Франціи морскія рыбныя ловли принесли въ 1866-мъ г. 60 мил. фр. дохода, Англія и Америка одними Ньюфаундлендскими ловлями выручаютъ до 30-ти милл. фр., Норвегія получаетъ отъ ловли трески и сельдей до 28-ми мил. фр. и даже Португалія выручаетъ рыбными ловлями до 7-ми мил. фр. Доходы же отъ рыболовства въ одной Европейской Россіи оцѣниваются г. Данилевскимъ въ 80 мил. франковъ, т.-е. болѣе 20 мил. рублей серебромъ.

Нидерландская организаціонная коммиссія предполагала впрочемъ ограничить программу для собиранія статистическихъ свѣдѣній по рыболовству однѣми морскими рыбными ловлями, по трудности собирать статистическія свѣдѣнія о состояніи рѣчныхъ и озерныхъ ловлей. Но когда отдѣленіе, имѣя въ своей средѣ весьма компетентныхъ судей по рыболовству, каковы президентъ компаніи рыболовства въ Голландіи г. Бекъ-фонъ-Воленгиренъ, секретарь той же коммиссіи г. Бейсъ, и директоръ самой большой акціонерной рыболовной компаніи г. Маассъ, ознакомилось съ результатами нашихъ изслѣдованій по рыболовству по брошюрѣ г. Данилевскаго „Coup d'oeil sur les pêcheries russes“, и выслушало нѣкоторыя изустныя дополнительныя сообщенія, тогда оно поняло всю важность рѣчного рыболовства для нѣкоторыхъ странъ и рѣшилось отказаться отъ своего первоначальнаго предположенія ограничить собираніе свѣдѣній лишь морскими рыбными ловлями. Отдѣленіемъ составлена была подробная программа для собиранія свѣдѣній по статистикѣ рыбныхъ ловлей какъ рѣчныхъ, такъ и морскихъ, и выражено было желаніе, чтобы правительства приняли по возможности мѣры къ ежегодному собира-

нію и своевременному опубликованію собираемыхъ ими свѣдѣній о рѣчномъ и морскомъ рыболовствѣ. Заключенія отдѣленія были утверждены конгрессомъ.

Статистика земледѣлія была предметомъ обсужденія на четырехъ конгрессахъ: брюссельскомъ, парижскомъ, лондонскомъ и флорентинскомъ, и результатомъ было точное опредѣленіе свѣдѣній желательныхъ по этому предмету. Какъ мало однако эти желанія были исполнены, доказывается просьбой оффиціальнаго представителя Америки на гагскомъ конгресѣ Регглься, о доставленіи всѣмъ странамъ къ будущему конгрессу статистическихъ свѣдѣній о ихъ земледѣльческомъ производствѣ.

Конгрессъ неоднократно занимался статистикою горнаго и металлургическаго промысла и постановлялъ по этому поводу довольно подробныя рѣшенія; но рѣшенія послѣдующихъ сессій часто не согласовались съ рѣшеніями предыдущихъ. Поэтому горная статистика введена въ программу петербургскаго конгресса.

Статистика промышленности обработывающей была затронута на брюссельскомъ и парижскомъ конгрессѣ, и весьма тщательно разработана на вѣнскомъ; но до сихъ поръ программа вѣнскаго конгресса нигдѣ почти не получила примѣненія; а потому и въ виду работъ, предпринимаемыхъ въ Германіи по статистикѣ промышленности, работъ, вызвавшихъ капитальное изслѣдованіе д-ра Энгеля: Die Reform des Gewerbe Statistik in Europa und Nord-Amerika, вопросъ статистики о мануфактурной промышленности вновь поставленъ на очередь, и мы къ нему еще воротимся въ свое время.

Статистика рабочихъ классовъ была предметомъ преимущественно съ точки зрѣнія заработной платы, цѣнъ на жизненные припасы, и со стороны обществъ вспомоществованія, сберегательныхъ кассъ и т. п., на конгрессахъ брюссельскомъ, парижскомъ, лондонскомъ и берлинскомъ.

Всѣ конгрессы служили также поводомъ для пропаганды однообразія мѣръ, вѣсовъ и введенія десятичной системы, даже особое отдѣленіе было нерѣдко учреждаемо съ этою цѣлью.

Статистика страхованія, акціонерныхъ обществъ, банковъ, статистика путей сообщенія, народнаго просвѣщенія, финансовъ и военная почти исчерпана предшествующими конгрессами.

Несмотря на то, что повидимому вся область статистики была расшевелена прежними конгрессами, организаціонная коммиссія нынѣшняго конгресса нашла еще достаточно вопросовъ интересныхъ для обсужденія.

Ею поставлены слѣдующіе 11 вопросовъ:

1) Вопросы по предмету переписи населенія:

а) производство переписей посредствомъ особыхъ карточекъ для каждаго отдѣльнаго лица;

б) дополнительное къ переписи исчисленіе подданныхъ государства, живущихъ внѣ его предѣловъ;

в) опытъ установленія однообразной номенклатуры занятій (профессій) для разработки переписи населенія.

2) Веденіе постоянныхъ поименныхъ списковъ населенія.

3) Вопросъ о статистическихъ наблюденіяхъ надъ физическимъ развитіемъ человѣка.

4) Приложеніе географическаго метода къ статистикѣ.

5) Графическій методъ въ статистикѣ.

6) Основанія, на которыхъ должна утверждаться статистика промышленности обработывающей.

7) Статистика горнаго и металлургическаго промысла.

8) Статистика внѣшней торговли.

9) Объединеніе номенклатуры и классификаціи товаровъ, перевозимыхъ по желѣзнымъ дорогамъ и водянымъ путямъ.

10) Статистика почтовыхъ сношеній.

11) Вопросы уголовной статистики:

а) введеніе сравнительной номенклатуры преступленій и проступковъ;

б) общая классификація нарушеній уголовнаго закона по ихъ существу;

в) объединеніе системы справокъ о судимости;

г) способъ регистраціи данныхъ, входящихъ въ составъ уголовнаго слѣдствія.

Для практическаго осуществленія резолюцій конгрессовъ, въ 1872 г. въ Гагѣ рѣшено было приступить, по предложенію д-ра Энгеля, къ изданію международнаго статистическаго государства, съ распредѣленіемъ работъ между 20-ю европейскими государствами, съ тѣмъ чтобы каждое изъ нихъ приняло на себя обязанность обработать какой-нибудь отдѣлъ сборника по всѣмъ государствамъ.

Вся программа распредѣлена слѣдующимъ образомъ:

Рубрики программы.	Страны, взявшіяся за ихъ разработку.
1. Территорія	Россія.
2. Народонаселеніе:	
a) Семейное состояніе населенія	Швеція.
b) Національности	Австрія.
c) Движеніе населенія (исключая причинъ смертности)	Бельгія (г. Гейшлингъ).
d) Причины смертности и гигіена	Англія (Д-ръ Фарръ).
e) Таблицы смертности	Бельгія (Кетле).
3. Поземельная собственность:	
a) Незастроенная	Франція (Легуа).
b) Застроенная	Баварія.
4. Земледѣліе	Франція и Ирландія.
5. Скотоводство	Франція.

6. Винодѣліе	Венгрія.
7. Лѣсоводство и охота	Баденъ.
8. Рыболовство (рѣчное и морское) . .	Голландія.
9. Горнозаводская промышленность . .	Россія.
10. Промышленность	Пруссія.
11. Торговля (внѣшняя)	Англія (г. Вальпп).
12. Судоходство:	
a) Морское	Норвегія.
b) Рѣчное	Россія.
13. Сообщенія:	
a) Почты и телеграфы	Данія.
b) Желѣзныя дороги	Гессенъ.
14. Страхованіе:	
a) Страхованіе жизни	Пруссія.
b) Страхованіе отъ огня	Баварія.
c) Страхованіе земледѣльческое (скота, отъ града и т. п.)	Франція.
d) Страхованіе перевозокъ . . .	Гамбургъ.
15. Кредитныя учрежденія и народные банки	Швейцарія.
16. Предусмотрительность:	
a) Сберегательныя кассы	Италія.
b) Кассы взаимнаго вспомоществованія	Пруссія.
17. Общественное призрѣніе.	Италія.
18. Вѣроисповѣданія	Австрія.
19. Народное просвѣщеніе	Австрія.
20. Юстиція:	
a) Гражданская и торговая . . .	Франція (Ивернесъ).
b) Уголовная	Голландія.
21. Тюрьмы	Данія.
22. Финансы	Виртембергъ.
23. Войско	Баденъ.
24. Морскія силы	Испанія.

При этомъ было постановлено: 1) чтобы всѣ эти отдѣлы международной статистики были изданы на французскомъ языкѣ; 2) чтобы всѣ мѣры и вѣсы были приведены въ метрическія единицы; 3) чтобы за монетную единицу былъ принятъ франкъ; 4) чтобы исходная точка для сравнительныхъ выводовъ и сближеній по возможности не восходила далѣе эпохи учрежденія статистическихъ конгрессовъ, т.-е. 1853 года; 5) чтобы эти сравненія по возможности были доведены до самаго новѣйшаго времени; чтобы въ отношеніи сравненій по территоріальнымъ дѣленіямъ, сотрудникамъ была предоставлена полная свобода; 6) чтобы всякій сотрудникъ по требованіямъ другихъ своихъ сотоварищей

сообщалъ имъ нужныя свѣдѣнія; 7) чтобы сборникъ этотъ издавался не менѣе какъ въ 2,000 экземплярахъ, изъ коихъ бы 1,000 предоставлялись въ распоряженіе правительствъ или статистическихъ бюро, взявшихъ на себя выполненіе извѣстной части программы; 8) чтобы къ работамъ по составленію этого сборника было приступлено немедленно, дабы уже слѣдующему конгрессу могли быть представлены въ отпечатанномъ видѣ нѣкоторыя части этой сравнительной международной статистики; 9) чтобы за образецъ формата и шрифта для этого изданія служилъ первый томъ изданной гг. Кетле и Гейшлингомъ международной статистики.

Сверхъ того выражено было желаніе, чтобы и правительство Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ приняло мѣры къ составленію своей статистики по программѣ г. Энгеля.

Осуществленіемъ предложенія, формулированнаго г. Энгелемъ и самымъ горячимъ образомъ принятаго гагскимъ конгрессомъ, будутъ увѣнчаны такъ сказать труды статистическихъ конгрессовъ и будетъ положено прочное основаніе практическому примѣненію рѣшеній и желаній этихъ съѣздовъ. Періодическое возобновленіе и постоянное усовершенствованіе подобныхъ сборниковъ международной статистики, подъ вліяніемъ и контролемъ международныхъ конгрессовъ, поможетъ самому развитію и успѣхамъ статистики во всѣхъ странахъ.

Но при самомъ приступѣ къ работамъ оказалось, что не всѣ государства въ состояніи отвѣчать на всѣ поставленные вопросы, хотя они и основываются на постановленіяхъ конгрессовъ. Это происходитъ отъ того, что самыя постановленія конгрессовъ не всегда утверждаются на почвѣ практической исполнимости, и иногда составляютъ лишь pia desideria статистики. Въ этомъ отношеніи нельзя не согласиться съ справедливостью слѣдующаго отзыва о прежнихъ работахъ конгресса приготовительной коммиссіи с.-петербургскаго конгресса.

„На семи бывшихъ до сихъ поръ сессіяхъ конгресса были затронуты почти всѣ элементы общественной жизни, подлежащіе статистическому наблюденію; формулирована была большая часть научныхъ вопросовъ, истекающихъ изъ явленій общественной жизни; наконецъ, даны были кадры, въ которые слѣдуютъ включать отвѣты на эти вопросы.

„Въ виду столь очевиднаго вліянія, оказаннаго конгрессомъ на успѣхи статистики, было бы полезно выяснить: насколько постановленія и желанія конгресса могли быть осуществлены на практикѣ въ разныхъ странахъ?

„Мы не имѣемъ еще, къ сожалѣнію, достаточныхъ пособій для того, чтобы прослѣдить въ подробности, насколько постановленія конгресса были осуществлены на практикѣ въ разныхъ странахъ. Но мы не можемъ не обратить вниманія на ту несоразмѣрность, которая существуетъ между количествомъ программъ и вопросныхъ пунктовъ, выработанныхъ конгрессомъ, и количествомъ случаевъ ихъ примѣненія.

Блистательное исключеніе въ этомъ отношеніи составляютъ постановленія конгресса по предмету переписи населенія; опытъ всѣхъ почти государствъ Европы доказалъ практическую осуществимость того, что̀ было предлагаемо конгрессомъ.

На V-мъ собраніи конгресса, происходившемъ въ Берлинѣ, высказаны были нѣкоторыя предложенія, клонившіяся къ преобразованію этихъ международныхъ съѣздовъ. Д-ръ Энгель указалъ на то обстоятельство, что сессіи конгресса, будучи отдѣлены одна отъ другой промежутками въ два или три года, не могутъ сохранять должную послѣдовательность въ своихъ занятіяхъ, и что для этой цѣли необходимо устроить постоянную международную коммиссію, которая руководила бы общими интересами статистики. При предварительномъ обсужденіи этого предложенія оно встрѣтило оживленныя возраженія: замѣчено было, что учрежденіе постоянной международной коммиссіи превращаетъ конгрессъ въ совершенно частное учрежденіе (institution libre et privée), тогда какъ при нынѣшнемъ устройствѣ конгресса присутствіе въ его средѣ оффиціальныхъ представителей разныхъ государствъ обезпечиваетъ ему покровительство правительствъ, и что хотя постановленія конгресса не имѣютъ для послѣднихъ обязательной силы, тѣмъ не менѣе принимаются ими съ тѣмъ уваженіемъ, котораго заслуживаютъ заключенія строгой науки.

Въ силу этого соображенія V-я сессія большинствомъ голосовъ отстранила обсужденіе вопроса о преобразованіи конгресса, поручивъ однако особой международной коммиссіи представить къ VI-й сессіи подробный докладъ по этому предмету.

Различныя обстоятельства замедлили однако разработку этого вопроса на VI-мъ собраніи конгресса, происходившемъ во Флоренціи, и онъ подвергся обсужденію лишь на VII-й сессіи, въ Гагѣ. При этомъ г. Давидъ заявилъ собственныя предложенія, относившіяся до порядка обсужденія и баллотировки поставляемыхъ на конгрессѣ вопросовъ; но ни предложенія г. Давида, ни предложенныя къ нимъ поправки не привели ни къ какимъ окончательнымъ постановленіямъ, и вопросъ былъ снова переданъ на обсужденіе слѣдующей сессіи.

С.-Петербургскому конгрессу предстоитъ эта трудная и почетная задача направить трудъ будущихъ конгрессовъ къ болѣе плодотворной цѣли. Въ какой степени то будетъ исполнено, — мы увидимъ въ самомъ непродолжительномъ времени и въ свое время сообщимъ о томъ читателямъ.

W.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го августа, 1872.

Новый законъ о печати, и его мотивы.—Проектъ акціонернаго устава.—Гарантія правъ и регламентація.—Ограниченіе учрежденія и дѣйствій частныхъ банковъ.—Ревизія судебнаго дѣлопроизводства.—Измѣненіе въ уставѣ уголовнаго судопроизводства.—Смѣты и раскладки государственныхъ земскихъ повинностей на предстоящее трехлѣтіе.

31-го мая сего года были Высочайше утверждены новыя правила, дополняющія и измѣняющія извѣстный законъ о печати 6-го апрѣля 1865-го года, а 30-го іюня эти правила были опубликованы въ „Правительственномъ Вѣстникѣ". Даже такіе органы, которые не несутъ упрека въ излишнемъ либерализмѣ, какъ „Русскій Міръ", перепечатывая на своихъ столбцахъ (№ 167) текстъ новаго закона, не упустили замѣтить, что этотъ законъ „произведетъ болѣе или менѣе *тяжелое* впечатлѣніе на печать и читающую публику"; впрочемъ, тотъ же органъ спѣшитъ прибавить: „мы питаемъ надежду, что послѣдствія (которыми долженъ отразиться новый законъ на литературу) не будутъ столь прискорбны, какъ можно было опасаться подъ впечатлѣніемъ первой минуты". „Русскій Міръ" подкрѣпляетъ свою надежду указаніемъ на все послѣднее время, и говоритъ: „едвали для массы читающей публики составили большую потерю *нѣсколько десятковъ* задержанныхъ книгъ". Мы даже смѣло допустимъ, что это не составило пожалуй и никакой потери, если сравнить эти нѣсколько десятковъ задержанныхъ съ нѣсколькими десятками тысячъ незадержанныхъ; но „Русскій Міръ" очевидно ошибается: какимъ образомъ тѣ „нѣсколько десятковъ" вредныхъ книгъ могли бы сдѣлать необходимымъ появленіе новаго закона и послужить основаніемъ къ тому, чтобы счесть неудовлетворительнымъ прежній законъ о печати? И „Русскій Міръ" дѣйствительно ошибается: при публикаціи новаго закона помѣщена весьма интересная оффиціальная записка, объясняющая вполнѣ всю исторію новаго закона о печати и указывающая тѣ мотивы, которыми руководились его первоначальные

составители. Вотъ подлинный ея текстъ, весьма важный для пониманія и оцѣнки самаго закона:

„Государственный совѣтъ—говорится въ запискѣ—въ департаментѣ законовъ и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра внутреннихъ дѣлъ о дополненіи и измѣненіи нѣкоторыхъ изъ дѣйствующихъ узаконеній о печати, принялъ во вниманіе, что на основаніи дѣйствующаго нынѣ закона 6-го апрѣля 1865-го г., оригинальныя сочиненія, объемомъ не менѣе 10-ти и переводныя—не менѣе 20-ти печатныхъ листовъ, въ обѣихъ столицахъ освобождены отъ предварительной цензуры, и затѣмъ пресѣченіе встрѣчающихся въ нихъ злоупотребленій печатнымъ словомъ предоставлено лишь карательной власти суда, въ предѣлахъ, указанныхъ общимъ уложеніемъ о наказаніяхъ и особыми постановленіями упомянутаго закона. Такое облегченіе для книгъ означеннаго объема признано было возможнымъ въ томъ преимущественно предположеніи, что онѣ, по содержанію своему, принадлежатъ обыкновенно къ литературѣ серьезной, обращающейся къ болѣе зрѣлымъ умамъ, и, по самой цѣнѣ не будучи доступны распространенію въ массѣ малообразованныхъ читателей, не могутъ съ удобствомъ служить орудіемъ вредной пропаганды. Но изъ представленныхъ нынѣ на усмотрѣніе государственнаго совѣта данныхъ видно, что въ послѣдніе годы, на ряду со многими полезными произведеніями печати, неоднократно были случаи изданія безцензурныхъ сочиненій, наполненныхъ самыми опасными лжеученіями, стремящихся ниспровергнуть священныя истины религіи, извратить понятія о нравственности и поколебать коренныя основы государственнаго и общественнаго порядка. Весьма часто въ такихъ сочиненіяхъ не усматривается прямаго нарушенія какой-либо статьи карательнаго закона, и потому они распространяются безпрепятственно. Между тѣмъ достовѣрными свѣдѣніями доказывается, что во многихъ случаяхъ изданіе ихъ имѣетъ спеціальною цѣлію распространять лжеученія между учащеюся молодежью и, въ этихъ видахъ, нѣкоторыя книги, которымъ назначается довольно высокая цѣна для продажи въ книжныхъ лавкахъ, уступаются издателями за треть или четверть стоимости въ значительномъ числѣ экземпляровъ, для разсылки въ университеты и гимназіи или для раздачи лицамъ, посвятившимъ себя распространенію вредныхъ ученій. Подъ вліяніемъ такой пропаганды многіе молодые люди впадали въ пагубныя заблужденія и иногда вовлекались въ поступки, вынуждавшіе принятіе противъ нихъ мѣръ, тягостныхъ для нихъ и для ихъ семействъ.

„Признавая безотлагательно нужнымъ положить предѣлъ такимъ злоупотребленіямъ и принимая во вниманіе, что предпринятый по высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію общій пересмотръ дѣйствующихъ узаконеній о печати, по обширности сей работы и необходимости подробнаго соображенія ея при участіи различныхъ вѣдомствъ, не можетъ получить утвержденія въ весьма скоромъ времени, государственный совѣтъ согласился съ заключеніемъ министра внутреннихъ дѣлъ о необходимости дополнить нынѣ законъ 6-го апрѣля 1865-го года опредѣленіемъ порядка дѣйствій высшей административной власти въ тѣхъ случаяхъ, когда признано будетъ необходимымъ принять рѣшительныя, безотлагательныя мѣры къ прегражденію распространенія разрушительныхъ ученій какъ въ освобожденныхъ отъ предвари-

тельной цензуры книгахъ, такъ и въ тѣхъ періодическихъ изданіяхъ, которыя по характеру своему болѣе подходятъ подъ разрядъ книгъ.

„Вслѣдствіе сего государственный совѣтъ мнѣніемъ положилъ:

„Въ дополненіе и измѣненіе временныхъ правилъ о цензурѣ и печати (т. XIV Уст. Ценз. прил. къ ст. 5, по прод. 1868-го г.), постановить нижеслѣдующее".

Такъ кончается мотивирующая записка, и затѣмъ слѣдуетъ самый текстъ новаго закона, который мы увидимъ ниже. Изъ записки слѣдуетъ, что хотя иниціатива закона принадлежитъ министерству внутреннихъ дѣлъ, какъ самому компетентному судьѣ въ дѣлахъ печати, которыя находились и находятся въ его вѣдомствѣ, но мотивы закона почерпнуты изъ области министерства юстиціи и министерства народнаго просвѣщенія. Главнымъ побужденіемъ къ закону послужило то обстоятельство, что „на ряду со *многими* полезными произведеніями печати, *неоднократно* были случаи" злоупотребленія свободою печати ко вреду общественной нравственности, а пресѣченіе ихъ „предоставлено *лишь* карательной власти суда", т.-е. недостаточной къ тому, и притомъ предоставлено „въ предѣлахъ, указанныхъ общимъ Уложеніемъ о Наказаніяхъ". Итакъ, сама записка, повидимому, признаетъ, что дѣйствительно наша литература, послѣ закона 6-го апрѣля, дала *много* полезныхъ произведеній, а вредныя произведенія появились не болѣе какъ только *неоднократно*; редакція „Русскаго Міра" насчитала такихъ случаевъ всего нѣсколько десятковъ, но она упустила изъ виду другое болѣе важное обстоятельство, а именно, что нашъ судъ признается безсильнымъ въ дѣлѣ пресѣченія злоупотребленій свободою печати, и записка при этомъ указываетъ на органическую причину такого безсилія судебной власти, а именно, что „весьма часто въ такихъ (т.-е. вредныхъ) сочиненіяхъ не усматривается прямого нарушенія какой-либо статьи карательнаго закона, и потому они распространяются безпрепятственно". Вотъ, главный мотивъ.

Не касаясь еще содержанія этого новаго закона, мы должны напомнить читателю, что вся сущность прежняго закона о печати, 6-го апрѣля 1865-го г., занимавшаго весьма почетное и видное мѣсто въ ряду реформъ нынѣшняго царствованія, состояла въ томъ, что этотъ законъ не только освобождалъ въ обѣихъ столицахъ всѣ газеты и журналы и всѣ книги, отъ 10-ти печатныхъ листовъ, а также и всѣ переводы, отъ 20-ти печатныхъ листовъ—такое освобожденіе само по себѣ не имѣло бы значенія — нѣтъ! это было далеко не все: „Освобожденныя—говорилъ законъ—отъ предварительной цензуры повременныя и другія изданія, сочиненія и переводы, въ случаѣ нарушенія въ нихъ законовъ, *подвергаются судебному преслѣдованію*". Несмотря на то, что этотъ знаменитый пунктъ второй закона 6-го апрѣля прибавлялъ, что газеты и журналы, кромѣ того, въ случаѣ замѣченнаго въ нихъ вреднаго на-

правленія, подлежать и дѣйствію административныхъ взысканій (предостереженія, съ пріостановкою изданія не свыше шести мѣсяцевъ, запрещеніе уличной продажи и т. п.),—мы, говоря прежде не разъ объ этомъ законѣ, всегда должны были сознаваться, что этотъ законъ, несмотря на его неполноту, былъ громаднымъ шагомъ на пути нашего нравственнаго развитія и сближенія насъ съ западною Европою, такъ какъ это былъ первый опытъ замѣны административной власти судомъ, и освобожденія литературы изъ того положенія, въ которомъ она находилась до того времени. Что это положеніе литературы до 1865-го г. въ рукахъ административной власти было тяжко и неудобно, мы видимъ то изъ первыхъ словъ, которыми начинался памятный указъ 6-го апрѣля правительствующему сенату: Государь Императоръ изволилъ утвердить новый законъ, „желая дать отечественной печати возможныя *облегченія* и *удобства*". Во главѣ этихъ облегченій и удобствъ стояло полное и безусловное изъятіе книжной литературы отъ административной власти и ограниченіе послѣдней въ отношеніи періодической литературы шестью мѣсяцами пріостановки изданія и другими мѣрами, хотя болѣе или менѣе чувствительными, но не уничтожавшими изданія.

Результатъ новаго закона былъ поистинѣ изумительный въ извѣстномъ отношеніи: до 1865-го г. никакія таможенныя и полицейскія мѣры не могли остановить быстраго развитія и распространенія подпольной и такъ-называемой „заграничной" печати; даже люди серьезные и положительные тяготѣли и питали интересы къ этой литературѣ. Но того, чего не могла сдѣлать полиція, сдѣлалъ законъ 6-го апрѣля, нанесшій тяжелый ударъ и подпольной и заграничной печати. Даже и періодическая печать, несмотря на то, что она была не вполнѣ изъята отъ административной кары, получила съ того времени такое быстрое развитіе, что заграничные листки потеряли свой raison d'être и тщетно украшали собою витрины берлинскихъ и парижскихъ книжныхъ магазиновъ. Помимо того факта, наша періодическая литература съ той же эпохи начала приносить своею службою совершенно новую пользу не одному обществу, но и правительству, — доказательствомъ тому служитъ памятный голодъ послѣднихъ лѣтъ, о приближеніи котораго было узнано не административнымъ путемъ, а путемъ печати.

Такихъ заслугъ печати не отвергаютъ и противники ея; но они утверждаютъ теперь, что злоупотребленія печати несравненно болѣе тяжки по своимъ послѣдствіямъ, а судъ безсиленъ пресѣкать такія злоупотребленія, именно потому, что послѣднія могутъ дѣлаться безъ прямого нарушенія закона, а слѣдовательно нечувствительно для суда. Мотивъ чрезвычайно важный и справедливо обратившій на себя вниманіе государственнаго совѣта, а потому и мы постараемся разсмотрѣть его ближе.

Свойства литературнаго произведенія и литературнаго преступле-

нія одинаковы во всѣхъ странахъ и у всѣхъ народовъ: вездѣ, въ массѣ полезныхъ книгъ, являются неоднократно сочиненія „наполненныя самыми опасными лжеученіями, стремящіяся ниспровергнуть священныя истины религіи, извратить понятія о нравственности и поколебать коренныя основы государственнаго и общественнаго порядка". Въ прежнія времена въ западной Европѣ не знали другого средства для борьбы съ такимъ зломъ, какъ цензура, и по мѣрѣ увеличенія зла увеличивались цензурныя строгости. Но опытъ убѣдилъ государственныхъ людей, что по мѣрѣ увеличенія цензурныхъ строгостей и административнаго произвола увеличивалось и самое зло, какъ въ борьбѣ Геркулеса съ гидрою: запрещенное пріобрѣтало новую прелесть, и масса истинно нравственныхъ силъ ослаблялась и замѣнялась притворною нравственностью. Съ тѣхъ поръ перестали дѣлать исключенія для проступковъ по дѣламъ печати и стали сравнивать ихъ съ другими преступными дѣяніями, т.-е. преступилъ ли человѣкъ словомъ, или дѣломъ, онъ одинаково подвергается нелицепріятному суду, приговоръ котораго потому самому не заключаетъ для преступившаго ничего лестнаго и не окружаетъ его ореоломъ мученичества. При общности свойствъ литературныхъ преступленій, какъ у насъ, такъ и у другихъ народовъ, слѣдовало бы теперь ожидать, что опытъ западныхъ правительствъ скоро приведетъ ихъ однако къ убѣжденію, что судъ безсиленъ въ пресѣченіи злоупотребленій, такъ какъ писатель всегда найдетъ средство не нарушать прямо карательнаго закона; но ничего подобнаго не случилось въ западныхъ государствахъ: хотя и въ Пруссіи, напримѣръ, писатель можетъ, какъ и у насъ, избѣгать прямого нарушенія закона, однако тѣмъ не менѣе прусское правительство оставляетъ по прежнему проступки печати въ вѣдѣніи судебной власти. Вотъ историческое доказательство того, что если судебная власть безсильна въ отдѣльныхъ случаяхъ пресѣкать злоупотребленія, то такое безсиліе въ глазахъ западныхъ европейскихъ правительствъ признается менѣе важнымъ безсилія административной власти внушить обществу необходимое довѣріе къ ея приговорамъ.

Разсматривая этотъ же самый вопросъ по существу, мы будемъ вынуждены опять согласиться съ такимъ заключеніемъ западныхъ правительствъ. Судъ, говорятъ намъ, безсиленъ именно только въ дѣлахъ о печати по особенному свойству литературнаго слова—сдѣлать преступленіе такъ, какъ будто оно не сдѣлано, а судъ между тѣмъ не признаетъ преступленія тамъ, гдѣ нѣтъ явнаго и доказаннаго нарушенія закона; слѣдовательно, такъ заключаютъ многіе, дѣла о печати должны быть изъяты изъ вѣдѣнія суда. Умозаключеніе совершенно вѣрное, но посылки не такъ надежны, какъ то кажется съ перваго раза. Судъ обнаруживаетъ „безсиліе" вовсе не въ однихъ дѣлахъ о печати, а также и при обсужденіи всѣхъ человѣческихъ проступковъ;

но такое „безсиліе“ именно и составляетъ его силу. Очень часто можетъ случиться, напримѣръ, что полиція, когда еще была въ ея рукахъ судебная власть, нисколько не затруднилась бы захваченнаго ею человѣка въ качествѣ подозрѣваемаго осудить, и привести въ исполненіе свой приговоръ; отдайте это же самое дѣло на судъ присяжныхъ, и они освободятъ обвиняемаго, такъ какъ улики недостаточны и вообще обстоятельства не дозволяютъ превратить подозрѣніе въ убѣжденіе. Тутъ точно также можно сказать, что судъ „безсиленъ“ въ сравненіи съ полиціею; но именно, въ этомъ безсиліи суда, какъ мы сказали, и вся его сила; за то приговоръ суда даже и въ самомъ невыгодномъ для него случаѣ позволяетъ произнести только одно изреченіе древней мудрости: „строгъ законъ, но это законъ“! Чтó бы сказали однако, еслибъ мы имѣли министра полиціи, и министръ полиціи, ссылаясь на тотъ или другой фактъ „безсилія“ суда, выразилъ бы такую мысль: въ Петербургъ и въ Москву пріѣзжаетъ много людей весьма полезныхъ, но неоднократно случалось, что сюда являлись и люди, опасные для лица и собственности жителей, между тѣмъ судъ, пока эти люди прямо не нарушатъ закона, не можетъ сдѣлать никакого распоряженія, а потому необходимо изъять изъ вѣдомства суда всѣ подобные вопросы, такъ какъ судъ слишкомъ строго держится буквы закона и т. д. Нельзя конечно будетъ не согласиться съ министромъ полиціи относительно справедливости его взгляда на „безсиліе“ суда въ данныхъ случаяхъ, но никакъ нельзя согласиться съ заключеніемъ, такъ какъ тогда пришлось бы право въѣзда въ городъ предоставить въ руки полиціи и обставить его такими формальностями, что какъ ни почтенно намѣреніе полицейской власти оградить лицо и имущество отъ появленія на улицѣ вредныхъ людей, но дѣло кончилось бы тѣмъ, что и добрые люди рѣшились бы выйти изъ-дому только въ самомъ крайнемъ случаѣ.

Изъ всего сказаннаго нами видно, что обвиненіе суда вообще въ спеціальномъ безсиліи по дѣламъ печати не вполнѣ справедливо: судъ безсиленъ и въ другихъ дѣлахъ; и во-вторыхъ, безсиліе суда имѣетъ свой особый смыслъ, а именно, на этомъ безсиліи и основана вся его нравственная сила и могущественное вліяніе на общественное мнѣніе. Если администрація является истцомъ при судебномъ порядкѣ, то это нисколько не можетъ быть унизительнымъ для нея, такъ какъ въ дѣлахъ объ оскорбленіи лица или имущества министерство юстиціи занимаетъ также роль истца; наконецъ, такой великій монархъ, какъ Фридрихъ II, съ удовольствіемъ вспоминалъ, что мельникъ въ Санъ-Суси пригрозилъ ему самому берлинскимъ судомъ, и изъ всѣхъ побѣдъ Фридриха Великаго едва ли не такія побѣды надъ самимъ собою снискали ему память Великаго.

Но обратимся теперь къ новому закону о печати; мы видѣли его главный мотивъ, теперь прочтемъ самый текстъ, состоящій изъ 7-ми §§:

1. Если распространеніе освобожденной отъ предварительной цензуры книги или нумера повременнаго изданія, выходящаго безъ цензуры рѣже одного раза въ недѣлю (т.-е. ежемѣсячные журналы), министромъ внутреннихъ дѣлъ признано будетъ особенно вреднымъ, то онъ можетъ, сдѣлавъ распоряженіе о предварительномъ задержаніи такого произведенія, представить о воспрещеніи выпуска онаго въ свѣтъ на окончательное разрѣшеніе комитета министровъ. По постановленію заключеній по дѣламъ сего рода, комитетъ министровъ принимаетъ въ руководство статьи 111 и 126 своего учрежденія (Св. Зак. т. I кн. 2).

2. Экземпляры воспрещенныхъ къ выпуску, на основаніи предшедшей 1-й статьи, книгъ и нумеровъ періодическихъ изданій немедленно отбираются, по распоряженію подлежащихъ учрежденій по дѣламъ печати, отъ типографщиковъ, издателей, авторовъ, переводчиковъ и редакторовъ, по принадлежности.

3. Содержатели типографій, а равно факторы, наборщики и вообще служащіе въ оныхъ, выпустившіе въ обращеніе или утаившіе экземпляры задержанныхъ книгъ или нумеровъ повременныхъ изданій, подвергаются наказаніямъ, опредѣленнымъ во второй части статьи 1.027 Улож. о наказ. изд. 1866 г. Лица, способствовавшія какимъ бы то ни было образомъ распространенію означенныхъ произведеній, подлежатъ отвѣтственности, опредѣляемой для содержателей типографій. Утаенные экземпляры задержанныхъ сочиненій или нумеровъ повременныхъ изданій, по обнаруженіи оныхъ, отбираются на общемъ основаніи.

4. Если въ задержанномъ сочиненіи или нумерѣ повременнаго изданія усматривается преступленіе, то независимо отъ задержанія экземпляровъ подобныхъ изданій можетъ быть возбуждено судебное преслѣдованіе виновныхъ, общеустановленнымъ въ законѣ порядкомъ. Въ такомъ случаѣ разсмотрѣнію судебныхъ мѣстъ подлежитъ собственно вопросъ объ отвѣтственности обвиняемыхъ.

5. Порядокъ пріостановки выпуска въ свѣтъ произведеній печати, указанный въ ст. 14, гл. III прил. къ ст. 5 Уст. Ценз. (по продолж. 1868 г.), сохраняется въ силѣ въ отношеніи ко всѣмъ тѣмъ сочиненіямъ и изданіямъ, къ которымъ министръ внутреннихъ дѣлъ не признаетъ нужнымъ примѣнить настоящія правила.

6. Экземпляры изъятыхъ отъ предварительной цензуры повременныхъ изданій, выходящихъ рѣже одного раза въ недѣлю, должны быть представляемы въ подлежащее учрежденіе по дѣламъ печати (Уст. Ценз. прил. къ ст. 5 гл. II, ст. 25 п. 2), за *четыре дня* до разсылки оныхъ подписчикамъ. Сочиненія же не періодическія, напечатанныя или налитографированныя также безъ предварительной цензуры, могутъ быть выпускаемы въ свѣтъ (гл. III ст. 13, Улож. о Наказ. ст. 1.012) не прежде какъ по истеченіи *семидневнаго* срока со времени полученія росписки въ принятіи узаконеннаго числа экземпляровъ.

7. Сочиненіе или повременное изданіе, которое по собственному желанію издателя или редактора было представлено на разсмотрѣніе предварительной цензуры и ею одобрено, не можетъ быть задержано по ст. 1 и 5 сихъ правилъ.

Въ новомъ законѣ существенную его часть составляютъ, по нашему мнѣнію, собственно два параграфа, а именно первый и четвертый. Первый параграфъ уничтожаетъ одинъ изъ четырехъ основныхъ пунктовъ, на которыхъ покоился законъ 6-го апрѣля, а именно второй (II), въ силу котораго, какъ мы видѣли, ни одна книга и ни одинъ нумеръ журнала не могли быть истреблены административнымъ порядкомъ и подвергались только судебному преслѣдованію; теперь, по новому закону судебное преслѣдованіе совершенно устраняется, хотя, правда, только въ томъ случаѣ, если г. министръ внутреннихъ дѣлъ найдетъ не самую книгу, но распространеніе ея вреднымъ, и притомъ „особенно вреднымъ". Нѣтъ сомнѣнія, что г. министръ внутреннихъ дѣлъ, спеціально завѣдуя дѣлами о печати, можетъ быть весьма компетентнымъ судьею въ вопросѣ объ особенномъ вредѣ распространенія той или другой книги и никогда не воспользуется своею обширною властью для огражденія личныхъ интересовъ своего министерства; по крайней мѣрѣ мы, хотя и подвергались и по прежнему закону административнымъ карамъ, однако не испытывали большихъ стѣсненій говорить о дѣлахъ, касающихся лично этого министерства; но та же справедливость требуетъ замѣтить, что г. министръ внутреннихъ дѣлъ, по самому своему положенію, осужденъ имѣть дѣло исключительно съ книгами такъ-называемаго „вреднаго" содержанія: главное управленіе по дѣламъ печати, естественно, никогда не представляетъ ему доклада о „полезныхъ книгахъ", а ограничивается въ своихъ докладахъ книгами „вредными". Отсюда невольно можетъ родиться убѣжденіе, что въ нашей литературѣ преобладаютъ вредныя книги, что литература заражена зловредными ученіями, а слѣдов. необходимо усиливать мѣры строгости. Вѣроятно, вслѣдствіе того новый законъ ставитъ вопросъ объ окончательномъ воспрещеніи временно задержанной книги въ зависимость отъ разрѣшенія комитета министровъ, который такимъ образомъ снимаетъ съ г. министра внутреннихъ дѣлъ всякую отвѣтственность въ возникающихъ дѣлахъ о печати. Нельзя утверждать, что положеніе печати чрезъ то ухудшается; допустимъ даже, что въ отдѣльныхъ случаяхъ оно можетъ оказаться болѣе выгоднымъ; но цѣль закона едва ли будетъ достигаться, такъ какъ даже и самая снисходительность и великодушіе членовъ комитета министровъ будутъ въ глазахъ общества имѣть характеръ хотя доброй, но все же административной власти, а не общаго суда. Такую мысль въ обществѣ будетъ поддерживать въ особенности четвертый параграфъ, изъ редакціи котораго прямо слѣдуетъ, что всѣ задержанныя сочиненія или нумера повременнаго изданія раздѣляются на двѣ категоріи: на такія, въ которыхъ усматривается преступленіе, и на такія, въ которыхъ преступленіе не усматривается. Легко заключить послѣ этого, что вѣдѣнію комитета министровъ будутъ подлежать

только такія книги, относительно которыхъ нельзя и думать, чтобы судъ призналъ въ нихъ преступленіе.

Послѣдній параграфъ какъ будто смягчаетъ новый законъ и даже совершенно парализируетъ его, предоставляя и авторамъ и издателямъ журналовъ, „по собственному желанію“, представлять рукописи на разсмотрѣніе предварительной цензуры и искать ея одобренія, причемъ положительно объявлено, что пропущенное предварительною цензурою не можетъ быть уже задержано. Что такое опредѣленіе въ высшей степени справедливо, объ этомъ не можетъ быть и рѣчи; оно даетъ безусловную гарантію и автору, и издателю; но гарантируетъ ли оно интересы общества и даже самого правительства, и притомъ именно интересы, во имя которыхъ издается настоящій законъ — это совсѣмъ другой вопросъ. Собственный опытъ нашего правительства до 1865-го года доказалъ, что цензура, и цензура самая строгая, не обезпечиваетъ ни общества, ни правительства отъ произведеній такъ-называемаго вреднаго содержанія; цензура только вынуждаетъ мысль замаскировываться и быть болѣе изворотливою, а слѣдовательно дѣйствовать иногда болѣе вредно, чѣмъ то можетъ мысль, высказанная открыто. Доказательствомъ справедливости нашихъ словъ служитъ то, что въ прежнее время правительство находило себя вынужденнымъ уничтожать изданія, выходившія въ свѣтъ подъ предварительною цензурою, установленною самимъ же правительствомъ. Допустимъ, что всѣ пожелаютъ воспользоваться седьмымъ параграфомъ, чтобы избавиться отъ первыхъ шести, и притомъ съ гарантіей, что разъ пропущенное цензурою „не можетъ быть задержано“: но тогда мы только вернемся къ тому нравственному порядку вещей, который въ 1865 г. побудилъ правительство отказаться отъ него и лишить печать удобства скрываться подъ эгидою цензуры, и вмѣстѣ нанести вѣрный ударъ другой печати, удалившейся подъ спудъ или за-границу.

На все это, быть можетъ, читатель возразитъ намъ, что наши соображенія справедливы, но, къ сожалѣнію, не менѣе достовѣрно и то, на что́ указываетъ ниже объяснительная записка къ новому закону: „во многихъ случаяхъ изданіе вредныхъ книгъ—говоритъ эта записка—имѣетъ спеціальною цѣлью распространять лжеученія между *учащеюся* молодежью, и въ этихъ видахъ нѣкоторыя книги, которымъ назначается довольно высокая цѣна для продажи въ книжныхъ лавкахъ, уступаются издателями за треть или четверть стоимости въ значительномъ числѣ экземпляровъ,“ и т. д. Правительство потомъ вынуждается прибѣгать къ мѣрамъ, тягостнымъ для молодежи и ихъ семействъ. Какъ же тутъ быть? Неужели правительство можетъ бездѣйствовать въ виду такихъ безобразій и хладнокровно наказывать потомъ сбитую съ толку молодежь, повторяя пословицу: fiat justitia, pereat mundus!

На такое возраженіе мы скажемъ прежде всего, что и по нашему убѣжденію правительство не только имѣетъ право, но и несетъ на себѣ священную обязанность ограждать общество отъ всего вреднаго и въ матеріальномъ, и въ нравственномъ порядкѣ вещей; мнѣнія могутъ расходиться только въ вопросѣ, какимъ образомъ общество можетъ быть лучше ограждено отъ всяческихъ бѣдствій. Въ данномъ выше случаѣ мы спросимъ: чтó выиграетъ общество, если новый законъ о печати дѣйствительно уничтожитъ указанныя безобразія, и вредныхъ книгъ нельзя будетъ разсылать по гимназіямъ и притомъ по дешевой цѣнѣ, но вмѣсто того между воспитанниками начнутъ ходить по рукамъ рукописныя сочиненія самаго нелѣпаго содержанія? Намъ скажутъ, что въ школѣ есть на то присмотръ; но отчего же въ такомъ случаѣ эту мѣру не употребить и противъ извѣстнаго рода печатныхъ книгъ? Но въ томъ-то и дѣло, что второй мотивъ новаго закона о печати, высказанный въ запискѣ, какъ бы ни былъ онъ достовѣренъ—а въ истинѣ его мы не имѣемъ повода сомнѣваться — все же доказываетъ собственно не необходимость этого закона, а одну только распущенность тѣхъ школъ, гдѣ произошли тѣ явленія. По нашему мнѣнію, тѣ печальные отдѣльные случаи вызывали не новый законъ, а потребность уничтожить ту распущенность, которая обнаружилась въ той или другой школѣ, и для того опять не нужно было бы прибѣгать даже и къ суду, такъ какъ школа имѣетъ свою педагогическую дисциплину. Педагоги, которыхъ касаются лично выше указанные факты, доказали бы свое безсиліе, если бы они свою безпечность въ надзорѣ за жизнью школы сложили на недостатки закона о печати; а чтó теперь сдѣлаютъ такіе педагоги, если окажется, что новый законъ о печати не избавитъ ихъ отъ рукописныхъ глупостей, для изданія которыхъ не требуется ни капитала, ни типографіи? Что „рукописная“ литература въ школахъ не есть наше предположеніе, въ этомъ можно убѣдиться изъ школьныхъ воспоминаній прежней цензурной эпохи. Нашимъ бѣднымъ педагогамъ тогда ничего не останется, какъ сложить всю бѣду на отсутствіе строгаго закона о рукописяхъ. Въ Германіи издается масса книгъ, которыя никакъ не были бы одобрены нашимъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, и въ этой же Германіи существуютъ безопасно школы, проникнутыя глубокимъ и высокимъ нравственнымъ духомъ. Что же это значитъ? Это значитъ, что школа въ Германіи имѣетъ въ себѣ такую внутреннюю силу, что свобода, которая необходима для общественной жизни, не можетъ коснуться ея. Вотъ почему всякій можетъ подумать, что если наши педагоги считаютъ необходимымъ для благоустройства школы измѣнить самый строй общественной жизни, то они должны вмѣстѣ съ тѣмъ признать, что новый законъ о печати служитъ для нихъ самымъ лучшимъ testimonium paupertatis.

Впрочемъ, новый законъ о печати измѣняетъ строй общественной жизни только временно, какъ то видно изъ словъ оффиціальной записки, — въ ожиданіи полнаго пересмотра нынѣ дѣйствующихъ законовъ о печати, который предпринятъ былъ, если не ошибаемся, уже года два тому назадъ и слѣдовательно приближается вѣроятно къ окончанію. Нѣтъ сомнѣнія, что при такой важной и уже окончательной реформѣ будетъ принятъ въ соображеніе нашъ собственный опытъ недавняго времени и тѣ неизмѣнныя и вѣчныя выгоды, которыя получаются отъ примѣненія строгой законности ко всѣмъ дѣяніямъ человѣческимъ, къ числу которыхъ принадлежитъ и печать. При временномъ характерѣ новаго закона не предстоитъ конечно надобности много говорить и о его вліяніи на ближайшее будущее нашей литературы: оно будетъ тѣмъ слабѣе, чѣмъ поспѣшнѣе временное замѣнится постояннымъ. Впрочемъ, и при продолжительности временной мѣры было бы также излишне говорить о ея послѣдствіяхъ, такъ какъ эти послѣдствія и слишкомъ извѣстны, и еще весьма недавно были испытаны нами. Несомнѣнно одно, что въ виду того развитія печати, какое оно имѣетъ у нашихъ сосѣдей, мы не можемъ считать для себя безопаснымъ обезоруживать русское слово и дѣлать его безсильнымъ, неуважаемымъ ни внутри страны, ни извнѣ. Если опасно для страны отстать отъ другихъ въ усовершенствованіи огнестрѣльнаго оружія, то еще опаснѣе отстать въ усовершенствованіи самаго сильнаго орудія, какимъ является вездѣ человѣческая мысль и ея выраженіе—слово; а лучшимъ средствомъ къ такому усовершенствованію служитъ страхъ предъ судомъ. Всякій другой страхъ „не содѣлываетъ во спасеніе", а влечетъ за собою ухищреніе и притворство, на почвѣ которыхъ общественная нравственность все болѣе и болѣе ослабѣваетъ. Общественныя массы сами всего болѣе нуждаются въ порядкѣ, а нѣтъ порядка безъ страха предъ судомъ. Страхъ предъ административною властью даетъ, правда, въ результатѣ порядокъ—наружный, но такому порядку на дѣлѣ не могутъ довѣрять даже и тѣ, которые имъ бываютъ довольны. Все это—скажутъ намъ,—азбука государственной мудрости; но тѣмъ болѣе мы имѣемъ право разсчитывать, что такая азбука не будетъ оставлена безъ вниманія при подробномъ разсмотрѣніи обѣщаннаго намъ постояннаго закона о печати. Безнаказанность печати отнюдь не составляетъ нашего интереса, и мы искренно желаемъ, чтобы свобода печатнаго слова была строго обуздана—путемъ суда, который обуздываетъ нелицепріятно и всѣ прочіе человѣческія дѣянія.

Въ заключеніе нашихъ общихъ соображеній, представимъ еще одну небольшую практическую замѣтку по тому же вопросу, который такъ сильно интересуетъ въ настоящее время все наше образованное общество.

Вслѣдствіе строгихъ цензурныхъ мѣръ, которыя уже столько разъ и во всѣхъ странахъ оказывались безуспѣшными, всякая печать бываетъ поставлена прежде всего въ положеніе совершенно стѣсненное: это, конечно, аксіома. Но отсюда прежде всего истекъ бы такой результатъ, котораго само правительство никакъ не можетъ желать, а именно, печать нашлась бы вынужденною рѣшительно уклониться отъ практическаго обсужденія практическихъ же вопросовъ нашей текущей жизни и обратилась бы къ отвлеченностямъ, ставила бы вопросы исключительно въ сферѣ самыхъ общихъ теоретическихъ воззрѣній. А такъ всегда бываетъ, когда печати и общественному мнѣнію отрицается право участія въ обсужденіи реальныхъ вопросовъ текущей жизни. Вспомнимъ о характерѣ преній въ бывшемъ законодательномъ корпусѣ второй французской имперіи. Пренія эти держались исключительно въ сферѣ общностей, и хотя отдѣльнымъ лицамъ тогдашней администраціи, быть можетъ, это и было пріятнѣе, чѣмъ еслибы рѣчи ораторовъ прямо касались ихъ личной дѣятельности, но для поддержанія въ обществѣ духа здраваго, спокойнаго отношенія къ своей жизни, такое искусственное, раздражительное занятіе общностями и вмѣстѣ такое краснорѣчивое молчаніе о ближайшихъ, реальныхъ фактахъ, далеко не оказывалось пригоднымъ. Можно смѣло утверждать, что даже въ такъ-называемомъ „цензурномъ“ смыслѣ есть нѣкоторый предѣлъ, за которымъ стѣсненіе печати противорѣчитъ именно „цензурной“ же цѣли. Представимъ себѣ на минуту фактъ невѣроятный въ настоящее время, представимъ себѣ, что печати стало просто невозможно обсуждать текущія явленія законодательства, мѣры администраціи, практическія нужды общества, и что печать занялась всецѣло философскими теоріями, историческими этюдами и литературной критикой. Въ первую минуту, быть можетъ, у нѣкоторыхъ губернскихъ начальниковъ и начальниковъ отдѣленій въ департаментахъ станетъ легче на душѣ: прекратились-молъ мелкія придирки, унялись податчики непрошеныхъ совѣтовъ. Но весьма скоро оказалась бы на дѣлѣ та неоспоримая истина, что дѣятельность общественной мысли ни прекращена, ни унята быть не можетъ, а можетъ быть только стѣснена въ своемъ выраженіи, искусственно вдвинута въ иныя формы. Печать снова, съ искусственнымъ раздраженіемъ и запальчивостью, занялась бы сравненіемъ Базарова съ Кирсановымъ, теоріею Дарвина, борьбою Цезаря съ сенатомъ, но и сама печать, и общество, и самі мѣстные и центральные чиновники отлично понимали бы, что дѣло вовсе не въ судьбѣ Базарова, не въ степени вѣроятности теоріи полового подбора и не въ стратегическихъ способностяхъ автора комментаріевъ о гражданской войнѣ; что всѣ эти имена только фигуративныя, подставныя, что въ Дарвинѣ интересуются наиболѣе вовсе не половымъ подборомъ, и что Рубиконъ означаетъ въ сущности реакцію, а вовсе не погра-

ничную черту цезаревой провинціи. Много ли такое положеніе представляло бы выгоды даже и въ „цензурномъ" отношеніи сравнительно съ правомъ печати говорить прямо, что подушную подать можно бы замѣнить подоходною, или хотя бы даже такую „крайне-смѣлую" мысль, что реальная школа можетъ имѣть общеобразовательный характеръ? Не знаемъ; объ этомъ судить не намъ. А судить объ этомъ всякому легко, такъ какъ стѣснительныхъ для печати мѣръ у насъ было принято достаточное число въ прошедшемъ. Если при подобномъ сужденіи задаваться исключительно вопросомъ о томъ, въ какой мѣрѣ отсутствіе права печати обсуждать общественные вопросы обезпечиваетъ общественное спокойствіе, то достаточно будетъ справиться съ исторіею, которая покажетъ, что пугачевщина была у насъ въ то время, когда „печать" еще не существовала, что декабристы и дѣло Петрашевскаго соотвѣтствовали тому времени, когда печать о внутреннихъ вопросахъ безусловно молчала, и что со времени облегченія печати была у насъ только глупѣйшая затѣя Нечаева, которая и была оцѣнена по достоинству, именно благодаря той же, нѣсколько освобожденной печати.

Если стѣсненіе печати не обѣщало бы успѣшнаго результата даже и въ отношеніи „цензурномъ", то въ прочихъ отношеніяхъ оно, ужъ само собою разумѣется, не принесло бы пользы. Не говоримъ уже объ интересѣ общественнаго развитія въ этомъ дѣлѣ: онъ слишкомъ очевиденъ. Но становясь опять-таки на чисто-административную точку воззрѣнія, замѣтимъ, что указанія печати, какъ то оказывается изъ практики административной, и даже изъ обработки законодательныхъ вопросовъ, вовсе не такъ безполезны и ненужны, какъ то готовы утверждать какіе-нибудь закоснѣлые бюрократы. Важность общественной поддержки въ любомъ начинаніи въ настоящее время сознается у насъ всѣми безъ исключенія, и нѣтъ такого строгаго регламентатора, который бы самъ не пробовалъ заручиться для какой-нибудь своей мысли собственнымъ органомъ печати или отказался бы отъ поддержки ея посредствомъ печатнаго органа, еслибы она представлялась ему возможною. Были даже, если вѣрить слухамъ, примѣры, что люди, которые впослѣдствіи громче другихъ жаловались на то, что печать ввязывается не въ свое дѣло, въ *ихъ* дѣло, сами же начинали съ пропагандированія своихъ проектовъ посредствомъ печатнаго органа, и тутъ являлись публицистами чиновники по особымъ порученіямъ. Стало быть, если такія лица впослѣдствіи жаловались на печать, то только потому, что мысль ихъ не встрѣчала въ общественномъ мнѣніи того одобренія, какого они сами въ немъ искали. Это значитъ обращаться къ посредничеству, а потомъ отрицать его, потому только, что оно высказалось несогласно съ нашимъ предвзятымъ мнѣніемъ.

Министерство финансовъ, военное министерство, отчасти и мини-

стерство внутреннихъ дѣлъ не разъ изъявляли прямо желаніе, чтобы та или другая изъ проектируемыхъ ими законодательныхъ мѣръ были подвергнуты печатно предварительному просмотру. Правда, иныя управленія этого и не дѣлаютъ. Но при томъ единствѣ политическихъ видовъ, какое естественно предположить въ составѣ администраціи одного времени, надо полагать, что и прочія министерства не отвергаютъ пользы участія печати въ обсужденіи правительственныхъ мѣръ. Стало быть, кто же можетъ желать, чтобы у печати стѣснено было это право? А бо́льшихъ правъ у печати и нѣтъ, стало быть къ какимъ-либо новымъ стѣсненіямъ печати рѣшительно не представляется повода и со стороны самой администраціи.

Мы перейдемъ теперь же къ обсужденію одного изъ правительственныхъ предположеній о новыхъ законодательныхъ мѣрахъ, а именно проекта новаго положенія объ акціонерныхъ обществахъ, составленнаго особою коммиссіею, учрежденною при министерствѣ финансовъ. Обращаясь къ разбору проекта законодательной мѣры, мы только исполняемъ свою обязанность, какъ понимали ее съ самаго начала нашей дѣятельности. И въ настоящемъ случаѣ, по крайней мѣрѣ, мы имѣемъ увѣреніе самой администраціи, что она понимаетъ нашу обязанность не уклоняться отъ прямого обсужденія внутреннихъ вопросовъ точно также, какъ понимаемъ ее мы сами. Экземпляръ помянутаго проекта присланъ намъ при циркулярѣ департамента торговли и мануфактуръ, съ просьбою „подвергнуть проектъ обсужденію въ журналѣ“ и съ дополнительнымъ заявленіемъ, что „всѣ замѣчанія будутъ приняты въ соображеніе съ величайшею благодарностью“. Если, какъ слѣдуетъ полагать, повторяемъ, въ высшей сферѣ нашей администраціи нѣтъ взглядовъ діаметрально-противоположныхъ, то нельзя не думать, что комитетъ министровъ, призванный нынѣ рѣшать въ высшей инстанціи судьбу книгъ и журналовъ, никогда не станетъ осуждать журналовъ за одно то, что они высказали слишкомъ открыто и добросовѣстно свое мнѣніе о какомъ-либо вопросѣ, обратившемъ на себя вниманіе правительства. А практика комитета министровъ въ этомъ отношеніи естественно установитъ прецеденты, съ которыми будетъ справляться и учрежденіе, спеціально слѣдящее за журналистикой.

Въ объяснительной запискѣ къ проекту коммиссіи объясняются неудобства и недостаточность нынѣ дѣйствующаго у насъ закона объ акціонерныхъ обществахъ. По нынѣшнему закону, никакое акціонерное общество не можетъ быть учреждено безъ особаго на то разрѣшенія правительства. Этотъ порядокъ представляетъ уже то весьма важное неудобство для успѣховъ промышленности, что процедура разрѣшенія чрезвычайно медленна: просьбы и проекты учредителей разсматриваются по сношенію съ разными вѣдомствами; потомъ, пройдя всѣ

инстанціи въ министерствѣ, идутъ на разсмотрѣніе комитета министровъ или государственнаго совѣта, при чемъ и на составленіе докладовъ въ эти высшія учрежденія и на самое разсмотрѣніе дѣла въ нихъ требуется много времени; наконецъ, уставы самыхъ незначительныхъ компаній по большей части должны восходить до высочайшаго усмотрѣнія, разсмотрѣніе ихъ способствуетъ накопленію дѣлъ въ комитетѣ министровъ и государственномъ совѣтѣ, а между тѣмъ, промышленное дѣло, основанное на кредитѣ, не ждетъ; оно разстроивается иногда еще до полученія утвержденія, именно по причинѣ медленности.

Цѣль, съ какой установлено было требованіе разрѣшенія и подробнаго разсмотрѣнія всѣхъ условій предпріятія, до выдачи такого разрѣшенія, была та, чтобы устранять возможность предпріятій чисто спекулятивныхъ или недобросовѣстныхъ; вотъ почему разсмотрѣнію подвергались не только правильность юридическихъ условій предпріятія, но и самыя экономическія его условія. При этомъ, однако, законъ предварялъ публику, что хотя такое-то акціонерное предпріятіе и разрѣшено правительствомъ, но разрѣшеніе это не составляетъ никакого ручательства въ выгодности предпріятія. На дѣлѣ, разумѣется, оказалось, что результаты были совсѣмъ не таковы. Какъ внимательно ни разсматривались уставы въ разныхъ административныхъ инстанціяхъ, но по самому свойству промышленныхъ предпріятій, правительство все-таки не имѣло возможности ни устранить возникновеніе предпріятій невыгодныхъ, ни отвратить неуспѣха и такихъ предпріятій, которыя казались раціональными. А между тѣмъ, утвержденіе этихъ предпріятій законодательной властью въ глазахъ публики, все-таки, и несмотря на оговорку помѣщенную въ законѣ, имѣло тотъ смыслъ, что такъ какъ правительство одобрило предпріятіе, то оно уже по этому заслуживаетъ довѣрія. Сверхъ того, при стремленіи обставить каждое новое акціонерное общество возможно полнѣйшими мѣрами обезпеченія, различныя вѣдомства постепенно вводили въ уставы компаній самыя разнообразныя постановленія, во многихъ случаяхъ даже совершенно отступавшія отъ общихъ положеній закона. Кончилось тѣмъ, что „при проектированіи уставовъ вновь учреждаемыхъ обществъ“, какъ говоритъ коммиссія, „руководствомъ служатъ главнѣйше утвержденные уставы однородныхъ компаній; положеніе же о компаніяхъ на акціяхъ, вошедшее въ сводъ законовъ, почти вовсе во вниманіе не принимается; хотя въ каждомъ уставѣ есть ссылка на это положеніе, тѣмъ не менѣе можно сказать, что оно существуетъ только на бумагѣ и что въ сущности теперь у насъ нѣтъ общаго акціонернаго положенія. Пробѣлъ этотъ“, говорится далѣе, „нельзя признать малозначительнымъ въ столь обширномъ государствѣ, какъ Россія, гдѣ акціонерная форма товариществъ все болѣе и болѣе раз-

долженъ стремиться къ приданію возможно большей гласности балансамъ и отчетамъ компаній. Коммиссія полагаетъ, что съ той же цѣлью законъ долженъ еще „ограничить ихъ операціи извѣстными предѣлами и порядками"; но это понятіе уже слишкомъ растяжимое, и подъ него подойдутъ пожалуй такія стѣснительныя и произвольныя опредѣленія, которыя окажутся непримѣнимыми на практикѣ.

Уяснивъ, такимъ образомъ, съ самаго начала, что единственной цѣлью закона въ дѣлѣ акціонерныхъ уставовъ должно быть отвращеніе злоупотребленій, посредствомъ поставленія всего дѣла въ постоянную и полную зависимость акціонеровъ, и приданіе возможно большей гласности отчетамъ и возможной легкости контролю, прослѣдимъ теперь, какія предположенія коммиссіи соотвѣтствуютъ этой цѣли, ей самой указанною, и какія представляются посторонними этой цѣли, а потому могутъ быть признаны излишними.

По причинамъ, указаннымъ при оцѣнкѣ неудобствъ нынѣшняго положенія, коммиссія признаетъ полезнымъ, въ принципѣ и въ видѣ общаго правила, отмѣнить правительственное разрѣшеніе на учрежденіе акціонерныхъ компаній, какъ оно отмѣнено уже вездѣ, за исключеніемъ только Россіи и Италіи. Правительственное разсмотрѣніе условій предпріятія и разрѣшеніе на учрежденіе компаній, съ утвержденіемъ ихъ уставовъ, предполагается замѣнить просто явкою уставовъ въ особомъ мѣстѣ, регистратурѣ, которой дается названіе „явочнаго отдѣла для акціонерныхъ обществъ". Явка происходитъ нотаріальнымъ порядкомъ: регистратура, сличивъ предполагаемый уставъ съ постановленіями закона и не найдя въ уставѣ ничего несогласнаго съ закономъ, или исправивъ проектъ устава, согласно съ требованіями закона, заноситъ новое общество въ „главную акціонерную книгу" и тѣмъ самымъ общество считается уже оффиціально признаннымъ и юридически существующимъ. Примѣняясь къ правиламъ нотаріальнаго положенія, регистратурѣ дается устройство не коллегіальное, а единоличное, такъ чтобы вся отвѣтственность въ соблюденіи законности лежала на главномъ регистраторѣ, какъ она лежитъ на нотаріусѣ. Для обезпеченія независимости главнаго регистратора полагается постановить, что онъ не можетъ быть увольняемъ отъ должности безъ прошенія иначе какъ по суду. Для содержанія этого учрежденія, то-есть явочнаго отдѣла, коммиссія полагаетъ установить особые сборы съ акціонерныхъ обществъ, взимаемые при подачѣ проекта устава къ заявкѣ, при занесеніи устава въ главную акціонерную книгу и наконецъ при выдачѣ изъ явочнаго отдѣла засвидѣтельствованныхъ копій и справокъ. Но при этомъ коммиссія предположила сборы въ такихъ размѣрахъ, что явочный отдѣлъ, по своему доходу, можетъ сдѣлаться богаче многихъ акціонерныхъ обществъ: 25 рублей при подачѣ заявленія, и по $^1/_{20}$ процента съ каждой тысячи рублей

всего основнаго капитала общества, если онъ не превышаетъ 2-хъ милліоновъ, или съ первыхъ 2-хъ милл. по $^1/_{20}$%, а съ остальной части капитала $^1/_{50}$%. Въ запискѣ сказано даже, что съ каждой тысячи рублей предполагается взимать 50 рублей, но это, очевидно, опечатка; 50 рублей съ тысячи составляетъ не $^1/_{20}$%, а полныхъ 5 процентовъ; вмѣсто 50 *рублей* слѣдуетъ читать 50 *копѣекъ*. Но и эта плата весьма значительная. Акціонерныхъ компаній разрѣшается у насъ множество, и съ облегченіемъ процедуры разрѣшенія ихъ станетъ возникать еще болѣе. Количество сбора, положимъ, обстоятельство не существенное. Нѣтъ сомнѣнія, что предполагаемый проектомъ коммиссіи порядокъ много облегчилъ бы хлопоты по ходатайству о разрѣшеніи и вмѣстѣ представилъ бы совершенно достаточное ручательство въ соблюденіи предусмотрѣній закона.

Но провозгласивъ принципъ отмѣны правительственнаго разрѣшенія и возведя въ общее правило замѣну такого разрѣшенія простою явкой, проектъ тотчасъ отступаетъ въ сторону и спѣшитъ предложить многочисленныя исключенія изъ общаго правила.

Онъ предположилъ удержать нынѣшній порядокъ правительственнаго разрѣшенія для всѣхъ „общественныхъ предпріятій, соединенныхъ съ какими-либо преимуществами или исключительными правами или обязательствами предъ казною, правительственными, земскими и общественными учрежденіями или съ какимъ либо пособіемъ и содѣйствіемъ отъ правительства или помянутыхъ учрежденій", всѣ компаніи, имѣющія предметомъ кредитныя и банкирскія операціи, страхованіе отъ огня и вообще отъ потерь и страхованіе жизни, наконецъ, даже и товарищества для производства коммисіонерскихъ дѣлъ, состоящихъ „въ куплѣ и продажѣ за счетъ другихъ лицъ, въ займѣ капиталовъ, наймѣ домовъ и земель и пріисканіи разнаго рода лицъ въ частныя должности и прислугу". Этихъ исключеній сдѣлано такъ много, что при допущеніи всѣхъ ихъ, едва ли большинство вновь возникающихъ обществъ не будутъ подлежать прежнему порядку. Нѣтъ спора, что никакая концессія или гарантія казенная, земская или общественная не можетъ принадлежать акціонерной компаніи потому только, что она предположила ее въ своемъ уставѣ и явила этотъ уставъ въ явочномъ отдѣлѣ; концессію взять себѣ нельзя, а надо чтобы ее дали. Но какая же нужда смѣшивать обѣ эти вещи, и почему исходатайствованіе концессіи учредителями или, впослѣдствіи, самой компаніею не можетъ быть оставлено какъ оно дѣйствительно есть—совершенно отдѣльнымъ дѣйствіемъ, и самое учрежденіе компаніи все-таки совершаться общимъ, явочнымъ порядкомъ? Для концессіонныхъ компаній достаточно бы кажется постановить правиломъ, что если компанія возникаетъ именно съ цѣлью получить концессію, то концессія должна быть исходатайствована учредителя-

ми или передъ явкою устава, или же въ уставѣ оговаривается, что онъ подлежитъ впослѣдствіи всѣмъ тѣмъ измѣненіямъ, какія будутъ обозначены въ самой концессіи.

Удержаніе нынѣшняго порядка разрѣшенія для компаній страховыхъ и коммиссіонерскихъ объясняется въ запискѣ тѣмъ, что дѣйствія первыхъ не опредѣляются ихъ основнымъ капиталомъ, такъ что въ нихъ, какъ и въ частныхъ банкахъ, капиталъ получаетъ значеніе не столько орудія производства, сколько обезпечительнаго резерва, а дѣйствія вторыхъ обусловлены представленіемъ залога. Но ничто не мѣшаетъ опредѣлить для страховыхъ компаній минимумъ основнаго капитала или отношеніе между цифрою оборотовъ и цифрою основнаго капитала, для коммиссіонерскихъ же компаній оставить въ силѣ нынѣшнее требованіе залога, и все-таки допустить учрежденіе и тѣхъ и другихъ посредствомъ явочнаго порядка. Какой смыслъ можетъ имѣть разсмотрѣніе всѣхъ условій страховаго предпріятія законодательнымъ порядкомъ, когда уже нѣсколько совершенно однородныхъ предпріятій существуютъ? То же самое, въ принципѣ, можно бы сказать и о частныхъ акціонерныхъ банкахъ, и какъ извѣстно, въ Соединенныхъ Штатахъ частная предпріимчивость въ банковомъ дѣлѣ совершенно свободна. Но относительно акціонерныхъ банковъ еще можно допустить то опасеніе, что такія учрежденія, по самому свойству кредитныхъ операцій, менѣе всѣхъ другихъ могутъ подлежать постоянному наблюденію акціонеровъ; въ нихъ всего возможнѣе произволъ директоровъ, и они могутъ быть обращаемы въ нѣчто весьма похожее на игорные домá. Правда, и противъ игорныхъ домовъ съ точки зрѣнія чисто-юридической нельзя сказать ничего; но все-таки противъ нихъ представляются достаточно вѣскіе доводы съ разныхъ другихъ сторонъ. Мы увидимъ ниже, что относительно частныхъ банковъ наше законодательство именно въ настоящее время вступило на путь усиленія опеки, а потому и не представляется повода къ требованію о допущеніи для нихъ явочнаго порядка признанія. Но относительно обществъ страховыхъ и коммиссіонерскихъ такое требованіе кажется намъ не менѣе раціональнымъ, какъ и относительно всѣхъ прочихъ акціонерныхъ обществъ. Коммиссія объясняетъ, что она „признала болѣе осторожнымъ удержать для сего рода предпріятій нынѣ существующіе порядки". Но вѣдь сама же она сознала, что въ дѣлѣ разрѣшенія промышленныхъ предпріятій „сколь ни пристально вниманіе разсматривающаго вѣдомства и сколь ни добросовѣстно исполняетъ оно эту обязанность, едва-ли можно всегда разсчитывать на вполнѣ вѣрное съ его стороны рѣшеніе предстоящаго вопроса"..., что „администрація всегда стѣснена въ своихъ дѣйствіяхъ, походящихъ на препятствіе развитію промышленности",... что „такимъ образомъ, правительство поставлено въ опасность, особенно при уси-

ленныхъ вымогательствахъ учредителей и заинтересованныхъ лицъ, дать свое утвержденіе предпріятію, невыгодному или незрѣло обдуманному, недовольно прочному, основанному на одной только личной спекуляціи...“ Если таковыми признаются самой коммиссіею условія правительственнаго разрѣшенія, если на этомъ основаніи она и полагаетъ отмѣнить требованіе такого разрѣшенія, то много ли пользы слѣдуетъ ожидать отъ сохраненія этого требованія спеціально для страховыхъ и коммиссіонерскихъ обществъ?

Проектъ требуетъ, чтобы акціонерное общество не называлось по имени кого-либо изъ своихъ участниковъ, а было строго-анонимное, то-есть имѣло бы названіе по своему назначенію, а не по именамъ лицъ. Изъ постановленій о производствѣ подписки важнѣйшія слѣдующія: акціи при подпискѣ выпускаются не иначе какъ по нарицательной цѣнѣ, первый взносъ по акціямъ не долженъ быть менѣе 10% этой цѣны. Всѣ эти постановленія нельзя не признать произвольными и лишними. Не все ли равно какъ называется общество, если только извѣстно, что оно акціонерное, то-есть съ ограниченной отвѣтственностью? А чтобы это было извѣстно всѣмъ, гораздо цѣлесообразнѣе принять правило, существующее въ Англіи, по которому имя акціонерной компаніи никогда и ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть прописано, напечатано или выставлено безъ прибавленія слова limited. У насъ это слово можетъ быть замѣнено сокращеніями: „акц. общ.“ или „огранич. отв.“ Запрещать первый выпускъ акцій ниже нарицательной цѣны нѣтъ достаточнаго основанія. Правда, что это можетъ быть дѣлаемо для спекуляціи на возвышеніе цѣны акцій до образованія предпріятія, но всѣхъ спекуляцій не отвратишь законами. Еще менѣе основанія къ предполагаемому коммиссіею постановленію, что цѣна акціи должна быть не менѣе ста рублей? Положимъ, учредителямъ легче собрать средства на рискованныя предпріятія по меньшимъ суммамъ, но это все-таки не должно вести къ излишней регламентаціи; вѣдь никакимъ закономъ не отвратить того, чтобы человѣкъ, при желаніи, не проигралъ и послѣднюю копѣйку. Если же назначеніе сторублевой нормы, какъ сказано въ запискѣ, „вызывается практикой“, то стало быть не надо и закона. Если же это дѣлается преимущественно „во избѣжаніе слишкомъ мелкихъ процентныхъ бумагъ“, то какой же смыслъ имѣетъ это, когда у насъ существуютъ процентные банковые билеты 50-ти-рублеваго достоинства? Опредѣленіе минимума перваго взноса въ 10%, положимъ, не стѣснитъ никого, такъ какъ на практикѣ размѣръ взноса обыкновенно бываетъ выше. Но все-таки это опредѣленіе—лишнее. За то весьма существенно другое опредѣленіе, стоящее рядомъ съ этимъ, а именно, что поступающіе по акціямъ взносы не должны обращаться въ руки учредителей, но вноситься въ одно изъ кредитныхъ установленій, съ выдачею

квитанцій на имя самихъ подписчиковъ и съ воспрещеніемъ учредителямъ расходовать какую-либо часть этихъ денегъ до учрежденія общества. Это правило охраняетъ интересъ подписчиковъ въ то время, когда они сами еще не могутъ наблюдать за положеніемъ дѣла и представляетъ именно образецъ такихъ требованій безопасности, которыя раціонально утверждать закономъ, въ то время какъ назначеніе сторублевой нормы акцій представляетъ примѣръ противоположный, то-есть образецъ невѣрнаго направленія закона, стремленія его къ излишней опекѣ надъ самыми операціями компаній.

Далѣе, проектъ требуетъ, чтобы до занесенія новой компаніи въ главную акціонерную книгу были разобраны непремѣнно всѣ акціи, и чтобы было представлено свидѣтельство кредитнаго учрежденія въ пріемѣ слѣдующаго по нимъ взноса въ $10^0/_0$. Первое требованіе опять едва ли не излишне: отчего же не занести въ книгу и такое общество, которое реализировало пока только $^3/_4$ или хотя бы $^1/_2$ своего предположеннаго капитала, когда остальная половина капитала быть можетъ еще не потребуется при первыхъ дѣйствіяхъ компаніи? Постановляя это условіе, коммиссія имѣла въ виду „принять мѣры противъ возникновенія компаній невполнѣ устроенныхъ, безъ достаточнаго капитала (а если половина предположеннаго капитала достаточна на первое время?), имѣющихъ значеніе проектовъ, предлагаемыхъ публикѣ, часто съ преувеличенными обѣщаніями успѣха (не запретить ли рекламу?), а не предпріятій основательныхъ“. Но здѣсь опять-таки проектъ задаетъ себѣ такія цѣли, которыхъ никакой законъ достигнуть не можетъ. Вѣдь явочный отдѣлъ не можетъ заставить компанію, чтобы въ виду ея предпріятія она собрала непремѣнно такой-то капиталъ? Вѣдь если составится компанія для осушенія всѣхъ болотъ сѣверной Россіи съ капиталомъ въ 700 рублей, раздѣленнымъ на 7 акцій, то явочный отдѣлъ *обязанъ будетъ* признать эту компанію, такъ какъ въ ней, согласно нынѣшнему проекту, не менѣе 7-ми участниковъ, изъ которыхъ трое будутъ членами правленія, а трое членами ревизіонной коммиссіи. Если такая компанія составится и взносы по ея акціямъ всего 70 р. будутъ внесены въ банкъ, 25 р. пошлины будутъ представлены при явкѣ и изъявлено будетъ согласіе заплатить при регистраціи пошлину въ 50 коп. за 700 рублей все-равно какъ бы за одну тысячу, то явочный отдѣлъ, повторяемъ, обязанъ будетъ признать такую компанію, несмотря на очевидное несоотвѣтствіе ея средствъ съ ея задачею—или же нѣтъ? Вотъ что спрашивается. Если—да, въ такомъ случаѣ, отчего же онъ долженъ не признавать компанію, реализировавшую милліонъ рублей капитала, потому только что въ проектѣ, еще оффиціально не признанномъ, стало быть не обязательномъ—полный капиталъ былъ предположенъ учредителями въ 2 милліона? Если—нѣтъ, если явочный от-

дѣлъ можетъ отказать въ признаніи компаніи, которой средства и хотя бы самая цѣль кажутся ему недостаточно солидными, въ такомъ случаѣ явка будетъ уже не явка, а то же самое испрошеніе разрѣшенія, какое существуетъ нынѣ, и явочный отдѣлъ до занесенія компаніи въ свою книгу будетъ, стало быть, имѣть право и обязанность не только провѣрять ея уставъ съ требованіями закона, но и подвергать критикѣ вопросъ о самой возможности, выгодности и устойчивости предпріятія.

Мы именно потому настаиваемъ на этихъ нѣсколькихъ чертахъ проекта, что не можемъ разсматривать всѣхъ его положеній во всей подробности. Мы хотимъ только уяснить твердую точку воззрѣнія на это дѣло, а затѣмъ уже само собою окажется, что́ по нашему мнѣнію полезно удержать въ проектѣ, и что́ лучше выдѣлить изъ него въ нормальный, но не обязательный уставъ, и что́ полезно выкинуть. Одно изъ двухъ: или предполагается, что правительство будетъ совершенно нейтрально въ акціонерныхъ компаніяхъ, озаботившись только соблюденіемъ нѣсколькихъ требованій, ограждающихъ права акціонеровъ и устраненіе обмана публики подтасовкою балансовъ; въ такомъ случаѣ проектъ коммиссіи можно сократить на половину. Или же предполагается оставить за правительствомъ роль акціонернаго провидѣнія, желающаго обезпечить прочность, благополучіе и успѣхъ всѣхъ акціонерныхъ обществъ въ Россіи—въ такомъ случаѣ слѣдуетъ оставить нынѣ существующій порядокъ, а возлагать эту роль на одинъ *законъ* нѣтъ никакой возможности, потому что никакой законъ не можетъ предвидѣть и десятой доли тѣхъ превратностей, какимъ подвержено всякое промышленное, и тѣмъ болѣе товарищеско - промышленное дѣло.

Придерживаясь этого взгляда, мы полагаемъ, что самая существенная часть закона должна быть именно та, которая относится къ внутреннему управленію акціонерныхъ компаній: всегдашняя полная зависимость предпріятія отъ общаго собранія и устраненія возможности составлять искусственное большинство, отвращеніе захватовъ власти—вотъ тѣ условія, которыя всего нужнѣе опредѣлить закономъ. Затѣмъ, личный интересъ акціонеровъ представитъ не только лучшую, но единственно-возможную гарантію правильности веденія дѣла. Что касается публики, то интересъ ея лучше всего ограждается гласностью и полной ясностью счетовъ, отчетовъ и балансовъ. Ближайшія постановленія въ томъ и другомъ смыслѣ могутъ, разумѣется, быть весьма различны. Такъ, напримѣръ, можно опредѣлить, какъ то принято въ проектѣ, что право голоса должно принадлежать каждому акціонеру, владѣющему количествомъ акцій по нарицательной цѣнѣ на одну сотую часть основнаго капитала, чтобы никто не имѣлъ болѣе четырехъ голосовъ и т. п., или же постановить, что каждая акція даетъ право

на голосъ, какъ то принято въ общемъ принципѣ закона въ Англіи и Германіи. Можно допустить, что для законности общаго собранія необходимо присутствіе по меньшей мѣрѣ владѣльцевъ половины основнаго капитала, если рѣшаются опредѣленные коренные вопросы, и владѣльцевъ только одной пятой части капитала, если рѣшенію подлежатъ вопросы менѣе важные. Сущность въ томъ, чтобы законъ опредѣлялъ нѣкоторыя условія съ этой цѣлью и притомъ, само собою разумѣется, что чѣмъ требовательнѣе въ этомъ отношеніи будетъ законъ, тѣмъ лучше. Правила о внутреннемъ управленіи компаній, какъ они предположены проектомъ, могутъ быть признаны раціональными, но мы совѣтовали бы исключить изъ закона всѣ тѣ опредѣленія, въ которыхъ говорится, что установленіе того или иного правила зависитъ отъ уставовъ самыхъ компаній; что̀ закономъ не опредѣляется, то и не должно входить въ законъ.

Коммиссія, сочинившая этотъ проектъ, какъ видно, была составлена изъ молодыхъ, способныхъ администраторовъ, или лучше сказать спеціалистовъ по административнымъ вопросамъ. Быть можетъ, тѣ предположенія, на которыхъ она остановилась, покажутся нѣкоторымъ администраторамъ болѣе стараго закала верхомъ либерализма; уже одно допущеніе въ принципѣ, что акціонерныя или все-равно какія бы то ни были общества могутъ возникать безъ правительственнаго утвержденія, можетъ показаться нѣкоторымъ консерваторамъ формъ черезъ-чуръ смѣлымъ нововведеніемъ. Но составители проекта все-таки и мимо воли внесли въ свой проектъ слишкомъ много административно-регулятивнаго элемента. Для чего, напримѣръ, полагаютъ они опредѣлить, что временныя свидѣтельства должны быть непремѣнно именныя, и разсуждается о томъ, есть ли или нѣтъ препятствія къ допущенію безъименныхъ акцій? Это совсѣмъ не дѣло закона, и ни къ чему не нужно. Временныя свидѣтельства должны быть именныя, говоритъ записка, потому что они представляютъ неоплаченный долгъ, и если будутъ передаваться изъ рукъ въ руки мимо правленія общества, то правленіе будетъ лишено возможности имѣть какое-либо существенное наблюденіе за внесеніемъ акціонернаго капитала. Да вѣдь въ самомъ же проектѣ все-таки предусматривается просрочка взносовъ по временнымъ свидѣтельствамъ, полагается за просрочку штрафъ и даже разрѣшается продажа такихъ просроченныхъ свидѣтельствъ въ дупликатѣ. Спрашивается, что же еще требуется для наблюденія за своевременностью взносовъ? Излишнимъ намъ кажется и постановленіе относительно крайняго срока реализаціи основнаго капитала (3 года). Но едва ли не самымъ излишнимъ изъ всѣхъ постановленій проекта представляется слѣдующее курьезное опредѣленіе. Коммиссія входила въ разсмотрѣніе, можно ли считать „невещественнымъ вкладомъ“, дающимъ право на вознагражденіе акціями — правительствен-

ную концессію, и рѣшила, что такъ какъ „концессія есть только разрѣшеніе привести въ исполненіе какое-либо общеполезное предпріятіе, при чемъ принимается во вниманіе не изобрѣтательность концессіонера (!), а собственно степень его оплатности или его распорядительныя способности (какъ будто концессія есть дипломъ, выдаваемый за распорядительность, подобно тому какъ выдаются медали за спасеніе погибавшихъ, или монтіоновская премія за добродѣтель), коммиссія остановилась на мнѣніи, что концессія отъ правительства или отъ городскаго или другого общества предоставляемая, не можетъ быть предметомъ особаго вознагражденія и что концессіонеры имѣютъ основаніе домогаться только возмѣщенія понесенныхъ ими расходовъ. Къ разряду концессій, по коимъ не должно быть допускаемо вознагражденій акціями, по мнѣнію коммиссіи, должны быть относимы и привилегіи, выдаваемыя на устройство пароходства по рѣкамъ, озерамъ и морямъ". Но кто же отдастъ концессію иначе какъ по той цѣнѣ, которую признаетъ самъ для себя выгодною? Затѣмъ, будетъ ли сумма, выпрошенная концессіонеромъ при переуступкѣ концессіи, пониматься какъ одно возмѣщеніе расходовъ, или какъ реализація преміи, данной ему за природный талантъ распорядительности, или просто какъ барышъ—не все ли это равно, и къ чему тутъ философское изслѣдованіе? Если же концессіонеръ хочетъ получить цѣну за концессію акціями той компаніи, которая пріобрѣтаетъ у него концессію, то для чего запрещать это? И развѣ онъ, если непремѣнно хочетъ имѣть ея акціи, не можетъ, получивъ продажную сумму въ видѣ возмѣщенія расходовъ, обратить ее на покупку акцій той же компаніи?

Этихъ общихъ замѣчаній совершенно достаточно, чтобы уяснить нашъ взглядъ на то, чего долженъ и чего не долженъ требовать спеціальный законъ объ акціонерныхъ обществахъ. Но такъ какъ насъ приглашаютъ высказать мнѣніе о данномъ проектѣ, то мы въ заключеніе скажемъ, что изъ 194-хъ статей, составляющихъ предположенный уставъ, по нашему мнѣнію, достаточно удержать около половины статей: 1, 4, 7, 9, 10, 14, 17, 18, 21, 25, 26, 27, 30, 34, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 43, 46, 53, 58, 61—66, 68, 70, 78, 80, 82, 84, 86, 88, 89, 92, 93, 95, 96, 101, 103, 104, 108, 111, 112, 116 и 131—186. Раздѣлъ второй и всѣ опущенныя нами статьи перваго казалось бы возможнымъ вовсе исключить изъ проекта, какъ содержащія частью постановленія излишнія въ виду дѣйствія общихъ гражданскихъ законовъ, а частью, какъ вводящія излишнюю регламентацію въ промышленныя условія дѣла. Такимъ образомъ, останется уставъ чисто-спеціальный, и притомъ опредѣляющій только то, что можетъ быть съ пользою опредѣляемо закономъ.

Мы уже сказали, что въ числѣ компаній, для учрежденія которыхъ коммиссія полагала оставить въ силѣ испрошеніе разрѣшенія правительства въ нынѣшнемъ порядкѣ, находятся и частные акціонерные банки. Мы должны теперь сказать нѣсколько словъ о частныхъ банкахъ особо, потому что о нихъ опубликованъ уже послѣ составленія проекта коммиссіи, а именно въ концѣ іюня, новый временный законъ (выс. утв. мн. гос. сов. 31-го мая). Нельзя отрицать, что въ нашемъ обществѣ въ послѣднее время возникло нѣкоторое „неловкое чувство" и даже опасеніе, при видѣ быстраго увеличенія числа частныхъ банковъ. Слишкомъ семьдесятъ частныхъ банковъ на Россію, по нѣскольку банковъ на одинъ городъ—это кажется какъ будто что-то много. Откуда, говорятъ, явилась у насъ вдругъ такая потребность въ кредитѣ и соотвѣтствуетъ ли ей развитіе нашей промышленности? Заговорили о „широкой натурѣ" русскаго человѣка, при которой легкость кредита особенно опасна и т. д. А вѣдь давно ли кажется со всѣхъ сторонъ только и было жалобъ, что на отсутствіе у насъ кредита, на трудность добыть денегъ и на безпомощное, вслѣдствіе того, положеніе у насъ и земледѣлія, и промышленности. Натуру мы, можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ имѣемъ „широкую", но замѣчательно, что за послѣднія лѣтъ 10—12 „ширина" нашей натуры проявляется гораздо болѣе въ опасливости, въ вѣчной неувѣренности въ собственныхъ желаніяхъ, чѣмъ въ какихъ-либо увлеченіяхъ или настойчивомъ стремленіи куда-либо безъ оглядки, съ полной увѣренностью въ себѣ—чтó, казалось бы, болѣе соотвѣтствуетъ понятію о „широкой натурѣ". Нѣтъ того новаго права, той новой свободы, которой мы сами тотчасъ бы не испугались вслѣдъ за пріобрѣтеніемъ ихъ. Семьдесятъ частныхъ банковъ въ Россіи—по одному на милліонъ душъ, развѣ ужъ это такъ страшно? Вѣдь въ Соединенныхъ Штатахъ, по такому отношенію, должно бы быть не болѣе 30-ти или 40-ка частныхъ банковъ, а сколько ихъ тамъ? Конечно, намъ на это могутъ возразить: „то Америка!"—какъ большинство возражало Тьеру, сославшемуся на примѣръ Швейцаріи—„то Швейцарія!" Но вѣдь это, собственно говоря, не резонъ. Пусть частныхъ банковъ будетъ слишкомъ много—это скоро окажется, и число ихъ сократится. Вотъ въ Петербургѣ теперь, говорятъ, дано разрѣшеніе на постройку 130-ти домовъ. Почемъ знать, можетъ быть такое число новыхъ домовъ и не вызывается дѣйствительной потребностью, можетъ быть такіе размѣры одновременнаго строительства не соотвѣтствуютъ существующимъ цѣнамъ на матеріалы, можетъ быть, не малая часть предпринимателей построекъ окажутся несостоятельными и оставятъ подрядчиковъ и рабочихъ безъ уплаты. Что же, не воспретить ли половину задуманныхъ построекъ, не ограничить ли ихъ произвольной нормою „благоразумныхъ размѣровъ?"

Но банки, скажутъ намъ, — другое дѣло; такъ всегда разсуждаютъ сторонники изъятій изъ всякаго признаваемаго ими принципа: банки принимаютъ вклады и отвѣчаютъ за нихъ — рѣчь идетъ о банкахъ акціонерныхъ — только ограниченнымъ капиталомъ, который далеко не равенъ суммѣ ихъ оборотовъ; притомъ же, банковое дѣло — темное, неудобопонятное для публики; кто ихъ знаетъ, что́ они тамъ въ дѣйствительности дѣлаютъ съ ввѣряемыми имъ вкладами, кто поймегь ихъ активы и пассивы, кто помѣшаетъ имъ, съ капиталомъ въ 50 т. р., дѣлать милліонныя дѣла? Никто, отвѣтимъ мы, не помѣшаетъ потерять деньги такъ или иначе такому человѣку, который отдаетъ ихъ въ дѣло ему совершенно-непонятное, въ руки учрежденій, которымъ самъ не имѣетъ причины довѣрять. Сочтите, на какую сумму объявляется у насъ ежегодно торговая несостоятельность и тогда убѣдитесь, что дѣло не въ банкахъ, а просто — откровенно говоря — въ недостаткѣ честности съ одной стороны, и разумѣнія съ другой. Какъ будто только акціонерныя предпріятія бываютъ дутыя, какъ будто тотъ капиталъ, который въ сложности выручается кредиторами при ликвидаціи несостоятельныхъ торговыхъ фирмъ, болѣе соотвѣтствуетъ ихъ пассиву, чѣмъ основной капиталъ акціонерныхъ банковъ соотвѣтствуетъ суммѣ ихъ обязательствъ? При торговой несостоятельности получить 25% считается благодѣяніемъ, а получается нерѣдко менѣе 10%. Если мы сознаемъ, что само общество не въ состояніи разобрать, какой частный банкъ заслуживаетъ довѣрія, и какой нѣтъ, если мы признаемъ, что только близкій контроль правительства можетъ у насъ служить гарантіею кредитныхъ операцій, то въ такомъ случаѣ логично просто вернуться къ полной кредитной привилегіи государственнаго банка и ходатайствовать, чтобы недвижимыя имущества вновь принимались въ залогъ въ опекунскомъ совѣтѣ. Отдѣленій государственныхъ банковъ можно устроить сколько угодно, хоть по одному въ каждой губерніи. Казна уже производитъ у насъ крупнѣйшія изъ всѣхъ операцій — выкупъ крестьянскихъ земель и выпускъ желѣзно-дорожныхъ облигацій. Пусть она завѣдуетъ и всѣмъ банковымъ дѣломъ, возьметъ на себя дѣла всѣхъ 222-хъ городскихъ общественныхъ банковъ въ Россіи, и затѣмъ можно попробовать возложить на нее и нѣкоторые виды торговой дѣятельности, особенно торговлю хлѣбомъ, для равнаго обезпеченія всѣхъ губерній отъ голода.

Говоря такъ, мы никакъ не хотимъ отвергать раціональности многихъ постановленій новаго, временного закона о банкахъ. Вполнѣ раціональны изъ нихъ тѣ именно, которыя направлены къ устраненію злоупотребленій и обмана. Таково предоставленіе министру финансовъ права установлять для публикуемыхъ кредитными учрежденіями ба-

лансовъ обязательную форму, съ показаніемъ отдѣльными итогами каждаго рода производимыхъ операцій. Ограниченіе суммы бланковыхъ кредитовъ также можетъ быть предметомъ спеціальнаго закона о банкахъ: новый законъ постановляетъ въ этомъ отношеніи, что бланковые кредиты, разрѣшаемые банками для ихъ кліентовъ, то-есть платежи за счетъ кліентовъ свыше наличности ихъ текущаго счета или ихъ залоговъ, не должны въ совокупности своей превосходить $^1/_{10}$ дѣйствительно внесеннаго основнаго и запаснаго капиталовъ банка и не могутъ простираться срокомъ долѣе 30-ти дней, по истеченіи которыхъ такіе платежи на вѣру должны быть или обезпечены, или же взысканы подъ отвѣтственностью членовъ банковаго управленія.

Новый законъ воспрещаетъ еще производить учетъ векселей съ одной подписью, безъ обезпеченія, или съ обезпеченіемъ въ недвижимомъ имуществѣ, и вообще воспрещаетъ кредитнымъ установленіямъ пріобрѣтать недвижимыя имущества, кромѣ помѣщеній и вкладовъ, нужныхъ имъ самимъ. Запрещается также отчисленіе особыхъ премій изъ прибылей банковъ на учредительскіе паи и акціи. Есть еще постановленія, опредѣляющія норму высшаго размѣра кредита членамъ; наконецъ, установляется правиломъ, что лица, состоящія членами одного общества *взаимнаго* кредита, не должны въ то же время быть членами другого такого же общества. Всѣ эти требованія—которыхъ благоразуміе достаточно ясно — удобно могутъ быть предъявляемы къ банкамъ закономъ. Но мы не скажемъ того же о нѣкоторыхъ иныхъ изъ постановленій новаго закона, обнаруживающихъ именно стремленіе обезпечить прочность всего кредитнаго дѣла у насъ посредствомъ регламентаціи. Сюда относятся слѣдующія постановленія новаго закона: учрежденіе вновь акціонерныхъ коммерческихъ банковъ въ тѣхъ городахъ, гдѣ существуетъ хотя бы одинъ такой акціонерный банкъ, пріостанавливается впредь до особаго разрѣшенія; основной капиталъ банка долженъ составлять не менѣе 500 т. р., и акціи не должны быть выпускаемы ниже 250-ти р. каждая; земельныхъ банковъ, акціонерныхъ или на круговомъ ручательствѣ, не можетъ быть въ одной губерніи болѣе двухъ, кромѣ общества взаимнаго поземельнаго кредита; наконецъ—министру финансовъ предоставляется требовать въ нужныхъ случаяхъ „объясненій“ отъ частныхъ банковъ относительно ихъ операцій. Намъ кажется, что черта, отдѣляющая тѣ постановленія, которыя мы исчислили теперь, отъ постановленій, которымъ мы дали надлежащую цѣну, довольно опредѣлительна.

Въ концѣ іюня и въ началѣ іюля опубликованы были въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ два новыя постановленія, представляющія измѣненія судебныхъ уставовъ. Первое изъ нихъ (выс. утверж. мн.

гос. сов. 21-го мая) касается ревизіи судебныхъ установленій министромъ юстиціи. По ст. 256-й учрежденія судебныхъ установленій, министръ юстиціи можетъ производить ревизію этихъ установленій лично или чрезъ своего товарища, а обревизованіе окружныхъ судовъ и мировыхъ установленій поручать членамъ судебныхъ палатъ. Теперь, въ дополненіе этой статьи, министру юстиціи предоставлено, независимо отъ обревизованія судебныхъ установленій порядкомъ указаннымъ въ ней, а также и прежде назначенія ревизіи, поручать оберъ-прокурорамъ кассаціонныхъ департаментовъ сената, ихъ товарищамъ, прокурорамъ судебныхъ палатъ и предсѣдателямъ окружныхъ судовъ—обозрѣніе дѣлопроизводства окружныхъ судовъ и мировыхъ установленій. Такъ какъ цѣлью такого обозрѣнія указывается „собственно извлеченіе необходимыхъ для министерства свѣдѣній", то дѣйствительное значеніе новаго правила можетъ выясниться только при примѣненіи его на практикѣ. Въ общемъ же смыслѣ его можно охарактеризовать только, какъ нѣкоторое усиленіе административнаго надзора.

Другой, новый законъ представляется высочайше утвержденною 7-го іюня, по докладу министра юстиціи, новой редакціею статей устава уголовнаго судопроизводства, относящихся къ судопроизводству по государственнымъ преступленіямъ. До сихъ поръ, на основаніи ст. 1030-й устава уголовнаго судопроизводства, государственныя преступленія вѣдались или судебными палатами (когда государственное преступленіе заключаетъ въ себѣ отдѣльное злоупотребленіе одного или нѣсколькихъ лицъ), или верховнымъ уголовнымъ судомъ, въ случаѣ если обнаруженъ общій заговоръ въ разныхъ частяхъ государства противъ верховной власти, и послѣдуетъ указъ о разсмотрѣніи дѣла въ такомъ судѣ. Итакъ, во всѣхъ случаяхъ, когда не назначается верховный уголовный судъ, дѣла о государственныхъ преступленіяхъ рѣшались въ судебной палатѣ и притомъ (ст. 1032) въ той судебной палатѣ, въ округѣ которой преступленіе совершилось. Дѣла эти рѣшались безъ участія присяжныхъ, но съ присоединеніемъ къ присутствію палаты губернскаго и уѣзднаго предводителей дворянства, городского головы и волостного головы или старшины. При томъ ст. 1051-я опредѣляла, что „въ составъ судебной палаты призываются губернскій предводитель именно той губерніи, гдѣ учреждена палата, уѣздный предводитель одного изъ уѣздовъ, состоящихъ въ округѣ мѣстнаго окружнаго суда, городской голова изъ того же округа, и волостной старшина изъ того же уѣзда". Такимъ образомъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда предполагалось учреждать особый верховный уголовный судъ, у насъ въ обыкновенное время постоянно не было никакого суда, спеціально назначеннаго изъ

избранныхъ для этого лицъ, для завѣдыванія преступленіями государственными. Судебная палата существуетъ въ каждомъ округѣ изъ нѣсколькихъ губерній и личный составъ уголовнаго департамента ея опредѣляется въ виду сужденія о преступленіяхъ всѣхъ вообще видовъ, а не спеціально какого-либо одного. Такъ и сословные представители, присоединяемые къ составу палаты при сужденіи о государственныхъ преступленіяхъ, не избирались для этого изъ числа сословныхъ представителей всего государства, но именно изъ мѣстныхъ, изъ состоящихъ на службѣ въ томъ округѣ, гдѣ преступленіе совершилось.

Эти постановленія измѣняются теперь такимъ образомъ: дѣла о государственныхъ преступленіяхъ вѣдаются судебными палатами только въ томъ случаѣ, когда преступленіе не влечетъ за собою лишенія или ограниченія правъ состоянія, во всѣхъ же прочихъ случаяхъ — особымъ присутствіемъ сената, и затѣмъ, въ особыхъ случаяхъ (какъ было и прежде) верховнымъ уголовнымъ судомъ. Такимъ образомъ установляется постоянный, спеціальный судъ для государственныхъ преступленій, каковымъ и будетъ особое присутствіе сената, состоящее изъ первоприсутствующаго и пяти сенаторовъ, назначаемыхъ верховной властью. Къ составу этого присутствія для суда по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ также присоединяются сословные представители, но какъ составъ суда уже не зависитъ отъ мѣстности, то и эти представители избираются изъ числа состоящихъ на службѣ по всему государству, безъ всякаго ограниченія, а именно: одинъ изъ губернскихъ предводителей дворянства, одинъ изъ уѣздныхъ предводителей, одинъ изъ городскихъ головъ европейской Россіи, и одинъ изъ волостныхъ старшинъ Петербургской губерніи. Итакъ, ограниченіе по мѣстности допущено только для послѣдняго. Сословные представители назначаются для этой цѣли вновь на каждый годъ. Это и есть важнѣйшая часть новаго постановленія. Затѣмъ въ немъ находятся еще нѣсколько нелишенныхъ значенія новыхъ опредѣленій. Такъ въ новой редакціи постановляется, что судебныя пренія въ особомъ присутствіи сената происходятъ отдѣльно: 1) относительно вины или невиновности подсудимаго, и 2) о наказаніи, которому онъ, въ случаѣ виновности, подлежитъ по закону. Сословные представители участвуютъ, впрочемъ, наравнѣ съ сенаторами, какъ въ опредѣленіи вины, такъ и въ постановленіи приговора. Такъ, еще, въ новой редакціи, мы находимъ не только прежнюю (1056) статью, въ силу которой судебное слѣдствіе и пренія, по обвиненію подсудимыхъ въ произнесеніи дерзкихъ оскорбительныхъ словъ противъ Государя и членовъ императорскаго дома, происходятъ при закрытыхъ дверяхъ, что раціонально и совершенно-опредѣлительно, но еще и слѣдующую добавку

въ той статьѣ: „дѣла о другихъ государственныхъ преступленіяхъ разсматриваются въ публичномъ или закрытомъ судебномъ засѣданіи, по усмотрѣнію суда, отъ котораго зависитъ закрыть двери засѣданія и на какія-либо отдѣльныя судебныя дѣйствія до объявленія судебныхъ преній прекращенными". Напомнивъ, что въ судебныхъ преніяхъ включается и защита, выразимъ надежду, что въ приведенномъ постановленіи не отразилось негодованіе нѣкоторыхъ наивныхъ консерваторовъ противъ гласности защитительныхъ рѣчей въ извѣстномъ нечаевскомъ процессѣ. Вспомнимъ, что именно благодаря такой полной гласности оно и было низведено въ общественномъ мнѣніи со всякаго, даже самаго низкаго пьедестала. Хотя государственныя преступленія у насъ и представляются жалкими, безумными попытками, въ виду крѣпкой преданности правительству всего народа, но мы готовы признать, что судъ по преступленіямъ такого рода долженъ быть строгъ; все, о чемъ справедливо, какъ намъ кажется, еще заботиться при этомъ, состоитъ въ томъ, чтобы судъ былъ все-таки по возможности самостоятеленъ и по возможности менѣе исключительнаго характера.

Вслѣдъ за этими мѣрами мы съ удовольствіемъ укажемъ на постановленіе, представляющее очевидный шагъ впередъ, шагъ къ преобразованію распредѣленія податного бремени. Мы говоримъ о новыхъ смѣтахъ и раскладкахъ государственныхъ земскихъ повинностей на трехлѣтіе съ текущаго года. Новыя смѣты не уменьшаютъ суммы государственнаго земскаго сбора, а напротивъ увеличиваютъ ее. На трехлѣтіе съ 1869 года она составляла до 19 мил. 959 т. р., а на трехлѣтіе съ 1872 года она составляетъ, вмѣстѣ съ расходами по набору, около 22 милл. 762½ т. р., то-есть составляетъ болѣе прежняго въ каждый годъ на 2 м. 897 т. р., и въ три года 8 м. 691 т. р. Причитая же къ суммѣ 22 милл. 762½ т. р. еще 2½ милл. р., которые положено покрыть изъ остатковъ, получается общая сумма 25 милл. 275 т. р. Итакъ, нынѣшняя сумма превышаетъ прежнюю, и новыя смѣты, стало быть, никакого облегченія не представляютъ. Но шагъ впередъ представляется не ими, а способомъ раскладки этой суммы; часть ея сносится съ подушнаго сбора и обращается на землю, стало быть упадаетъ безразлично на всѣхъ землевладѣльцевъ. Вслѣдствіе того, хотя нынѣшняя общая сумма повинностей и больше прежней, но собственно та часть ея, которая будетъ падать исключительно только на одни податныя сословія, противъ прежняго значительно уменьшилась, а именно въ годъ на около 5 милл. 182½ т. р., а въ три года на 15½ милл. р.

Какимъ же образомъ это достигнуто? Два года тому назадъ, а

именно 1 іюля 1870 года, высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ государственнаго совѣта, было постановлено: при составленіи смѣтъ и раскладокъ государственныхъ земскихъ повинностей на трехлѣтіе съ 1872 года, *четвертую часть* всей общей смѣтной суммы тѣхъ повинностей обратить на сборъ съ удобныхъ земель, подлежащихъ обложенію, на мѣстныя земскія повинности. При этомъ министру финансовъ было предоставлено сборъ этотъ при раскладкѣ распредѣлить по разрядамъ губерній, соразмѣрно поземельнымъ производительнымъ силамъ каждой изъ нихъ, а раскладку остальныхъ затѣмъ трехъ четвертей упомянутой смѣтной суммы оставить на прежнемъ основаніи. Между тѣмъ манифестомъ 15 декабря 1870 г. повелѣно было издержки по набору 1871 года на обмундированіе, провіантъ и жалованье рекрутамъ, а именно: 2 милл. 391 т. р. отнести на счетъ государственнаго земскаго сбора. Въ бюджетѣ его это уже составило новый расходъ, и министерство финансовъ признало справедливымъ этотъ новый расходъ обратить, уже не въ одной четвертой части, но цѣликомъ на удобныя земли, сверхъ отнесенной на ихъ четвертой части общаго сбора. Такимъ образомъ, и изъ издержекъ по рекрутскому набору только часть падаетъ на крестьянъ, а остальная часть на земли, принадлежащія другимъ владѣльцамъ.

Итакъ, если изъ общей суммы государственныхъ повинностей 25 милл. 275 т. р. мы исключимъ 2 милл. 391 т. р. расходовъ по набору, относимыхъ цѣликомъ на удобныя земли всѣхъ владѣльцевъ, то останется цифра 22 милл. 884 т. р. Вотъ изъ этой-то суммы одна четвертая часть, а именно 5 милл. 721 т. р. должна также, какъ выше сказано, пасть на удобныя земли. Такимъ образомъ, на земли должны были пасть изъ около 25-ти милл.—8 слишкомъ милл. р.

Затѣмъ все распредѣленіе приведенной общей цифры государственныхъ повинностей 25 милл. 275 т. р. въ годъ, представляется въ слѣдующемъ видѣ:

покрывается изъ остатковъ		2.500.000
исчислено по раскладкѣ	съ торговыхъ свидѣтельствъ	704.370
	съ удобныхъ земель	8.086.925
	подушнаго сбора	13.971.300 р.

Такимъ образомъ, повторимъ, подушный сборъ, составлявшій въ раскладкѣ прежняго трехлѣтія болѣе 19 милл. р., теперь составляетъ только сумму нѣсколько менѣе 14-ти милл. Стало быть, съ крестьянъ и мѣщанъ снято подушнаго бремени, которое несли они одни, болѣе 5 милл. р. Въ ближайшемъ практическомъ послѣдствіи это уменьшеніе, конечно, будетъ едва чувствительно, въ особенности для крестьянъ.

Когда вся сумма покрывалась подушной податью, съ добавкою сбора съ торговыхъ свидѣтельствъ, то средній окладъ государственныхъ повинностей для податного лица былъ 78 коп. (въ прошлое трех-

лѣтіе); теперь, для мѣщанина, который поземельному сбору не подлежитъ, средній окладъ составитъ 54¼ коп., то-есть на 23¾ к. менѣе. Но для крестьянъ уменьшеніе будетъ гораздо менѣе, такъ какъ хотя сумма подушнаго сбора и уменьшена на слишкомъ 5 милл. р., но за то съ крестьянъ будетъ слѣдовать поземельный налогъ, котораго сумма собственно съ крестьянскихъ земель составитъ до 4 м. 700 т. р. Разница въ пользу крестьянъ составитъ всего какихъ-нибудь полмилліона. Если считать всѣхъ податныхъ вмѣстѣ, то на душу будетъ причитаться теперь подушнаго и поземельнаго сборовъ только 72½ коп. вмѣсто прежнихъ 78; но если сравненіе дѣлать для мѣщанъ отдѣльно и отдѣльно для крестьянъ, то окажется, что крестьянскій платежъ облегчится всего какихъ-нибудь 2½ к. на душу.

Но значеніе принятой нынѣ мѣры и не заключается въ непосредственномъ облегченіи податного бремени, а въ приближеніи къ тому пути уравненія налоговъ, которымъ такое облегченіе можетъ быть достигнуто впослѣдствіи. При принятомъ нынѣ способѣ раскладки, на трехлѣтіе съ 1872 г. къ сбору на государственныя повинности, доселѣ почти исключительно взимавшемуся съ крестьянъ и мѣщанъ въ видѣ подушной подати, впервые привлекаются вообще удобныя земли, независимо отъ личности владѣльцевъ, и цѣлью при этомъ указывается „болѣе уравнительное между всѣми сословіями распредѣленіе отбыванія земскихъ повинностей.“ Повторяя общеизвѣстную истину, что посредствомъ уравненія налоговъ можетъ состояться и облегченіе ихъ, мы должны при этомъ однакожъ оговориться другимъ, не менѣе очевиднымъ фактомъ, что если повинности все-таки будутъ значительно рости, то и посредствомъ уравненія онѣ не облегчатся. Такъ, въ спеціальномъ примѣненіи къ предмету, о которомъ мы говорили, замѣтимъ, что въ распоряженіи министерства финансовъ при составленіи смѣты и раскладки повинностей на трехлѣтіе съ 1872 года было свободныхъ остатковъ, образовавшихся по тѣмъ же сборамъ съ 1853 по 1865 годъ, 12 милл. р. Если бы ихъ сполна зачесть въ сумму 25-ти милл. предположеннаго сбора, то это дало бы возможность уменьшить эту сумму до 4 милл. р. въ годъ, то-есть понизить ее до 21 милл. Между тѣмъ изъ приведенныхъ остатковъ на трехлѣтіе зачтено только по 2½ милл. р. въ годъ, какъ уже было сказано выше, то-есть 7½ милл., а остальные 4½ милл. признано необходимымъ оставить въ запасѣ, по предвидѣнію новыхъ расходовъ, изъ которыхъ наиболѣе существенные были заявлены военнымъ министромъ. Военнымъ министромъ, какъ мы слышали, было замѣчено, что при первоначальномъ составленіи смѣтъ государственныхъ повинностей не было принято въ соображеніе, что вслѣдъ за преобразованіемъ арміи потребуется повсемѣстная постройка казармъ, причемъ окажутся необходимыми если не безвозвратныя затраты

государственнаго сбора, то болѣе или менѣе значительныя ссуды изъ него для лицъ или земскихъ обществъ, которыя примутъ эту постройку на свои капиталы. Кромѣ того, по исчисленію военнаго же министерства, на непосредственные расходы по случаю предстоящаго образованія новыхъ частей войскъ и заготовленія на новыхъ началахъ резервныхъ и запасныхъ частей арміи потребуется 695 т. р. По этимъ соображеніямъ военный министръ и требовалъ, чтобы при составленіи общей раскладки на трехлѣтіе, или были увеличены на нѣсколько процентовъ и душевой и поземельный оклады, или же чтобы прежніе остатки не были зачитаемы полностью.

Министерство финансовъ, какъ мы видѣли, не воспользовалось первымъ изъ указанныхъ военнымъ министерствомъ способовъ, а предпочло второй, именно оставило часть остатковъ въ запасѣ. Вообще, надо сознаться, что предпринятое преобразованіе состава арміи, съ громаднымъ возростаніемъ ея бюджета, и по содержанію, и по вооруженіямъ, и по постройкамъ, по всей вѣроятности, заставитъ государство вести податную реформу скорѣе къ изысканію новыхъ податныхъ рессурсовъ, чѣмъ къ облегченію существующаго бремени податей.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го августа, 1872.

Грантъ или Грили?

Соединеннымъ Штатамъ предстоитъ въ нынѣшнемъ году перемѣна правительства. Генералъ Улиссъ Грантъ вступилъ въ должность президента сѣвероамериканской республики 4-го марта 1869 года; того же числа, въ будущемъ году, долженъ вступить въ должность новый президентъ: преемникъ Гранта или самъ Грантъ, если будетъ избранъ на новый срокъ. Вѣроятно или невѣроятно избраніе вновь Гранта, кто его соперникъ на выборахъ, и въ какой мѣрѣ борьба принциповъ замѣшана въ борьбу личностей — вотъ что мы должны разсмотрѣть.

Президентъ избирается на четыре года: прежній президентъ можетъ быть избранъ вновь. Грантъ—восемнадцатый президентъ съ основанія Союза. Примѣры вторичнаго избранія президента были не рѣдки, особенно въ первое полустолѣтіе исторіи Союза. Если Грантъ будетъ теперь избранъ на новое четырехлѣтіе съ 1873 года, то при немъ будетъ праздноваться столѣтіе освобожденія американскихъ штатовъ отъ власти Англіи, которое исполнится въ 1776 году. Новый президентъ вступаетъ въ должность въ мартѣ, но избраніе его происходитъ въ предшествующемъ ноябрѣ, а именно въ первый вторникъ ноября четвертаго года со дня избранія. Вторникъ 24-го октября нынѣшняго года, по нашему стилю, или 5-го ноября по новому стилю, будетъ первый вторникъ ноября, назначенный для выбора президента и вице-президента Соединенныхъ Штатовъ. Затѣмъ, избранный въ тотъ день въ должность вступаетъ, какъ уже сказано, 4-го марта 1873 года.

Выборы президента Союза въ сущности далеко не такъ важны, какъ выборы въ палату представителей, происходящіе чрезъ каждые два года. Вся законодательная власть принадлежитъ конгрессу, то-есть палатѣ представителей и сенату, который избирается законода-

тельными собраніями отдѣльныхъ штатовъ по третямъ каждые два года, такъ что весь составъ сената обновляется по прошествіи шести лѣтъ. Президенту принадлежитъ собственно только исполнительная власть и право veto, то-есть неутвержденія законовъ принятыхъ конгрессомъ, право впрочемъ далеко не безусловное, такъ какъ если законъ, неподписанный президентомъ будетъ принятъ во второй разъ въ обѣихъ палатахъ конгресса большинствомъ двухъ третей голосовъ, то законъ вступаетъ въ окончательную силу и несмотря на несогласіе президента. При томъ же президенты пользуются (за исключеніемъ преемника Линкольна — Андру Джонсона) крайне - умѣренно своимъ правомъ veto, такъ что случаевъ примѣненія этого права бываетъ не болѣе, какъ 1 или 2 на двухлѣтнюю дѣятельность конгресса.

Но тѣмъ не менѣе, борьба за того или другого кандидата на выборахъ въ президенты производитъ сильное, хотя и мирное волненіе въ странѣ, и это понятно. При этомъ идетъ рѣчь все-таки о томъ, въ чьихъ рукахъ будетъ въ теченіе четырехъ лѣтъ непосредственное управленіе дѣлами и чьи сторонники займутъ всѣ мѣста въ составѣ управленія. Вотъ почему интересъ *личностей* возбужденъ на президентскихъ выборахъ еще сильнѣе, чѣмъ на выборахъ въ депутаты или сенаторы. При новомъ президентѣ обновляется почти весь составъ администраціи, и это обусловливается не только властолюбіемъ и корыстолюбіемъ партій, но самымъ свойствомъ президентской власти. Дѣло въ томъ, что конституція знаетъ только одного представителя исполнительной власти, а именно — главу ея, президента. Онъ одинъ несетъ отвѣтственность передъ страною за весь ходъ дѣлъ, а стало быть весь составъ подчиненныхъ ему агентовъ, начиная отъ государственныхъ секретарей и до послѣднихъ clerks, т.-е. чиновниковъ, долженъ зависѣть отъ его выбора. Такимъ образомъ, при перемѣнѣ президента происходитъ всеобщая перетасовка администраціи, при чемъ нарушаются или выдвигаются впередъ весьма многочисленные личные интересы.

Это условіе имѣетъ и невыгодную сторону. Такъ какъ президентъ можетъ быть избираемъ вновь, а раздача мѣстъ, принадлежащая ему по праву, и по установившемуся обычаю направляемая всегда въ пользу сторонниковъ президента, представляетъ не маловажное орудіе для самой избирательной борьбы, съ цѣлью достиженія новаго избранія, то понятно, что отсюда легко было возникнуть не только такъ-называемому „непотизму", то-есть раздачѣ мѣстъ „роднымъ человѣчкамъ", но и спеціальному назначенію чиновниковъ въ смыслѣ агентовъ для поддержанія кандидатуры президента. Злоупотребленія эти почти неизбѣжны и существуютъ давно, но въ настоящее время общественное мнѣніе стало особенно чувствительно къ нимъ, такъ что въ Америкѣ есть не малое число такихъ „политиковъ", которые признаютъ

необходимымъ ввести въ конституцію дополненіе въ томъ смыслѣ, чтобы президентъ не могъ быть избираемъ на новый срокъ, по крайней мѣрѣ сряду по истеченіи перваго.

Мы уже сказали, что вмѣстѣ съ президентомъ избирается и вице-президентъ Союза, на тотъ же четырехлѣтній срокъ. Вице-президентъ есть предсѣдатель сената, и въ случаѣ смерти президента Союза вступаетъ въ его должность, какъ то было въ 1865-мъ году съ Андру Джонсономъ, когда Авраамъ Линкольнъ былъ убитъ. Для избранія президента и вице-президента созывается избирательное собраніе, въ которое каждый штатъ посылаетъ столько выборныхъ отъ себя, сколько онъ избираетъ членовъ въ конгрессъ, то-есть сколько штатъ имѣетъ сенаторовъ и депутатовъ. Въ президенты Союза можетъ быть избранъ каждый гражданинъ, родившійся въ Соединенныхъ Штатахъ, имѣющій не менѣе 35-ти лѣтъ отъ роду и извѣстное число лѣтъ пребыванія въ своемъ штатѣ.

Послѣ этого взгляда на общія условія и значеніе президентскихъ выборовъ въ Америкѣ, обратимся къ личности тѣхъ конкуррентовъ, которые теперь имѣются въ виду избирательства. Главныхъ конкуррентовъ, между которыми будетъ происходить борьба, двое—Улиссъ Грантъ, нынѣшній президентъ, и Орасъ Грили (Horace Greeley), издатель нью-йоркской газеты „Tribune". Гранту—50 лѣтъ; онъ родомъ изъ штата Огайо (Ohio); какъ почти всѣ политическіе люди Америки онъ прежде занимался ремесломъ, а именно былъ кожевеннымъ торговцемъ и фермеромъ, несмотря на то, что вышелъ офицеромъ изъ извѣстнаго уэстпоинтскаго военнаго училища, откуда вышелъ и антагонистъ его въ войнѣ съ Югомъ, Ли. Принявъ главное начальство надъ арміею Сѣвера въ 1864 году, послѣ Мак-Клеллена, Грантъ, какъ извѣстно, одержалъ нѣсколько блистательныхъ побѣдъ и покорилъ Югъ. Побѣда надъ Югомъ всецѣло принадлежитъ ему, такъ какъ другіе генералы способствовавшіе ей, какъ-то Шерманъ, Шериданъ, Фарраготъ, были подъ главнымъ распоряженіемъ Гранта. Освобожденіе рабовъ было провозглашено Линкольномъ, но Грантъ инергически поддерживалъ въ свое президентство безопасность освобожденныхъ рабовъ и не питая къ Югу никакой личной вражды, не отказывался однако принимать тамъ строгія мѣры, когда это было нужно для защиты негровъ и эмигрантовъ съ Сѣвера отъ разбойничьихъ нападеній такъ-называемыхъ „ку-клоксовъ". Сочувствуя вполнѣ дѣлу освобожденія, а вмѣстѣ и принципу „государственности" Союза, то-есть централизму, какъ приверженецъ республиканской партіи, Грантъ однако слѣдовалъ въ отношеніи къ покоренному Югу политики умѣренной: при немъ проведена была амнистія мятежникамъ, которая исключаетъ отъ занятія общественныхъ должностей только немногочисленную категорію изъ лицъ принадлежавшихъ къ мятежу, добросовѣст-

но исполнилъ апотомакскую конвенцію, заключенную съ побѣжденными южанами, и допустилъ мало-по-малу представителей всѣхъ штатовъ, участвовавшихъ въ мятежѣ, въ палату представителей и въ сенатъ. Его министры финансовъ Мак-Коллохъ и Боутвелль сократили на огромную сумму образовавшійся во время мятежа долгъ; его министръ иностранныхъ дѣлъ заставилъ Англію принять въ серьезное разсмотрѣніе вопросъ объ убыткахъ причиненныхъ Америкѣ захватами Элебемы и другихъ корсаровъ Юга, вышедшихъ изъ англійскихъ портовъ.

Вотъ каковы заслуги Улисса Гранта; нѣтъ сомнѣнія, что заслуги эти весьма велики. Побѣдивъ Югъ, онъ уже тѣмъ самымъ сталъ какъ бы возстановителемъ союза, и имена Гранта съ Линкольномъ исторія Соединенныхъ Штатовъ поставитъ, конечно, непосредственно за именами Джорджа Уашингтона и Бенджамина Франклина. Но Грантъ не имѣетъ добродѣтелей Уашингтона и Франклина, которые въ нравственномъ смыслѣ вообще имѣютъ весьма мало соперниковъ между героями и дипломатами. Главный недостатокъ, въ которомъ упрекаютъ Гранта, есть именно непомѣрный непотизмъ; враги президента (напр., сенаторы Сомнеръ и Шурцъ) утверждаютъ, что онъ не только всю администрацію наполнилъ своими родственниками и близкими людьми и родственниками этихъ людей, но и сдѣлалъ совершенно безотвѣтственною въ порядкѣ административномъ; что, вслѣдствіе того, взяточничество будто бы возросло въ громадныхъ размѣрахъ, администрація совершенно деморализировалась и „вся страна предана ей на разграбленіе“. Мало того, нѣкоторые обвиняютъ прямо самого президента. Мы должны, впрочемъ, замѣтить, что намъ не случалось никогда встрѣтить такое практическое обвиненіе Гранта, что онъ въ такомъ-то данномъ случаѣ получилъ взятку. Но въ общихъ чертахъ обвиненіе это противъ Гранта предъявлялось громогласно и даже со стороны людей извѣстныхъ. Еще недавно, сенаторъ Сомнеръ произнесъ рѣчь, въ которой осуждалъ такого президента, „который безпрестанно принимаетъ подарки, то домъ, то землю, то лошадь, то ферму и т. д.“. Но свобода слова въ политическихъ дебатахъ такъ безгранична въ Америкѣ, что не всякое обвиненіе, вставленное въ рѣчь съ политической цѣлью, и можно понимать буквально. Надо знать какіе подарки принималъ Грантъ, отъ кого и за что. Вѣдь главный подарокъ поднесъ ему самъ конгрессъ въ видѣ золотой медали за окончаніе войны. Достаточно вспомнить объ обнародованномъ въ нынѣшнемъ году курьезномъ спискѣ подарковъ, полученныхъ Наполеономъ III изъ Германіи въ разное время, чтобы убѣдиться, что лица, поставленныя въ положеніе „героевъ дня“, получаютъ множество подарковъ, которыхъ имъ въ мысль не приходило добиваться. Какъ бы то ни было, фактъ, что при выборѣ должностныхъ лицъ Грантъ держался системы непотизма, несомнѣненъ, но дѣло въ томъ, что въ этомъ случаѣ

онъ только пользовался установившимся обычаемъ. Затѣмъ, вопросъ можетъ быть только въ томъ, не зашелъ ли онъ „слишкомъ далеко" въ такомъ дѣлѣ, котораго предѣлы, разумѣется, произвольны. Враги Гранта ставятъ ему въ вину еще то, что онъ предъявилъ искъ къ Англіи о вознагражденіи за косвенные убытки по элебемскому дѣлу, а потомъ соглашался взять это требованіе назадъ, чѣмъ унизилъ національное достоинство. Но нѣтъ сомнѣнія, что они бы еще болѣе обвиняли президента, еслибы онъ въ формулированіи иска сколько-нибудь отступилъ отъ самыхъ крайнихъ требованій, предъявляемыхъ партіями въ Америкѣ. Грантъ, какъ мы это высказывали уже прежде, вѣроятно и включилъ въ свои требованія непрямые убытки не потому, что надѣялся получить ихъ, а для того именно, чтобы ему на выборахъ не поставили въ вину отреченіе отъ какой-либо доли „законныхъ требованій" Соединенныхъ Штатовъ.

Но какова бы ни была основательность или неосновательность обвиненій, взводимыхъ на Гранта, его заслуги до такой степени очевидны и велики, что никогда соперникъ, подобный Грили, не могъ бы быть ему опасенъ, еслибы рѣчь шла объ избраніи Гранта въ президенты *въ первый разъ*. Послѣ побѣды, одержанной Грантомъ надъ Югомъ, республиканская партія, естественно, должна была вся сгруппироваться около побѣдителя, и никакая серьезная конкуренція ему не была бы возможна, такъ какъ республиканской партіи принадлежитъ несомнѣнное большинство на выборахъ. Но въ томъ-то и дѣло, что Грантъ уже получилъ свою награду, уже былъ президентомъ, стоя во главѣ управленія успѣлъ уже и пріобрѣсть немалое число завистниковъ и враговъ, и надѣлать нѣсколько ошибокъ. Теперь личныхъ заслугъ его уже недостаточно, чтобы безусловно устранить всякое соперничество, и всякій кандидатъ можетъ быть опасенъ ему, если опирается на какой-нибудь новый, достаточно популярный принципъ. Такимъ принципомъ предъявляется теперь въ пользу Грили: реформа и окончательное примиреніе съ Югомъ. Еслибы Грили по своему прошедшему и по составу поддерживающихъ его партій былъ единственнымъ или выдающимся изъ ряда представителемъ этого принципа или, лучше, этихъ принциповъ реформы и примиренія, а Грантъ былъ бы рѣшительнымъ противникомъ того и другого, тогда торжество Ораса Грили надъ Грантомъ при выборахъ было бы несомнѣнно, такъ какъ политическій принципъ въ Соединенныхъ Штатахъ могущественнѣе всякихъ личныхъ авторитетовъ. Но такой рѣшительной разницы между смысломъ программы Грили и программы Гранта нѣтъ. Оба они члены республиканской партіи, оба они энергически боролись съ Югомъ, Грантъ оружіемъ, а Грили — своимъ безпощаднымъ перомъ, какъ редакторъ „Tribune"; оба они — протекціонисты, наконецъ, оба готовы обѣщать реформы, какъ увидимъ ниже изъ „платформъ" тѣхъ кон-

вентовъ, которыми провозглашены ихъ кандидатуры. Демократы, то-есть партія склонная къ Югу, не любятъ Гранта, но не могутъ любить и Грили, который всю свою публицистическую дѣятельность посвящалъ борьбѣ съ рабствомъ сначала, а потомъ борьбѣ съ мятежемъ, и съ федералистскимъ принципомъ, который представлялся Югомъ, и постоянно, за исключеніемъ послѣдняго времени, требовалъ крайнихъ мѣръ для обузданія плантаторовъ и для уничтоженія самостоятельности управленія южныхъ штатовъ. Для демократовъ поддержать Грили, для того только, чтобы устранить Гранта — все равно что принять непріятнѣйшую микстуру, которая немногимъ лучше той немочи, отъ которой она будто бы помогаетъ. Что касается партіи республиканской, то для большинства ея и теперь лучшимъ кандидатомъ представляется Грантъ, такъ какъ Грили никогда не былъ администраторомъ и ничѣмъ не управлялъ кромѣ своей газеты. Но въ средѣ республиканской партіи образовалась новая фракція, такъ-называемыхъ „либеральныхъ республиканцевъ“, которые требуютъ реформъ. Понятно, что они могутъ болѣе надѣяться на Грили, чѣмъ на Гранта; эта фракція и выступила впередъ съ кандидатурой смѣлаго публициста. Демократы уже только пристали къ ней впослѣдствіи. Либеральные республиканцы слишкомъ слабы, чтобы провесть своего кандидата безъ помощи демократовъ, а демократы сами недостаточно сильны, чтобы провесть въ президенты собственнаго своего кандидата. Вотъ чѣмъ обусловливается въ настоящее время союзъ демократовъ съ либеральными республиканцами въ пользу Грили, или лучше сказать — противъ Гранта. Этотъ союзъ партій, совершенно различныхъ по принципамъ, и составляетъ шансъ успѣха для Грили. Но за то еслибы онъ былъ избранъ, то самое свойство его избранія вслѣдствіе поддержки, оказанной ему демократами, сдѣлало бы ему затруднительнымъ не только производить такія реформы, какъ, напримѣръ, полное уравненіе негровъ въ гражданскихъ правахъ, но даже и поддерживать неуклонно дѣло уже сдѣланное Линкольномъ.

Для болѣе нагляднаго ознакомленія съ положеніемъ дѣлъ въ Соединенныхъ Штатахъ въ настоящее время, мы должны будемъ ближе указать на нѣсколько характерныхъ фактовъ изъ тамошней общественной жизни. Но прежде дополнимъ параллель между Грантомъ и Грили нѣсколькими свѣдѣніями о личности этого новаго кандидата на президентство. Орасу Грили — 61 годъ отъ роду; онъ родился въ штатѣ Нью-Гампшёрѣ. Четырнадцатилѣтнимъ мальчикомъ онъ отданъ былъ въ ученье въ типографію, въ Вёрмонтѣ. Черезъ шесть лѣтъ, онъ переселился въ Нью-Йоркъ и работалъ тамъ наборщикомъ. Вспомнимъ, что также началъ свою дѣятельность и тотъ Франклинъ, о которомъ впослѣдствіи Д'Аламберъ могъ сложить знаменитый стихъ:

Eripuit coelo fulmen sceptrumque tyrannis!

Въ 1834-мъ году, Грили уже предпринялъ издавать газету, которая успѣха не имѣла. Но въ 1841-мъ году онъ основалъ другую газету „The New-York Tribune", которая пошла хорошо и скоро доставила ему вліяніе, такъ что въ 1848-мъ году онъ уже былъ избранъ въ конгрессъ. Въ 1851-мъ году, онъ ѣздилъ въ Европу, и былъ старшиною присяжныхъ одного изъ отдѣловъ всемірной выставки въ Лондонѣ. „New-York Tribune", какъ уже сказано, боролась съ самаго своего начала съ принципомъ рабовладѣльчества. Во время мятежа, Грили энергически поддерживалъ мысль о единствѣ Союза и о подавленіи возстанія, а потомъ всѣ мѣры Линкольна, направленныя какъ къ отмѣнѣ рабства, такъ и къ лишенію южныхъ штатовъ права самостоятельнаго управленія, къ учрежденію правительственной опеки надъ освобожденными неграми; наконецъ, къ допущенію представителей южныхъ штатовъ въ конгрессъ не иначе какъ постепенно, по мѣрѣ возстановленія правильно избранныхъ мѣстныхъ властей, съ обязанностью для послѣднихъ присоединиться къ провозглашенію отмѣны рабства навсегда и принесть присягу въ вѣрности Союзу, однимъ словомъ, весь тотъ комплексъ мѣръ, который извѣстенъ въ Америкѣ подъ именемъ „переустройства Юга" (reconstruction of the South). Вотъ тотъ человѣкъ, котораго демократы, сторонники федералистскаго принципа и друзья Юга, признаютъ теперь своимъ кандидатомъ. Союзъ, очевидно, — неестественный. Вопросъ же — почему демократы не имѣютъ надежды провести въ кандидаты собственнаго своего кандидата, и принуждены прибѣгать къ такому неестественному союзу противъ Гранта, объяснится сейчасъ при указаніи на нѣсколько чертъ, характеризующихъ нынѣшнее положеніе дѣлъ въ Соединенныхъ Штатахъ, въ связи съ кандидатурами на президентство.

Въ прошедшемъ году, на югѣ, особенно въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ крайне развилось разбойничество особаго рода, извѣстное подъ именемъ „ку-клокс-клана". Ку-клоксы это — камористы рабовладѣльческаго Юга. Какъ на югѣ Италіи, когда пало полицейское правительство Бурбоновъ, управлявшее подъ вліяніемъ поповъ, посредствомъ жандармовъ и шпіоновъ, выбранныхъ изъ измѣнниковъ либеральной партіи и изъ разбойниковъ, всѣ грязные, зловредные остатки прежняго порядка, остатки той жандармеріи, которой вожди были продажны, тѣхъ шпіоновъ, которымъ прекратилось содержаніе, и тѣхъ разбойниковъ, которые дѣлили со шпіонами свою мелкую добычу и ихъ крупное содержаніе,—все это соединилось въ нѣкое тайное общество, не имѣвшее ни программы, ни статута, но соединенное общностью своихъ интересовъ. Это была „la Camorra". Прямой цѣлью ея была просто добыча, но по обстоятельствамъ, цѣль эта отчасти прикрылась политическимъ цвѣтомъ. Разбойничество при Бурбонахъ было административной карьерою; замѣтнаго разбойника тотчасъ покупала поли-

ція, чтобы онъ оставлялъ въ покоѣ грандовъ и богатыхъ иностранцевъ; затѣмъ онъ самъ дѣлался сыщикомъ противъ либераловъ, а потомъ получалъ нерѣдко вліятельное мѣсто. Когда вся система рухнула, вслѣдъ за однимъ появленіемъ Гарибальди, разбойничество обратилось въ карьеру оппозиціонную. Оно осталось ремесломъ, но изъ правительственнаго ремесла, такъ сказать изъ регаліи, обратилось въ промыселъ оппозиціонный, и уже нестѣсняемое опекой, и лишенное участія въ бюджетѣ, должно было развить свои операціи. Тогда началась на югѣ Италіи цѣлая война разбойниковъ противъ всѣхъ порядочныхъ людей. Каморра покрывала весь югъ; бывшіе шпіоны занялись пристанодержательствомъ и продажею добычи; нашлись безнравственные священники, которые посылали фанатиковъ въ шайки, имѣвшія цѣлью грабежъ. Бурбонскій дворъ изъ Рима посылалъ имъ деньги и устроивалъ снабженіе ихъ, пріобрѣталось оружіе, нападенію разбойниковъ подвергались и всѣ встрѣчные по дорогамъ, и люди спеціально рекомендованныя мщенію прежней администраціи и полиціи. Нападая на деревню, на мѣстечко, грабили и убивали преимущественно „либераловъ,“ то-есть такихъ людей, которые выказывали или усердіе, или сочувствіе къ новому порядку.

Американскій ку-клокс-кланъ это — каморра рабовладѣльческаго Юга. Отъ гнусной системы рабства должны были уцѣлѣть остатки не болѣе доброкачественные, какъ и отъ прежняго неаполитанскаго правленія. Южные плантаторы-рабовладѣльцы представляли собой систему, но нравственныя условія, порождаемыя этой системой, чувства ею выращенныя, отражались не столько въ плантаторахъ, сколько въ бѣлыхъ работникахъ Юга. Ненависть къ неграмъ и къ сѣверянамъ доведена была до высшей степени именно въ средѣ недостаточнаго бѣлаго населенія Юга. И еслибы этого не было, то Югъ, конечно, и не смогъ бы выставить въ теченіе мятежа до милліона волонтеровъ. Бѣлые рабочіе ненавидятъ негровъ за то, что негры понижаютъ заработную плату; пока негръ прикрѣпленъ къ земледѣльческому труду, онъ не составляетъ конкурренціи городскому рабочему. Но освобожденные негры понижаютъ заработки въ городахъ. Такъ и эмигранты изъ сѣверныхъ штатовъ понижаютъ заработки въ городахъ Юга. „Масса бѣлыхъ рабочихъ на Югѣ ненавидитъ и негровъ и „янки“ — ихъ друзей и соучастниковъ въ подрывѣ мѣстнаго труда. Въ этомъ грубомъ бѣломъ населеніи городовъ Юга вражда противъ принципа освобожденія и уравненія черныхъ, разумѣется, не заключалась въ предѣлы борьбы за принципъ, но выразилась и въ ненависти и преслѣдованіи противъ личностей, то-есть противъ черныхъ вообще и переселившихся съ Сѣвера янковъ. Послѣ мятежа, на Югѣ осталось немало оружія, немало и людей, отвыкшихъ отъ иной работы, какъ рыскать по обширнымъ территоріямъ съ ружьемъ на плечѣ. Что

вслѣдъ за четырехлѣтнею войной явилось разбойничество — было бы уже и само по себѣ понятно. Но особенность другихъ мѣстныхъ условій придала этому разбойничеству особый характеръ, а именно создала нѣчто въ родѣ тайнаго общества, разсѣяннаго на огромномъ пространствѣ и дѣйствующаго съ прямой цѣлью грабежа, но съ прикрасою политическаго цвѣта. Надо еще замѣтить, что въ первое время послѣ подавленія мятежа, работы на Югѣ не возобновлялись, многіе рабочіе лишились своихъ заработковъ, вообще нужда была велика. Велика была и ненависть къ побѣдоносному Сѣверу. А тутъ еще съ сѣвера понаѣхали многочисленные агенты правительства, отчасти безсовѣстные люди, искавшіе только случая нажиться, и явилось немалое число авантюристовъ-промышленниковъ всякаго рода, такъ что нельзя сказать, чтобы и самъ Сѣверъ или, по крайней мѣрѣ, многіе негодные его представители не содѣйствовали къ усиленію вражды южнаго бѣлаго населенія. Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ причинъ и возникло такъ-называемое общество „ку-клоксовъ“. Дѣйствуя точно также, какъ неаполитанская каморра, ку-клокс-кланъ имѣетъ своихъ агентовъ въ разныхъ мѣстахъ, и туда, гдѣ возможно выступить безъ маски, гдѣ предстоитъ большая добыча и мало опасности, посылаетъ цѣлые отряды вооруженныхъ людей, которые производятъ всякія насилія и самымъ безчеловѣчнымъ образомъ мучатъ негровъ и. ихъ защитниковъ. Тамъ же, гдѣ требуется месть противъ отдѣльной личности и нѣтъ возможности дѣйствовать открыто, ку-клокс-кланъ подсылаетъ нѣсколькихъ убійцъ и совершаетъ поджоги.

Дѣло дошло до того, что союзное правительство должно было нѣкоторыя мѣстности занять войсками, и между войсками и разбойниками происходили мѣстами жаркія схватки, точно такъ какъ на югѣ Италіи. Наконецъ, въ прошломъ году президентъ принужденъ былъ объявить въ сѣверной и южной Каролинахъ, гдѣ особенно свирѣпствовали ку-клоксы, осадное положеніе. Отсюда жалобы демократовъ противъ Гранта, что онъ, занимая Югъ войсками, держится системы военнаго деспотизма. Нѣтъ нужды говорить, что это обвиненіе преувеличено: въ настоящее время осадное положеніе остается только въ трехъ провинціяхъ, и провозглашено оно было Грантомъ не самовольно, а на основаніи спеціальнаго билля, утвержденнаго конгрессомъ и предоставляющаго правительству пріостанавливать дѣйствіе законовъ habeas corpus въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ появляются ку-клоксы. Правительственная партія признаетъ необходимымъ удержать этотъ законъ еще на нѣкоторое время, и въ самомъ дѣлѣ, читая описанія злодѣйствъ, совершаемыхъ ку-клоксами, нельзя не согласиться съ необходимостью самыхъ рѣшительныхъ мѣръ противъ нихъ. Такъ, еще недавно, ку-клоксы появились на одномъ хуторѣ, гдѣ жилъ негръ, женатый на бѣлой (случаи смѣшанныхъ браковъ уже бываютъ). Разбойники потре-

бовали, чтобы супруги обязались разойтись. За отказомъ ихъ, они мужа—негра застрѣлили, а жену—бѣлую, привязали къ кровати и сожгли живьемъ. Но враги Гранта утверждають, что онъ поддерживаетъ существованіе временнаго закона о ку-клоксахъ для того, чтобы держать Югъ подъ военной властью и тѣмъ мѣшать тамъ оппозиціи противъ себя, во время приготовленій къ выборамъ.

Сама по себѣ, демократическая партія, какъ партія политическая, разумѣется, не имѣетъ ничего общаго съ злодѣйствами ку-клоксовъ. Но тѣмъ не менѣе насилія, совершаемыя этими разбойниками, вредятъ этой партіи въ общественномъ мнѣніи среднихъ, западныхъ и сѣверныхъ штатовъ. Но еще болѣе нравственнаго ущерба нанесло демократической партіи сдѣланное въ прошломъ году открытіе огромныхъ злоупотребленій въ городскомъ управленіи Нью-Йорка, которое находилось съ давняго времени въ рукахъ демократовъ. Открыто было существованіе настоящаго демократическаго заговора съ цѣлью разграбленія городского бюджета. Эта шайка грабителей-администраторовъ получила названіе Tammany-ring. Къ ней принадлежали нѣсколько сенаторовъ и представителей штата и директоры Эрійской желѣзной дороги. Шайка эта часть награбленныхъ денегъ обращала на подкупы при выборахъ, среди массы авантюристовъ и людей безъ опредѣленнаго промысла, какихъ много въ Нью-Йоркѣ. Посредствомъ фальсификаціи выборовъ, Tammany-ring обезпечивалъ прочность и безнаказанность своего предпріятія, такъ какъ и въ администрацію и въ мѣстное законодательное и даже судебное сословіе проводились собственные его члены. Оказалось, что городъ Нью-Йоркъ, платя ежегодно сборовъ до 30-ти милліоновъ долларовъ, не только не уменьшалъ своего долга, а еще увеличилъ его. Масса денегъ шла на уплату по фиктивнымъ счетамъ за работы вовсе не произведенныя. Достаточно будетъ привесть для примѣра фактъ, что за одни столярныя, бронзовыя и обойныя работы въ одномъ общественномъ зданіи было выведено въ расходъ $2^1/_2$ милл. долларовъ. Во главѣ городского управленія стоялъ Твидъ, обанкрутившійся торговецъ, который въ теченіе своей администраціи пріобрѣлъ вновь громадное состояніе и увѣренный въ безнаказанности, жилъ съ баснословной роскошью. Раскрытіе всего этого дѣла, которое не безъ затрудненій поступило наконецъ въ судебное производство, составляло важную заслугу газеты New-York-Times, которая одна выступила со смѣлымъ, рѣшительнымъ обвиненіемъ лицъ, заручившихся поддержкою всѣхъ мѣстныхъ властей. Доказательство, что полная гласность, полная свобода печати сама по себѣ уже составляетъ такую гарантію противъ злоупотребленій, какой не могутъ дать даже никакія учрежденія. Вслѣдъ за этимъ дѣломъ было обнаружено подобное же дѣло въ южной Каролинѣ. Оказалось, что губернаторъ и казначей этого штата, оба демократы, присвоили себѣ до пяти милл.

долларовъ общественныхъ денегъ. Эти факты вызвали въ Америкѣ общій крикъ о необходимости полной реформы чиновничества (civil service) и настоящій вопль негодованія противъ демократической партіи.

Вотъ почему демократическая партія, которая, послѣ пораженія Юга, окончательной отмѣны невольничества и паденія идеи о полной государственной самостоятельности отдѣльныхъ штатовъ, и безъ того уже ослабѣла, потерявъ свое знамя, въ настоящее время чувствуетъ себя нравственно особенно слабою, и не имѣетъ надежды провести на президентство собственнаго своего кандидата. А стало быть, ей и не остается ничего иного, какъ поддерживать какого-либо иного, наименѣе непріятнаго ей кандидата. Изъ оппозиціи къ Гранту, покорителю Юга, она поддерживаетъ Грили, кандидата либеральныхъ республиканцевъ.

Въ нынѣшнемъ составѣ сената, Грантъ, то-есть приверженная къ нему республиканская партія имѣетъ большинство. Въ сенатѣ большинство Гранта таково, что онъ можетъ разсчитывать всегда на болѣе $^2/_3$ голосовъ въ пользу своихъ мѣръ; а это очень важно потому, что для всѣхъ отступленій отъ закона требуется именно согласіе $^2/_3$ голосовъ. Республиканцевъ въ сенатѣ считается 60, а демократовъ и консерваторовъ всего 12. Въ палатѣ представителей Грантъ также имѣетъ большинство, а именно за него 138 республиканцевъ противъ 105 демократовъ; но это уже далеко не даетъ большинства двухъ третей. Взглянемъ на нѣсколько фактовъ изъ послѣдней сессіи конгресса для того, чтобы ближе присмотрѣться къ текущимъ дѣламъ въ Соединенныхъ Штатахъ.

По отношенію къ Югу, важнѣе всего было продолженіе дѣйствія уже названнаго нами выше ku-klux-bill'а, дающаго правительству право пріостанавливать дѣйствіе закона habeas corpus въ мѣстностяхъ, гдѣ появляются ку-клоксы. Дѣйствіе этого временнаго билля было установлено до конца нынѣшней сессіи конгресса. Но въ очереди парламентскихъ вопросовъ, предложеніе о продолженіи дѣйствія этого билля и по окончаніи сессіи стояло такъ далеко, что онъ не могъ быть разсмотрѣнъ въ теченіи нынѣшней сессіи. Итакъ, для того, чтобы продлить дѣйствіе закона о ку-клоксахъ, надо было разсмотрѣть его внѣ очереди, или какъ то называется въ парламентской практикѣ Франціи, объявить безотлагательность (urgence). Но для того, чтобы нарушить очередь, то-есть законный порядокъ разсмотрѣнія дѣлъ, требуется $^2/_3$ голосовъ. Въ сенатѣ оно легко состоялось, согласно съ желаніемъ правительства. Но въ палатѣ представителей предложеніе о снятіи закона о ку-клоксахъ съ очереди вносимо было три раза, но большинство двухъ третей такъ и не состоялось. Замѣчательно, что въ послѣдній разъ, при обсужденіи этого предложенія,

не состоялось въ пользу его и *простого* большинства, то-есть оно было просто отвергнуто. Причиною тому было, что союзъ либеральныхъ республиканцевъ съ демократами, въ виду выборовъ, уже возъимѣлъ свое дѣйствіе: либеральные республиканцы или реформисты подали голоса противъ предложенія вмѣстѣ съ демократами. Другой важный проектъ закона относительно Юга касался уже прямо выборовъ; это такъ-называемый Enforcement-act, предложенный правительствомъ. Въ виду того, что выборныя власти въ штатахъ Юга еще не вездѣ получили правильное образованіе, этимъ проектомъ предлагалось, чтобы записываніе и счетъ голосовъ при выборахъ на Югѣ было поручено окружнымъ судьямъ, а судьи эти на Югѣ назначены всѣ центральнымъ правительствомъ. Для принятія такого отступленія отъ закона требовалось $^2/_3$ голосовъ конгресса. Въ сенатѣ оно легко состоялось; но въ палатѣ представителей за Enforcement-act подано было 115 голосовъ, а 87 противъ. Такимъ образомъ, требуемаго большинства $^2/_3$ не состоялось.

Республиканское большинство сената, вполнѣ преданное Гранту, включаетъ въ себѣ людей въ высшей степени почтенныхъ и популярныхъ въ Америкѣ, какъ Чэндлеръ, Мортонъ, Нэй, Помрой, Карпентръ, но его обвиняютъ въ томъ, что въ усердіи своемъ ко вторичному избранію президента оно заходитъ слишкомъ далеко, а именно обращаетъ законодательную дѣятельность въ рядъ парламентскихъ интригъ въ пользу правительства. Нелишне будетъ разсказать одну изъ такихъ интригъ, проявившуюся при самомъ концѣ сессіи.

Палата представителей впередъ рѣшила, что отсрочка сессіи, то-есть перерывъ засѣданій конгресса до зимы, произойдетъ 29-го мая. Въ силу этого рѣшенія, все, что не состоялось бы къ 29-му мая, и не имѣло бы дѣйствія до декабря, то-есть до той поры, когда уже вопросъ о президентствѣ будетъ рѣшенъ (въ ноябрѣ). Вотъ почему продленіе ku-klux билля и enforcement-act'а, какъ средствъ сдерживать Югъ, необходимо было, для приверженцевъ Гранта, провесть до закрытія нынѣшней сессіи. Но въ числѣ дѣлъ неоконченныхъ разсмотрѣніемъ къ 29-му мая находился и новый таможенный тарифъ. Кстати при этомъ будетъ сказать, что хотя Грантъ и протекціонистъ, и вообще главная сила республиканской партіи въ сѣверо-восточныхъ промышленныхъ штатахъ, поддерживающихъ протекціонизмъ, но нынѣшній министръ финансовъ Боутвелль все-таки призналъ возможнымъ нѣкоторое пониженіе таможенныхъ пошлинъ и внесъ согласно тому проектъ новаго тарифа. Въ общей суммѣ пониженіе таможеннаго дохода по новому тарифу составляетъ сумму около 20-ти милліоновъ долларовъ. Виды на выборы не остались безъ вліянія и въ этомъ случаѣ. Дѣло въ томъ, что съ тѣхъ поръ, какъ проложена желѣзная дорога къ Тихому океану, сталъ пріобрѣтать бо́льшее значеніе западъ Союза. А

такъ какъ западъ—страна по преимуществу земледѣльческая, то онъ и расположенъ къ пониженію пошлинъ, поддерживающихъ высокую цѣну мануфактурныхъ издѣлій. Новый тарифъ отчасти, можно сказать—уступка западу. Оставить неоконченнымъ разсмотрѣніе новаго тарифа, отложить его до зимы, было очевидно невозможностью. Вотъ, на это и разсчитывало преданное Гранту большинство сената. Въ сенатѣ большинство $^2/_3$ голосовъ, необходимое для проведенія ку-клоксбилля внѣ очереди и для утвержденія Enforcement-акта, какъ уже сказано, состоялось. Но въ палатѣ представителей оно не состоялось. Между тѣмъ назначенный срокъ сессіи, 29 мая, приближался и необходимо было нѣсколько продлить ее, чтобы окончить разсмотрѣніе новаго тарифа. Тогда сенаторы-грантисты придумали слѣдующую уловку: возбудить вновь въ третій разъ въ палатѣ представителей предложеніе о продолженіи дѣйствія ку-клокс-билля до 4 марта 1873 г. Они разсчитывали, что произойдетъ одно изъ двухъ: или въ третій разъ въ пользу этого предложенія состоится требуемое большинство $^2/_3$, или состоится только простое большинство, какъ въ первые два раза. Если бы состоялось большинство въ $^2/_3$, тогда—all right, больше ничего не нужно. Но еслибы состоялось и въ третій разъ только простое большинство, тогда сенатъ, въ свою очередь, отвергъ бы исходящее изъ палаты представителей рѣшеніе о продленіи самой сессіи. Такимъ образомъ, обыкновенная сессія прервалась бы въ первоначально назначенный срокъ и тарифъ остался бы не утвержденнымъ. Затѣмъ, президентъ имѣлъ бы вполнѣ основательный поводъ созвать конгрессъ тотчасъ по окончаніи обыкновенной сессіи въ сессію чрезвычайную, для разсмотрѣнія тарифа. А когда эта чрезвычайная сессія открылась бы, то въ ней тотчасъ поставлено бы было на очередь, вмѣстѣ съ тарифомъ, и продленіе ку-клокс-билля. Окончивъ разсмотрѣніе тарифа, палата представителей перешла бы къ разсмотрѣнію ку-клокс-билля, и такъ какъ такимъ образомъ разсмотрѣніе этого билля совершалось бы уже безъ нарушенія очередного порядка, то, чтобы билль прошелъ, достаточно было бы и простого большинства; въ томъ же, что простое большинство состоится, ручались уже два прежнія голосованія по этому вопросу, и сенаторы были въ томъ увѣрены.

Но въ этомъ-то они и обманулись. Интрига ихъ была понята, и палата представителей просто отвергла билль большинствомъ 108 голосовъ противъ 94. Это враждебное грантистской интригѣ большинство составилось изъ 85 демократовъ и 23 республиканцевъ-реформистовъ. Какъ уже замѣчено выше, союзъ этихъ партій противъ Гранта сказался въ этомъ неожиданномъ результатѣ. Но ему способствовало, безъ сомнѣнія, и осужденіе грантистской интриги сената. Когда, такимъ образомъ, въ пользу продленія ку-клокс-билля до 4-го марта 1873-го г.

въ палатѣ представителей въ третій разъ не состоялось и простого большинства, то уже нельзя было ожидать, что оно состоится и въ чрезвычайной сессіи. Поэтому, когда палата представителей постановила рѣшеніе объ отсрочкѣ закрытія сессіи до 3-го іюня, вмѣсто 29-го мая, чтобы окончить разсмотрѣніе тарифа, то сенату осталось только присоединиться къ этому рѣшенію, а Грантъ долженъ былъ разорвать декретъ о созваніи конгресса въ чрезвычайную сессію, декретъ, который, по слухамъ, былъ уже подписанъ имъ.

Разсмотрѣніе тарифа продолжалось затѣмъ со всевозможной спѣшностью, такъ что въ палатѣ представителей условлено было не давать ораторамъ, предлагавшимъ поправки, болѣе *одной минуты* времени для развитія ихъ предложеній. Для проведенія Enforcement-акта, сенаторами-грантистами была также придумана уловка: прежде чѣмъ сенатъ еще согласился на отсрочку закрытія сессіи до 3-го іюня, онъ включилъ постановленія Enforcement-акта въ совершенно другой билль, а именно въ дополнительную статью бюджета. Эту дополнительную статью палата представителей не могла не утвердить; еслибы она отвергла ее, то президентъ все-таки имѣлъ бы достаточный поводъ созвать конгрессъ въ чрезвычайную сессію. Но палата представителей благополучно вышла и изъ этой дилеммы: депутатъ Индіаны, демократъ Керръ предложилъ одобрить статью, вмѣстѣ съ насильственно введенными въ нее главными постановленіями Enforcement-акта, но при этомъ дополнить ихъ слѣдующей поправкою: „назначаемые окружнымъ федеральнымъ судьей избирательные инспекторы (Supervisors) должны присутствовать при счетѣ голосовъ на выборахъ, но не должны вмѣшиваться въ выборы никакимъ дѣйствіемъ“. Въ такомъ видѣ билль прошелъ и повода къ чрезвычайной сессіи не осталось, а между тѣмъ все значеніе Enforcement-акта, въ смыслѣ вліянія правительственной власти на ходъ выборовъ на Югѣ, уничтожено этой послѣднею поправкой. Затѣмъ, конгрессъ отсрочилъ свои засѣданія на неопредѣленное время, то-есть до зимы.

Такимъ образомъ, грантисты потерпѣли рѣшительное пораженіе въ концѣ сессіи, благодаря союзу республиканцевъ-реформистовъ съ демократами. Не слѣдуетъ впрочемъ видѣть въ этой коалиціи нѣчто безнравственное, то-есть измѣну республиканцевъ-реформистовъ своимъ убѣжденіямъ; не они пристаютъ къ демократамъ, а демократы къ нимъ. Такъ союзъ тотчасъ прервался, на минуту, въ концѣ же сессіи, когда депутатъ штата Теннесси, республиканецъ Мэнардъ предложилъ разсмотрѣть внѣ очереди такъ-называемый civil-rights-bill. Извѣстно, что негры-невольники мятежныхъ штатовъ были освобождены Линкольномъ и что затѣмъ въ коренные законы Соединенныхъ Штатовъ введенъ принципъ, что невольничество никогда не можетъ быть возстановлено. Но освобожденные негры все-таки еще далеко не вполнѣ сравнены въ

правахъ съ бѣлымъ населеніемъ. Во-первыхъ, они не имѣютъ политическаго права, то-есть не участвуютъ въ выборахъ. Въ этомъ отношеніи большинство республиканской партіи считаетъ уравненіе ихъ еще несвоевременнымъ. Во-вторыхъ же, негры до сихъ поръ на каждомъ шагу еще подвергаются разнымъ общественнымъ исключеніямъ, установляемымъ совершенно произвольно всякими распорядителями общественныхъ службъ и директорами общественныхъ предпріятій, то-есть, напр., желѣзныхъ дорогъ, дилижансовъ, театровъ и вообще собраній, и т. п. Еще весьма нерѣдко для негровъ отводятся отдѣльные вагоны, особыя мѣста, ихъ не пускаютъ въ нѣкоторыя собранія, несмотря на то, что право входа пріобрѣтается покупкою билета, и т. д. Прежде, во времена рабовладѣльческія, такія ограниченія и исключенія негровъ были правиломъ. Теперь они уже не составляютъ правила, но все-таки, на практикѣ, дѣлаются еще нерѣдко. Республиканское большинство сената провело въ этой палатѣ билль, направленный къ воспрещенію всякихъ подобныхъ ограниченій, исключеній или неравенства негровъ. Это и есть такъ-называемый civil-rights-bill. Онъ тоже стоялъ на очереди далеко и не могъ быть разсмотрѣнъ въ палатѣ представителей до закрытія сессіи иначе, какъ еслибы былъ поставленъ внѣ очереди, чтó и предложилъ Мэнардъ. Для этого требуется большинство $^2/_3$ голосовъ. При подачѣ голосовъ по предложенію Мэнарда, *всѣ* демократы вотировали противъ, а республиканцы *всѣ* вотировали *за* предложеніе. Итакъ, въ вопросѣ, касающемся принципа, республиканцы-реформисты, несмотря на свой новый союзъ съ демократами, подали голоса съ консервативной частью либеральной партіи, то-есть съ грантистами. Результатъ былъ за предложеніе Мэнарда и за билль о civil-rights—113 голосовъ противъ—85. Такимъ образомъ, состоялось простое большинство и хотя предложеніе Мэнарда и не было принято, какъ не соединившее $^2/_3$ голосовъ, но результатъ этотъ доказываетъ все-таки, что civil-rights билль несомнѣнно пройдетъ въ будущей сессіи, когда очередь дойдетъ до него, и для утвержденія его въ палатѣ представителей достаточно будетъ простого большинства.

Теперь, нѣсколько приглядѣвшись къ текущимъ дѣламъ Соединенныхъ Штатовъ, мы должны обратиться къ самой избирательной драмѣ. Первые акты выборной драмы, это — конвенты, на которыхъ каждая партія установляетъ свою „platform“, то-есть свою программу и назначаетъ своего кандидата въ президенты, который и обязывается осуществить эту программу, служить ея представителемъ. Послѣдній актъ драмы, то-есть самое избраніе, какъ уже сказано, произойдетъ въ ноябрѣ, а вступленіе новаго президента въ должность послѣдуетъ 4-го марта будущаго года.

Первый конвентъ, собравшійся въ Синсиннати, былъ конвентъ республиканцевъ - реформистовъ. На немъ была установлена слѣдующая

„платформа“: полная и окончательная амнистія мятежникамъ Юга, равноправность негровъ передъ законами, отмѣна права президента быть избираемымъ сряду на второй срокъ, ненарушимость habeas-corpus writ'а (т.-е. отмѣна ку-клокс-билля), радикальная реформа администраціи и скорѣйшее возвращеніе къ размѣну ассигнацій на звонкую монету. Кандидатомъ на кандидатство былъ не одинъ Грили; явилось нѣсколько соперниковъ. Главными были: Адамсъ (бывшій посланникъ въ Лондонѣ), Грили, сенаторъ Тромболлъ, судья Дэвисъ (кандидатъ рабочихъ), и верховный судья союза Чэзъ. Болѣе всѣхъ шансовъ имѣлъ Адамсъ; онъ стоялъ во главѣ списка, по числу полученныхъ голосовъ, при пяти послѣдовательныхъ баллотировкахъ. На пятой баллотировкѣ онъ получилъ столько голосовъ, что ему недоставало только еще 7 голосовъ, чтобы имѣть абсолютное большинство. Но этихъ 7-ми невозможно было добыть, и тогда представители штата Иллинойса перешли на сторону Грили, чтобы придти къ результату. Итакъ, Грили при шестой баллотировкѣ получилъ абсолютное большинство, и затѣмъ уже былъ единодушно провозглашенъ кандидатомъ либерально-республиканской партіи. Здѣсь надо упомянуть о роли, которую играли въ поддержкѣ кандидатуры Грили—нѣмцы, то-есть сѣверо-американскіе граждане нѣмецкаго происхожденія. Роль ихъ—составляетъ также одну изъ характерныхъ чертъ нынѣшняго положенія дѣлъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Въ одномъ изъ прежнихъ обозрѣній, говоря о принципѣ національностей, мы мимоходомъ уже указали на то положеніе, какое заняли въ настоящее время нѣмцы въ Америкѣ. Въ прежнее время, то-есть до великихъ военныхъ успѣховъ Германіи, нѣмцы въ Америкѣ считали себя прежде всего американцами. Даже посѣщая, послѣ своей натурализаціи въ Америкѣ, прежнее свое отечество—Германію, они всегда называли себя американцами, и крестныя имена свои Johann, Eduard, Jacob передѣлывали въ John, Edward и James. Они принадлежали къ разнымъ американскимъ партіямъ по личному вкусу, и по большей части были республиканцы вездѣ, кромѣ развѣ самого Нью-Йорка, гдѣ толпа бѣдныхъ нѣмецкихъ эмигрантовъ, разумѣется, держалась скорѣе демократизма, который былъ тамъ въ силѣ. Теперь все это значительно измѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ великія побѣды Германіи „подняли“ — по выраженію, постоянно употребляемому нѣмецкими газетами—„національное чувство нѣмцевъ и въ Америкѣ (das deutsche Nationalgefühl gehoben). Нѣмцы стали выступать въ Америкѣ какъ особая, національная партія, партія нѣмецкая, имѣющая и цѣли не американскія, а чуждыя Америкѣ, нѣмецкія стремленія и антипатіи. Такъ, нѣмцы сильнѣйшимъ образомъ возстали на Гранта за то, что будто бы американское правительство не только дозволяло вывозъ оружія во Францію, но и само продало Франціи значительное количество оружія. По настоянію *нѣ-*

мецкаго сенатора Карла Шурца, и врага Гранта сенатора Сомнера, назначена была парламентская коммиссія для изслѣдованія этого дѣла. Коммиссія эта вполнѣ оправдала правительство. Но нѣмцы этимъ результатомъ не удовлетворились и остались въ убѣжденіи, что Грантъ дѣйствовалъ противъ ихъ отечества, какъ они называютъ нынѣ оставленную ими самими Германію. Дѣйствуя какъ отдѣльная партія, нѣмцы стараются проводить въ тѣхъ округахъ, гдѣ имъ принадлежитъ большинство, въ сенатъ и конгрессъ *своихъ* членовъ, то-есть нѣмцевъ. Само собою разумѣется, что такое искаженіе внутреннихъ вопросовъ совершенно искусственными національными воззрѣніями, интересами страны далекой и притомъ оставленной самими эмигрантами отчасти именно для того, чтобы избѣгнуть воинской повинности—должно быть вредно. Негодуя на Гранта, нѣмцы, подъ предводительствомъ *своего* сенатора Карла Шурца, рѣшились дѣйствовать противъ него на выборахъ. Шурцъ и сдѣлался однимъ изъ вліятельнѣйшихъ членовъ оппозиціи Гранту, возникшей въ средѣ самой республиканской партіи, а именно оппозиціи либеральныхъ республиканцевъ. Въ Синсиннати число нѣмцевъ весьма значительно и вліяніе Шурца велико. Нѣмцы были расположены болѣе въ пользу Адамса, чѣмъ въ пользу Грили, по тому практическому разсчету, что оппозиціоннаго кандидата можно провесть только при помощи демократовъ, а демократы охотнѣе подали бы голоса за Адамса, чѣмъ за Грили, который былъ ихъ заклятымъ врагомъ. При этомъ, нѣмецкіе корреспонденты, совершенно непонятно почему—называютъ Грили, въ видѣ попрека ему—Temperenzler. Дѣло въ томъ, что Грили одинъ изъ фанатиковъ полнаго воздержанія отъ опьяняющихъ напитковъ (temperance). Почему это можетъ быть поставлено въ укоръ кому-либо—непонятно, но корреспонденты Kölnische и Allgemeine (Augsburger) Zeitung постоянно называютъ его Temperenzler въ смыслѣ насмѣшки. Въ „Кёльнской“ газетѣ однажды было даже сказано: „но нѣмцы, которые въ либерально-республиканской партіи играютъ большую роль, во всякомъ случаѣ потребуютъ отъ него (Грили), чтобы онъ пощадилъ ихъ, во время своего президентства, отъ своего фанатизма трезвости (sie mit seinem Temperanzfanatismus verschone).

Какъ бы то ни было, дѣло было рѣшено въ пользу Грили, а не Адамса, представителями Иллинойса, штата самаго чисто-республиканскаго и аболиціонистскаго, откуда былъ родомъ Авраамъ Линкольнъ. Нѣмцы теперь, какъ имъ это и непріятно, будутъ все-таки поддерживать Грили. Недавно, Карлъ Шурцъ произнесъ рѣчь въ Сент-Луисѣ, въ которой объявилъ это положительнымъ образомъ (was ihm sauer genug geworden sein wird, прибавляетъ сообщая объ этомъ „Кёльнская“ газета). Итакъ, нѣмцы нехотя будутъ подавать голоса за Грили для того только, чтобы не былъ вновь избранъ Грантъ. А поддер-

жка нѣмцевъ весьма важна. Грили уже давно заботился обезпечить себѣ ее, выступая въ своей газетѣ съ энергическими статьями въ пользу Германіи; отчего нѣмцы все-таки не любятъ его, совершенно непонятно. Но и самъ Грантъ, надо замѣтить, поздравлялъ императора Вильгельма съ побѣдами, при чемъ, какъ увѣряютъ, имѣлъ тоже въ виду снискать расположеніе американскихъ нѣмцевъ для выборовъ. Въ одной нѣмецкой корреспонденціи изъ Нью-Йорка (въ Neue Freie Presse), мы находимъ даже такой отзывъ о Грили, что самъ Джефферсонъ Дэвисъ будто бы рекомендовалъ избрать его, что Грили вносилъ когда-то залогъ за Джефферсона Дэвиса, при чемъ приводятся слова о Грили Уэнделля Филлипса: „если будетъ избранъ Грили, тогда каждый негръ на Югѣ долженъ готовиться, чтобы оборонять свою жизнь". Кандидатомъ на вице-президентство конвентъ въ Синсиннатѣ избралъ Граца Броуна, который повидимому также не нравится нѣмцамъ. „Нерасположеніе нѣмцевъ къ Грили и Броуну", пишетъ тотъ же корреспондентъ „Neue Freie Presse", „видимо растетъ. Они охотнѣе всего вовсе бы воздержались отъ участія въ выборахъ". „Проглотить темперенцлера нашимъ людямъ трудно", говоритъ корреспондентъ; „они давятся, давятся, и все-таки онъ сидитъ у нихъ въ горлѣ". Должно быть, значительная часть пивныхъ и водочныхъ заводовъ и продажъ въ Америкѣ принадлежитъ нѣмцамъ, иначе невозможно объяснить, почему имъ въ ихъ же кандидатѣ такъ не нравится то, что онъ — Temperenzler.

Въ началѣ іюня собрался другой конвентъ, въ Филадельфіи, конвентъ большой республиканской партіи. Здѣсь не было сомнѣній насчетъ кандидатовъ. Конвентъ 6-го іюня единогласно провозгласилъ Гранта кандидатомъ на президентство, однимъ поднятіемъ рукъ, безъ баллотировки. Кандидатомъ на вице-президентство по первой же баллотировкѣ избранъ сенаторъ Уильсонъ. „Платформа" или программа филадельфійскаго конвента начинаетъ съ исчисленія заслугъ республиканской партіи и ея главнаго представителя, нынѣшняго президента Союза: освобожденіе рабовъ, подавленіе мятежа, установленіе равноправности, твердый и вмѣстѣ великодушный обзоръ дѣйствій относительно Юга, благоразуміе политики по отношенію къ дикимъ племенамъ индійцевъ, проведеніе желѣзнаго пути къ Тихому океану, поддержаніе національнаго кредита несмотря на войну, огромное уменьшеніе долга, почетное разрѣшеніе внѣшнихъ затрудненій (элебемское дѣло). Въ будущемъ, республиканская платформа ставитъ слѣдующія требованія, которыя — такъ какъ она находится нынѣ въ управленіи—можно также назвать обѣщаніями: поддерживать доходы государства на высотѣ, достаточной для постепеннаго погашенія долга; главную сумму доходовъ извлекать, по прежнему, изъ таможенныхъ пошлинъ, которыя должны быть поддерживаемы и съ цѣлью покро-

вительства внутреннему производству; остальную часть дохода извлекать изъ спиртныхъ напитковъ и табаку. Охранять полную свободу гражданъ въ дѣлахъ гражданскихъ, политическихъ и духовныхъ, безъ всякаго отношенія къ различію расъ, исповѣданій и цвѣта кожи. Уменьшить плату за почтовую пересылку, по возможности скоро возстановить размѣнъ и охранять кредитъ государства. Въ республиканской „платформѣ" стоитъ еще обѣщаніе: „съ уваженіемъ разсмотрѣть (respectfully consider) вопросъ о предоставленіи избирательнаго голоса женщинамъ". Платформа выражаетъ полнѣйшее довѣріе къ мудрости, скромному патріотизму и здравому, практическому смыслу нынѣшняго президента и убѣжденіе, что онъ будетъ избранъ вновь. Грантъ письмомъ выразилъ свое согласіе принять предложенную ему кандидатуру, и объяснилъ, что если будетъ избранъ вновь, то постарается избѣгнуть тѣхъ ошибокъ, которыя были неизбѣжны для него, когда онъ былъ еще неопытенъ въ дѣлахъ управленія. Грили также письменно изъявилъ согласіе на синсиннатскую платформу и кандидатуру, и пересталъ завѣдывать редакціею „Tribune", для того, чтобы она могла поддерживать его. Самъ же онъ, „чаппакскій мудрецъ", какъ его прозвали, удалился въ какіе-то лѣса и занялся тамъ рубкою деревъ, которая, какъ говорятъ, доставляетъ ему высшее наслажденіе. Ему, наборщику и писателю, веселѣе всего ручная работа, въ глухомъ лѣсу.

Затѣмъ, всеобщее вниманіе обратилось на приготовленія къ третьему конвенту, конвенту демократической партіи, происходящему въ Балтиморѣ. Какъ ни непріятна была кандидатура Грили для демократической партіи, однако мало-по-малу демократическіе конвенты, собиравшіеся по отдѣльнымъ штатамъ, высказывались въ пользу Грили. Тогда и нѣмцамъ пришлось, несмотря также на неохоту, рѣшиться окончательно въ пользу Грили. Шурцъ созвалъ либеральныхъ республиканцевъ, къ которымъ причисляются нѣмцы, на особую конференцію въ Нью-Йоркѣ, на 20-е іюня, чтобы устранить всякія недоумѣнія относительно кандидатуры, какой они должны держаться. Но на этой конференціи произошелъ неожиданный скандалъ, а именно, часть либеральныхъ республиканцевъ отреклась отъ синсиннатскаго конвента, отъ Грили и отъ Гранта, которые оба — протекціонисты, и выставила третьяго кандидата, кандидата свободной торговли — адвоката Грузбека изъ Синсиннати. Само собою разумѣется, что онъ не имѣетъ никакихъ шансовъ. Уже послѣ того, Карлъ Шурцъ произнесъ, въ Сент-Луисѣ, ту рѣчь, о которой упомянуто выше и въ которой онъ объявилъ намѣреніе держаться однажды принятой кандидатуры Грили. Но видно правъ былъ корреспондентъ „Neue Freie Presse", что это рѣшеніе „несладко (sauer) пришлось" самому Шурцу, потому что вотъ какія слова передаетъ, изъ сент-луисской рѣчи Шурца, коррес-

понденть другой нѣмецкой газеты, аугсбургской „Allgemeine Zeitung": „въ нашей внутренней политикѣ господствуютъ самыя дикія противорѣчія; это борьба честолюбія съ честолюбіемъ, страсти со страстью, борьба, въ которой бываетъ мало *чистыхъ* успѣховъ, въ которой рѣдки прочные лавры, въ которой человѣка одолѣваютъ не одно противодѣйствіе или своя ошибка, но и собственныя сомнѣнія". Характеристика эта, къ сожалѣнію, годится для всѣхъ дѣлъ человѣческихъ. Но слова эти дѣлаютъ честь добросовѣстности Шурца, хотя не дѣлаютъ чести его дальновидности. Понятно, что если онъ искренній либералъ, то ему больно было видѣть, какъ мѣстные демократическіе конвенты одинъ за другимъ привѣтствовали кандидатуру Грили, и этотъ кандидатъ, выдвинутый впередъ противъ Гранта съ дѣятельнымъ участіемъ самого Шурца, становился такимъ образомъ кандидатомъ демократической партіи, а стало быть, какія же либеральныя надежды можно возлагать на него, когда онъ будетъ избранъ благодаря демократамъ? Но вѣдь Шурцъ и впередъ долженъ же былъ понимать, что̀ такое значитъ союзъ съ демократами. Онъ попался, но попался исключительно по своей винѣ; ничего новаго, непредвидѣннаго не произошло.

Наконецъ, состоялся 10-го іюля ожидаемый страною съ такимъ нетерпѣніемъ демократическій національный конвентъ въ Балтиморѣ. Кандидатура Грили, несмотря на его завзятую борьбу противъ Юга, принята была демократами съ восторгомъ. Уже при первой баллотировкѣ, Грили получилъ огромное большинство 686 голосовъ противъ 38. Броунъ, кандидатъ на вице-президентство также получилъ большинство еще болѣе значительное (713 противъ 19). Балтиморскій демократическій конвентъ безъ всякой перемѣны принялъ „платформу", постановленную на синсиннатскомъ либерально-республиканскомъ конвентѣ. Можно догадываться, насколько искренно будетъ желаніе коалиціи, поддерживающей Грили, чтобы программа эта была въ самомъ дѣлѣ исполнена имъ. Впрочемъ, нельзя же огуломъ осуждать и всю демократическую партію. Въ этой партіи есть люди нравственно-чистые, которые вовсе не желаютъ возстановленія чего-либо похожаго на невольничество, а понимаютъ въ демократическомъ принципѣ именно только принципъ полнаго развитія федерализма, то-есть полновластія отдѣльныхъ штатовъ, полную ихъ самостоятельность и союзъ въ смыслѣ не принужденія, но именно въ смыслѣ союза, каковъ онъ былъ въ самомъ началѣ, когда штаты соединились для борьбы съ Англіею. Въ Грантѣ они видятъ представителя государственнаго единства обязательнаго, представителя централизаціи, опирающейся на фактъ побѣды вооруженной силою. Въ Грили, какъ онъ ни боролся противъ рабовладѣльческаго Юга, они видятъ карателя зла уже исчезнувшаго, и вмѣстѣ противника централизаціонной идеи, публици-

ста, который когда-то писалъ: „надѣюсь не дожить до такой республики, въ которой одни штаты будутъ приколоты къ другимъ посредствомъ штыковъ“.

Можно даже сказать, что и вся демократическая партія въ смыслѣ настоящей политической партіи, отказалась уже отъ мысли о поддержаніи невольничества, окончательно признала совершившійся фактъ и сознаетъ необходимость примиренія. Впрочемъ, далеко не всѣ демократы мирятся съ кандидатурою Грили. Вслѣдствіе провозглашенія ея на балтиморскомъ конвентѣ, часть демократической партіи рѣшила собраться на особый конвентъ, имѣющій собраться въ Луисвиллѣ, 3-го сентября, для избранія другого кандидата. До тѣхъ поръ въ шансахъ Грили, вѣроятно, и не произойдетъ важной перемѣны. Шансы его — какъ мы надѣемся, достаточно явствуютъ изъ предшествующаго — были слабы до принятія его кандидатуры балтиморскимъ конвентомъ. Съ тѣхъ поръ, кандидатура Грили стала серьезна и онъ представляется опаснымъ соперникомъ для Гранта. Но несомнѣнно, что шансовъ у Гранта все-таки больше, чѣмъ у Грили. Республиканская партія сама по себѣ сильнѣе другихъ и въ ней нѣтъ сомнѣнія, нѣтъ разлада насчетъ кандидата въ президенты. Другія партіи, правда, составили коалицію, но какъ то видно изъ борьбы, выдержанной кандидатомъ ея на самомъ синсиннатскомъ конвентѣ, изъ сдержаннаго нерасположенія нѣмцевъ, и сожалѣній Шурца, коалиція далеко не такъ крѣпко держится кандидатуры Ораса Грили, какъ республиканское большинство кандидатуры Улисса Гранта. Наконецъ, у Гранта есть еще тотъ шансъ, что въ случаѣ, если ни у одного изъ кандидатовъ не состоится на выборахъ въ „Electoral College“ законнаго большинства, то выборъ, по закону, будетъ сдѣланъ палатою представителей; а въ этомъ случаѣ избранъ будетъ Грантъ, потому что у него, какъ выше показано, большинство, если только республиканцы - реформисты не дадутъ и тамъ голосовъ вмѣстѣ съ демократами, на что́ они вѣроятно не рѣшатся, когда коалиція не удастся въ самомъ избирательномъ сословіи.

Въ заключеніе сдѣлаемъ еще одно замѣчаніе: сравнивая „платформу“, постановленную въ Синсиннати (принята и въ Балтиморѣ) съ „платформою“, поставленною въ Филадельфіи, нельзя не найти существеннаго сходства между открытыми требованіями всѣхъ партій и обѣщаніями обоихъ кандидатовъ. Что же изъ этого слѣдуетъ? Изъ этого слѣдуетъ, что политическія партіи въ Соединенныхъ Штатахъ, существовавшія доселѣ, то-есть большая республиканская и большая демократическая партіи, партіи Сѣвера и Юга, утратили свою рельефную противоположность, потеряли, такъ сказать, одна по отношенію къ другой, свою главную причину быть. Борьба аболиціонизма съ рабовладѣльчествомъ, вражда между Сѣверомъ и Югомъ должны ис-

чезнуть послѣ того, какъ вырванъ зловредный корень ихъ—невольничество. Прежнія партіи должны распасться и образовать новыя политическія группы, которыя будутъ стремиться къ осуществленію новыхъ, различныхъ цѣлей, но которыхъ общею, первой цѣлью должно быть примиреніе враждовавшихъ половинъ Союза и упроченіе могущества и благосостоянія великой республики.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА.

Германія послѣ заключенія мира.

Берлинъ $^{24}/_{12}$ іюля.

Когда, 6-го іюля, французское національное собраніе приняло дополнительный трактатъ къ франкфуртскому миру, одна изъ здѣшнихъ газетъ напомнила, что ровно два года тому назадъ, также 6-го іюля, былъ данъ первый сигналъ къ войнѣ: сигналъ этотъ заключался въ извѣстномъ отвѣтѣ Грамона въ законодательномъ корпусѣ на возраженіи Кошери. „Франція не потерпитъ, сказалъ министръ иностранныхъ дѣлъ, чтобы чужеземное государство, посадивъ принца своей династіи на тронъ Карла V, поколебало тѣмъ къ своей выгодѣ существующее политическое равновѣсіе Европы.“ Этимъ днемъ 6-го іюля начинаются всѣ записки и хроники о послѣдней войнѣ. Со времени же версальскаго предварительнаго договора прошло около полутора года, въ теченіи которыхъ Европа пользовалась невозмутимымъ миромъ, а Германія начала ощущать плоды своихъ усиленныхъ трудовъ и побѣдъ. Вотъ потому настоящій моментъ представляется наиболѣе удобнымъ, чтобы обозрѣть во всей полнотѣ движеніе послѣдняго времени и сдѣлать изъ него выводъ для будущаго. Мы живемъ въ самомъ дѣлѣ такъ быстро, что едва успѣваемъ оглядываться на прошлое: во всѣхъ сферахъ царитъ необычайная дѣятельность.

Надѣюсь, что меня не упрекнутъ, если я начну съ той сферы, въ которой дѣйствуетъ самъ князь Бисмаркъ, а именно съ дипломатической. Переговоры съ Франціей со времени версальскаго предварительнаго договора до послѣдняго дополнительнаго трактата представляютъ весьма почтенный сборникъ документовъ, достойныхъ изученія для дипломатовъ и государственныхъ людей. Наиболѣе краткій и ясный изъ этихъ документовъ, первый въ ряду, есть версальскій предварительный договоръ отъ 26 февраля 1871 года. Его 10 параграфовъ заключаютъ въ себѣ главныя основанія сдѣлки между Германіей и Фран-

ціей: уступка Эльзаса и большей части Лотарингіи, уплата 5-ти мильярдовъ контрибуціи, постепенное очищеніе французской территоріи отъ нѣмецкихъ войскъ и выдача плѣнныхъ. Относительно уплаты контрибуціи параграфъ 2-й гласитъ, что 1 мильярдъ долженъ быть выплаченъ въ теченіи 1871 года, остальные въ теченіи трехъ лѣтъ со времени ратификаціи настоящаго договора.“ Въ параграфѣ 3-мъ опредѣлено, что по уплатѣ первыхъ двухъ мильярдовъ, вмѣсто занятія французскихъ провинцій нѣмецкими войсками, можетъ быть принята финансовая гарантія.

На основаніи параграфа 4-го, переговоры о мирномъ договорѣ въ окончательной формѣ должны были немедленно начаться въ Брюсселѣ. Извѣстно однако, что эти переговоры вначалѣ не двигались съ мѣста, и 24-го апрѣля князь Бисмаркъ выразился объ этомъ дѣлѣ въ рейхстагѣ весьма рѣзко, сказавъ, что французское правительство повидимому предается надеждамъ, спустя нѣсколько времени, когда оно болѣе окрѣпнетъ, получить другія условія, но что Германія не допуститъ никакихъ измѣненій въ предварительныхъ условіяхъ мира, клонящихся въ пользу Франціи. На слѣдующій день наступилъ срокъ уплаты части военной контрибуціи, и князь Бисмаркъ отправился въ Франкфуртъ для совѣщанія съ французскими уполномоченными Пуйье-Кертье и Гуляромъ о финансовыхъ вопросахъ. Противъ его ожиданій (по крайней мѣрѣ такъ онъ заявилъ въ засѣданіи рейхстага 13-го мая) во Франкфуртѣ, въ теченіи нѣсколькихъ дней, былъ составленъ мирный договоръ въ окончательной формѣ, состоящій изъ 18-ти параграфовъ и 3 дополнительныхъ параграфовъ. Въ немъ былъ опредѣленъ порядокъ выполненія предварительныхъ мирныхъ условій, разрѣшенъ желѣзно-дорожный вопросъ и нѣсколько измѣнены противъ предварительныхъ условій территоріальныя границы, а именно нѣмецкія владѣнія немного увеличены около Тіонвиля, французскія же расширены въ районѣ Бельфора. Относительно уплаты военной контрибуціи въ договорѣ опредѣлено, что 500 милліоновъ должны быть уплачены 30 дней послѣ сдачи Парижа, который въ то время былъ еще въ рукахъ коммуналистовъ, 1 мильярдъ въ теченіи года и пол-мильярда 1 мая 1872, остальное же до 2 марта 1874 г. Далѣе въ договорѣ опредѣленъ порядокъ постепеннаго очищенія территоріи отъ нѣмецкихъ войскъ и въ параграфѣ 2-мъ оговорено такъ-называемое право свободнаго выбора (Optionsrecht): „французскіе подданные, родившіеся на земляхъ отошедшихъ къ Германіи, до настоящаго времени на нихъ проживающіе и желающіе сохранить свою національность, пользуются правомъ до 10 октября 1872 года,—сдѣлавъ предварительное заявленіе о томъ подлежащимъ властямъ,—переселиться во Францію, каковое право не можетъ быть нарушено закономъ о военной службѣ, отъ котораго они ограждены сохраненіемъ званія французскихъ гражданъ.“ 20-го мая стороны обмѣнялись ратификаціями этого договора

во Франкфуртѣ, и 21-го принято условіе, нѣсколько измѣняющее порядокъ уплаты перваго полумильярда. 3 іюня германскій рейхстагъ принялъ законъ присоединенія Эльзаса и Лотарингіи къ германской имперіи, 12 октября были заключены въ Берлинѣ: дополнительная конвенція (convention additionelle) и особая конвенція (Separatconvention); предметомъ первой было облегченіе пошлинныхъ сборовъ для торговли Эльзаса и Лотарингіи. Особая конвенція опредѣляла: очищеніе отъ нѣмецкихъ войскъ шести департаментовъ и сокращеніе оккупаціонной арміи до 5000 человѣкъ—со стороны Германіи; — уплата въ восемь сроковъ отъ 15 января по 1 мая 1872 года 500 милліоновъ военной контрибуціи и 150 милліоновъ процентовъ со стороны Франціи. 11 декабря заключена новая дополнительная конвенція, по которой право свободнаго выбора было продлено до 1 октября 1873 года; затѣмъ ею разрѣшалось множество мелкихъ требованій со стороны обоихъ правительствъ. Такъ какъ она не имѣла никакого политическаго значенія, то со стороны Германіи былъ уполномоченъ для переговоровъ не Бисмаркъ, а баварскій государственный совѣтникъ Веберъ. Новѣйшій трактатъ отъ 29 іюня заканчиваетъ въ себѣ цѣлый рядъ документовъ.

Но прежде чѣмъ перейти къ нему, я сдѣлаю одно замѣчаніе, которое само собою приходитъ въ голову. Никогда, насколько я могу припомнить, за окончаніемъ войны и *мирнымъ трактатомъ* не слѣдовало такого, почти непрерывнаго ряда различныхъ сдѣлокъ. Зная, что̀ французы говорили непосредственно послѣ войны, всякое общеніе ихъ съ Германіей представлялось невозможнымъ: они платятъ контрибуцію, а можетъ быть и нѣтъ, и выжидаютъ удобнаго момента для отплаты. Подобные голоса раздаются и теперь во французской печати и въ обществѣ, но сила обстоятельствъ беретъ верхъ, и побѣжденный продолжаетъ переговариваться съ побѣдителемъ, желая достигнуть для себя той или другой выгоды. Два сосѣднія государства въ Европѣ не могутъ сохранять вѣчную непріязнь одно къ другому, они принуждены будутъ вернуться къ мирнымъ и пріязненнымъ отношеніямъ, потому что солидарность интересовъ такъ велика, что уравниваетъ почти различіе національностей и государствъ. Весь ходъ вещей послѣ войны такъ ясно это подтверждаетъ. Обратите вниманіе на биржи. Всякое затрудненіе во Франціи увлекаетъ за собой и берлинскую биржу, и даже неимовѣрная военная контрибуція можетъ послужить для Германіи источникомъ величайшихъ финансовыхъ опасностей, которыя правительство столь заботливо старается предупредить. Въ этомъ дѣлѣ оно находитъ поддержку во всей Европѣ, потому что всѣ государства, особенно же Англія, заинтересованы въ томъ, чтобы перемѣщеніе сразу столь громадныхъ суммъ, какъ контрибуція, не вызвало неожиданнаго кризиса. Въ этомъ заключается несомнѣнный прогрессъ, и если нельзя все-таки считать вѣрнымъ то, что Франція

отказалась отъ отплаты, то новая борьба будетъ сравнительно непродолжительна и въ концѣ концевъ уступитъ мѣсто мирнымъ интересамъ. Нельзя также не отдать справедливости германскому правительству, которое далеко не заносчиво вело себя относительно Франціи; тѣ французскіе государственные люди, которые принимали участіе въ переговорахъ: Фавръ, Тьеръ и Ремюза, вполнѣ признали это. Въ самой Франціи, правда, раздаются еще частыя жалобы на поступки Германіи, особенно въ средѣ легитимистовъ и бонапартистовъ, но тамъ забываютъ, что въ 1815-мъ году нашествіе Франціи было гораздо хуже. Договоромъ 20-го ноября 1815-го года были сданы побѣдителямъ всѣ военныя позиціи въ сѣверо-восточной Франціи, оккупаціонная армія состояла изъ 150,000 человѣкъ и оставалась въ такомъ составѣ до ахенской конференціи, въ октябрѣ 1818-го года, когда наконецъ герцогъ Ришелье объявилъ отъ имени своего монарха, Лудовика XVIII, что Франція болѣе не въ состояніи нести такой страшной тяжести, и территорія была очищена. О происхожденіи послѣдняго трактата (29-го іюня) „National Zeitung" сдѣлала нѣсколько важныхъ достовѣрныхъ сообщеній, изъ которыхъ видно, что германское правительство показало большую готовность сдѣлать все, что можно для французскаго, и удовлетворилось бы даже одной финансовой гарантіей; но Тьеръ или не хотѣлъ, или не могъ на это пойти. Условія послѣдняго трактата настолько выгодны для Франціи, насколько можно только желать. Она достигла болѣе ранняго очищенія нѣсколькихъ департаментовъ и получила право отсрочить на годъ послѣднюю уплату, или заплатить раньше, какъ ей удобнѣе. Франція такъ быстро оправляется отъ тяжелыхъ ударовъ судьбы, что едва ли можно сомнѣваться въ болѣе ранней уплатѣ контрибуціи; вся сдѣлка имѣетъ характеръ мирнаго настроенія, потому что если бы Франція желала вести войну, то конечно по возможности отдалила бы срокъ послѣднихъ платежей и употребила бы свои деньги на вооруженіе.

Еще совсѣмъ недавно въ Берлинѣ, въ высшихъ военныхъ кружкахъ существовало мнѣніе, что новая война съ Франціей будетъ весьма скоро, черезъ годъ или два, но трактатъ 29-го іюня значительно поколебалъ это мнѣніе; можно сказать достовѣрно, что если не произойдетъ ничего неожиданнаго—напр., появленія Гамбетты во главѣ правленія—то пройдетъ еще много мирныхъ лѣтъ, тѣмъ болѣе, что до сихъ поръ Франція не можетъ, въ случаѣ войны, разсчитывать на союзничество ни съ какой стороны. Англія недовольна торговой политикой Тьера, Австрія и Италія тѣсно сблизились съ Германіей. Доказательствомъ близкихъ отношеній этихъ державъ къ Германіи служитъ пріѣздъ наслѣднаго принца итальянскаго Гумберта на крестины къ наслѣдному принцу прусскому и предположенное въ сентябрѣ посѣщеніе Берлина императоромъ Францемъ-Іосифомъ, съ супру-

гой и нѣсколькими министрами. Этому посѣщенію придаютъ здѣсь большое значеніе. Французская партія при вѣнскомъ дворѣ, весьма сильная еще въ 1870-мъ году, потеряла всякое вліяніе, вообще Австрія ясно поняла выгоду хорошихъ отношеній къ Германіи. Гораздо опаснѣе вліяніе клерикаловъ, которыхъ въ Австріи еще довольно. Австрійскіе нѣмцы торжествуютъ, взирая на мѣры, предпринятыя германскимъ правительствомъ противъ іезуитовъ; эти послѣдніе уже начинаютъ выселяться изъ германской имперіи и наводнять собою Австрію, особенно Богемію.

Объясненіе съ Люксенбургомъ (по поводу договора о тамошнихъ желѣзныхъ дорогахъ) и вновь подтвержденное при этомъ случаѣ признаніе нейтралитета этой страны—произвели хорошее впечатлѣніе.

Несмотря на столь благопріятное дипломатическое положеніе дѣлъ, здѣсь заняты, съ обычнымъ рвеніемъ, дѣломъ вооруженія, не желая отстать отъ Франціи, сильно озабоченной этимъ въ настоящее время. Мольтке, обыкновенно столь молчаливый, разоблачилъ недавно свою замѣчательную дѣятельность до начала послѣдней войны. Въ началѣ этого мѣсяца появился первый выпускъ исторіи нѣмецко-французской войны, издаваемый военно-историческимъ отдѣленіемъ генеральнаго штаба. Въ этомъ выпускѣ говорится только о событіяхъ, совершившихся въ іюлѣ 1870-го года, и заключается одинъ документъ, имѣющій чрезвычайный интересъ, а именно мемуаръ, представленный генераломъ Мольтке зимою 1868—69 годовъ королю, въ которомъ изложенъ планъ дѣйствій, выполненный во время войны 1870-го года. Самое существенное въ немъ—знаменитая мобилизація. Мольтке предвидѣлъ два возможныхъ случая. Въ одномъ, французская армія въ 150,000 человѣкъ должна немедленно вступить на нѣмецкую территорію — въ этомъ случаѣ было бы невозможно воспрепятствовать нѣкоторымъ частнымъ успѣхамъ, въ другомъ—мобилизація всей французской арміи. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ Пруссія можетъ или предупредить французовъ, или же ожидать ихъ на границѣ. Раздѣленіе на три арміи, осуществленное во время войны, было предусмотрѣно въ этомъ мемуарѣ, вообще планъ мобилизаціи былъ разработанъ столь детально, что когда король 15-го іюля возвратился изъ Эмса въ Берлинъ и далъ согласіе на выступленіе, потребовалось только желѣзно-дорожному отдѣленію генеральнаго штаба выставить число перваго дня мобилизаціи на маршрутахъ для каждой части войскъ и начать такимъ образомъ доставку войскъ на мѣста назначенія, доставку, совершенную съ такой пунктуальностью, которая возбудила удивленіе всего міра. Конечно этому содѣйствовало чрезвычайное рвеніе всѣхъ служащихъ, а также и *счастье*, безъ котораго никакое предпріятіе, будь оно еще мудрѣе задумано, неудастся. Что касается настоящей реорганизаціи французской арміи, то до сихъ поръ здѣсь не сочли нужнымъ усиливать наборъ (на что во-

требовался бы новый *законъ*, такъ какъ усиленный наборъ повлекъ бы за собой и усиленіе мирнаго состава арміи, а составъ этотъ опредѣляется конституціей въ 1 процентъ населенія по переписи 1867 года), численное же превосходство французской артиллеріи вынудило мѣру, вслѣдствіе которой количество полевой артиллеріи сразу было удвоено, именно каждый корпусъ вмѣсто *одного* артиллерійскаго полка будетъ имѣть *два*. Само собою разумѣется, что всякое дальнѣйшее увеличеніе французскихъ военныхъ силъ повлечетъ за собою соотвѣтствующее же увеличеніе и германскихъ. Относительно вооруженія пѣхоты пока не пришли еще къ окончательному рѣшенію и думають удовлетвориться нѣкоторыми усовершенствованіями, которыя сдѣланы въ игольчатыхъ ружьяхъ.

Засѣданія парламента окончились уже четыре недѣли тому назадъ. Эти засѣданія отличались плодотворностью и дѣятельностью, безпримѣрными въ лѣтописяхъ юной Германіи; было выработано много важныхъ законовъ, изъ которыхъ послѣдній, законъ о іезуитахъ наиболѣе важенъ въ политическомъ отношеніи; онъ принятъ палатой 19 іюня, 181 голосомъ противъ 93, послѣ многократныхъ, возникшихъ по поводу его разладовъ въ средѣ либеральной партіи. Такимъ образомъ, я снова добрался до вопроса, о которомъ говорилъ чуть ли не въ каждомъ изъ своихъ писемъ въ теченіи послѣдняго года,— до великой борьбы Германіи съ Римомъ. Но что же дѣлать? Всѣ пути приводятъ въ Римъ, дѣлайте въ Германіи теперь что хотите, и вы не избѣжите религіознаго вопроса, который есть жгучій вопросъ дня, и со дня на день становится все болѣе важнымъ, съ тѣхъ поръ какъ папа самолично выступилъ въ немъ борцемъ.

Папство было всегда врагомъ протестантской Пруссіи; оно съ замѣчательнымъ инстинктомъ предчувствовало опасность, угрожавшую ему отъ этого честолюбиваго и безпокойнаго государства. До 1787 года папы не признавали королей прусскихъ и называли ихъ маркграфами бранденбургскими. Въ прошломъ письмѣ я уже говорилъ о предшествовавшихъ событіяхъ. Изъ позднѣйшихъ наиболѣе важно заявленіе, сдѣланное папой въ наставленіи къ одному нѣмецко-католическому обществу чтенія въ Римѣ: *выпадетъ камушекъ, отъ котораго рухнетъ пьедесталъ колосса.* Подъ колоссомъ слѣдуетъ, по связи съ предшествовавшимъ, понимать германскую имперію. Трудно описать впечатлѣніе, вызванное этимъ откровеннымъ заявленіемъ ненависти къ Германіи. Газета „*Germania*“ пыталась смягчить выраженіе папы, утверждая, что онъ подразумѣвалъ не германскую имперію, а либерализмъ, но попытка ея не удалась, дѣло было слишкомъ ясно. Такое поведеніе папы глубоко огорчило всѣхъ сколько-нибудь разсудительныхъ католиковъ. Такъ, упорно ультрамонтанская газета „*Schlesische Zeitung*“ говоритъ объ этомъ фактѣ слѣдующее: „Пій, какъ папа, былъ вполнѣ

правъ и вынужденъ сказать то, что сказалъ". Но немного далѣе продолжаетъ: „...подобный ударъ изъ-за Альповъ отразится скорѣй на нѣмецкихъ католикахъ, чѣмъ на ихъ врагахъ, имъ онъ доставитъ гораздо болѣе ничѣмъ незаслуженнаго огорченія, чѣмъ ихъ врагамъ".

Это выраженіе неудовольствія интересно съ той стороны, что въ немъ въ первый разъ выставляется на видъ *среди* католиковъ, оставшихся вѣрными догмату непогрѣшимости, національное различіе между Римомъ и Германіей. Это различіе или точнѣе уклоненіе отъ духовнаго владычества Рима, какъ извѣстно, было гораздо болѣе важной причиной того раскола, который нѣмцы называютъ *реформаціей*, чѣмъ *догматы*. Папа—вполнѣ итальянецъ, окруженный главнымъ образомъ итальянцами и мало знакомый съ германскимъ положеніемъ дѣлъ.

Это неизгладимое различіе, которое забывалось только въ тѣ моменты, когда кипѣли страсти, и есть основное начало старокатолицизма. Партія старокатоликовъ повидимому не сильна, но исторія показываетъ, что при существованіи здоровыхъ и плодотворныхъ принциповъ достаточно иногда случайности, чтобы мгновенно дать партіи обширное развитіе, принципы же старокатоликовъ весьма разумны. Ихъ коноводы составили недавно программу, изъ которой видны размѣры и направленіе реформъ, къ которымъ они стремятся. Главное ихъ стремленіе состоитъ въ возстановленіи стараго епископальнаго учрежденія въ противуположность настоящей, доведенной до крайности системы папства; такимъ образомъ, они стремятся перемѣстить церковную власть изъ центра периферіи, отъ личности папы въ соборъ, собраніе епископовъ. Они желаютъ возстановленія синодальнаго учрежденія, именно окружныхъ, провинціальныхъ и національныхъ синодовъ (церковныхъ парламентовъ) такъ, чтобы на будущее время ни одинъ нѣмецкій епископъ не могъ отправиться на соборъ прежде, чѣмъ спорный пунктъ не былъ разрѣшенъ въ нѣмецкомъ національномъ синодѣ. Для осуществленія синодальнаго учрежденія они требуютъ введенія вновь избранія духовенствомъ и приходами епископовъ, съ ихъ прежнею независимостью и прежними правами. Такимъ образомъ, церковная власть должна раздѣлиться; папа между прочими епископами долженъ быть только какъ *primus inter pares*, а не абсолютнымъ владыкой надъ вассалами, какъ теперь. Для приданія прочности этимъ учрежденіямъ духовенство должно получать національное воспитаніе и священники избираться приходами. Этимъ способомъ духовенство снова тѣсно сблизится съ отечествомъ и паствою, не будетъ, какъ теперь, совершенно чуждымъ обществу и слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ іезуитской партіи, господствующей въ Римѣ.

Остается неразрѣшеннымъ вопросъ, достаточно ли сильна католическая церковь, чтобы вынести подобную реформу. Я мало въ это

вѣрю, и полагаю, что она должна остаться такой, какъ есть, и что она вообще идетъ совершенно въ разрѣзъ съ новѣйшими идеями. Силлабусъ служитъ тому неопровержимымъ доказательствомъ. Движеніе это совершенно чуждо государству. Правительство не можетъ поддерживать его, оно можетъ только, что́ и сдѣлало, предоставить старокатоликамъ права наравнѣ съ тѣми, которыми пользовалась католическая церковь. Относительно закона противъ іезуитовъ также не должно слишкомъ увлекаться; іезуиты найдутъ средства и пути обходить его. Но изданіе этого закона положило начало для рѣшительныхъ дѣйствій министра просвѣщенія. Въ широкихъ размѣрахъ организованная инспекція и ревизія школъ предупредитъ не мало золъ, которымъ покровительствовало старое министерство; но недавно изданъ особенно важный приказъ, по которому членамъ духовныхъ конгрегацій и духовныхъ орденовъ воспрещается быть учителями въ общественныхъ народныхъ школахъ. Гдѣ есть школы, тамъ есть и будущность; эта старая, неопровержимая истина въ теченіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ была пренебрегаема либералами. Они полагали, да полагаютъ часто и теперь, что парламентъ, свобода печати и дешевая популярная литература, особенно распространяющая естественно-историческія свѣдѣнія, вполнѣ достаточны, чтобы разсѣять весь мракъ. Я это пережилъ и долженъ съ грустью сознаться, что подобное распространеніе образованія есть величайшее заблужденіе. Люди, не получившіе солиднаго школьнаго образованія и желающіе образовать себя посредствомъ газетъ и дешевыхъ народныхъ книгъ, въ девяти случаяхъ изъ десяти дѣлаютъ тщетное усиліе, даже хуже: это приводитъ къ пустому чванству, безмѣрному самомнѣнію и презрѣнію ко всякимъ солиднымъ и серьезнымъ знаніямъ. Нѣмецкихъ ученыхъ нельзя больше упрекать въ педантизмѣ, они умѣютъ въ настоящее время, не хуже англичанъ и французовъ, излагать свои мысли элегантно и популярно. Научно-популярная литература приняла большіе размѣры, но, несмотря на опасность прослыть ретроградомъ, повторяю, польза отъ нея, въ чемъ я убѣдился собственнымъ опытомъ, ничтожна. Образованный человѣкъ, правда, можетъ пріобрѣсти такимъ образомъ познанія, которыхъ иначе не достигъ бы, но въ головѣ необразованнаго произойдетъ страшная путаница понятій. Въ большинствѣ случаевъ люди станутъ либеральнѣе и въ политическомъ и въ религіозномъ отношеніяхъ, но этотъ либерализмъ ненадеженъ, и не разъ уже происходили величайшіе перевороты во мнѣніяхъ массы. Тѣмъ временемъ враги просвѣщенія идутъ своимъ путемъ и воспитываютъ въ монастыряхъ, школахъ, обществахъ поколѣніе, которое какъ будто принадлежитъ другому вѣку, другому міру, которое свѣтскій міръ презираетъ или, самое большое, удостоиваетъ сожалѣнія. Оба потока идутъ параллельно. Берлинскія сатирическія газеты, расходящіяся

въ общей сложности больше, чѣмъ въ ста тысячахъ экземпляровъ, въ каждомъ нумерѣ осыпаютъ папу всевозможными насмѣшками. Это очень нравится ихъ единомышленникамъ, но можно сказать достовѣрно, что насмѣшки надъ папой не отняли у него ни одного изъ его лицемѣрныхъ приверженцевъ. Характеръ людей обусловливается на всю жизнь воспитаніемъ, получаемымъ въ молодости, и слѣды этого воспитанія сохраняются даже у тѣхъ, которые считаютъ, что вполнѣ отъ него освободились. Католическая церковь поняла это хорошо: увеличеніе числа учителей и учительницъ изъ духовнаго сословія возростаетъ съ быстротой. Въ 1856-мъ году, министерскимъ указомъ допущены въ Пруссіи учительницы изъ духовнаго сословія, такъ-называемыя *Schulschwestern*; десять лѣтъ спустя число ихъ достигло въ Рейнскихъ провинціяхъ 1146, въ Вестфаліи 446, теперь же ихъ гораздо больше. Эти монахини-учительницы, принадлежащія непремѣнно къ какому-нибудь ордену, находятся въ полной зависимости отъ своего духовнаго начальства и подъ вліяніемъ того направленія, которое господствуетъ въ Римѣ. Такое усердіе ультрамонтанизма было бы невозможно, еслибы правительство не поощряло его и еслибы въ области евангелическаго воспитанія не господствовало то же самое. Это направленіе было установлено, какъ извѣстно, регламентами 1854 года, которыми была сокращена программа преподаванія въ народныхъ школахъ и уменьшенъ цензъ знанія для учителей. Новый министръ просвѣщенія созвалъ въ прошломъ мѣсяцѣ коммиссію изъ спеціалистовъ и членовъ парламента для обсужденія новой организаціи народныхъ школъ. Въ этой коммиссіи участвовали представители различныхъ направленій, самъ же министръ оставался нейтральнымъ; по окончаніи работъ коммиссіи, настоящій виновникъ „регламентовъ", тайный совѣтникъ Шталь, защищавшій ихъ въ конференціи, взялъ отпускъ, который сочтенъ за первый шагъ къ совершенному его удаленію. Такъ исчезаютъ одинъ за другимъ поборники старой реакціонной системы, но пройдутъ еще годы, пока измѣненная система принесетъ плоды.

Законъ о надзорѣ за училищами положилъ конецъ господству церкви надъ школой; государство и церковь, до крайности враждебно настроенныя другъ противъ друга, готовы помѣряться силами; необходимымъ и неизбѣжнымъ слѣдствіемъ такого разлада будетъ узаконеніе гражданскаго брака. Вслѣдъ за принятіемъ закона объ іезуитахъ рейхстагу предложена была *резолюція* Фёлька, въ которой выражена надежда на возможно скорое внесеніе въ палату проекта закона о гражданскомъ бракѣ, и резолюція эта была принята громаднымъ большинствомъ.

Въ своихъ прежнихъ корреспонденціяхъ я старался изобразить дѣйствія либеральныхъ экономическихъ законоположеній, немыслимыхъ

безъ политической свободы, но вліяющихъ съ своей стороны на развитіе ея. Политическая свобода значительно преуспѣваетъ, и еслибы либеральная партія могла только рѣшиться не дѣлать обыкновенной оппозиціи противъ бюджета арміи, то ничто больше не заслоняло бы дорогу правильному ходу парламентарной системы. Еще существуетъ, правда, много законовъ, завѣщанныхъ временемъ реакціи; такъ до сихъ поръ не удалось еще провести отмѣну газетныхъ штемпелей, или добиться допущенія присяжныхъ при политическихъ процессахъ, но идеи народа значительно измѣнились и законоположеніе должно идти въ уровень съ ними. Перемѣна воззрѣній выразилась также и въ средѣ парламента. Старо-консервативная партія, извѣстная подъ именемъ партіи „Крестовой Газеты", господствовавшая въ Пруссіи со времени усмиренія революціи 1848 до 1858, неограничено властовавшая въ палатѣ господъ и составлявшая большинство въ палатѣ депутатовъ, окончила свое существованіе: она насчитываетъ всего нѣсколько представителей. Причина столь быстраго крушенія прежде столь могущественной партіи заключается въ ложной и непрактичной программѣ ея. Въ сущности партія эта была не *консервативная*, а *негативная*, потому что она занималась только отрицаніемъ всего, что было вызвано къ жизни 1848-мъ годомъ; она тратила всѣ свои силы на жалкую работу пересмотра конституціи, выкидывая изъ нея все, что только казалось ей сколько-нибудь либеральнымъ, въ остальномъ же она вполнѣ полагалась на правительство, армію и полицію. Послѣднимъ вздохомъ этой партіи былъ внутренній конфликтъ въ 1862—66-мъ годахъ, по окончаніи котораго она сама собою распалась. Она проповѣдывала тѣсный союзъ съ Австріей, осуждала завоевательную политику, проповѣдывала сближеніе католическаго и евангелическаго православія, но на дѣлѣ свершилось все какъ разъ противъ ея желаній и къ тому же совершено было человѣкомъ, который былъ гордостью этой партіи. Отношенія ея къ Бисмарку становились все хуже, и когда она стала слишкомъ любезно заигрывать съ ультрамонтанами, послѣдовалъ окончательный разрывъ. Положеніе Бисмарка было весьма щекотливо, потому что абсолютно невозможно опираться на либеральныя партіи и считать консервативную правильной оппозиціей. Въ Англіи это случалось не разъ, но въ Германіи не то; здѣсь до сихъ поръ консервативная партія поддерживала даже либеральное министерство (министерство графа Шверина), считая своей обязанностью поддерживать вообще правительство. Внѣ парламента произошло не менѣе существенное преобразованіе консервативной партіи. При своемъ образованіи въ 1848-мъ году, партія состояла изъ мелкопомѣстнаго дворянства старо-прусскихъ провинцій, старо-лютеранскихъ священниковъ, нѣкоторыхъ высшихъ чиновниковъ, реакціонеровъ по привычкѣ или по убѣжденію, и немногихъ молодыхъ, примкнувшихъ къ партіи

съ разсчетомъ сдѣлать карьеру. Офицерство, большею частью изъ мелкихъ дворянъ, также принадлежало къ консервативной партіи. Громадный промышленный переворотъ и политическое расширеніе Германіи многое измѣнили. Мелкое дворянство потеряло то значеніе для государства, которымъ пользовалось 20 лѣтъ тому назадъ, явились свѣжія силы; армія перестала составлять его достояніе; офицерство стало столь многочисленно, что дворянства не хватало для пополненія его состава, пришлось всѣмъ высшимъ классамъ общества принять въ немъ участіе. Еще въ пятидесятыхъ годахъ офицерство носило какой-то своеобразный, если можно такъ выразиться, бранденбургскій отпечатокъ и клялось и божилось Шталемъ, Герлахомъ и „Крестовой Газетой". Теперь это измѣнилось, какъ отъ прилива новаго элемента, такъ и вслѣдствіе опыта трехъ послѣднихъ войнъ, вообще же вслѣдствіе болѣе свободной политической жизни. Офицеръ пріобрѣлъ болѣе свободный, широкій взглядъ, и изъ юнкера сдѣлался джентельменомъ. Больше не въ модѣ раздѣлять политическіе взгляды „Крестовой Газеты," такъ какъ она попала въ немилость у Бисмарка, и офицеръ имѣетъ свое собственное свободное сужденіе о политическихъ дѣлахъ, хотя и выражаетъ его вообще съ осторожностью. Старо-лютеранскіе священники остались конечно тѣмъ же, чѣмъ и были, но они слишкомъ заняты проклинаніемъ своихъ вольнодумныхъ собратовъ, каковы Сидовъ и Лиско, чтобы имѣть время заниматься расширеніемъ своего вліянія, которое въ сущности никогда не было значительнымъ. Между чиновниками, прежніе приверженцы консервативной партіи если не умираютъ, то понемногу удаляются съ арены дѣятельности. Во всякомъ случаѣ въ консервативномъ элементѣ недостатка въ странѣ нѣтъ, недостаетъ только общаго интереса, связи. Преобразованіе и созданіе новой консервативной партіи составляетъ заботу князя Бисмарка и его фамулуса тайнаго совѣтника Вагенера, проектировавшаго даже программу новой „монархическо-конституціонной партіи", которая однако дальше проекта не пошла.

Ближайшая къ старо-консервативной партіи есть партія, носящая названіе либерально-консервативной въ палатѣ депутатовъ и германской имперской въ рейхстагѣ. Она отличается весьма консервативными принципами, хотя и не школы Шталя-Герлаха. Эта партія очень мала и состоитъ главнымъ образомъ изъ крупныхъ силезскихъ землевладѣльцевъ. Она считаетъ себя способной къ управленію и разсчитываетъ (можетъ быть не безъ основанія), съ перемѣной системы, занять министерскіе посты.

Большинство населенія въ городахъ либерально, и имъ-то пополняются обѣ большія партіи: *прогрессивная* и *національно-либеральная*, изъ которыхъ первая въ началѣ шестидесятыхъ годовъ достигла высшаго предѣла своего могущества, но съ тѣхъ поръ пришла въ

упадокъ и насчитываетъ всего 44 члена въ рейхстагѣ. Національно-либеральная партія самая значительная по численности, но между ея крайними правой и лѣвой сторонами столь громадное различіе въ политическихъ принципахъ, что она угрожала уже нѣсколько разъ распаденіемъ и врядъ ли избѣжитъ этой участи при первомъ кризисѣ. Объ ультрамонтанахъ умолчу, такъ какъ положеніе ихъ достаточно извѣстно. Изъ сказаннаго выходитъ, что послѣ распаденія старо-консервативной партіи не образовалось ни одной органической партіи. Я разумѣю подъ этимъ такую, которая бы имѣла связи въ странѣ на основаніи общихъ интересовъ, то-есть была бы необходимостью. Избиратели національно-либеральныхъ и прогрессивныхъ депутатовъ выбираютъ обыкновенно не ради матеріальныхъ интересовъ, но ради желанія выразить свои политическіе взгляды и имѣть представителей ихъ въ парламентѣ. Избраніе болѣе умѣренныхъ національно-либераловъ или болѣе радикальныхъ прогрессистовъ зависитъ обыкновенно отъ массы случайностей. А потому нельзя сказать съ увѣренностью, какова будетъ комбинація партій при слѣдующихъ выборахъ; но пока національно-либералы въ существенномъ будутъ согласны съ правительствомъ, большинство останется конечно за ними. Они проводятъ слѣдующій принципъ: способствовать по возможности либеральному направленію новыхъ законоположеній, но, если невозможно провести закона въ желаемомъ смыслѣ, то не доводить дѣло до разлада съ правительствомъ—таково мнѣніе большинства населенія. Образованіе новыхъ партій сдѣлается возможнымъ только тогда, когда новые порядки войдутъ въ жизнь. Самоуправленіе разовьетъ политическія понятія въ деревняхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ явится сознаніе зависимости собственныхъ интересовъ отъ парламентскаго представительства. Такое сознаніе поведетъ къ хорошимъ выборамъ, а безъ хорошаго выбора невозможно и хорошее представительство страны. Пока дѣятельность партій еще недостаточно широка, чтобы установить столь плодотворное взаимное вліяніе между парламентомъ и страной; этому препятствуетъ и то обстоятельство, что страна находится въ переходномъ положеніи, а обстоятельства вынуждаютъ спѣшить необходимыми реформами въ законоположеніяхъ. Многое должно измѣниться со смертью императора Вильгельма, потому что его старые годы и счастье дѣйствуютъ чарующимъ образомъ на людей, и, что можетъ бы еще важнѣе, всякій стыдится нарушить покой старца. Отъ ультрамонтановъ нельзя ожидать серьезной опасности. Стоитъ только правительству показать себя рѣшительнымъ относительно ихъ и они сейчасъ запоютъ другую пѣснь. Соціальный вопросъ опаснѣе, хотя въ данную минуту соціалисты-демократы совсѣмъ притихли. Но два обстоятельства указываютъ на существующую опасность: во-первыхъ, громадное выселеніе, и во-вторыхъ, недоста-

токъ квартиръ, не только въ Берлинѣ, но и во всѣхъ другихъ большихъ городахъ. Выселеніе происходитъ главнымъ образомъ изъ провинцій Помераніи и Пруссіи, наименѣе населенныхъ во всемъ прусскомъ государствѣ; тамъ и самъ уже замѣчается недостатокъ рабочихъ рукъ. Тщательныя изслѣдованія этого факта согласны между собой въ томъ, что причиной выселенія служатъ высокіе налоги и страхъ военной службы. Въ теченіи восьми лѣтъ Пруссія имѣла три войны, и многіе должны были участвовать во всѣхъ трехъ; уже два раза по крайней мѣрѣ приходилось отрываться отъ мирныхъ занятій. Матеріальныя потери этихъ людей громадны, государство же не даетъ имъ никакого или почти никакого вознагражденія. Такое положеніе дѣлъ не можетъ поощрять, а потому нельзя и претендовать на то, что люди переселяются въ Америку, гдѣ не предвидится войны, по крайней мѣрѣ въ ближайшемъ будущемъ. Такая причина переселенія приводится, совершенно откровенно, не демократами, а вполнѣ консервативными людьми, и правительству слѣдуетъ обратить на этотъ фактъ побольше вниманія. Вѣрить въ то, что виною всему агенты, соблазняющіе людей къ переселенію, нелѣпо. Впрочемъ почти несомнѣнно, что католическое духовенство способствуетъ выселенію, хотя цѣль его не ясна, потому что если ультрамонтаны помышляютъ предпринять борьбу съ германской имперіей, съ разсчетомъ на успѣхъ, зачѣмъ же имъ отсылать своихъ поборниковъ въ Америку. Или, можетъ быть, они считаютъ борьбу безнадежной?

Вамъ уже конечно извѣстно о квартирномъ бѣдствіи, посѣтившемъ Берлинъ, благодаря недостатку квартиръ. Я намѣренъ поговорить о настоящихъ причинахъ этого явленія и объ его отношеніи къ соціальнымъ вопросамъ. Реакціонеры необыкновенно какъ легко относятся къ нему. Причина этого явленія заключается, по ихъ мнѣнію, въ дарованной свободѣ переселенія, и устранить его можно лишь уничтоженіемъ этого права. Съ такой же легкостью относятся къ нему и политико-экономы манчестерской школы, которые утверждаютъ, что квартирный вопросъ является слѣдствіемъ притока населенія къ городамъ и что это явленіе носитъ въ самомъ себѣ элементы для своего устраненія, такъ какъ недостатокъ въ квартирахъ вызоветъ обратное явленіе: переселеніе изъ городовъ, что, поэтому, государству нечего вмѣшиваться въ это дѣло. О реакціонерахъ не стоитъ разсуждать, тѣмъ болѣе, что никто и не думаетъ объ ограниченіи свободы переселенія, этомъ естественномъ правѣ людей. Но заблужденіе послѣдователей манчестерской школы гораздо серьезнѣе. Приливъ населенія къ большимъ городамъ составляетъ безспорный фактъ, но онъ обусловливается главнымъ образомъ тѣмъ обстоятельствомъ, что въ городахъ легче найти себѣ заработокъ, такъ какъ въ нихъ больше спроса на рабочія руки. Рабочее населеніе, приливающее къ горо-

дамъ, приноситъ пользу не только себѣ, но и интересамъ національнаго хозяйства, ибо приходитъ туда, гдѣ его трудъ всего нужнѣе, а слѣдовательно и всего полезнѣе. Итакъ, вопросъ очевидно вовсе не въ томъ: слѣдуетъ ли рабочему, который нашелъ работу, но не нашелъ квартиры, переселяться обратно изъ города? но въ томъ: слѣдуетъ ли изгонять изъ города рабочаго, который нашелъ работу, но не находитъ квартиры? Тутъ уже очевидно, что наносится ущербъ не одному только рабочему, но и общему благосостоянію. Что недостатокъ въ квартирахъ производится не однимъ только приливомъ населенія, ясно доказывается тѣмъ, что въ прежнія времена населеніе Берлина возрастало еще съ большей быстротой, чѣмъ теперь, а между тѣмъ недостатка въ квартирахъ не проявлялось. Это послѣднее явленіе порождается главнымъ образомъ тѣмъ обстоятельствомъ, что постройка домовъ происходитъ несоразмѣрно съ приливомъ населенія, и въ настоящую минуту неправильность отношенія между первой и вторымъ особенно велика вслѣдствіе того, что множество старыхъ домовъ куплено новыми владѣльцами, которые приступили къ перестройкѣ ихъ; а благодаря этому обстоятельству дома эти не могутъ быть обитаемы въ теченіи полугода, и даже цѣлыхъ трехъ четвертей года.

Для того, чтобы вполнѣ очертить положеніе дѣлъ въ Германіи, слѣдуетъ коснуться, хотя бы слегка, того фазиса, какой переживаетъ стремленіе къ единству. Въ этомъ отношеніи ничего не произошло особенно выдающагося, и нельзя подмѣтить ни единаго симптома, который далъ бы право заключить о томъ, что въ этомъ отношеніи совершается обратное движеніе. Союзный совѣтъ работалъ въ теченіи цѣлой длинной и богатой событіями сессіи, и въ средѣ его ни разу не возникло столкновенія. Единственный разъ, когда дѣло доходило, казалось, до этого — когда обсуждался масштабъ для распредѣленія французской военной контрибуціи—Пруссія уступила желаніямъ своихъ союзниковъ. Въ важнѣйшихъ законодательныхъ трудахъ, какъ, напр., при составленіи уголовнаго военнаго кодекса и законовъ, которые направлены противъ захватовъ власти со стороны ультрамонтановъ, царствовало полнѣйшее согласіе. Уполномоченный княжества Рейссъ старшей линіи (оно имѣетъ 5 квадратныхъ миль и 4400 жителей) вотировалъ противъ закона объ изгнаніи іезуитовъ, конечно къ великому удовольствію имперскаго канцлера, который охотно выставляетъ на глаза міру, что даже мельчайшіе союзники пользуются независимостью. Въ маленькихъ государствахъ средней Германіи раздаются частыя жалобы на новый порядокъ вещей, потому что этимъ государствамъ приходится платить чрезвычайно высокіе налоги для поддержанія своихъ дворовъ и многочисленныхъ чиновниковъ. Этимъ государствамъ было бы рѣшительно пріятнѣе, еслибы они были

окончательно присоединены къ Пруссіи. Въ ганзейскихъ городахъ царствуетъ весьма дружеское настроеніе относительно Пруссіи и амальгамація происходитъ постепенно, хотя прежняя форма еще и остается. Само собой разумѣется, что князь Бисмаркъ теперь, какъ и прежде, уклоняется отъ уніонистскихъ стремленій, потому что ничтожнѣйшій шагъ въ этомъ направленіи могъ бы встревожить союзниковъ. Въ Вюртембергѣ и Баденѣ не произошло никакихъ перемѣнъ. Въ Баваріи, со времени смерти графа Гегненберга снова воцарилась какая-то система колебаній, но побѣды со стороны партикуляристю-ультрамонтанской партіи никакъ нельзя опасаться. Въ Эльзасъ-Лотарингіи все ближе и ближе подходитъ моментъ перваго рекрутскаго набора. Извѣстія о настроеніи населенія весьма разнорѣчивы, и я не берусь произнести объ этомъ какого бы то ни было рѣшенія. Но во всякомъ случаѣ отношеніе къ новому порядку дѣлъ проявится всего яснѣе во время набора: тѣ, которые не уклонятся отъ набора посредствомъ переселенія во Францію, во всякомъ случаѣ рѣшились значитъ сдѣлаться нѣмцами.

О какомъ-либо развитіи изящныхъ искусствъ и литературы, въ особенности поэзіи, я все еще ничего не могу сообщить вамъ. Драматическое творчество почти совсѣмъ оскудѣло и ничего не даетъ, за исключеніемъ незначительныхъ водевилей и комедій. Въ этомъ отношеніи Франція до сихъ поръ остается источникомъ, изъ котораго должны черпать нѣмецкія сцены, если не хотятъ заглохнуть окончательно, такъ какъ нельзя же вѣчно смотрѣть на классическія пьесы. Въ поэзіи не проявилось ни одного новаго таланта, а старые не дали ни одного замѣчательнаго произведенія. Изъ беллетристовъ одинъ только Поль Гейзе издалъ новый трудъ, а именно романъ, первый, который выходитъ изъ-подъ пера этого писателя. Романъ называется „*Kinder der Welt*“ и печатается въ Спенеровой газетѣ, которая съ тѣхъ поръ, какъ перешла въ руки акціонерной компаніи, приняла совершенно новую форму и совсѣмъ позабыла о старомъ „дядюшкѣ Спенерѣ“, бывшемъ лейбъ-органомъ берлинскихъ тайныхъ совѣтниковъ, и имѣла честь (которая, впрочемъ, перешла и на обновленный органъ) видѣть короля во главѣ своихъ абонентовъ и читателей. Образованныхъ людей въ Германіи волнуетъ извѣстіе о томъ, что Густавъ Фрейтагъ окончилъ романъ, который долженъ выдти осенью и носитъ заглавіе: „*Der Kaufmann*“. Первый романъ Густава Фрейтага „*Soll und Haben*“ принадлежитъ несомнѣнно къ числу лучшихъ новѣйшихъ нѣмецкихъ романовъ, равно какъ произведеніе Фрейтага „*Journalisten*“ принадлежитъ къ числу лучшихъ нѣмецкихъ комедій. Они появляются постоянно въ новыхъ изданіяхъ, и молодые писатели постоянно черпаютъ изъ нихъ матеріалъ. Третье произведеніе его, появившееся года два тому назадъ, „*Die verlorne Handschrift*“ слабо, сравнительно съ

двумя первыми мастерскими произведеніями, но имѣло успѣхъ въ свое время, вслѣдствіе отсутствія болѣе замѣчательныхъ произведеній.

Уже война 1866 г. возбудила мысль о водруженіи гигантской побѣдной колонны, которую предполагалось выставить на королевской площади въ Тиргартенѣ. Но выполненіе этого проекта шло такъ медленно, что война 1870 г. застала его еще невыполненнымъ. Вслѣдствіе этого рѣшено было воздвигнуть монументъ въ память обѣихъ войнъ и въ проектѣ произведены были нѣкоторыя измѣненія. Монументъ состоитъ изъ колоссальной колонны, убранной пушками, на верхушкѣ которой, по всей вѣроятности, водрузится большой орелъ. До сихъ поръ еще колонна, свободная пока отъ всякихъ украшеній, имѣетъ довольно безобразный видъ, и берлинцы прозвали ее „побѣдной спаржей", быть можетъ съ досады на то, что въ прекрасномъ саду вырублено пропасть красивыхъ деревьевъ, съ цѣлью устройства аллей, которыя бы вели къ памятнику.

Статуя Шиллера, поставленная на площади передъ королевскимъ театромъ, возбуждала вначалѣ великія похвалы, но затѣмъ настроеніе публики измѣнилось, и статуя находитъ злѣйшихъ критиковъ, которые осуждаютъ ее безпощадно. Критики порицаютъ даже „снѣжную бѣлизну" изображенія поэта; какъ будто бы мраморъ могъ быть иного цвѣта, кромѣ бѣлаго. Я воздержусь отъ произнесенія какого-либо приговора. По моему, статуя не настолько прекрасна, насколько ее прославили въ первую минуту почитатели и друзья художника, и не настолько плоха, насколько о томъ кричатъ ея порицатели. Быть можетъ, современемъ найдутъ, что это весьма порядочный монументъ, лучше многихъ изъ тѣхъ, которые не прославляютъ военную силу, потому что въ Пруссіи до сихъ поръ искусство всего болѣе прославляетъ дѣянія государей и фельдмаршаловъ. Мы живемъ еще въ желѣзномъ вѣкѣ.

Общій нѣмецкій національный памятникъ открытъ 9-го чис. настоящаго мѣсяца въ Нассау, въ честь барона фонъ-Штейна. Памятникъ этотъ заключается въ статуѣ, представляющей совершенный и весьма удачный портретъ чествуемаго государственнаго человѣка и патріота. Она вышла изъ-подъ рѣзца художника Іоганна Пфуля. По словамъ лицъ, присутствовавшихъ при открытіи памятника, балдахинъ, подъ которымъ стоитъ памятникъ, производитъ непріятное впечатлѣніе, чему я охотно вѣрю, такъ какъ статуя, стоящая не внутри зданія, должна быть открыта со всѣхъ сторонъ. Вообще празднество отличалось исключительно политическимъ характеромъ, потому что король, королева и кронпринцъ присутствовали на немъ (но изъ другихъ государей нѣмецкихъ страннымъ образомъ никого не было).

Германскій рейхстагъ имѣлъ представителя въ лицѣ своего президента Симсона, который считается однимъ изъ самыхъ классиче-

окончательно присоединены къ Пруссіи. Въ ганзейскихъ городахъ царствуетъ весьма дружеское настроеніе относительно Пруссіи и амальгамація происходитъ постепенно, хотя прежняя форма еще и остается. Само собой разумѣется, что князь Бисмаркъ теперь, какъ и прежде, уклоняется отъ уніонистскихъ стремленій, потому что ничтожнѣйшій шагъ въ этомъ направленіи могъ бы встревожить союзниковъ. Въ Вюртембергѣ и Баденѣ не произошло никакихъ перемѣнъ. Въ Баваріи, со времени смерти графа Гегненберга снова воцарилась какая-то система колебаній, но побѣды со стороны партикуляристко-ультрамонтанской партіи никакъ нельзя опасаться. Въ Эльзасъ-Лотарингіи все ближе и ближе подходитъ моментъ перваго рекрутскаго набора. Извѣстія о настроеніи населенія весьма разнорѣчивы, и я не берусь произнести объ этомъ какого бы то ни было рѣшенія. Но во всякомъ случаѣ отношеніе къ новому порядку дѣлъ проявится всего яснѣе во время набора: тѣ, которые не уклонятся отъ набора посредствомъ переселенія во Францію, во всякомъ случаѣ рѣшились значитъ сдѣлаться нѣмцами.

О какомъ-либо развитіи изящныхъ искусствъ и литературы, въ особенности поэзіи, я все еще ничего не могу сообщить вамъ. Драматическое творчество почти совсѣмъ оскудѣло и ничего не даетъ, за исключеніемъ незначительныхъ водевилей и комедій. Въ этомъ отношеніи Франція до сихъ поръ остается источникомъ, изъ котораго должны черпать нѣмецкія сцены, если не хотятъ заглохнуть окончательно, такъ какъ нельзя же вѣчно смотрѣть на классическія пьесы. Въ поэзіи не проявилось ни одного новаго таланта, а старые не дали ни одного замѣчательнаго произведенія. Изъ беллетристовъ одинъ только Поль Гейзе издалъ новый трудъ, а именно романъ, первый, который выходитъ изъ-подъ пера этого писателя. Романъ называется „*Kinder der Welt*“ и печатается въ Спенеровой газетѣ, которая съ тѣхъ поръ, какъ перешла въ руки акціонерной компаніи, приняла совершенно новую форму и совсѣмъ позабыла о старомъ „дядюшкѣ Спенерѣ“, бывшемъ лейбъ-органомъ берлинскихъ тайныхъ совѣтниковъ, и имѣла честь (которая, впрочемъ, перешла и на обновленный органъ) видѣть короля во главѣ своихъ абонентовъ и читателей. Образованныхъ людей въ Германіи волнуетъ извѣстіе о томъ, что Густавъ Фрейтагъ окончилъ романъ, который долженъ выдти осенью и носитъ заглавіе: „*Der Kaufmann*“. Первый романъ Густава Фрейтага „*Soll und Haben*“ принадлежитъ несомнѣнно къ числу лучшихъ новѣйшихъ нѣмецкихъ романовъ, равно какъ произведеніе Фрейтага „*Journalisten*“ принадлежитъ къ числу лучшихъ нѣмецкихъ комедій. Они появляются постоянно въ новыхъ изданіяхъ, и молодые писатели постоянно черпаютъ изъ нихъ матеріалъ. Третье произведеніе его, появившееся года два тому назадъ, „*Die verlorne Handschrift*“ слабо, сравнительно съ

двумя первыми мастерскими произведеніями, но имѣло успѣхъ въ свое время, вслѣдствіе отсутствія болѣе замѣчательныхъ произведеній.

Уже война 1866 г. возбудила мысль о водруженіи гигантской побѣдной колонны, которую предполагалось выставить на королевской площади въ Тиргартенѣ. Но выполненіе этого проекта шло такъ медленно, что война 1870 г. застала его еще невыполненнымъ. Вслѣдствіе этого рѣшено было воздвигнуть монументъ въ память обѣихъ войнъ и въ проектѣ произведены были нѣкоторыя измѣненія. Монументъ состоитъ изъ колоссальной колонны, убранной пушками, на верхушкѣ которой, по всей вѣроятности, водрузится большой орелъ. До сихъ поръ еще колонна, свободная пока отъ всякихъ украшеній, имѣетъ довольно безобразный видъ, и берлинцы прозвали ее „побѣдной спаржей", быть можетъ съ досады на то, что въ прекрасномъ саду вырублено пропасть красивыхъ деревьевъ, съ цѣлью устройства аллей, которыя бы вели къ памятнику.

Статуя Шиллера, поставленная на площади передъ королевскимъ театромъ, возбуждала вначалѣ великія похвалы, но затѣмъ настроеніе публики измѣнилось, и статуя находитъ злѣйшихъ критиковъ, которые осуждаютъ ее безпощадно. Критики порицаютъ даже „снѣжную бѣлизну" изображенія поэта; какъ будто бы мраморъ могъ быть иного цвѣта, кромѣ бѣлаго. Я воздержусь отъ произнесенія какого-либо приговора. По моему, статуя не настолько прекрасна, насколько ее прославили въ первую минуту почитатели и друзья художника, и не настолько плоха, насколько о томъ кричатъ ея порицатели. Быть можетъ, современемъ найдутъ, что это весьма порядочный монументъ, лучше многихъ изъ тѣхъ, которые не прославляютъ военную силу, потому что въ Пруссіи до сихъ поръ искусство всего болѣе прославляетъ дѣянія государей и фельдмаршаловъ. Мы живемъ еще въ желѣзномъ вѣкѣ.

Общій нѣмецкій національный памятникъ открытъ 9-го чис. настоящаго мѣсяца въ Нассау, въ честь барона фонъ-Штейна. Памятникъ этотъ заключается въ статуѣ, представляющей совершенный и весьма удачный портретъ чествуемаго государственнаго человѣка и патріота. Она вышла изъ-подъ рѣзца художника Іоганна Пфуля. По словамъ лицъ, присутствовавшихъ при открытіи памятника, балдахинъ, подъ которымъ стоитъ памятникъ, производитъ непріятное впечатлѣніе, чему я охотно вѣрю, такъ какъ статуя, стоящая не внутри зданія, должна быть открыта со всѣхъ сторонъ. Вообще празднество отличалось исключительно политическимъ характеромъ, потому что король, королева и кронъ-принцъ присутствовали на немъ (но изъ другихъ государей нѣмецкихъ страннымъ образомъ никого не было).

Германскій рейхстагъ имѣлъ представителя въ лицѣ своего президента Симсона, который считается однимъ изъ самыхъ классиче-

окончательно присоединены къ Пруссіи. Въ ганзейскихъ городахъ царствуетъ весьма дружеское настроеніе относительно Пруссіи и амальгамація происходитъ постепенно, хотя прежняя форма еще и остается. Само собой разумѣется, что князь Бисмаркъ теперь, какъ и прежде, уклоняется отъ уніонистскихъ стремленій, потому что ничтожнѣйшій шагъ въ этомъ направленіи могъ бы встревожить союзниковъ. Въ Вюртембергѣ и Баденѣ не произошло никакихъ перемѣнъ. Въ Баваріи, со времени смерти графа Гегненберга снова воцарилась какая-то система колебаній, но побѣды со стороны партикуляристко-ультрамонтанской партіи никакъ нельзя опасаться. Въ Эльзасъ - Лотарингіи все ближе и ближе подходитъ моментъ перваго рекрутскаго набора. Извѣстія о настроеніи населенія весьма разнорѣчивы, и я не берусь произнести объ этомъ какого бы то ни было рѣшенія. Но во всякомъ случаѣ отношеніе къ новому порядку дѣлъ проявится всего яснѣе во время набора: тѣ, которые не уклонятся отъ набора посредствомъ переселенія во Францію, во всякомъ случаѣ рѣшились значитъ сдѣлаться нѣмцами.

О какомъ-либо развитіи изящныхъ искусствъ и литературы, въ особенности поэзіи, я все еще ничего не могу сообщить вамъ. Драматическое творчество почти совсѣмъ оскудѣло и ничего не даетъ, за исключеніемъ незначительныхъ водевилей и комедій. Въ этомъ отношеніи Франція до сихъ поръ остается источникомъ, изъ котораго должны черпать нѣмецкія сцены, если не хотятъ заглохнуть окончательно, такъ какъ нельзя же вѣчно смотрѣть на классическія пьесы. Въ поэзіи не проявилось ни одного новаго таланта, а старые не дали ни одного замѣчательнаго произведенія. Изъ беллетристовъ одинъ только Поль Гейзе издалъ новый трудъ, а именно романъ, первый, который выходитъ изъ-подъ пера этого писателя. Романъ называется „*Kinder der Welt*“ и печатается въ Спенеровой газетѣ, которая съ тѣхъ поръ, какъ перешла въ руки акціонерной компаніи, приняла совершенно новую форму и совсѣмъ позабыла о старомъ „дядюшкѣ Спенерѣ“, бывшемъ лейбъ-органомъ берлинскихъ тайныхъ совѣтниковъ, и имѣла честь (которая, впрочемъ, перешла и на обновленный органъ) видѣть короля во главѣ своихъ абонентовъ и читателей. Образованныхъ людей въ Германіи волнуетъ извѣстіе о томъ, что Густавъ Фрейтагъ окончилъ романъ, который долженъ выдти осенью и носитъ заглавіе: „*Der Kaufmann*“. Первый романъ Густава Фрейтага „*Soll und Haben*“ принадлежитъ несомнѣнно къ числу лучшихъ новѣйшихъ нѣмецкихъ романовъ, равно какъ произведеніе Фрейтага „*Journalisten*“ принадлежитъ къ числу лучшихъ нѣмецкихъ комедій. Они появляются постоянно въ новыхъ изданіяхъ, и молодые писатели постоянно черпаютъ изъ нихъ матеріалъ. Третье произведеніе его, появившееся года два тому назадъ, „*Die verlorne Handschrift*“ слабо, сравнительно съ

двумя первыми мастерскими произведеніями, но имѣло успѣхъ въ свое время, вслѣдствіе отсутствія болѣе замѣчательныхъ произведеній.

Уже война 1866 г. возбудила мысль о водруженіи гигантской побѣдной колонны, которую предполагалось выставить на королевской площади въ Тиргартенѣ. Но выполненіе этого проекта шло такъ медленно, что война 1870 г. застала его еще невыполненнымъ. Вслѣдствіе этого рѣшено было воздвигнуть монументъ въ память обѣихъ войнъ и въ проектѣ произведены были нѣкоторыя измѣненія. Монументъ состоитъ изъ колоссальной колонны, убранной пушками, на верхушкѣ которой, по всей вѣроятности, водрузится большой орелъ. До сихъ поръ еще колонна, свободная пока отъ всякихъ украшеній, имѣетъ довольно безобразный видъ, и берлинцы прозвали ее „побѣдной спаржей“, быть можетъ съ досады на то, что въ прекрасномъ саду вырублено пропасть красивыхъ деревьевъ, съ цѣлью устройства аллей, которыя бы вели къ памятнику.

Статуя Шиллера, поставленная на площади передъ королевскимъ театромъ, возбуждала вначалѣ великія похвалы, но затѣмъ настроеніе публики измѣнилось, и статуя находитъ злѣйшихъ критиковъ, которые осуждаютъ ее безпощадно. Критики порицаютъ даже „снѣжную бѣлизну“ изображенія поэта; какъ будто бы мраморъ могъ быть иного цвѣта, кромѣ бѣлаго. Я воздержусь отъ произнесенія какого-либо приговора. По моему, статуя не настолько прекрасна, насколько ее прославили въ первую минуту почитатели и друзья художника, и не настолько плоха, насколько о томъ кричатъ ея порицатели. Быть можетъ, современемъ найдутъ, что это весьма порядочный монументъ, лучше многихъ изъ тѣхъ, которые не прославляютъ военную силу, потому что въ Пруссіи до сихъ поръ искусство всего болѣе прославляетъ дѣянія государей и фельдмаршаловъ. Мы живемъ еще въ желѣзномъ вѣкѣ.

Общій нѣмецкій національный памятникъ открытъ 9-го чис. настоящаго мѣсяца въ Нассау, въ честь барона фонъ-Штейна. Памятникъ этотъ заключается въ статуѣ, представляющей совершенный и весьма удачный портретъ чествуемаго государственнаго человѣка и патріота. Она вышла изъ-подъ рѣзца художника Іоганна Пфуля. По словамъ лицъ, присутствовавшихъ при открытіи памятника, балдахинъ, подъ которымъ стоитъ памятникъ, производитъ непріятное впечатлѣніе, чему я охотно вѣрю, такъ какъ статуя, стоящая не внутри зданія, должна быть открыта со всѣхъ сторонъ. Вообще празднество отличалось исключительно политическимъ характеромъ, потому что король, королева и кронъ-принцъ присутствовали на немъ (но изъ другихъ государей нѣмецкихъ страннымъ образомъ никого не было).

Германскій рейхстагъ имѣлъ представителя въ лицѣ своего президента Симсона, который считается однимъ изъ самыхъ классиче-

скихъ ораторовъ Германіи. Рѣчи Симсона замѣчательны, какъ по своей формѣ, такъ и по содержанію. Симсонъ всегда серьезенъ, исполненъ чувства собственнаго достоинства, нѣсколько патетиченъ и всегда высказываетъ въ рѣчахъ по меньшей мѣрѣ одну замѣчательную мысль. Собственно торжественную и приспособленную къ торжеству рѣчь произнесъ профессоръ Гейнрихъ фонъ-Зибель изъ Бонна, знаменитый историкъ, который воспользовался случаемъ, чтобы косвенно похвалить стойкость императора въ борьбѣ съ ультрамонтанствомъ.

Вы конечно помните о картинѣ Ганса Макарта, возбудившей столько шума и о которой я упоминалъ въ прежнихъ письмахъ: „Семь смертныхъ грѣховъ или моровая язва во Флоренціи". Онъ самъ далъ своей картинѣ это двойное названіе, и могъ кстати это сдѣлать, потому что сюжетъ въ ней не былъ достаточно опредѣленный и картина отличалась главнымъ образомъ яркостью красокъ. Что Макартъ умѣетъ придавать такой колоритъ своимъ произведеніямъ, какой быть можетъ невиданъ со временъ Тиціана, въ этомъ нельзя было сомнѣваться уже послѣ этой первой картины. Рядомъ съ его картиной другія, весьма хорошія картины, кажутся сѣрыми, но критики не долго думая порѣшили, что у Макарта есть только геній распущенности и что изъ него ничего никогда не выйдетъ. Между тѣмъ австрійскій императоръ подарилъ своимъ расположеніемъ художника, который живетъ въ Вѣнѣ въ самыхъ благопріятныхъ условіяхъ и въ прошломъ году выступилъ съ новой картиной, которую онъ нарисовалъ для столовой графа Пальфи и назвалъ „*Abondantia*". Въ этой картинѣ уже замѣчался большой успѣхъ въ смыслѣ ясности концепціи, причемъ нисколько не пострадало ни богатство фантазіи, ни роскошь красокъ. Но настоящій тріумфъ заслужила выставленная здѣсь художникомъ картина „*Сонъ въ лѣтнюю ночь*". Онъ изобразилъ сначала этотъ сюжетъ на занавѣси новаго театра Гейнриха Лаубе въ Вѣнѣ и затѣмъ нарисовалъ его въ размѣрахъ обыкновенной картины. Художнику вполнѣ удалось передать на полотнѣ все волшебство чудной фантазіи Шекспира. Нельзя себѣ представить ничего очаровательнѣе луннаго сіянія свѣта, которое переливается, трепещетъ въ листьяхъ деревъ и серебритъ воду, какъ тѣло Титаніи и легкихъ эльфовъ. Къ сожалѣнію, художника, или скорѣе г. Лаубе постигло несчастіе: занавѣсъ, который былъ снабженъ покрышкой, для предохраненія его отъ пожара, совсѣмъ пострадалъ отъ него.

Долгое время здѣсь былъ выставленъ циклъ картинъ Швиндта. „Прекрасная малютка" возбуждала восторгъ публики. Швиндтъ, прославившійся иллюстраціями старыхъ нѣмецкихъ сказокъ, обладалъ двумя удивительными свойствами: какой-то меланхолической чертой и какимъ-то жесткимъ цѣломудріемъ, которыя придавали его картинамъ и въ особенности Прекрасной Мелюзинѣ совершенно особенную пре-

лость. Эта водяная нимфа, желавшая испытать человѣческую жизнь съ ея горемъ и радостями, сохраняетъ во всѣхъ фазисахъ своего земного существованія нѣчто таинственное, присущее ея происхожденію. Особенно выразительны начало и конецъ цикла: на обѣихъ картинахъ представленъ источникъ, въ которомъ живетъ Мелюзина. Онъ вытекаетъ изъ скалы, на которой художникъ прихотливо выставилъ надпись: *Fontes Melusinae*. Задумчиво сидитъ на обѣихъ картинахъ нимфа на первой пытливо всматриваясь въ неизвѣстное будущее, а на второй созерцая кроткое прошлое своего земного существованія. Передъ ней проносится рядъ мечтаній, которыя переживаетъ всякій смертный, хотя и не въ столь поэтической формѣ. Почитатели Швиндта старались побудить здѣшнихъ друзей искусства купить циклъ его картинъ, но это имъ не удалось. Цѣна—2000 талеровъ была, конечно, несоразмѣрно высока, но что значитъ 2000 талеровъ для биржевиковъ и спекулянтовъ, которые часто въ какихъ-нибудь полчаса зарабатываютъ столько. Такъ казалось бы по крайней мѣрѣ, но на этотъ разъ никто изъ нихъ не пожелалъ раскошелиться, и прекрасная Мелюзина должна покинуть Берлинъ, не найдя себѣ почитателя. Я полагаю также, что ей было бы не по себѣ на этой непроходимо-прозаической почвѣ.

К.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Ораторское искусство въ Россіи.

Рѣчи, произнесенныя *М. П. Погодинымъ* въ торжественныхъ и прочихъ собраніяхъ, 1830—1872. Москва. 1872. (Сочиненія М. П. Погодина. Томъ III).

Еслибъ г. Погодинъ не подарилъ читателей огромнымъ томомъ своихъ рѣчей, занимающихъ 622 страницы, хотя и крупнаго шрифта, то едвали многіе знали бы, что нашъ маститый историкъ принадлежитъ къ числу наиболѣе плодовитыхъ русскихъ ораторовъ. Въ теченіи сорока лѣтъ слишкомъ онъ произнесъ множество рѣчей „въ торжественныхъ и прочихъ собраніяхъ", какъ онъ выражается; онъ говорилъ съ университетской каѳедры, въ Академіи Наукъ, въ Обществѣ Любителей Русскаго Слова, въ дворянскомъ собраніи, въ земскомъ собраніи, за обѣдами, послѣ обѣдовъ, за ужинами и послѣ ужиновъ, за завтраками, въ пріятельскомъ кружкѣ, въ гостяхъ и у себя дома, на кладбищахъ,

на юбилеяхъ, послѣ панихидъ, и проч. и проч. Насъ больше всего удивляетъ не то обстоятельство, что г. Погодинъ въ теченіе своей многолѣтней жизни такъ часто и такъ много говорилъ рѣчей, и не то, что онъ имѣлъ терпѣніе всѣ свои рѣчи записывать, но то, что онъ всѣ ихъ напечаталъ. Знаменитые европейскіе ораторы, приступая къ изданію своихъ рѣчей, обыкновенно отбрасываютъ многое множество изъ сказаннаго ими при разныхъ случаяхъ и печатаютъ лишь то, что имѣетъ литературное или политическое значеніе; этотъ обычай такъ укоренился, что едва ли можно найти изъ него исключеніе. Выступая передъ публикою въ печатной книгѣ, всякій ораторъ показываетъ лишь то, что достойно, по его мнѣнію, печати и вниманія публики Обычай этотъ заключаетъ въ себѣ извѣстную долю уваженія къ публикѣ, какъ обычай являться въ собраніяхъ не въ халатѣ, а въ приличной одеждѣ. Г. Погодинъ не держался этого пріема, потому ли, что наше краснорѣчіе вообще бѣдно, что случаи для произнесенія рѣчей чрезвычайно рѣдки и что, поэтому, всякое лыко годится въ строку, въ особенности, если оно принадлежитъ человѣку столь извѣстному, какъ нашъ авторъ, или потому что на всѣхъ произведеніяхъ г. Погодина лежитъ отпечатокъ небрежности, поспѣшности, однимъ словомъ, если можно такъ выразиться, отпечатокъ халатности и что этотъ отпечатокъ сказался и въ издательскомъ поступкѣ. Вопросъ этотъ рѣшить мудрено въ виду такихъ напечатанныхъ рѣчей, которыя не только не имѣютъ никакого значенія, но состоятъ ни болѣе ни менѣе, какъ изъ нѣсколькихъ словъ, которыми выраженъ какой-нибудь тостъ, такихъ словъ, которыя ежедневно произносятся на всѣхъ концахъ Россіи и людьми всѣхъ званій и состояній иногда гораздо лучше и оригинальнѣе, чѣмъ дѣлалъ это г. Погодинъ. Читая эти краткія рѣчи, можно подумать, что ораторъ хотѣлъ представить образцы для тостовъ, нѣчто въ родѣ „Письмовника“ Курганова по краснорѣчію застольному. Беремъ, для доказательства, нѣсколько такихъ рѣчей цѣликомъ: онѣ не займутъ много мѣста, но могутъ подтвердить нашу догадку относительно намѣреній г. Погодина:

1. „Учредителю пароходнаго сообщенія на Москвѣ-рѣкѣ, въ 1856 году.

„Добрый путь, счастливое плаваніе, Богъ на помощь первому москворѣцкому пароходу! Отъ души поздравляемъ ревностнаго строителя, приносимъ по обычаю предковъ усердную хлѣбъ-соль, и благодаримъ искренно за общеполезное дѣло — устроеніе сообщеній, облегченіе тружениковъ, тянувшихъ лямку.

„Подай Господи, чтобъ и другія лямки тянуть становилось всѣмъ намъ легче и легче!“

2. „Мм. Гг. За здоровье молодаго поколѣнія: да здравствуетъ оно, учится и учится, развивается и преуспѣваетъ въ чувствахъ предан-

юсти и любви къ отечеству, къ престолу, къ церкви, на пользу и славу Россіи."

3. „Въ вашихъ бокалахъ, Мм. Гг., есть еще вино. Позвольте предложить вамъ тостъ, въ которомъ заключаются всѣ предъидущіе: за здравіе и благоденствіе Россіи. Да цвѣтетъ она долго, долго, выражусь словами Карамзина, если на землѣ нѣтъ ничего безсмертнаго, кромѣ души человѣческой."

4. „На обѣдѣ у генералъ-губернатора кіевскаго, князя Дондукова-Корсакова.

„Въ воскресенье и понедѣльникъ мы праздновали въ ученой академіи, во вторникъ и среду въ святой Лаврѣ, у высокопреосвященнаго митрополита. Нынѣ мы празднуемъ у генералъ-губернатора. Позвольте же, владыко, отцы святые, и вы, князь, предложить тостъ за любовное единеніе, взаимное вспомоществованіе и единодушное дѣйствіе на пользу и славу отечества всѣхъ трехъ властей: духовной, гражданской и ученой!"

5. „Въ честь новаго судоустройства.

„Позвольте мнѣ, какъ служителю исторіи, присоединить къ словамъ нашего достойнаго хозяина, во славу освободителя и законодателя, выраженіе ему благодарности искренней, горячей, неизмѣнной, за историческія законоположенія 19-го февраля и 20-го ноября. Карамзинъ сказалъ въ одномъ изъ своихъ частныхъ писемъ: русскій корабль ударится то объ Сциллу, то объ Харибду, а все плыветъ. Дай Богъ ему, миновавъ всѣ Сциллы и Харибды, доплыть скорѣе съ этимъ Кормчимъ до открытаго моря, и потомъ пойти впередъ на всѣхъ парусахъ, или на всѣхъ парахъ, какъ ему завѣщала исторія, и какъ, въ эту прекрасную минуту, мы русскіе люди, здѣсь собравшіеся, отъ души ему желаемъ".

6. „Въ отвѣтъ на тостъ за здоровье автора.

„Примите глубочайшую мою благодарность. Эта минута одна изъ пріятнѣйшихъ въ моей жизни. Почитаю себя счастливымъ, что могъ въ прошедшее, тяжелое и мудреное для отечества время, выразить сколько-нибудь русскія чувства."

Мы могли бы значительно увеличить число такихъ „образцовъ", и такъ какъ русская жизнь не богата случаями и мѣстами, гдѣ произносятся рѣчи или гдѣ они могутъ быть произнесены (г. Погодинъ напечаталъ и такія рѣчи, которыя онъ произнести намѣревался, но не произнесъ), то желающіе могутъ найти въ настоящей книгѣ образцы на всѣ случаи, даже на встрѣчу новаго начальника (рѣчь на обѣдѣ въ честь генералъ-губернатора Тучкова), и на проводы стараго (рѣчь въ честь Назимова, попечителя московскаго учебнаго округа).

Такимъ образомъ, если смотрѣть на рѣчи г. Погодина между прочимъ и со стороны „образцовъ", то окажется, что являются не безъ пользы

и тѣ изъ нихъ, которыя не имѣютъ рѣшительно никакого значенія ни съ литературной, ни съ исторической, ни съ политической точекъ зрѣнія. Еслибъ всѣ ораторы, говорящіе на всевозможныхъ обѣдахъ, послѣдовали примѣру г. Погодина, т.-е. напечатали бы свои рѣчи, то, независимо отъ обогащенія бѣдной области русскаго ораторскаго искусства, представляемой въ учебникахъ и хрестоматіяхъ почти одними только проповѣдями, мы имѣли бы весьма обширный выборъ образцовъ, которые стоило бы только утвердить въ надлежащемъ порядкѣ и разослать по всѣмъ вѣдомствамъ, чтобъ надолго обезпечить ораторское краснорѣчіе въ Россіи и не утруждать русскія головы напраснымъ поискомъ приличныхъ случаю рѣчей.

Оставляя подобныя рѣчи въ сторонѣ, мы должны сказать, что добрая доля рѣчей г. Погодина имѣетъ и литературное, и историческое, и субъективное значеніе. Въ этихъ „рѣчахъ" передъ нами довольно ярко выступаетъ тотъ „средній" русскій человѣкъ, который умѣлъ принаравливаться ко всѣмъ обстоятельствамъ, ко всѣмъ людямъ, ко всѣмъ вліяніямъ, самымъ противоположнымъ и повидимому несовмѣстимымъ, тотъ средній русскій человѣкъ, который благополучно плавалъ въ своемъ немудренномъ, утломъ челнѣ по болотамъ и пучинамъ русской жизни въ теченіе полустолѣтія и счастливо присталъ въ мирной пристани съ тяжелымъ грузомъ накопленнаго добра; тотъ средній русскій человѣкъ, который умѣетъ легко мириться съ обстоятельствами, извлекая изъ нихъ по мѣрѣ возможности пользу для себя и ближнихъ, не ближнихъ вообще, въ широкомъ евангельскомъ смыслѣ, а въ узкомъ дружескомъ и семейномъ значеніи; тотъ средній человѣкъ, благодаря которому наша жизнь легко уступаетъ всякому давленію, какъ мокрая губка и движется черезъ пень-колоду. Въ этомъ смыслѣ „Рѣчи" имѣютъ несомнѣнное и историческое значеніе, и, несмотря на однообразіе ихъ, даютъ возможность прослѣдить разныя фазы нашего развитія черезъ 40 лѣтъ. Читая ихъ, читаешь новѣйшую нашу исторію, какъ она отразилась въ умѣ и чувствахъ средняго русскаго человѣка, какъ мирилась она въ немъ съ противоположными теченіями и какъ выносила она его на берегъ повидимому цѣла и невредима. Предъ вами проходитъ зрѣлище поучительное, на которомъ не безполезно остановиться, въ которое не мѣшаетъ вдуматься, независимо отъ почтенной личности автора. Мы будемъ говорить не о немъ лично, но о немъ, какъ о представителѣ извѣстнаго теченія жизни; въ немъ для насъ важна не личность его собственная, но личность коллективная, типическій образъ средняго русскаго человѣка, образованнаго и начитаннаго. Если намъ замѣтятъ, что г. Погодинъ—личность оригинальная, имѣющая много своихъ особенностей, выдвигающаяся изъ толпы рѣзко уже по самому складу своей отрывочной, какъ бы безсвязной рѣчи, то мы отвѣтимъ, что подобная оригинальность не только не исключаетъ

типичности, но придаетъ ей особенную цѣну, особенное право на типичность.

Вотъ онъ на каѳедрѣ въ виду „почтенныхъ посѣтителей“, въ „торжественный день“, когда университетъ московскій празднуетъ семидесятипятилѣтіе своего существованія и двадцатипятилѣтіе своего обновленія“. Онъ молодъ и полонъ жизни; рѣчь его отзывается Карамзинскою формою и тщательною отдѣлкою; выступая передъ публикою, онъ заботится о внѣшности, даже о блескѣ своей рѣчи и логическомъ развитіи своей мысли. Онъ говоритъ о назначеніи университетовъ вообще и въ особенности русскихъ. Россію онъ называетъ „исполиномъ между государствами“, „кедромъ ливанскимъ“, который „цѣлыя столѣтія укореняется въ своей песчаной почвѣ, прежде нежели вознесетъ къ облакамъ гордую главу свою“; просвѣщеніе въ Россіи не повсемѣстное, „ибо, говоря вообще, дворянское сословіе, образованное поверхностно иностранными выходцами, столь же мало имѣетъ право гордиться имъ, какъ и среднее, какъ и крестьянское“ (?!), но это ничего не значитъ, потому что „чѣмъ позднѣе является просвѣщеніе русское, тѣмъ обширнѣе, тѣмъ долговѣчнѣе будутъ его успѣхи“. Указавъ затѣмъ на заслуги въ просвѣщеніи Россіи Рюрика, Владиміра, Іоанна III, Бориса Годунова, Ѳеодора, Петра Великаго, Елисаветы, Екатерины и Александра I, ораторъ возглашаетъ: „Завидую будущимъ ораторамъ, которымъ предоставлено прославить царствующаго нынѣ императора Николая I, дарующаго университетамъ въ новыхъ уставахъ необходимыя пособія и средства уравниться съ вѣкомъ и удовлетворить требованіямъ соотечественниковъ“. Какія же задачи университетовъ? Кромѣ прямыхъ своихъ назначеній, университеты должны „возблагодарить правительство за полученныя благодѣянія яснымъ изображеніемъ великихъ силъ отечества“. Въ чемъ же должно заключаться это *ясное* изображеніе великихъ силъ отечества? „Пусть, напримѣръ, отвѣчаетъ ораторъ, представятъ они ему *наше родство съ большею половиною Австрійской и Турецкой Имперій и значительною частью Германіи;* физическую, самую надежную связь, по крови и языку, съ ихъ жителями, которые при удобномъ случаѣ *готовы броситься въ наши объятія*, — грозное оружіе въ переговорахъ съ европейскими государствами, еслибъ когда либо они осмѣлились оскорбить нашу честь и нарушить наше право! Пусть смѣряютъ они *нашъ хлѣбъ, которымъ мы накормить*, пусть взвѣсятъ *наше желѣзо, которымъ вооружитъ*, пусть сочтутъ *нашъ лѣсъ, которымъ можемъ обстроить едва ли не всю Европу, не имѣя рѣшительно никакой нужды въ иностранныхъ произведеніяхъ*, кромѣ книгъ, ни въ винѣ, ни въ шелкѣ, ни въ шерсти, ни въ сахарѣ. Пусть сложатъ всѣ свойства русскаго народа: терпѣніе, отважность, смѣтливость. преданность вѣрѣ и престолу (объ отечествѣ даже не упомянуто!); пусть исчислятъ, напр., способности русскаго крестьянина,

который, взглянувъ однажды на сложную, дорогую машину англійскую, тотчасъ съ своимъ топоромъ, своимъ долотомъ, самъ сдѣлаетъ подобную; который на другой день по принятіи въ рекруты становится въ ряды гвардейскіе, и турецкій жаръ сноситъ одинаково съ лапландскимъ холодомъ.

„Пусть представятъ они правительству всѣ сіи силы, вещественныя и невещественныя, управляемыя однимъ маніемъ руки, въ громовыхъ, дюпеневыхъ числахъ, и *изумленная Европа, не умѣя ихъ выговорить, съ благоговѣніемъ будетъ слушать всякое слово Россіи*, и не дерзнетъ вступить съ нею въ состязаніе, развѣ путемъ убѣжденія.

„Вотъ обязанность университетовъ русскихъ вообще къ отечеству, къ наукамъ, въ особенности еще къ правительству. Всѣ они лежатъ, разумѣется, преимущественно въ университетѣ московскомъ, центральномъ въ Россіи.“

Чувствуете ли вы, читатель, всю силу этихъ задачъ, все ихъ растлѣвающее будущее, все ослѣпленіе средняго человѣка, который, несмотря на свою ученость, обыкновенно не въ состояніи подняться выше ходячихъ убѣжденій толпы, и, дѣлаясь ея глашатаемъ, укрѣпляетъ въ ней оптимистическія взгляды и усыпляетъ дѣятельность мысли и критики. Былъ 1830-й годъ, когда произнесены были эти слова молодымъ ученымъ; имъ, разумѣется, многіе сочувствовали, они были какъ разъ по плечу натурамъ дюжиннымъ, неподвижнымъ, неспособнымъ на самостоятельное отношеніе къ дѣйствительности, чуждымъ критическаго взгляда, однимъ словомъ, натурамъ серединнымъ. Все у насъ есть, ни въ чемъ мы не нуждаемся, ни въ хлѣбѣ, ни въ желѣзѣ, ни въ шелкѣ, ни въ сахарѣ, ни въ винѣ; намъ даже и работать надъ этими продуктами нечего, а стóитъ лишь все это счесть и представить, во-первыхъ, правительству для того, чтобъ оно убѣдилось въ своей силѣ и мощи, во-вторыхъ, Европѣ, для того чтобъ она съ благоговѣніемъ слушала всякое слово Россіи. Университетская каѳедра, обратившись въ панегирикъ Россіи, разносила эти убѣжденія въ массу студентовъ, а натуры даровитыя изъ послѣднихъ проникались убѣжденіемъ противоположнымъ. Два лагеря росли вмѣстѣ: одинъ, малочисленный, питался отрицаніемъ и критикою; другой, многочисленный, слушалъ проповѣдь средняго человѣка и успокоивался на оптимистическихъ взглядахъ, которые впослѣдствіи выразились въ извѣстной формулѣ, краткой, но сильной: „мы шапками всѣхъ закидаемъ“.

Проходитъ четыре года. Того же оратора мы видимъ на той же университетской каѳедрѣ. Онъ говоритъ „объ ученомъ сословіи и историческомъ его назначеніи“; рѣчь его также гладко вычищена, также исполнена карамзинскаго стиля, а мысли также направлены къ тому, чтобъ убѣдить слушателей въ величіи Россіи. Европа „приближается къ послѣднему возрасту—старости... Одна Россія находится въ пол-

номъ цвѣтѣ силъ, въ вѣкѣ мужества; она должна начать съ той точки, до коей нынѣ дошла Европа, и Шеллингъ, вѣнецъ европейскаго просвѣщенія, какъ будто величайшее его усиліе, предавшійся теперь христіанской религіи, предназначенъ, кажется, сообщить оное Россіи для дальнѣйшаго развитія, довершенія". Такъ какъ „страхъ Божій, преданность вѣрѣ, благочестіе — принадлежатъ къ отличительнымъ внутреннимъ качествамъ русскаго народа", то и философія можетъ быть воспринята имъ только въ этомъ духѣ. „Христіанскую религію Россія положила краеугольнымъ камнемъ Священнаго Союза, коимъ кончилась послѣдняя драма европейской исторіи. Чтобы ни говорили намъ нѣкоторые европейскіе политики, *этотъ союзъ, даже какъ форма, имѣетъ великое историческое значеніе*". Средній человѣкъ опять повторяетъ убѣжденія толпы,—и опять противъ него мы имѣемъ исторію, которая осудила Священный Союзъ и раскрыла его пагубное значеніе и для Европы, и для Россіи. Затѣмъ слѣдуетъ похвала русскому народу, русскому языку, русской всесторонности: „Взгляните на составъ русскаго народа: какой крови въ немъ нѣтъ? Славянская, норманская, монгольская, финская, литовская, нѣмецкая. Взгляните на русскій языкъ—греческая гармонія, латинская округленность, французская ясность, итальянская сладость, нѣмецкая гибкость, англійская крѣпость... Взгляните на русское лицо — вы найдете черты всѣхъ европейскихъ народовъ. Взгляните на сословія—то же явленіе, нѣтъ нигдѣ исключительности: дворянинъ торгуетъ, купецъ занимается земледѣліемъ, крестьянинъ работаетъ на фабрикахъ, чиновникъ сочиняетъ, воинъ засѣдаетъ въ судѣ". И далѣе: „Пора, пора намъ свергнуть съ себя чуждое иго, свергнуть, разумѣется, съ благодарностію, и продолжать образованіе собственными своими трудами. Пора намъ доказать этимъ гордымъ нѣмцамъ, этимъ французамъ, англичанамъ, что мы сами уже умѣемъ мыслить, что мы можемъ идти безъ ихъ руководства, что мы не имѣемъ болѣе нужды въ ихъ непосредственной помощи". Слова, слова и слова! Средній русскій человѣкъ и утѣшаетъ себя постоянно словами, не углубляясь во внутренній смыслъ явленій и не предугадывая будущаго. Если настоящее удовлетворяетъ нѣкоторымъ его потребностямъ, если оно даетъ ему средства для существованія и не мѣшаетъ рыться въ его углу надъ рѣшеніемъ какого-нибудь неважнаго вопроса, онъ и доволенъ, и спѣшитъ свое довольство сообщить другимъ, да еще въ ораторской формѣ, т.-е. въ преувеличенномъ видѣ. Будущее на всякомъ шагу станетъ ему указывать, какъ онъ ошибался, но это для него не важно, ибо онъ во всякое время, и на всякомъ мѣстѣ—средній человѣкъ, больше довольный, чѣмъ недовольный, больше чувствующій и чувствующій эгоистическимъ чувствомъ, чѣмъ размышляющій, больше отсталый, чѣмъ передовой, больше эксплуатирующій, чѣмъ эксплуатируемый... Если онъ ученый, въ прошломъ у него есть

окончательно присоединены къ Пруссіи. Въ ганзейскихъ городахъ царствуетъ весьма дружеское настроеніе относительно Пруссіи и амальгамація происходитъ постепенно, хотя прежняя форма еще и остается. Само собой разумѣется, что князь Бисмаркъ теперь, какъ и прежде, уклоняется отъ уніонистскихъ стремленій, потому что ничтожнѣйшій шагъ въ этомъ направленіи могъ бы встревожить союзниковъ. Въ Вюртембергѣ и Баденѣ не произошло никакихъ перемѣнъ. Въ Баваріи, со времени смерти графа Гегненберга снова воцарилась какая-то система колебаній, но побѣды со стороны партикуляристко-ультрамонтанской партіи никакъ нельзя опасаться. Въ Эльзасъ-Лотарингіи все ближе и ближе подходитъ моментъ перваго рекрутскаго набора. Извѣстія о настроеніи населенія весьма разнорѣчивы, и я не берусь произнести объ этомъ какого бы то ни было рѣшенія. Но во всякомъ случаѣ отношеніе къ новому порядку дѣлъ проявится всего яснѣе во время набора: тѣ, которые не уклонятся отъ набора посредствомъ переселенія во Францію, во всякомъ случаѣ рѣшились значитъ сдѣлаться нѣмцами.

О какомъ-либо развитіи изящныхъ искусствъ и литературы, въ особенности поэзіи, я все еще ничего не могу сообщить вамъ. Драматическое творчество почти совсѣмъ оскудѣло и ничего не даетъ, за исключеніемъ незначительныхъ водевилей и комедій. Въ этомъ отношеніи Франція до сихъ поръ остается источникомъ, изъ котораго должны черпать нѣмецкія сцены, если не хотятъ заглохнуть окончательно, такъ какъ нельзя же вѣчно смотрѣть на классическія пьесы. Въ поэзіи не проявилось ни одного новаго таланта, а старые не дали ни одного замѣчательнаго произведенія. Изъ беллетристовъ одинъ только Поль Гейзе издалъ новый трудъ, а именно романъ, первый, который выходитъ изъ-подъ пера этого писателя. Романъ называется „*Kinder der Welt*“ и печатается въ Спенеровой газетѣ, которая съ тѣхъ поръ, какъ перешла въ руки акціонерной компаніи, приняла совершенно новую форму и совсѣмъ позабыла о старомъ „дядюшкѣ Спенерѣ“, бывшемъ лейбъ-органомъ берлинскихъ тайныхъ совѣтниковъ, и имѣла честь (которая, впрочемъ, перешла и на обновленный органъ) видѣть короля во главѣ своихъ абонентовъ и читателей. Образованныхъ людей въ Германіи волнуетъ извѣстіе о томъ, что Густавъ Фрейтагъ окончилъ романъ, который долженъ выдти осенью и носитъ заглавіе: „*Der Kaufmann*“. Первый романъ Густава Фрейтага „*Soll und Haben*“ принадлежитъ несомнѣнно къ числу лучшихъ новѣйшихъ нѣмецкихъ романовъ, равно какъ произведеніе Фрейтага „*Journalisten*“ принадлежитъ къ числу лучшихъ нѣмецкихъ комедій. Они появляются постоянно въ новыхъ изданіяхъ, и молодые писатели постоянно черпаютъ изъ нихъ матеріалъ. Третье произведеніе его, появившееся года два тому назадъ, „*Die verlorne Handschrift*“ слабо, сравнительно съ

двумя первыми мастерскими произведеніями, но имѣло успѣхъ въ свое время, вслѣдствіе отсутствія болѣе замѣчательныхъ произведеній.

Уже война 1866 г. возбудила мысль о водруженіи гигантской побѣдной колонны, которую предполагалось выставить на королевской площади въ Тиргартенѣ. Но выполненіе этого проекта шло такъ медленно, что война 1870 г. застала его еще невыполненнымъ. Вслѣдствіе этого рѣшено было воздвигнуть монументъ въ память обѣихъ войнъ и въ проектѣ произведены были нѣкоторыя измѣненія. Монументъ состоитъ изъ колоссальной колонны, убранной пушками, на верхушкѣ которой, по всей вѣроятности, водрузится большой орелъ. До сихъ поръ еще колонна, свободная пока отъ всякихъ украшеній, имѣетъ довольно безобразный видъ, и берлинцы прозвали ее „побѣдной спаржей“, быть можетъ съ досады на то, что въ прекрасномъ саду вырублено пропасть красивыхъ деревьевъ, съ цѣлью устройства аллей, которыя бы вели къ памятнику.

Статуя Шиллера, поставленная на площади передъ королевскимъ театромъ, возбуждала вначалѣ великія похвалы, но затѣмъ настроеніе публики измѣнилось, и статуя находитъ злѣйшихъ критиковъ, которые осуждаютъ ее безпощадно. Критики порицаютъ даже „снѣжную бѣлизну“ изображенія поэта; какъ будто бы мраморъ могъ быть иного цвѣта, кромѣ бѣлаго. Я воздержусь отъ произнесенія какого-либо приговора. По моему, статуя не настолько прекрасна, насколько ее прославили въ первую минуту почитатели и друзья художника, и не настолько плоха, насколько о томъ кричатъ ея порицатели. Быть можетъ, современемъ найдутъ, что это весьма порядочный монументъ, лучше многихъ изъ тѣхъ, которые не прославляютъ военную силу, потому что въ Пруссіи до сихъ поръ искусство всего болѣе прославляетъ дѣянія государей и фельдмаршаловъ. Мы живемъ еще въ желѣзномъ вѣкѣ.

Общій нѣмецкій національный памятникъ открытъ 9-го чис. настоящаго мѣсяца въ Нассау, въ честь барона фонъ-Штейна. Памятникъ этотъ заключается въ статуѣ, представляющей совершенный и весьма удачный портретъ чествуемаго государственнаго человѣка и патріота. Она вышла изъ-подъ рѣзца художника Іоганна Пфуля. По словамъ лицъ, присутствовавшихъ при открытіи памятника, балдахинъ, подъ которымъ стоитъ памятникъ, производитъ непріятное впечатлѣніе, чему я охотно вѣрю, такъ какъ статуя, стоящая не внутри зданія, должна быть открыта со всѣхъ сторонъ. Вообще празднество отличалось исключительно политическимъ характеромъ, потому что король, королева и кронъ-принцъ присутствовали на немъ (но изъ другихъ государей нѣмецкихъ страннымъ образомъ никого не было).

Германскій рейхстагъ имѣлъ представителя въ лицѣ своего президента Симсона, который считается однимъ изъ самыхъ классиче-

является утрировки и предумышленія. Мысль осталась все еще прежнею, серединною, не просвѣтленною. Восхищаясь защитниками Севастополя, онъ празднуетъ словно побѣду и предсказываетъ во вкусѣ старины, напоминая нынѣшнихъ французовъ послѣ нѣмецкаго погрома. Еще парижскій миръ не былъ заключенъ, а нашъ ораторъ ужъ говорилъ: „Враги хотѣли запереть вамъ путь въ Черное море — вы найдете путь къ Океанамъ, и славный русскій флагъ развѣется и будетъ развѣваться на всѣхъ моряхъ, гдѣ являлся прежде только по временамъ и случайно“. Изъ другихъ словъ его видно, что онъ ни мало не предчувствовалъ условій парижскаго мира въ концѣ февраля 1856 г., то-есть почти наканунѣ его заключенія, и увѣрялъ храбрыхъ севастопольцевъ, что по миру „наши славянскіе братьи, православные христіане востока“, пріобрѣтутъ человѣческія и гражданскія права. Въ этомъ же февралѣ онъ послалъ В. И. Назимову, назначенному изъ попечителей московскаго учебнаго округа въ Вильну генералъ-губернаторомъ письменное привѣтствіе, въ которомъ говоритъ, между прочимъ: „Лесть принесла намъ вездѣ столько вреда, и такъ всѣмъ опротивѣла, что даже изъ-за нея справедливая хвала становится подозрительною“. И онъ слегка похваливаетъ бывшаго попечителя и слегка порицаетъ, и слегка предсказываетъ: „Край (виленскій) приметъ васъ съ распростертыми объятіями. Вы вѣрно постараетесь привлечь къ себѣ, привлечь къ намъ, этихъ пылкихъ, умныхъ, живыхъ, храбрыхъ поляковъ, нашихъ любезныхъ братьевъ, блистательное славянское племя“.

Наступило время великой крестьянской реформы. По случаю высочайшаго рескрипта объ учрежденіи комитетовъ для улучшенія быта крестьянъ, происходилъ обѣдъ въ Купеческомъ Собраніи и нашъ герой тамъ говорилъ. Выразитъ ли онъ тутъ какую-нибудь оригинальную, смѣлую мысль, дастъ ли понять слушателямъ хоть намекомъ, чего ждетъ отъ реформы прогрессивная часть русскаго общества? Ни мало. Наговоривъ ласковыхъ словъ „православному русскому мужичку, дорогому нашему кормильцу, дорогому нашему поильцу“, наговоривъ заочно, ибо „православнаго русскаго мужичка“ на обѣдѣ, конечно, не было, нашъ ораторъ обращается къ подвигамъ дворянства, выражаетъ увѣренность, что оно изъявитъ „совершенную готовность исполнить царское желаніе“, хотя установленіе новыхъ отношеній,—„задача мудреная, которую вдругъ рѣшить невозможно! *Всякое право священно.* Оборони Богъ отъ какого бы то ни было нарушенія чьего-либо права“. Вотъ онъ, серединный русскій человѣкъ: наканунѣ паденія крѣпостного права, онъ восклицаетъ, что „*всякое* право священно“.... Но серединный русскій человѣкъ тѣмъ хорошъ, что когда священное „крѣпостное право“ было нарушено, онъ привѣтствовалъ это нарушеніе обычнымъ изліяніемъ радостныхъ чувствъ, которыя у него не занимать стать. Вообще онъ „съ легкимъ сердцемъ“—выраженіе, находя-

щееся на 215-й стр. „Рѣчей“, и относящееся къ 1858-му г., слѣдовательно значительно опередившее Олливье—если не разрушаетъ самъ, то присутствуетъ при разрушеніи того самаго, что онъ самъ создалъ, подо что самъ клалъ основные камни также „съ легкимъ сердцемъ“. Не мало разливъ лести всему русскому въ прежнее время, въ 1860 г., по поводу смерти Хомякова, онъ съ сочувствіемъ повторяетъ прекрасные его стихи, обращенные къ той Россіи, которую г. Погодинъ чествовалъ названіемъ „кедра ливанскаго„ и ублажалъ всячески:

Въ судахъ черна неправдой черной
И игомъ рабства клеймена;
Безбожной лести, лжи тлетворной,
И лѣни мертвой и покорной,
И всякой мерзости полна!

Исполненный противорѣчій по самому характеру своему, герой нашъ, когда можно, даетъ волю своему чувству и умѣетъ понимать натуры другого закала: „Горе тѣмъ, говоритъ онъ по поводу же смерти Хомякова, у кого, въ этой противной тьмѣ, глаза получаютъ иногда совиное свойство; горе тѣмъ, у кого повременамъ проявляется Кассандрино чутье: видѣть и знать, что слова напрасны, что помочь нельзя; чувствовать иногда силу, и быть осуждену на бездѣйствіе,—о, этого положенія нѣтъ мучительнѣе, душегубительнѣе! И падаютъ, одинъ за другимъ, наши лучшіе, благороднѣйшіе люди, мыслящіе, чувствующіе, тѣ, на которыхъ отдыхалъ взоръ, о которыхъ сладко было думать, которые однимъ именемъ своимъ доставляли утѣшеніе,—падаютъ безъ всякихъ достаточиыхъ причинъ“. Къ этому можно бы прибавить: „Какъ счастливы тѣ, у которыхъ въ этой противной тьмѣ не проявляется Кассандрина чутья, которые вездѣ и всегда умѣютъ находить утѣшеніе, удовлетвореніе, которые не дѣлаютъ ни одного смѣлаго шага, не высказываютъ ни одной смѣлой мысли, зажигающей сердца“, и проч. и проч.

Впрочемъ, нашъ авторъ, мало-по-малу, опять пріобрѣтаетъ если не смѣлость, то нѣсколько вольное обращеніе. Такъ онъ негодуетъ на безграмотность высшихъ сановниковъ, неумѣющихъ различать *ѣ* и *е* и спрашивающихъ иногда, какъ писать предлогъ *въ*: черезъ ѳ или ф; онъ вспоминаетъ о графѣ Бенкендорфѣ, который произносилъ приговоры стихотвореніямъ Пушкина и подписывался съ грубѣйшими грамматическими ошибками; онъ преслѣдуетъ оффиціальный языкъ, онъ спрашиваетъ, что значитъ „имѣющіе входъ за кавалергардовъ?“—выраженія, встрѣчающіяся во всѣхъ придворныхъ церемоніяхъ; что за „пѣвчіе главной конюшни“, упомянутые въ церемоніяхъ объ освященіи Исакіевскаго собора, когда „въ конюшнѣ стоятъ лошади, и слышно тамъ бываетъ только ржаніе“; почему монахи у насъ имѣютъ титло кавалеровъ, когда „кавалеръ — вѣдь это всадникъ, рыцарь, щеголь,

молодецъ"; въ другомъ мѣстѣ онъ обрушивается на „фактъ" и на „шоссе"; шоссе—противнѣе ему факта. „А почему не люблю я факта? Да потому что Карамзинъ написалъ 12 томовъ исторіи, и въ каждомъ томѣ описалъ по 12 тысячъ фактовъ, а ни одного раза не употребилъ этого слова". Въ этомъ либерализма особеннаго нѣтъ, но за то въ слѣдующемъ выраженіи его много: „въ Европѣ не лаютъ такъ и не огрызаются собаки, какъ у насъ позволяютъ себѣ объясняться должностныя лица". Далѣе онъ идетъ нѣсколько глубже, повторяя нѣсколько разъ, то за тѣмъ, то за другимъ обѣдомъ, что мы „созрѣли для сужденія о разныхъ своихъ отношеніяхъ", или, что „мы созрѣли для разсужденія, для участія въ вопросахъ всѣхъ родовъ, для насъ важныхъ и нужныхъ, теоретическихъ и практическихъ". Къ сожалѣнію, самъ онъ, ораторъ, показывалъ не совершенную зрѣлость въ разныхъ теоретическихъ и практическихъ вопросахъ. Такъ, напр., въ земскомъ собраніи заходитъ рѣчь объ учительскихъ семинаріяхъ и приготовленіи учителей для народныхъ школъ.—Для чего это, къ чему? тревожно онъ спрашиваетъ, ручаясь, что ни одинъ крестьянинъ въ учительскую семинарію не пойдетъ.—Чтó-жъ дѣлать? Есть, по его мнѣнію, болѣе простое и дѣйствительное рѣшеніе задачи: „Мы можемъ обращаться, говоритъ ораторъ, къ нашимъ приходскимъ священникамъ, и просить ихъ, чтобы они приняли мѣры для введенія въ ихъ церквахъ чтенія съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой. Пусть прочтутся внятно часы и всѣ молитвы: одно такое чтеніе посѣетъ уже много добраго въ сердцахъ простыхъ людей... Это первое дѣло. Второе дѣло—растолковать народу, объяснить, перевести на понятный для него языкъ всѣ древнія изреченія, употребляемыя при богослуженіи, и т. д. Кажется просто, но, увы, такая простота ужъ никого не убѣждаетъ, слишкомъ напоминая время Владиміра святого. Еще проще подступилъ онъ къ вопросу объ отчетности въ акціонерныхъ компаніяхъ. Зачѣмъ это? „Гдѣ отчетъ, говоритъ нашъ ораторъ, тамъ ужъ навѣрно по большей части и ложь.... Мнѣ кажется, что лучше всего мы соблюдемъ наши выгоды, сказавъ общимъ учредителямъ съ ихъ будущими директорами, какъ выговаривали наши дѣды: если вы не оправдаете нашей довѣренности, если вы насъ обманете, то вамъ будетъ стыдно".

Для директоровъ и учредителей компаній рѣшеніе акціонеровъ въ этомъ смыслѣ было бы большою находкою, но со стороны оратора подобное мнѣніе не отличается прозорливостью, хотя, быть можетъ, оно не лишено нѣкоторой возвышенности. Возвращаясь къ вопросу о либерализмѣ, мы должны еще обратить вниманіе на двѣ рѣчи, изъ которыхъ одна произнесена въ 1863 г. въ Обществѣ Любителей россійской словесности, а другая въ 1865 г. въ дворянскомъ собраніи. Первая рѣчь вызвана стихотвореніемъ Ѳ. И. Тютчева, вторая—извѣстнымъ дворянскимъ адресомъ, въ свое время надѣлавшимъ много шу-

ма. Обѣ рѣчи носятъ на себѣ печать смѣлости, но не въ одинаковой степени; если вторая либеральнѣе, за то первая касается факта мало извѣстнаго и достаточно забытаго. Самъ ораторъ намъ объяснилъ сущность его: „Нѣкоторые члены высшаго петербургскаго общества, съ графомъ Блудовымъ, предсѣдателемъ государственнаго совѣта во главѣ, въ письмѣ своемъ къ генералъ-губернатору западныхъ губерній, М. Н. Муравьеву, поздравляя его въ день ангела, и посылая ему образъ, изъявили чувства своей искренней благодарности за укрощеніе мятежа и сохраненіе десятимилліоннаго русскаго населенія отъ вражескихъ козней. Петербургскій генералъ-губернаторъ, князь Суворовъ, выразилъ очень рѣзко свое неодобреніе этого дѣйствія. Ѳ. И. Тютчевъ, одинъ изъ подписавшихся подъ письмомъ, написалъ къ нему краткое посланіе въ стихахъ, которое читаетъ теперь наизусть весь Петербургъ, и которое вчера получено въ Москвѣ". Вотъ „событіе", какъ этотъ случай называетъ ораторъ. Передъ чтеніемъ стихотворенія, онъ счелъ нужнымъ „событіе" истолковать въ самомъ лучшемъ смыслѣ, именно онъ нашелъ, что наступила полная свобода мнѣній, поэтому и воскликнулъ: „Благо государству, честь времени, когда мнѣнія самыя противоположныя могутъ свободно обнаруживаться, не возбуждая никакихъ подозрѣній, не подвергая никого никакой опасности,—лишь бы источникъ былъ завѣдомо чистъ, „conditio sine qua non". Въ этой фразѣ, если хотите, заключается вершина либерализма срединнаго человѣка, который радуется свободѣ мнѣній, но въ то же время даетъ широкую программу для того, чтобы эту свободу мнѣній включить въ очень узкія рамки и сдѣлать ее привилегіей особаго разряда гражданъ, не возбуждающихъ по чистотѣ своей ничьего подозрѣнія: „Необходимое условіе для свободы мнѣній—чтобы источникъ былъ чистъ". Естественно, что необходимы, слѣдовательно, особенные эксперты, подобно тому какъ въ департаментахъ для чистоты слога, и для опредѣленія чистоты источника. Рѣчь, произнесенная нашимъ ораторомъ 13 января 1865 г. въ дворянскомъ собраніи, приводимъ безъ комментаріевъ—только вторую ея половину, такъ какъ первая не была произнесена: „Мм. гг. Только тогда пойдутъ у насъ дѣла усиленно, когда будутъ умножаться люди съ твердыми убѣжденіями, когда вѣрность выработаннымъ убѣжденіямъ будетъ въ обществѣ оцѣниваться, когда эти *убѣжденія будутъ высказываться съ такою искренностью и такою энергіей, несмотря на предполагаемое одобреніе или неодобреніе большинства*, не только съ глазу на глазъ, въ пріятельской бесѣдѣ, но и публично, въ торжественномъ собраніи, какъ то дѣлали поименованныя мною лица. Нельзя одобрить только двухъ выраженій: одно употреблено г. Голохвастовымъ о партіяхъ, другое г. Безобразовымъ о проискахъ. Мы не знаемъ и знать не хотимъ никакихъ партій, никакихъ происковъ и даже никакихъ заднихъ

мыслей. Не станемъ накликать на наши будущія собранія этихъ западныхъ явленій, равно какъ и злоупотреблять западными знаками одобренія и неодобренія. Мы всѣ одно любимъ, одного желаемъ... Позвольте заключить мнѣ словами нашего безсмертнаго исторіографа Карамзина, который долженъ остаться всегда образцомъ не только для русскихъ писателей, но и для всѣхъ русскихъ гражданъ. Онъ сказалъ въ заключеніе своей исторіи: „Мы любимъ отечество, желаемъ ему благоденствія еще болѣе, нежели славы, желаемъ, да не измѣнится никогда твердое основаніе нашего величія; да правила мудраго самодержавія и святой вѣры болѣе и болѣе укрѣпляютъ союзъ частей, да цвѣтетъ Россія... по крайней мѣрѣ долго, долго, если на землѣ нѣтъ ничего безсмертнаго, кромѣ души человѣческой“.

„Мм. гг. Можетъ быть, кто-нибудь найдетъ противорѣчіе въ словахъ Карамзина съ всеподданнѣйшимъ прошеніемъ, которое опредѣлено собраніемъ представить государю императору: противорѣчія здѣсь нѣтъ. Смыслъ прошенія, какъ я его понимаю со многими членами, если не со всѣми, вотъ какой: Добрый, любимый нашъ государь! Ты сдѣлалъ много, мы благодаримъ тебя; ты хочешь сдѣлать еще болѣе, мы это видимъ, и просимъ тебя выслушать твоихъ вѣрноподданныхъ,—и только! Другими словами: мы думаемъ, что всякая верховная власть, самая мудрая, умудряется еще болѣе голосомъ всего народа“.

Рѣчь эта такъ характерна своими изгибами, что она одна могла бы служить для довольно полной характеристики избраннаго нами героя; но мы представили не одинъ этотъ матеріалъ и смѣемъ думать, что нашъ снисходительный анализъ дастъ представленіе не особенно темное о среднемъ русскомъ человѣкѣ, прожившемъ почти полстолѣтія въ возрастѣ полнаго сознанія. Въ своемъ изложеніи мы съ умысломъ избѣгали тѣхъ рѣчей г. Погодина, которыя отличаются особеннымъ, ему одному свойственнымъ юморомъ, который вѣрнѣе всего можетъ быть охарактеризованъ словомъ — балагурство; избѣгали мы этого потому, что иначе повредили бы цѣлостности типа, внеся въ него слишкомъ индивидуальныя, хотя и неважныя черты.

Статистическія изслѣдованія санитарнаго состоянія С.-Петербурга. 1870 годъ. Съ хромолитографированной санитарной картой С.-Петербурга. Доктора *Ю. Гюбнера*. Спб. 1872.

Частная иниціатива въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ собираніе данныхъ для опредѣленія санитарнаго положенія большихъ населенныхъ центровъ, заслуживаетъ всякаго уваженія и одобренія. Г. Гюбнеръ исполнилъ, можно сказать безъ преувеличенія, огромный трудъ, который по массѣ работы, по сложнымъ и многочисленнымъ вычисленіямъ, былъ бы въ пору цѣлому учрежденію; что же касается до тщательной

обработки матеріала, той любви, которая вложена авторомъ въ дѣло, то такихъ качествъ мы встрѣчали доселѣ весьма мало въ оффиціальныхъ изданіяхъ. Г. Гюбнеръ уже нѣсколько лѣтъ занимается разработкою разныхъ сторонъ петербургской жизни и до появленія этого труда своего напечаталъ нѣсколько интересныхъ статей въ рано погибшемъ неестественною смертью „Архивѣ судебной и общественной гигіены“, изданіе, которое могло бы составлять гордость въ нашей ученой литературѣ и смѣло соперничать съ лучшими заграничными изданіями этого рода. Получивъ доступъ къ статистическому матеріалу, состоявшему изъ массы медицинскихъ свидѣтельствъ о смерти, которыя обязательны для каждаго умершаго, собравъ свѣдѣнія о заболѣваніи и смертности въ больницахъ и госпиталяхъ петербургскихъ, г. Гюбнеръ составилъ множество весьма интересныхъ таблицъ, научно обработалъ этотъ матеріалъ и сдѣлалъ выводы, которые и новы и въ высокой степени полезны для сужденія о санитарныхъ условіяхъ Петербурга и вообще большихъ центровъ населенія; хромолитографированная карта Петербурга съ обозначеніемъ на ней смертности по участкамъ города—явленіе единственное въ своемъ родѣ даже въ европейской картографической литературѣ. Если мы прибавимъ къ этому, что г. Гюбнеръ рѣшился ежегодно издавать подобныя книги, разработывая каждый разъ особенно подробно одинъ какой-нибудь санитарный вопросъ и сообщая массу обработаннаго и провѣреннаго матеріала вообще о санитарномъ состояніи Петербурга, то мы будемъ имѣть въ г. Гюбнерѣ человѣка, который принесетъ неоцѣненныя заслуги нашей столицѣ, если только разумѣется онъ не ослабѣетъ въ своемъ рвеніи, и если результаты, имъ полученные для улучшенія санитарной части, не останутся лежать въ книгѣ, а будутъ примѣняться общественнымъ управленіемъ Петербурга.

По даннымъ одного года, разумѣется, довольно мудрено дѣлать рѣшительные выводы о санитарныхъ условіяхъ Петербурга; но и эти данныя даютъ уже весьма значительный для того матеріалъ, а нѣкоторые вопросы освѣщаются съ точки зрѣнія совершенно новой. Сообщая весьма подробныя свѣдѣнія о ходѣ трехъ холерныхъ эпидемій (подробность эта доходитъ до того, что г. Гюбнеръ представилъ по участкамъ города всѣ дома, подъ ихъ нумерами, гдѣ была заболѣваемость и смертность отъ холеры), г. Гюбнеръ нашелъ, что ни перемѣна пищи, напр., посты и заговѣнья, ни пьянство, т.-е. праздники, такъ какъ въ праздники оно преимущественно практикуется, не имѣютъ почти никакого вліянія на ходъ эпидеміи; равно онъ подрываетъ и то укоренившееся убѣжденіе, что Сѣнная площадь и кварталы ея составляютъ единственное гнѣздо и разсадникъ всѣхъ возможныхъ эпидемій и смертности; наибольшая смертность падаетъ на окраины города, не исключая и Васильевскій Островъ за Среднимъ проспектомъ,

такъ что 2-й уч. Васильевской части стоитъ вторымъ по $^0/_0$ отношенію умершихъ „отъ холеры (11 на 1000 жит.), и только на тѣ центральные участки, которые густо населены рабочими или въ которыхъ очень много казармъ, какъ, напр., 3-мъ уч. Литейной части. Соединяя всѣ 38 городскихъ участковъ въ двѣ группы, центральную и окрайную, и сравнивая ихъ между собою въ отношеніи $^0/_0$ смертности отъ холеры съ августа 1870 г. по августъ 1871 г., г. Гюбнеръ получилъ слѣдующіе результаты:

	Число жителей въ участкахъ.	Число умерш. отъ холеры.	На 1000 жителей.
Въ 16-ти центральныхъ участкахъ	321,961	1071	3,32
„ 22-хъ окрайныхъ „	347,739	1953	5,61

Во всемъ же Петербургѣ умерло отъ холеры 3024 челов. или на 1000 жителей 4,51, или 451 чел. на 100 т. жителей. Смертность отъ всѣхъ болѣзней вообще сохраняетъ почти тотъ же порядокъ относительно разныхъ частей Петербурга, какъ и смертность отъ холеры; очевидно, тутъ существуютъ общія причины, на разслѣдованіе которыхъ и должно обратить вниманіе. Между множествомъ дѣльныхъ указаній, заключающихся въ книгѣ г. Гюбнера, нельзя не обратить вниманія на замѣчаніе его, что существующая у насъ филантропическая организація, самая грубая и первобытная форма санитарной организаціи, не обнаруживаетъ пока никакого поползновенія замѣнить благотворительную дѣятельность санитарною, и что вообще вся санитарная часть у насъ устроена неудовлетворительно, какъ и врачебная часть въ частности. Въ послѣднемъ отношеніи важны соображенія его о сифилисѣ (стр. 41 — 43). По неудовлетворительности данныхъ, г. Гюбнеръ не могъ сдѣлать сколько-нибудь вѣскихъ выводовъ о смертности отъ пьянства и самоубійствахъ, которыя въ нынѣшнемъ году обратили на себя такое сильное вниманіе общества. По всей вѣроятности мы еще не скоро будемъ имѣть сколько-нибудь удовлетворительную статистику самоубійствъ, благодаря крайней неполнотѣ оффиціальныхъ данныхъ, сбираемыхъ кое-какъ. Въ 1-й тетради „Zeitschrift des könig. Preussischen statist. Bureaus“ за 1871 г., издаваемаго въ Берлинѣ подъ редакціей извѣстнаго ученаго, д-ра Эрнста Энгеля, помѣщено чрезвычайно любопытное изслѣдованіе о самоубійствахъ вообще и въ частности въ Пруссіи. Въ этомъ изслѣдованіи, между прочимъ, находится форма для бланокъ, на которыхъ вписываются самоубійства. На бланкѣ 13 вопросовъ, на которые должно отвѣчать при слѣдствіяхъ о самоубійцахъ, вопросовъ, обнимающихъ всѣ климатическія, метеорологическія, мѣстныя и общія, и соціальныя условія, въ которыхъ находился самоубійца. На эту форму слѣдовало бы обратить вниманіе и нашимъ вѣдомствамъ, сбирающимъ свѣдѣнія о самоубійцахъ, покинувъ ту рутину, которая, напр., фигурируетъ въ

губернаторскихъ отчетахъ и вмѣстѣ съ ними и въ памятныхъ книжкахъ, издаваемыхъ нашими губ. статистическими комитетами.

Италія. Взгляды и бѣглыя замѣтки *Виктора Гена*. Переводъ съ нѣмецкаго. Спб. 1872.

Небольшая книжка, вышедшая подъ этимъ скромнымъ заглавіемъ, принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ сочиненій объ Италіи; это не „взгляды и бѣглыя замѣтки", а глубокое проникновеніе въ почву, климатъ, исторію и характеръ народа, населяющаго Аппенинскій полуостровъ. Книжка читается съ величайшимъ интересомъ отъ начала до конца, представляя въ очеркахъ, живо и талантливо написанныхъ, описаніе почвы, растительности, животнаго царства, архитектуры и садовъ, народа и языка Италіи. Съ наибольшимъ интересомъ читатели вѣроятно прочтутъ живую главу „За итальянскій народъ", въ которой авторъ защищаетъ итальянцевъ отъ нападокъ, которымъ они подвергаются нерѣдко со стороны легкомысленныхъ путешественниковъ. Г. Генъ—ученый, принадлежащій Россіи, хотя и пишущій по-нѣмецки, и вполнѣ чуждъ нѣмецкой исключительности: взглядъ его широкій, многообъемлющій, чуждый всякихъ пристрастій, изложеніе—живое, образное, увлекательное, хотя и украшено множествомъ цитатъ изъ древнихъ и новыхъ писателей. Написанная въ 1867-мъ г., книга его является какъ нельзя болѣе кстати въ настоящее время, когда Италія начинаетъ обращать на себя вниманіе необыкновенно быстрымъ развитіемъ экономической и интеллектуальной жизни.

Ленъ и Псковская губернія. *И. И. Василева.* Изд. Псковскаго губ. Статистическаго Комитета. Псковъ, 1872.

Псковская губернія—страна „мякинниковъ„ людей, живущихъ въ проголодь, питающихся хлѣбомъ изъ невѣянной ржи, какъ и многія другія страны нашего обширнаго отечества. Полагая казенную порцію хлѣба на семью въ 100 п. въ годъ, получимъ, что каждая крестьянская семья въ Псковской губ. нуждается въ 55 пуд. хлѣба привознаго, потому что мѣстное хлѣбопашество не только не даетъ крестьянамъ средствъ на уплату податей, повинностей и налоговъ, но и для собственнаго продовольствія. Зная, какое количество хлѣба необходимо крестьянину для того, чтобы жить въ проголодь и какое количество его онъ получаетъ съ своихъ полей, легко вычислить, сколько хлѣба недостаетъ на всѣ 684,768 душъ крестьянскаго населенія. По разсчету г. Василева, это количество равняется 7.827,618 четверикамъ, а при установившейся въ настоящее время цѣнѣ въ 8 р. четверть, не менѣе какъ на 7.827,618 р. Эти почти 8 милліоновъ рублей крестьяне, слѣдовательно, должны выработать промысла-

ми; но независимо отъ существованія въ проголодь на одномъ хлѣбѣ, такъ какъ скотоводство въ губерніи весьма ничтожно (всего скота на 100 жит. приходится 76 штукъ), на крестьянахъ лежитъ ежегодныхъ сборовъ всевозможнаго происхожденія до 2.782,798 р., такимъ образомъ они должны заработать на промыслахъ до 10.610,416 р. Но всѣ промыслы, существующіе въ губерніи, даютъ всего до 2 милл. р., остальные 9 милл. вырабатываются на льняномъ промыслѣ, для котораго почва Псковской губ. оказывается наиболѣе производительною. Зависимость крестьянъ отъ этого промысла всего нагляднѣе доказывается сопоставленіемъ цифръ льняного производства съ количествомъ купленнаго хлѣба по годамъ: чѣмъ больше крестьяне получаютъ съ своихъ полей льна, тѣмъ больше покупаютъ хлѣба и тѣмъ меньше живутъ въ проголодь; можно бы прибавить, еслибъ, съ одной стороны, ежегодно не увеличивались подати и повинности, а съ другой, при естественномъ со стороны крестьянъ увеличеніи числа десятинъ, отходящихъ подъ ленъ, не уменьшалось количество десятинъ, засѣваемыхъ хлѣбомъ, не уменьшалось вмѣстѣ съ тѣмъ скотоводство. Вмѣстѣ съ тѣмъ, производство льна беретъ только своимъ количествомъ, а не качествомъ, и культура его, будучи почти въ исключительномъ вѣдѣніи крестьянъ, находится въ первобытномъ состояніи. Все это какъ нельзя яснѣе изображено въ трудѣ г. Василева, который воспользовался имѣвшимися у него данными съ знаніемъ дѣла и добросовѣстностью. Къ книжкѣ своей онъ приложилъ свѣдѣнія о способахъ воздѣлыванія и обработки льна въ Бельгіи и Ирландіи и нѣкоторыя др. свѣдѣнія для сравнительной и международной статистики льняного производства.

Ежегодникъ министерства финансовъ. Выпускъ III. На 1871 годъ. Составленъ подъ редакціей А. Б. Бушена. Спб. 1872.

„Ежегодникъ" этотъ издается третій годъ; естественный порядокъ вещей требуетъ нѣкотораго прогресса и отъ оффиціальныхъ изданій, отъ оффиціальныхъ изданій даже болѣе, чѣмъ отъ частныхъ, ибо первыя не зависятъ въ такой мѣрѣ отъ вниманія или невниманія публики, какъ послѣднія. Къ сожалѣнію, „Ежегодникъ" не только не исполняетъ этой „исторической" задачи, но даже, можно сказать, идетъ противъ нея, ежегодно ухудшаясь. Въ министерство финансовъ стекается масса всевозможныхъ статистическихъ матеріаловъ, и матеріаловъ наиболѣе важныхъ, потому что большинство ихъ имѣетъ прямое отношеніе къ матеріальному и даже въ нѣкоторой тепени къ нравственному прогрессу страны. Потребленіе вина и пива, добыча металловъ, развитіе промышленности—обо всемъ этомъ есть въ министерствѣ финансовъ драгоцѣнныя данныя, которыя ждутъ

только мастера или труженика, по крайней мѣрѣ, который бы далъ имъ плоть, который не валилъ бы ихъ въ кучу, а мало-мальски разработывалъ и относительно освѣщалъ. Что-жъ мы встрѣчаемъ въ „Ежегодникѣ“ и почему для матеріаловъ, въ немъ печатаемыхъ, требуется особый редакторъ, да еще въ лицѣ такого извѣстнаго статистика, какъ г. Бушенъ? Свѣдѣнія о государственныхъ доходахъ, свѣдѣнія о дѣйствительномъ исполненіи государственныхъ росписей, о состояніи государственнаго долга — все это или гораздо прежде печатается въ сенатскихъ изданіяхъ и „Прав. Вѣстникѣ“, или прежде и полнѣе несравненно въ отчетахъ государственнаго контроля. Очевидно, что для перепечатки никакого редактора не нужно. Затѣмъ идутъ свѣдѣнія о кредитныхъ учрежденіяхъ, но нѣкоторыя свѣдѣнія, напр., о городскихъ общественныхъ банкахъ, раньше печатаются въ „Правит. Вѣстникѣ“, а другія ничего не представляютъ, кромѣ черной работы со счетами въ рукахъ. Свѣдѣнія выкупной операціи — перепечатка изъ „Правит. Вѣстника“, свѣдѣнія о внѣшней торговлѣ—перепечатка изъ „Видовъ Торговли“, свѣдѣнія о горномъ и др. производствахъ—простая сводка оффиціальныхъ вѣдомостей, безъ всякой другой обработки. Очевидно, для всего этого вовсе не требуется никакого спеціалиста, а если на изданіи стоитъ имя г. Бушена, то или по ошибкѣ и недосмотру, или какъ оффиціальная роскошь. Въ „Ежегодникѣ“ на 1870 г. было дѣльное изслѣдованіе г. Пешке о соляномъ промыслѣ, въ „Ежегодникѣ“ за 1869 г. многія таблицы были составлены очень обстоятельно и сообщены чрезвычайно важныя свѣдѣнія о фабрикахъ и заводахъ, не подлежащихъ акцизу; но „Ежегодникъ“ на 1871 во всѣхъ отношеніяхъ стоитъ ниже своихъ предшественниковъ, даже по количеству матеріала, не только по качеству его. Такое явленіе очень прискорбно встрѣтить въ оффиціальномъ изданіи такого министерства, которое съ уваженіемъ относится къ общественному мнѣнію и все болѣе и болѣе обращаетъ на себя вниманіе Россіи. Возьмемъ для примѣра свѣдѣнія о винокуренномъ производствѣ и винной торговлѣ, эту спеціальность нашихъ финансовъ, о которой въ министерствѣ финансовъ должны находиться самыя подробныя свѣдѣнія. Сравните обработку хоть тѣхъ свѣдѣній, которыя печатаются обыкновенно въ „Ежегодникахъ“, въ этомъ изданіи на 1869 г. и на 1871 г., и вы тотчасъ увидите значительную разницу. Вѣдомость о числѣ патентовъ, выданныхъ на питейные дома, штофныя лавки, шинки, корчмы и т. п. заведенія, показывала не только одно абсолютное количество этихъ заведеній въ разныхъ губерніяхъ, но и распредѣленіе ихъ по числу жителей. Въ „Ежегодникѣ“ за 1869 г. показаны цѣны на вино, чего нѣтъ въ „Ежегод.“ на 1871 г.; въ „Ежегод.“ на 1869 г. показано, сколько кабаковъ приходится на сколько жителей въ губерніи, чего въ „Ежегодникѣ“ на 1871 г. также нѣтъ; а между тѣмъ свѣдѣ-

нія важны; о количествѣ вывареннаго пива и меда совсѣмъ нѣтъ свѣдѣній, хотя показывается число заводовъ, занятыхъ этимъ производствомъ; о цѣнахъ на спиртъ и оцѣнки винокуренной производительности также нѣтъ. Вообще данныя сообщаются очевидно въ томъ самомъ черновомъ видѣ, какъ поступаютъ они въ министерство, и редакція только корректуру держитъ. Распредѣленіе кабаковъ по числу жителей за 1867 г. давало возможность поставить губерніи въ такомъ порядкѣ по степени трезвости:

Тверская губ.	1	кабакъ	на	1,443	жителя
Костромская	„	„	„	976	„
Смоленская	„	„	„	967	„
Новгородская	„	„	„	939	„
Псковская	„	„	„	850	„
Казанская	„	„	„	834	„
Вятская	„	„	„	824	„
Калужская	„	„	„	814	„
Архангельская	„	„	„	778	„
Владимірская	„	„	„	771	„
Вологодская	„	„	„	746	„
Ярославская	„	„	„	739	„
Симбирская	„	„	„	730	„
Нижегородская		„	„	708	„
Олонецкая	„	„	„	689	„

и такъ далѣе, до слѣдующихъ внушающихъ почтеніе цифръ:

Минская губ.	1	кабакъ	на	288	жител.
Могилевская	„	„	„	283	„
Бессарабская	„	„	„	277	„
Эстляндская	„	„	„	270	„
Кіевская	„	„	„	265	„
Восточ. Сибирь	„		„	259	„
Екатеринославская			„	258	„
Донская	„	„	„	256	„
Гродненская	„	„	„	227	„
Таврическая	„	„	„	218	„
Херсонская	„	„	„	188	„

Въ „Ежегодникѣ“ на 1871 г. этой работы надъ цифрами совсѣмъ нѣтъ, хотя число кабаковъ увеличилось, какъ видно изъ слѣдующихъ цифръ:

	Въ 1867 г.	Въ 1870 г.
Въ городахъ Европейской Россіи кабаковъ	34,349	31,207.
» уѣздахъ » » »	108,697	112,322.
	143,046	143,529

Одинъ кабакъ въ Европ. Россіи приходится на 434 жителя! А въ этотъ разсчетъ не вошли пивныя и портерныя лавки, постоялые дворы, временныя выставки и проч. Конечно, по одному числу ка-

баковъ нельзя еще составить себѣ полнаго понятія о разореніи крестьянъ на водку: для этого необходимы были бы данныя о количествѣ проданнаго вина по губерніямъ, чего въ „Ежегодникѣ“ не показывается; но и безъ того, зная, что акцизный сборъ съ вина увеличился въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ до 150-ти милл. р., можно себѣ представить картину народнаго пьянства. Замѣчательно, что въ „Ежегодникѣ“ министерства финансовъ, выпущенномъ въ прошломъ году на французскомъ языкѣ („Annuaire des finances russes“) и предназначенномъ для Европы, какъ это сказано въ предисловіи, совсѣмъ нѣтъ свѣдѣній о винокуреніи и винной торговлѣ. Оно въ самомъ дѣлѣ не совсѣмъ ловко было сообщить Европѣ, что у насъ 1 кабакъ приходится на 434 жителя, и 1 народная школа на 3455 человѣкъ! Возвращаясь къ „Ежегоднику“, скажемъ, что было бы желательно, чтобы редакція обратила вниманіе на обработку тѣхъ данныхъ, которыя доставляются ей изъ губерній и не давала бы права предполагать, что „Ежегодникъ“ никѣмъ не редактируется.

Театральное искусство *П. Д. Боборыкина*. Спб. 1872.

Еслибъ г. Боборыкинъ въ своемъ предисловіи сказалъ, что онъ составилъ эту книгу не мудрствуя лукаво, не задаваясь высокими претензіями, съ единственною цѣлью дать хотя какое-нибудь руководство молодому актеру, то книгѣ можно было бы только пожелать успѣха: кто мало обѣщаетъ, отъ того и мало требуется. Но г. Боборыкинъ, въ своемъ предисловіи, наговорилъ и о томъ, что онъ „старался держаться научно-философскаго принципа“, и о томъ, что для усвоенія его книги необходимо „научное образованіе“, „предварительное научное развитіе“, и о томъ, что онъ считаетъ „совершенно популярный тонъ неумѣстнымъ“ для подобнаго сочиненія, ибо „онъ заключалъ бы въ себѣ фальшь“, и о томъ даже, что онъ употреблялъ въ своемъ изложеніи „слова и термины, присвоенные философскому и научному языку, каковы, напримѣр.: субъектъ, объектъ, моментъ, эмпиризмъ, синтезъ, методъ и т. п.“ Прибавимъ къ этому, что онъ даже вмѣсто „основа“, „почва“, употребляетъ „грунтъ“, напр.: „такой положительный грунтъ одинъ даетъ ему критерій“, и проч. Съ такимъ квази-научнымъ препаратомъ, „Театральное искусство“ дѣйствительно становится непонятнымъ для людей мало развитыхъ, а для людей развитыхъ оно совершенно безполезно: какъ первые въ немъ многого не поймутъ и именно того, что недостаточно понимаетъ и самъ авторъ, такъ вторые ничего въ немъ не найдутъ изъ того, что имъ было бы неизвѣстно. Книга г. Боборыкина существенно раздѣляется на двѣ части: въ одной онъ говоритъ о томъ, что́ самъ себѣ недостаточно усвоилъ, въ другой о томъ, что́ онъ знаетъ, что́ вынесъ

изъ опыта и чтенія. Ни въ той, ни въ другой части „научно-философскій принципъ“ ни при чемъ,—объ немъ говорится только въ предисловіи для важности, но въ книгѣ онъ совершенно отсутствуетъ, если только не считать за „научно-философскій принципъ“ изложеніе нѣкоторыхъ научныхъ данныхъ, не вполнѣ усвоенныхъ авторомъ.

Это неполное усвоеніе замѣчается именно въ первой части книги, гдѣ авторъ говоритъ о необходимости для актера основательнаго изученія анатоміи и физіологіи и сообщаетъ нѣкоторыя свѣдѣнія по этимъ предметамъ. По нашему мнѣнію, актеръ долженъ обладать хорошимъ общимъ образованіемъ, которое открывало бы ему свободный доступъ къ чтенію популярныхъ и научныхъ трудовъ хотя бы и по анатоміи и физіологіи, и въ общество, всевозможные интересы котораго ему должны быть не чужды; по мнѣнію г. Боборыкина актеръ прежде всего долженъ основательно изучить анатомію и физіологію, нервную систему въ особенности, чтобъ распоряжаться умѣючи своими мышцами и нервами. А такъ какъ основательное изученіе этихъ предметовъ, во-первыхъ, не дѣлаетъ еще актера, ибо мы никогда не слыхали, чтобъ знаменитые анатомы и физіологи дѣлались знаменитыми актерами, и думаемъ, что послѣднимъ легче сдѣлаться первыми, чѣмъ первымъ послѣдними; во-вторыхъ, основательно изучить анатомію и физіологію можно только по трупамъ, то можно заключить съ полною основательностію, что г. Боборыкинъ напрасно желаетъ обратить театральныя школы въ медицинскіе факультеты, или, что одно и то же, медицинскіе факультеты въ театральныя школы. Не составивъ себѣ яснаго представленія о томъ, что́ необходимо знать актеру изъ области естественныхъ наукъ, г. Боборыкинъ блуждаетъ въ темныхъ фразахъ и пустой болтовнѣ, или прибѣгаетъ къ компиляціямъ изъ двухъ-трехъ прочтенныхъ имъ научныхъ и популярныхъ трудовъ. Развитой актеръ не найдетъ въ этомъ якобы научно-анатомическомъ и физіологическомъ блужданіи ровно ничего и, конечно, съ большею пользою обратится къ книгамъ, авторы которыхъ говорятъ объ анатоміи и физіологіи, какъ спеціалисты, т.-е. какъ люди, у которыхъ и научное изложеніе, при извѣстномъ талантѣ, является популярнымъ. Къ этимъ же книгамъ слѣдуетъ совѣтовать обращаться и мало-развитымъ актерамъ, ибо если они и не усвоятъ себѣ всего прочитаннаго, но по крайней мѣрѣ за то что-нибудь узнаютъ, тогда какъ изъ „Театральнаго Искусства“ ровно ничего нельзя узнать ни по анатоміи, ни по физіологіи. Во второй части книги, гдѣ г. Боборыкинъ покинулъ мало извѣстную ему область естественныхъ наукъ и перешелъ къ сценѣ, въ качествѣ рецензента, весьма не глубокаго, правда, но видѣвшаго много и читавшаго театральныя рецензіи даже на иностранныхъ языкахъ, онъ является понятнымъ въ своемъ изложеніи даже для малограмотнаго актера и, поэтому, полезнымъ. Онъ довольно

удачно скомпилировалъ почти все то, что обыкновенно говорится въ газетныхъ рецензіяхъ объ игрѣ актеровъ, и потому мы рекомендуемъ для прочтенія эту часть книги начинающимъ актерамъ. Во всякомъ случаѣ, какъ первая попытка, къ сожалѣнію слишкомъ претенціозная, резюмировать въ одной книгѣ нѣкоторыя правила театральнаго искусства, книга г. Боборыкина можетъ считаться небезполезнымъ вкладомъ въ нашу литературу.

Сочиненія и переписка Кондратія Өедоровича Рылѣева. Изданіе его дочери, подъ ред. П. А. Ефремова, Спб. 1872. X и 382 стр.

Это изданіе безъ сомнѣнія обратитъ на себя вниманіе всѣхъ любителей русской литературы, какъ первое, въ нашей домашней печати, воспроизведеніе сочиненій писателя, уже полвѣка почти тому назадъ кончившаго свое земное поприще. По обстоятельствамъ своей печальной біографіи, Рылѣевъ былъ совершенно забытъ нашими историками литературы, — хотя въ свое время онъ занималъ очень видное мѣсто между писателями романтической школы, и конечно былъ замѣчательнѣе многихъ, которымъ эти историки считали нужнымъ посвящать критическія разсужденія. Настоящее изданіе не представляетъ біографіи Рылѣева, и дѣйствительно, едва ли и теперь пришло время для вполнѣ правдивой біографіи, такъ тѣсно связанной съ тревожными историческими событіями; но давно было бы пора вывести изъ забвенія по крайней мѣрѣ чисто-литературную дѣятельность писателя. Въ предисловіи къ настоящему изданію справедливо замѣчено, что хотя Рылѣевъ былъ признанъ судомъ за государственнаго преступника, въ стихотвореніяхъ его нѣтъ ничего преступнаго, что напротивъ онѣ проникнуты глубокимъ патріотическимъ чувствомъ, были напечатаны подъ надзоромъ очень строгой тогдашней цензуры и въ настоящее время не могутъ считаться ни опасными, ни вредными; что многія стихотворенія Рылѣева могли бы даже (какъ было недавно высказано) имѣть благотворное воспитательное значеніе для юношества, возбуждая въ немъ патріотическія чувства, любовь къ родинѣ и къ славнымъ дѣяніямъ предковъ, такъ какъ лучшіе люди нашей старины, прославленные исторіей, находили въ Рылѣевѣ своего одушевленнаго пѣвца.

Таковы, въ самомъ дѣлѣ, думы и поэмы Рылѣева, составляющія его главное литературное право. Возможныя даже для ребячески мнительной и боязливой цензуры того времени, онѣ стали потомъ невозможны только по одному имени автора, а вовсе не по своему содержанію, въ которомъ господствуетъ патріотическій романтизмъ, совершенно невинный; по теперешнему характеру литературы, эти произведенія, кромѣ историческаго значенія, могутъ имѣть значеніе именно

только въ смыслѣ юношескаго чтенія, въ указанномъ выше смыслѣ. Правда, въ стихотвореніяхъ Рылѣева есть также нѣсколько пьесъ, гдѣ отразился и его политическій образъ мыслей послѣдняго времени; но и эти пьесы утратили въ настоящее время свой первоначальный смыслъ, и сохраняя значеніе, какъ біографическая черта, стали теперь поэтической отвлеченностью.

Нечего говорить о томъ, какимъ пробѣломъ въ исторіи литературы двадцатыхъ годовъ было продолжавшееся до сихъ поръ исключеніе Рылѣева. Онъ конечно не былъ талантомъ большимъ; его поэзія слишкомъ носитъ на себѣ черты тогдашней господствующей манеры,— но онъ во всякомъ случаѣ былъ однимъ изъ лучшихъ членовъ Пушкинской школы. Въ свое время онъ имѣлъ много почитателей; его думы и поэмы, отчасти навѣянныя чужими образцами, были новизной въ тогдашней литературѣ и читателямъ нравилась патріотическая подкладка его поэзіи. Когда сочиненія его стали вещью запретной, его думы и поэмы, не имѣвшія новыхъ изданій, продолжали ходить въ рукописяхъ; мы помнимъ эти рукописи въ сороковыхъ годахъ. Самъ Пушкинъ отзывался различно о Рылѣевѣ, то слишкомъ небрежно (въ отзывахъ постороннимъ лицамъ), то очень восхвалительно (особенно въ письмахъ къ самому поэту), но въ среднемъ счетѣ едва ли не выходитъ, что и въ его глазахъ стихотворенія Рылѣева выходили изъ обыкновеннаго ряда. Дѣйствительно, въ этихъ стихотвореніяхъ были свои недостатки,—извѣстная условная манера того времени, не всегда ровный и легкій стихъ,—но по содержанію, по отдѣльнымъ вспышкамъ сознательнаго чувства, стихотворенія Рылѣева стоятъ гораздо выше множества произведеній „меньшихъ поэтовъ“ пушкинской школы,—между прочимъ и тѣхъ, которыхъ восхвалялъ самъ Пушкинъ. Не всегда было удачно исполненіе поэтическихъ замысловъ Рылѣева, но самые замыслы были серьезнѣе, чѣмъ у кого-либо изъ другихъ писателей этой школы: какъ всѣ, онъ былъ романтикъ; романтизмъ казался ему „истинной поэзіей,“ но онъ не заключался для него (какъ почти для всѣхъ другихъ „меньшихъ“ поэтовъ) въ совершенно неопредѣленной разочарованной мечтательности,—напротивъ, по чувству и по понятіямъ Рылѣева, поэзія имѣла свои опредѣленныя условія, какъ искусство, и свои требованія, какъ нравственная задача. Эти требованія были патріотическія, и здѣсь его поэзія соприкасалась съ его политическими мнѣніями. Въ послѣднихъ всегда было, кажется, много энтузіазма, и тамъ, гдѣ въ немъ говорило это настроеніе (еще задолго до его роли въ тайномъ обществѣ), стихотворенія Рылѣева отличаются истинной поэзіей и дѣйствительными достоинствами. Таковы, кромѣ различныхъ отдѣльныхъ мѣстъ въ его думахъ и поэмахъ, пьесы его: „Видѣніе“, „Гражданское мужество“, „Къ временщику“, и отчасти нѣкоторыя другія стихотворенія. Въ

этихъ мотивахъ и заключался его отличительный характеръ, который безъ сомнѣнія выгоднымъ образомъ отдѣляетъ Рылѣева отъ его сверстниковъ въ школѣ Пушкина.

Исполненіе настоящаго изданія, принадлежащее г. Ефремову, весьма точно и добросовѣстно, какъ вообще труды этого почтеннаго библіографа. Онъ старательно собралъ все, чтó было извѣстно изъ сочиненій Рылѣева, внимательно прослѣдилъ уцѣлѣвшія рукописи, сдѣлалъ всѣ сличенія, и собралъ все это въ библіографическія примѣчанія (стр. 351—382). Г. Ефремовъ не помѣстилъ въ изданіе только нѣсколькихъ незначительныхъ пьесъ, которыя впрочемъ всѣ имъ указаны. Изданія Рылѣева, появлявшіяся въ заграничной печати, уступаютъ настоящему и въ точности, и въ полнотѣ. По рукописямъ г. Ефремовъ возстановилъ правильное чтеніе нѣкоторыхъ пьесъ; по рукописямъ онъ напечаталъ нѣсколько новыхъ „думъ" (предварительно, онѣ появлялись въ „Русской Старинѣ"). Нѣсколько пьесъ, до настоящаго изданія, напечатаны были въ „Девятнадцатомъ Вѣкѣ" (кн. I) г. Бартенева, но между прочимъ съ очень странными ошибками, которыя были исправлены г. Ефремовымъ (см. стр. 210 и 371, и друг.). Многое является въ изданіи въ первый разъ, напр., въ особенности переписка Рылѣева, его письма къ отцу и къ матери, къ свояченицѣ и женѣ, и наконецъ рядъ писемъ его изъ крѣпости, изъ которыхъ только одно послѣднее было до сихъ поръ извѣстно. Письма къ отцу напечатаны только въ извлеченіяхъ; письма изъ крѣпости — вполнѣ.

Біографія писателя еще остается въ ожиданіи, — мы упомянули выше, почему ея составленіе все еще затруднительно; — г. Ефремовъ указываетъ въ концѣ книги тѣ біографическія свѣдѣнія о Рылѣевѣ, какія появлялись до сихъ поръ въ нашей литературѣ.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Образованіе женщинъ, его направленіе и цѣли.

Mädchenerziehung und Frauenleben im Aus—und Inlande. Mit einem Anhange: Deutsche Frauenthätigkeit während des Krieges 1870—71. Von *Gotthold Kreyenberg*. Berlin, 1872. I. Guttentag. (Воспитаніе дѣвицъ и жизнь женщинъ заграницею и дома. Съ прибавленіемъ: о дѣятельности нѣмецкихъ женщинъ во время войны 1870—71 г. Соч. *Готхольда Крейенберга*).

Essays and Lectures on social and political subjects. By *Henry Fawcett*, M. P. Professor of political economy in the university of Cambridge, and *Millicent Garrett Fawcett*. London, 1872. Macmillan and C°. (Статьи и лекціи о соціальныхъ и политическихъ предметахъ. Соч. *Генри Фосетта* и *Миллисентъ Гэрретъ Фосеттъ*).

Изъ общественныхъ вопросовъ мало есть такихъ, которые имѣли бы столь важное значеніе для исторической жизни народовъ и тѣмъ не менѣе такъ долго подвергались бы столь полному невниманію, какъ вопросъ объ образованіи женщинъ; рутина именно въ этомъ вопросѣ успѣла насидѣть для себя самое безопасное и теплое мѣсто. Виною такого явленія въ жизни всѣхъ цивилизованныхъ странъ служитъ во многихъ отношеніяхъ излишнее увлеченіе людей чисто политическими дѣлами: слѣпое стремленіе къ власти и пагубная привычка къ насильственному разрѣшенію плохо составленныхъ задачъ; это желаніе властвовать и эта привычка къ самоуправству деморализировали и семейныя отношенія—эту главную лабораторію равноправности и свободы. Подъ гнетомъ этихъ вліяній и той общественной рутины семейной жизни, которую выработала исторія во времена безконтрольнаго господства физической силы, женщина пробивалась впередъ, къ свѣту, къ наукѣ, лишь съ большимъ трудомъ. Теперь всякій болѣе или менѣе понимаетъ, что женщина однимъ своимъ положеніемъ въ семьѣ и обществѣ оказываетъ сильное давленіе не на общественную жизнь только, но и на политическую,—что бездѣятельность женщинъ и развращенность ихъ могутъ оказывать самое пагубное вліяніе на государственный бытъ страны, и что противъ этой развращенности и бездѣятельности всѣ репрессивныя мѣры оказываются малодѣйствительными, а иногда даже только пуще деморализующими.

Какъ случилось съ невѣжествомъ низшихъ классовъ въ обществѣ, такъ случилось и съ невѣжествомъ женщинъ. Удалось низшимъ классамъ заявить свои права на признаніе за ними гражданской равноправности, удалось имъ проявить стремленіе и способности къ образованію, и стоило только дальновиднымъ ученымъ и политикамъ понять, что благосостояніе и безопасность страны невозможны при угнетенномъ и невѣжественномъ состояніи народныхъ массъ, какъ тотчасъ поя-

вились всевозможныя движенія въ политическомъ мірѣ, изъ которыхъ родились вопросы о гражданской равноправности и народномъ образованіи. Также точно родился и пошелъ по свѣту вопросъ о женскомъ образованіи: его никто не выдумывалъ, его не навязали женщинамъ, онъ—плодъ извѣстной степени нравственнаго развитія самихъ женщинъ, а также природной и научной прозорливости умныхъ и практическихъ патріотовъ, искренно преданныхъ интересамъ общаго благосостоянія и счастія своихъ согражданъ.

Конечно, и теперь еще, даже среди образованныхъ классовъ въ европейскихъ обществахъ найдутся чудаки, способные отвергать пользу распространенія образованія среди женщинъ, какъ есть пока головы, которыя готовы сомнительно покачиваться при вопросѣ: „учиться ли?" Конечно также, что эти головы пользуются иногда столь сильнымъ вліяніемъ въ тѣхъ или другихъ правительственныхъ сферахъ и могутъ тормозить дѣло образованія не только женщинъ, но и мужчинъ всѣхъ состояній и классовъ. Но ихъ вліяніе, во всякомъ случаѣ, столь слабо, что не можетъ не только уничтожить, но даже пріостановить общественное движеніе въ пользу женскаго образованія, такъ какъ въ этомъ движеніи принимаютъ самое живое участіе не демагоги какіе-нибудь, способные изъ всякаго общественнаго вопроса создавать доходную статью для своей политической промышленности, но серьезные ученые и крупные мыслители, и главное: сами женщины, по крайней мѣрѣ лучшія и наиболѣе способныя изъ нихъ. Авторитетъ науки и сами женщины успѣли, однимъ словомъ, убѣдить всѣхъ, кто только въ состояніи убѣждаться, что женщинамъ нужно учиться, и нужно учиться серьезно. Но *какъ*, и *для какихъ цѣлей?...*

На этотъ вопросъ сторонники женскаго образованія отвѣчаютъ различно, но изъ всѣхъ этихъ разнородныхъ мнѣній, высказываемыхъ съ бо́льшею или меньшею искренностью, съ бо́льшимъ или меньшимъ знаніемъ самаго дѣла, можно придти къ довольно простому заключенію: есть сторонники женскаго образованія, которые ставятъ ему цѣлью воспитывать женщинъ въ „люди", и подравниваютъ его во всѣхъ отношеніяхъ подъ образованіе, получаемое мальчиками; есть еще другая партія сторонниковъ, которые предлагаютъ другія методы преподаванія въ видахъ воспитыванія женщинъ исключительно въ „матери". Послѣдняго направленія придерживается авторъ перваго изъ разбираемыхъ нами сочиненій: директоръ Изерлонской городской высшей школы для дѣвицъ (höhere Töchterschule), Крейенбергъ; перваго — кэмбриджскій профессоръ Фоссеттъ и его жена. Насколько намъ извѣстна нынѣшняя литература даннаго вопроса, мы можемъ утверждать, что обѣ разбираемыя книги обнаруживаютъ въ ихъ авторахъ столь достаточную компетентность въ дѣлѣ женскаго образованія, что ихъ сужденія могутъ быть приняты за добросовѣстное изложеніе

тѣхъ самыхъ направленій, представителями которыхъ они желаютъ служить. Благодаря тому счастливому обстоятельству, что наши авторы писали свои книги не въ полемическихъ видахъ, не ради проявленія своего остроумія—подчасъ дешеваго — на счетъ невѣжества или глупости своего противника, а именно для разъясненія интересующаго ихъ самихъ вопроса, на изученіе котораго они потратили много времени, не жалѣя своихъ силъ и способностей, — благодаря этому обстоятельству — говоримъ мы — эти обѣ книги могутъ служить весьма хорошимъ и удобнымъ матеріаломъ для сравнительной оцѣнки обоихъ взглядовъ на женское образованіе и тѣхъ фактическихъ данныхъ, на которыхъ эти взгляды основаны и которыми они подтверждаются.

Очевидно, что оба взгляда, къ разбору которыхъ мы намѣрены приступить, должны имѣть между собою много общаго, такъ какъ одинъ изъ нихъ, повидимому, цѣликомъ содержится въ другомъ. Въ самомъ дѣлѣ, образовать изъ женщины „человѣка" значитъ образовать изъ нея, между прочимъ, и „мать". Если изъ мальчика выходитъ не „отецъ" только, но и „человѣкъ", то точно также и женщина-мать можетъ еще быть и женщиною-человѣкомъ. Но педагоги, какъ Крейенбергъ, не хотятъ знать этой простой логики, и стоятъ на томъ, что женщину слѣдуетъ воспитывать исключительно для исполненія материнскихъ обязанностей, что женщинѣ слѣдуетъ давать спеціальное въ этомъ направленіи образованіе. Не слѣдуетъ думать, что Крейенбергъ шутитъ съ словомъ „мать", разумѣя подъ нимъ лишь женщину-самку, способную рождать, кормить и нѣжить своихъ дѣтей, въ видахъ выгоднаго устройства ихъ будущей судьбы или изъ желанія поскорѣе „поставить на ноги" сыновей и „сбыть съ рукъ" дочерей. Нѣтъ, — онъ требуетъ отъ матери сознанія своей общественной, *гражданской* роли въ семьѣ, онъ хочетъ, чтобы она вся предалась воспитанію своихъ дѣтей, чтобы она „своимъ примѣромъ", а не на словахъ только, учила своихъ дѣтей стремленію къ добру и истинѣ, а также сознанію своего національнаго достоинства. Въ этомъ послѣднемъ требованіи Крейенбергъ заходитъ столь далеко, что хочетъ, чтобы семья и школа въ Германіи создавали не только хорошихъ и разумныхъ дѣвушекъ вообще, но непремѣнно *нѣмецкихъ* дѣвушекъ. Авторъ, впрочемъ, не опредѣляетъ, какія именно спеціальныя свойства должны имѣть его „нѣмецкія" дѣвушки, и мы, поэтому, это его требованіе можемъ принять за риторическое выраженіе мысли о необходимости пробудить въ женщинахъ патріотическое чувство. Факты, собранные Крейенбергомъ въ особомъ „прибавленіи" о госпитальной дѣятельности нѣмецкихъ женщинъ во время послѣдней войны съ французами, должно быть убѣдили его въ способности женщины оказывать весьма важныя услуги отечеству. Крейенбергъ дѣйствительно умѣетъ цѣнить эти услуги, какъ видно изъ его желанія, чтобы всѣ

женскіе союзы и артели, образовавшіеся во время войны для пособія раненымъ и ихъ семьямъ и другимъ несчастнымъ, не расходились, а преобразовались въ комитеты для пособія бѣднымъ или въ какія-нибудь общества для распространенія женскаго образованія, для устройства женскихъ читаленъ и т. п. Правда, что рекомендуемая Крейенбергомъ дѣятельность требуетъ для своей успѣшности лишь практической снаровки и благотворительной наклонности, что она можетъ вызываться и совершаться подъ вдохновеніемъ не гражданскаго чувства, а простого человѣколюбія или религіи, но тѣмъ не менѣе нашъ авторъ впадаетъ въ большую ошибку, если полагаетъ, что какой-нибудь дамскій комитетъ можетъ способствовать искорененію нищеты посредствомъ посѣщенія женщинами-членами „своихъ бѣдныхъ". Онъ самъ сознается, что въ городахъ, гдѣ есть *женскіе союзы*, нищета скорѣе ростетъ чѣмъ ослабѣваетъ„ (стр. 306), — онъ знаетъ, что на это есть „свои другія причины", но въ чемъ эти „другія причины" состоятъ — не говоритъ, между тѣмъ какъ самая главная не что иное, какъ отсутствіе въ благотворительныхъ комитетахъ солидныхъ политико-экономическихъ знаній. Въ Англіи многіе благотворительные комитеты оказываются столь сильною помѣхою въ борьбѣ общества и государства съ нищетою, что родился вопросъ о правительственномъ контролѣ надъ всѣми частными благотворительными обществами. Борьба съ нищетою становится самымъ животрепещущимъ вопросомъ дня, наполненномъ самыхъ серьезныхъ затрудненій, и для удачнаго веденія ея требуются не благія намѣренія, не добрыя наклонности только, но и хорошее знакомство съ истинами политической экономіи. Совѣтовать женщинамъ устроивать благотворительные комитеты и ждать отъ этихъ комитетовъ серьезной пользы можно, поэтому, только въ томъ случаѣ, если женщины знакомы съ послѣдними выводами политико-экономической науки, а эту науку, въ наше время, можетъ дѣльно изучать лишь тотъ, кто предварительно пріобрѣлъ хорошее общее образованіе.

Не допуская дѣвушекъ до одинаковаго съ мальчиками образованія и требуя въ то же время отъ матерей сознанія своихъ гражданскихъ обязанностей или такой дѣятельности, какъ борьба съ нищетою, Крейенбергъ попадаетъ въ двусмысленное положеніе, которое заставляетъ его то противорѣчить самому себѣ, то писать разныя тривіальности, неприличныя серьезному человѣку, при чемъ онъ опирается иногда на невѣрныя данныя, обнаруживающія его слабость во всемъ, что не касается фактической части его спеціальности. Эти противорѣчія, тривіальности, неточности и другіе недостатки главной темы автора обнаруживаются при описаніи не только гражданской дѣятельности женщинъ, но и домашней также, напримѣръ, въ отношеніяхъ матери къ дѣтямъ, жены къ мужу. Мысли нашего автора, при опредѣленіи

этихъ отношеній, до того сбивчивы и запутаны, что ихъ трудно бываетъ объяснить чѣмъ-нибудь инымъ, кромѣ его оффиціальнаго положенія въ свѣтѣ; эти мысли никакъ не соотвѣтствуютъ тѣмъ фактамъ, которые собраны Крейенбергомъ изъ разныхъ источниковъ объ американскихъ женщинахъ и ихъ образованіи, и изъ собственныхъ наблюденій автора во время путешествія по Англіи, Италіи, Швейцаріи и Франціи, гдѣ онъ изучалъ и женщинъ и женское образованіе. Но такъ какъ вопросъ о цѣляхъ и направленіи женскаго образованія слишкомъ важенъ и въ то же время затемненъ разными посторонними соображеніями и нелѣпыми опасеніями, то нельзя пренебрегать даже тривіальностями, если даже тривіальности ложатся въ основу невѣрныхъ взглядовъ, и мы поэтому считаемъ необходимымъ поподробнѣе разсмотрѣть воззрѣнія Крейенберга на обязанности матери и жены.

Разсуждая о томъ, что „исполненіе каждаго призванія требуетъ познаній и искусствъ, а подготовленіе къ нему времени", нашъ авторъ начинаетъ разсуждать о „призваніи женщины" и приходитъ къ тому печальному заключенію, что понятіе объ этомъ призваніи разбиралось въ наши дни съ столь различныхъ сторонъ, что оно „скорѣе затмѣвается, чѣмъ разъясняется". Попытаемся же мы—продолжаетъ авторъ—дать ему точное опредѣленіе — bündige Erklärung, и затѣмъ сразу опредѣляетъ: „*женское призваніе состоитъ въ занятіи любовью*" (Liebe zu uben); онѣ должны творить добро и создавать счастіе какъ жены, матери, хозяйки или, если остаются не замужемъ, на какомъ-либо другомъ поприщѣ, соотвѣтствующемъ особенностямъ ихъ пола, напр., въ уходѣ за больными, въ воспитаніи и т. п. Перечитывая это „точное опредѣленіе" женскаго призванія, вы невольно нападаете на мысль: „не шутитъ ли съ вами авторъ?" такъ какъ въ этомъ опредѣленіи, собственно говоря, нѣтъ ничего опредѣленнаго. Что это за занятіе такое: „занятіе любовью", и отчего созданіе добра и счастія мужемъ, отцемъ и хозяиномъ не можетъ быть названо „занятіемъ любовью...?" Этого вопроса не разрѣшитъ и слѣдующее какъ бы вступительное объясненіе Крейнберга къ его „точному опредѣленію: — „Если женщина—вѣнецъ созданія, то вѣнецъ женщины — любовь. Но величайшая любовь—любовь матери, величайшее счастіе—счастіе матери. Не *быть* любимою, но *любить* какъ мать — это блаженство выше всѣхъ дѣйствительныхъ и воображаемыхъ земныхъ радостей. Мужа движетъ впередъ неутомимое стремленіе и только оно одно истинно удовлетворяетъ его. Успѣхи его желѣзной дѣятельности украшаютъ его увядаемыми и неувядаемыми вѣнками чести и славы. И тѣмъ не менѣе онъ достигаетъ лишь немногого въ сравненіи съ его женою, передъ которою словно волшебнымъ ударомъ открыты двери небеснаго царства. Нельзя не завидовать женщинѣ, что она можетъ столь совершенно наполнить свое бытіе, и быть великою въ великомъ и возвы-

шенною въ маломъ. Есть блага, за которыя мужчина жертвуетъ своею жизнью; женщина знаетъ только одно высшее благо — ея дитя. Любовь матери не только довольствуется сама собою, но она всеобъемлющая; она сильнѣе всѣхъ движеній души. Материнская любовь—это ежедневное откровеніе божественной святости. Никогда смятеніе человѣческаго сердца не проявляется съ такою очевидностью, какъ въ этой сферѣ".

Мы нарочно привели здѣсь эту тираду, чтобы показать къ какому фразерству приходится прибѣгать и неглупому человѣку, если онъ задумаетъ создавать какую-то теорію, не имѣющую ничего общаго съ окружающей жизнью. Материнская любовь сама по себѣ, какъ всякая другая любовь, заключаетъ въ себѣ, во всякомъ случаѣ, не одно счастье, какъ это кажется повидимому нашему автору. Эта любовь приноситъ счастье и утѣшеніе какъ матери, такъ и ея дѣтямъ лишь въ томъ случаѣ, если она руководится не животными инстинктами исключительно, а главнымъ образомъ великими побужденіями — цивилизованной человѣческой натуры. Чтó, кромѣ самаго жестокаго несчастья, можетъ приносить честной и гуманной женщинѣ ея любовь къ своимъ дѣтямъ, если послѣднія позорятъ ея имя своими безчестными и безчеловѣчными поступками? И пусть же попробуютъ утверждать всѣ педагоги, въ родѣ Крейенберга, что подобная мать имѣетъ всѣ образовательныя средства къ тому, чтобъ не допустить своихъ дѣтей до преступной въ ея глазахъ карьеры. Гдѣ женщинѣ даютъ такое образованіе, чтобы она могла наставлять своихъ дѣтей даже тогда, когда они вступили на дорогу самостоятельной жизни? Съ другой стороны, материнская любовь не есть нѣчто неизмѣнное и роковое, вліяющее всегда одинаковымъ образомъ; разумъ и просвѣщеніе имѣютъ на нее громадное вліяніе, очищаютъ ее отъ животности, направляютъ ее, руководятъ ею, и только въ тѣхъ случахъ теряютъ надъ нею всякій контроль, когда сами слишкомъ слабы. Любовь матери можетъ приносить великую пользу ея дѣтямъ въ ихъ дальнѣйшей карьерѣ, или великій вредъ, смотря потому, какими жизненными вопросами задается сама мать и какими средствами — матеріальными, нравственными и умственными обладаетъ она,—а жизненные идеалы, нравственныя и умственныя средства къ воспитанію даются не природою матери только, но въ значительной мѣрѣ тѣмъ воспитаніемъ и образованіемъ, и тѣмъ жизненнымъ опытомъ, которые пріобрѣтаются самою матерью какъ въ школѣ и семьѣ, такъ и въ общественной жизни. Безъ участія матери въ общественной жизни не родятся въ ея головѣ такіе жизненные идеалы, которые вытекали бы изъ даннаго состоянія общества, и примѣненные къ воспитанію дѣтей, могли бы создавать полезныхъ общественныхъ дѣятелей; — но полезно участвовать въ общественной жизни и вѣрно понимать ее можетъ опять только такая женщина, ко-

торая сама заинтересована общественными движеніями и научнымъ образомъ подготовлена къ изученію ихъ. Самъ Крейенбергъ, когда начинаетъ опредѣлять подробности материнскихъ обязанностей, мало-помалу приходитъ къ тѣмъ же выводамъ.

Воспитаніе ребенка преслѣдуетъ три цѣли: развитіе физическихъ силъ, умственныхъ и нравственныхъ. Въ видахъ *здоровья* дѣтей Крейенбергъ предлагаетъ ввести въ высшія дѣвичьи школы въ Германіи преподаваніе гигіены и домашней химіи. О вліяніи матери на умственное образованіе дѣтей нашъ авторъ говоритъ весьма мало; матерямъ онъ поручаетъ, повидимому, умственное развитіе лишь маленькихъ ребятъ, и онъ совѣтуетъ держаться системы Фрёбеля. Но нравственое воспитаніе, которое, сказать мимоходомъ, невозможно безъ умственнаго, снова даетъ автору поводъ высказаться совершенно ясно. И здѣсь, правда, Крейенбергъ пускается въ нѣкоторое фразерство, но въ сущности приходитъ къ серьезнымъ выводамъ. „Въ ребенкѣ — говоритъ онъ — должно съ раннихъ лѣтъ развивать воспріимчивость къ благороднымъ чувствамъ, чтобы онъ питалъ состраданіе къ нищетѣ, нуждѣ и недостаткамъ и охотно отказывался отъ удовольствія ради облегченія страданія другихъ". „Ребенокъ долженъ быть окруженъ правдою и вѣрностью" — высказываетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, стараясь показать, что родители могутъ вліять на дѣтей главнымъ образомъ своимъ собственнымъ добрымъ примѣромъ. Еще дальше онъ говоритъ (исключительно о дѣвушкахъ, впрочемъ), что познанія, пріобрѣтаемыя въ школѣ, только подъ санкціей матери пріобрѣтаютъ окончательную силу. Мать должна обучать своихъ дочерей всѣмъ домашнимъ обязанностямъ и хозяйству и заставлять ихъ принимать дѣятельное участіе въ ея собственныхъ работахъ, не упуская изъ виду вмѣстѣ съ тѣмъ и ихъ умственнаго развитія. Для этой послѣдней цѣли Крейенбергъ требуетъ, чтобы матери „поддерживали свѣжесть своего собственнаго ума и чувствовали въ себѣ постоянную потребность оставаться въ общеніи съ благороднѣйшими геніями націи". Плохое оправданіе въ томъ,—прибавляетъ авторъ,—что заботы о домашнемъ хозяйствѣ изгоняютъ будто бы миръ. „Какъ много времени пропадаетъ совершенно безполезно!" восклицаетъ онъ въ заключеніе, какъ бы припоминая балы и выѣзды, и туалетныя къ нимъ приготовленія. Но не оттого ли это пропадаетъ у матери столь много времени совершенно безполезно, что женщины не пріобрѣтаютъ въ школѣ серьезнаго образованія, которое одно поддерживаетъ въ человѣкѣ интересъ къ окружающей насъ жизни и здоровую любознательность во всѣхъ дѣлахъ? — этотъ важный и простой вопросъ не приходитъ въ голову нашему автору.

Еще въ большее противорѣчіе съ своею теоріею приходитъ нашъ авторъ, когда начинаетъ порицать французскую систему женскаго образованія, которая есть не что иное, какъ послѣдовательное проведе-

ніе въ школѣ и жизни теоріи „преобразованія матерей“. Анекдотъ, избранный Крейенбергомъ для эпиграфа къ его описанію женскаго образованія во Франціи, заключаетъ въ себѣ не шутку, но дѣйствительный исходный пунктъ французской системы: „Наполеонъ I сказалъ однажды г-жѣ Кампанъ, отличной воспитательницѣ, находившейся у него въ службѣ: „старыя воспитательныя системы никуда не годны! Чего недостаетъ намъ для того, чтобы французское юношество пріобрѣтало хорошее воспитаніе“?—„Матерей!“ отвѣчала г-жа Кампанъ. Императоръ былъ сильно пораженъ этимъ отвѣтомъ. „Вотъ“—сказалъ онъ—„вотъ воспитательная система въ одномъ единственномъ словѣ“! И самъ императоръ и всѣ его послѣдователи на французскомъ престолѣ ревностно проводили эту систему въ жизнь французской націи не только путемъ школы, но и путемъ регламентаціи внутреннихъ отношеній семейной жизни. При Наполеонѣ III эта система достигла апогея своего развитія и столь сильно укрѣпилась въ нравахъ Франціи, что когда умный министръ Дюрюи, увидѣвъ всѣ ужасныя послѣдствія системы, задумалъ и сталъ-было проводить широкій планъ преобразованія ея, то палъ подъ давленіемъ агитаціи приверженцевъ стараго порядка.

Подъ „образованіемъ матери“ французская система разумѣетъ заключеніе женщины въ семью, ограниченіе ея жизни одними семейными отношеніями, полное удаленіе женщины съ политическаго или общественнаго поприща. Всѣ консерваторы въ Европѣ разумѣютъ то же самое, и ихъ нельзя поэтому упрекнуть въ непослѣдовательности, какъ мы упрекаемъ Крейенберга. Французская система не требуетъ отъ женщины гражданскихъ доблестей, ей не нуженъ женскій патріотизмъ; она стремится лишь подчинить волю женщины ея мужу, отцу—вообще мужчинѣ. Пусть мужчина будетъ гражданиномъ и патріотомъ, и пусть женщина только повинуется ему, тогда и она будетъ гражданкою и патріоткою. Самостоятельной воли не должно быть у женщины, и потому пусть разумъ ея не пріобрѣтаетъ никакихъ скептическихъ способностей, которыя могла бы возбудить въ немъ и изощрить наука; пусть въ душѣ ея господствуетъ и распоряжается одна религія, какъ главная и прочная основа всякаго авторитета, который задумали бы установить надъ женщиною государство и церковь. Таковы философскія и политическія основанія французской системы, и надо отдать справедливость французскимъ правителямъ—они мастерски, логически, послѣдовательно провели эти основанія въ женскомъ образованіи. Почти все оно отдано въ руки духовенства [1]); за

---

[1]) По статистическимъ вычисленіямъ Манье (Manié) въ общественныхъ французскихъ школахъ больше $^1/_6$ мальчиковъ и болѣе $^2/_3$ дѣвочекъ, а въ частныхъ школахъ болѣе $^2/_3$ мальчиковъ и болѣе $^3/_5$ дѣвочекъ обучаются членами разныхъ религіозныхъ обществъ.

весьма немногими исключеніями, женскія учебныя заведенія преподаютъ разные предметы по оффиціальнымъ учебникамъ, составленнымъ спеціально для дѣвицъ, и въ которыхъ, поэтому, все изложено въ догматическомъ тонѣ, безъ всякой научной критики. Крейенбергъ смотритъ съ подозрѣніемъ на преподаваніе дѣвицамъ классическихъ языковъ и математики (научнымъ образомъ); Франція какъ разъ удовлетворяетъ его желанію: съ классиками француженокъ вовсе не знакомятъ, а по математикѣ дѣвицъ не утруждаютъ даже изустными задачами; при изученіи родного языка грамматику *Noël et Chapsal*'я долбятъ наизусть. Но за то ихъ обучали всевозможнымъ „histoire", реторикѣ, литературѣ, и т. п. Естественныя науки были, конечно, въ сильномъ загонѣ: „простѣйшіе факты естествознанія"—говоритъ нашъ авторъ—„были для нихъ *богемскими лѣсами* еще весьма недавно, когда стали наконецъ заботиться (Дюрюи) объ улучшеніи высшаго женскаго образованія; до того времени о введеніи въ образованіе дѣвицъ такихъ предметовъ, какъ физика, химія и естественная исторія, и не думали". Впрочемъ, если, по мнѣнію Крейенберга, женщинъ не слѣдуетъ обучать математикѣ научнымъ образомъ, хотя бы только ариѳметикѣ, алгебрѣ и геометріи, то какую же пользу можетъ принести имъ преподаваніе физики и химіи—какимъ образомъ пріобрѣтутъ онѣ твердое убѣжденіе въ томъ, что законы физики и химіи дѣйствительно незыблемы, что въ нихъ заключается научная истина, которая должна быть первообразомъ для всѣхъ истинъ въ жизни,—если сами дѣвушки не находили и не умѣютъ находить эти законы научнымъ образомъ; безъ математики же невозможно научное изученіе физики и химіи. Самъ Дюрюи былъ послѣдовательнѣе Крейенберга: разъ задумавши поставить женское образованіе на твердую почву, онъ далъ женщинамъ всѣхъ профессоровъ, которые учили до того времени только однихъ мальчиковъ, и тотчасъ же устроилъ математическіе курсы ариѳметики и геометріи.

Вообще говоря, какъ бы ни разсуждали о цѣляхъ женскаго образованія такіе непослѣдовательные педагоги, какъ Крейенбергъ, слѣдуетъ принять за основное положеніе всякой системы образованія или серьезную науку, или профессіональную выучку тому или другому роду дѣятельности. Если женщина должна быть только матерью, супругою и хозяйкою, въ рутинномъ смыслѣ этихъ спеціальностей, то ей наука вовсе не нужна, и французская система, поэтому, вполнѣ удовлетворяетъ данной цѣли. Если же отъ женщинъ требуютъ не только простого кормленія и *первоначальнаго* воспитанія дѣтей, игры и болтовни съ ними, не только ухаживанія за своимъ мужемъ и повиновенія его волѣ, да бережливости въ семейномъ быту,—если ее порицаютъ за то, что она не способствуетъ развитію гражданскихъ чувствъ въ своихъ сыновьяхъ и мужьяхъ, и за то еще, что она не проявляетъ патріоти-

ческаго воодушевленія,—если, однимъ словомъ, ей ставятъ общественныя задачи и самоё вводятъ въ такія положенія [1]), гдѣ ей необходимо дѣйствовать самостоятельно — на собственный страхъ, гдѣ она можетъ приносить или страшный вредъ или великую пользу общественному благосостоянію, — то само собою разумѣется, ее слѣдуетъ и вооружить всѣмъ, что только даетъ современная цивилизація для достиженія успѣха въ подобной дѣятельности, то-есть, главнымъ образомъ, научною подготовкою къ жизни, научнымъ образованіемъ; пусть, въ такомъ случаѣ, и для женщины наука станетъ такимъ же великимъ авторитетомъ во всѣхъ ея дѣловыхъ и нравственныхъ соображеніяхъ, какимъ служитъ наука для всѣхъ, кто ею серьезно занимается. Тогда и сама религія явится передъ женщиною не въ образѣ того или другого знакомаго патера, но въ формѣ обобщенной, въ формѣ глубокаго чувства симпатіи ко всему человѣческому, безъ суевѣрнаго раболѣпія передъ рясою или изящною обрядностью.

Послушаемъ теперь самого Крейенберга о томъ, что сдѣлало изъ французскихъ женщинъ ненаучное образованіе, при дѣятельномъ участіи религіознаго элемента. По своей природѣ, говоритъ нашъ авторъ, „француженки одарены счастливѣйшими талантами“; если эти таланты остаются неразвитыми, въ томъ виною не сами француженки: „въ этомъ виноватъ народный духъ (т.-е. рутинный взглядъ на женщину), дурные обычаи, устарѣлыя учрежденія, извращенный принципъ власти. Но и безъ школъ, безъ образованія, француженка успѣваетъ легко побуждать мудрѣйшихъ людей на глупости, водить способнѣйшихъ за носъ, увлекать тоскующихъ въ веселый смѣхъ и переносить въ легкомысленныя руки нити европейскихъ судебъ“. Француженка сама сознаетъ тяжелый гнетъ, наложенной на нея безсмысленной системы семейнаго и общественнаго бытія, и тѣмъ рѣзче проявляется ея негодованіе противъ этого гнета, чѣмъ ловче и сильнѣе опутываютъ ее сѣтями школьнаго преподаванія и юридическихъ постановленій. „Франція была родиною Перуань де-Мерикуръ, — той погибшей личности, амазонки первой французской революціи, которая въ высоко подобранномъ цвѣтномъ платьѣ, съ развѣвающимися перьями на шляпѣ и со шпагою

---

[1]) Статистика показываетъ съ безпощадною точностью, что число дѣвицъ остающихся незамужемъ, увеличивается съ году на годъ. 40°₀ всѣхъ дѣвушекъ, по вычисленіямъ «*British Review*» остаются не замужемъ. Въ Пруссіи ихъ будетъ цѣлый милліонъ (Kreyenberg, стр. 269)... Статистикъ Швабе доказалъ, что въ Берлинѣ до 40-лѣтняго возраста мужчины преобладаютъ въ числѣ надъ женщинами, но въ высшихъ возрастахъ, за 40 лѣтъ, женщины преобладаютъ надъ мужчинами на всѣхъ цифрахъ безъ исключенія. Въ Берлинѣ на одного вдовца приходится около четырехъ вдовъ. Женщина слѣдовательно становится одинокою въ старости (стр. 271). Какое же значеніе можетъ имѣть для всѣхъ этихъ незамужнихъ женщинъ образованіе, направленное къ созданію матерей и женъ?...

въ рукѣ, возбуждала массы къ кровавымъ злодѣйствамъ;—Франція же была родиною той толпы женщинъ, которыя уже въ тѣ времена не хотѣли признавать разницы между мужчиною и женщиною. Франція же была родиною Аглаи Сент-Илеръ, жрицы плотскихъ наслажденій во времена отца Анфантена и Сент-Симона; Франція же, къ сожалѣнію, является въ новѣйшее время родиною *петролейщицъ*, которыя подъ владычествомъ коммуны вливали въ погреба поджигательную жидкость изъ тѣхъ самыхъ леекъ, которыя служили этимъ женщинамъ для поливки ихъ собственныхъ красивыхъ цвѣтовъ; Франція, наконецъ, была родиною тѣхъ несчастныхъ креатуръ, которыя, во время второй осады Парижа, празднуя свои оргіи въ открытыхъ кофейняхъ на бульварахъ, публично проявляли тамъ величайшее распутство,—тѣхъ разъяренныхъ женщинъ, дамъ въ блестящихъ туалетахъ, которыя съ чернымъ отъ дыма лицомъ, фуріи съ головы до ногъ, откусывали патроны своими бѣлыми зубами, чтобы въ концѣ концовъ, самимъ прострѣленнымъ въ самое сердце, пасть возлѣ жертвъ своей безчеловѣчной жестокости". Съ другой стороны, французская женщина всегда была главною опорою всего ретрограднаго и обскурантнаго, такъ какъ постоянно являлась ревностною защитницею клерикальной партіи. Такимъ образомъ, французская женщина, встрѣтивъ въ законахъ и учрежденіяхъ своей страны всевозможныя преграды къ проявленію своей личной самостоятельности въ общественной и политической жизни, тѣмъ не менѣе ворвалась въ политику, и какъ рабъ, сорвавшійся съ цѣпи или успѣвшій перехитрить своего господина, проявляетъ свою власть то какимъ-нибудь отвратительнымъ насиліемъ, то самымъ гнуснымъ лицемѣріемъ. Правда, этими печальными явленіями французская женщина доказываетъ, что она не домашнее животное, котораго можно мучить и притѣснять сколько угодно, что она способна на страшную месть за попираніе ея человѣческаго достоинства, но тѣмъ не менѣе въ такихъ протестахъ нельзя не замѣтить нравственнаго упадка всей націи, и Крейенбергъ совершенно справедливо (хотя опять-таки противъ собственной теоріи) замѣчаетъ, что во Франціи „вслѣдствіе того, что мужчина не съумѣлъ или не захотѣлъ поднять женщину до себя, она принизила его до нея". Замѣчательно, что г-жа Фосеттъ, доказывая своимъ противникамъ способность женщинъ къ научному образованію, употребляетъ чуть ли не эту же самую фразу [1]). Приниженіе мужчины чрезъ приниженіе

---

[1]) «Если для подростающаго поколѣнія важно, чтобы матери были женщины здраваго и сильнаго ума, то для нынѣшняго поколѣнія почти столько же важно, чтобы жены были такими же женщинами. Ибо *постоянное сожительство съ особою, одаренною низшими и дурно развитыми способностями, должно извратить самый могущественный умъ.* Женщина рѣдко бываетъ столь слаба, что не имѣетъ никакого вліянія на ея мужа; въ нѣкоторой степени, къ лучшему либо къ худшему, она

женщины становится такимъ образомъ фактомъ для всѣхъ, кто умѣетъ находить поученіе въ историческомъ опытѣ и понимать значеніе женщины въ общественной и политической жизни страны. Но такъ какъ общественное и политическое значеніе женщины почти вполнѣ опредѣляется уровнемъ и солидностью ея образованія, то можно вполнѣ согласиться съ Крейенбергомъ, что „общее образованіе женщинъ можетъ служить мѣриломъ величія и процвѣтанія культуры всей націи" (стр. 264), хотя и этотъ выводъ нашего автора кажется намъ несогласнымъ съ его основною теоріей, недопускающей женщинъ до столь же полнаго научнаго образованія, до какого допускаются мужчины. Въ самомъ дѣлѣ, выводъ автора требуетъ, чтобы всякій патріотъ, которому дороги „величіе и процвѣтаніе, культура его націи", желалъ и поднятія общаго образованія женщинъ до высшаго уровня, а выше того, который ставится общему образованію мальчиковъ, никакого другого уровня не существуетъ.

Но остановимся—Крейенбергъ уже готовитъ намъ новый сюрпризъ. Описавъ положеніе женскаго образованія въ Германіи въ такомъ видѣ, что вы легко находите въ немъ глубокіе слѣды французскаго вліянія, онъ вдругъ, на послѣдней страницѣ этого описанія объявляетъ вамъ, что высшей степени совершенства достигаетъ женское образованіе именно въ Германіи, такъ какъ тамъ будто бы всего лучше соединены вмѣстѣ „хорошая школа съ превосходнымъ домашнимъ воспитаніемъ". И все это говорится послѣ того, какъ на страницахъ 41-й и 48-й буквально напечатано о семейныхъ и общественныхъ качествахъ англійскихъ женщинъ въ сравненіи съ другими: — „Высшее образованіе дѣвицъ въ Англіи, будучи преимущественно *семейнымъ*, успѣло, несмотря на многія внѣшнія бури, пробудить, воспитать и довесть семейное чувство до такого процвѣтанія, *какъ ни въ какой другой странѣ*". „Нѣмецкія женщины нашего времени проявляютъ, правда, живое рвеніе въ своихъ заботахъ объ умственныхъ и матеріальныхъ пользахъ бѣднѣйшихъ классовъ народа и особенно своихъ *меньшихъ сестеръ*, но все еще нѣ съ всеобщей преданностью и самоотверженіемъ (Opferwilligkeit) англійскаго женскаго пола". Странно также, что Крейенбергъ отдаетъ нѣмецкому образованію преимущество передъ американскимъ, съ которымъ онъ, впрочемъ, если знакомъ, то не по личнымъ наблюденіямъ.

непремѣнно пользуется нѣкоторымъ надзоромъ надъ ходомъ его жизни и мыслей. Женщина, вся жизнь которой ограничена ея собственнымъ домашнимъ кругомъ и у которой нѣтъ ни мысли, ни заботъ ни о чемъ постороннемъ, навѣрное заразитъ своего мужа этого же рода эгоизмомъ, и подавитъ или можетъ быть разрушитъ его общественный духъ и чувство общественнаго долга. Если она станетъ употреблять всѣ свои усилія къ тому, чтобы онъ забылъ свое гражданское назначеніе, онъ со-временемъ отчасти, или совсѣмъ забудетъ его». (Essays, стр. 203, 204).

Сравнительно съ французскимъ, нѣмецкое образованіе женщинъ имѣетъ, разумѣется, важныя преимущества: оно не состоитъ подъ непосредственнымъ надзоромъ духовенства, учителямъ женскихъ школъ не предписывается преподаваніе по оффиціальнымъ руководствамъ, естествознаніе составляетъ одинъ изъ важныхъ предметовъ обученія дѣвочки, высшихъ школъ [1]) учреждено въ послѣднія 20 лѣтъ весьма много, такъ что въ Пруссіи, напримѣръ, ихъ приходится больше чѣмъ по одной на каждую классическую и реальную гимназію для мальчиковъ; въ самомъ нѣмецкомъ обществѣ, благодаря усиліямъ многихъ женскихъ союзовъ, начинаетъ являться потребность давать женщинамъ все болѣе солидное образованіе, такъ что конференція „общественнаго берлинскаго женскаго союза“, собиравшаяся 6-го ноября 1869-го года рѣшилась открыто порицать высшія школы, столь милыя нашему директору одной изъ нихъ, Крейенбергу. На этой конференціи было заявлено, между прочимъ, что *Töchterschulen* производятъ лишь трудовую игру или игривый трудъ, лишь въ рѣдкихъ случаяхъ подготовляютъ ученицъ къ мышленію, отягощаютъ память мертвымъ научнымъ хламомъ и вообще, по своимъ результатамъ, не удовлетворяютъ потребностямъ времени“ (стр. 265). Крейенбергъ сознается, что „къ сожалѣнію“ тамъ и сямъ дѣйствительно встрѣчаются такія учрежденія, которыя только позорятъ имя „дочернихъ школъ“, но что эти обвиненія, направленныя противъ *всего разряда* этихъ заведеній, будто бы „по меньшей мѣрѣ — ложны“. Но если допустить даже, что Крейенбергъ правъ въ своей защитѣ, заявленія женскаго союза тѣмъ не менѣе показываютъ, что нѣмецкія женщины недовольны программою дочернихъ школъ и требуютъ большаго, хотя несомнѣнно, что ихъ образованіе лучше того, которое получаютъ француженки. Такъ какъ и законы о бракѣ въ Германіи менѣе стѣснительны для женщинъ, чѣмъ во Франціи, ибо они допускаютъ разводъ,—то понятно, почему во времена общественныхъ смятеній и неурядицъ нѣмецкая женщина не является на историческую сцену въ томъ отвратительномъ видѣ, въ какомъ не разъ видѣлъ міръ женщину во Франціи.

Если въ Германіи *оффиціальные* педагоги, даже лично знакомые, какъ Крейенбергъ, съ результатами и системами женскаго образованія въ другихъ странахъ, все еще опасаются признать право женщинъ на науку, — если тамъ о необходимости даровать женщинамъ одинаковое съ мужчинами образованіе говорятъ лишь лучшія женщины изъ образованныхъ классовъ, собираясь въ агитаціонныя конференціи,

[1]) Высшія школы (höhere Töchterschule) нѣчто въ родѣ нашихъ гимназій: тамъ обучаютъ религіи, исторіи, географіи, естествознанію, англійскому, французскому и нѣмецкому языкамъ, гимнастикѣ, пѣнію, рисованію и рукодѣльнымъ работамъ.

—то въ этихъ фактахъ слѣдуетъ видѣть то же самое, что мы видимъ у французовъ: непониманіе или непризнаніе великаго нравственнаго и матеріальнаго вліянія женщины на общественное и политическое процвѣтаніе страны. Во Франціи понятіе о политическомъ ничтожествѣ женщины вполнѣ укоренилось въ умахъ; въ Германіи въ справедливости такого понятія начинаютъ довольно сильно сомнѣваться, хотя все еще преобладаетъ предразсудокъ о малой способности женщинъ къ общественной и политической дѣятельности; всего больше возмущаются нѣмецкіе бюргеры и оффиціальные педагоги выступленіемъ женщинъ, какъ въ Англіи и Соединенныхъ Штатахъ, на чисто политическую карьеру, съ требованіемъ избирательнаго права. Въ этомъ фактѣ эти господа усматриваютъ нѣчто противуженственное; этотъ-то фактъ главнымъ образомъ вселяетъ сомнѣніе въ Крейенбергѣ на счетъ превосходства англійскихъ и американскихъ женщинъ надъ нѣмецкими, но — о ужасъ! — ему самому приходится признаться (стр. 54), „что Джонъ Стюартъ Милль и его единомышленники съ своими взглядами о положеніи женщины достигнутъ-таки въ концѣ концовъ того, что одинокимъ женщинамъ изъ самостоятельныхъ плательщицъ податей будетъ предоставлено право голосованія на политическихъ выборахъ". Но между тѣмъ этотъ фактъ доказываетъ только бо́льшую развитость тамошнихъ женщинъ надъ всѣми другими въ цивилизованномъ мірѣ: англичанки и американки поняли, что пока онѣ сами не обнаружатъ страстнаго стремленія къ освобожденію себя на пути невѣжества и стѣснительныхъ брачныхъ постановленій, до тѣхъ поръ „мужское законодательство" не пойметъ, что и женщины — разумныя существа, способныя жить своею волею и своими талантами. Въ прекрасныхъ статьяхъ г-жи Фосеттъ о „лишеніи женщинъ избирательныхъ правоспособностей" и „къ чему женщинамъ избирательное право", эта очень умная и научно-образованная писательница, блистательно опровергнувъ шестнадцать возраженій противъ дарованія женщинамъ избирательнаго права, прямо заявляетъ, что женщинамъ нужно избирательное право не для того только, чтобы побудить парламентъ отмѣнить стѣснительные для женщинъ законы и возвратить женскому образованію всѣ тѣ капиталы, которые противозаконнымъ образомъ вложены въ образованіе мальчиковъ, но и для того еще, чтобы пріобрѣсть орудіе для *охраненія себя въ будущемъ*. Она сравниваетъ при этомъ женщинъ и парламентъ съ лавочникомъ, у котораго прикащикъ укралъ деньги, но потомъ возвратилъ; глупъ былъ бы лавочникъ, еслибъ, получивъ свои деньги, снова вполнѣ ввѣрился тому же пракащику и отдалъ ему ключи отъ своей кассы, — также точно и женщины, разъ получивъ отъ парламента все, что онъ похитилъ у нихъ, поступили бы крайне неблагоразумно, еслибъ снова ввѣрились въ его благородство и безпристрастіе (ср. „Essays, стр.

277, 278). Глубокій политическій смыслъ, обнаруживающійся въ этомъ ловкомъ сравненіи, доказываетъ, что въ г-жѣ Фосеттъ мы имѣемъ женщину не дюжиннаго характера: она отлично понимаетъ, что право слѣдуетъ пріобрѣсть не для того только, чтобы его имѣть; нѣтъ, она хочетъ имъ пользоваться вполнѣ и она готова его *охранять*, — право не льгота только, но и обязанность, право нужно подобнымъ женщинамъ не для удовлетворенія ребяческаго тщеславія, но для серьезной общественной дѣятельности. Имѣя передъ собою такихъ женщинъ, какъ Фосеттъ, вамъ сразу становится ясно, что ей для своихъ общественныхъ цѣлей не нужно возбуждать невѣжественную толпу къ кровопролитію, такъ какъ ея нравственная и женственная сила въ состояніи убѣдить каждаго умнаго и честнаго гражданина, какъ бы ни былъ онъ тугъ на то ухо, на которое она говоритъ. Личность г-жи Фосеттъ можетъ служить намъ также прямымъ доказательствомъ въ пользу дарованія женщинамъ научнаго образованія. Въ книгѣ, которая издана ею вмѣстѣ съ мужемъ, помѣщены еще статьи чисто политическаго и политико-экономическаго содержанія; однѣ изъ нихъ принадлежатъ ей самой, другія—мужу; но если читать ихъ одну за другою, не обращая вниманія на подпись, то невозможно отличить—которая изъ нихъ составлена самимъ профессоромъ, которая—его женою: такъ прекрасно владѣетъ она ученымъ языкомъ, ученымъ методомъ и истинами означаемой науки въ примѣненіи къ важнѣйшимъ вопросамъ общественной и политической жизни, — въ ея статьяхъ вы не встрѣтите ни тѣхъ противорѣчій, ни того фразерства, ни тѣхъ неточностей, которыми столь обиленъ трудъ Крейенберга, *директора* нѣмецкой высшей школы для дѣвицъ, и не комично ли читать у того же самаго Крейенберга (стр. 76), что будто бы „анатомо-физіологическія изслѣдованія показали, что умственныя способности женщинъ, *въ среднемъ выводѣ*[1]), слабѣе мужскихъ?“...

Какъ бы то ни было, изъ появленія на общественномъ поприщѣ такихъ высокообразованныхъ и развитыхъ женщинъ, какъ г-жа Фосеттъ, не слѣдуетъ заключать, что въ Англіи женское образованіе стоитъ совершенно прочно и процвѣтаетъ. Несомнѣнно, что тамъ сущест-

---

[1]) Анатомо-физіологическія изслѣдованія доказали только, что вѣсъ головного мозга у мужчинъ превышаетъ, *въ среднемъ выводѣ*, вѣсъ того же мозга у женщинъ; но такъ какъ вѣсъ всего женскаго организма также меньше мужского *въ среднемъ выводѣ*, то изъ этихъ данныхъ можно было бы сдѣлать какое-нибудь психическое заключеніе только въ томъ случаѣ, еслибы было опредѣлено пропорціональное отношеніе между вѣсомъ головного мозга и вѣсомъ всего организма въ нормальномъ человѣкѣ съ здоровыми мыслительными способностями; но не только этого изслѣдованія не сдѣлано, не сдѣлано даже простого пропорціональнаго вычисленія между вѣсомъ головного мозга и вѣсомъ всего организма у мужчинъ и женщинъ вообще.

вуютъ условія для появленія женщинъ, пріобрѣвшихъ отличное образованіе, но широко ли распространены эти условія, для многихъ ли они доступны—вотъ въ чемъ вопросъ. Отвѣтъ на него получается далеко неудовлетворительный, какъ видно изъ отчета королевской коммиссіи [1]), назначенной для осмотра разныхъ женскихъ учебныхъ заведеній въ Англіи. За то какъ отчетъ, составленный лучшими педагогами Англіи, свѣтскими и духовными, такъ и точка зрѣнія отчета производятъ самое благопріятное впечатлѣніе, ибо англійскіе педагоги смѣло и сразу становятся на прямой путь: они критикуютъ женскія школы „по тому руководящему принципу, который школы для мальчиковъ находятъ въ *публичныхъ* школахъ и университетахъ", и имъ и въ голову не приходитъ такая странная мысль, какъ возможность преподаванія науки или развитія человѣческаго ума по-женски и по-мужски; они сильно порицаютъ даже англійскихъ родителей за то, что тѣ придерживаются такихъ денежныхъ и житейскихъ соображеній подобнаго рутиннаго взгляда. Вотъ, напримѣръ, слегка юмористическое изображеніе заботъ родителя объ образованіи своихъ дочерей, сдѣланное членомъ коммиссіи Хэммондомъ (Essays, стр. 192):—„Прежде всего онъ (т.-е. родитель) ищетъ хорошо-устроенное заведеніе, посѣщаемое дѣвицами одинаковаго съ его дочерью званія и, если возможно, только ими одними исключительно, гдѣ соединенное вліяніе учителей и школьныхъ подругъ можетъ способствовать укрѣпленію въ дочери добрыхъ началъ, внушенныхъ дома, и довершить законченность въ пріемахъ и движеніяхъ и порядочность въ обращеніи, характеризующія англійскую лэди. Вторымъ предметомъ его желаній то, чтобы дочь снабжали въ заведеніи нѣкоторыми „усовершенствованіями" скорѣе декоративнаго свойства, чѣмъ интеллектуальнаго, въ родѣ музыки, живописи, танцевъ, къ которымъ должно присоединить *вкусъ къ познаніямъ* (taste for information), ограниченный, впрочемъ, на практикѣ немногими обыденными предметами, и легкость въ письмѣ и разговорахъ по-англійски и на одномъ или, быть можетъ, на нѣсколькихъ новыхъ языкахъ. О чемъ онъ думаетъ послѣ всего, если только онъ думаетъ вообще — это о развитіи ея логическихъ и критическихъ способностей, хотя бы то въ узкихъ границахъ пониманія простѣйшихъ началъ грамматики и ариѳметики, и знанія главныхъ историческихъ и другихъ фактовъ, съ необходимымъ соблюденіемъ метода и научныхъ требованій" (with due regard to method and philosophical arrangements). Между тѣмъ, въ хорошихъ (хотя рѣдкихъ) училищахъ члены королевской

---

[1]) Важнѣйшіе выводы этой коммиссіи приведены и у Крейенберга и у Фосеттъ; одна изъ статей этой писательницы вся посвящена разбору этихъ выводовъ и сужденій коммиссаровъ о разныхъ предметахъ, касающихся образованія дѣвочекъ.

коммиссіи нашли, что дѣвочки столь же способны къ наукамъ какъ и мальчики, даже въ высшихъ отрасляхъ обученія. „Въ классическихъ языкахъ и математикѣ дѣвушки, гдѣ ихъ правильно обучали, оказывали такіе же успѣхи, какъ и мальчики. Г. Гиффартъ говоритъ даже, что отсутствіемъ классическаго и математическаго обученія много объясняется несовершенство (nferiority) женскаго образованія, хотя „въ дѣвочкахъ нѣтъ природной неспособности въ изученію котораго-либо изъ предметовъ, составляющихъ главную сущность воспитанія мальчиковъ". Г. Брайсъ сравниваетъ, весьма благопріятно для женщинъ, ихъ преподавательскія способности съ такими же способностями мужчинъ однихъ и тѣхъ же общихъ дарованій и образованія. Г. Хэммондъ также того мнѣнія, что умственныя силы дѣвочекъ одинаковы съ силами мальчиковъ. Г. Бомпасъ и другіе помощники коммиссаровъ (т.-е. всѣ педагоги) представляютъ драгоцѣннѣйшія доказательства по этому вопросу; но тѣмъ, которые ревностно желаютъ очистить репутацію дѣвочекъ отъ приписываемой имъ врожденной малоспособности, крайній интересъ представитъ отчетъ нынѣшняго епископа въ Манчестерѣ Джемса Фрезера о системѣ общихъ школъ (common-school system) въ Соединенныхъ Штатахъ и Канадѣ (Essays, стр. 196, 197), ибо тамъ мальчики и дѣвушки получаютъ одно и то же умственное образованіе, часто въ однѣхъ и тѣхъ же школахъ, гдѣ ихъ учатъ вмѣстѣ. Только въ одной Америкѣ примѣнено къ образованію женщинъ общее мѣрило съ мужскимъ образованіемъ; только тамъ женщины, получивъ съ самаго начала однѣ и тѣ же школы съ мальчиками и одинаковый съ ними уровень умственнаго развитія, успѣли сильно укрѣпиться въ мысли, что имъ необходимо удержать за собою то славное положеніе въ обществѣ, которое получили онѣ благодаря тождественности своего образованія съ другимъ поломъ. Только этимъ благороднымъ убѣжденіемъ можно объяснить себѣ всѣ тѣ усилія, полное самоотверженіе и упорную настойчивость, съ которыми американскія женщины вели потомъ борьбу за свое умственное равенство и наконецъ достигли теперь на всѣхъ поприщахъ почти той же независимости и свободы, какою пользуются мужчины. Въ Англіи женщины успѣли пока убѣдить въ томъ, что онѣ „люди", все ученое сословіе [1]), значительную часть парламента [2]) и

---

[1]) Кэмбриджскій и оксфордскій университетъ составили свои экзаминаціонныя программы для дѣвицъ на тѣхъ же началахъ, на какихъ составлены программы для юношей; профессоры кэмбриджскаго университета открыли особые подготовительные къ ихъ экзаменамъ курсы, а въ Лондонѣ нѣкоторые профессоры допускаютъ женщинъ на свои лекціи въ университетѣ; наконецъ, въ Кэмбриджѣ усиліями самихъ женщинъ основано нѣчто въ родѣ женскаго университета: «Hitchin College», гдѣ все преподаваніе совершается лекторами и профессорами университетовъ (Ср. стр. 221—224, Essays).

[2]) Билль о дарованіи женщинамъ избирательнаго права, внесенный въ парла-

порядочную долю образованнаго общества[1]); это большой успѣхъ, разумѣется, но далеко не такой, какой имѣютъ въ томъ же отношеніи женщины Соединенныхъ Штатовъ. За то и дѣятельность американскихъ женщинъ по-истинѣ изумительная, даже въ сравненіи съ дѣятельностью англичанокъ, передъ которыми пасуетъ самъ Крейенбергъ съ его нѣмецкимъ патріотизмомъ.

Въ книгѣ самого Крейенберга собрано много интересныхъ фактовъ, касающихся дѣятельности американскихъ женщинъ, и показывающихъ очень ясно, какимъ ревностнымъ и усидчивымъ трудомъ, въ видахъ общественной пользы, добивается американская женщина того, что ее такъ глубоко уважаютъ и что ей удается достигать цѣлей своихъ лучшихъ и благороднѣйшихъ стремленій. Самое широкое поле для ея дѣятельности составляетъ и въ Соединенныхъ Штатахъ, какъ вездѣ, народное образованіе и уходъ за больными. Въ такъ-называемыхъ общихъ школахъ учительское сословіе и у мальчиковъ, какъ у дѣвочекъ, состоитъ главнымъ образомъ изъ женщинъ. Въ штатѣ Нью-Йоркѣ, напримѣръ, было въ 1868-мъ году 22,000 учительницъ и только 6,000 учителей. Въ Чикаго въ тѣхъ же общихъ школахъ учили только однѣ женщины, числомъ 200. Цѣлыя сотни женщинъ занимаются въ Соединенныхъ Штатахъ врачебною практикою; изъ нихъ иныя заработываютъ по 15—30,000 долларовъ. Особая медицинская школа: „Women's College of Physicians und Surgeons“ въ Нью-Йоркѣ имѣетъ трехъ профессоровъ—женщинъ: Элизабетъ и Эмили Блэкуеллъ и Мэри Потнэмъ, да пять женщинъ - ассистентовъ. Элизабетъ Блэкуеллъ не разъ говорила торжественныя рѣчи при открытіи лекцій. По случаю 18-ой годовщины „Woman's Medical College“ въ Филадельфіи четырнадцать юныхъ дамъ были признаны докторами медицины; торжественную рѣчь по этому случаю произнесла д-ръ Анна Престонъ, профессоръ физіологіи. Въ области наукъ и искусствъ американки дѣлаютъ тоже важные успѣхи. Такъ, въ штатѣ Канзасѣ, въ Бэкерскомъ университетѣ (high-school) греческій языкъ читаетъ молодая дама Болдуинъ. Въ Сент-Лоренсѣ уже давно нѣкоторыя профессорскія каѳедры заняты женщинами. Училищный совѣтъ въ Чикаго, при выборѣ учителя англійскаго языка и литературы, изъ многихъ кандидатовъ обоего пола предпочелъ женщину. Въ Борлингтонскомъ университетѣ, въ штатѣ Айова, жена судьи Дарвина назначена профессоромъ „логики, риторики и англійской литературы“. Семь американскихъ скульпто-

---

ментъ въ 1871 году, былъ отвергнутъ палатою общинъ лишь 220-ю голосами противъ 157.

[1]) Въ 1871 году въ парламентъ было представлено 609 петицій изъ разныхъ мѣстъ королевства, съ 200 тысячей подписей, въ пользу дарованія женщинамъ избирательнаго права.

ровъ - женщинъ имѣютъ въ Римѣ свои мастерскія, изъ которыхъ одна примѣняетъ къ скульптурѣ живопись. И въ духовное сословіе поступаютъ американскія женщины;—весною 1870 года мистриссъ Хэнэфордъ была признана въ Ньюгэвенѣ, въ штатѣ Коннектикутѣ, пасторомъ и вскорѣ затѣмъ была приглашена произнести проповѣдь при открытіи засѣданій палаты представителей,—ея предшественница по этой должности, Олимпія Броунъ, перенесла свою дѣятельность въ другое мѣсто. Въ прошломъ году, въ новой територіи въ Уиомингѣ, въ Лоренс-Сити, въ первый разъ въ судѣ всѣ присяжные засѣдатели были женщины; въ той же территоріи есть одинъ мировой судья—женщина. Въ качествѣ адвокатовъ женщины ведутъ процессы съ большимъ успѣхомъ. Масса женщинъ служитъ въ государственной и земской службѣ. Въ казначействѣ въ Вашингтонѣ бóльшая часть чиновниковъ—женщины, — инымъ изъ нихъ платятъ по 100 долларовъ въ мѣсяцъ. Не такъ много женщинъ служитъ въ почтамтѣ и *Patent-Office*. Президентъ Грантъ назначилъ многихъ женщинъ, вдовъ офицеровъ, павшихъ въ послѣдней войнѣ, въ почтмейстеры. Нѣкая мистриссъ Лью оказала Гранту, во время войны, важныя услуги въ качествѣ военнаго шпіона. Въ іюнѣ 1870 года въ канзаскихъ газетахъ было напечатано, что на улицахъ Хэйсъ-Сити появились первыя женскія полиціянты.—Въ торговлѣ и промышленности, и вообще въ разныхъ финансовыхъ предпріятіяхъ американки также оказываются весьма способными. Въ Нью-Йоркѣ г-жи Вудголлъ и Клэфкинъ учредили банкъ, который доведенъ ими до цвѣтущаго состоянія. Недовольная и тѣмъ, что банкъ ведетъ милліонныя дѣла, Викторія Вудголлъ вышла на политическое поприще и предлагаетъ себя въ кандидаты на предстоящихъ (1872) президентскихъ выборахъ. Въ своемъ избирательномъ манифестѣ она хвалится тѣмъ, что написала нѣсколько брошюръ о важнѣйшихъ государственныхъ вопросахъ. Въ томъ же Нью-Йоркѣ общество дамъ ведетъ чайную торговлю съ основнымъ капиталомъ въ милліонъ долларовъ; одна изъ членовъ этого общества предприняла сама поѣздку въ Китай, чтобы лично купить хорошій товаръ. Въ штатѣ Миссури общество женщинъ проводитъ желѣзную дорогу. Въ Big Woods есть ферма въ 160 акровъ земли, которую основали и ведутъ семь дѣвицъ. Въ Нью-Йоркѣ есть женская типографія. Наконецъ, женщины издаютъ нѣсколько политическихъ газетъ, въ которыхъ весь литературный персоналъ—женщины.

Всѣ эти факты мы извлекаемъ изъ сочиненія Крейенберга [1]) и потому невольно удивляемся, какимъ образомъ этотъ авторъ не могъ вывести изъ нихъ того простого заключенія, что такъ какъ женщины способны ко всякаго рода дѣятельности (это онъ самъ признаетъ), то

---

[1]) Ср. стр. 74, 83—91.

и умъ ея слѣдуетъ развивать не въ спеціальныхъ видахъ, а во всѣхъ его свойствахъ, имѣющихъ какое-либо отношеніе къ общимъ пользамъ всей страны, всего народа.

Не слѣдуетъ думать, что широкій районъ нынѣшней дѣятельности американскихъ женщинъ пріобрѣтенъ усиліемъ какихъ-нибудь отдѣльныхъ личностей и въ силу какихъ-нибудь особыхъ обстоятельствъ;— нѣтъ, величіе, въ которомъ является передъ нами дѣятельность американскихъ женщинъ, сознавалась и замѣчалась уже давно всѣми замѣчательными путешественниками по Соединеннымъ Штатамъ. Знаменитый французскій писатель, который чуть не полстолѣтія тому назадъ, руководствуясь своими наблюденіями въ американской республикѣ, поучалъ своихъ соотечественниковъ и всю Европу благодѣтельнымъ началамъ самоуправленія и свободы, Токквиль, произнесъ слѣдующій достопамятный приговоръ объ американской женщинѣ: „Еслибы меня спросили, какой причинѣ могу я главнымъ образомъ приписать удивительное процвѣтаніе и возрастающую силу этого народа (т.-е. американскаго), я отвѣчалъ бы: превосходству его женщинъ“. И такъ говоритъ честный гражданинъ той страны (Франціи), гдѣ направленіе и цѣль женскаго образованія и сами женщины представляютъ прямую противоположность всему американскому! Чтó онъ могъ думать о своихъ соотечественницахъ, какъ не то, что онѣ, сами того не сознавая и не будучи нисколько въ томъ виноваты, губятъ свою собственную страну! Какія печальныя мысли, какое приниженное состояніе искренняго и разумнаго патріотизма!...

Представивъ нашимъ читателямъ логику и практическіе результаты обоихъ принциповъ, на которыхъ создаются системы жéнскаго образованія, и показавъ крайнее проявленіе ихъ на примѣрѣ Франціи и Соединенныхъ Штатовъ, мы изъ нашей критики обоихъ направленій женскаго образованія невольно приходимъ къ тому желанію, чтобы въ Россіи женское образованіе устраивалось по возможности дальше отъ французскаго. Такъ какъ женское образованіе во Франціи приняло свое пагубное направленіе, благодаря безконтрольному административному вмѣшательству въ это дѣло, и притомъ вмѣшательству до того послѣдовательному, что оно подавляло всякій частный починъ, требуя отъ него безусловнаго подчиненія административнымъ образцамъ и предписаніямъ, — то мы желали бы, чтобъ у насъ въ надзорѣ надъ женскимъ образованіемъ вовсе не вмѣшивались въ педагогическія соображенія частныхъ женскихъ школъ, поставивъ имъ однако извѣстный, по возможности, высокій уровень *научныхъ* знаній для пріобрѣтенія какихъ-либо университетскихъ званій, какъ это дѣлаютъ въ Англіи всѣ главные университеты. Весьма желательно также, чтобы въ казенныхъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ наука преподавалась не „pour passer le peu de temps“, но такъ, какъ слѣдуетъ преподавать науку,

и чтобы правительство помогало хорошимъ (въ научномъ отношеніи) частнымъ предпріятіямъ, хотя бы эти предпріятія и расходились въ своихъ программахъ съ казенными заведеніями того же рода. Пусть и у насъ будетъ столько же женскихъ гимназій, какъ въ Пруссіи, и пусть бы, какъ въ Пруссіи же, въ самомъ составленіи педагогическихъ плановъ этихъ гимназій участвовалъ и земскій элементъ. Все остальное въ этомъ вопросѣ должны сдѣлать сами русскія женщины, которыя—какъ намъ кажется—могли бы дѣлать на этомъ поприщѣ несравненно болѣе того, чѣмъ мы видимъ въ дѣйствительности. Честь и слава всѣмъ учредительницамъ женскихъ училищъ, въ которыхъ дѣвочкамъ преподаютъ науку серьезнымъ образомъ, и гдѣ между прочими цѣлями училищъ имѣется въ виду и обученіе воспитанницъ къ какому-либу труду, могущему дать имъ въ будущемъ хотя нѣкоторую матеріальную состоятельность; честь и слава всѣмъ, кто много жертвуетъ и самъ, собственными руками, не языкомъ только, участвуетъ въ великомъ дѣлѣ женскаго образованія! Но отдавая полную дань уваженія всѣмъ дѣйствующимъ, работающимъ силамъ на этомъ поприщѣ, мы все-таки полагаемъ, что русскія женщины, вообще говоря, крайне апатичны къ своему собственному образованію, хотя громко покричать о необходимости образованія способны весьма многія.

Для полнаго обзора сочиненій обоихъ Фосеттъ: мужа и жены, намъ остается еще поговорить объ ихъ произведеніяхъ въ области политической и политико-экономической литературы. Статей такого содержанія помѣщено въ нашей книгѣ десять (кромѣ четырехъ, написанныхъ г-жею Фосеттъ о разныхъ вопросахъ, касающихся женщинъ), изъ которыхъ три: о палатѣ лордовъ, о недостаткахъ народнаго представительства въ Соединенныхъ Штатахъ, и о новой системѣ (Гэра) народнаго представительства—чисто политическаго содержанія и притомъ такого, которое имѣетъ въ виду уничтожить нѣкоторыя важныя злоупотребленія и недостатки въ государственномъ механизмѣ въ Англіи. Остальныя семь статей также имѣютъ въ виду главнымъ образомъ Англію, но такъ какъ въ нихъ дѣло идетъ о такихъ важныхъ общественныхъ вопросахъ, какъ народное образованіе, бѣдность, дневная работа на фабрикахъ, положеніе земледѣльческихъ рабочихъ, требованія англійскихъ соціалистовъ, отношеніе государственнаго долга къ процвѣтанію страны, и общій вопросъ о государственномъ вмѣшательствѣ; и такъ какъ всѣ эти вопросы разобраны нашими авторами основательно и строго послѣдовательно съ ихъ основнымъ міровоззрѣніемъ, хотя и въ краткихъ очеркахъ, — то на нихъ нельзя не обратить серьезнаго вниманія, и мы постараемся дать здѣсь хотя нѣкоторое понятіе объ исходныхъ пунктахъ и главныхъ доказатель-

ствахъ общественнаго идеала той экономической школы, къ которой принадлежитъ и мужъ и жена Фосетты. Прибавимъ еще, что къ этой экономической школѣ принадлежатъ, въ наше время, почти всѣ лучшіе умы Англіи, какъ въ теоретической наукѣ, такъ и въ практической дѣятельности; между ними существуетъ много переходныхъ оттѣнковъ, но сквозь всю школу проходитъ мысль, что благосостояніе и процвѣтаніе каждой страны и всего человѣчества вообще зависятъ отъ *личной* дѣятельности человѣка, отъ его физическихъ и умственныхъ способностей, отъ его опытности въ борьбѣ съ природою и недостатками собственнаго нравственнаго организма.

Англія въ настоящее время представляется величайшею промышленною націей въ мірѣ; за ней быстро поспѣваютъ Соединенные Штаты, и въ будущемъ она можетъ предвидѣть могущественное соперничество лишь со стороны Германіи. Къ такому выводу приходитъ г-жа Фосеттъ изъ сравненія финансоваго управленія разными странами съ ихъ народнымъ благосостояніемъ. Является затѣмъ важный для всѣхъ англичанъ вопросъ: удержитъ ли въ будущемъ ихъ отечество свое промышленное первенство? Сравнивая Англію въ разныхъ отношеніяхъ съ Соединенными Штатами и Германіею, наша писательница приходитъ къ тому заключенію, что Англія, чтобы остаться первою или второю въ этой борьбѣ, „должна придумать какія-либо средства не только для пріостановленія роста своей нищеты (пауперизма), но для искорененія этого недуга изъ своего общественнаго быта". Обращаясь къ наблюденію надъ рабочимъ классомъ, который подверженъ этому недугу, наши авторы не находятъ его положенія совершенно безнадежнымъ, и, встрѣчаясь въ немъ съ такимъ замѣчательнымъ явленіемъ, какъ удача недавней ньюкэстльской стачки, приходятъ къ тому выводу, что при такой свободѣ всякаго рода человѣческой дѣятельности, какая существуетъ въ Англіи, сами рабочіе способны выйти изъ своего бѣдственнаго положенія, если законодательство возбудитъ въ нихъ тѣ самыя чувства, понятія и стремленія, которыя обнаружились въ успѣшной борьбѣ ихъ за 9-ти-часовой срокъ дневного труда.

Въ августѣ 1871 года машинисты (engineers) потребовали, чтобы дневной трудъ на ньюкэстльскихъ фабрикахъ былъ опредѣленъ въ 9 часовъ; хозяева не согласились. Произошла стачка всѣхъ рабочихъ во всѣхъ заведеніяхъ разомъ. Многіе люди пытались примирить хозяевъ съ рабочими, но недѣля шла за недѣлею, а стачка все продолжалась. Сперва хозяева безцеремонно отвергали не только всякое постороннее посредничество, но даже какія-либо свиданія съ депутатами отъ рабочихъ. Этотъ фактъ сословнаго оскорбленія возбудилъ крайнее раздраженіе въ рабочихъ, которое вскорѣ усилилось еще болѣе, когда агенты хозяевъ привезли рабочихъ изъ-за границы: изъ Бельгіи, Германіи и другихъ мѣстъ. Но никакихъ насилій

ни надъ этими иностранцами, ни надъ хозяевами англійскіе рабочіе не совершили. Напротивъ, — они обратились къ бельгійцамъ и нѣмцамъ, и уговорили ихъ не препятствовать своимъ трудомъ успѣху стачки, которая можетъ имѣть добрые результаты не для Англіи только, но для всего рабочаго класса вообще. Бельгійцы и нѣмцы послушались англичанъ, но у нихъ не было средствъ вернуться восвояси; тогда открылась общая національная подписка между всѣми англійскими рабочими, и требуемая сумма была найдена, иностранцы отказались отъ работы и уѣхали. Этотъ фактъ убѣдилъ ньюкэстльскихъ промышленниковъ, что имъ приходится или удовлетворить требованіямъ своихъ рабочихъ, или ждать пока не истощатся всѣ средства послѣднихъ къ существованію, и несть самимъ громадные убытки. Но рабочіе избрали для стачки какъ разъ столь удобное для себя время, когда хозяева были завалены весьма выгоднымъ подрядомъ, и когда вся промышленность была въ самомъ цвѣтущемъ состояніи, и вотъ хозяевамъ пришлось положить оружіе и согласиться сократить дневной трудъ до 9-ти часовъ. За машинистами въ Ньюкэстлѣ потребовали того же самаго машинисты всѣхъ другихъ частей королевства, а затѣмъ и рабочіе другихъ отраслей промышленностей, и еще недавно, въ іюнѣ мѣсяцѣ изъ-за того же вопроса чуть-было не образовалась новая стачка на корабельныхъ верфяхъ. Вездѣ хозяева уступили, и вотъ однимъ усиліемъ рабочихъ произведена важная соціальная реформа, которая сразу увеличила плату за часъ и дала рабочимъ лишній часъ для своего умственнаго развитія.

Откуда же эти англійскіе рабочіе пріобрѣли себѣ столько матеріальныхъ средствъ, столько взаимнаго согласія, и такія важныя познанія въ рабочемъ вопросѣ, что успѣли одними своими усиліями убѣдить и самихъ хозяевъ и общественное мнѣніе своей страны въ томъ, въ чемъ никакъ не могутъ убѣдиться хозяева и періодическая литература другихъ странъ въ Европѣ? Разбирая этотъ вопросъ, самъ профессоръ Фосеттъ нападаетъ на *trade union*, въ формѣ котораго слито вмѣстѣ все, что есть лучшаго и наиболѣе образованнаго въ англійскомъ рабочемъ классѣ. А *trade union—рабочій союзъ*—это такія общества рабочихъ, которыя собраны самими рабочими для взаимной поддержки во всѣхъ случайностяхъ жизни: въ стачкахъ во время безработицы, болѣзни, въ старости, для пособія вдовамъ и сиротамъ, для учрежденія школъ и читаленъ. Англійскіе буржуа постоянно жаловались на эти общества, какъ на какія-то революціонныя скопища, какъ на сборъ всего, что ни на есть гнуснаго и безнравственнаго среди англійскихъ рабочихъ. Правда, что въ этихъ обществахъ совершались разныя злоупотребленія, какъ совершаются они во всѣхъ учрежденіяхъ государственныхъ или частныхъ, ведущихъ или принужденныхъ вести свои дѣла тайно, безъ общественнаго контроля. Королевская коммис-

сія 1866 года раскрыла разныя преступленія въ рабочихъ союзахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ показала, что главная причина всѣхъ этихъ преступленій заключается не въ цѣляхъ и дѣятельности, а въ вынужденной безгласности рабочихъ союзовъ. Почти всѣ европейскіе журналисты воспользовались отчетомъ англійской коммиссіи только для того, чтобы опозорить эту самостоятельность англійскихъ рабочихъ, выставляя на видъ лишь однѣ злоупотребленія союзовъ, но англійскій парламентъ биллемъ 1870 года самъ, въ особомъ законѣ, призналъ полезность и доброкачественность этихъ союзовъ, подведя ихъ подъ покровительство общихъ судовъ страны.

Вникая глубже въ эту самодѣятельность англійскихъ рабочихъ и изыскивая тѣ свойства человѣческой натуры, которыя дали англійскимъ рабочимъ возможность создать свои „trade-unions“, оба Фосеттъ приходятъ къ признанію въ членахъ рабочихъ союзовъ чувствъ сословной солидарности и тѣхъ хорошихъ нравовъ, въ основѣ которыхъ лежатъ воздержность и бережливость въ употребленіи тѣхъ скудныхъ средствъ, которыя добываетъ рабочій своимъ личнымъ трудомъ. Всѣ эти качества англійскаго рабочаго обусловливаются въ немъ главнымъ образомъ жизнью въ свободной странѣ и извѣстнымъ уровнемъ образованія, которымъ снабжаютъ его хорошія народныя школы и здоровая, свободная печать. Такъ какъ свобода въ Англіи незыблема и никто не сомнѣвается въ ея полезности и необходимости для общаго процвѣтанія страны, то нашимъ авторамъ представляется самымъ важнымъ, чуть ли не единственнымъ средствомъ противъ главной язвы Англіи — пауперизма, *хорошее* народное образованіе, обязательное и притомъ ставящее обязательнымъ не посѣщеніе школы только, но непремѣнное пріобрѣтеніе извѣстнаго уровня познаній. Другое вмѣшательство государства въ пользу рабочихъ, которое они допускаютъ, тоже клонится въ пользу дѣтей — это опредѣленіе минимума часовъ дневного труда на фабрикахъ и фермахъ. Затѣмъ все остальное рабочіе могутъ сдѣлать сами, лишь бы законодательство устранило всѣ преграды, мѣшающія свободному развитію промышленности и сельскаго хозяйства, и прежде всего нелѣпое аристократическое устройство британскаго землевладѣнія. Пока есть невѣжество въ странѣ государству незачѣмъ заботиться о повышеніи заработной платы, такъ какъ высокая заработная плата при невѣжествѣ только усиливаетъ привычки невоздержности и безпечности; государство не можетъ заводить національныхъ артелей, пока въ рабочихъ образованіе и общественная опытность не разовьютъ тѣхъ нравственныхъ свойствъ, которыя необходимы для веденія столь сложнаго и труднаго дѣла, какъ производительная или потребительная ассоціація. Но государство заслуживаетъ одобренія во всѣхъ своимъ гигіеническихъ мѣрахъ и въ тѣхъ, которыя могутъ такъ или иначе способствовать развитію въ

комъ-либо другомъ смыслѣ, кромѣ строго федералистическаго, при чемъ я постоянно высказывался за такое преобразованіе отечества, которое бы шуточное названіе „нѣмецкаго Союза" обратило въ почетное" (стр. 31, 32).

Во второй статьѣ онъ перебираетъ передъ читателемъ всѣ свои сочиненія и главные факты его политической карьеры, и изъ этой самокритики вы убѣждаетесь вполнѣ, что Гервинусъ оставался всегда вѣренъ самому себѣ, что онъ не лѣзъ въ вожди той или другой партіи, что онъ никому не подслуживался, никогда не лгалъ и не льстилъ,—что, однимъ словомъ, это былъ дѣйствительный, серьезный человѣкъ науки,—что для него изысканіе истины и слѣдованіе ей въ практической жизни составляли между собою тѣсную, неразрывную связь, а не два дѣла, не имѣющихъ между собою ничего общаго.

Du suffrage universel et de la manière de voter, par *H. Taine*. Paris, Hachette et C-ie, 1872. (О всеобщемъ голосованіи и способѣ подавать голоса. Соч. *Тэна*).

Тэнъ—писатель талантливый, обладающій обширными и разнообразными свѣдѣніями,—его сочиненія пріобрѣли ему широкую извѣстность не только во Франціи, но и во всемъ цивилизованномъ мірѣ; его мнѣнія, слѣдовательно, по такому важному вопросу, какъ политическіе выборы, заслуживаютъ серьезнаго вниманія, и тѣмъ большаго, что Тэнъ, въ этой брошюркѣ въ 62 страницы, впервые бросается въ политическую агитацію своего отечества. До настоящаго времени Тэнъ, можно сказать, больше писалъ для Европы, чѣмъ для Франціи: онъ разработывалъ вопросы искусствъ и философіи, онъ разсказывалъ свои личныя впечатлѣнія во время путешествія по Италіи, Англіи, онъ потомъ набросился на англійскую литературу и написалъ весьма интересное и большое сочиненіе о ней, онъ пускался, неудачно впрочемъ, въ серьезную сатиру на парижскіе нравы. Во всѣхъ этихъ сочиненіяхъ, Тэнъ обнаруживалъ себя человѣкомъ либеральнымъ, но какъ будто „имѣющимъ нѣкій зубъ" противъ бѣдныхъ, невѣжественныхъ классовъ; ему нравится все, что̀ способствуетъ преуспѣянію образованныхъ классовъ, но, къ сожалѣнію, онъ до того сильно занятъ даже самыми мелкими интересами ихъ, что совершенно забываетъ о томъ, что вѣдь лишь благодаря трудамъ невѣжественныхъ классовъ могутъ благоденствовать «образованные», и что послѣднимъ слѣдовало бы питать дѣятельную благодарность къ первымъ, а не относиться къ нимъ индифферентно, и даже съ презрѣніемъ. Тэнъ именно индифферентистъ въ страданіяхъ и тягостяхъ народной массы; въ разбираемой нами брошюрѣ онъ открыто заявляетъ, что «между крестьяниномъ, потомкомъ крѣпостного состоянія, вѣнчаннымъ съ землею, и человѣкомъ *культивированнымъ* разстояніе

столь громадно, что представляетъ почти бездну». (Стр. 28). Какъ же могутъ они понимать другъ друга и сочувствовать взаимнымъ страданіямъ! Тэнъ приводитъ множество анекдотовъ въ доказательство невѣжества крестьянъ въ политическихъ вопросахъ и непониманія ими своихъ выборныхъ обязанностей,—наконецъ, онъ высчитываетъ по статистикѣ населенія и грамотности, что изъ 70-ти процентовъ всего числа избирателей, которые достаются на долю трудящагося населенія, только половина ихъ умѣетъ читать и писать; отсюда уже одинъ шагъ до того, чтобы или лишить все крестьянство избирательнаго голоса въ законодательныхъ дѣлахъ страны, или такъ «организовать» всеобщее голосованіе, чтобы голосъ «невѣжественныхъ массъ» не имѣлъ въ немъ никакого вѣса. И вотъ Тэнъ сочиняетъ свою двойную систему выборовъ, которую и рекомендуетъ Національному Собранію. Тэнъ хочетъ просто перенести выборы членовъ законодательной палаты въ земскія собранія и городскія думы; такимъ способомъ онъ полагаетъ уничтожить еще одно *зло* политическихъ выборовъ—*политическую агитацію*. Но въ сущности выдумка Тэна приведетъ только къ тому, что сами земскія собранія станутъ ареною политической агитаціи, и Франція разомъ покроется цѣлою сѣтью политическихъ клубовъ, такъ что земскія собранія, вмѣсто того, чтобы служить школою политической свободы и мѣстной самостоятельности, станутъ обучать своихъ членовъ лишь ловкой игрѣ въ парижскую политику. Сами первоначальные выборы—то-есть, выборы членовъ земскихъ собраній и городскихъ думъ—могутъ принять при этомъ совершенно иной характеръ, такъ какъ, что бы ни говорилъ Тэнъ о способности крестьянъ избирать лишь мѣстныхъ дѣятелей,—общія дѣла: какъ подати и рекрутскій наборъ, интересуютъ его если не больше, то и не меньше. Тотъ изъ нихъ, кто не интересуется общими дѣлами, не интересуется ими и теперь: онъ просто не идетъ на выборы. Половина избирателей изъ низшихъ классовъ—плачется Тэнъ—не умѣетъ ни читать, ни писать, но именно половина ихъ и не является вовсе на политическіе выборы съ тѣхъ поръ, какъ ихъ перестали подгонять административныя власти. Что же касается до устраненія выборной агитаціи среди крестьянъ и рабочихъ, то этою попыткою Тэнъ, разумѣется, пріобрѣтетъ много похвалъ со стороны индифферентовъ и лѣнивыхъ людей всѣхъ партій, но сама по себѣ она доказываетъ, что Тэнъ просто желаетъ устранить все трудящееся населеніе отъ политической жизни страны. Политическая агитація въ свободной странѣ пробуждаетъ во всѣхъ сознаніе своего государственнаго достоинства и принуждаетъ имущіе классы возбуждать въ неимущихъ довѣріе къ своимъ стремленіямъ на общую пользу страны; политическою агитаціей во время выборовъ проводятся такія мнѣнія и сужденія въ массу избирателей, какихъ они не пріобрѣтутъ однимъ чтеніемъ, если даже умѣютъ читать. При

свободной политической агитаціи центральное законодательное собраніе пріобрѣтаетъ широкую популярность, такъ какъ за всѣмъ дѣйствіемъ членовъ его смотритъ вся нація, а не опредѣленное число политическихъ клубовъ, создающихся по плану Тэна изъ земскихъ собраній. Система Тэна, наконецъ, окончательно убиваетъ представительство «меньшинства», ибо всѣ избиратели, не успѣвшіе пріобрѣсть себѣ большинство голосовъ въ земскихъ собраніяхъ, лишаются вполнѣ представительства въ политическихъ учрежденіяхъ страны; система Тэна, поэтому, можетъ въ извѣстномъ случаѣ дать такое законодательное собраніе, которое будетъ представителемъ лишь одной половины націи, даже меньшей половины. Но Тэнъ этого и добивается: да здравствуютъ интересы образованныхъ классовъ, и да погибнутъ интересы невѣжественныхъ!..

J. Michelet. Histoire du XIX siècle. Directoire. Origine des Bonaparte. Paris, Germer Baillière, 1872. (*Мишле:* Исторія XIX вѣка. Директорія. Происхожденіе Бонапартовъ.)

Мишле—историкъ столь извѣстный, что для того, чтобы говорить о достоинствахъ и недостаткахъ его новаго труда, пришлось бы подвергнуть критикѣ всю его литературную дѣятельность. Здѣсь достаточно будетъ сказать, поэтому, что несмотря на свои семьдесятъ два года, почтенный старикъ написалъ очень интересную книгу и съ большимъ талантомъ. Она состоитъ изъ трехъ частей, изъ которыхъ въ первой излагается „конецъ якобинцевъ“, въ второй — „конецъ Конвента, Директорія“, а въ третьей: „происхожденіе и начало Бонапарта“.

Въ „концѣ якобинцевъ“ Мишле описываетъ событія послѣ IX-го термидора до закрытія якобинскаго клуба 10-го ноября 1794-го года. Въ ночь на X-е термидора заключенные въ политическихъ тюрьмахъ Робеспьера еще не знали, что утромъ раненый глава якобинизма самъ арестованъ, и что имъ нечего опасаться за свою жизнь. Въ этихъ тюрьмахъ сидѣли тогда вожди трехъ школъ соціализма: Бабёфъ, Сен-Симонъ и Фурье, и Мишле начинаетъ свое нынѣшнее сочиненіе съ описанія этихъ личностей и ихъ карьеры; съ особенною любовью онъ останавливается на описаніи характера и политической дѣятельности Бабёфа, который, по изысканіямъ нашего историка, оказывается вовсе не такимъ крайнимъ человѣкомъ, какимъ его привыкли выставлять, по извѣтамъ якобинцевъ и „термидорцевъ“ (такъ называются люди, свергнувшіе Робеспьера), неосторожные историки великой революціи. Вся вина Бабёфа заключалась въ томъ, что онъ требовалъ, чтобы парижская коммуна того времени была выборная, а не назначаемая конвентомъ. Робеспьеръ первый разрушилъ коммуну, но затѣмъ самъ погибъ въ ней. Когда же Бабёфъ сталъ требовать возстанов-

ленія ея, термидорцы, вмѣсто того, чтобы отмѣнить распоряженія Робеспьера относительно коммуны, соединились, напротивъ, съ приверженцами своего бывшаго врага противъ попытокъ Бабёфа создать агитацію въ пользу возстановленія выборной коммуны, и эта борьба кончилась гибелью Бабёфа. Мишле придаетъ большое значеніе голоду въ революціонныхъ неурядицахъ того времени, и такъ какъ Бабёфъ, занимая въ коммунѣ должность секретаря въ „бюро продовольствія", умѣлъ отлично организовать подвозъ хлѣба въ Парижъ и раздачу его бѣднымъ классамъ, то несомнѣнно, что гибель его должна была отозваться на общемъ положеніи всего Парижа. Выходѣ изъ робеспьеровскихъ тюремъ, всеобщая радость при этомъ и взрывъ сострадація къ несчастнымъ, особенно женщинамъ, которыя всѣ были беременны (только беременность спасала отъ эшафота), описаны мастерски. Взрывомъ сострадѐнія къ этимъ несчастнымъ, и особенно къ роялистамъ, погибшимъ по повелѣніямъ Робеспьера въ Нантѣ, а также состраданіемъ вообще, которое возбуждалось въ сердцахъ парижанъ жертвами нищеты и голодной смерти, Мишле старается объяснить ту страшную ненависть къ якобинцамъ, которая въ крайнемъ своемъ развитіи потребовала уничтоженія самого якобинизма. Эту странную связь широкаго состраданія къ однимъ, съ злою ненавистью къ другимъ авторъ описываетъ съ такимъ убѣжденіемъ, что почти убѣждаетъ васъ самихъ. Въ 1794-мъ году начинаютъ играть большую роль женщины: якобинки, дамы реакціи и любовницы термидорцевъ Мишле посвящаетъ каждой изъ этихъ категорій по главѣ.

Когда якобинцы сошли, наконецъ, со сцены, все вдругъ оживилось. Одинъ дѣятель того времени сказывалъ г-ну Мишле: „Якобинцы такъ много говорили о смерти, такъ часто упоминали о ней, что когда ихъ закрыли, то показалось, что сама смерть была уничтожена, что никогда уже люди не станутъ умирать снова". Всѣ еще находились въ бѣдности, прежнія богатыя и знатныя дамы, выйдя изъ тюремъ, пропитывались дешевыми уроками; но несмотря на то всѣ были оживлены, начались дешевые балы, балы въ пользу семействъ гильотинированныхъ и другихъ пострадавшихъ во времена террора—такъ-называемые „*балы жертвъ*", и общество охватила „лихорадка браковъ". Нѣсколько лѣтъ спустя, Мерсье встрѣчалъ на своихъ прогулкахъ такое множество дѣтей 2—3-хъ лѣтъ отъ роду, что казалось въ городѣ было больше дѣтей, чѣмъ взрослыхъ,—все это былъ плодъ безчисленныхъ браковъ 1794-го года. Никогда въ Парижѣ не было такой привѣтливости въ общественныхъ сношеніяхъ, какъ теперь; дамы сближали всѣхъ своими очаровательными любезностями, даже ѣли въ то время лучше: „освобожденныя отъ жесткаго корсета, который ихъ сдавливалъ прежде, избавившись отъ нервныхъ судорогъ террора, счастливыя въ своихъ скромныхъ бракахъ, онѣ были веселы".

Одновременно съ этимъ оживленіемъ въ обществѣ началась усиленная дѣятельность въ дѣлѣ всеобщаго просвѣщенія. Теперь студенты платятъ за ученіе, тогда имъ платили: и въ политехнической школѣ, и въ медицинской, и въ нормальной, которая готовила 1,200 будущихъ учителей и профессоровъ. Открыто множество новыхъ каѳедръ; въ первый разъ медицину стали изучать при постели больного; въ нормальной школѣ ариѳметикѣ учили такіе великіе математики, какъ Лагранжъ и Лапласъ; тогда только-что учредили пріюты для глухонѣмыхъ, для слѣпыхъ,—женщины собирались туда толпами и плакали отъ умиленія. Конвентъ поддерживалъ искусство и науку; онъ назначилъ на конкурсъ живописи и скульптуры цѣлые пол-милліона франковъ; естествознаніе пользовалось большимъ почетомъ: къ декабрю 1794-го года былъ созданъ замѣчательный музей въ Jardin des Plantes и директоромъ его назначенъ знаменитый Ламаркъ, предшественникъ Дарвина по теоріи происхожденія видовъ. Мишле большой приверженецъ „признанія животныхъ родственниками и предками человѣка". Республика искала своего идеала, своей цѣли въ *братствѣ*, а братство оказывается, говоритъ Мишле, „единственною основою природы. Это ея прекрасная материнская тайна. Великая и новая религія!.. Привѣтствую братство всѣхъ существъ! Даже арміи въ то время были совсѣмъ не такія, какими мы видимъ ихъ въ современной Европѣ: онѣ вышли изъ братскихъ федерацій, онѣ удалялись отъ алтаря, передъ которымъ присягали на свободу всего міра; полководцы научались войною ненавидѣть войну: когда читаешь трогательныя замѣтки Клебера, которыя писалъ онъ по вечерамъ среди ужасовъ Вандеи, когда читаешь *гуманныя* письма, глубоко гуманныя, писанныя Гошемъ, Дезэ и Марсо, то припоминаешь замѣтки Вобана и даже Марка Аврелія, которыя онъ писалъ въ лѣсахъ Панноніи въ войнѣ съ варварами". Само собою разумѣется, что при такомъ гуманномъ настроеніи всего общества, чувство состраданія къ несчастнымъ, потерпѣвшимъ во времена террора, могло только принимать все болѣе широкіе размѣры и перейти наконецъ всякую мѣру. Состраданіе было перенесено и на роялистовъ, которые стали мало-по-малу возвращаться. Встрѣчая повсюду въ обществѣ состраданіе къ своимъ бѣдствіямъ, роялисты рѣшились наконецъ мстить своимъ бывшимъ врагамъ, и подъ видомъ справедливаго мщенія надъ якобинцами они устроили страшную рѣзню въ Ліонѣ, Марсели и другихъ городахъ южной Франціи. Мишле подробно описываетъ это начало *бѣлаго террора* по новымъ источникамъ, которые ему удалось найти въ городскихъ архивахъ Нанта. Между тѣмъ голодъ въ Парижѣ вызвалъ, 20-го мая 1795-го года, внезапную демонстрацію женщинъ противъ конвента, причемъ, какъ потомъ увѣряли, убили нѣсколько женщинъ. Крики: „женщинъ бьютъ"! возбудили всеобщее движеніе, которое послужило поводомъ

врагамъ „Горы“ къ несправедливымъ обвиненіямъ шести ея замѣчательныхъ представителей, и всѣ они погибли, какъ какіе-нибудь дѣйствительные измѣнники народа. Послѣ паденія „Горы“ никакихъ преградъ для возвращенія роялистовъ не было, и XIII-го вандеміера они уже нападаютъ на конвентъ, но неудачно. Во время стычекъ случайно выдвигается на сцену Бонапартъ и за защиту въ этотъ день конвента его назначаютъ комендантомъ Парижа.

Дойдя, наконецъ, до Бонапарта, Мишле останавливается въ своемъ повѣствованіи объ общественныхъ движеніяхъ. „Здѣсь — говоритъ онъ — исторія падаетъ повидимому въ пучину. Съ великихъ общихъ, собирательныхъ сюжетовъ, съ идей, съ народныхъ массъ, она переходитъ на личность и становится чистою біографіею. При Робеспьерѣ, при Горѣ, Жирондѣ, Конвентѣ, и еще ранѣе — при учредительномъ собраніи, наконецъ при господствѣ философовъ и вообще въ восемнадцатомъ вѣкѣ — *идея* первенствовала, и если являлась *личность*, то ради идеи. Личность занимала часто видное мѣсто, но соотносительно съ идеей, которую она, повидимому, представляла. Вотъ почему Гегель столь же глубокомысленно, какъ справедливо называетъ этотъ великій вѣкъ царствомъ идеи или *духа* (Geist-Reich). Но вдругъ, встрѣтивъ препятствіе, это прекрасное движеніе идеи и отвлеченнаго мышленія точно погружается въ громадную бездну матеріальности. Человѣческій духъ повидимому забываетъ всѣ понятія, всѣ теоріи, всѣ языки. Одно единственное слово замѣщаетъ все въ бѣдныхъ мозгахъ, одно единственное слово парализуетъ все, да и то нефранцузское: *Buonaparte*. Въ наступавшемъ году, 1795, это слово вдругъ стало все и для всѣхъ. Странное смущеніе существуетъ въ умахъ. Оно зависитъ отъ многихъ вещей, отъ одной въ особенности, которой достаточно для того, чтобы свести съ ума. Кантъ очень хорошо сказалъ, что нѣкоторыя понятія, *пространство и время*, примѣшаны ко всѣмъ нашимъ идеямъ и составляютъ *субстратъ* ихъ. Если, напримѣръ, понятіе о пространствѣ исчезнетъ въ насъ, мы лишимся ума. Мы должны во всякомъ существѣ, и во всякомъ актѣ и во всякомъ движеніи предполагать, что все это существуетъ или происходитъ *на мѣстѣ*. Относительно *времени* мы имѣемъ то же самое. Но предположите, что намъ говорятъ, на другой день террора и пока мы находимся еще въ оцѣпенѣніи: „знаете что? *время* умерло! оно погибло!“ Хотите доказательствъ? Смотрите, какъ теперь событія, высвободившись изъ-подъ этого закона, идутъ и спѣшатъ; потокъ человѣческихъ дѣлъ принялъ поступь порока.... И какъ зовется этотъ порокъ! Отвѣтъ не длиненъ. Есть въ языкѣ одно слово, достаточное для всего: *Bonaparte*. Оно замѣнило всякую идею, всю науку даже. Если Лагранжъ говоритъ о математикѣ, или Жоффруа Сентъ-Илеръ объ естественной исторіи, ему отвѣчаютъ однимъ словомъ: *Bonaparte*. Ибо этого слова достаточно для всего. Точно также

послѣ христіанской эры, если греческіе философы или римскіе юристы дерзали еще открывать ротъ, то передъ ними пожимали плечами и отвѣчали: *Іисусъ!* Великій живописецъ эпохи (Gros), одинъ изъ тѣхъ, которые изображали чудеса своей новой церкви (смерти и сраженій), отлично понималъ эти аналогіи, когда изображалъ своего новаго „Христа", который лечилъ моръ однимъ прикосновеніемъ. Но если интересно видѣть умственное разрушеніе, въ которое впалъ міръ, то не менѣе интересно наблюдать, какимъ образомъ великій чудотворецъ, искусный фокусникъ, творившій эти чудеса иллюзіи и ослѣпленія, подготовилъ свою изумительную карьеру. Прощай наука, идеи, нація, прощай отечество!... Все это отложено въ сторону. Я займусь... однимъ человѣкомъ" [1]).

Послѣ этого вступленія, на цѣлой сотнѣ краснорѣчивыхъ страницъ Мишле описываетъ всю карьеру Наполеона I до назначенія его начальникомъ итальянской арміи и затѣмъ убѣдительно доказываетъ, что вся слава этой кампаніи принадлежитъ Массенѣ и Ожеро, между тѣмъ какъ Бонапартъ только мѣшалъ успѣхамъ французскаго оружія, что́ не помѣшало ему однако воспользоваться этой кампаніей для вящшаго прославленія себя. Въ интригахъ противъ замѣчательныхъ подвиговъ Массены и Ожеро ему способствовало все: и пресса, черезъ посредство его супруги Жозефины, которая пользовалась большимъ вліяніемъ въ литературныхъ кружкахъ того времени, и его личное знакомство съ банкирами-поставщиками арміи, и его вѣроломная дружба съ глуповатымъ Салицетти, комиссаромъ Директоріи при итальянской арміи, посылавшимъ въ Парижъ отчеты о военныхъ дѣйствіяхъ, и деньги, которыми Бонапартъ подкупалъ министровъ, и даже само искусство, которое изображало подвиги тогдашней арміи. Мишле положительно доказываетъ, что въ сраженіи подъ Лоди, въ которомъ Наполеона I изображаютъ переходящимъ, съ знаменемъ въ рукѣ, черезъ мостъ, обстрѣливаемый непріятелемъ, все сраженіе было ведено Массеною и никакой такой сцены не было. А между тѣмъ битвою подъ Лоди Наполеонъ такъ возгордился, что не сталъ уже слушать повелѣній Директоріи. Другое важное сраженіе, выигранное французами въ эту кампанію и закончившее ее — сраженіе подъ Кастильоне, было задумано Ожеро (Наполеонъ и всѣ другіе генералы не рѣшались на него) и, благодаря его настойчивости и критическому положенію самого Бонапарта, приведено въ исполненіе самимъ же Ожеро.

Въ другомъ томѣ Мишле обѣщаетъ продолжать и окончить свои разоблаченія Бонапарта.

---

[1]) Стр. 331—333.

Die Industrie Russlands in ihrer bisherigen Entwickelung und in ihrem gegenwärtigen Zustande mit besonderer Berücksichtigung der allgemeinen russischen Manufaktur-Ausstellung im Jahre 1870. Industrielles Handbuch fur das Gesammtgebiet des russischen Reiches von *Friedrich Matthäi*, Offizier der Königl. Sächs. Armee a. D., Correspondirender Mitglied der Kaiserlichen freien Oekonomischen Gesellschaft zu St. Petersburg etc. *Erster Band*. Leipzig, 1872. Hermann Fries. (Промышленность Россіи въ ея развитіи и нынѣшнемъ состояніи, составленная преимущественно по даннымъ общей русской промышленной выставки 1870 года. *Фридрихомъ Маттэи*. Томъ первый).

Офицеръ саксонской арміи пишетъ цѣлый томъ въ 409 страницъ и обѣщаетъ еще такой же—о чемъ?... *о русской промышленности!* И между тѣмъ его сочиненіе составлено хорошо, и съ матеріаломъ своимъ—его немного, впрочемъ—авторъ управляется довольно ловко. Г. Маттэи уже не въ первый разъ пишетъ о Россіи: онъ писалъ еще о нѣмецкихъ колоніяхъ въ Россіи, въ которомъ совѣтовалъ намъ привлекать иностранныя „культурныя силы". Нынѣшній трудъ его, хотя не представляетъ для русскаго читателя ничего такого, чего бы онъ не нашелъ въ своихъ собственныхъ книгахъ, но тѣмъ не менѣе полезенъ и для русскихъ какъ тѣмъ, что знакомитъ Германію и—черезъ нея—весь цивилизованный міръ—съ развитіемъ нашихъ промышленныхъ силъ, такъ и тѣмъ, что авторъ смотритъ на русскую промышленность не столько нѣмецкими глазами, сколько взглядомъ человѣка, хорошо знакомаго съ настоящимъ состояніемъ политической экономіи. При описаніи каждой отрасли промышленности Маттэи имѣетъ, сверхъ того, обыкновеніе давать практическіе совѣты о возможности бо́льшаго развитія ея при соблюденіи извѣстныхъ условій.

Въ своемъ „введеніи" авторъ, бросая общій взглядъ на условія русской промышленности, находитъ въ нихъ много сходнаго съ американскими: „Здѣсь, какъ тамъ, господствуетъ пока избытокъ производительной земли; здѣсь, какъ тамъ, недостаетъ рукъ для уничтоженія этого избытка; здѣсь, какъ тамъ, произведенія земли составляютъ богатство страны". Но между тѣмъ, какъ Соединенные Штаты съ каждымъ годомъ пріобрѣтаютъ здоровыя рабочія силы въ лицѣ многочисленныхъ переселенцевъ изъ Европы, Россія остается почти исключительно при своемъ естественномъ приростѣ населенія, и этотъ приростъ, по мнѣнію Маттэи, такъ малъ, что не удовлетворяетъ культурнымъ потребностямъ страны. Кромѣ того, американцы умѣютъ эти пришлыя силы лучше приспособить къ промышленности своей страны, и такимъ образомъ побѣждать Россію въ торговлѣ сырыми продуктами. Такъ какъ авторъ и въ будущемъ не предвидитъ у насъ собственныхъ хлопотъ объ удешевленіи стоимости производства въ обработкѣ земли, то онъ полагаетъ, что Россіи слѣдовало бы прибѣгнуть къ помощи иностранцевъ, способныхъ колонизоваться, которые и составили бы у насъ средній земледѣльческій классъ, понимающій свое дѣло и могущій научить и помѣщиковъ нашихъ и крестьянъ сбереженію рабочей силы въ

земледѣльческомъ трудѣ. Этотъ планъ имѣетъ за себя лишь лѣнь нашихъ помѣщиковъ и невѣжество нашихъ крестьянъ. Мы не имѣемъ ничего противъ переселенія къ намъ разныхъ иностранцевъ, если они желаютъ переселяться такъ, какъ они переселяются въ Соединенные Штаты, то-есть на собственный счетъ и страхъ, — мы желали бы также серьезнаго пересмотра нашего законодательства объ арендѣ земли, которое не соотвѣтствуетъ настоящему состоянію ни сельскихъ хозяйствъ, ни политической экономіи, — мы желали бы еще, чтобы иностранцамъ въ ихъ переселеніи въ Россію не представлялись разныя препятствія въ нашихъ полицейскихъ постановленіяхъ и самовольствѣ мелкихъ административныхъ учрежденій; но вмѣстѣ со всѣмъ этимъ мы желали бы еще—и главнымъ образомъ—чтобы наши помѣщики серьезно занялись сельскимъ хозяйствомъ и перестали бросать всѣхъ своихъ дѣтей въ непроизводительныя профессіи, а подготовляли изъ нихъ будущихъ агрономовъ, и чтобы нашимъ крестьянамъ была, наконецъ, открыта широкая дорога къ пріобрѣтенію земледѣльческихъ свѣдѣній посредствомъ дѣльнаго курса народной школы.

НЕКРОЛОГЪ.

Александръ Ѳедоровичъ Гильфердингъ.

Русская литература понесла въ іюнѣ мѣсяцѣ прискорбную потерю со смертью А. Ѳ. Гильфердинга, имя котораго не разъ стояло и на страницахъ „Вѣстника Европы". Почтенный ученый умеръ совершенно неожиданно, только-что оставивъ Петербургъ для продолженія тѣхъ розысканій, которыя началъ онъ въ прошломъ году и описаніе которыхъ представилъ въ статьѣ, напечатанной въ мартовской книжкѣ „Вѣстника" нынѣшняго года. Онъ былъ еще въ полномъ развитіи своихъ силъ и дѣятельности, когда печальная судьба унесла его въ могилу.

Близкіе друзья вѣроятно представятъ болѣе или менѣе подробную біографію Гильфердинга; въ ожиданіи ея мы можемъ сообщить о немъ только немногія свѣдѣнія. Онъ родился въ 1831-мъ году, и первое образованіе получилъ въ Варшавѣ въ домѣ своего отца (впослѣдствіи управлявшаго въ Петербургѣ архивомъ министерства иностранныхъ дѣлъ), а въ 1848-мъ году поступилъ на историко-филологическій факультетъ въ московскомъ университетѣ. Въ Москвѣ Гильфердингъ вошелъ въ славянофильскій кружокъ Хомякова, Кирѣевскихъ, Аксаковыхъ, и это опредѣлило его будущіе взгляды и направленіе. Съ этимъ

кружкомъ онъ навсегда сохранилъ самыя дружескія связи, и шелъ вмѣстѣ съ нимъ въ своихъ литературныхъ и общественныхъ воззрѣніяхъ и трудахъ. Наиболѣе близокъ онъ былъ, кажется, съ Хомяковымъ, мнѣнія котораго болѣе многостороннимъ образомъ обнимали разныя отрасли славянофильскаго ученія. Непосредственно по окончаніи университетскаго курса, Гильфердингъ началъ свою ученую и литературную дѣятельность. Первыми трудами его были изслѣдованіе: „О сродствѣ языка славянскаго съ санскритскимъ", 1853, напечатанное въ „Извѣстіяхъ II-го Отдѣленія Академіи Наукъ" и отдѣльной книжкой, и затѣмъ магистерская дисертація: „Объ отношеніи языка славянскаго къ языкамъ родственнымъ" (Москва, 1853). Эти филологическія работы не были изъ лучшихъ трудовъ Гильфердинга; сравнительная филологія была у насъ еще въ совершенно младенческомъ состояніи, и Гильфердингъ, кажется, слишкомъ положился здѣсь на авторитетъ Хомякова, который также пускался въ эту область, но вовсе не могъ служить въ ней надежнымъ руководителемъ. Въ слѣдующемъ году Гильфердингъ началъ печатать свои историческія изслѣдованія: „Исторію Балтійскихъ Славянъ" (сначала въ „Москвитянинѣ", потомъ отдѣльной книгой одинъ 1-й томъ, М. 1855) и „Письма объ исторіи сербовъ и болгаръ" („въ Моск. Вѣдомостяхъ" и въ „Русской Бесѣдѣ", и отдѣльно, Москва, 1856—1859). Въ этихъ изслѣдованіяхъ Гильфердингъ показалъ уже обширную начитанность и историческій талантъ, обѣщавшіе въ немъ замѣчательнаго ученаго.

Послѣ окончанія крымской войны, Гильфердингъ, по собственному желанію лично изучить славянскія земли, назначенъ былъ консуломъ въ Боснію, кажется, въ Сараево или въ Мостаръ. Онъ пробылъ тамъ нѣсколько лѣтъ, въ теченіе которыхъ сдѣлалъ много поѣздокъ внутри страны, и результатомъ его изученій было обширное сочиненіе: „Боснія, Герцеговина и Старая Сербія" (Спб., 1859), гдѣ описаніе путешествія исполнено множествомъ изображеній страны и народнаго быта, историческихъ и археологическихъ разысканій. Это — одно изъ немногихъ ученыхъ путешествій по славянскимъ землямъ, какимъ можетъ похвалиться наша литература: по своимъ достоинствамъ оно можетъ быть поставлено рядомъ съ путешествіемъ по Турціи В. И. Григоровича. Въ то же время Гильфердингъ слѣдилъ за явленіями славянской литературы и славянской жизни, и помѣщалъ свои статьи объ этихъ предметахъ въ начавшейся тогда „Русской Бесѣдѣ". Цѣлый обзоръ новѣйшаго движенія западнаго славянства сдѣланъ былъ имъ въ сжатой формѣ, но съ большимъ талантомъ и знаніемъ, во французской брошюрѣ: „Les Slaves Occidentaux", вышедшей безъ имени автора въ Парижѣ, 1858. Впослѣдствіи, онъ еще разъ сдѣлалъ путешествіе по Сербіи и Болгаріи и вывезъ цѣлое собраніе замѣчательныхъ рукописей, проданное имъ послѣ г. Хлудову. Для изученія сла-

вянской народности, Гильфердингъ сдѣлалъ поѣздку и въ другой край славянскаго міра, въ Померанію, гдѣ онъ изучалъ слѣды стараго славянскаго населенія, занимавшаго нѣкогда эту страну, и уцѣлѣвшую донынѣ небольшую славянскую вѣтвь—Кашубовъ. Свои наблюденія онъ изложилъ въ изслѣдованіяхъ о языкѣ кашубовъ и слѣдахъ нарѣчія древлянъ (въ „Извѣстіяхъ II Отд. Академіи Наукъ“, и отдѣльно: „Остатки славянъ на южномъ берегу Балтійскаго моря“, Спб. 1862).

Служба Гильфердинга продолжалась, по возвращеніи изъ Босніи, въ азіатскомъ департаментѣ министерства иностранныхъ дѣлъ (замѣтимъ въ объясненіе, что въ „азіатскомъ“ департаментѣ находятся и славянскія дѣла земель, принадлежащихъ Турціи), потомъ въ государственной канцеляріи. Въ началѣ польскаго возстанія Гильфердингъ перешелъ на службу въ Варшаву, гдѣ, какъ говорятъ, былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ Н. А. Милютина; въ то же время онъ участвовалъ въ литературной разработкѣ польскаго вопроса длиннымъ рядомъ замѣчательныхъ статей, которыя помѣщалъ онъ въ „Русскомъ Инвалидѣ“, но особенно въ газетѣ „День“ и ея преемникахъ.

Въ 1868-мъ году онъ началъ изданіе своихъ сочиненій, которыхъ успѣлъ выдать два тома. Въ послѣдніе годы онъ задумалъ обширный трудъ, „Исторію Славянъ“, началомъ котораго было то изслѣдованіе о древнихъ славянахъ, которое было помѣщено въ „Вѣстникѣ Европы“. Въ послѣдніе годы онъ издалъ еще: „Общеславянскую Азбуку, съ приложеніемъ образцовъ славянскихъ нарѣчій“ (Спб. 1870), и брошюру: „Гусъ. Его отношенія къ православной церкви“ (Спб. 1871), выражающую извѣстный тенденціозно-историческій взглядъ на Гуса славянофильской школы.

Въ Гильфердингѣ славянофильская школа потеряла одного изъ самыхъ замѣчательныхъ своихъ представителей. Человѣкъ талантливый, съ обширными учеными свѣдѣніями и практическимъ знаніемъ современнаго славянства, онъ представлялъ большую литературную силу школы, но потеря его безъ сомнѣнія прискорбна для всей литературы. Теперь, быть можетъ, еще не пришло время для полной оцѣнки направленія его дѣятельности: направленіе славянофильское, оно заключало въ себѣ извѣстныя преувеличенія и односторонности этой школы, которыя намъ не были сочувственны,—хотя, быть можетъ, у Гильфердинга онѣ больше, чѣмъ у другихъ, покрывались логической послѣдовательностью изложенія. Таковы были его публицистическія статьи по западно-славянскому вопросу. Характеръ его разсужденій о польскомъ вопросѣ можетъ разъясниться для нашихъ читателей изъ статей о „Восточной политикѣ Германіи“, гдѣ достаточно опредѣлена тенденція газеты „День“. Дѣятельность славянскаго комитета, гдѣ Гильфердингъ въ послѣднее время былъ предсѣдате-

лемъ и, кажется, главнымъ руководителемъ, также даетъ мѣсто для многихъ возраженій. Нѣтъ сомнѣнія, что еслибы наша литература была въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ находится она въ послѣдніе годы, полемика болѣе выяснила бы недостатки современнаго славянофильства; — но въ наше глухое и темное время, эти недостатки къ сожалѣнію для многихъ неясны и порождаютъ много заблужденій. Оговоримся впрочемъ, что современное славянофильство имѣетъ нѣсколько оттѣнковъ, довольно несходныхъ; изъ нихъ Гильфердингъ принадлежалъ къ тому, который былъ непосредственнымъ продолженіемъ стараго славянофильства и былъ, при всѣхъ недостаткахъ, очень далекъ отъ новѣйшей мнимо-народной школы политиковъ, въ родѣ „Моск. Вѣдомостей“ или „Голоса“.

Намъ кажется, что Гильфердингъ не былъ и упрямымъ доктринеромъ, какъ это слишкомъ свойственно всѣмъ исключительнымъ школамъ. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ былъ доступенъ живымъ впечатлѣніямъ общественнаго быта и народной дѣйствительности, гдѣ доктрина уступала передъ фактами. Доказательствомъ этого были и тѣ послѣднія работы, съ которыми роковымъ образомъ связана была его смертъ и которыя остались, быть можетъ, лучшимъ изъ результатовъ его изученія собственно русской народной жизни. Мы понимаемъ его изслѣдованія о былинномъ эпосѣ.

Новое открытіе былиннаго эпоса въ захолустьяхъ сѣвернаго края, какъ извѣстно, составляетъ заслугу г. Рыбникова, народнаго изслѣдователя, занесеннаго въ Олонецкую губернію, кажется, путемъ административной ссылки. На первыхъ же порахъ своего пребыванія въ новомъ краѣ, г. Рыбниковъ открылъ въ сѣверномъ русскомъ народѣ богатую струю эпической поэзіи, которая считалась уже изсякшею и погибшею. Сначала появились въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ отдѣльныя былины, затѣмъ цѣлый томъ, за которымъ издатель обѣщалъ дальнѣйшіе. Появленіе этого богатаго запаса древнѣйшей народной поэзіи, живой до сихъ поръ въ устахъ народа, было такъ неожиданно, что, мы помнимъ, нѣкоторые изъ тонкихъ знатоковъ — хотя не рѣшались говорить противъ нагляднаго, слишкомъ яснаго факта, — при началѣ дѣла выражали „желаніе“, чтобы тексты г. Рыбникова были „ближе изучены“, „провѣрены“, прежде чѣмъ „наука“ приметъ ихъ въ свое владѣніе. Словомъ, существовало нѣкоторое недовѣріе къ тому, чтобы „наука“ могла до сихъ поръ проглядѣть столь крупный и замѣчательный фактъ народной жизни. Дальнѣйшія публикаціи г. Рыбникова уничтожили всякую возможность недовѣрія; изслѣдователи могли стать лицомъ къ лицу съ этимъ фактомъ, и увидѣть его во-очію; народные пѣвцы, открытые г. Рыбниковымъ, получили извѣстность и возбудили интересъ даже въ высшихъ сферахъ; былины являлись въ изданіяхъ г. Рыбникова со всѣми указаніями мѣстностей,

съ варіантами различныхъ пѣвцовъ и т. п. Фактъ былъ уже внѣ всякаго сомнѣнія, но оставался не менѣе поразительнымъ и любопытнымъ.

Гильфердингъ былъ также имъ живо заинтересованъ. Въ послѣдніе годы, вернувшись изъ Варшавы въ Петербургъ (гдѣ онъ перешелъ на службу при государственномъ совѣтѣ), Гильфердингъ между прочимъ выбранъ былъ предсѣдателемъ въ этнографическомъ отдѣленіи географическаго общества. Связанный и этимъ путемъ съ задачами и потребностями русской этнографіи, Гильфердингъ возъимѣлъ мысль объѣхать Олонецкій край, чтобы по возможности собрать полныя свѣдѣнія о распространеніи былиннаго эпоса и вообще объ этнографическихъ подробностяхъ его сохраненія въ народѣ. Прошлымъ лѣтомъ, онъ употребилъ два мѣсяца на эту поѣздку, изъ которой возвратился съ богатымъ запасомъ новыхъ былинъ и новыхъ варіантовъ, съ запасомъ множества разнообразныхъ наблюденій о народной жизни Олонецкаго края. Читатели „Вѣстника Европы“ знаютъ его въ высшей степени любопытный разсказъ объ этомъ путешествіи, и,—на что́ мы особенно хотѣли указать,—изслѣдователь понялъ свою задачу такъ широко и серьезно, какъ только можно было бы желать: спеціальная задача не закрыла отъ него вопроса о цѣломъ бытѣ видѣннаго имъ народа, и онъ относится къ этому народу съ такимъ вниманіемъ, съ такимъ разумѣніемъ его тяжкихъ нуждъ, говоритъ о нихъ съ такой убѣдительностью и, иногда, такой смѣлостью, которыя вызывали самое полное сочувствіе. Живое сближеніе съ народнымъ бытомъ возбуждало въ немъ такое чувство и такія мысли, которыя могли вполнѣ раздѣлить съ нимъ и люди, въ другихъ случаяхъ не раздѣлявшіе его мнѣній.

Въ началѣ іюня нынѣшняго года Гильфердингъ отправился снова на сѣверъ; на этотъ разъ онъ хотѣлъ осмотрѣть южные уѣзды Архангельской губерніи. 8-го іюня онъ выѣхалъ изъ Петербурга, а 20-го въ Петербургѣ была получена телеграмма о его смерти, въ Каргополѣ. Теперь извѣстно, что онъ почувствовалъ себя нездоровымъ уже вскорѣ по выѣздѣ изъ Петербурга, но непремѣнно хотѣлъ продолжать дорогу; онъ умеръ отъ тифозной горячки, полученной вѣроятно на „трешкотѣ“, первобытнаго устройства баркѣ, на которой ему нужно было проѣхать часть пути. Тѣло его было привезено въ Петербургъ и погребеніе совершено на кладбищѣ Ново-Дѣвичьяго монастыря, 5-го іюля.

Одинъ изъ друзей покойнаго замѣчаетъ объ его мнѣніяхъ и личномъ характерѣ: „По своему политическому направленію, покойный Гильфердингъ принадлежалъ къ числу самыхъ гуманныхъ и вольномыслящихъ общественныхъ дѣятелей. Своимъ тихимъ, кроткимъ нравомъ, ровнымъ, сдержаннымъ характеромъ, вмѣстѣ съ блестящими умственными дарованіями и обширнымъ образованіемъ, А. Ѳ. Гиль-

фердингъ легко привлекалъ къ себѣ людей разнообразныхъ направленій и характеровъ. Всѣ они находили въ немъ живого, умнаго собесѣдника, готоваго всегда на дружеское одолженіе вліятельнымъ ходатайствомъ, совѣтомъ, мыслью, книгами, рукописями....“ Мы не были близки съ покойнымъ, но въ немногихъ сношеніяхъ съ нимъ дѣйствительно встрѣчали въ немъ эти свойства просвѣщеннаго человѣка, къ сожалѣнію далеко не обыкновенныя въ нашемъ кругѣ литературномъ,— не говоря о другихъ. Справедливо и другое замѣчаніе, сдѣланное тѣмъ же авторомъ: „преждевременная кончина Гильфердинга тяжело отзовется также и въ славянскихъ земляхъ Австріи и Турціи, гдѣ онъ имѣлъ многочисленныхъ друзей и почитателей“.

Послѣдній трудъ Гильфердинга — сборникъ былинъ, составленный имъ во время путешествія и, какъ видно изъ его разсказа, значительно разъясняющій предметъ, какъ говорятъ, почти готовъ печатаніемъ и вскорѣ долженъ явиться въ свѣтъ. Нельзя не пожелать, чтобы друзья Гильфердинга постарались и объ окончаніи начатаго имъ самимъ собранія его сочиненій.

А. П.

ПО ПОВОДУ ВОСПОМИНАНІЙ Н. В. БУССЕ

объ островѣ Сахалинѣ и экспедиціи 1853 года.

Письмо къ редактору.

М. Г. Весьма сожалѣю, что въ настоящее время я не могу самъ представить для печати описаніе о главной цѣли и направленіяхъ дѣйствій нашихъ въ Пріамурскомъ краѣ съ 1849-го по 1855-й годъ; это было бы лучшимъ возраженіемъ противъ дневника Н. В. Буссе, напечатаннаго его наслѣдниками въ трехъ послѣднихъ книгахъ вашего журнала за прошедшій годъ. Но бывшій мой сотрудникъ по Сахалинской экспедиціи 1853-го и 54-го гг., которая именно и составила предметъ вышеупомянутаго дневника, Н. В. Рудановскій, исполнилъ отчасти мое намѣреніе. Препровождая къ вамъ его возраженія, я считаю долгомъ присоединить съ своей стороны, что отзывъ Н. В. Буссе о личномъ характерѣ г. Рудановскаго и о степени его заслугъ во время Сахалинской экспедиціи вполнѣ несправедливъ. Мнѣ, какъ лицу, стоявшему во главѣ всего предпріятія, слишкомъ дорога добрая память о сотрудникахъ по Амурской и Сахалинской экспедиціямъ, бывшихъ подъ моимъ начальствомъ, и я смѣло могу сказать, что съ ихъ энергіею, самоотверженіемъ и полезною дѣятельностію, сопряженными съ опасностями, мы только и могли съ ничтожнѣйшими средствами положить основаніе къ прочному нашему водворенію на юго-восточныхъ бере-

гахъ Сибири. Къ числу такихъ полезныхъ и дѣятельныхъ сотрудниковъ я считаю долгомъ отнести и Н. В. Рудановскаго, въ противность личнымъ взглядамъ покойнаго Буссе, не раздѣленнымъ ни мною и ни кѣмъ другимъ изъ лицъ, принимавшихъ участіе въ экспедиціи на о. Сахалинъ *).

На картѣ Крашенинникова 1752-го года, о которой упоминаетъ г. Рудановскій ниже въ своемъ отзывѣ, Сахалинъ показанъ островомъ; но какъ въ проливѣ, отдѣляющемъ его отъ материка, не означено на этой картѣ глубины, то и оставалось неизвѣстнымъ, доступно ли устье р. Амура для мореходныхъ судовъ и дѣйствительно ли Сахалинъ островъ. Вопросъ этотъ разрѣшенъ только въ 1849-мъ году мною на военномъ транспортѣ „Байкалъ".

О необходимости занятія главнаго пункта острова Сахалина, находящагося въ Тамари-Анива, я доносилъ генералъ-губернатору Восточной Сибири еще въ 1852-мъ году, т.-е. прежде препровожденнаго ко мнѣ для исполненія въ 1853-мъ году высочайшаго повелѣнія объ окончательномъ занятіи этого острова. Занятіе же этого пункта, кромѣ причинъ упоминаемыхъ г. Рудановскимъ въ его отзывѣ, вызвано было тогда еще и слѣдующими обстоятельствами: а) чтобы люди, высаженные въ позднее осеннее время имѣли бы для себя пріютъ отъ непогодъ подъ готовыми японскими крышами; и б) чтобы показать японскому правительству, что по праву перваго изслѣдованія этого острова и по его географическому, относительно Пріамурскаго края, положенію, Россія всегда признавала его своимъ.

Г. Буссе оставленъ мною зимовать на Сахалинѣ единственно потому, что не было тогда въ экспедиціи другого свободнаго офицера; при одномъ же офицерѣ команду въ 70 человѣкъ оставлять было невозможно. Главная цѣль дѣятельности въ эту зимовку состояла въ изслѣдованіи во всѣхъ отношеніяхъ южной части острова въ видахъ, не

*) По поводу того же дневника Н. В. Буссе, мы получили протестъ въ томъ же смыслѣ отъ служившаго въ Амурской экспедиціи съ 1851 по 57-й г., нынѣ командира плавучаго маяка большого Невскаго корабельнаго фарватера, корпуса штурмановъ капитана г. А. Воронина 1-го. Въ своемъ письмѣ къ намъ онъ также обвиняетъ автора дневника въ личной непріязни къ Н. В. Рудановскому и свидѣтельствуетъ, что этотъ послѣдній въ Сахалинскую экспедицію, «принесъ своими неутомимыми трудами огромную пользу». Вслѣдъ за тѣмъ къ намъ обратился съ подобнымъ же заявленіемъ г. контръ-адмиралъ Фрейгангъ. Мы охотно вызвались упомянуть о его несогласіи съ личными мнѣніями Н. В. Буссе о характерѣ дѣйствовавшихъ лицъ въ Сахалинской экспедиціи, но отказались печатать самый текстъ его возраженія, главнымъ образомъ потому, что мы имѣли въ виду печатать болѣе авторитетное мнѣніе въ этомъ случаѣ самого бывшаго начальника экспедиціи. Г. Фрейгангъ напечаталъ свой протестъ въ «Голосѣ», № 78, при письмѣ, смыслъ котораго мы отказываемся понимать, вмѣстѣ съ редакціею газеты, помѣстившей ту статью съ вопросительнымъ знакомъ въ текстѣ письма г. Фрейганга. Повидимому, г. Фрейгангъ обвиняетъ насъ въ томъ, что мы будто бы не сдержали даннаго слова. Это не такъ. Самъ г. Фрейгангъ говоритъ въ томъ письмѣ, что мы обѣщали печатать «возраженія», а отказались напечатать «нападки». Изъ того, что мы обѣщали печатать возраженія, вовсе не слѣдуетъ, что мы обязаны печатать и нападки. А что мы охотно помѣщаемъ возраженія, — доказательствомъ тому служитъ печатаемые нами нынѣ отзывы гг. Невельского и Рудановскаго. — *Ред.*

найдется ли тутъ удобной гавани, такъ какъ съ открытіемъ навигаціи слѣдующаго года по различнымъ политическимъ и другимъ обстоятельствамъ необходимо было еще поставить одинъ или два поста. Почему я и далъ тогда г. Рудановскому относительно этого предмета особыя наставленія, ибо г. Буссе подобнаго порученія исполнить не могъ. Г-ну же Буссе я предписалъ, чтобы по требованію и выбору Н. В. Рудановскаго давать всѣ для этого средства, т.-е. людей, товаровъ и проч. Г. Рудановскій съ полною энергіею и знаніемъ исполнилъ это порученіе. При составленіи морскихъ картъ о. Сахалина и по сіе время руководствуются гидрографическимъ описаніемъ, сдѣланнымъ г. Рудановскимъ. Кромѣ этого многія лица и въ особенности полковникъ Венюковъ, бывшій на Сахалинѣ вскорѣ послѣ насъ, могутъ подтвердить о добросовѣстномъ и отчетливомъ описаніи этого острова, сдѣланнымъ г. Рудановскимъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Что же касается до административной дѣятельности г. Буссе, во время зимовки его на Сахалинѣ съ 1853 по 1854-й годъ, то она ни въ какомъ отношеніи не обнаружилась особо полезною.

Вслѣдствіе точнаго смысла препровожденнаго мнѣ для исполненія высочайшаго повелѣнія, г-ну Буссе было дѣйствительно мною предписано, о чемъ упоминаетъ г. Рудановскій, ни въ какомъ случаѣ и ни при какихъ обстоятельствахъ не оставлять Сахалинъ безъ нашихъ командъ и вліянія. Предложеніе графа Евфимія Васильевича Путятина въ 1854-мъ году, сдѣланное г-ну Буссе, не могло послужить ему поводомъ оставить окончательно Сахалинъ, потому что это предложеніе было условное, и потому что г. Буссе поставленъ былъ на военный постъ не графомъ Е. В. Путятинымъ.

Смѣю думать, что Н. В. Буссе никогда не рѣшился бы напечатать свой дневникъ, веденный имъ въ 1853-мъ году во время зимовки на Сахалинѣ, въ томъ видѣ, въ которомъ онъ обнародованъ его наслѣдниками *). Ибо въ немъ не только искажаются всѣ наши дѣйствія, но даже ставится въ вину и невѣжливость женѣ моей то, что она говорила на французскомъ языкѣ при супругѣ священника съ госпожею Бачмановою. Ясно, что г. Буссе тогда не понималъ даже и того чувства молодой образованной женщины, каковою была жена моя, прожившая одинокою около трехъ лѣтъ на морской кошкѣ между дикарями въ пустынѣ, совершенно отрѣзанной отъ всего цивилизованнаго свѣта, при совершенно внезапной и неожиданной встрѣчѣ съ таковою же образованною женщиною ея круга, каковою была Елизавета Осиповна Бачманова. Послѣ этого неудивительно, почему ни г. Рудановскій и никто изъ насъ не подходилъ подъ тогдашнее воззрѣніе г. Буссе; и такъ неудивительно, почему г-ну Буссе и наши характеры казались тяжелыми; въ особенности же могъ не нравиться ему тогда г. Рудановскій, ибо вся полезная дѣятельность для экспедиціи во время зимовки на Сахалинѣ принадлежала единственно г. Рудановскому, а никакъ не г. Буссе, воображавшему тогда себя, какъ то видно изъ его же дневника, великимъ психологомъ, этнографомъ, гидрографомъ, политикомъ и даже мореходцемъ.

---

*) Онъ и напечатанъ далеко не въ томъ видѣ, а съ значительными пропусками всего, что не относилось къ главному дѣлу и состояло въ описаніи мелочей слишкомъ личныхъ отношеній, которыя, вѣроятно, выпустилъ бы и самъ авторъ для печати. — *Ред.*

Впрочемъ, прилагаемый отзывъ Н. В. Рудановскаго разъяснитъ обстоятельно все это дѣло и поставитъ его въ настоящемъ свѣтѣ.

Примите и пр.

Г. Невельской.

Въ трехъ послѣднихъ книгахъ „Вѣстника Европы“ 1871-го года, былъ помѣщенъ отрывокъ изъ дневника Н. В. Буссе, подъ заглавіемъ: „Островъ Сахалинъ и экспедиція 1853 года“. Я принималъ большое участіе въ этой экспедиціи, но оно было вовсе не таково, какимъ угодно было представить его автору дневника.

Не обладая достаточнымъ запасомъ смѣлости и самоувѣренности и будучи далекъ отъ мысли въ возможности быть справедливымъ судьею въ своихъ собственныхъ дѣлахъ, я охотно предоставляю оцѣнку дѣятельности какъ моей, такъ и г-на Буссе, на Амурѣ и Сахалинѣ сдѣлать другимъ, а самъ ограничусь только тѣмъ, къ чему меня обязываетъ мой долгъ и на что уполномоченъ каждый, а именно, защитить себя отъ нареканій, внушенныхъ одною личною непріязнью и чрезмѣрнымъ себялюбіемъ моего противника.

Положеніе г. Буссе было дѣйствительно самое благопріятное для того, чтобы его записки были полны интереса и истины, такъ какъ онъ состоялъ при генералъ-губернаторѣ Восточной Сибири, графѣ Николаѣ Николаевичѣ Муравьевѣ-Амурскомъ,—управлялъ даже нѣкоторое время его штабомъ и впослѣдствіи былъ губернаторомъ Амурской области; воспитывался онъ въ пажескомъ корпусѣ и дѣлалъ путешествія по Россіи и за границею, а слѣдовательно имѣлъ полную возможность воспользоваться всѣми данными генералъ - губернаторскаго архива относительно Амурскихъ дѣлъ. Но, какъ мы увидимъ ниже, г. Буссе очень мало воспользовался выгодами своего положенія. Къ этому я долженъ прибавить, что вообще дневникъ г. Буссе можетъ легко внушить ошибочное мнѣніе даже относительно личности самого автора, выставлявшаго себя почему-то за силу все одушевлявшую и направлявшую въ дѣлѣ нашего занятія о-ва Сахалина; въ дѣйствительности же было не то, и мы даже затруднены были бы назвать хотя одинъ случай, гдѣ дѣятельность г. Буссе успѣла бы обнаружить плодотворную самостоятельность и тѣмъ дала бы поводъ къ благодарному о немъ воспоминанію.

Въ 1-й главѣ своего дневника г. Буссе пишетъ, что, имѣя порученіе отъ генералъ-губернатора сформировать сахалинскую экспедицію, а потомъ слѣдовать изъ Аяна въ Якутскъ, для осмотра мѣстнаго казачьяго баталіона, онъ совершенно неожиданно, вслѣдствіе предложенія г. Невельского, долженъ былъ отправиться въ противоположную сторону на Сахалинъ. Это невѣрно, и для возстановленія истины довольно будетъ обратить вниманіе на то, что авторъ днев-

ника состоялъ, какъ и Г. И. Невельской, по особымъ порученіямъ при генералъ-губернаторѣ, слѣдовательно принятіе или непринятіе на себя порученія г. Невельского ѣхать на Сахалинъ, зависѣло отъ него самого. Но предположимъ, что въ видахъ *„успѣха экспедиціи“* на Сахалинъ, какъ говоритъ авторъ, „онъ рѣшился поступить подъ начальство г. Невельского;“ какимъ же образомъ послѣ этого г. Буссе, на стр. 736 и 749 дневника, находитъ, что „распоряженія г. Невельского были недовольно серьезными, такъ, что онъ (г. Буссе) считалъ необходимымъ поставить подлѣ него человѣка благоразумнаго, который непремѣнно взялъ бы верхъ надъ слишкомъ запальчивымъ характеромъ его?....“

Далѣе въ дневникѣ очень много трактуется о безтактности г. Невельского, который основалъ Муравьевскій постъ на Сахалинѣ, у залива Анивы, въ самомъ японскомъ селеніи, тогда какъ было бы, по соображенію г. Буссе, несравненно лучше основать его въ Кусунаѣ, т.-е. пунктѣ, сѣвернѣе котораго японцы не имѣютъ селеній; онъ относится при этомъ критически къ выбору самой мѣстности въ Анивѣ, указанной г. Невельскимъ для Муравьевскаго поста, и находитъ ее неудовлетворительною. Но если г. Буссе былъ приглашенъ г. Невельскимъ въ начальники сахалинской экспедиціи какъ лицо, равное съ нимъ по положенію, хотя и моложе чиномъ, то казалось бы онъ могъ, въ видахъ „успѣха экспедиціи“, болѣе или менѣе измѣнять распоряженія г. Невельского; если же онъ предпочелъ подчиниться его невѣрнымъ соображеніямъ, то очевидно, что самостоятельнымъ человѣкомъ онъ не былъ, а на каждомъ шагу старался себя выгораживать и вовсе не имѣлъ того гражданскаго мужества, которое обязывало бы его открыто избѣгать неудобствъ положенія въ заливѣ Анивѣ Муравьевскаго поста, судя по дневнику его, ему ясно представлявшихся.

Перемѣнить же мѣсто онъ имѣлъ средства, такъ какъ чрезъ два или три дня по уходѣ г. Невельского, явился транспортъ „Иртышъ“, который онъ могъ оставить при себѣ и съ помощію котораго могъ бы изыскать мѣсто въ Анивѣ или гдѣ ему угодно на Сахалинѣ. Но въ томъ-то и дѣло, что люди, которые желаютъ выслужиться и показать одного себя, обыкновенно имѣютъ уловки говорить одно, а дѣлать другое. Мы же можемъ прибавить, что подобная изворотливость едва ли можетъ свидѣтельствовать о рѣшительности и дальновидности, которыя положительно необходимы для лица, взявшаго на себя обязанность быть руководителемъ экспедиціи, какую взялъ на себя г. Буссе *„очень охотно“*. Съ своей стороны относительно выбора мѣстности на Сахалинѣ для устройства поста, о чемъ авторъ такъ много трактуетъ въ запискахъ, мы должны остановить вниманіе читателя на томъ положеніи, въ которомъ русскіе находились въ 1853

—1856 гг. на устьяхъ рѣки Амура и на Сахалинѣ. Для этого мы изложимъ въ краткомъ очеркѣ историческія свѣдѣнія по открытію береговъ Сахалина и амурскаго Лимана, которыя безъ сомнѣнія были извѣстны г. Невельскому и каждому изъ морскихъ офицеровъ, находившихся подъ его начальствомъ.

Вообще открытія и описи Сѣверныхъ береговъ Тихаго Океана, какъ-то Охотскаго моря, Камчатки, Америки, Курильскихъ и Алеутскихъ островоовъ, рѣки Амура и проч., принадлежатъ русскимъ. До 1727 года открытія эти дѣлались сибирскими казаками, а впослѣдствіи экспедиціями, снаряжавшимися нарочно отъ морского вѣдомства; по тѣмъ и другимъ открытіямъ существуютъ нынѣ болѣе или менѣе обстоятельныя описанія, извѣстныя и въ литературѣ. Изъ свѣдѣній этихъ видно, что устье рѣки Амура сдѣлалось извѣстнымъ русскимъ еще въ 1643 году, когда его посѣтилъ Поярковъ съ своими спутниками; берега же острова Сахалина посѣщались въ 1740 и 1742 годахъ Шпанебергомъ и Шельтингомъ, участвовавшими въ Сѣверной или Беринговой экспедиціяхъ [1]); именно Шельтингъ видѣлъ на восточномъ берегу Сахалина подъ параллелью 50° 10′ мысъ, который впослѣдствіи въ атласѣ Крузенштерна названъ „Рымникъ“. Болѣе же точныя географическія свѣдѣнія о Сахалинѣ сдѣлались извѣстны свѣту по изданіи описанія земли Камчатки Крашенинниковымъ въ 1752 году, участвовавшимъ также въ Беринговой экспедиціи [2]). На картѣ, приложенной къ этому сочиненію, мы видимъ Сахалинъ очерченнымъ хотя и несовершенно правильно, однако *не соединеннымъ отмелью съ материкомъ у устья р. Амура.* Французскій мореплаватель Лаперузъ первый изъ европейцевъ въ 1786 году посѣтилъ Татарскій проливъ и прошелъ между Мацмаемъ и Сахалиномъ, по проливу, носящему нынѣ его имя. Лаперузъ останавливался у западнаго берега Сахалина въ трехъ пунктахъ, гдѣ имѣлъ сношенія съ туземцами аинами: у мыса Крильонъ и въ бухтахъ названныхъ имъ d'Estaing и Delangle. Судя по географической широтѣ, данной имъ,—эти послѣднія соотвѣтствуютъ: первая бухтѣ Изыльметьева, а вторая — окрестностямъ Кусутайскаго поста; обѣ эти бухты описаны и названы такъ мною въ 1853 и 1857 годахъ. Нигдѣ въ этихъ мѣстахъ Сахалина Лаперузъ не видалъ присутствія японскихъ селеній.

Хотя капитанъ Крузенштернъ не привелъ въ извѣстность положеніе устья р. Амура, особенно у выхода этой рѣки къ югу, который онъ нанесъ въ свой атласъ *закрытымъ* съ атласовъ своихъ предшест-

---

[1]) Шпанбергъ, капитанъ-командиръ, командовалъ отрядомъ судовъ, посланныхъ изъ Петропавловскаго къ югу для развѣдокъ о Сахалинѣ и Японскихъ островахъ. Шельтингъ былъ мичманъ, командовавшій дубельшлюпкою «Надежда.» Зак. Г. Д. №10.

[2]) Второе изданіе этой книги было въ 1786 году.

венниковъ, Лаперуза и Броутона; но при всемъ томъ самое точное географическое положеніе сѣверной, восточной и южной частей Сахалина сдѣлано этимъ мореплавателемъ. Большая часть восточныхъ береговъ острова и по сіе время еще очерчиваются съ его атласа. Замѣтимъ, что Крузенштернъ, посѣщая въ 1805 году заливъ Аниву, уже засталъ тамъ японскія рыбныя факторіи, но онѣ были основаны лишь незадолго предъ тѣмъ, потому что японцы жили въ совсѣмъ еще новыхъ домахъ.

Въ 1806-мъ году заливъ Анива посѣтилъ, по распоряженію чрезвычайнаго нашего посла въ Японіи, г. Рязанова, на тендерѣ „Авось", лейтенантъ Хвостовъ, опредѣлительно засвидѣтельствовавшій предъ японцами, жившими въ факторіи, принадлежность Сахалина русскимъ. Впослѣдствіи однако, именно въ 1811-мъ году, за это дѣло капитанъ Головнинъ, производившій опись берега на островѣ Кунаширѣ, былъ измѣннически взятъ въ плѣнъ японцами; а послѣ этого происшествія стремленія наши къ занятію Сахалина болѣе не возобновлялись; японскіе же рыбные промыслы распространились по западному, болѣе гостепріимному берегу Сахалина, а именно въ Сирануси, или Нотора, что у мыса Крильонъ, въ заливахъ Идункахъ, что между 47° 05′ и 47° 15′ широты и въ бухтѣ Маука, гдѣ въ 1853 году я нашелъ у нихъ обжитое мѣстечко Нси.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что по праву и времени открытія островъ Сахалинъ, подобно какъ и настоящій юговосточный берегъ Сибири, принадлежалъ Россіи. Японское же правительство ни въ какомъ случаѣ не могло претендовать на него, такъ какъ островъ и посѣщался лишь мацмайскими рыбаками въ одни лѣтніе мѣсяцы и притомъ безъ авторитета и защиты японскаго правительства; на японскихъ картахъ постоянно Сахалинъ носитъ названіе Карафту, т.-е. Китайскій островъ.

Весною 1853 года, предъ занятіемъ Сахалина, Г. И. Невельской осматривалъ восточный берегъ этого острова съ военнаго транспорта „Байкалъ", и, какъ пишетъ въ своемъ дневникѣ и г. Буссе, командировалъ еще для осмотра западнаго его берега г. Орлова съ шестью нижними чинами, между которыми были казаки Дьячковъ и Бережинъ. По этимъ развѣдкамъ и спросамъ отъ торгующихъ гиляковъ безъ всякаго сомнѣнія Г. И. Невельской имѣлъ возможность получить очень вѣрныя понятія о положеніи береговъ Сахалина и, главное, о томъ, что присутствіе тамъ японцевъ не было, какъ и оказалось на дѣлѣ, опасно для насъ. Я помню, какъ въ бесѣдахъ своихъ съ нами, г. Невельской опредѣлительно указывалъ мнѣ и г-ну Буссе на необходимость встать намъ именно въ заливѣ Анива, въ который мы и слѣдовали прямо изъ Петровскаго зимовья. Кромѣ того, онъ же предложилъ утвердиться и у заливовъ Идунокъ, о которыхъ имѣлъ хо-

ропія свѣдѣнія и которые вмѣнилъ мнѣ лично въ непремѣнную обязанность подробно осмотрѣть и описать. Исполнивъ это въ январѣ мѣсяцѣ 1854 года, я потому и назвалъ эти заливы именемъ Невельского,—что онъ былъ дѣйствительнымъ виновникомъ открытія ихъ.

Не трудно понять, какъ послѣ этого непріятно звучитъ рѣчь г. Буссе, который въ своемъ дневникѣ, въ главѣ V, стр. 183, говоритъ, что будто бы *онъ* объяснилъ мнѣ, кáкъ должно дѣлать путешествіе для осмотра берега и гдѣ находятся заливы Идунки.

Онъ повидимому не понялъ, что роль его на Сахалинѣ, какъ старшаго въ чинѣ, но не спеціалиста, состояла въ распоряженіяхъ товарами и людьми; дѣлать же мнѣ какія бы то ни было инструкціи и наставленія въ географическихъ работахъ онъ не могъ уже потому, что самъ не могъ имѣть о нихъ никакого понятія, какъ получившій воспитаніе въ пажескомъ корпусѣ.

По отношенію ко мнѣ роль г. Буссе могла ограничиваться только снабженіемъ меня средствами для экспедицій, и если бы онъ не давалъ мнѣ таковыхъ изъ ввѣреннаго ему склада товаровъ, то я непремѣнно бы достигнулъ того же, хотя бы на собственный счетъ.

Все изложенное здѣсь совершенно подтверждаетъ, что распоряжался при занятіи Сахалина Г. И. Невельской по собраннымъ имъ предварительно свѣдѣніямъ объ этомъ островѣ, и производилъ это совершенно сознательно, а не на авось, какъ это утверждаетъ неоднократно въ дневникѣ своемъ г. Буссе. Особенно, какъ оказалось на дѣлѣ, удачно былъ выбранъ пунктъ для Муравьевскаго поста въ заливѣ Анива, гдѣ имѣли свое мѣстопребываніе японцы. Вслѣдствіе этого нашего выбора мы имѣли ихъ постоянно предъ глазами и получали возможность вмѣшиваться во всѣ дѣла ихъ относительно туземцевъ, аиновъ, которыхъ они держали въ рабствѣ. Г. Буссе переполняетъ свой дневникъ разсказами объ этихъ сношеніяхъ нашихъ съ японцами и аинами, не сознавая повидимому самъ того, что еслибы мы жили не только въ Кусунахъ за 300 верстъ, но даже и въ Анивѣ, но за горою отъ японцевъ, въ пунктѣ, на который указывалъ авторъ дневника, то кромѣ того, что мы были бы въ низменности, окруженной горами, но неизбѣжно оставались бы въ неизвѣстности относительно ихъ поведенія. Онъ какъ бы не видитъ, что живя вдали отъ японцевъ, мы не имѣли бы возможности обезпечить себя отъ нечаяннаго ихъ нападенія, котораго однако самъ онъ ожидалъ, живя даже въ Муравьевскомъ посту, среди японскихъ жилищъ, на которыя были направлены наши орудія. Впрочемъ положеніе наше съ 4-мя орудіями 18-ти фунт. калибра и съ 70-ю матросами и казаками, вооруженными ружьями, тесаками и саблями, и съ полнымъ продовольствіемъ на годъ, было совершенно обезпечено противу совсѣмъ невооруженныхъ, 18 японцевъ и до 2500 аиновъ, разбросанныхъ по 600-верстному про-

странству южной части Сахалина, особенно ежели при этомъ принять во вниманіе существующую ненависть аиновъ къ японцамъ. И если г. Буссе постоянно находился въ ожиданіи нападенія, противъ котораго и устроилъ частоколъ съ бойницами и башнями, изнуривъ тѣмъ людей и развивъ между ними болѣзни, то эти мѣры были только излишнею предосторожностью.

Послѣ этихъ замѣчаній, по предмету общаго интереса, т.-е. объ исторіи занятія нами Сахалина, мнѣ приходится сказать нѣсколько словъ и относительно тѣхъ мѣстъ дневника г. Буссе, гдѣ онъ дѣлаетъ такіе нелестные отзывы о своихъ знакомыхъ на берегахъ Тихаго океана. Здѣсь считаю долгомъ прежде всего сказать, что знакомство мое съ г. Буссе началось въ Аянскомъ портѣ, 20—30 іюня 1853 года, во время стоянки на якорѣ военнаго транспорта „Иртышъ", на которомъ я служилъ тогда. Въ продолженіе двухнедѣльнаго своего пребыванія въ Аянѣ, г. Буссе жилъ и пользовался радушнымъ гостепріимствомъ семейства начальника этого порта, Александра Филипповича Кашеварова. Но обстоятельство это, какъ видно изъ дневника, не помѣшало ему выставить характеръ г. Кашеварова въ самомъ извращенномъ видѣ, несмотря даже на то, что личность эта извѣстна въ нашемъ флотѣ и по заслугамъ, и по своимъ добрымъ качествамъ. Сцены въ домѣ А. Ф. Кашеварова, о которыхъ упоминаетъ г. Буссе, относительно снаряженія сахалинской экспедиціи, обнаруживаютъ только то, что распоряженія главнаго правленія россійско-американской компаніи были неправильны. Служба же г. Кашеварова и кусокъ хлѣба для его семейства непосредственно зависѣли отъ этой компаніи. И капитанъ Невельской, какъ видно изъ записокъ самого же г. Буссе, весьма хорошо все это сознавалъ, а потому цѣнилъ достоинства г. Кашеварова, рѣшившагося, вопреки прямого распоряженія главнаго правленія компаніи, откомандировать хорошій корабль вмѣсто назначеннаго брига „Константинъ", который не могъ даже прибыть въ Аянъ [1]).

Транспортъ „Иртышъ", на которомъ находился я, прошелъ изъ Аяна въ Петропавловскій портъ съ почтою 30-го іюля. Съ нимъ получено было и оффиціальное распоряженіе генералъ-губернатора относительно сформированія команды изъ 100 человѣкъ при *двухъ* флотскихъ офицерахъ въ Сахалинскую экспедицію. И какъ въ наличности не было другихъ въ портѣ офицеровъ, то жребій идти въ экспедицію на Сахалинъ палъ на меня: другого же офицера не было вовсе. Вслѣдствіе этого, съ 1-го по 11-е августа я усердно формировалъ и снаря-

[1]) Это мнѣніе о А. Ф. Кашеваровѣ, его личныхъ достоинствахъ и заслугахъ, высказываетъ также и контръ-адмиралъ Фрейгангъ въ упомянутомъ нами выше своемъ отзывѣ по поводу того же дневника Буссе. — *Ред.*

жалъ команду изъ людей, которыхъ большею частью зналъ, командуя ими предъ тѣмъ зимою.

Г. Буссе изъ Аяна прибылъ въ Петропавловскій портъ на кораблѣ „Николай“ 8 или 9 августа, когда команда изъ матросовъ и казаковъ была уже сформирована и все главное для экспедиціи было готово, придумано и слажено такъ, что въ самый день его пріѣзда мы начали перебираться на корабль „Николай“, назначенный для доставленія отряда въ Петровское зимовье.

При этомъ случаѣ не могу не отнестись съ полною признательностью къ бывшему въ то время въ Камчаткѣ губернаторомъ В. С. Завойко и къ командовавшему 46-мъ флотскимъ экипажемъ К. В. Фрейгангу за то содѣйствіе, которое оказано было мнѣ ими въ этомъ дѣлѣ.

Мы оставили Авачинскую бухту 11-го и прибыли въ Петровское зимовье 26-го августа, гдѣ я и представилъ команду Г. И. Невельскому. Въ дневникѣ же снаряженіе отряда и самой экспедиціи приписывается искусству и заботливости самого г. Буссе, тогда какъ, ни въ этомъ и ни въ другихъ случаяхъ по экспедиціи онъ рѣшительно не принималъ личнаго, самостоятельнаго участія.

Нельзя считать г. Буссе и хорошимъ администраторомъ, по крайней мѣрѣ на Сахалинѣ онъ не имѣлъ случая выказать своихъ административныхъ способностей, такъ какъ управлялъ временно командою уже хорошо сформированною и снабженною, гдѣ администрація велась по указанному порядку, которому равнодушно и слѣдовалъ г. Буссе. Что же касается до административныхъ его дарованій вообще, то въ „Русскомъ Мірѣ“ 1872 года въ №№ 45, 46 и 50 помѣщена статья подъ заглавіемъ: „Путевыя замѣтки при возвращеніи вверхъ по Амуру $2^1/_2$ ротъ Сибирскаго линейнаго баталіона“, гдѣ авторъ статьи и начальникъ этой злосчастной команды говоритъ далеко не въ пользу Буссе.

Приведя разсказъ о томъ, какъ отправленные вверхъ по Амуру солдаты претерпѣли неслыханныя бѣдствія отъ холода и голода, и какъ изъ 400 человѣкъ погибло ихъ около половины, онъ говоритъ:

„Причину бѣдствій, уронившихъ насъ во мнѣніи туземцевъ, слѣдуетъ искать въ излишней и односторонней дѣятельности начальника экспедиціи, подполковника Буссе, преимущественное вниманіе котораго было обращено на два предмета: поспѣшную доставку грузовъ къ устью Амура и возможное сокращеніе казенныхъ расходовъ. Конечно, оба обстоятельства весьма важны и требовали многихъ соображеній; но не лишнее было бы въ то же время подумать и о возвращеніи солдатъ, сплавившихъ почти безвозмездно болѣе 200 тысячъ пудовъ казенныхъ грузовъ. Снабженіе возвращавшихся съ устья Амура войскъ всѣмъ необходимымъ въ пути, повидимому, мало озабочивало начальника экспедиціи. Полушубки и рукавицы для обратнаго похода выданы были послѣднему отряду въ Маріинскѣ по настоянію капитанъ-лейтенанта Чихачева, а винная порція, столько полезная солдату въ

осеннее время, отпущена съ разрѣшенія исправлявшаго должность военнаго губернатора Забайкальской области полковника Корсакова. Гуманный же начальникъ экспедиціи г. Буссе былъ того мнѣнія, что водка—излишество: солдаты могутъ грѣться на веслахъ. Курьезенъ также отвѣтъ г. Буссе подпоручику Логинову, въ вѣдѣніи котораго сплавлялся рогатый скотъ. Недалеко отъ Николаевска Л.... доложилъ, что за неимѣніемъ сухарей солдаты просятъ убить быка.—„Какъ можно, отвѣчалъ Буссе, я обязанъ сдать то число быковъ, какое значится у меня въ вѣдомости". Еще замѣчательно одно обстоятельство. Всѣ распоряженія о возвращеніи войскъ въ устья Амура носили на себѣ какой-то таинственный отпечатокъ. Къ совѣщанію о распредѣленіи по карауламъ продовольствія, не сочли даже нужнымъ пригласить командировъ 13-го и 14-го линейныхъ баталіоновъ. Эта самонадѣянность г. Буссе въ такомъ серьезномъ дѣлѣ можетъ быть объяснена только *эгоистическимъ желаніемъ г. Буссе приписать себѣ одному успѣшное окончаніе экспедиціи.* Когда же экспедиція завершилась катастрофой, едвали не безпримѣрной въ сухопутномъ войскѣ въ мирное время, — г. Буссе хранилъ глубокое молчаніе о возвращеніи по Амуру войскъ и при случаѣ старался сложить отвѣтственность въ потерѣ солдатъ на отрядныхъ начальниковъ. Но уловка эта осталась безплодной. Никогда бы возвращеніе войскъ съ Амура не сопровождалось бѣдствіями, — если бы маршрутъ былъ составленъ съ толкомъ; но маршрута вовсе не было".

Въ свою очередь я помню также обстоятельство, не рекомендующее административныя качества г. Буссе. При сборѣ сахалинской команды въ Петропавловскомъ портѣ мною былъ поданъ совѣтъ взять съ собою медика, на что изъявилъ согласіе В. С. Завойко, и указалъ на М. П. Давыдова. Но такъ какъ денежныя средства были отпущены авансомъ г-ну Буссè, и какъ по собственнымъ словамъ онъ не готовился самъ лично на Сахалинъ, то и нашелъ ихъ недостаточными для содержанія медика, хотя присутствіе послѣдняго, сверхъ гигіеническихъ цѣлей, вызывалось необходимостью изслѣдованія на Сахалинѣ флоры и фауны. Теперь предоставляю читателю судить о моемъ удивленіи, когда въ дневникѣ на страницѣ 175-й, я нахожу упрекъ лицамъ, снаряжавшимъ экспедицію, какъ это „они могли отправить сто человѣкъ безъ врача?"

Сколько я могу понять, соображенія, которыми руководствовался Г. И. Невельской, назначая г. Буссе на Сахалинъ, происходили единственно отъ того, что требовалось при ста человѣкахъ команды имѣть непремѣнно двухъ офицеровъ, а какъ изъ Камчатки прибылъ только я одинъ, другого же кромѣ г. Буссе въ распоряженіи Г. И. Невельского не было, то и случилось такъ, что будучи чиномъ ниже г. Буссе, я имѣлъ несчастіе по порядку службы подчиниться ему. Но ни въ какомъ случаѣ я не могу допустить, чтобы, какъ говорится на стр. 736-й дневника въ выноскѣ г. Буссе, обязанности, которыя возлагались на него, не могли быть во всѣхъ отношеніяхъ съ выгодою возложены

на меня, или на кого-либо изъ морскихъ офицеровъ, бывшихъ въ составѣ амурской экспедиціи. Обязанности какъ мои, такъ и г. Буссе, опредѣлялись очень просто сами собою нашими профессіями. Онъ сталъ начальникомъ поста и команды, которую я ему сдалъ, по прибытіи на Сахалинъ; мнѣ же предстояло дѣлать изслѣдованіе страны и безпрерывныя по сему предмету путешествія и занятія,—которымъ я и отдался всею душею, такъ что изъ 250-ти дней, проведенныхъ мною въ сахалинской экспедиціи, оставался въ постѣ съ г. Буссе только 110 дней, а все остальное время провелъ въ разъѣздахъ.

Конечно, отъ г. Буссе совершенно зависѣла большая или меньшая степень моей къ нему преданности, которую ему легко было возбудить, находясь со мною въ непрерывныхъ сношеніяхъ. Но къ сожалѣнію таковой не было вызвано...

Какъ амурская, такъ и сахалинская экспедиціи считались тайною, и ни мнѣ, ни г. Буссе не было извѣстно при сборахъ о предстоящихъ дѣйствіяхъ. Однако, между прочимъ, я запасся въ Петропавловскомъ портѣ. пель-компасомъ и имѣлъ секстанъ и искусственный горизонтъ, — эти послѣдніе мнѣ одолжили собственные свои Петръ Ѳедоровичъ Гавриловъ и Дмитрій Ивановичъ Орловъ, о которыхъ тоже не лестно упоминается въ дневникѣ г. Буссе. Термометры я имѣлъ свои собственные, по которымъ, по моему указанію, и велъ аккуратно журналъ, въ мое отсутствіе, наблюдавшій г. Буссе. Вообще эти инструменты дали мнѣ средства не только не оставаться празднымъ, но быть полезнымъ экспедиціи. Здѣсь позволяю себѣ сказать, что южная часть Сахалина между 46° и 48° параллелями широты, на протяженіи болѣе 600 верстъ, была въ эту экспедицію пройдена мною или на гребномъ суднѣ, или же на собакахъ, при чемъ сдѣлано подробное изслѣдованіе его въ географическомъ, статистическомъ и климатическомъ отношеніяхъ. И эти изслѣдованія, если не ошибаюсь, остаются и по сіе время немного чѣмъ пополненными[1]). Въ

---

[1]) Мои метеорологическія наблюденія вошли въ составъ «Очерка физической географіи Сѣверо-Японскаго моря», Академика Шренка, 1869 года.

Записки по статистикѣ и этнографіи между прочимъ вошли «въ историческій обзоръ образованія Россійской Американ. Компаніи» Тихменева, въ 1866 и 1863 году.

Записки по гидрографіи и метеорологіи вошли въ руководство для плаванія Татарскимъ или Сахалинскимъ проливомъ и устьемъ рѣки Амура 1865 г., изданіе Гидрографическаго Д-та.

По моимъ картамъ отпечатаны въ 1867 году Гидрографическимъ Д-мъ Меркаторскія карты средней и южной части Сахалина.

Труды свои по гидрографіи, метеорологіи и статистикѣ мною представлялись въ 1854 году въ іюлѣ графу Путятину; 1854 года въ августѣ Александу Филипповичу Кашеварову для передачи Главному Правленію Россійско-Американской Компаніи; г-ну Буссе въ разное время для пересылки Г. И. Невельскому и графу равьеву-Амурскому.

самомъ дневникѣ г. Буссе многое основано на моихъ разсказахъ и запискахъ, — или же прочитано имъ изъ запаса моихъ книгъ; даже запасы жизненныхъ припасовъ, безъ которыхъ было трудно обойтись въ неизвѣстной сторонѣ, сдѣланные мною въ Камчаткѣ и въ Аянѣ лично для себя, послужили въ общую нашу пользу. Все это требовало съ моей стороны не только простого усердія, но и особой энергіи, которая не нуждалась въ побужденіяхъ со стороны г. Буссе. На какомъ же основаніи г. Буссе, на стран. 163-й и въ другихъ мѣстахъ своего дневника, намекаетъ, что онъ внушилъ мнѣ охоту къ дѣлу и что онъ понуждалъ меня и давалъ даже мнѣ инструкціи, ка́къ дѣлать путешествія?! Ужъ не на томъ ли, что я просилъ его взять назадъ предписаніе для поѣздки по р. Сусуѣ, которое онъ прислалъ мнѣ запечатаннымъ въ конвертѣ, несмотря на то, что мы жили съ нимъ въ одномъ на двухъ квадратныхъ саженяхъ домѣ! Дѣйствительно, оставивъ эти документы на столѣ у г. Буссе, я тѣмъ только и отдѣлался впередъ отъ подобной его докучливости.

Вліяніе г. Буссе на японцевъ и аиновъ, о которомъ онъ самъ такъ много говоритъ, было въ дѣйствительности совершенно незначительно, что и доказывается въ V главѣ на стр. 169 и 172 собственными его разсказами,—какъ пьяный японскій слуга садился на плечи автора верхомъ; а въ другой разъ какъ аинская чета, подъ его окномъ, на виду часового, отдала долгъ природѣ.

Удачно поставленный постъ сдѣлалъ насъ полными хозяевами Сахалина. Послѣ чего не требовалось никакихъ хитростей и политики съ нашей стороны.

Насъ посѣщали японцы и аины, мы бывали у нихъ изъ взаимнаго любопытства и по потребности общежитія; а между тѣмъ г. Буссе придаетъ тому и другому какую-то, по истинѣ, японскую важность. За всѣмъ этимъ у насъ оставалось еще очень много празднаго времени, на что на стр. 176-й дневника жалуется и авторъ.

Въ поѣздки мои по Сахалину я успѣлъ познакомиться не только съ каждымъ селеніемъ, но не было даже семейства, которое меня не знало и не получало какой-нибудь бездѣлицы, что привязывало ихъ ко мнѣ; они пріѣзжали къ намъ и мы вели съ ними, по существу, пустые переговоры.

Въ путешествіяхъ своихъ я имѣлъ съ собою оружіе: кортикъ и два карманные пистолета, которыхъ пули далѣе пяти шаговъ не брали; кромѣ этого имѣлъ двухствольное ружье, которое я употреблялъ для пріобрѣтенія рябчиковъ и куропатокъ. Болѣе мирнаго и скромнаго населенія, какое мы встрѣтили на южной части Сахалина, быть не можетъ. Проѣзжая по западному берегу Сахалина, и отыскивая японскія селенія, сначала я было-опасался входить въ тѣ изъ нихъ, которыя мнѣ казались многолюдными. Опасенія эти, какъ

оказалось впослѣдствіи, были напрасны; ибо меня и ѣхавшаго со мною Березкина въ самомъ многолюдномъ изъ мѣстныхъ селеній, — Маукѣ, при нашемъ къ нему приближеніи—все населеніе его вышло къ намъ на встрѣчу — аины и японцы, число которыхъ приблизительно доходило до 500 челов., при встрѣчѣ насъ стояли на колѣняхъ по обѣимъ сторонамъ дороги и по обычаю своему кланялись въ ноги.

На основаніи этого опыта, въ третью мою экспедицію на Сахалинъ, дѣланную мною лѣтомъ въ 1857 году, для основанія Кусутайскаго поста, я ограничивался 16-ю матросами, помѣщаясь въ двухъ палаткахъ по морскому берегу. При всемъ очевидномъ нашемъ безсиліи противу японцевъ и аиновъ собравшихся здѣсь до 600 человѣкъ, мы были однако господами и сдѣлали все, что только желали. Высказываю какъ это, такъ и все прочее открыто, потому что, благодаря Бога, еще живы тѣ, которые могутъ подтвердить мои слова и вообще подать свой отзывъ за и противъ моей и г. Буссе дѣятельности и нравственныхъ качествъ. Всѣ повѣствованія г. Буссе о неудовлетворительности въ стратегическомъ и политическомъ отношеніяхъ мѣстности бывшаго нашего Муравьевскаго поста, о политическихъ его сношеніяхъ съ туземцами, коими вообще переполняется его дневникъ, могли лишь утѣшать одно праздное воображеніе мизантропа-автора, находившагося на Сахалинѣ неожиданно въ зиму съ 1853 на 1854 годъ.

На картѣ Сахалина изъ атласа Крузенштерна видно, что восточный берегъ залива Анива остался не осмотрѣнъ; поэтому конечно всякій морской офицеръ, поставленный въ мое положеніе, считалъ бы себя обязаннымъ дополнить труды знаменитаго мореплавателя. Случай этотъ палъ на меня, я и вмѣнилъ себѣ въ обязанность исполнить это. Какимъ же образомъ г. Буссе послѣ этого и сказаннаго выше могъ *отправить* меня и вообще *понуждать* къ дѣлу, мнѣ остается совершенно непонятнымъ; очевидно, что авторъ изъ непріязни ко мнѣ и изъ себялюбія старался во всемъ брать починъ на себя.

На восточномъ берегу залива Анива въ широтѣ 46° 30′ дѣйствительно открыта была г. Самаринымъ[1]) бухта Тообучи, представлявшая удобства для зимовки судовъ; бухта эта названа была г. Самаринымъ „гаванью Буссе"; осмотрѣвъ ее и сдѣлавъ ей опись, я оставилъ при ней и названіе, данное ей г. Самаринымъ, хотя г. Буссе и не имѣлъ никакого права на таковое къ нему вниманіе. И тѣмъ менѣе еще, что, какъ оказалось потомъ, эта гавань посѣщалась амери-

[1]) Главный прикащикъ или пакгаузный при товарахъ Рос. Ам. Компаніи, бывшихъ на Сахалинѣ въ экспедиціи.

канскими китоловными кораблями и извѣстна въ гидрографіи подъ названіемъ „двѣнадцати-футовой гавани“.

Что касается до описи западнаго берега Сахалина и открытія на немъ бухтъ Идунакъ, между которыми Такмаку и Мауку, каковые г. Буссе приписываетъ собственнымъ его распоряженіямъ,—то это положительно невѣрно; въ этомъ дѣлѣ онъ не только не принималъ никакого полезнаго участія, но напротивъ мѣшалъ дѣлу.

Въ началѣ VII-й главы своего дневника, г. Буссе дѣлаетъ обзоръ случившагося во время нашего пребыванія на Сахалинѣ возстанія аиновъ противъ японцевъ, которое происходило при нашей высадкѣ и въ присутствіи Г. И. Невельского, который непосредственно и принялъ участіе въ дѣлѣ, т.-е. поручилъ мнѣ, тогда непосредственно завѣдывавшему командою, поставить къ японскимъ сараямъ часовыхъ. Это возстаніе заключалось въ томъ, что по уходѣ японцевъ, аины вошли въ ихъ сараи съ рисовой водкой и перепились до пьяна. Подозрѣвая руководителемъ въ этомъ дѣлѣ аина Испонку, Г. И. Невельской арестовалъ его и въ разговорѣ съ нимъ взялъ его за густую окладистую бороду; дикарь при этомъ выдернулъ изъ-за кушака свой ножъ и бросился-было на г. Невельского, но былъ при этомъ удержанъ;— дикарь этотъ скрылся изъ поста и возвратился уже недѣли черезъ двѣ вмѣстѣ съ японцами. Этимъ собственно и кончилось возстаніе, о которомъ г. Буссе тоже не преминулъ сказать, что аины разграбили бы все японское имущество, если бы не видѣли, что это ему (г. Буссе) не нравится.

Въ дневникѣ г. Буссе не видно конца Сахалинской экспедиціи, т.-е. снятія Муравьевскаго поста, что̀ было сдѣлано противъ мнѣнія г. Невельского *).

Въ 1854-мъ году, восточная война застала насъ на юго-восточныхъ берегахъ Сибири въ расплохъ: графъ Путятинъ, прибывъ въ „Императорскую“ гавань изъ Японіи съ фрегатомъ „Паллада“ и прочими судами его эскадры, находившимися при немъ во время его посольской миссіи,—предположилъ сосредоточить здѣсь всѣ разсѣянные наши суда и посты. Вслѣдствіе этого въ Муравьевскій постъ прибылъ съ транспортами „Двина“, „кн. Меньшиковъ“ и „Иртышъ“ Константинъ Николаевичъ Посьетъ [1]). Не зная обстоятельно, угодно ли будетъ генералъ-губернатору графу Муравьеву-Амурскому упразднить Муравьевскій постъ, г-нъ Посьетъ обратился съ подобнымъ предложеніемъ къ г. Буссе; въ случаѣ же если онъ найдетъ это предположеніе графа Путятина согласнымъ съ видами генералъ-губернатора, тогда

---

*) Окончаніе дневника г. Буссе готовится къ печати и выйдетъ въ непродолжительномъ времени. — *Ред.*

[1]) Начальникъ штаба эскадры графа Путятина или флагъ-капитанъ.

постъ требовалось немедленно снять. Конечно, въ этомъ обстоятельствѣ положеніе г. Буссе, имѣвшаго непосредственныя указанія и предписанія Г. И. Невельского, было затруднительно, такъ какъ мнѣ извѣстно было изъ словъ Г. И. Невельского, что Муравьевскій постъ ни подъ какимъ видомъ изъ Анивы снимать не слѣдовало; въ крайнемъ же случаѣ, требовалось удалить его отъ берега во внутренность острова.

Г. Буссе изъ этого обстоятельства вышелъ слѣдующимъ образомъ: онъ предложилъ его рѣшить въ общемъ собраніи К. Н. Посьета, командира транспорта „Двина" Александра Александровича Васильева, командира транспорта „Иртышъ" Петра Өедоровича Гаврилова и, помнится мнѣ, командира барка „Кн. Меньшикова", И. В. Фуругельма, которые вообще, не зная предположеній г. Невельского по сему предмету, пришли къ заключенію о снятіи Муравьевскаго поста.

Не успѣли мы еще потерять изъ виду оставленныхъ нами въ Анивѣ жилищъ, какъ увидѣли пламя, пожирающее ихъ, а съ ними и всѣ труды и успѣхи наши по занятію Сахалина, и только лишь чрезъ 17 лѣтъ послѣ этого событія мы снова видимъ въ заливѣ Анива поставленнымъ Муравьевскій постъ, и какъ кажется, въ заливѣ Тообучи. Но при разрѣшеніи этого вопроса не было обращено вниманія на то, что передвинувъ Муравьевскій постъ внутрь острова, какъ я думалъ, на истокъ р. Сусуи, гдѣ ставя его въ совершенную безопасность мы сохранили бы тѣмъ наше вліяніе надъ японцами и при этомъ, самое важное, дали бы возможность ему благоустроиться десятью или пятнадцатью годами ранѣе.

Въ концѣ дневника г. Буссе разсказываетъ о русской азбукѣ, написанной на японской бумагѣ, найденной въ селеніи Лютога, что въ заливѣ Томари Анива, при устьѣ рѣчки того же имени, у котораго стоялъ на якорѣ Крузенштернъ.

Эту рукопись я видѣлъ; она принадлежала японцамъ и не скрывалась хозяиномъ юрты аиномъ, гдѣ я останавливался. Надобно думать, что она писана кѣмъ-либо изъ русскихъ, бывшихъ здѣсь не задолго до насъ. Кто же именно писалъ эту азбуку съ японскими переводами противъ каждой буквы и слога,—составляло вопросъ крайне загадочный и интересный для насъ, котораго однако я не могъ разъяснить, несмотря на всѣ принимавшіяся мною къ тому мѣры; вѣроятно, это были выходцы изъ Восточной Сибири, или они принадлежали къ экипажу погибшаго безъ вѣсти въ 1851 году въ Охотскомъ морѣ военнаго транспортнаго брига „Курилъ", или разбившагося близъ мыса Лопатки бота „Анадырь". Свѣдѣнія объ этой рукописи были принесены къ намъ въ Муравьевскій постъ однимъ изъ казаковъ, которые посылались на Лютогу на охоту за оленями. Самая рукопись, сколько мнѣ помнится, была отправлена мною къ г. Буссе съ нароч-

нымъ аиномъ. По снятіи, въ 1854 году, Муравьевскаго поста, я съ своей командой на транспортѣ „Двина“ прибылъ въ „Императорскую“ гавань, гдѣ находился въ то время графъ Путятинъ съ его эскадрой, состоящей изъ фрегата „Паллада“, корвета „Оливуца“, барка „Кн. Меньшиковъ“, шхуны „Востокъ“, сибирской флотиліи военныхъ транспортовъ „Иртышъ“ и „Двина“ и корабль „Николай“.

Графъ Путятинъ, узнавъ объ этой азбукѣ, выразилъ желаніе ее видѣть; такъ какъ она находилась въ числѣ бумагъ и документовъ по Сахалинской экспедиціи, принятыхъ мною отъ г. Буссе, то я, доставъ ее, передалъ К. Н. Посьету, вопреки желанію г. Буссе, который почему-то и въ этомъ случаѣ противорѣчилъ мнѣ и никакъ не хотѣлъ этого сдѣлать.

Ограничиваясь такими фактическими указаніями, я оставляю безъ возраженія тѣ отзывы о моемъ характерѣ и лицѣ, которыми думалъ оскорбить меня авторъ дневника. Пусть тѣ, которые знали лично въ ту эпоху и автора, и меня, рѣшатъ безпристрастно, для кого эти отзывы болѣе оскорбительны и кого они болѣе унижаютъ — того ли, кто ихъ высказалъ, или того, о комъ они были высказаны? Совѣсть моя дозволяетъ мнѣ спокойно ожидать приговора своихъ сослуживцевъ, значительная часть которыхъ живетъ еще между нами; они одни могутъ не стѣсняться ни тѣмъ обстоятельствомъ, что авторъ умеръ, ни тѣмъ, что оскорбленное имъ лицо продолжаетъ жить и дѣйствовать: мы оба жили и дѣйствовали нѣкогда на ихъ глазахъ, и слѣдовательно судъ надъ нами обоими принадлежитъ имъ. Личное мнѣніе Буссе обо мнѣ, какъ и мое личное мнѣніе о Буссе, ни для кого не было бы убѣдительно, а сверхъ того, я никогда не позволилъ бы себѣ высказывать свое личное мнѣніе о противникѣ теперь, когда его нѣтъ въ живыхъ. Право судить Буссе, повторяю, можетъ принадлежать постороннимъ, и именно потому, что онъ самъ съ излишнею смѣлостью взялъ на себя право судить другихъ.

Н. Рудановскій.

ИЗВѢСТІЯ

ПРИГЛАШЕНІЕ

Пустынскаго Успенскаго Церковнаго Братства Могилевской Епархіи.

Братство утверждено 16-го февраля 1869-го года и дѣйствуетъ съ 1870-го года. Всѣмъ извѣстны—поразительная бѣдность, неразвитость и грубость нравовъ православныхъ крестьянъ западно-русскаго края. Въ виду того Братство поставило своею главною задачею утверж-

деніе добрыхъ нравовъ и трудолюбія въ крестьянскихъ селеніяхъ Могилевской губерніи и преимущественно Мстиславскаго уѣзда.

Въ короткое время своего существованія Братство успѣло: 1) устроить при Пустынскомъ монастырѣ *училище-пріютъ* для бѣдныхъ крестьянскихъ дѣтей и сиротъ: въ текущемъ году 73 мальчика на лицо; желая расширить кругъ дѣятельности училища, Братство представило въ февралѣ 1872-го г. проектъ трехкласснаго училища на 100 учениковъ, и ждетъ его утвержденія; 2) составило проектъ устава *сельскаго ссуднаго Товарищества* на паяхъ съ цѣлью освобожденія крестьянъ отъ лихоимства ростовщиковъ, и получило, 31-го дек. 1871 г., приглашеніе отъ г. министра финансовъ заняться приведеніемъ въ исполненіе своего предположенія, составивъ отдѣльный уставъ для каждаго товарищества и представивъ тѣ уставы въ министерство финансовъ для утвержденія, по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ; 3) съ цѣлью освободить крестьянъ отъ скупщиковъ сельскихъ продуктовъ, Братство составило проектъ Мстиславскаго Товарищества *„Общественное Благо"*, которое принимало бы на коммиссію отъ крестьянъ ихъ продукты и продавало бы имъ необходимые предметы добраго качества и по дешевой цѣнѣ; проектъ устава представленъ на утвержденіе г. губернатора 22-го авг. 1871, и ожидается его утвержденіе; 4) огромное количество кабаковъ развили въ народѣ пьянство, которое производитъ въ крестьянахъ такую гибель и разрушеніе, что всѣ мѣры къ прекращенію этого ужаснаго общественнаго зла остаются недѣйствительными, а потому Братство нашло необходимымъ учредить по волостямъ *общества трезвости*, и съ этою цѣлью представило 22-го авг. 1871-го г., проектъ устава такихъ обществъ на утвержденіе, которое также ожидается.

Всѣ такія дѣйствія Братства, на пути служенія своему святому дѣлу, встрѣчаютъ много затрудненій и со стороны неразвитости крестьянина и отъ противодѣйствія низшаго еврейскаго сословія, и по скудости собственныхъ средствъ, и отъ многихъ другихъ причинъ. Отъ усердія русскаго общества зависитъ устранить одно изъ тѣхъ препятствій, а именно скудость средствъ Братства. Всякая лепта усердія, адресованная: „Въ Совѣтъ Пустынскаго Свято-Успенскаго Братства, въ г. Мстиславлѣ, Могилевской губерніи", — будетъ принята Братствомъ съ искреннею благодарностью, а имя жертвователя внесется въ помянникъ Братства.

Предсѣдатель Совѣта Братства

Архимандритъ Анатолій.

М. Стасюлевич

БИБЛОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Сочиненія Державина, съ объяснительными примѣчаніями *Я. Грота*. Изданіе Академіи Наукъ. Спб. 1872. Стр. 757.

Вышедшимъ нынѣ седьмымъ томомъ заключается полное собраніе сочиненій Державина; восьмой и послѣдній томъ будетъ занятъ его біографіею, для которой, какъ видно изъ предисловія къ тому VII, матеріалы уже собраны, а отчасти и разработаны. Безъ сомнѣнія, ни одинъ изъ русскихъ писателей не имѣетъ для своихъ трудовъ такого изданія, какимъ почтила Державина наша Академія Наукъ. При этомъ Я. К. Гротъ, можно сказать, далъ намъ теперь образецъ того, какъ должны выполняться подобныя предпріятія, чтобы стоять на одномъ уровнѣ съ такими же изданіями за-границей. Нынѣшній выпускъ заключаетъ въ себѣ сочиненія въ прозѣ, относящіяся къ эпохѣ Пугачевщины и характеризующія гражданскую дѣятельность Державина, его «мнѣнія», «проекты», «распоряженія», «объясненія» и т. п. До какой степени интересенъ этотъ отдѣлъ почти «служебной» литературы, можно судить, напр., по рѣчи однодворца Захарьина (Державинъ) при открытіи народнаго училища въ Тамбовѣ (стр. 129), гдѣ онъ излагаетъ взгляды того времени на народное образованіе и превозноситъ Екатерину II, обратившую «взоръ свой на простой народъ, не взирая на адскую политику коварныхъ умовъ, что ни обогощать, ни научать черни не должно»; или: «мнѣніе объ отвращеніи въ Бѣлоруссіи голода и устройствѣ быта евреевъ»; или: «мечты о хозяйственномъ устройствѣ военныхъ силъ въ Россіи», и мн. др. Томъ заключается отдѣломъ литературныхъ сочиненій, гдѣ особенно любопытны взгляды Державина на то, что составляетъ достоинства государственнаго человѣка. Тутъ же помѣщенъ и державинскій переводъ воззванія къ жителямъ остзейскихъ провинцій, напечатанный въ «Вѣстникѣ Европы» 1812 года. Надобно надѣяться, что наша Академія Наукъ не ограничится изданіемъ сочиненій одного Державина и перейдетъ къ другимъ русскимъ классическимъ писателямъ. Совѣстно и подумать, въ какомъ положеніи находится у насъ изданіе, напримѣръ, Пушкина. Академія Наукъ не была бы въ убыткѣ, еслибы даже сдѣлала пожертвованіе на выкупъ изъ неволи нашего лучшаго поэта, который составляетъ вмѣстѣ и нашу славу, и нашъ стыдъ, если взять въ руки обращающееся въ публикѣ послѣднее изданіе его сочиненій.

Евреи въ Россіи. Очерки и изслѣдованія *И. Г. Оршанскаго*. Спб. 1872. Выпускъ первый. Стр. 233.

Державинъ, въ своемъ «мнѣніи о евреяхъ», изложенномъ въ 1800 году, приводитъ различные авторитеты по тому же предмету, и между прочимъ отзывъ о евреяхъ гр. Чернышева, ген.-губ. въ Бѣлоруссіи: «Жиды умны, проницательны, догадливы, проворны, учтивы, услужливы, трезвы, воздержны, скромны, не сластолюбивы и пр.; но съ другой стороны, неопрятны, вонючи, праздны, лѣнивы, хитры, любостяжательны, пронырливы, коварны, злы и т. п.» Этотъ отзывъ—ключъ къ т.-н. еврейскому вопросу: первыя качества евреевъ таковы, что они могли бы украсить собою любого православнаго; вторыя же — очевидно, продуктъ экономическаго и гражданскаго быта евреевъ, а слѣдов. зависятъ не столько отъ евреевъ, сколько отъ условій, въ которыя они поставлены; такими качествами отличались и греки подъ турецкимъ владычествомъ, не смотря на то, что были христіане. Вотъ, потому Державинъ справедливо заключаетъ, что необходимо «устроить евреевъ политически и нравственно, подобно просвѣщеннымъ народамъ». Эту же азбучную истину старается доказать и г. Оршанскій; если же онъ грѣшитъ тѣмъ, что иногда слишкомъ усердно доказываетъ очевидное, то его можетъ отчасти оправдывать слишкомъ усердное сомнѣніе противниковъ. Достаточно указать, что «еврейскій вопросъ» существуетъ только у насъ, да пожалуй еще въ Бессарабіи; еслибы бѣда была въ самихъ евреяхъ, то такой бы вопросъ существовалъ бы и въ Англіи, и въ Германіи, и вездѣ.

Древняя русская литература, отъ начала грамотности до Ломоносова, съ приложеніемъ «очерка русской народной литературы». *В. Водовозова*. Спб. 1872. Стр. 350.

Авторъ предназначаетъ свой трудъ для народныхъ учителей и съ этою цѣлью заботится главнымъ образомъ о томъ, чтобы дать въ руки читающему какъ можно болѣе матеріала въ формѣ отрывковъ изъ древнихъ писателей или обстоятельнаго изложенія содержанія ихъ сочиненій. Съ этою же цѣлью авторъ располагаетъ матеріалы не по періодамъ, а по родамъ сочиненій. При всемъ добромъ намѣреніи автора, мы находимъ однако, что онъ недостаточно приблизилъ свой трудъ къ характеру христоматіи и недостаточно удалилъ резонированіе, какъ того самъ, очевидно, желалъ, когда говорилъ въ предисловіи: «и заботился о возможной простотѣ и популярности изложенія, чему много способствовало и содержаніе нашей древней литературы, еще не богатой *идеями*». Много ли пойметъ приготовляющійся, но еще не приготовленный читатель, если мы скажемъ ему, приведя нѣсколько строчекъ изъ Крижанича о турецкихъ грекахъ: «Изъ этого видно, какъ въ XVII-мъ вѣкѣ уже исказилось византійское вліяніе, которое вначалѣ могло быть просвѣтительнымъ, и русскій человѣкъ со своимъ медлительнымъ умомъ долженъ былъ напоминать неподвижныхъ азіатцевъ». Между тѣмъ изъ вышеприведенныхъ авторомъ словъ Крижанича ничего подобнаго не видно. Въ сочиненіяхъ популярныхъ не должно быть и слѣда докторальности.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

ПОДПИСКА НА „ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ"

НА **1872**-ОЙ ГОДЪ

ЗА РАСХОДОМЪ ВСѢХЪ ПОЛНЫХЪ ЭКЗЕМПЛЯРОВЪ

ПРЕКРАЩЕНА.

ДЛЯ ИНОГОРОДНЫХЪ ПОДПИСЧИКОВЪ:

1. — «ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ» выходитъ перваго числа ежемѣсячно, отдѣльными книгами, отъ 25 до 30 листовъ: два мѣсяца составляютъ одинъ томъ, около 1000 страницъ—шесть томовъ въ годъ. Для иногороднихъ подписчиковъ, книги сдаются въ Газетную Экспедицію въ теченіи первыхъ семи дней мѣсяца въ установленномъ порядкѣ трактовъ. Журналъ доставляется на почту съ адрессомъ подписчика, въ особой обложкѣ и съ двойною бандеролью, бумажною и веревочною.

2.—*ПЕРЕМѢНА АДРЕССА* сообщается въ редакцію такъ, чтобы извѣщеніе могло поспѣть до сдачи книги въ Газетную Экспедицію. За невозможностью извѣстить редакцію своевременно, слѣдуетъ сообщить мѣстной Почтовой конторѣ свой новый адрессъ для дальнѣйшаго отправленія журнала, а редакцію извѣстить о перемѣнѣ адресса для слѣдующихъ нумеровъ. При перемѣнѣ адресса, необходимо указывать мѣсто прежняго отправленія журнала, и съ какого нумера начать перемѣну.

Примѣчаніе. — По почтовымъ правиламъ, городскіе подписчики, переходя въ иногородные, прилагаютъ 1 р. 50 к. а иногородные—въ городскіе 50 коп.

3.—*ЖАЛОБА*, въ случаѣ неполученія книги журнала въ срокъ, препровождается прямо въ Редакцію, съ помѣщеніемъ на ней свидѣтельства мѣстной Почтовой Конторы и ея штемпеля. По полученіи такой жалобы, Редакція немедленно представляетъ въ Газетную Экспедицію дубликатъ для отсылки съ первою почтою; но безъ свидѣтельства Почтовой Конторы, Газетная Экспедиція должна будетъ предварительно списаться съ Почтовою Конторою, и Редакція удовлетворитъ только по полученіи отвѣта послѣдней.

Примѣчаніе.—Жалоба должна быть отправляема никакъ не позже полученія слѣдующаго нумера журнала; въ противномъ случаѣ, редакція лишится возможности удовлетворить подписчика.

М. Стасюлевичъ
Издатель и отвѣтственный редакторъ.

РЕДАКЦІЯ «ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ»: Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА: Невскій просп., 30.

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.